

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

**ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
К 30-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ
НАН БЕЛАРУСИ**

**Материалы Международной
научно-практической конференции**

г. Минск, 5-6 ноября 2020 г.

Минск
2020

УДК 082
ББК 94
С 69

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института социологии НАН Беларуси

Редакционная коллегия:

Безнюк Д.К. (главный редактор); Кудревич М.А. (ответственный редактор); Пушкевич С.А.;
Цыбульская Н.В.; Черняк Ю.Г.; Шкурова Е.В.; Яковлева В.В.

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор А.В. Рубанов
доктор социологических наук, профессор Д.Г. Ротман

Б 43 Традиции и перспективы развития белорусской социологии : к 30-летию Института социологии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 5-6 ноября 2020 г. / НАН Беларуси, Институт социологии ; ред.кол. : Безнюк Д.К. (гл.ред.) [и др.]. – Минск : ДОНАРИТ, 2020. – 294 с.

ISBN 978-985-7172-02-3.

Сборник включает доклады и выступления известных белорусских и зарубежных социологов, экономистов, культурологов, историков и науковедов, принимавших участие в Международной научно-практической конференции, которая проводилась в Институте социологии НАН Беларуси 5-6 ноября 2020 года. В представленных статьях рассматриваются наиболее актуальные и значимые проблемы развития современного белорусского, российского и украинского обществ.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, а также для всех, кто интересуется вопросами развития науки и высшей школы на современном этапе.

УДК 082
ББК 94

Конференция проведена в рамках выполнения Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016-2020гг.; Подпрограмма 3 «Социология и философия». Раздел 1 «Социология».

ISBN 978-985-7172-02-3

© Институт социологии НАН Беларуси, 2020
© Оформление обложки Я.Р. Зажецкий

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ, АКАДЕМИКА
ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА ГУСАКОВА**

Уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на открытии нашей традиционной социологической конференции и от души поздравляю коллектив Института социологии с юбилеем!

Сегодня Институт социологии Национальной академии наук Беларуси – ведущее научно-исследовательское учреждение страны в сфере фундаментальных и прикладных социологических исследований. За 30 лет ваш коллектив достиг значительных успехов в научной и инновационной деятельности и внес весомый вклад в развитие белорусской социологической науки.

Именно в стенах Института были заложены основные исследовательские направления и научные школы, которые сегодня составляют ядро белорусской социологии. Это известная школа по анализу социальных конфликтов и катастроф академика Е.М. Бабосова, экономической социологии и социологии труда профессора Г.Н. Соколовой, школа в области науковедения и социологии науки, основанная профессором Г.А. Несветайловым, школа теории и методологии социологических исследований и социологии социальной сферы профессора С.А. Шавеля.

Тематика научных исследований ученых-социологов охватывает широкий спектр тем – от фундаментальной социальной теории до проблем совершенствования процедур социологического исследования. Особого внимания заслуживает созданная коллективом Института система социологического мониторинга, которая позволяет держать руку на пульсе социально-экономической и социально-политической жизни нашего общества и способствует принятию научно-обоснованных управленческих решений.

За 30 лет работы Института был пройден большой академический путь, сформирована уникальная информационная база, которая обеспечивает подготовку специалистов самого высокого уровня. Сила настоящего академического сообщества – в плодотворном союзе опытных и молодых ученых, в гармоничном сочетании традиции и инновации. Академик Е.М. Бабосов, стоявший у истоков создания Института, и сегодня принимает участие в научных исследованиях. Вектор работы Института задает слаженная команда докторов и кандидатов наук – С.А. Шавеля, Д.К. Безнюка, Е.М. Барановского, С.В. Хамутовской, Е.В. Шкуровой, В.Р. Шухатович, Ю.Г. Черняка, Н.В. Цыбульской и других талантливых и ответственных специалистов. Активно включены в исследовательский процесс молодые ученые, полные энергии и новых идей.

Благодаря слаженной работе сотрудников Института, реализовано множество фундаментальных и прикладных исследований, направленных на информационное обеспечение социальных и управленческих практик, интеграцию науки и образования, ведется непрерывная работа по реализации задач устойчивого и инновационного развития нашей страны.

Дорогие коллеги! От имени Президиума Национальной академии наук Беларуси и себя лично желаю вам творческих успехов и новых научных достижений! Сил, энергии и вдохновения для дальнейшей плодотворной работы на благо белорусской науки!

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 312.2

АНТРОПОЦЕНТРИРОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Бабосов Е. М.

*главный научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Какую бы из проблем современного социологического познания мы ни затронули – будь то вопросы предмета и объекта социологии, стратификационных процессов, системно-структурного анализа социальной сферы, особенностей политической системы или государственного управления, теории и методологии выборки, анализа эмпирических социологических данных, построения социологической анкеты, не говоря уже о роли креативной личности в развитии науки, образования и культуры или социологии творчества, – при решении и экспликации любой из них приходится иметь дело с антропоцентрическим подходом к взаимокорреляции социальных структур и миропреобразующей человеческой деятельности.

Характерная для первого двадцатилетия XXI в. системная нестабильность, разворачивающая свои многообразные проявления на глобальном, региональном и страновом уровнях, включая и Беларусь в ее социодинамике во второй половине 2020 г., оказывается, в конечном счете, органично связанной с деятельностью конкретного человека, т.е. несет в себе более или менее четко выраженную антропоориентированную, антропоцентрированную направленность.

Когда мы говорим об антропоцентрированности современной социологии, то имеем в виду, во-первых, интегрированность множества определений человека (человек разумный, человек экономический, человек политический, человек играющий и т.п.) в единый многогранный концепт, во-вторых, осознанием, что существующие в каждом человеке индивидуально окрашенные и конкретно проявляющиеся его социальные качества, формируемые во взаимодействии с социальным окружением и включенностью в общественные отношения, воплощаются в понятии «личность», которая суть *единая и целостная, относительно устойчивая система социальных качеств, характеризующих данного индивида, приобретаемых и развиваемых им в процессе взаимодействия с другими людьми и являющихся продуктом общественного развития*. Личность предстает в общественной жизни как уникальный носитель сознания и самосознания, субъект межличностных отношений и социальных взаимодействий.

В процессе взаимодействия индивида с социальной средой формируются и развиваются основные социальные качества (составляющие главное содержание его личности) как совокупность социально-психологических свойств и черт личности, определенным образом взаимосвязанных и обусловленных типом социального взаимодействия индивида с другими людьми в конкретных социально-исторических условиях и обстоятельствах. Такие качества обнаруживаются только во взаимодействиях с другими людьми, в определенных социальных обстоятельствах, в конкретных поступках, делах, оценках, т.е. в деятельности и продуктах этой деятельности.

«Реестр» наиболее значимых социальных качеств личности может быть представлен следующим образом.

Первым из таких качеств является *самосознание* – выделение индивидом самого себя из окружающей социальной среды, чувствования себя субъектом своих физических и психических состояний, социальных ожиданий, стремлений и действий. Это означает осознание самого себя как «Я», противостоящего «другим» и вместе с тем неразрывно связанного с ними. Самосознание выражается в том, что личность воспринимает и понимает тождественность самой себе в прошедшем, настоящем и будущем, а чем органичнее связаны между собой эти три модуса бытия личности, тем социально развитее, богаче и интереснее для других становится данная личность.

Второй важнейший компонент социальных качеств личности составляет ее *самооценка* – оценка личностью самой себя, своих возможностей, способностей, места, занимаемого среди других людей. Самая важная и значимая функция самооценки – регуляция поведения личности. Весь опыт, все

поступки и проступки, все окружавшее человека в течении его жизни суммируется, когда индивид пытается ответить на собственный вопрос: какой же Я? Ответить на этот вопрос не так уж и просто, да и не каждый отважится откровенно признаться в том, какой же он на самом деле и насколько отличается от того, каким хочет казаться другим. Но только таким путем можно решить жизненно важную проблему: каким нужно быть, а не казаться. А это означает: самооценка может и должна привести к *саморегуляции* своих поступков.

Важным социальным качеством личности является ее *активность*, т.е. способность человека производить социально значимые действия, проявляющиеся в общении с другими, в совместных с ними (или отдельно от них совершаемых) делах, в творчестве. Самое концентрированное воплощение активность получает в так называемой сверхнормативности, т.е. в совершении деятельности, которая не рассматривается строго обязательной по существующим в обществе или группе (общности) нормам, но вытекает из понимания личностью своего долга, призвания и т.п.

Важной социальной характеристикой личности являются ее *интересы*. Они выступают в качестве постоянного побудительного механизма познания и деятельности личности, подталкивающего личность к более глубокому ознакомлению с новыми фактами, событиями, теориями в какой-либо сфере действительности, к преобразованию последней в соответствии со своими потребностями, целями, представлениями.

Одно из существенных социальных качеств личности составляет *направленность*. Она представляет собой совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности, независимо от социальных ситуаций, в которых она находится. Поступки человека как субъекта социальной деятельности всегда направлены на достижение вполне определенной цели. Если эта цель имеет принципиально важный для личности характер, она предопределяет ее активность в определенном направлении даже в тех случаях, когда социальная ситуация мешает достижению данной цели, вследствие чего приходится изменять ситуацию и преодолевать препятствия. Именно в таких ситуациях и проявляются характерные особенности направленности личности.

Направленность личности теснейшим образом связана с ее *убеждениями* и установками. Убеждения представляют собой личностные социально-психологические потребности, в основе которых лежат определенные представления, идеи, принципы, существенно определяющие отношения человека к действительности и побуждающие его поступать в соответствии со своими идеалами, принципами, взглядами, мировоззрениями. Различаются нравственные, научные, религиозные и иные убеждения. *Установка* – это такая социальная характеристика личности, которая выражает ее готовность к определенной социальной активности и действиям в определенной сфере деятельности, направленным на достижение поставленной цели. Например, установка Александра Македонского и Наполеона состояла в совершении завоевательных походов, на такой ориентации деятельности были сконцентрированы основные устремления и энергетический потенциал их личностей.

Установка и направленность личности воплощается в ее ценностных ориентациях. *Ценностная ориентация* – это совокупность социальных ценностей, выступающих в качестве целей жизни и основных средств их достижения и поэтому приобретающих функцию регуляторов социального поведения человека. В ценностных ориентациях находит выражение предрасположенность личности к определенному восприятию условий жизни и деятельности, а также к определенному поведению в долгосрочной перспективе.

Еще одним и чрезвычайно важным социальным качеством личности является ее идентичность. *Идентичность* – это такое социальное качество, которое является результатом сознательного и эмоционального самоотождествления индивида с другими людьми, социальной общностью или идеалом путем избирательного и внутренне согласованного движения потоков информации о нем самом как единстве личностного и одновременно социального взаимодействующего с другими личностями и общностями. Идентичность выступает в качестве проявления и результата идентификации – процесса отождествления личностью самой себя с определенной группой (Я – белорус, Я – студент и др.). Идентичность определяется как внутренними свойствами самой личности, так и ее социальным окружением, т.е. внешними влияниями. Изменение любого из этих компонентов приводит к изменению идентичности.

Одним из ведущих качеств личности является ее *целеустремленность*. Она выступает внутренним личностным мотивом деятельности человека, направленной на достижение желаемой цели. А ее выбор обусловлен, во-первых, внутренними интересами, мотивами, стремлениями человека, во-вторых, объективно существующей ситуацией, в которой он живет и совершает свои действия.

Императивным мотиватором всех действий, суждений и оценок человека выступает побудительное качество личности – *совесть*. В своем реальном проявлении она воплощается в способности человека осознавать и переживать свое соответствие либо несоответствие осуществлению

должного, переживать чувство неисполненного долга. Совестный акт есть проявление внутренней свободы личности, воплощение чувства исполненного долга.

Одно из самых глубоких социальных качеств, свойственных человеку – *патриотизм*, проявляющийся в любви к Родине, преданности своему Отечеству, в стремлении служить их критериям, защищать от врагов. Патриотизм включает в себя активную деятельность на благо народа, за его лучшее будущее, а также привязанность и любовь к родному языку, национальной культуре и непримиримое отношение к националистическим предрассудкам.

Высоким нравственным и политическим смыслом обладает социальное качество человека, именуемое *гражданственностью*. В нем воедино спрессованы способность и готовность человека выполнять функции гражданина своего государства, стремление активно участвовать в делах гражданского сообщества, вовлеченность в управление делами общества и государства, направленность деятельности гражданина на достижение не только собственного блага, но и благо других людей, всей своей страны.

В межличностных взаимодействиях индивидов важную роль выполняет *доброжелательность*. Она представляет собой такое социальное качество человека, которое воплощает в себе желание добра к кому-либо, стремление относиться с участием, расположением к другому человеку.

В современном социуме резко возрастает роль и значимость *креативно* мыслящих и действующих личностей. Знаменитый американский социолог Р. Флорида в книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», подчеркивает, что «креативность предполагает определенные типы мышления и характера, которые необходимо культивировать как на индивидуальном уровне, так и в обществе, окружающем человека. Соответственно, креативный этос проникает повсюду, от профессиональной культуры до общечеловеческих ценностей и сообществ, изменяя наше представление об экономических и социальных субъектах, то есть саму идентичность... Сверх того, креативность нуждается в поддерживающей среде, обеспечивающей совокупность стимулов – социальных, культурных и экономических» [4, с. 36].

«В качестве основного источника креативности, – утверждает Р. Флорида, – люди представляют собой важнейший ресурс новой эпохи. Но вследствие не только позитивных, но и негативных способов использования данного ресурса, – убежден он, – необходимо задуматься о том, на какие цели мы направляем свою креативность. В ней скрыта огромная ценность, которую нельзя растрчивать впустую, и могучая сила, применять которую можно лишь тщательно взвесив все вероятные последствия» [4, с. 21, 352].

Важным отличительным качеством креативной личности является творческая направленность, то есть система устойчивых предпочтений и мотивов, задающих главные тенденции в выявлении новых перспектив развития и последствий практического применения новых идей и принципов. Креативные личности всегда открыты для восприятия новых идей и концепций и постоянно активно ищут, находят и реализуют их. Своеобразное качество креативной личности – страстно заинтересованное отношение к своей работе в той сфере деятельности, которую этот человек избрал в качестве своей профессии.

Своеобразная черта креативной личности – умение обнаруживать новую проблему, которую еще никто не рассматривал и/или не пытался ее решить. С этим органично связана готовность к риску, к действиям в новых, даже неблагоприятных и опасных условиях. Важнейшим качеством креативной личности является высокоразвитая и реализуемая в конкретной творческой деятельности инициативность, т.е. внутренне побуждение к новым формам понимания и объяснения окружающей действительности и к новым способам действий. С этим органично сопрягается еще одно отличительное качество – высокомотивационная склонность к творческой деятельности.

Охарактеризованные качества креативной личности дают основание для концептуализации данного феномена. Он звучит так: *креативная личность* – это активно, целенаправленно и нестандартно действующий человек, способный обнаружить и творчески решать новую проблему, создавать новые, ранее не существовавшие духовные и материальные ценности (метод, технологию или техническое устройство, направление в развитии науки, материального производства, культуры, политической деятельности) и получать на основе этого незаурядные, выдающиеся достижения.

В формировании и активной творческой деятельности креативного человека важное значение имеет креативная среда: она включает в себя в качестве неотъемлемых компонентов благотворные для деятельности и саморазвития человека межличностные взаимодействия, доброжелательность к новшествам, возможность самореализации личности, активную поддержку новаторства. Следовательно, креативный процесс имеет не только индивидуальный, но и общественный характер.

В формировании креативной личности и в последующей ее профессиональной деятельности приоритетную значимость приобретает креативизация высшего образования. В этом многоаспектном процессе, отмечает ректор Белгосуниверситета, профессор А.Д. Король, необходимо «использовать

потенциал каждого, в итоге сумма общего эффекта дает не структурный, а экспоненциальный результат». Здесь следует сфокусировать внимание на тех «образовательных технологиях», которые прежде всего должны помочь студенту открыть самого себя, увидеть свои возможности и уникальность, границы своего незнания... Важно научить его задавать вопросы, ставить цели, рефлексировать. Тогда такая личность будет менеджером, управленцем своего жизненного пути. В будущем такой студент – востребованный специалист с гибким мышлением, способный разрешить любую нестандартную и непривычную ситуацию. Технология эвристического образования направлена на формирование такой личности» [3, с. 36-37].

Важнейшая отличительная особенность жизнедеятельности человека заключается в том, что она разворачивается на трех взаимосвязанных уровнях. Первый из них, – утверждает академик А.А. Гусейнов, – «это наша физическая природа. Второй – это наша социальная природа, благодаря которой мы можем обустраивать весь наш искусственный мир. И над этими уровнями третья природа – нравственна, которая создает моральные ограничения для двух предыдущих и придает осмысленность нашей жизни... И в этом смысле нравственность, конечно, отдельное самостоятельное измерение в человеке или отдельный самостоятельный уровень, который не выводится из предшествующих, у него есть свои основания и свои источники» [4, с. 7]. Именно нравственность выступает условием самоцельности и самооценности человека – существа и одновременно представляет собой его высшее измерение, через которое он утверждает себя как субъекта ответственного за свое собственное существование. Руководствуясь (осознанно или интуитивно) данными измерениями, он принимает определенные решения, предписывает себе те или иные поступки, выбирает собственную линию поведения и тем самым реализует свои представления о мире и других людях, выбирает и осуществляет собственную жизненную стратегию.

И здесь следует вспомнить знаменитый «категорический императив» И. Канта, гласящий: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Поясняя данную трактовку, он отмечал, что человек в своих поступках подчинен своему внутреннему закону и в то же время действует в соответствии со всеобщим нравственным установлением, воплощающемся в нравственных мотивах, имеющих «возвышенный характер» [2, с. 255].

Опираясь на кантовскую метафизику нравственности и дальнейшее ее развитие в современных представлениях, в том числе и в работе А.А. Гусейнова о нравственном измерении как пространстве человечности, представить структурно-уровневую модель восхождения креативного мышления и действия, в которой на первой ступени преобладают природные процессы, действующие как в теле самого совершающего творческий акт человека, так и в природном окружении, на второй ступени преобладают социальные факторы, опирающиеся на природные, а на третьей – безраздельно господствуют внутренние побудительные мотивы, коренящиеся в нравственности.

Итак, нравственность – это не какая-то внешне детерминированная форма существования человека, которая формируется и контролируется внешне заданными средствами, а совершенно определенный внутренний антропоцентрированный моральный стержень, делающий человека ответственным за свои слова, поступки, действия, за свою жизнь.

Антропоцентрированность не может быть без нравственной, нравственность не может быть антропоцентрированной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гусейнов, А.А. Нравственное измерение или пространство человечности // Человек. – 2015. – №1. – С. 5-14.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности / Сочинения в 6-ти томах. Ч.2. – М. : Мысль. – 349 с.
3. Король, А.Д. Работаю для студента, а не он для нас / А. Д. Король // Союзное государство. – 2020. – № 6. – С. 36-39.
4. 5. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. М.: Манн, Иванов и Фербер, – 2016. – 384 с.

ИСТОКИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛАРУСИ*Данилов А.Н.**заведующий кафедрой социологии, БГУ**доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси**(г. Минск, Беларусь)*

В феврале 2020 г. Институту социологии Национальной академии наук Беларуси исполнилось 30 лет. Хороший повод, чтобы вспомнить непростой путь институционализации социологии в Беларуси, вспомнить ученых, подвижнический труд которых позволил осуществить эту благородную мечту. Оценить с сегодняшних позиций как продолжают традиции, заложенные его основателями. Говоря о создании Института социологии, мы отмечаем тот большой вклад, который внес академик Евгений Михайлович Бабосов, чтобы мечта многих стала реальностью. Кстати, его первая должность в новой структуре академии так и называлась – директор-организатор.

С первых дней своего существования Институт социологии взвалил на себя тяжкую ношу – исследовать актуальные проблемы современного белорусского общества, не испугался трудностей на этом пути, тяжести работы, навалившейся ответственности. По ходу движения решая вопросы методологического совершенствования исследовательских процедур, обновления кадрового потенциала, развития международных связей. Вызов времени принял достойно, продолжая лучшие традиции своих предшественников.

Предпосылки развития социологии

Социология в нашем отечестве прошла свой трудный путь признания. Это процесс растянулся во времени, был необыкновенно противоречивым, сложным и многогранным. Если отсчет институционализации социологии начинать от Огюста Конта и его многотомного произведения «Курс позитивной социологии» (1830–1842), где впервые в четвертом томе (1839) вводится понятие «социология», «которая положительно изучает совокупность законов, относящихся к социальным явлениям» [1], то до нас все это дошло не скоро.

В истории развития социологии в Беларуси вполне оправдано выделяется три этапа. Первый этап (начало в 20-х гг. XX в.) – связан с открытием Белорусского государственного университета (1921 г.), основанием первого многоотраслевого научно-исследовательского учреждения – Института белорусской культуры (1922, Инбелкульт), на базе которого 1 января 1929 г. была создана Академия наук БССР. 1930-е и последующие годы, отмеченные репрессиями, 1940-е – разрушительными последствиями Второй мировой войны, послевоенным восстановлением, надолго задержали развитие социологической науки. Второй этап (1960-1990 гг.) – возрождение и признание социологии как науки, необходимости ее развития. И, наконец, третий этап (1991 г. по настоящее время) – развитие социологии в суверенной Беларуси.

Новому во все века надо было пробиваться, и социология здесь была не исключением. «Огюста Конта обвиняли в непонимании общественного развития, в придумывании социологических законов: мол, законы общества – дело истории и экономики. Экономисты в Англии воевали с социологами во второй половине XX в.» [2, с. 8]. Наиболее быстро и интенсивно процесс институционализации проходил в Соединенных Штатах Америки, но и там первый в мире департамент социологии, деканом которого был А. Смолл, открылся в 1892 г., т. е. спустя 53 года после введения в науку термина «социология». В конце XIX в. и первой половине XX в. США стали центром социологической мысли.

В Беларуси процесс институционализации социологии начался гораздо позднее – в 20-х гг. XX ст. Следует, однако, отметить, что этот процесс имел серьезные идейно-теоретические предпосылки в многовековом развитии белорусской социальной мысли, представленной такими выдающимися мыслителями, как Ф. Скорина, Н. Гуссовский, С. Будный, В. Тяпинский, К. Лыщинский, Ф. Богушевич, К. Калиновский и др. Социология в Беларусь пришла из Европы через Россию. Еще в дореволюционное время социологию традиционно воспринимали как науку, направленную на ниспровержение устоявшихся традиций, государственных устоев, действующей власти. Русский ученый М.М. Ковалевский в своей статье «Социология на Западе и в России», которую он опубликовал в начале прошлого века в сборнике «Новое в социологии», описывает курьезный случай, свидетелем чему он был сам: «...Мне припомнились слова жандармского полковника на границе, допрашивавшего меня: «нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете... в Россию – это не возможно», вспомнилось мне сожжение книги весьма консервативного американского писателя Уорда под заглавием:

«Динамическая социология». Автор ее до сих пор уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение «динамизма» с динамитом» [3, с. 3].

Начиная с 1921 г., после открытия Белорусского государственного университета, социологические исследования осуществляются в этом ведущем высшем учебном заведении республики [4, с. 65-86]. Первые профессиональные коллективы ученых, специально занимающихся социологическими исследованиями, сложились вскоре после Октябрьской революции и создания БССР. 30 января 1922 г. было основано первое многоотраслевое научно-исследовательское учреждение – Институт белорусской культуры (Инбелкульт), на базе которого 1 января 1929 г. была создана Академия наук БССР. Сотрудниками Инбелкульта под руководством профессора С.Я. Вольфсона (впоследствии – академика) уже с 1922 г. проводились социологические исследования. Их результаты обобщены в изданных С.Я. Вольфсоном книгах: «Интеллигенция как социально-экономическая категория» (1926); «Социология брака и семьи» (1928); «Современная религиозность» (1930); «Семья и брак в их историческом развитии» (1937) [5].

После Октябрьской революции 1917 г. социология быстро попала в немилость новой власти. Очень точно в своем интервью охарактеризовал эту ситуацию академик М.К. Гошков, отметив, что «никогда и никакая власть не питала особой любви к социологии» [6, с. 55]. За социологией закрепляется ярлык «буржуазной лженауки» и она на долгие годы, вплоть до конца 1950-х гг., исключается из цикла общественных наук. О социологии было принято упоминать лишь в критических исследованиях трудов западных теоретиков. Хотя современные исследования показывают, что официальных документов о запрете социологии в СССР не существовало. В реальной политике и научной практике социология продолжала свое существование в большинстве случаев в латентном виде или в официальной роли как марксистско-ленинская теория в 1930-е гг., позднее, в 1950-1970-е гг. как исторический материализм. [7, с. 105-113].

Интересный, многообразный, во многом поучительный опыт развития социологии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Беларуси был во многом утрачен, забыт или стал уделом архивов и библиотек и оказался невостребованным. Только в самом конце 1950, в Беларуси – в середине 1960-х начинается социологическое оживление. В Институте философии и права АН БССР (К.П. Буслов) в 1968 г. открывают сектор социальных исследований (Г.П. Давидюк), разрешается вести с предприятиями хозяйственную тематику. Профессор Г.П. Давидюк вспоминает: «Хозяйственные работы были хорошей школой. Президиум АН БССР разрешил директору Института философии К.П. Буслову заключать договора с предприятиями. И мы начали на этой основе проводить такие исследования на заводах, в колхозах. Финансовые возможности позволили увеличить число научных сотрудников, разнообразить тематику: условия труда на предприятиях, проблемы духовной жизни крестьянства, последствия научно-технической революции на селе, управление социальными процессами, социальное планирование в городе и деревне. Социология становилась популярной. Многие молодые ученые просились к нам» [2, с. 8-17].

Молодые белорусские социологи учились у своих коллег из АН СССР, социологической лаборатории Ленинградского университета, ведущих ученых этих учреждений. Учебники А.Г. Здравомыслова «Методология и процедура социологических исследований» и В.А. Ядова «Социологическое исследование (методология, программа, методы)» были настольными книгами, пособиями для составления инструментария, процедур исследования и обработки информации [8, с. 8-17].

С середины 1960-х гг. очень медленно, но неуклонно начинается новый этап социологических исследований в Беларуси. Вначале они были разовыми, имели ориентированный прикладной характер, осуществлялись по заказу и под контролем руководящих партийных органов. Важным шагом организационного характера в процессе институционализации социологии в нашей стране стало постановление Президиума ЦК Компартии Беларуси от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике» [9, с. 79-84]. Это постановление обязывало Президиум Академии наук БССР, руководство отделения общественных наук, институтов философии и права, экономики, истории, а также Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР разработать мероприятия по усилению конкретно-социологических исследований в НИИ и высших учебных заведениях. В частности, было предложено создать лаборатории социологических исследований при БГУ и Институте народного хозяйства. Этим же постановлением был создан Республиканский общественный институт социологических исследований, директором которого был назначен кандидат исторических наук А.Д. Молочко.

Процесс реализации данного документа разворачивался достаточно медленно, главным образом вследствие недостатка квалифицированных научных кадров, способных продуктивно работать в области социологии. В 1967 г. была открыта Проблемная научно-исследовательская лаборатория

социологических исследований в БГУ, которую возглавил член-корреспондент АН БССР, доктор философских наук, профессор И.Н. Лушицкий. В 1968 г. в Институте философии и права создается сектор социальных исследований (руководитель Г.П. Давидюк), деятельность которого имела большое значение для дальнейшего развития социологической науки. Создание сектора, рост числа и квалификации сотрудников позволили расширить тематику исследований, в частности, по социальным последствиям научно-технической революции на селе, руководству социальными процессами, социальным планированием в городе и деревне. В 1970 г. по просьбе властей Минска академические социологи организовали исследования проблем социального планирования предприятий и разработали методику «Перспективное социальное развитие производственного коллектива». В том же году на базе сектора Института философии и права был создан отдел социологических исследований с секторами: социология управления, социальное планирование, социальные проблемы села.

В результате многолетних исследований отдел накопил большой фактический материал. По результатам исследований сотрудниками отдела были подготовлены и изданы ряд монографий: «Структура советской интеллигенции» (1970), «Проблемы социальной структуры села» (1971), «Научно-технический прогресс и социальные изменения села», (1972), «Устойчивость и развитие производственного коллектива» (1975), З.И. Монич «Интеллигенция в структуре сельского населения» (1971), ее же в соавторстве с В.Г. Изохом и И.В. Прудником «Рабочий класс в структуре сельского населения» (1975), И.Я. Писаренко «Социальное планирование в первичном коллективе» (1973), Л.А. Дмитрук «Перспективное планирование на промышленных предприятиях БССР» (1971), ее же «Социальная активность производственного коллектива в условиях экономической реформы» (1972), Р.В. Гребенникова «Проблемы культуры современной деревни» (1978), Г.П. Давидюка, В.С. Бобровский «Проблемы «массовой культуры» и «массовых коммуникаций» (1972). В них отражена идея противоречивости развития социальных общностей, зависимости социальных изменений от существующего строя. В книгах об интеллигенции Г.П. Давидюк развивал идею определяющей роли интеллигенции в обществе, особенно в развитии национальной культуры, воспитании молодежи.

С переходом в 1975 г. Г.П. Давидюка на работу в БГУ в отделе ликвидировали сектора, переименовали его в отдел управления социальными проблемами. С приходом в 1978 г., на должность директора Института философии и права АН БССР Е.М. Бабосова, сектор методологических проблем социологических исследований заметно активизировал свою работу. Вышли знаковые для того времени книги Е.М. Бабосова «Идеология в современном мире» (1984), «Нравственная культура личности» (1985). Однако время требовало увеличения масштабов социологических исследований. Перед Президиумом АН БССР, Правительством республики был поставлен вопрос о создании Института социологии АН БССР.

Трудности создания академического Института социологии

Ситуация для окончательной институционализации социологической науки созрела к концу 1980-х годов. Уже были приняты необходимые решения партии и правительства, были подготовлены научные кадры. Главным стало Постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» [10, с. 215-228]. В нем в частности отмечалось, что «...современное положение в социологии не отвечает потребностям общества. Социология еще не заняла должного места в творческом развитии марксистско-ленинского обществоведения, формировании научного мировоззрения трудящихся, осуществления социальной политики КПСС. Отстает разработка многих фундаментальных теоретических и методологических вопросов. Социологические исследования нередко имеют узкоэмпирический характер, упрощенно толкуют вопросы общественного развития, не содержат научно обоснованных рекомендаций и предложений <...> Недопустимо отстало изучение общественного мнения. <...> Не получили необходимого распространения службы социального развития на предприятиях, в регионах страны, результаты их деятельности неудовлетворительно используются для решения конкретных экономических и социальных проблем на производстве» [10, с. 215-228].

Далее началась разворачиваться работа по подъему на «качественно новую ступень развития марксистско-ленинской социологии», необходимо было «существенно повысить теоретический, методологический и методический уровни научных разработок и коренным образом улучшить их использование в управлении и прогнозировании общественных процессов, углублении демократизации и гласности» [10, с. 215-228]. Соответственно были внесены предложения в Президиум Академии наук БССР, в отдел науки и учебных заведений ЦК Компартии Беларуси, в отдел науки и культуры Совмина БССР о создании самостоятельного научного учреждения социологического профиля.

В результате проработки внесенных предложений Бюро ЦК КПБ приняло решение об организации на базе АН БССР Республиканского центра социологических исследований. Во исполнение данного решения постановлением Президиума АН БССР от 6 января 1989 г. руководителем этого центра был назначен член-корреспондент АН БССР Е.М. Бабосов. Структура центра состояла из пяти отделов, сформированных из сотрудников Института философии и права: теории, методологии и методов социологических исследований (С.А. Шавель); социологии общественного мнения (Г.Н. Соколова); социальной динамики сельского населения (А.С. Круковский); социальных проблем молодежи (Н.А. Барановский); социологических исследований идеологических процессов (Э.К. Дорошевич). Коллектив центра существенно скорректировал проблематику проводимых в Академии наук социологических исследований, расширил сферу творческого сотрудничества с социологическими учреждениями Москвы, Ленинграда, Киева, с социологами Армении, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши. Тем самым были созданы серьезные кадровые, исследовательские, коммуникационные предпосылки для формирования и организационного оформления в составе Академии наук БССР самостоятельного научно-исследовательского учреждения – Института социологии.

Разработанные академическими социологами предложения по созданию Института социологии в структуре Академии наук БССР прошли ряд согласований в Президиуме АН БССР, в Госплане, отделе науки и культуры Совета Министров БССР и отделе науки и учебных заведений ЦК Компартии Беларуси. Итогом всей этой работы стало обсуждение данного вопроса в Бюро ЦК КПБ, на котором было принято решение о создании в структуре Академии наук БССР Института социологии.

Затем началась сложная работа по организации нового исследовательского центра социологического профиля. Нужно было буквально «выбивать» помещения для сотрудников, разрабатывать исследовательскую тематику, определять источники и размеры финансирования, решать вопросы с обеспечением оборудованием, открытием аспирантуры и т. п. Все было непросто, везде возникали непредвиденные затруднения. Но самые серьезные осложнения в решении вопроса о создании Института социологии в структуре Академии наук БССР возникли в Президиуме Академии наук СССР [11, с. 9-10]. Однако, после поддержки позиции АН БССР нобелевским лауреатом, физиком А.М. Прохоровым Президиум Академии наук СССР своим решением постановил учредить Институт социологии и одобрил основные направления его исследовательской деятельности.

В результате всех необходимых согласований, решения Бюро ЦК КПБ, постановления Совета Министров БССР от 16.01.1990 г. № 12 Президиум АН БССР 9 февраля 1990 г. принял постановление № 6 «О создании Института социологии Академии наук БССР». Институт был организован на базе функционировавшего на то время Республиканского центра социологических исследований и присоединения к нему двух отделов Института экономики АН БССР (социально-экономических проблем демографического развития и занятости населения (А.А. Раков) и науковедения (Г.А. Несветайлов)), а также лаборатории социальной психологии личности и Института технической кибернетики АН БССР, преобразованного в отдел (В.И. Секун).

В новом институте широко развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам современной социологии, в области социологии личности, науки и культуры, труда и демографии, молодежи, социально-стратификационной структуры белорусского общества, отношения различных групп населения к социальным институтам, динамики политической системы Беларуси, особенностей общественного мнения в республике и др.

Процесс институционализации социологической науки в Беларуси растянулся во времени, был противоречивым, сложным и многогранным. Институционализация – это общественное признание и правовое закрепление статуса науки, после чего становятся возможными ее преподавание, подготовка кадров, создание научных подразделений, финансирование исследований и др. В истории развития социологии в Беларуси вполне оправдано выделяется три этапа. Начало в 20-х гг. XX в. – первый этап, далее (1960-1990 гг.) – второй этап и наконец, третий этап (1991 г. по настоящее время) – развитие социологии в суверенной Беларуси.

Ситуация для окончательной институционализации социологической науки созрела к концу 1980-х годов. Разработанные академическими социологами предложения по созданию Института социологии в структуре Академии наук БССР прошли ряд согласований прежде чем Президиум АН БССР 9 февраля 1990 г. принял постановление № 6 «О создании Института социологии Академии наук БССР». В новом институте широко развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам современной социологии, в области социологии личности, науки и культуры, труда и демографии, молодежи, социально-стратификационной структуры белорусского общества, отношения различных групп населения к социальным институтам, динамики политической системы Беларуси, особенностей общественного мнения в республике и др.

Сегодня Институт социологии НАН Беларуси – крупнейший исследовательский центр, стал источником получения социального знания о современном обществе, социальных процессах протекающих в нем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лапин, Н.И. Когда и как Огюст Конт ввел термин «Sociologie». – Научно-теоретический журнал БГУ «Социология». – 2004, № 1. – С.73.
2. Данилов, А.Н. и [и др.]. Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – 99 с.
3. Социология / А.Н. Данилов [и др.]; под науч. ред. А.Н. Данилова. – Минск : РИВШ, 2012. – 396 с.
4. Максимчик, А.Н. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946). Журнал БГУ. Социология. 2017, № 2. – С. 65-86.
5. Інстытут беларускай культуры. 1922-1928: дакументы і матэрыялы / В.У. Скалабан, М.У. Токараў. – Мінск : Беларус. Навука, 2011.
6. Академик Михаил Горшков: «...Путив социологию – исповедимы». – М.: Издательство «Весь Мир», 2015. – 104 с.
7. Козлова, Л.А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации. Социологические исследования. 2016. № 12. – С.105-113.
8. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новиковой. – Минск : БГУ, 2001. – 354 с.
9. Данилов, А.Н. Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы / А.Н. Данилов, А.Н. Елсуков, Д.Г. Ротман. – Минск.: БГУ, 2006. – 114 с.
10. Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания / А.Н. Данилов [и др.]; под ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2014. – 230 с.
11. Данилов, А.Н. Академическая институционализация социологической науки в Беларуси. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. – С. 5–13.
12. Бабосов, Е.М. Институт социологии НАН Беларуси: история создания и становления. – Научно-теоретический журнал БГУ «Социология». – 2010. № 1. – С. 37-41.

УДК 316.3

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Сизова И.Л.

*профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, СПбГУ
доктор социологических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

Современные социологические концепции трудовой активности представлены на основе анализа научных статей российских авторов в течение 2017-2019 гг., опубликованных в ведущих российских научных изданиях. Всего проанализировано более 100 публикаций в российских и зарубежных журналах.

Вначале перечислим основные идеи и концепции российских авторов. Часть исследователей склонна толковать понятие «трудовая активность» через призму неовеберовского подхода, в рамках которого акцентируется необходимость наращивания властного, экономического и культурного ресурсов работников для улучшения положения на рынке труда и в системе занятости [3]. В более широкой перспективе речь ведется о развитии человеческого капитала [12] или трудового потенциала страны [20].

Другие авторы публикаций склоняются к интерпретации трудовой активности населения, подчеркивая эндогенные и экзогенные факторы, являющиеся демотиваторами труда в современных условиях. Примером является рискологический подход [16, 17], в рамках которого указывается, что кризисное общество провоцирует ощущения нестабильности у работников и в трудовой деятельности.

¹ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00011 «Влияния цифровой трансформации на трудовую активность городского населения (на примере Санкт-Петербурга и Минска)» / «The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20-511-00011 The effects of digital transformation on the labor activity of the urban population (on the example of St. Petersburg and Minsk)».

В данной теории подчеркивается, что снижению трудовой активности способствуют такие факторы как увеличение объемов труда без повышения его оплаты, высокая напряженность труда, неопределенность и нехватка информации о положении компании, негативное отношение со стороны руководителей, нечеткая постановка задач, недостаточное технологическое обеспечение труда и бюрократизация. Однако риски зачастую связываются с реализацией самой трудовой деятельности в современном обществе. Ряд авторов в своих работах отмечают, что трудовая активность, являясь частью достижительной мотивации, предполагает рискованное поведение индивида на рабочем месте [16]. Оно включает активность (проявление инициативы), желание идти навстречу трудностям (решительность), наличие планов по дальнейшему продвижению (ориентированность на будущий успех). Такое активное поведение и решительность предполагают в свою очередь готовность нести ответственность за свои решения [2].

Концептуализация трудовой активности хорошо вписывается в культурологические подходы. В данном подходе акцентируются не только общенациональные компоненты, но и часто корпоративные культуры на микроуровне (отдельного предприятия, отдельных профессий). С этой точки зрения, авторы зачастую ссылаются на теорию Г. Хофштеде, который выделяет командно-административную и рыночную трудовые культуры [6]. Согласно этому подходу, работники ведут себя в зависимости от биографических факторов и предшествующего опыта жизни. В командно-административной культуре подчеркивается, важность стабильности, коллективный характер труда, долгосрочные перспективы и высокая степень несамостоятельности в работе зависимость от руководства; в рыночной культуре – личностный рост, проявление инициативы в работе, стремление к риску. Однако в ряде исследований трудовая активность населения связывается с развитием городской и транспортной инфраструктур, организацией и реорганизацией жизненного времени и пространства людей [18]. Таким образом, выделяется не только индивидуальная, но и коллективная трудовая активность, которая поддается институциональному регулированию и нормированию.

В российской литературе преобладает нормативно-функциональная модель анализа трудовой активности. Так, А. Темницкий в своих исследованиях указывает, что трудовая активность является следствием терминальных ориентаций населения, при которых труд становится средством выражения профессиональных интересов и потребностей, способностей и знаний. Наоборот, если труд связывается с инструментальными ценностями, то работники концентрируются на процессе труда (трудолюбие, конкурентоспособность), результатах труда (зарплата, авторитет, влияние) и условиях труда (безопасность, удовлетворенность) [19]. Другие авторы выделяют среди важных функций трудовой активности наличие адаптивных стратегий или мобильности на рынке труда, причем последняя определяется как переход от традиционных к инновационным формам занятости [13].

Очень много внимания в научной литературе отводится профессиональной и трудовой мобильности современных работников. В данной теме подчеркивается значение роста профессиональной компетентности, квалификации, овладения новыми знаниями, умениями и навыками. Трудовая активность подразумевает освоение многих профессий и мест труда, новизну трудовых впечатлений, суету, движение, сопротивление монотонности, освоение новых трудовых навыков, саморазвитие, производственное обучение, посещение профессиональных курсов, стремление стать специалистом и экспертом, мастером своего дела [1]. Особое внимание авторов привлекают формы и факторы развития цифровых компетенций у работающего населения, и на этом основании изучаются либо наиболее востребованные группы на рынке труда, либо, наоборот, самые уязвимые [см., напр., 8; 17].

Постиндустриальное общество и переход к новому технологическому укладу предполагают развитие процессов нового разделения и организации труда [22]. В данном контексте ТА связывается с распространением гибкого, креативного, автономного и многозадачного труда, а также, с сокращением времени труда и ростом технологической безработицы [23]. В данной концепции претендовать на рабочее место смогут только наиболее конкурентоспособные работники, к которым относят, прежде всего, молодое поколение (digital) и высокообразованные работники, способные обучаться и поддерживать востребованные компетенции в течение всей трудовой жизни [21].

Заметным свойством трудовой активности выступает правовая подготовленность работника. Вовлечение работников в профсоюзные движения, знание трудового и социального законодательства, участие в трудовых протестах является довольно интенсивной темой в публикациях российских исследователей [5; 9; 10; 13].

В демографическом подходе, теории стилей жизни и человеческого капитала трудовая активность связывается с физической силой, здоровьем, молодостью и соответствующему ему стилю жизни [4; 21]. Именно в этот период жизни наиболее значительными являются физические силы и когнитивные способности человека; эта фаза соответствует стремлению к становлению и развитию

профессионализма. Работник в наибольшей степени способен проявлять наиболее востребованные у работодателя и в экономике качества: гибкость, мобильность, интенсивность и подвижность в работе. Такому работнику свойствен фанатизм к своему делу, движение, суэта, саморазвитие. Последнее качество предполагает овладение социальными компетенциями, в т.ч. и быстрой реакцией на нововведения.

В гендерных теориях трудовая активность рассматривается дифференцировано, связана с «мужским» и «женским» трудом, с оплачиваемым и неоплачиваемым трудом в экономике и за ее пределами (например, в домохозяйстве) [9; 14]. В радикальном варианте новой цифровой экономике способен соответствовать исключительно мужчина-работник. Здесь же подчеркивается неравенство и гендерные диспропорции в оплате труда, занятии определенных рабочих мест, дискриминационные практики работодателей в наиболее передовых и оцифрованных сферах деятельности (программирование). В одних вариантах женщина вытесняется и занимает подчиненное место в цифровом обществе, в других – занимает нишу в эмоционально и сенситивно насыщенных отраслях и деятельности.

Наконец, в футуристических концепциях труд объявляется, что теряет свое центральное место [24]. В будущем работа, в силу происходящих изменений, к которым относятся технологические процессы и изменения в ценностях (постматериалистические), перестанет быть личным благом, а будет являться общим достоянием и соответственно, не будет оплачиваться. При этом потребление становится не целью, а средством для достижения более значимых целей. Люди перестанут ценить статус, признание и материальные блага. Вместо этого, ценной становится любая текущая деятельность и сети (семья, друзья, соседи, община). Работа будет все больше напоминать хобби, игру, будет все больше переплетаться с повседневной жизнью.

Трудовая активность граждан является важным условием устойчивого развития экономики и общества. Однако сама она характеризуется как чрезвычайно комплексный и контингентный феномен современного мира. Подобные свойства ей придают множество указанных факторов и состояний. Одним из важнейших влияний сегодня признается быстрый технологический прогресс, который по-новому перекраивает отношения работников к труду и занятости, ставит в зависимость их от использования техники и технологий. Трудовая активность в эпоху цифровизации или цифровой трансформации склонна становиться все менее устойчивой, ускользающей и субъективной, она меняет свои основные формы и состояния, и на этом основании в весомой степени должна контролироваться. В совокупности, современная трудовая активность находится в зоне высокой турбулентности, что порождает противоречивые трудовые отношения и практики, мотивацию и новые проблемы в социально-трудовой сфере общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева, Ю. В., Лукьянова Е. Л. Между работой, детьми и торговым центром: баланс жизни и труда в семьях молодых российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 122-141. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.08>.
2. Астоянц, М.С., Троицкая О.А.. Трудовая мотивация в период структурного реформирования организации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т.10. Вып.3. С. 339-356.
3. Балабанова, Е.С., Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Сорокин П.С. Инновационное поведение сотрудников российских и иностранных компаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 215-233. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.301>
4. Барсуков, В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. №1(43). С.195-213.
5. Бизюков, П.В. Трудовые протесты в России: территориальная и отраслевая локализация в 2008–2016 гг. // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 75–100. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-75-100
6. Данилова, Е., Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г.Хофстеда //Мониторинг общественного мнения. 2003. №3(65). С.53-64.
7. Козина И., Зангиева И. Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров // Журнал исследований социальной политики. 2017. Том 16. № 1. С.7-22. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22
8. Карапетян, Р. В. Тенденции занятости экономически активного населения Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 17–35. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.102>
9. Колесникова, Е.М. Российские учителя и воспитатели: особенности «женской» занятости и внутрипрофессиональная дифференциация // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2018. №4 (52). С.62-69.
10. Лапкина, А.Г. Развитие трудовой демократии как среда для повышения трудовой активности работников //Креативная экономика.2015. №9(10). С.1229-1238. doi:10.18334/ce.9.10.2024

11. Леонидова Г.В., Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Мотивы и условия творческой трудовой активности населения // Вопросы территориального развития. 2018. №3 (43). С. 1-18. doi: 10.15838/tdi.2018.3.43.2
12. Минина, В. Н. Развитие человеческого капитала и экономический рост. Итоги III Санкт-Петербургского международного форума труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 200–206. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.207>
13. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Социально-трудовые права занятого населения: практическая реализация и способы защиты // Социологические исследования. 2018. № 9. С.124-132.
14. Поплавская А.А., Соболева Н.Э. Реализация достижительных мотивов мужчин и женщин на рынках труда разных стран мира // Экономическая социология. 2019.Т.20.№2. С.51-85.
15. Попова И. П. Самостоятельность в работе: взгляд на долговременные тенденции // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 249-267. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619
16. Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 1. С. 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279
17. Смолева, Е. О. Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 351-368. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.18>.
18. Соколов, Н. В., Рехтина Л.С. Пробки вместо хобби: синхронизация и концентрация повседневности в современном обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 286-305. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.16>.
19. Темницкий, А.Л. Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд у работающего населения России (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 144-162. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5157
20. Топилин, А.В. Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // Вестник Российской академии наук. 2019.Т.89.№7. С.736-744.
21. Трудовая активность молодежи / Социологический альманах. Выпуск 8. «Молодежь в современном обществе риска» / под ред. П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. Орел: изд-во РАНХиГС, 2016. С.117-157.
22. Boes A., Kämpf T., Langes B., Ziegler A. Unternehmen und die Cloud Neue Strategien für den digitalen Umbruch und die Organisation von Arbeit? // Arbeit. 2017. No. 26 (1). S. 61–86. DOI: 10.1515/arbeits-2017-0004
23. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Oxford: Oxford University Martin Programme, 2013. [online]. Accessed 25.05.2018. URL: <http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf>
24. Hines A. Getting ready for a Post-Work Future // Foresight and STI Governance. 2019. V.3.№1. PP. 19-30. Doi:10.17323/2500-2597.2019.1.19.30

СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

УДК 316.357

ДИАСПОРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Аветян Н.С.

*доцент, ГрГУ им. Я. Купалы
мастер социологических наук
(г. Гродно, Беларусь)*

Диаспора и диаспорическая форма жизни существуют как феномены современной социокультурной реальности, и это бесспорный факт, о чем свидетельствует широкое употребление соответствующих понятий. Проблема заключается в том, что понятие диаспоры далеко не всегда однозначно интерпретируется и у разных авторов можно найти различное понимание их содержания.

Крайняя сложность изучаемого явления предполагает неизбежность наличия различных подходов к пониманию феномена диаспоры. В результате под «диаспорой» понимается и процесс расселения, и этническая общность, и интеграционные возможности мигрантов, устойчивость созданных институтов, взаимоотношения общности и принимающей среды.

Профессор Висконсинского университета Дж. Армстронг считает, что отличительным признаком диаспоры является такое дисперсное расселение, при котором община не имеет своей территориальной базы. Отсутствие таковой означает, что во всех местностях того государства, где дислоцируется диаспора, она являет собой лишь незначительное меньшинство [1, с. 393].

Американский исследователь М. Эсман полагает, что диаспора – это «группа этнического меньшинства, имеющая иммигрантские корни и поддерживающая эмоциональную и материальную связь со своей родиной» [2, с. 335]. Данное определение является еще более широким и не отражает конкретные характеристики и особенности диаспор, оно подчеркивает особенности эмоционального восприятия мигрантами своего положения и связи с родиной. Однако этническое меньшинство может не иметь своих институтов, не обладать сплоченностью, не быть объединенным общей идеей и так и не перерасти в диаспору. В то же время внимания заслуживает утверждение М. Эсмана о том, что «диаспора может оказывать определенное влияние на события экономического и политического характера как в стране своего пребывания, так и на своей исторической родине» [2, с. 337].

Профессор Иерусалимского университета Г. Шеффер утверждает, что «стандартные определения диаспоры нуждаются в пересмотре прежде всего потому, что основаны на предположении о преходящем характере и неизбежности исчезновения в ходе аккультурации и ассимиляции. Авторы большинства дефиниций делают акцент на условиях, при которых происходит «растворение» диаспор в принимающем обществе» [3, с. 178]. Такой подход, по мнению Г. Шеффера, сужает рамки анализа и перспективы развития теории. Исследователь исходит из следующей идеи: «диаспоры и созданные ими трансграничные структуры будут существовать, даже если произойдет аккультурация и сообщество «гибридизируется»; примордиальная основа идентичности сохранит свою значимость; несмотря на неизбежность ассимиляции определенной части диаспоры, ее ядро преодолет все искушения, выдержит давление извне и сохранит лояльность родине и этнической группе» [3, с. 178].

Профессор факультета социологии Калифорнийского университета Р. Брубейкер считает, что «за последние годы термин «диаспора» сделал блестящую карьеру в социологии и других гуманитарных науках. Однако, по мере его распространения, значение слова становилось все более расплывчатым. Под диаспорой подразумевается, как минимум, рассеяние этноса в пространстве и его отношение к реальной или воображаемой родине, на которую диаспора, несмотря на отделение, продолжает ориентироваться эмоционально или политически. Такая трактовка термина предполагает наличие тройственной взаимосвязи по линии «диаспора – родина – принимающая страна (страны)». Такое определение подразумевает взаимосвязи диаспоры с принимающим обществом, однако акцентирует внимание на ее отношении к исторической родине» [4, с. 6].

Р. Брубейкер ввел в научный оборот новое понятие – «диаспоры катаклизма». Появление таких диаспор он связывает с дезинтеграцией и распадом крупных государственных образований, приводящих к изменению политических границ. Главной идеей, положенной Р. Брубейкером в основу выделения «диаспор катаклизма», служит не перемещение людей через границы, а движение самих границ. «Диаспоры катаклизма», в отличие от уже знакомых исторических или трудовых диаспор,

возникают мгновенно, в результате резкого изменения политического устройства, вопреки желанию людей. Они более компактны по сравнению с трудовыми диаспорами, имеющими тенденцию быть рассеянными в пространстве и слабо укорененными в принимающих странах [5, с. 7].

Британский социолог Р. Козн в своей книге «Мировые диаспоры. Введение в тему» [6] сосредоточился на сравнительном анализе диаспоральных сообществ. Начав с евреев, ученый переходит к другим меньшинствам, которые обычно считают диаспорами – это, в частности, армяне, греки, индийцы, ливанцы и китайцы, – а затем расширяет список до двух десятков групп, проживающих по всему миру [7, с. 142].

Французские специалисты по проблемам меньшинств и национализма Ж. Шальян и Ж.-П. Раго считают, что необходимо проводить различие между диаспорами коренными, а также иммигрантскими меньшинствами. Начиная, подобно другим авторам, с еврейской диаспоры как парадигматической, они распространяют изучаемое понятие на те меньшинства, которым свойственны следующие черты: массовое недобровольное рассеяние этнической, конфессиональной группы, ускоренное природными или социальными катаклизмами; значимая коллективная память, посредством которой сохраняется знание о причинах переселения группы и ее особом культурном наследии (в широком понимании); стремление группы сохранить себя в качестве меньшинства, передавая это наследие от отца к сыну; сохранение ориентированной вовне коллективной идентичности после проживания в принимающей стране на протяжении жизни нескольких поколений [8].

Российский исследователь А.Ю. Милитарев в своей статье «О содержании термина «диаспора»» выводит этимологию греческого термина *diaspora* от глагола *diaspeirein*, что означает «рассеиваться, рассыпать, раздавать, расточать» [9, с. 28]. Данный глагол *diaspeir*, по мнению автора, встречается уже в текстах Геродота и Софокла в значениях «рассеять, разбивать (войско)» и «расточать (деньги)», а существительное *diaspora* впервые засвидетельствовано в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии, именно в контексте «рассеяние евреев среди язычников» [9, с. 28–29]. Все это позволило А.Ю. Милитареву прийти к утверждению о том, что использование соответствующего греческого термина в отношении других исторических ситуаций, кроме рассеяния евреев, является его более широким толкованием: «...любое содержательное расширение этого термина имеет одно чисто формальное ограничение: внутренняя форма *diaspora*, точно передаваемая русским словом *рассеяние*, которые приводят к разделению первоначально единого сообщества не менее чем на две группы, оказывающиеся после разделения как минимум на двух территориях, причем – по смыслу греческого префикса *dia-* (и предлога *dia* «сквозь, через, между») – не смежных, а принципиально различающихся друг от друга по географическому местоположению и/или административной принадлежности; упрощенно говоря, они должны находиться в разных странах» [9, с. 29].

Профессор Иркутского университета В.И. Дятлов считает, что «диаспора – не просто рассеяние, пребывание представителей некой этнической группы вне своего «национального очага» в качестве национального меньшинства. Понимание этничности как процесса, представление о ее актуализации допускает и понятие «спящей этничности», оттеснение этнической самоидентификации на низкую ступень иерархии различных форм самоопределения. Диаспору, следовательно, можно трактовать и как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности судьбы (исход с «исторической родины») или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе, на совместных усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтничном обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или отсутствие такового), возникновение и исчезновение могут быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной этнической принадлежности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине, – это еще не диаспора, а только необходимое условие ее реализации» [10, с. 128].

Академик В.А. Тишков формулирует следующее определение: «диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами, диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Этим явление диаспоры отличается от остальной рутинной миграции» [11, с. 50].

Таким образом, проведенный анализ имеющейся научной литературы показал недостаточность исследования феномена диаспоры в рамках социальных наук, в том числе и социологии. Между тем значимость диаспоры с каждым днем становится все острее: реальное влияние диаспор на жизнь национально-территориальных и государственных образований постоянно увеличивается, и многие из них превращаются в важный фактор решения не только социально-культурных, но и экономических и

политических проблем. В настоящее время диаспора может рассматриваться как одна из универсальных характеристик глобализирующегося мира, которая достаточно сильно выражена в различных социальных пространствах. Кроме того, функционирование диаспор сопровождается рядом проблем, одной из которых являются адаптационные и интеграционные процессы диаспорных общин в иноэтническое окружение с сохранением при этом культурной самобытности, этнической самоидентификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Armstrong, J. A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. – 1976. – Vol. 70, № 2. – P. 393–408.
2. Esman, M. J. Diasporas and international relations / M. J. Esman // Modern Diasporas in international politics. Ed. By G. Sheffer. – London and Sydney : Croom Helm, 1986. – P. 333–349.
3. Шеффер, Г. Диаспоры в мировой политике / Г. Шеффер // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 162–184.
4. Брубейкер, Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) / Р. Брубейкер // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 6–32.
5. Брубейкер, Р. «Диаспора» и диаспора / Р. Брубейкер // Этнические и расовые исследования. – 2005. – № 1. – С. 1–19.
6. Cohen, R. Global diasporas: An introduction / R. Cohen // Global diasporas. – Second edition. – N. Y. : Routledge. Taylor & Francis Group. London and New York, 2008. – 219 p.
7. Сафран, У. Потребность в обобщениях и проблема концептуальной размытости / У. Сафран // Диаспоры. – 2004. – № 4. – С. 140–162.
8. Safran, W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return / W. Safran // Diaspora. – 1991. – Vol. I, № 1. // Диаспоры. – 2002. – № 1 – С. 10–11.
9. Милитарев, А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) / А. Ю. Милитарев // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 24–33.
10. Дятлов, В. И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России / В. И. Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 127–139.
11. Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 43–63

УДК 330.59

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМУМА

Баластрик Л.А.

*доцент, КНУ им. Т. Шевченко
кандидат экономических наук, доцент
(г. Киев, Украина)*

Чумаченко О.Г.

*доцент, Университет экономики и права «КРОК»
кандидат экономических наук, доцент
(г. Киев, Украина)*

Роль экологии и охраны природы приобретает в настоящее время все большую остроту и значение. Современные масштабы и способы использования природных богатств таковы, что человечество, черпая одни ресурсы, одновременно и, притом нередко, безвозвратно губит другие, нарушая естественное равновесие и приводя природу в такое состояние, что она теряет основное свое свойство – самовозобновления, и уже не может восполнять нанесенный ущерб. Если самовозобновление прекратилось – значит, природа разрушается, а вслед за этим прекращается эксплуатация ее человеком.

Роль экологии и природоохранных стандартов в современном обществе двоякая. Во-первых, это формирование ограничений при принятии хозяйственных решений. Эти ограничения связаны с соблюдением природоохранного законодательства и вытекающим из него экологическим нормированием. Вторая роль экологии заключается в оптимизации рыночных и административных инструментов согласования хозяйственной и природоохранной деятельности. Первая группа посылок должна опираться на допустимый диапазон нормативов качества окружающей среды. Давно известны, как минимум, три внутренних норматива: предкризисная нагрузка на состояние окружающей среды;

экономический оптимум нагрузки; социальный оптимум нагрузки. Социальный оптимум характеризуется потребностями общества в достижении санитарно-гигиенических или более жестких экологических нормативов (93 % украинцев считают охрану окружающей среды важным вопросом; 87 % считают, что могут лично играть роль в защите окружающей среды).

Выход на социальный оптимум возможен только на основе использования экологически чистых технологий, которые входят в состав шестого технологического уклада. Финансовыми ресурсами перехода к социальному оптимуму служат как собственные средства предприятий, так и государственная финансовая поддержка. Социологический опрос, проведенный агентством «Фама» по заказу и в сотрудничестве с Ресурсно-аналитическим центром «Общество и окружающая среда» 1-16 мая 2018 года, показал, что самым эффективным методом решения экологических проблем является введение высоких штрафов за нарушение экологического законодательства – так считают 44,7 % опрошенных; а также –финансовые стимулы для людей и бизнеса и усиление информирования о том, как перейти к экологическим практикам – 70 %. Но наибольшее число опрошенных (83 %) считают, что предприятия должны нести основную ответственность за влияние своих производственных процессов на экологию.

Мы считаем, что предприятиям необходимо иметь план достижения социальных нормативов качества окружающей среды, который должен содержать технологические и технические мероприятия, сроки их реализации и расходы финансовых ресурсов по годам. Со стороны государства своевременно было бы внедрить льготы по кредитованию инвестиционных проектов, связанных со снижением нагрузки на окружающую среду, путем государственного субсидирования процентных ставок по кредитам. Как показал опрос, основную ответственность за решение экологических проблем в Украине респонденты возлагают на центральную власть – 37 % и местные власти – 38 %, а 19 % опрошенных считают, что эти вопросы нужно решать совместно с ЕС [3]. Другой стимулирующей мерой внедрения современных природоохранных технологий служит переход от существующей платы за загрязнение окружающей среды к платежам на возмещение экономического ущерба от загрязнения.

Жизненные реалии показывают, что экологические проблемы существенно влияют на социальную систему и качество жизни общества. Большинство из них требуют детального анализа. Во-первых, экологические провалы государства нужно компенсировать экономически. Существует мнение, что компенсировать экологические потери – это роскошь и напрасная потеря финансовых ресурсов. Истина состоит в обратном. Экологические катастрофы обходятся всем очень дорого и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе. Их предотвращение экономит ресурсы как государства, так и населения. Во-вторых, новые технологии не решают старых проблем, связанных с загрязнением окружающей среды, а могут создавать новые. В-третьих, есть мнение, что, если некоторые природные ресурсы иссякнут, взамен можно найти другие. Разговоры о новых технологиях отвлекают от очевидной необходимости сейчас снижать интенсивность использования и потребления топлива и других энергетических ресурсов. Экономическое благополучие любого общества определяется не только размером ВВП и количеством потребляемых экономических благ. Процветание, которым наслаждается «первый мир» [5], основывается на растрате экологического капитала – невозобновляемых энергоресурсов, морских ресурсов, плодородной почвы, лесов и т.д. Социально неправильно представлять эти потери как способ улучшения благосостояния в текущем периоде и не думать о будущем. Тем более, что история далекого и недалекого прошлого показывает, что общество может прийти к упадку всего за десять-двадцать лет после достижения пика роста экономики и государственной мощи. Причина проста: рекордно большое потребление ресурсов вызывают высокую нагрузку на окружающую среду, которая ведет к истощению ресурсов.

Поэтому, необходимо на государственном уровне решать проблему рециклинга. Утилизация так называемого «мусора» должна быть превращена в сектор экономики, основными задачами которого будет организация централизованного сбора отходов; лицензирование переработки черных, цветных, драгоценных металлов, резины, стекла и т.д.; предоставление льгот для переработчиков. Разработка технического регламента об отходах электрического и электронного оборудования в Украине началось с 2008 года. Нџ до сих пор не решенным остается вопрос, кто должен платить за утилизацию – потребители или производители с продавцами. В Беларуси эта проблема решена. Люди выставляют ненужный электронный утиль возле дома, машина его бесплатно забирает и увозит на вторичную переработку. В Польше, например, за вынос электронного мусора к мусорным бакам предусмотрен серьезный штраф – 1,5 тыс. евро. Только на государственном уровне можно решить проблему с полигонами твердых бытовых отходов; мусоросортировочными станциями с сепараторами, магнитоулавливателями; мусоросжигательными заводами с фильтрами.

Еще одним направлением решения экологических проблем общества есть усиление юридической ответственности за правонарушения в области экологической безопасности. Действующее

экологическое законодательство закрепляет перечень правонарушений в сфере экологической безопасности. К ним относятся: нарушение прав граждан на экологически безопасную окружающую природную среду; нарушение норм экологической безопасности; нарушение природоохранных требований при хранении, транспортировке, использовании, обезвреживании и захоронении химических средств защиты растений, токсических и радиоактивных веществ, производственных, бытовых и других видов отходов и др. [6]. Согласно с видами экологических правонарушений в сфере обеспечения экологической безопасности виновные могут быть привлечены к дисциплинарной, административной, криминальной или гражданско-правовой ответственности. В реальной жизни Украине присущ очень низкий уровень применения норм криминального права за нарушение природоохранного законодательства. Например, судимость за незаконную охоту в 2018 году составила 2,2 %; незаконное занятие рыбным, звериным или иным водным промыслом – 0,8 %; незаконная вырубка леса – 0,2 %; загрязнение моря – 0,002 %; загрязнение водных объектов – 0,2 % от всех преступлений [4].

На наш взгляд, наиболее важной составляющей решения экологических проблем является воспитание экологической культуры и обеспечение информированности общества. Современное общество может узнать об ошибках людей, живших задолго до нас и находящихся далеко от нас. Такой возможностью не располагало ни одно общество в прошлом. Мы живем в удивительную эпоху – с одной стороны, мощное развитие техники и промышленности, ведущие к росту благосостояния и достижению высокого уровня цивилизации, с другой – катастрофическое ухудшение санитарных условий повсюду, где человек живет и работает. В городах мы дышим воздухом, пропитанным отработанными газами и дымом, потребляем отравленные химией продукты, постоянно соприкасаемся с веществами, вредными для нашего здоровья. Решение проблемы эколого-экономического оптимума развития в будущем возможно, в том числе, и воспитанием сегодняшнего поколения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баластрик, Л. А., Чумаченко, О. Г. Экологические факторы общественного воспроизводства / Китайсько-українське гуманітарне співробітництво в рамках концепції «Один пояс – Один шлях» // Наукове видання. – КНР, Тяньцзинь, 2016/2017. – С. 98–108.
2. Україна поступово перетворюється в величезний смітник [Електронний ресурс]. http://24tv.ua/home/showSingleNews.do?pidsumki_tizhnya_ukrayina_potstuvu. – Название с экрана
3. 93% українців вважають охорону довкілля важливим питанням [Електронний ресурс]. <https://uacrisis.org/uk/68683-eco-sonscience-in-ukraine-social-survey> – Название с экрана
4. Чисте місто – система з комплексів переробки твердих побутових відходів [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://ukrproject.gov.ua/sites/default/files/pdf/chiste_misto4.pdf. – Название с экрана
5. Разделение стран на сорта: от 1-го мира до 4-го <https://pan-sapunov.livejournal.com/29608.html>. – Название с экрана
6. Закон Украины «Про охорону навколишнього природного середовища»

УДК 316

УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Безнюк Д.К.

*заместитель директора по научной работе, Институт социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
(г. Минск, Беларусь)*

«Царство мое не от мира сего» (Ин 18:36)... Такого заявления социолог себе позволить не может, ибо он как раз и живет этим миром, его проблемами, его тревогами, его будущим. Еще О. Конт проектировал социологию не только как научную дисциплину, но и как инструмент социального и политического управления, полагая неразрывную связь научной теории с практикой совершенствования общества.

Социология, с момента своего возникновения, ушла далеко вперед от первоначальных идей и проектов, разрослась до мультипарадигмальности и широкого спектра теорий, но сохранила установку отцов-основателей на причастность к процессам социального управления посредством изучения и понимания общества.

Именно эта установка, как представляется, выступает оселком, на котором проверяется прочность и жизнеспособность современной социологии. Будущее мировой и отечественной социологии формируется на фоне целого спектра условий и содержательно предполагает ряд задач-перспектив. Остановимся на их прояснении.

Среди глобальных условий необходимо отметить разворачивающийся мировой кризис, выражающийся не столько в пробуксовывании привычной экономической модели, сколько в банкротстве англо-саксонской морально-нравственной системы, которая оформляет бесконечно либерализирующиеся западные ценности, вступившие в стадию постхристианских и начинающих противоречить как здравому смыслу, так и самосохранению европейского политического, национального и культурного порядка. Такой кризис, безусловно, повлечет за собой и изменение социологической оптики: новые проблемы – новые схемы и язык диагностики. Следует помнить и то, что западная социология – плоть от плоти социально-политической и культурной матрицы Запада, изменение которой изменит и социологию, прежде всего, ее теоретическую составляющую, производящую глобальные смыслы, масштабные объяснительные проекты и обслуживающую проектную деятельность социальных элит. Здесь следует упомянуть и об очередном методологическом кризисе социологии, который фиксируется многими специалистами и требует, по их мнению, срочного преодоления.

К условиям, на фоне которых развивается современная белорусская социология, следует отнести и ситуацию социального заказа на социологическую рефлексию вообще и социологическое образование в частности. То, что наличие заказчика на социологическую информацию является базовым условием ее формирования и дальнейшего существования – факт непреложный, но следует учитывать и характер этого заказчика. Если речь идет о субъекте хозяйствования, которого интересует только «линейка» из маркетингового исследования, то мы имеем дело с уровнем социологической методики, процедурностью, обслуживанием оперативных потребностей клиента. Для гарантии устойчивого положения социальной теории, для развития и совершенствования социологической науки необходим устойчивый социальный заказ иного масштаба: заказчик должен быть заинтересован в получении социологической информации как базы для социального управления, проектирования и прогнозирования социетальных систем. Заказчиком социологии, в идеале, должна выступать Культура, требующая именно социологического видения настоящего и будущего.

Еще одним условием для белорусской социологии может выступать сложившееся международное разделение социологического труда, в котором белорусская социология выступает чаще всего поставщиком эмпирических данных для западных исследователей или совместных сравнительных исследований. Проблема отставания отечественной теоретической социологии от западных образцов автору представляется неразрешимой, но и не фатальной. Во-первых, социология – сугубо западный проект, построенный под развитое гражданское общество и преследующий, в значительной степени, политические цели, к которым мы можем иметь весьма косвенное отношение. Во-вторых, наблюдаемый в мире «бунт» незападных социологов, требующих пересмотреть доминирование англо-саксонских образцов социологической теории, может говорить о начале заката эталонной социологии, к которой мы привыкли и которой учим студентов. В-третьих, белорусский социологический анклав может прекрасно себя чувствовать, формируя и разрабатывая «тутэйшыя» социологические отрасли, отражающие наши проблемы и нашу специфику. Хотя никто не отменял мечту о высоком полете...

В таких условиях и при таких обстоятельствах какими видятся задачи и перспективы отечественной социологии?

Одной из них должно быть решение задачи самоопределения белорусской социологии, утверждения ее культурного статуса, реформатирования научного потенциала. Это потребует значительной по масштабам и глубине ревизии смыслов и понятийно-категориального аппарата, которые зачастую отстают от динамики реальной жизни. Безусловной задачей будет выступать сохранение и развитие уже сложившихся научных школ и направлений в социологии.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К СОЦИОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Белькевич П.В.

*магистрант, Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Переход науки в постнеклассическую стадию развития поставил научное сообщество в довольно шаткое положение – в общественном сознании сформировалось мнение, что наука больше не может предоставить возможность для дальнейшего изучения природы и общества. Данные перемены произошли не без оснований – события XX века, будь то техногенные катастрофы, мировые войны и т. д., показали, что с человечеством и его культурой происходят изменения величайшего в истории масштаба. Проблема заключалась в том, что институт науки не успевал развиваться достаточно быстро и поспевать за этим процессом. Одной из возможных причин можно обозначить установку на строго регламентированное разграничение научных дисциплин и, соответственно, разработку методологий, имеющих очень узкую и специфичную область применения – подобный подход игнорирует наличие тесных связей между различными сферами общества (хотя тезисы о подобном выдвигались уже марксистами, на примере отношения между “базисом” и “надстройкой”). Вместе с этим, очень сильное влияние на внешнее восприятие науки было оказано постпозитивистами К. Поппером и Т. Куном, которые, рассматривая науку в историческом срезе, представили знание во всей его изменчивости – то, что считалось истиной ещё несколько столетий назад, теперь не воспринимается серьёзно. В таком случае, наука не является чем-то незыблемым, а даже наоборот, становится в каком-то смысле схожей с идеологией. Эти факторы спровоцировали кризис научного аппарата, ответом на что и должна была стать постнеклассическая стадия, одним из главных атрибутов которой является трансдисциплинарность.

Хотя введение термина в употребление приписывают Жану Пиаже, теоретической разработкой понятия “трансдисциплинарности” занимался учёный Басараб Николеску, являющийся главным автором “Хартии трансдисциплинарности”, текста, составленного на 1-ом съезде Трансдисциплинарного Конгресса. “Хартия” состоит из преамбулы и 15-ти пунктов, в которых указано следующее:

- всякая попытка подвергнуть человека к редуктивному анализу через систему формальных структур противоречит принципам трансдисциплинарности;
- реальность существует на разных уровнях, и каждый из уровней имеет собственную логику происходящего, отличную от других;
- целью трансдисциплинарности является не подчинение себе отдельных дисциплин, но создание условий для взаимодействия между дисциплинами, с целью выявления знания;
- трансдисциплинарность включает в себя транскультурность (отсутствие привилегий у какой-либо культуры, равенство культур), транснациональность (осознавание себя в первую очередь как жителя Земли, а не какой-либо страны);
- трансдисциплинарность подразумевает наличие равного диалога между точным и гуманитарным знанием, между знанием и верой. Диалог – главная ценность трансдисциплинарной этики;
- фундаментальными характеристиками трансдисциплинарности являются строгость (уделение внимания всевозможным данным), открытость (способность принять неизвестное, неожиданное), толерантность (признание права на существование противоположной точки зрения) [2].

Также является важным обозначить разницу между мультидисциплинарностью, интердисциплинарностью и трансдисциплинарностью. Мультидисциплинарность подразумевает “решение научных задач в рамках предметного поля определенной науки с помощью методологических конструкторов и методов других научных дисциплин” [1, с. 65]. Примером подобного могут быть исследования Герберта Спенсера, основателя школы органицизма, использовавшего теорию эволюции Чарльза Дарвина для своего собственного анализа общества. Интердисциплинарность подразумевает “постановку проблем, лежащих на пересечении предметных полей различных научных дисциплин, и решение научных задач, предполагающее разработку нового понятийного аппарата и специальных научных теорий как результата оригинального комбинирования и рекомбинирования существующих идей” [1, с. 65]. Примером подобного можно считать такую научную отрасль, как биостатистику, представляющую собой сочетание биологии и статистики.

Трансдисциплинарность же подразумевает “синкретическое осмысление результатов различных научно-исследовательских практик на более высоком концептуальном уровне абстракции в контексте разрешения социально значимых проблем, выходящих за пределы собственно научного познания” [1, с. 65].

Примером трансдисциплинарного подхода к социологии является статья английского социолога Сэма Уимстера “Pure Relationality as a Sociological Theory of Communication”, в которой для исследования коммуникационных технологий и социальных отношений предлагается фигура реляционности, взятая из квантовой физики и отражающая восприятие реальности через отношение к наблюдателю, показывая таким образом, что на самом деле исследование занимается не объектами, а отношением между объектами. С. Уимстер предлагает рассматривать через данную призму социальное – какие изменения оно претерпевает при таком переопределении. Более того, социальное рассматривается как электрон – оно существует только в моменты взаимодействия элементов системы, а не является чем-то постоянно присутствующим. С точки зрения С. Уимстера, подобное мероприятие позволит достичь того уровня абстракции, на котором будет располагаться истинная природа социального. Также это позволит работать с такими современными феноменами, как социальные сети, мемы и то, как они влияют на коммуникацию. Возможно, это предоставит адекватный способ интерпретации ситуаций, до этого считавшихся непредсказуемыми (как победа Дональда Трампа на выборах президента США в 2016-ом году). Но, помимо этого, С. Уимстер ещё выделяет эвристический аспект своего проекта – у социологии отсутствует теоретический аппарат, способный работать с феноменами современного общества, и одним из путей преодоления этого может быть переосмысление социального с новых позиций [3]. Когда общество не поддаётся описанию и не даёт науке захватить свою суть, оно ставит вызов, ответом на который может быть лишь только принципиально новое знание. Стоит отметить, что в отличие от мультидисциплинарного подхода, автор не просто предлагает интерпретировать социальные феномены, используя квантовую теорию. Скорее, речь идёт о том, какой непредсказуемой стала социальная реальность, из-за чего необходима отличная от предыдущей модель мышления, установки которой могут находиться там же, где и установки таких людей, как М. Планк, В. Гейзенберг и т. д.

Тем не менее, трансдисциплинарный подход ещё долго не будет стандартом. Причиной этого является внутренняя структура научного и академического сообществ – деление учебных и исследовательских заведений на факультеты, институты и другие формы организации сохраняет жёсткие границы дисциплин. В соответствии с этим, возможная научная карьера тоже принимает строгие границы, что может лишить членов сообщества энтузиазма и желания прибегать к нестандартным практикам. Это же касается и финансирования подобных исследований – инвесторов проще убедить в успехе научного проекта, когда он опирается на сложившуюся методологию. С другой стороны, в будущем может возникнуть ситуация, когда реальность изменится до той степени, что трансдисциплинарный подход станет вынужденной мерой в научной деятельности. Зачатки этого уже есть сейчас – достаточно посмотреть на переход инвестиций от проверенных бизнес-схем с гарантированной прибылью к старт-апам, экспериментальным инновационным предприятиям. Экономическая сфера уже начинает не просто ориентироваться на будущее, но и на то, как его пришествие можно ускорить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лубский, А. Трансдисциплинарные исследования: проблемы современного эпистемологического дискурса / А. Лубский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 12. – С. 61–66.
2. B. Nicolescu. Manifesto of Transdisciplinarity [Electronic Resource] / Tr. by K. Claire Voss. – Albany: State University of New York Press. – 2002. – pp 147–152. – Mode of access: <http://inters.org/Freitas-Morin-Nicolescu-Transdisciplinarity>. – Date of access: 20.10.2020.
3. S. Whimster. Pure Relationality as a Sociological Theory of Communication [Electronic Resource] / Ed. by J. Balon. – *Frontiers in Sociology*. – 2018. – Mode of access: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2018.00001/full>. – Date of access: 20.10.2020.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ ДЕВИАНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ**Богуш Т.А.***доцент, ГрГУ им Я. Купалы
кандидат социологических наук, доцент
(г. Гродно, Беларусь)*

Мышление человека часто основано на шаблонном поведении и стереотипных эмоциональных реакциях. Как в отношении собственного поведения, так и по отношению к восприятию образа другой личности, можно наблюдать устойчивые ментальные искажения, проявляемые как во взгляде на собственное «я» человека, так и в межличностных взаимоотношениях. Так, например, умственная деятельность человека склонна создавать себе образы других людей, полагаясь не на ту объективность: что на самом деле они собой представляют, и как проявляют себя в том мире, а на предположения собственных пожеланий видеть этого человека таким, каким его очень хочется увидеть. И часто из-за этого возникают искажения, основанные на стереотипах мышления человека, а не видение и понимание отдельных индивидуальных черт и особенностей.

Если рассмотреть тему паттернов или шаблонов и стереотипов в сознании человека шире, то можно увидеть всю многомерность затронутой темы: социальные стереотипы бывают религиозные, политические, семейные, профессиональные, даже индивидуальные эгоистические. И все они поощряют ум, а стало быть и поведение человека, быть зависимым от принадлежности к одной или же сразу нескольких групп сложившихся социальных шаблонов и стереотипов.

Учитывая все вышесказанное, напрашивается следующий вывод: на своем жизненном пути, себе препятствия мы строим сами, руководствуясь застывшими рамками ложно запрограммированного (как нами самими, так и воспитывавшими нас окружающими людьми), рассудка, этого психо-программного шаблона.

Одно из коварных проявлений шаблонного мышления – это полярность, и относительно этой полярности – преждевременность вывода, или суждения с навешиваемыми мнением индивида ярлыками на событие, явление, человека. Шаблонное мышление делает восприятие человека ограниченным, узким, односторонним. Так, например, крайняя степень догматизма есть фанатизм, как элемент укоренившегося стереотипа, который не допускает ни критики, ни способности услышать отличающееся мнение, ни увидеть компромиссных путей разрешения ситуации.

Необходимо отметить, что стереотипы возникают достаточно быстро, и интересен тот факт, что в сам момент создания стереотипа мозг человека находится в состоянии умственного напряжения: он работает. Но после создания стереотипа, работа мозга переходит из активного режима в хронический ленивый/спящий режим. Это одно из коварных эффектов укоренившихся стереотипов. Возникновению стереотипа способствует недостаток общения между людьми, скрытность их нравов, недоговоренность, то есть все условия, где наблюдается недостаток информации. Недостаток общения непременно приведет к недостатку информации, а недостаток какой-либо информации – это верный путь создания штампов в каком-либо вопросе межличностного общения.

Очень важно для растущего сознания человека признать у себя наличие стереотипов. Это будет первый шаг на пути к собственному преображению: запускается механизм изменений, который может привести к развитию и других способов мышления с включением, той же интуиции и высшей логики в соединении.

Однако, при неблагоприятных условиях внешней среды и незрелости эмоциональной и психической сферы становление поведения несовершеннолетнего может осуществляться следующим образом: нормальное поведение – девиантное поведение (алкоголизм, наркотизм, уход из дома) – делинквентное поведение в форме совершения правонарушений – преступное поведение (совершение преступлений). При отсутствии проведения профилактической работы, эти проявления приобретают систематический, осознанный, целенаправленный характер. Отклоняющееся поведение имеет сложную природу, обусловленную самыми разнообразными причинами и факторами. Приведем причины социальных патологий, т.к. именно они являются объектом внимания социальных педагогов и социальных работников.

Морально-этические причины: низкий морально-нравственный уровень современного общества; бездуховность общества; утрата моральных ценностей; падение нравов; равнодушие общества к многим детским проблемам; алкоголизация и наркотизация.

Социально-педагогические причины: дефекты семейного и школьного воспитания; неуспехи ребенка в школе; падение престижа образования; педагогическая запущенность (учителя в школе больше внимания уделяют успевающим детям, а не тем, кто имеет проблемы в обучении); отсутствие систематической профилактической работы, неуверенность подростков и молодежи в завтрашнем дне.

Семья как причина девиантного поведения. В семье факторами риска следует рассматривать такие характеристики семьи как: характер взаимоотношений и общения в семье; воспитательный потенциал семьи; структуру семьи; социально-бытовые условия; психологический микроклимат; образовательный и культурный уровень родителей.

Как самостоятельную причину следует рассматривать *неформальные группы сверстников*. Приятельская компания подростков становится благоприятной средой криминогенного поведения подростков, когда потерян авторитет и престиж ведущих субъектов социализации – семьи и школы.

Особенности подросткового возраста. Подростковый и юношеский возраст входят в группу повышенного риска, так как для него характерны: внутренние трудности переходного возраста, начиная с психогормональных процессов и заканчивая перестройкой «Я-концепции»; пограничная неопределенность социального положения: уже не ребенок, но еще и не взрослый; стремление к новизне, к оригинальности поведения (в том числе и отклоняющегося), желание понимать, бороться, достигать, утверждаться, попытки изменить существующую систему оценок и взглядов, принятых в среде ближайшего окружения.

Специальных генов, обуславливающих девиантное поведение не существует. Однако, выделяют причины отклоняющегося поведения, связанные не с социальными причинами, а с медицинскими. К ним относят:

Генетические факторы. По наследству передаются некоторые болезни, в частности такие как шизофрения, дефекты зрения, слуха, повреждения нервной системы; нервно-психические нарушения, обусловленные семейным алкоголизмом, наркоманий.

Психофизиологические факторы. В последнее время увеличивается влияние на организм человека психофизиологических нагрузок, конфликтных и стрессовых ситуаций, экологического фактора. Все это приводит к различным соматическим, аллергическим и токсическим заболеваниям.

Физиологические причины. Нарушение речи, дефекты речи, слуха, внешняя непривлекательность, недостатки конституционно-соматического склада, которые зачастую вызывают негативное отношение окружающих, что приводит к нарушению межличностных отношений ребенка (да и взрослых) в группе сверстников, в коллективе.

Психологические факторы, связанные с наличием у человека психопатологии или акцентуации (чрезмерное усиление) отдельных черт характера, что сопровождается эмоциональной неустойчивостью, невротичностью, повышенной возбудимостью нервной системы, психопатией.

Личностный фактор. Наиболее опасным представляется заниженный уровень самоуважения и отсутствие сложившихся механизмов самоконтроля и самокорректировки поведения. Американский психолог Г. Кэплан своими исследованиями доказал, что понижение самоуважения у юношей связано практически со всеми видами девиантного поведения и, как правило, приводит к росту антинормативного поведения: пьянство и алкоголизм; токсикомания и наркомания; суицидальное поведение; проституция; девиантное поведение по почве сексуальных отклонений; побег из дома и бродяжничество.

Проблема социальных аутсайдеров всегда имела место в обществе. Социальные аутсайдеры – это люди, которые в силу ряда объективных и субъективных причин не смогли найти достойное место в обществе и оказались в самых низших его слоях. Бродяжничество является крайней формой социального аутсайдерства.

Бродяжничество сопряжено с другими видами девиантного поведения: алкоголизмом и наркоманией.

Алкоголизм – заболевание с прогрессирующим течением, которое возникает на основе неумеренного употребления спиртного и проявляется характерными психическими и невралгическими расстройствами, поражением внутренних органов, а также сопровождается нарушениями различных социальных функций больного.

Понятие «алкоголизм» включает в себя 2 критерия: 1) медицинский – патологические изменения в организме, которые непосредственно связаны с хроническим алкогольным отравлением или наступают в результате его и 2) социальный – это духовный, материальный и биологический вред, который приносит неумеренное употребление алкоголя.

Пьянство – антиобщественная форма поведения, проявляющаяся преимущественно в злоупотреблении алкоголя. Оно не является заболеванием и этим отличается от алкоголизма. Однако социальные критерии пьянства и алкоголизма совпадают. Пьянство – предтеча заболевания.

В настоящее время принято рассматривать алкоголизм как прогрессирующий болезненный стресс, что позволяет выделить три стадии развития заболевания.

Первая стадия алкоголизма – постепенно формируется из пьянства. Характерны психическая зависимость, возрастающая стойкость к нему, частичное нарушение памяти на период опьянения, переход от эпизодического пьянства к систематическому.

Вторая стадия – патологическое влечение к алкоголю приобретает неодолимый характер. Утрачивается контроль над количеством выпитого, во многих отсутствует и ситуационный контроль.

Третья стадия – уменьшается стойкость к алкоголю, снижается его индивидуальная переносимость, усиливается физическая зависимость от алкоголя, углубляется деградация личности.

При постоянном употреблении алкоголя, постепенно формируется синдром алкогольной зависимости, который приводит не только к различным видам заболеваний (диабеты, гепатиты, циррозы и др.), но и к различным формам насилия как в семье, так и обществе.

Наркомания – тяжелейшее заболевание, возникающее в результате злоупотребления специфическими средствами, получившими условное название «наркотики». Болезнь характеризуется неуправляемым влечением к постоянному их употреблению во все возрастающих дозах.

Наркотики выделяют по трем критериям:

1) медицинскому – являются веществами или лекарственными средствами, оказывающими специфическое (стимулирующее, седативное, галлюциногенное и др.) действие на центральную нервную систему, что является причиной их немедицинского потребления;

2) юридическому – вещества в установленном законом порядке признаны наркотическими и включены в список наркотических средств;

3) социальному – немедицинское потребление веществ имеет большие масштабы, а его последствия приобретают социальную значимость.

Наркотическим средством может называться только то вещество, которое признано таковым соответствующим юридическим актом.

Наркомания – явление антисоциальное. От 40 до 90% уголовных преступлений связаны с наркотиками. К ним относятся кражи, мошенничество, злоупотребление служебным положением, изготовление, хранение и продажа наркотиков и другие имущественные преступления. Рост наркоманий стимулируется постоянным ростом числа людей, втянутых в наркобизнес, стремлением разбогатеть преступным путем, жадной наживы.

Исследователи выделяют 10 наиболее значимых паттернов, которые могут спровоцировать развитие наркомании у подростков: алкоголизация одного или обоих родителей; воспитание по типу гипо- или гиперопеки, безнадзорности; девиантное поведение в анамнезе; низкий общеобразовательный уровень семьи; высокий уровень конфликтности в семье; конфликтный характер взаимоотношений с окружающими; неполная семья; низкий авторитет родителей и, особенно отца, отстраненность его от воспитания; особенности психофизического развития (акселерация, инфантилизм); биологические изменения конституции (характерологические аномалии).

Основными шаблонами злоупотребления наркотиками несовершеннолетними, по мнению врача-нарколога Ф.Б.Плоткина может быть:

1. Социальная согласованность - если использование того или иного наркотика принято в группе, к которой человек принадлежит или с которой он себя идентифицирует, то он, скорее всего, почувствует необходимость принять этот наркотик, чтобы показать свою принадлежность к данной группе;

2. Удовольствие – то есть, сопутствующие и приятные ощущения от хорошего самочувствия и релаксации до мистической эйфории;

3. Доступность - нелегальное потребление наркотиков наиболее высоко там, где они легче доступны. Например, в крупных городах;

4. Любопытство - в отношении наркотиков заставляет некоторых людей начать самим принимать наркотики;

5. Враждебность- принятие наркотиков может выглядеть символом оппозиции ценностям общества. Когда человек отвергает общество и все альтернативы, включая самого себя, свои надежды и цели, возникающее чувство бессмысленности жизни, изоляции и неадекватности делает его предрасположенным к употреблению наркотиков;

6. Материальный достаток, избыток свободного времени могут привести к скуке и потере интереса к жизни и развлечением становятся наркотики.

7. Уход от физического стресса – большинству людей удаётся справиться с наиболее стрессовыми ситуациями в их жизни, но некоторые пытаются найти убежище в форме наркотической зависимости. Наркотики часто становятся ложным центром, вокруг которого вращается их жизнь.

Еще одним фактором, способствующим употреблению подростками наркотиков, является низкий уровень их информирования о последствиях наркомании на физическое, социальное и психическое здоровье человека.

Трактовка причин девиантного поведения тесно связана с пониманием самой природы этого социально-психологического явления. Известно, что в человеческом поведении сочетаются компоненты различного уровня – биологического, психологического и социального. В зависимости от того, какому из них в той или иной теории придается главное значение, определяются и основные причины этого поведения. Поэтому и концепции, объясняющие отклоняющееся поведения можно классифицировать на:

1. Биологические концепции, уделяющие главное или исключительное внимание биологическим детерминантам

2. Социологические концепции.

Исследования социологов конца XIX- начала XX вв. (Э. Дюркгейм 1912 г. работа «Самоубийство», Д. Дьюи, М. Вебер и др.) выявили связь отклоняющегося поведения с социальными условиями существования людей. Было доказано, что число аномалий в поведении людей неизбежно возрастает в периоды войн, экономических потрясений, социальных потрясений, что опровергало теорию «врожденного преступника» и указывало на социальные корни этого явления.

Так, Э. Дюркгейм считал, что нельзя представить общество без преступлений: оптимальный уровень девиаций неизбежно присущ человеческому обществу. Необходимо заботиться не столько об искоренении девиаций, сколько о поддержании этого оптимального уровня, предупреждая его всплеск, рост различных форм девиантного поведения. Оно в решающей степени вызвано негативным, или амбивалентным отношением людей к официальным, узаконенным социальным нормам. Социальные паттерны девиантности являются достаточно устойчивым конструктом в обществе, что вызывает озабоченность и попытки государственного контроля за этим социальным явлением, явно недостаточным и неэффективным. Оптимизация превенций в этой сфере должна опираться на баланс запретов и разъяснений, ограничений и предупреждений.

УДК: 316.4.06

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБВЕНИЯ

Бровчук Н.М.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Историю и память так или иначе сопровождает забвение: человеческая память не имеет способности хранить исключительно точную информацию обо всём, что встречается человеку в течение жизни. Какие-то моменты он помнит ярко, какие-то забывает, преднамеренно или непреднамеренно. То же самое верно и для исторической памяти общества: одни события становятся её содержанием, другие – нет. Со временем, в силу самых разнообразных причин, существующая память о прошлом может видоизменяться, иногда полностью стираться. Историческое забвение – это явление утраты обществом и людьми исторической памяти о своём прошлом.

Феномен забвения, как и феномен травмы, как и феномен исторической памяти, наиболее ярко проявляет себя в переломные моменты жизни целых обществ, народов, государств или цивилизаций, когда происходит смена идеологии, религии, общественного строя, культурных парадигм и многие другие явления, часто необратимо трансформирующие историческую память, влекущие за собой уничтожение одних ценностей и создание новых; в этом проявляется взаимосвязь одновременно созидających и разрушающих механизмов забвения исторической памяти. Н. А. Кочеляева пишет о том, что «тема памяти в культуре неизменно сопряжена с темой забвения, сопровождающей всякое практическое действие, направленное на увековечение образов событий, людей и т. д. Процесс создания одних культурных ценностей всегда неотделим от процесса разрушения других, и в этом смысле ценность намеренного уничтожения обладает особыми смыслами и значениями» [1, с. 59]. Многие исследователи-философы сходятся во мнении, что человек способен помнить, потому что способен забывать.

Немецкий мыслитель Фридрих Ницше в «Несвоевременных размышлениях: «О пользе и вреде истории для жизни»» упоминал, что для здоровья человека, народа и культуры одинаково важны как

историческое, так и неисторическое [2, с. 164], под последним он подразумевал именно способность к забвению, желание человека дистанцироваться от прошлого, жить настоящим, чтобы реализовывать свой творческий потенциал. С точки зрения Ницше, тот, кто увлекается прошлым, неспособен жить настоящим, а изучение истории ведёт к утрате человеком способности её творить. Однако, как указывает Ю. Сафронова [3, с. 152], отрицательные взгляды Ницше на историю не были чем-то из ряда вон выходящим: в его время к излишней памяти относились как к болезни и не поощряли её, потому что считалось, что помнить всё почти так же плохо, как не помнить ничего. Науки психология и психиатрия того времени также не видели в хорошей памяти ничего позитивного и занимались поиском средств, которые помогали бы пациентам забывать.

Смена взглядов на проблематику исторического забвения произошла в XX веке. Австрийский философ Рудольф Бургер в книге «Малая история прошлого» соотносит этот момент с окончанием Второй мировой войны [4]. Забвение, он полагает, выступает основой существования человечества, а долг помнить о страшных, бесчеловечных событиях – преступление. В результате в обществе и в социальных науках был порождён конфликт – разгорелась борьба памяти против забвения. С одной стороны, память – хранительница социально-исторической идентичности, и каждый индивид несёт ответственность как за неё, так и за свою роль в исторических событиях, а забвение – область её потери, но с другой стороны – не может ли быть так, что слишком хорошая память может нести ещё более разрушительный посыл?

По мнению французского исследователя П. Рикёра, забвение в «обычном режиме», если можно так выразиться, трудно поддаётся исследованию, поэтому исследовательскими объектами должны стать «искажённые формы забвения» [5, с. 619]. Забвение памяти имеет двойственную натуру, связанную с целенаправленным формированием удобного нарратива: он часто применяется различными социальными акторами (часто властными структурами) и одновременно необходим для конструирования удобной картины мира, направленной на избегание плохого, на устранение травмы, вреда. Историческому забвению чаще всего подвергаются тяжёлые, травмирующие исторические события, связанные с чувствами страха, тревоги, горечи, стыда, вины или отвращения, а также приносящие значительный ущерб социально-политическому, культурно-историческому благосостоянию общества, а также идентификации его членов. Поэтому в исследованиях исторического забвения, как и в исследованиях травмы, всегда присутствует сильный этический компонент.

Существуют различные типы исторического забвения. Английский социолог Пол Коннертон выделял семь типов, три из которых можно считать практиками позитивного забвения, а оставшиеся четыре – негативного:

- предписанное забвение (официально утверждается государственными структурами во имя соблюдения интересов всех заинтересованных сторон, чтобы не допустить разрастания конфликта до бесконечности);
- учредительное забвение (способствует формированию новой идентичности посредством создания новых поведенческих паттернов, которые, в свою очередь, определяются нарративами исторической памяти; в результате некоторые старые нарративы переходят в латентное состояние, а новая память формируется на основе не только общих воспоминаний, но и общих умолчаний);
- аннулирование (в результате пресыщения информацией возникает необходимость отсеять ненужную информацию);
- репрессивное уничтожение (развенчание и забывание объектов прошлого, характерно для тоталитарных режимов);
- запланированное устаревание (характерно для капиталистических систем, предполагает вывод из потребления старого товара и замену его новым, лучшим, более совершенным продуктом);
- молчание унижения и стыда (замалчивание исторических фактов, которые относятся к позорным страницам истории);
- амнистия («освобождение» от «плохой» памяти в качестве особой милости, амбивалентный тип исторического забвения с позитивными и негативными моментами) [6].

Свою типологию исторического забвения предлагает Ф. Анкерсмит. Он выделяет такие типы забвения, как:

- «безвредный» (информация забывается без вреда для идентичности);
- для второго характерно забывание важной для индивида или группы информации, при этом значимость её часто не осознана, иначе она не была бы забыта;
- третий тип соответствует ситуациям, когда память становится слишком болезненной;
- четвёртый предполагает обретение новой идентичности через отказ от предыдущего травматического опыта, сопряжённый с тяжёлыми ощущениями потери, упадка [7, с. 438–442].

Существует также широкий спектр социальных практик (многие из которых носят ярко выраженный политический характер), направленных на вытеснение из рамок общественного дискурса определённых событий и процессов прошлого: замалчивание исторических фактов, уничтожение документальных свидетельств, архивов и памятников истории, разработка и использование новой интерпретации тех или иных исторических событий с последующим распространением её при помощи доступных средств коммуникации и т.д. В качестве агентов могут выступать самые различные акторы, начиная от отдельного человека и заканчивая целым обществом (или государством). Последствия исторического забвения воспринимаются обществом и социальными науками неоднозначно: с одной стороны, общество таким образом старается залечить пережитый травмирующий опыт, а с другой – лишается возможности уберечь себя от повторения прошлых ошибок и создаёт почву для возникновения конфликтов в восприятии исторического прошлого.

Следует также разграничивать понятия исторического забвения и исторической амнезии. Историческое забвение – это в большей степени целенаправленный и контролируемый процесс, который способен сосуществовать с исторической памятью. Это достаточно закономерное явление. Амнезия же – это всегда нарушение естественного течения памяти, нарушение её базовых функций, в отличие от исторического забвения всегда непосредственно связанное с культурно-историческими травмами. Последствия исторической амнезии всегда гораздо более тяжёлые, столкнувшиеся с ней общества с большим трудом возвращаются на путь развития (иногда этого не происходит совсем).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кочеляева, Н. А. Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества / Н. А. Кочеляева // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : Коллективная монография / Нов. ин-т культурологии ; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М. : Совпадение, 2012. – С. 58–72.
2. Ницше, Ф. В. Несвоевременные размышления: «О пользе и вреде истории для жизни» / Ф. В. Ницше // Сочинения: в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. Литературные памятники. – С. 158–230.
3. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.
4. Burger, R. Kleine Geschichte der Vergangenheit. Eine pyrrhonische Skizze der historischen Vernunft / R. Burger. – Österreich : Styria, 2004. – 128 S.
5. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
6. Connerton, P. The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body / P. Connerton. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 190 p.
7. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит ; [пер. с англ. А. А. Олейников [и др.] ; науч. ред. А. А. Олейников]. – М. : Европа, 2007. – 609 с.

УДК 316 (476)

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Дубовик Е.А.
доцент, БНТУ
кандидат исторических наук
(г. Минск, Беларусь)*

Проблемам социального партнерства в последнее время посвящено большое количество зарубежной и отечественной литературы (монографий, публикаций в научных и популярных журналах и т.д.). Проявившийся интерес к социальному партнерству со стороны представителей различных наук обусловлен существенным потенциалом данного феномена, который может быть использован в различных сферах жизнедеятельности [1; 2].

Существуют разнообразные подходы к определению сущности и значения социального партнерства, что является отражением его многоплановости как общественного явления. Социальное партнерство рассматривается в научной литературе и как механизм, система регулирования социально-трудовых отношений, и как общественно-политический институт, и как особый вид общественных отношений, и как идеология. «Сегодня можно смело утверждать, что сфера общественного востребования социального партнерства значительно шире, чем собственно социально-трудовые отношения» – отмечают российские исследователи В.Н. Киселев и В.Г. Смольков [3, с. 46]. Некоторые

исследователи дают максимально широкую трактовку социального партнерства, рассматривая данный феномен как универсальную совместную деятельность социальных субъектов по достижению общих целей [4]. Но традиционным и наиболее распространенным является понимание социального партнерства как взаимодействия в трудовой сфере нанимателей, профсоюзов, защищающих интересы людей наемного труда, и государства (трипартизм).

В условиях перехода к рыночной экономике в Республике Беларусь сформировалась система социального партнерства, принципиальные основы которой закреплены в статье 14 Конституции государства и в Трудовом кодексе. Социальное партнерство – это цивилизованная форма регулирования социально-трудовых отношений путем коллективных переговоров, заключения договоров и соглашений. Исторические предпосылки формирования системы социального партнерства в Беларуси уходят корнями в конец XIX – начало XX столетия [5]. Однако можно согласиться с российским исследователем А.В. Щербаковым, который отмечает, что в стране система социального партнерства в традиционном его понимании появилась только в начале 90-х гг. XX века: «Ни дореволюционный, ни советский периоды не знали социального партнерства как нового типа общественных отношений, хотя определенный уровень регулирования отдельных аспектов социально-трудовых отношений в указанной области имелся» [6, с. 133].

Несущей конструкцией партнерских отношений является система разработки, заключения и реализации коллективных договоров и соглашений. Основной формой социального партнерства на национальном уровне выступает заключение Генерального соглашения между правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов (в настоящее время действует заключенное в декабре 2018 г. Генеральное соглашение на 2019–2020 гг.; в нем удалось сохранить все нормы предыдущего соглашения, а по ряду позиций – улучшить гарантии для трудящихся). Кроме того, действуют региональные (областные и г. Минска), республиканские и областные тарифные, городские и районные местные соглашения. Коллективно-договорным регулированием трудовых отношений охвачено подавляющее большинство предприятий, учреждений, организаций. Институциональными органами системы социального партнерства являются созданные в 1995 г. на паритетных основах Национальный совет по трудовым и социальным вопросам и аналогичные советы в отраслях и регионах.

Социальное партнерство является объектом изучения различных социальных наук – философии, социологии, экономики, правоведения, истории, политологии, психологии и т.д. Каждая из научных дисциплин под углом зрения своего предмета высвечивает тот или иной аспект исследования этого феномена. Социально-философский подход к рассмотрению социального партнерства позволяет сформировать целостное представление о данном явлении, учесть его многоаспектность. Социологический подход заключается в анализе социального партнерства как социального института, исследовании социального взаимодействия субъектов трипартизма.

Для социологического исследования социального партнерства могут использоваться как общенаучные методы, так и специально-социологические методы. Из общенаучных методов применяются общелогические методы: анализ, синтез, индукция и дедукция, а также восхождение от конкретного к абстрактному и др. Из методов социологии наиболее целесообразно использование в исследовании социального партнерства метода индексации, например, для определения уровня развития гражданского общества, и особенно контент-анализа, позволяющего на основе ключевых слов и подсчета их частоты определить идейное начало нарратива. При изучении современного состояния трипартизма актуальным является применение метода социологического опроса или вторичного анализа результатов социологических исследований. Например, исследований, проводившихся в Республике Беларусь по вопросам развития социально-трудовой сферы, эффективности коллективно-договорной работы. Изучение практики заключения коллективных договоров свидетельствует, что принципы социального партнерства постепенно входят в жизнь многих предприятий и коллективный договор реально становится основным правовым актом, регулирующим социально-трудовые отношения на локальном уровне. Работники все более активно осознают защитную функцию данного правового акта, а наниматели воспринимают его как эффективное средство снижения социальной напряженности в коллективе. По данным социологических опросов, более половины работников оценивают коллективные договоры как важное звено системы социального партнерства и защиты их экономических и социальных интересов на уровне организации [7]. По результатам другого исследования, 30,6 % опрошенных считают, что коллективный договор – основной инструмент защиты интересов работников; 40,8 % убеждены в том, что это важная, но не единственная форма защиты интересов трудящихся. Вместе с тем, у 12,2 % респондентов сложилось мнение, что коллективный договор, несмотря на заложенные в него льготы и гарантии, бесполезен, так как его нормы часто не выполняются. Достаточно низким является уровень

осведомленности респондентов о содержании Генерального, региональных и отраслевых соглашений. Знают об их существовании, но не знакомы с содержанием 24,5 % опрошенных, 10,2 % знакомы лишь в общих чертах и т.д. 61,2 % респондентов не имеют представления о том, в какой мере коллективный договор предприятия связан с Генеральным и другими соглашениями. На вопрос «В какой степени Вы владеете информацией о реализации соглашений?» 51,7 % респондентов не смогли дать четкого ответа [8]. Все это говорит о необходимости усиления пропаганды форм и механизмов социального партнерства, более активного включения работников в переговорный процесс.

Становление системы социального партнерства неразрывно связано с формированием и развитием объединений нанимателей и профсоюзов как равноправных сторон социально-трудовых отношений. Особая роль в системе социального партнерства принадлежит профсоюзам, поскольку именно они представляют интересы большинства населения. Для того чтобы эффективно защищать права трудящихся, профсоюзные руководители и активисты должны творчески использовать в своей повседневной деятельности идеологию социального партнерства, механизмы его реализации в конкретных условиях. Деятельность профсоюзов вне контекста социального партнерства сегодня бесполезна и бессмысленна. Это, несомненно, понимают в крупнейшем профсоюзном объединении страны – Федерации профсоюзов Беларуси.

Вместе с тем анализ деятельности объединений предпринимателей в Республике Беларусь показывает, что она преимущественно направлена на реализацию защитной функции в отношениях с государством. Участие в социально-трудовых отношениях не рассматривается ими как первоочередная задача. Если в странах Запада предпринимательские ассоциации складывались как работодательские в ответ на усиление профсоюзов, то в Беларуси они ориентированы в первую очередь на диалог с органами власти, их отношения с наемными работниками и профсоюзами играют второстепенную, подчиненную роль, что является неизбежным следствием недавнего государственного монополизма во всех сферах жизни. Наниматели как сторона социального партнерства в правовом и организационном аспектах еще не вполне оформлена, представляет разнообразный конгломерат союзов, объединений, ассоциаций. Многие работодатели, особенно в частном секторе экономики, недостаточно освоили принципы социального партнерства, иногда вообще не принимают их или используют механизмы партнерства в своих целях, для решения хозяйственных и финансовых задач.

Отношение работодателей к профсоюзам и их руководителям как ближайшим социальным партнерам, по данным социологических опросов, можно оценить как снисходительно-терпимое. Наниматели не склонны пока рассматривать профсоюзы как равного себе партнера, ссылаясь на недостаточную компетентность профсоюзных работников. Но большинство хозяйственных руководителей, тем не менее, признают необходимость профсоюзных организаций на своих предприятиях, так как они помогают администрации решать социальные проблемы, способствуют снижению трудовой конфликтности [9]. Механизмы социально-трудового партнерства дают возможность решать спорные вопросы в сфере трудовых отношений не путем забастовок и митингов, а за столом переговоров, путем обсуждения, выяснения позиций сторон, достижения взаимного согласия, они способствуют социально-экономической устойчивости общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дубовик А.К. Теоретическая разработка проблем социального партнерства в Республике Беларусь / А.К. Дубовик, Е.А. Дубовик // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы IV междунар. научн.-техн. конф. / редкол. Б.М. Хрусталева [и др.] – Минск: БНТУ, 2006. – Т. 2. – С. 65–67.
2. Дубовик, А.К. Идеи партнерства и диалога в истории зарубежной социальной мысли / А.К. Дубовик, Е.А. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2020. – № 2. – С. 78–84.
3. Киселев, В.Н. Социальное партнерство в России / В.Н. Киселев, В.Г. Смольков. – М.: «Луч», 1998. – 185 с.
4. Ковалева, М. А. Социальное партнерство как фактор формирования и развития общественных отношений: автореф. дис.... канд. филос. наук: 09.00.11 / М. А. Ковалева; МГТУ им. Н. Э. Баумана. – М., 2007 – 26 с.
5. Дубовик, Е.А. Профсоюзы и исторические предпосылки становления социального партнерства в Беларуси / Е.А. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2012. – № 1. – С. 4–9.
6. Щербаков, А.В. Система социального партнерства: история, современность и перспектива / А.В. Щербаков // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 4. – 133–138.
7. Шевченко, С.В. Профсоюзы и социальная ситуация в трудовых коллективах (по результатам мониторинга социально-трудовой сферы) / С.В. Шевченко, М.И. Артюхин // Профсоюзы как школа социального образования: Материалы междунар. конгресса. – Минск, 2001. – С. 67–72.
8. Янч, В.В. Профсоюзы как субъект переговорного процесса / В.В. Янч // Профсоюзы и социальное партнерство в системе факторов динамичного развития общества. Материалы междунар. научно-практ. конф., 24–25 ноября 2006 г. / УО «МИТСО». – Минск, 2007. – С. 43–46.

9. Дубовик, Е.А. Проблемы взаимодействия объединений нанимателей и профсоюзов в системе социального партнерства / Е.А. Дубовик // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития. Материалы XX Междунар. научн. конф., 17–18 октября 2019 г. / НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – С. 103–104.

УДК 304.2+316.4

ФЕНОМЕН КРИЗИСА И ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Колядко И.Н.

*преподаватель кафедры философии и методологии науки, БГУ
(г. Минск, Беларусь)*

Кризисные явления в одном из своих измерений – ценностно-нормативном – инициируют процессы делегитимации социального порядка, понимаемого «как ансамбль упорядоченных отношений, конституирующих мир» [1, с. 96]. Признанный порядок социальных взаимодействий связан, в свою очередь, с определенными представлениями о легитимности, ее смысле и предполагает веру в существование легитимности как таковой [2, с. 636–643]. «Конститутивный характер этих представлений, – отмечает С. В. Козлов, – заключается в том, что они задают своеобразный масштаб осуществления самых разнообразных практик, масштаб практик допустимых и недопустимых, и могут восприниматься в качестве некоей безусловной данности» [3, с. 40]. В этом отношении можно говорить о том, что заданный социальный порядок поддерживается и воспроизводится посредством установления государством «монополии на легитимное символическое насилие» [1, с. 28]. Поэтому легитимация и процессы воспроизводства социального порядка являются взаимообусловленными и взаимосвязанными, обеспечивающими устойчивое развитие социальной системы. В кризисные этапы социодинамики цивилизаций, «когда происходит деструктурирование всей системы социальных практик, взаимодействий, осуществляемых субъектами, а также системы социальных, политических, культурных и иных представлений» [3, с. 40], разворачивается «символическая битва за производство и навязывание легитимного видения социального мира» [1, с. 27]. Вместе с тем изменяющаяся, перманентно трансформирующаяся среда, рост социокультурной нестабильности препятствуют осознанию обществом себя как единого целого, консолидированного вокруг определенной системы ценностных координат. Кризис способствует росту социальной аномии, дивергенции основополагающих представлений и норм, которые обеспечивали устойчивую динамику и интеграцию пространства социальных взаимодействий.

Кризисные этапы в развитии социальных систем характеризуются, во-первых, нарушением воспроизводства социального порядка, деформацией целостности традиционных форм индивидуальной и коллективной идентичности и, во-вторых, формированием и структурированием новой системы целе- и смыслополагания. Институционализированные ценностные образцы и нормативные предписания, функционируя на социальном уровне в виде коллективных представлений, определяют устройство, структурную организацию и вектор развития социальной системы. «Эти представления, – пишет Т. Парсонс, – соотносятся с концепциями типов социальных систем, с помощью которых индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Следовательно, именно консенсус по поводу ценностных ориентаций означает институционализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени» [4, с. 21]. Таким образом, кризисные явления выступают механизмом делегитимации ценностно-нормативных компонентов культурной традиции, обозначая начало переходного этапа в развитии системы.

Основанный на определенной системе ценностей социальный порядок, а также тип социальности, «социальный мир», как отмечает П. Бурдьё, «постоянно поддерживаются и формируются за счет действий по конструированию и реконструированию структур, причем эти действия зависят в основном от позиций, занимаемых в этой структуре отношений теми, кто их производит» [1, с. 98]. Социальный порядок нуждается в непрерывном воспроизводстве для поддержания необходимого уровня устойчивости, самоидентификации социальной системы в условиях фрагментации локальных культурных традиций и унификации «жизненного мира» субъектов коммуникативного взаимодействия. Социальная стабильность есть следствие ценностно-нормативной упорядоченности социума, поскольку «общество, – отмечает Т. Парсонс, – является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным

согласием и которые, в свою очередь, легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму» [4, с. 22].

В условиях кризиса, ввиду отсутствия объективных критериев нормативности, социальное конструирование реальности становится проблематичным. Вместе с тем именно в критические периоды задействуется конструктивный аксиологический потенциал культурной традиции, которая способна ограничить негативные последствия кризисных явлений, а также представить основания для формирования коллективных ценностей – необходимого условия социальной интеграции. «Без коллективных представлений, – поясняет В. Г. Федотова, – достигнутых в результате типизации, и усилий, направленных в радикально меняющемся обществе на достижение типизации и формирование коллективных представлений (через деятельность ученых, СМИ, общественных организаций, литературу, искусство, образование, творчество выдающихся людей), социальная структура в целом и деятельность других институтов не может быть обеспечена» [5, с. 453], поскольку типизированные коллективные представления структурируют институциональную сферу социума. В этой перспективе социальное конструирование реальности предстает в качестве воплощения «идей в соответствующее общество, социально признавшее эти идеи и сделавшее их коллективными представлениями» [5, с. 453].

Источником социально-экономических, политико-институциональных и иных трансформаций является изменение в сфере ценностно-нормативных компонентов культурной традиции [6, с. 196–199]. Институциональной трансформации социальной структуры общества, как правило, предшествуют изменения в области *ценностного структурирования общественного бытия*. Так, Л. А. Микешина утверждает, что «переоценка ценностей», конституирующая основание социального бытия и культуры, не обходится без конвенций, составляющих базовое когнитивное следствие коммуникаций: «Отличие конвенции состоит в том, что она акцентирует отсутствие внутренней необходимости в данной схеме поведения и часто предполагает некоторую долю явного или молчаливого соглашения, по которому определенный способ поведения должен восприниматься как «правильный» (ценностно санкционированный)» [7, с. 151]. В обществе воспроизводство инвариантных мировоззренческих структур и моделей жизнедеятельности обеспечивается благодаря функционированию культурной традиции, которая и является источником ценностно-нормативной конвенции, конституирующей социальный порядок.

Вместе с тем ценностные регулятивы и нормы должны признаваться в качестве общезначимых, т. е. встраиваться в социально признанную (легитимную) категориальную модель мира, на что обратил внимание П. Вагнер, рассматривая проблемы динамики культуры модерна [8, с. 31–72]. Согласие общества по большинству принятых ценностей исследователь называет «ценностной конвенцией», которая ввиду рефлексивности социальной системы постоянно находится в процессе реинтерпретации, а с течением времени может оказаться неэффективной. Кризис связывается П. Вагнером с аксиологической дезинтеграцией, выражающейся в «невозможности жить в старых ценностях при одновременном отсутствии новых ценностей, которые бы возродили согласие» [цит. по: 9, с. 54]. Интеграция общества, согласно ученому, возможна только посредством процесса *реконвенциализации* – признания новой системы ценностей в качестве легитимной, что и будет являться, в свою очередь, конструктивным исходом кризисного этапа в развитии социальной системы. Эту теоретическую модель социальный философ применил к исторической динамике европейской культуры модерна, выявив амбивалентный статус кризисных этапов в процессах трансформации ее базисных оснований. Кроме того, П. Вагнер акцентировал внимание на определяющей роли ценностно-нормативных факторов в процессах социально-экономических и политико-институциональных трансформаций современных переходных обществ [8, с. 58].

Принципиально важным является вопрос о том, что выступает в качестве ключевого фактора прерывания устоявшегося *социального порядка*, источником кризиса ценностей. В иерархии функций общества, выделенной Т. Парсонсом, культурный образец и, соответственно, сфера ценностей выступают основанием и ключевым фактором социальных изменений и развития. «Ценности и нормы, – поясняет основные положения теории американского социолога В. Г. Федотова, – воспроизводят систему, которая осуществляет свое развитие лишь при их сохранении и тем самым избегает аномии» [9, с. 58–59]. В. Г. Федотова, в частности, обращает внимание на «объективный характер ценностной динамики, разгадка которой коренится в истории» [9, с. 57], а также на все более ясное «осознание нелинейности процесса развития, прохождения траекторий изменения через точки бифуркации, меняющиеся тренды» [9, с. 57]. Таким образом, следует учитывать также и стохастичность, непредсказуемость последствий реализации свободы субъекта в сфере социальных взаимодействий и практики. Переход системы с одного уровня функционирования на другой, как полагает П. А. Сорокин, означает величайшую революцию в человеческом сознании и культуре, и эти революции происходили

несколько раз в течение периодов и столетий [10, с. 313–321]. Прежде всего кризис связан с разрушением структурной целостности и «подлинной ментальности» («подлинного смысла») ядра «суперсистемы культуры» и вместе с тем с формированием «в условиях умственной, нравственной и социальной анархии» новых ценностных ориентаций и соответствующего им типа социальных отношений [11, с. 880].

Таким образом, кризис как специфическая фаза в развитии социальной системы обнаруживает свое влияние на процессы социальных изменений в реализации двух взаимосвязанных функций: *деструктивной* и *конструктивно-созидательной*. С одной стороны, кризисные явления продуцируют неопределенность, неустойчивость, дезорганизуют социальные связи и дискредитируют авторитет институтов власти, инициируют всплеск деструктивных практик, упраздняют сбалансированность социокультурных процессов. С другой стороны, кризис выявляет внутренние проблемы культуры и общества, а также обладает значимым эвристическим потенциалом. Последний выражается в том, что кризис выступает источником трансформаций фундаментальных оснований социальной системы, осуществляемой путем обновления формальных и содержательных компонентов культурной традиции. Конструктивно-созидательная функция кризиса может быть осуществлена путем рефлексивного управления процессами социальных трансформаций с целью поддержания ключевых параметров системы в пределах их нормативных значений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё, П. Социология социального пространства : пер. с фр. / П. Бурдьё ; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденоко. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
3. Козлов, С. В. Социально-политические стратегии и конституирование социального порядка: проблема легитимации (социально-философский аспект) / С. В. Козлов // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2015. – № 1. – С. 39–49.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
5. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М. : Прогресс-традиция, 2005. – 544 с.
6. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана ; примеч. В. В. Сапова. – М. : Канон, 1996. – 432 с.
7. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М. : Росспэн, 2007. – 439 с.
8. Wagner, P. Sociology of modernity: liberty and discipline / P. Wagner. – London ; New York : Routledge, 1994. – XVI, 267 p.
9. Федотова, В. Г. Механизмы ценностных изменений общества / В. Г. Федотова // Филос. науки. – 2010. – № 11. – С. 53–63.
10. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст., коммент. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
11. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

УДК 316:519.876.5

БАЙЕСОВСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ

Леонов Н.Н.

*ведущий научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат физико-математических наук
(г. Минск, Беларусь)*

В настоящее время при анализе данных в социологических исследованиях почти исключительно используется так называемый классический, или частотный, подход. По-видимому, нет необходимости пояснять его сущность, поскольку он хорошо известен. Как сказано, например, в [1], байесовский подход отличается от частотного не другими моделями, а другим способом описания точности этих моделей, неопределенности в них или, иначе говоря, другим способом описания степени нашего незнания, неуверенности в истинном знании. Так, в классическом подходе при оценивании параметра – например, вероятности (доли, процента) какого-либо ответа на вопрос анкеты – вычисляется так называемая точечная оценка (приближенное значение) этого параметра, а точность этой оценки

характеризуется доверительной вероятностью и доверительным интервалом, соответствующим этой вероятности. Как правило, доверительный интервал симметричен относительно точечной оценки, т.е. она является серединой интервала. Доверительная вероятность характеризует надежность результата, уверенность в его правильности. В социологических исследованиях доверительная вероятность чаще всего принимается равной 95%. Приведем простой пример, показывающий некоторые ограничения классического подхода. Пусть, например, с некоторым промежутком во времени произведены два анкетных опроса, и при ответе на некоторый вопрос в первом опросе ответ «Да» дали 53% опрошенных, а во втором – 55%. Можно ли считать, что различие в 2% в данном случае статистически значимо, т.е. не может быть порождено чистой случайностью, а именно случайностью выборки? Напомним, что так называемая ошибка выборки равна половине длины максимального доверительного интервала при оценке вероятности фиксированного ответа на фиксированный же вопрос. Если ошибка выборки в обоих опросах была равна 3%, то указанное различие в 2%, скорее всего, окажется незначимым. В терминах оценки параметров это означает, что доверительный интервал для этого различия захватывает ноль и заходит в отрицательную область. Другими словами, мы не можем с заданной доверительной вероятностью утверждать, что доля людей в генеральной совокупности, мнение которых по данному вопросу положительно, действительно увеличилась. Таким образом, при частотном подходе рассматриваемое увеличение определенной доли респондентов равным счетом ничего не дает.

Эта ситуация, однако, порождает такой вопрос. Увеличение на 2% ничего не значит. Если бы имело место уменьшение на те же 2%, оно, скорее всего, тоже бы ничего не значило. Так неужели для исследователя нет никакой разницы между увеличением и уменьшением? Байесовский подход позволяет, в частности, некоторым образом учесть такие небольшие изменения. В рассматриваемой задаче при байесовском подходе мы до начала анализа задаем так называемое априорное распределение исследуемой разности процентов, которое, говоря упрощенно, описывает, насколько вероятным мы считаем то или иное значение этой разности. Затем применяется байесовская процедура, которая использует, с одной стороны, априорное распределение, а с другой – собранные данные. В результате мы получаем распределение разности, которое называется апостериорным. Различие между априорным и апостериорным распределением характеризует уточнение в наших знаниях, которое дал нам анализ данных. Таким образом, практически любые данные в какой-то мере уточняют наши знания. Естественно, байесовский подход по сравнению с частотным обладает не только преимуществами, но и определенными недостатками. Из них наиболее часто упоминаемый – это проблема выбора априорного распределения. Таким образом, байесовский подход не претендует на то, чтобы полностью заменить частотный, и наиболее полезным представляется сочетание этих двух подходов в исследовательской практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демешев, Б. Б. Байесовский подход. Суть байесовской эконометрики [Электронный ресурс] // Основы анализа данных. URL: https://www.youtube.com/watch?v=TflkloxgKKU&ab_channel=Основыанализаданных (дата обращения: 31.10.2020).

УДК 325.21

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И НОВЫЕ ФАКТОРЫ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Лойко А.И.

*заведующий кафедрой философских учений, БНТУ
доктор философских наук, профессор.
(г. Минск, Беларусь)*

Под влиянием новых факторов в структуре социальной динамики социальная теория включает в предметное поле коэволюционную компоненту, обусловленную растущим значением биологических факторов [1]. На начальном этапе реализации этой методологической парадигмы во внимание брались экологические и биосферные компоненты в деятельности человечества. Оригинальные социологические проекты были реализованы в университете Чикаго благодаря работам Р. Парка. Социолог исходил из допущения, что урбанизированное пространство города нужно рассматривать как живой организм. Разработанные на основе этого допущения экологические проекты позволили

значительно улучшить параметры окружающей среды промышленных центров Чикаго и Детройта, а также восстановить биологическое разнообразие акватории Великих озер. В Европе подобную тематику актуализировал Т. Де Шарден. В СССР экосоциальная тематика стала одной из фундаментальных в работах Вернадского.

В конце 2019 г. в пространстве экономической социологии оказалась эпидемиологическая проблематика. У этой проблематики давняя история, но она не рассматривалась как приоритетная с точки зрения влияния ее на ключевые параметры социальной динамики. Коронавирусная эпидемия впервые проявила себя не только как медицинская проблема, но и как социальная проблема, включая экономические ее основания. За короткое время сформировался феномен новой социальности.

Линейное развитие и эволюция фиксируют причинную обусловленность, преемственность, прогнозируемость состояний систем и процессов. Теория линейного развития, эволюции природных систем и мышления человека разрабатывалась, начиная с исторического периода античной философии. Источник линейного развития и эволюции сформировали противоположности, которые были обнаружены в природе (Гераклит) и мышлении человека (Сократ). Историческим названием теории линейного развития, эволюции природных систем и мышления человека стала диалектика. В XVIII столетии ее статус в области естествознания был актуализирован И. Кантом. Им же была предложена концептуальная модель категориальных структур мышления человека (рассудка). Г.В.Ф. Гегель упорядочил теорию диалектики структурой категорий, принципов, законов.

К. Маркс, Ф. Энгельс распространили применение диалектики на природу и общество. Они опирались на эволюционную теорию живой природы Ч. Дарвина, а также на эволюционную теорию происхождения человека, аргументы для которой предоставили археология, антропология и этнография.

Были наработаны археологические материалы о гибели локальных цивилизаций, космических катастрофах, эпидемиологических факторах массовой гибели населения городов, регионов, разрушительных последствиях землетрясений, цунами, торнадо, засух, похолоданий.

В данном контексте у ученых возник интерес к проблеме естественных источников динамического равновесия природных и социальных систем. На материале химии (И. Пригожин) и физики (Г. Хакен) были выявлены и описаны особенности самоорганизации и динамического равновесия открытых (диссипативных) структур в природе с учетом постоянного воздействия на них внешних факторов, трансформирующих их содержание и создающих неопределенность, вероятность, нелинейность их траектории эволюции.

Теория нелинейной динамики природных и социальных систем трансформировалась в методологию минимизации рисков. Под влиянием этой методологии произошла институционализация структур, ответственных за мониторинг и минимизацию последствий природных и техногенных чрезвычайных ситуаций, создаваемых торнадо, цунами, ураганами, тайфунами, землетрясениями, лесными пожарами, наводнениями, промышленными авариями. Аргументом в пользу создания специальных структур стала выросшая разрушительная сила природных и промышленных катастроф. Эта тенденция отчетливо проявилась в ядерной энергетике (Чернобыль, Фукусима).

На международном уровне специальными соглашениями созданы системы мониторинга промышленных и военных объектов. В функции МАГАТЭ входит инспекция ядерных объектов. В функции инспекций НАТО и Российской Федерации входит контроль соблюдения заключенных между военными блоками соглашений об ограничении разработок и использования конкретных видов вооружений в рамках достигнутого паритета ядерных и обычных вооружений.

Страхование рисков в мировой экономике имеет несколько уровней. На международном уровне созданы специальные финансовые банковские структуры, располагающие консолидированными валютными резервами, которые в виде кредитов предоставляются под определенные программы стабилизации национальных экономик на достаточно жестких предварительных условиях. В задачи этих банковских структур входит мониторинг и инспекция национальных финансовых систем с целью определения их кредитоспособности и эффективности предоставляемых им кредитных ресурсов.

Динамическое равновесие экономических систем влияет на социальную и политическую стабильность национальных государств и наднациональных региональных структур. Коронавирус показал, что в социальных системах могут меняться доминанты [2]. В свете этой трансформации государство может вмешиваться в экономическую жизнь гражданского общества под предлогом обеспечения эпидемиологической безопасности граждан. Но тогда оно расширяет свое поле социальной ответственности

Эпидемиологический фактор, таким образом, стал фактором влияющим не только на экономический рост мировой экономики, но и на становление новой социальности в виде прекариата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лойко, А.И. Коэволюционная этика нового века / А.И. Лойко // Мир технологий. 2004. № 1. С. 22-27.
2. Лойко, А.И. Евразийские ценности в условиях углубляемого COVID 19 кризиса международного разделения труда и глобализации / А.И. Лойко // Ценности евразийской культуры и духовный образ малой Родины: к 75-летию Великой Победы. – Минск: БНТУ, 2020. С. 87-107.

УДК 316.663.2

САМОУБИЙСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОСТИ (ПО РАБОТЕ Э. ДЮРКГЕЙМА «САМОУБИЙСТВО. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД»)

Малиновская М.А.

*магистрант кафедры философии культуры, БГУ
(г. Минск, Беларусь)*

Труд Э. Дюркгейма посвящен разбору феномена суицида, рассмотренного в контексте социологического теоретизирования. Соотношение между самоубийством и социальной средой - ключевой тезис, на рассмотрение легитимности которого направлен ход мыслей, изложенных в работе. Так, Дюркгейм задается вопросом о причинах самоубийства, а так же анализирует соотношение коллективных и персональных факторов, обуславливающих желание субъекта лишить себя жизни. Автор приписывает стремлению к самоубийству не столько ситуативно-субъективные, сколько социально проинспирированные стимулы: коллективная склонность выступает в данном процессе конституирующим фактором, интенсивностью превосходящим воздействие личной, дискретной процессуальности. Последняя хоть и имеет определенную значимость в суицидальном порыве, однако не может считаться его детерминантой. По словам автора, "события жизни, самые разнообразные и иногда противоположные, могут явиться поводом к самоубийству, а это значит, что ни одно из них не может быть названо его специфической причиной" [1, с. 361]. Поэтому Дюркгейм и приходит к манифестированию того, что можно назвать социальными условиями, в сообразовании с которыми субъект, будучи их фигурантом по факту принадлежности той или иной социальной группе, производит свою деятельность. Именно внешнее воздействие, рассматриваемое вкуче со степенью его интенсивности, Дюркгейм называет катализатором суицидального процесса, поясняя: "для того чтобы объяснить отсутствие привязанности к жизни, человек ссылается на обстоятельства, которые его непосредственно окружают. Он находит, что жизнь скучна, потому что ему самому скучно. Конечно, в известном смысле, тоска приходит к нему извне, но она зависит не от той или другой случайности, в его жизни, а от той общественной группы, часть которого он составляет" [1, с.364].

Подобные пассажи свидетельствуют о методологической ориентации, в дальнейшем названной структурным функционализмом. Она уповает на обнаружение и дескрипцию константных социальных порядков, позволяющих калькулировать ход и результаты общественной динамики. По сути, структурный функционализм озабочен поиском своеобразных инвариантных форм и образцов, вписанием в которые можно объяснить как можно большее количество процессов из ранга интересубъективных. Феномену же самоубийства внимание уделяется наравне с иными проявлениями социальности.

Интересен и ракурс рассмотрения Дюркгеймом количественных показателей, отражающих статистику самоубийств. Пытаясь объяснить фиксированность процента самоубийц, которую можно обнаружить, обратившись к документальным данным, он предполагает наличие некоторой "коллективной склонности к самоубийству", в той или иной мере наличествующую у всех народов. Важно, однако, отметить, что Дюркгейм, обнаруживая факт возобновляемости тенденции самоубийств в рамках конкретных социальных образований, не признает предзаданности, обуславливающей обязательное воплощения подобных интенций хоть в каких-то масштабах. Речь здесь идет сугубо о количественных параметрах. Самоубийство не относится к полю нормальных ситуаций, посему Дюркгейм не приписывает, если так можно выразиться, обязательность исполнения данной команды лишь на основании наличия в арсенале истории изрядной доли суицидальных инцидентов. Более того, Дюркгейм критикует подход Кетле, руководствующийся ошибочной аксиоматикой (а именно, когда на примере аномального происходит определение нормального).

Помимо того, Дюркгейм выступает против предоставления самоубийцам пространства отдельной социальной группы, мотивируя это отсутствием консолидации и различным набором индивидуальных поводов, склоняющих к такому поступку. Соответственно, фактор оказания

субъектного влияния практически исключен. Но остается еще неизлечимое воздействие структур интерактивного пространства. На них Дюркгейм и делает акцент, выясняя, "почему ежегодно все эти различные воли, взаимно друг друга не знающие, приводят к тому же количеству одинаковых актов" [1, с. 370].

Таким образом, можно заключить следующее: генезис суицидальных интенций Дюркгейм обнаруживает в социальных условиях, мера интенсивности воздействия которых обуславливает решимость субъекта к таковому действию. Так, факт принадлежности последнего к некоторой социальной группе подчеркивает закрепление за ним определенной, весьма четко фиксированной аксиологической шкалы, влияющей на последующие практики экстенсивности как данного субъекта, так и социальной группы в целом. По Дюркгейму, в случае несовпадения реализации ряда практик, желаемых субъектом, с предписанными ему группой, возникает фрустрирующее ощущение, которое, вкупе с иными факторами (выходящими за рамки воздействия лишь одной группы, к которой приобщен субъект), и подстегивает к самоубийству. Потому данный акт может быть назван проявлением социальности в ее деструктивном смысле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд: Пер. с фр. / Изд. подгот. В.А. Луков. - СПб.: Союз, 1998. - 496 с.
2. Фомичев, П. Н. Шиллинг К. Меллор Ф. Дюркгейм. Мораль и модернизм: коллективное возбуждение. Двойная природа человека и источники морального действия / П. Н. Фомичев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал, (3), с. 60–64.
3. Юдин, Г. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма / Г. Юдин // Социологическое обозрение, 12 (2), с. 122–132.

УДК 177.331

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Мушинский Н.И.

доцент, БНТУ

кандидат философских наук, доцент

(г. Минск, Беларусь)

Вайнилович Э.Г.

старший преподаватель, БНТУ

(г. Минск, Беларусь)

Отмечается знаменательная дата 30-летия Института социологии НАН Беларуси. Современные процессы социокультурного развития в мире и в нашей стране наглядно показали возросшую роль социологического знания, с чем, без сомнения, связаны дальнейшие *перспективы развития белорусской социологии*.

Социология как теоретическая наука и совокупность прикладных методик занимает достойное место в массиве философско-гуманитарного знания, о роли которого в современном обществе не утихают дискуссии. Она обеспечивает в своём роде объективный «взгляд со стороны» на те процессы, в которые неизбежно включён сам исследователь как полноправный участник сложившейся системы отношений. Изучение *социологии* позволяет критически мыслить, поступать осознанно и наиболее целесообразно; тем самым расширяются границы человеческой свободы в стремлении к всесторонней реализации принципов *социальной справедливости*. Это отмечают многие учёные, хотя также не исключают косвенно проявляющиеся риски и угрозы: «Стремление к большей сознательности, а вместе с тем и к свободе, влечет... риск... Мы утверждаем, что в наше время цивилизованный человек непременно должен ознакомиться с... формой критической мысли, которую мы называем социологией» [1, с. 331]. Подобная двойственность характерна для любых отраслей научного дискурса, как гуманитарных, так и естественных, поскольку отражает известный позитивистско-сциентистский принцип, сформулированный ещё Ф. Бэконом: «знание – сила» (*knowledgeispower*).

Эта сила сама по себе нейтральна, как всякий инструмент может применяться не только в созидательных, но и в разрушительных целях. Деструктивное содержание некоторых социальных технологий наглядно демонстрируют произошедшие в ряде стран на протяжении последних лет

«цветные революции», события белорусских президентских выборов 2020 г. В том числе ряд западных авторов открыто признают: «Социологическое знание необходимо любому, кто действует в обществе. Но эти действия не всегда исключительно гуманны. Сегодня одни американские социологи разрабатывают в правительственных учреждениях планы по обеспечению большей жизнеспособности составляющих нацию общностей. Другие в тех же учреждениях работают над тем, как разрушить единство враждебных государств, чтобы... стереть их с политической карты мира» [1, с. 8]. В современных условиях всё чаще источником *социальной несправедливости* становится недобросовестная геополитическая конкуренция, стремление любыми средствами привести в общественную систему оппонента очаги нестабильности, разрушить тем самым его экономический потенциал, вместо того, чтобы осуществлять конструктивные социальные программы в собственном регионе.

Впрочем, и в американском обществе деструктивные социальные технологии всё чаще используются в межпартийной борьбе, особенно накануне очередных президентских выборов. На это наглядно указывают периодически обостряющиеся межрасовые конфликты: «Социологическое объяснение динамики расовых предрассудков можно эффективно использовать и для разжигания межрасовой вражды и на распространение терпимости; интерпретацию внутренних механизмов человеческой солидарности можно использовать как в тоталитарных, так и в демократических режимах» [1, с. 17]. В самой американской системе всё чаще проявляются черты тоталитаризма (стремление действовать «с позиции силы», применять политику «двойных стандартов» и т.п.) как внутри страны, так и, особенно, на международной арене.

Даже в повседневной жизни деструктивные социальные технологии (при всё более мощной поддержке интернет-ресурсов) незримо присутствуют в производственной сфере (желание заставить потенциального конкурента «добровольно» уничтожить собственный промышленный потенциал, который «чудом» удалось сохранить, к примеру, на постсоветском пространстве), в рекламном бизнесе («зомбированные» жертвы «сетового шопинга» бездумно покупают совершенно не нужную им низкокачественную продукцию западных фирм) и т.п., не говоря уже о т.н. «гибридных войнах» в области вооружённого противостояния. Всё это в значительной степени дискредитирует *социологию* как науку: «То, как социологическое знание ставится на службу политической пропаганды и военного планирования в США, достаточно остужает энтузиазм... Можно даже не затевать грандиозных этических построений, чтобы понять, как социологию иногда используют в современном управлении производством... и в рекламе» [1, с. 289]. Тем не менее, противостоять разрушению, направить общественные силы в конструктивное русло *построения общества социальной справедливости*, может только сама *социология*.

Со всей научной беспристрастностью об этом пишут наиболее добросовестные западные авторы: «Мы видим, как пляшут куклы... в такт с подергиванием веревочек, к которым они привязаны, ... в соответствии со своими маленькими ролями, предписанными сценарием. Мы... и сами оказываемся... подвешенными на невидимые веревочки... В отличие от кукол мы имеем возможность остановить наши движения и рассмотреть тот механизм, посредством которого приводились в движение. В этом акте заключается первый шаг к свободе. И в этом же акте... убедительное оправдание социологии как гуманитарной дисциплины» [1, с. 331 - 332]. Действительно, лишённый знаний человек слеп и беспомощен, он даже не замечает, как его чувствами и эмоциями управляют враждебные силы, под заманчивыми лозунгами «гуманизма» и «демократии» заставляют действовать во вред самому себе. Только развитие *социологии* как науки позволяет взглянуть на ситуацию «со стороны», с помощью критического мышления эффективно раскрыть механизмы деструктивного воздействия и противостоять им с позиций универсальных общезначимых критериев *справедливости*.

На это, собственно, направлено дальнейшее развитие современной социологии, стремящейся за бесстрастными данными статистики увидеть общие закономерности, обнаружить аксиологическую значимость позитивных моральных норм и человеческих устремлений: «Цифры... имеют смысл только в рамках более широких теоретических обобщений и служат пониманию того, какие ценности разделяет общество» [1, с. 25]. Одной из самых востребованных такого рода ценностей остаётся *социальная справедливость*.

На её реализацию направлена творческая мысль наиболее актуальных социологических школ и течений современности, таких, как, например, *этнометодология*, стремящаяся объяснить «какого рода ожидания образуют «видимый, но незамеченный» фон общих пониманий и как они относятся к пониманию индивидом стабильных течений межличностных контактов» [2, с. 55]. Проблема контекста (фона) как одного из главных условий коммуникации предстаёт, в данном случае, как важный детерминирующий фактор реализации критериев *социальной справедливости*. В рамках *этнометодологии* как самостоятельного социологического направления категории «фон», «фоновые

ожидания» приобретают основополагающее значение. В широком смысле всякое взаимодействие субъектов – есть создание фона, образа, исходя из которого вытекает интерпретация ситуации, обретается подлинный смысл контакта. Различие «фоновых ожиданий» порождает конфликт (социальный или внутриличностный – например, т.н. «история Агнесс»). Избежать его на основе принципов *справедливости* позволяет только конструктивное «фоновое понимание» и, на его основе, «адекватное» осознание обыденных событий [2, с. 55 - 60]. С этой целью представителями *этнометодологии* исследуются специфика «фоновое понимания» и связанные с ним «социальные аффекты» [2, с. 60 - 64], возникающие тенденции «замешательства» [2, с. 64]. В целом констатируется принципиальная возможность анализировать «действия-в-контексте» как практическое достижение [2, с. 18 - 20]. Тем самым возникает ситуация выбора «здорового смысла» [2, с. 21 - 28] посредством следования конструктивным «инструкциям кодирования» [2, с. 28 - 35]. Рациональные свойства научной и обыденной деятельности в рамках *этнометодологии* становятся действенным способом *построения общества социальной справедливости*.

В этом же направлении строит свои рассуждения связанная с философской «феноменологией» и «конструктивной методологией» т.н. *социология знания*. Основным средством «социального конструирования реальности» здесь становятся общественные *институты*: «Иными словами, институты обеспечивают процедуры упорядочения поведения людей и побуждают их идти проторенными путями, которые общество считает желательными» [1, с. 169]. Само понятие трактуется в предельно расширительном смысле: «Институтом обычно называют обособленный комплекс социальных действий. Закон, класс, брак, организационно оформленную религию тоже можно рассматривать как институты» [1, с. 168]. Именно подобные институты являются действенным и наиболее адекватным средством реализации универсальных критериев *социальной справедливости*.

В этом *социология знания* видит высшую цель развития *социологии* как науки в общем контексте дисциплин философско-гуманитарного блока. П.Бергер не без юмора констатирует: «В то время как физики бьются над инженерным решением проблемы уничтожения мира, на социальных учёных можно возложить более скромную задачу – ответственность за конструирование мирового согласия» [1, с. 287 - 288]. Только на основе принципов и критериев *справедливости* человечество сможет выжить и продолжить дальнейшее существование.

В прикладном выражении передовые *социальные теории* направлены именно на *построение общества социальной справедливости*: «Несомненно, итоги социологических исследований в значительной степени повлияли на выработку более разумных подходов к... проблемам в социальной политике» [1, с. 294]. Опираясь на рекомендации ведущих специалистов *отечественной социологии*, Республика Беларусь систематично осуществляет деятельность, направленную на построение *социального государства*, основанного на всесторонней реализации принципов *социальной справедливости*; именно это позволяет ей поступательно преодолевать возникающие кризисы и угрозы современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бергер П. Приглашение в социологию / Пер.с англ. Батыгин Г.С. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – 333 с.
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. Замчук З.С., Макарова Н. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

МИР ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРЫ КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ¹**Николенко Н.А.***доцент, ВолГУ**кандидат социологических наук, доцент**(г. Волгоград, Россия)***Байша Н.С.***магистрант, ВолГУ**(г. Волгоград, Россия)*

Привычному «справедливому положению вещей» свойственно видоизменяться и даже разрушаться в условиях социально-экономической турбулентности, вызванной пандемией COVID–19. По мнению французских социологов Л. Болтански и Л. Тевено [1], справедливое положение вещей является «средством обоснования и оправдания определенных социальных порядков и их базовых принципов» [2, с. 74]. В случае, когда социальный порядок под воздействием внешних сил становится особенно уязвимым и подвергается сомнению, происходит формирование новых различий того, что является общепринятым и обоснованным для большинства людей в конкретной жизненной ситуации. Другими словами, если до пандемии представители различных возрастов обращались к цифровым технологиям как к вспомогательному инструменту для успешной самореализации в определенном пространстве, то с начала распространения коронавирусной инфекции и внедрения известных нам ограничительных мер цифровые технологии стали ключевым компонентом «самоизолированной» повседневности, поддерживающим новый социальный порядок, отличающийся от старого иным восприятием мира, стабильности, семьи, работы, в том числе, самих цифровых технологий. В условиях социально-экономической турбулентности именно посредники – вещи (технологии) позволили социальным акторам не потерять себя в современных реалиях и даже преуспеть на новом поприще – в цифровой среде, включающей в себя множество возможностей для самореализации в жизненно необходимых сферах деятельности, временно недоступных в реальном пространстве.

В таких непривычных и непредвиденных обстоятельствах все социальные акторы становятся равны перед возможностью заражения вирусом. Это уникальное и разрушающее все вокруг внешнее событие (пандемия) не способно выбирать себе носителей и распространителей инфекции, оно является угрозой для здоровья людей с разным достатком, уровнем образования, опытом, статусными позициями, взглядами на жизнь. Однако, несмотря на уравнивание представителей различных социальных групп перед угрозой двадцатого столетия, такие социальные риски, как социальное неравенство не исчезают, они начинают приобретать новые формы и модификации в соответствии с новым социальным порядком, характеризующемся переосмыслению ценностей, подходов и восприятия цифровых технологий как средства выживания в период самоизоляции.

Представители старшего возраста, наряду с другими возрастными группами, в начале пандемии имели одинаковые стартовые позиции для того, чтобы с нуля приобщиться к новой, малознакомой и непредсказуемой реальности, к миру технологий и цифры, ставших незаменимыми помощниками в процессе дистанционного общения с близкими, проведения досугового времени, выполнения трудовых обязанностей. Однако, как показала практика, несмотря на одинаковость положения людей перед заболеванием COVID–19, успешно приспособиться к новому, только устанавливаемому социальному порядку, смогли далеко не все и потому мы можем предположить, что цифровое неравенство как новая или ранее существовавшая, но набирающая особую популярность сегодня, форма социального неравенства порождает новые риски и способно повлиять на дальнейшее существование, социально-экономическое состояние людей в посткоронавирусный период. Ведь теперь для того, чтобы быть успешным в современных реалиях, нужно быть не столько богатым и обладающим определенным статусом и перспективами, сколько здоровым, имеющим открытый доступ к техническим устройствам и способным к работе с цифровыми технологиями.

Важно отметить, что такое активное распространение технологий на мировом уровне, резкий и вынужденный переход российского общества на «цифру», безусловно, может сказаться и на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340005 «Социальная поддержка предпенсионеров на региональном рынке труда в условиях цифровой экономики»

достижении национальных целей нашей страны, для которой процесс цифровизации всех сфер деятельности произошел в считанные минуты, буквально, у нас на глазах. Согласно проведенному вторичному анализу данных, полученных Всероссийским центром изучения общественного мнения в сентябре 2020 г. (данные взяты из общего массива, доступного на официальном сайте ВЦИОМ) [3], следует, что цифровая трансформация («цифровая зрелость» социально-экономической сферы, обеспечение доступа к глобальной сети Интернет и пр.) по мнению 79 % респондентов исследуемой нами возрастной категории (людей старше 55 лет), является важной национальной целью для нашего государства. И лишь 13,5 % опрошенных придерживаются противоположной точки зрения (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Оценка респондентами старше 55 лет важности для страны достижения национальной цели – «Цифровая трансформация», чел., %

Варианты ответа	Количество опрошенных	Процент от общего количества опрошенных
Важно	575	61,7 %
Скорее важно	161	17,3 %
Скорее неважно	43	4,6 %
Неважно	83	8,9 %
Затрудняюсь ответить	70	7,5 %
Всего	932	100 %

Наряду с этим, 62,7 % респондентов из исследуемой возрастной группы, занятых на рынке труда и занятости, абсолютно уверены в важности вышепредставленной национальной цели, и почти такая же доля опрошенных безработных (61,2 %) разделяет данную позицию. Однако, по сравнению с другими национальными целями, в «цифровой трансформации» наше государство, по мнению большинства респондентов, хоть и нуждается, но не в первую очередь. В качестве наиболее жизненно важных целей национального уровня представители старшего поколения выделяют «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» (98,8 %), «комфортную и безопасную среду: улучшение жилищных условий и качества городской среды, и экологии» (97,2 %), «достойный труд и рост доходов россиян, в том числе, пенсионеров» (96,9 %), «возможность для самореализации и саморазвития россиян в науке, творчестве, образовании» (95 %) и, наконец, развитие предпринимательства (78,3 %), занимающего почти такую же позицию в рейтинге важных национальных целей, как «цифровая трансформация» (79 %).

Исходя из представленных эмпирических данных, вполне возможно предположить, что даже в условиях «бушующей» пандемии, разрушившей прежний справедливый порядок вещей, наделенный устоявшимися представлениями о будущем и настоящем, об уверенности в завтрашнем дне, трансформирующей наши жизненные цели и отношение к миру и наделившей нас пониманием важности социальной солидарности и сплоченности людей, представители старшего поколения, все-таки, тяготеют к прежнему, более знакомому им социальному порядку, вероятно, по причине того, что потребности в сохранении здоровья, дохода и экологии являются неудовлетворенными и потому, имеющими особое значение для них.

Похожую ситуацию мы можем наблюдать и среди представителей более младшего, юного возраста, обучающихся в школах и столкнувшихся с цифровизацией образования. В условиях распространения коронавируса стало возможным осуществить массовый перенос освоения школьной программы в удаленный «цифровой» формат, что, в свою очередь, вполне можно считать неким нововведением цифрового общества и настоящей цифровой трансформацией системы образования. Но согласно данным, полученным в ходе проведения в разгар дистанционного обучения (в мае 2020 г.) онлайн-опроса среди школьников старших классов, обучающихся в образовательных учреждениях г. Волгограда [4], было выявлено, что около половины респондентов активно выражают свое достаточно отрицательное отношение к дистанционному формату обучения (59,2 % опрошенных не хотели бы продолжить дистанционное обучение в уже наступившем учебном году). По словам волгоградских школьников, принявших участие в исследовании, это связано с тем, что такая форма освоения знаний предполагает регулярное использование технологий и потому вызывает усталость (76,1 %), может негативным образом отразиться на образовательном, интеллектуальном развитии обучающихся (56,9 %) и привести к ослаблению семейных (45 %), дружеских (47,2 %) связей.

Подводя общую черту вышеизложенным результатам и размышлениям, следует, на наш взгляд, отметить, что техника и цифровые технологии, ставшие незаменимыми посредниками между людьми

различных возрастных групп, в том числе, и старшего возраста, стали главными элементами, формирующими и поддерживающими новый устанавливаемый справедливый порядок, характеризующийся новым видением и восприятием мира и технологий, однако не изменяющего отношения людей старшего возраста к прежним потребностям и проблемам, неразрешенным до пандемии. Переосмысление мира повседневности, где особое значение стало иметь, скорее, не присутствие людей, от которых нужно временно дистанцироваться, а технологий, неразрывно связано с прежним справедливым положением вещей, к которому, очевидно, апеллируют как люди старшего, так и более юного возраста. Наряду с этим, упомянутое видоизменяющееся неравенство между людьми подталкивает нас к дальнейшему изучению цифрового разрыва поколений и конкурентоспособности представителей старшего возраста в условиях цифровизации повседневности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. – М. : НЛО, 2013. – 576 с.
2. Гофман, А. Б. Справедливость как социологическая идея: от классики к современности // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2017. – Т. 19. – Вып. 1-2. – С. 65-79.
3. Национальные цели и «национальные проекты». – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10597> – Дата доступа : 22.10.2020. – Загл. с экрана.
4. Социологическое исследование «О влиянии «умных» интернет-технологий на формирование социальных установок школьников, обучающихся в старших классах», организованное кафедрой социологии и социальных технологий ВолГУ в мае 2020 г. в восьми средних общеобразовательных учреждениях г. Волгограда и проведенное под руководством канд. социол. н., доц. Николенко Н. А., д. филос. н., проф. Василенко И. В. / Метод – онлайн-опрос; N=360, из них: 103 чел. (9 класс), 150 чел. (10 класс), 107 чел. (11 класс). Тип выборки: серийная, районированная, квотная. Критерии выборки респондентов: пол, учебный класс, образовательное учреждение / – Текущий архив кафедры социологии и социальных технологий ВолГУ. – Волгоград, 2020.

УДК 1:316.2

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Ратникова И.М.

доцент, БГУИР

кандидат философских наук, доцент

(г. Минск, Беларусь)

Критическую социальную теорию по праву можно отнести к одной из наиболее значимых стратегий исследования современного общества, актуализация интереса к которой обусловлена ее теоретической и практической значимостью. В рамках критической социальной теории разрабатывается практико-ориентированная методология исследования и, что немаловажно, преодоления патологий социального развития.

Современная критическая социальная теория развивается как одно из направлений критической теории. Критическая теория – это концептуально целостная, активно развивающаяся исследовательская программа современной гуманитаристики, представленная рядом направлений: критическая социальная теория (Э. Гидденс, А. Турен и др.), критическая правовая теория (А. Хант, К. Самнер и др.), критическая литературная теория (Л. Тайсон, Т. Иглтон и др.), критическая теория международных отношений (Р. Кокс, А. Линклэйтер и др.), критическая теория коммуникации (С. Дитц, Э. Гриффин и др.), критическая педагогическая теория (П. Фрейре, И. Иллич и др.) и другие.

Каждое из этих направлений, фокусируясь на анализе различных аспектов бытия (социальном, правовом, языковом и др.), решает конкретные задачи и имеет единые философские основания. В роли этих оснований выступает комплекс философских идей и установок, который обосновывает фундаментальные принципы этой исследовательской программы: изоморфизм теории и практики (само разворачивание теории трактуется как практика преобразования социального бытия), контекстуальность (ее открытый характер и принципиальная незавершенность, обусловленная перманентной динамикой социокультурного и общеполитического контекста) и рефлексивность (ориентация на критическое осмысление собственных ключевых положений, принципов и границ применения).

Инвариантное содержание критической социальной теории задано системным подходом к анализу предельных оснований социальной реальности, предполагающим выявление истоков формирования современного общества, раскрытие патологий функционирования его базовых принципов и ложных форм их легитимации, а также разработку эмансипационных в своем существе проектов создания нового, справедливого социума.

Свое первоначальное философское обоснование фундаментальные принципы критической социальной теории находят в творчестве представителей Франкфуртской школы на страницах «Журнала социальных исследований» (*Zeitschrift für Sozialforschung*), издаваемого Институтом социальных исследований во Франкфуртском университете имени Гёте в первой трети XX столетия. Программно ее основные положения были изложены вторым директором этого института М. Хоркхаймером в его статье «Традиционная и критическая теория» (1937).

В данной работе представлена критика методологических оснований традиционной научной теории, трактуемой им в позитивистском ключе. Согласно традиционной теории, мир явлений конституирует структуру человеческой реальности, и, соответственно, познанию доступно лишь то, что дано в опыте. Основным критерием истинности такой теории выступает когерентность, взаимосвязанность и согласованность всех ее элементов, их логическая непротиворечивость. Позитивистское требование отказа от абстрактности социальной теории, установка на объективизм и точность формулировок, сбор и обработку фактов эмпирической действительности математическими методами обусловлено следованием примеру естественных наук, «практическая ценность которых не подлежит сомнению» [1, с. 191]. Вместе с тем, традиционная теория, редуцирующая роль науки к регистрации фактов и явлений объективной действительности, становится инструментом легитимации существующей системы власти и социального порядка.

Позитивистское очищение философии от метафизических понятий способствовало развитию эмпирических наук и техники, кульминацией которых стали огромные успехи в материальной культуре. Прогресс промышленного производства как основная задача традиционной теории, ее трансформация от метафизики к инструментальной рациональности, была одновременно и условием социального прогресса. В то же время знание стало не только производительной силой, но и инструментом, с помощью которого подавлению подлежала способность к критической рефлексии. В традиционном мировоззрении мир трактуется как совокупность фактов, которые должны быть приняты и классифицированы, а разум легитимирован только в форме математики и эмпирических наук. В капиталистическом обществе происходит абсолютизация традиционной теории, поскольку она становится средством накопления и сохранения капитала посредством промышленного производства.

В то время как, по М. Хоркхаймеру, наука – это лишь одна из областей деятельности человека. На самом же деле «самопознание современного человека не является математическим знанием природы, которое утверждает, что оно является вечным Логосом, но является критической теорией общества, каким оно является по сути, теорией, на каждом шагу которой доминирует забота о разумных условиях жизни» [1, с. 198]. Задача критической социальной теории состоит в том, чтобы проникнуть в истинную суть вещей и показать реальные принципы, функционирующие в основе социальных отношений, демистифицировать ложные формы обоснования существующего положения дел.

Критическая социальная теория выполняет важную функцию выявления условий формирования справедливого общества и свободного человека как самореализующегося, самоуправляющегося субъекта социальной реальности. Мир, воспринимаемый человеком, является продуктом его деятельности. Объектом познания в критической теории выступает не набор фактов, но очеловеченная природа и, в этом смысле, она из кантовской «вещи в себе» превращается в «вещь для нас». Таким образом, под традиционной теорией М. Хоркхаймер понимает такую теорию, которая в качестве образца избрала модель естественных наук.

Уже в данной программной статье эксплицируется специфика критической социальной теории, заключающаяся в исследовании генезиса и особенностей функционирования концептуальных оснований западного общества, а также выявление условий трансформации существующего социального порядка в целях достижения свободы. Более конкретные черты также приобретают гносеологические и методологические основания классической модели критической социальной теории, которые характеризуются: 1) деятельностным подходом к познанию; 2) отказом от разума как единственного источника достоверных знаний о мире; 3) идеей социокультурной и аксиологической ангажированности познания; 4) системностью; 5) междисциплинарностью; 6) антисциентизмом; 6) антиредукционизмом; 7) историзмом.

В ходе концептуального развития философские основания критической социальной теории наиболее эксплицитно предстают в таких учениях, которые ставят перед собой задачу ее

реактуализации с учетом принципов постметафизического мышления и социокультурных реалий. На сегодняшний день максимально полно заданным параметрам отвечают философские теории Ю. Хабермаса, А. Хоннета и Р. Форста. При этом важно подчеркнуть, что указанная преемственность в развитии критической теории проявляет себя не в виде содержательных рецептов, но в форме релевантности ее парадигмальным установкам. Выбор персоналий обусловлен их максимальной репрезентативностью с позиции выявления философских оснований критической социальной теории и их динамики в контексте ее становления и развития.

Так, Ю. Хабермас осуществляет коммуникативный переворот в критической социальной теории: системный анализ социальной реальности реализуется им в коммуникативной модели. Он сам, да и такие серьезные исследователи его творчества, как Т. Маккарти, В. Фурс, А. Хоннет и др., квалифицируют философскую позицию Ю. Хабермаса как переход от парадигмы сознания к парадигме языка. «Коммуникативный поворот» в критической социальной теории, концептуализированный Ю. Хабермасом, обогатил ее философские основания проектом коммуникативной рациональности, отказом от субъект-объектной оппозиции, идеей контекстуальности и ситуированности субъективного бытия, теорией «идеальной речевой ситуации», акцентом на анализе повседневных intersубъективных интеракций, тезисом о незавершенности проекта модерна и поисками его эвристического потенциала в контексте глобализационных процессов современности, идеей дискурсивных практик как основания социальных трансформаций на принципах свободы и справедливости, приоритетом нормативной сферы в социальном развитии. Эти и многие другие идеи получили свое развитие в новейших разновидностях критической теории, к числу наиболее репрезентативных и продуктивных представителей которой можно отнести А. Хоннета и Р. Форста.

В отличие от своего учителя Ю. Хабермаса, связывающего развитие общества с правильно организованными дискурсивными практиками общественности, обеспечивающими условия взаимопонимания, А. Хоннет разрабатывает такую модель, в которой определяющим фактором социокультурного прогресса выступает нормативно окрашенная борьба индивидов за признание их притязаний на автономность, значимость их прав и свобод. Целевая же установка новейшей разновидности критической социальной теории, получившей философское обоснование в работах Р. Форста, находит выражение в поиске максимально оптимальных моделей социального устройства и справедливых норм совместного общежития в условиях мультикультурализма. В своих работах он пытается выявить нормативные и концептуально-методологические основания справедливого социального порядка. Таким образом, критическая социальная теория предстает сегодня как эмансипационная программа социальных трансформаций, в основе которой – дискурсивная практика оправдания образа жизни и институциональной системы, приводящая к правовому обществу на принципах свободы, справедливости и толерантности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Horkheimer, M. Traditional and critical theory / M. Horkheimer // Critical Theory. Selected Essays / M. Horkheimer. – New York : Continuum, 2002. – P. 188–244.

УДК 001.89/167/168

«ЗНАНИЯ НА ЗАКАЗ» – ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Рыжко Л.В.

*ведущий научный сотрудник, ИИИТПИИИ им. Г.М. Доброва НАН Украины
доктор философских наук, профессор
(г. Киев, Украина)*

Каждый исторический этап развития науки имеет свои способы исследований, особые компетенции создателей науки – ученых, цели, которые ставят перед собой ученые, и ожидания общества. Можно констатировать, что современная наука все больше ориентируется на исследования, которые должны решать конкретные практические, житейские проблемы. Эти исследования обращаются не к чисто гносеологическим проблемам, а к проблемам человека, общества и ищут возможности их решения. В мировых практиках в настоящее время существуют разные, но в целом аналогичные названия таких научных исследований. Например, «проблемно-ориентированные

исследования» (Problem-Oriented Research) используют немецкие исследователи В. Цирхофер и П. Бургер [1] и в русской литературе И.Б. Ардашкин [2], также встречаются названия - «исследования, ориентированные на миссию» (Mission-Oriented Research) [3]. В конце прошлого века для обозначения важных проблем, требующих научных исследований, в США начали использовать словосочетание «большие вызовы» (Grand Challenges) [4]. В Украине используют название «программно-целевые научные исследования» (далее ПЦНИ). ПЦНИ занимают значительное место в исследованиях ученых НАН Украины.

Несмотря на разнообразие названий таких научных исследований, во всех случаях общим является их ориентация на решение определенных проблем на основании соответствующих программ. Это побуждает к размышлениям о традиционных представлениях о том, что научное исследование имеет дело с новым, доселе неизвестным, а в случае ПЦНИ, будто, уже понятно, что должен делать исследователь - ученый (в программе выражена цель исследования, пути исследования, предполагаемые результаты). В связи с этим возникает ряд вопросов, касающихся не только когнитивных особенностей знаний, получаемых в процессе ПЦНИ, но и представлений о профессии ученого, который, как считалось, работает на удовлетворение личного научного интереса в соответствии со своим талантом, призванием. Вызывает вопросы и судьба т.н. академических свобод, благодаря которым деятельность в сфере науки является привлекательной для значительной части исследователей. То есть изменяются принципы функционирования науки как социального института. И.Б. Ардашкин считает, что это новый тип научных исследований, особенностью которого является сочетание проблем гносеологических, которые присущи естественно-научному знанию, и гуманитарных, которые возникают в обществе, в жизни человека. Онтологическая основа таких исследований объединяет материальный и духовный мир, истину и красоту, ценности и пользу [2, с. 59]. То есть оказывается, что необходимо дисциплинарный принцип организации исследований и подготовки кадров дополнять междисциплинарным и трансдисциплинарным.

ПЦНИ могут быть фундаментальными или прикладными, но и те и другие ориентированы на непосредственные интересы социального, экономического и политического характера, в целом являются реакцией на т.н. «вызовы», возникающих перед обществом. Последнее даже нашло выражение своеобразным словом-маркером - «миссия», которую должны выполнить исследования.

Независимо от различных названий, научные исследования типа ПЦНИ являются особыми в том плане, что они являются следствием связи науки с политической, социальной сферами, религией, экономикой. Результаты этих исследований удовлетворяют непосредственные потребности жизни людей. Поэтому ПЦНИ, проблемно-ориентированные исследования или исследования, ориентированные на миссию, соотносятся с «большими вызовами» (социальными, экономическими), которые они должны преодолеть. В целом, миссия преодоления вызовов будет успешной, когда заинтересованные стороны сами принимают участие в форме диалога в ее формулировке (дизайне) и реализации.

Для организации диалога, как свидетельствует опыт стран ЕС, могут быть использованы несколько схем: политики с участием представителей общественности определяют несколько возможных миссий и после этого информируют широкую общественность. Происходит обсуждение возможных миссий, оно может проходить с использованием социальных сетей; возможный вариант - выбирать миссию с помощью опроса общественности через интернет; политики могут обращаться к общественности на начальных этапах формулирования миссий [5, с.11]. Таким образом граждане становятся участниками выбора направлений исследований. Хотя доля участия государства и граждан может быть 90/10, но и в этом случае важно привлечение общественности, потому что это формирует у общественности ощущение причастности к разработке научной политики. Последнее, в свою очередь, способствует росту в общественном сознании значимости полученных результатов.

Следовательно, в процессе ПЦНИ создается «знание на заказ». «Знание на заказ» – аналог метафоры «экономика на заказ» или «экономика общего потребления», которая по мнению известного политического деятеля – основателя и руководителя Давосского форума Клауса Шваба является чертой «четвертой промышленной революции». «Экономика на заказ» или «экономика общего потребления» базируется на цифровых платформах, которые создают условия взаимодействия и обратной связи между производителями и потребителями [6, с. 24]. Подобная особенность характерна и для «знаний на заказ». Этими утверждениями К. Шваб подчеркивает важность взаимодействия, коммуникации, наличия инфраструктуры, которые бы создавали возможность конструктивного диалога и сотрудничества.

Концепт «знание на заказ» не снимает проблему фундаментального и прикладного научного знания, но, что важно, акцентирует внимание на новом, довольно заметном явлении – внимании к виртуальности. Виртуальность позволяет сочетать принципы, нормы, ценности естественнонаучных и

гуманитарных знаний в едином познавательном процессе, получать целостное междисциплинарное представление о реальности.

Особенно ярко это проявляется в развитии новейших технологий (био, нано, инфо, гуманитарных, социальных) [7, с. 139]. Речь идет о том, что исследования в данных сферах – это создание новой реальности (организмов с трансформируемым геномом, новых материалов, виртуального мира, реализации гуманитарных и социальных проектов). Характерной чертой становится междисциплинарность как симбиоз дисциплин естественного, физико-математического и социально-гуманитарного характера.

В методологическом плане возрастает роль операционального, алгоритмического знания, что означает дополнение процедуры отображения (знание как образ объекта), процедурами конструирования и проектирования (объект как конструктор или проект знаний о нем и способы его использования). Происходит сближение теоретических и практических аспектов научной деятельности, в частности, развиваются процедурно-технологические потенции теории и модельно-информационные способности практики [8]. Законы, теории как формы представления научного знания дополняются концепциями, программами, проектами, сценариями и тому подобным. Существенно меняется статус научных проблем. Если источник проблемы находится в социальной, экономической, экологической или иной сфере, то «решение проблемы не говорит о том, что она выводится из познания в связи с тем, что на её вопрос получен ответ» [2, с. 60]. Таким образом, подчеркивает Л.А. Маркова [9, с. 99], познавательная деятельность сочетается с другими видами деятельности, определяется не столько прошлым, сколько контекстом настоящего и потребностями будущего. Поэтому «решение проблемы – это не факт, что она «снимается», выводится из познания, а вместе с ней снимается и неопределенность знания. Решение проблемы – это сужение контекста, но не устранение последнего, поскольку в ином контексте она снова появится и проявит себя... Отсюда новое в познании часто определяется не как то, что следует из прошлого, оно появляется благодаря изменению контекста, а не времени, хотя последнее не исключается... Проблема фактически выступает метафизической основой организации научных исследований. Она является «невидимым» центром, определяющим характер познавательных процессов. Отсутствие такого «центра» лишает познания перспективы, делает науку «вещью-в-себе», ненужной для общества» [2, с.60].

Практическая ориентация науки приводит не просто к усилению внимания к прикладным исследованиям, а меняет мотивационные ориентиры исследователей. Не описание и объяснение мира, а попытки решить практическую проблему, или преодолеть вызовы, возникающие перед человечеством, побуждает к проведению исследований. Причем, в данном случае, речь не идет о том, что приоритет отдается прикладным исследованиям и инновационным разработкам, в противовес фундаментальным, а о том, что логика исследования направляется практическими проблемами. Для их решения может потребоваться проведение и фундаментальных исследований, но они не становятся самоцелью, а лишь ступенью к получению практических знаний, технологий, обусловленных социальными потребностями, что является трансформацией социального статуса научных знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Zierhofer W., Burger P. Disentangling Transdisciplinarity: An Analysis of Knowledge Integration in Problem-Oriented Research // *Science Studies*, Vol. 20(2007) No. 1, p. 51–74.
2. Ардашкин, И. Б. Онтологические основания проблемно-ориентированных исследований // *Известия Томского политехнического университета*. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С.56-63.
3. Mission-Oriented Research & Innovation in the European Union. A problem-solving approach to fuel innovation-led growth. by Mariana MAZZUCATO Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018 (<http://europa.eu>) (22.09.2020)
4. Hicks, Diana. 2016. Grand Challenges in US Science Policy Attempt Policy Innovation. *International Journal of Foresight and Innovation Policy* 11(1/2/3):22–42. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.705.836&rep=rep1&type=pdf> (22.09.2020)
5. Mission-oriented Research and Innovation Policy: A RISE Perspective. European Union, 2018. <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/61e742ed-2358-11e8-ac73-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-70556243>. (22.09.2020)
6. Шваб, К. Четверта промислова революція. Формуючи четверту промислову революцію. – Харків. : Клуб сімейного дозвілля. – 2019. – 416 с.
7. Гутнер, Г. Б. Постнеклассическое исследование : коммуникативный характер практик // *Постнеклассические практики: опыт концептуализации : Коллективная монография / Под общ. ред. В. И. Аршинова и О. Н. Астафьевой*. – СПб. : Изд. Дом «Мирь», 2012. – С. 135–144.
8. Кримський, С. Б. Запити філософських смислів. – К. : ПАПААН, 2003. – 240 с.
9. Маркова, Л. А. Переосмысление субъект-предметного отношения // *Вопросы философии*. – 2006. – № 8. – С. 98–110.

КОНТР-КОНТРСУГГЕСТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП*Сельченко Е.К.**старший преподаватель, БГУ**(г. Минск, Беларусь)*

Суггестия – один из факторов самосохранения общества вообще. Она работает на системном уровне, и без минимальной суггестии ни одна группа и ни одно общество ни сформироваться, ни удержаться в целостности не могут. Но по мере развития общества и по мере развития индивидуального сознания составляющих его индивидов значение суггестии ослабевает, но возрастает значение контрсуггестии для культурогенеза. Поскольку последовательное развитие контрсуггестии, хоть и способствует культурной динамике, но приводит к дестабилизации общностей, к нарушению целостности социальных структур, для стабилизации социальной структуры особое значение приобретает контр-контрсуггестия, осознанно применяемая для стабилизации социальных групп как субъектов социальной активности.

В обществе, в котором невозможна социальная изоляция группы, для сохранения и укрепления группы применима контр-контрсуггестия (термин введен Б. Ф. Поршневым [1]). Чем выше степень взаимодействия групп друг с другом, тем выше у индивида склонность к контрсуггестии в каждой отдельной группе. Убеждения и отношения, сформированные внутри группы, рано или поздно подвергаются критическому осмыслению, что может привести к распаду общности. Для сохранения той или иной степени целостности социальной группы (в том числе и на уровне регионов) применимы стратегии контр-контрсуггестии как целенаправленно применяемые инструменты сохранения культуры социальной группы (региональной общности, субкультуры и т.д.).

При высокой степени изолированности группы от среды, внутри группы возрастает «убеждаемость», суггестабельность, что проявляется в возможности убедить детей одновременно в двух взаимоисключающих идеях. Таким образом, любая замкнутость, независимо от ее типа (национальная, этнокультурная, религиозная, семейная и т.д.) способствует развитию суггестии. Но в постиндустриальную информационную эпоху, в эпоху глобализации и тотальной информатизации общества добиться изоляции группы довольно проблематично. В обществе такого типа возрастает значение именно контр-контрсуггестии в сохранении групповой культурной целостности.

Контр-контрсуггестия выражается в принуждении и убеждении, которые действуют на ином уровне, чем естественная групповая суггестия. Принуждение и убеждение – это направленный рационально оформленный процесс, имеющий целью сохранение целостности группы, поскольку «репродукция и, тем самым, трансляция всевозможнейших элементов культуры формирует отличие «нас» от «них»» [1]. Борьба контрсуггестии и контр-контрсуггестии и составляет историю культуры. По словам Б. Ф. Поршнева, «если суггестия — исходная пряжа исторической психологии, если сплетения суггестии и контрсуггестии образуют ее ткань, то контр-контрсуггестия вышивает уже подлинные исторические узоры на этой канве» [1].

Для активизации чувства единства и общности используются различные средства. В обществе нового времени национализм и религиозная нетерпимость неизменно служат общественной формой, обеспечивавшей максимально высокий коэффициент внушаемости и падение коэффициента контрсуггестии [1]. Если взять за основу конструктивистский подход к понятию этничности, этническая общность выступает как «социальная конструкция, возникающая и существующая в результате целенаправленных усилий политиков и творческой интеллигенции» [2, с. 12]. Как отмечает А. А. Бучек: «Этнос – это искусственное образование, результат целенаправленной деятельности интеллектуальной элиты. Этот конструкт (этничность) транслируется на потенциальных представителей этноса при помощи различных феноменов массовой культуры, средств массовой информации, системы образования и воспитания. Те культурные черты, которые элита использует в качестве этнических символов для солидаризации общности, достаточно произвольно «выхватываются» из культуры и являются не более чем знаками групповой солидарности... Причем выделение этноса всегда связано с мифом об «общей судьбе», внедряющимся в сознание группы идеологами, а отнесение себя к той или иной этнической группе для индивида означает включение своих действий в определенный политический и идеологический контекст» [2, с. 8]. Научное мышление и убеждение, культ науки и рационального мышления в целом в современном обществе тоже могут рассматриваться как направленное внушение, поскольку истина обязательна и

принудительна: «От научного доказательства и убеждения ему не только некуда или нечем, но и незачем укрываться, — он перед нею гол более чем в самом глубоком гипнозе» [1].

Также стоит рассмотреть с точки зрения контр-контрсуггестии целенаправленное создание информационной замкнутости с помощью отбора информации в виртуальном пространстве индивида (группы индивидов), создания информационного пузыря, что позволяет построить замкнутую модель реальности (социальные сети, круг контактов). В социальных сетях внушение проходит от человека к человеку, от комментария к комментарию, от поста к посту, создавая тот же эффект заражаемости, что и в толпе. Так, например, опыт работы Cambridge Analytica показывает существование возможности смоделировать необходимый информационный контекст для целой группы, с помощью которого теоретически возможно создать искусственное ощущение общности сначала в виртуальном пространстве, а затем и в реальности. Подобный механизм воздействия заслуживает отдельного изучения с точки зрения потенциала в формировании культуры общностей в пространстве социальных сетей.

В 2018 году Н. Н. Лепехин и Е. С. Протанская опубликовали статью, в которой рассмотрели суггестологию в контексте культурогенеза и предложили такое междисциплинарное научное направление как культурная суггестология. Они обратили внимание на то, что «суггестивная коммуникация как предпосылка культурогенеза и формирования субъекта культуры исследуется сегодня разными научными дисциплинами, но до сих пор не получила межпредметного статуса» [3]. На наш взгляд, это связано с понятным отсутствием структуры научного направления, которое как целостная система находится пока еще на стадии формирования, хотя отдельные элементы его уже активно развиваются или уже достаточно развиты. Концепция «мультифасетности» [4, с. 100], многогранности суггестии и индивидуальной суггестивности как предмета исследования предполагает междисциплинарный, комплексный подход к ее изучению. Как одну из проблем, которые целесообразно рассматривать в рамках культурной суггестологии, они и определили поиск «перспективных стратегий контр-контрсуггестии для формирования субъекта культуры и культуры региональных социальных групп» [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Поршнева, Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) [Электронный ресурс] / Режим доступа : <https://psyfactor.org/lib/porshnev.htm>. – Дата доступа : 10.09.2020.
2. Бучек, А. А. Конструктивистский подход к исследованию этнического самосознания личности / А. А. Бучек // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – №2(18) – С. 5–13.
3. Лепехин, Н. Н., Протанская, Е. С. Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestologiya-v-kontekste-kulturogeneza-kak-nauchnoe-napravlenie/viewer> Дата доступа: 10.09.2020
4. Gheorghiu, V. The difficulty in explaining suggestion: some conceivable solutions / In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.) // Suggestion and Suggestibility. – Berlin : Springer-Verlag, 1989b. – P. 99–112.

УДК 316.343

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СРЕДНЕМ КЛАССЕ В ТЕОРИЯХ К. МАРКСА, М. ВЕБЕРА, П. СОРОКИНА

Скакун Е.В.
*заведующий кафедрой, БрГУ им. А.С. Пушкина
кандидат политических наук, доцент
(г. Брест, Беларусь)*

На всех стадиях общественного развития человечества категория «средний класс» всегда вызывала интерес. Процесс его формирования и развития относится к числу базовых социальных процессов в трансформационных экономиках. В Беларуси средний класс только формируется, критерии его выделения ещё до конца не сформулированы. Но, чтобы понять механизм формирования среднего класса, необходимо обратиться к трудам представителей индустриального общества, так как доскональное исследование среднего класса начинается с этой эпохи. Тем более концепции К. Маркса и М. Вебера и в настоящее время остаются основополагающими для исследований в этой области.

Категория «класс» в марксизме используется наиболее активно. Однако ни у К. Маркса, ни у Ф. Энгельса нет четкого ее определения. В письме И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. К. Маркс писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [1, с. 426-427]. В трактовке «класса» К. Марксом и Ф. Энгельсом нередко переплетаются экономические, политические и философские аспекты содержания. В «Манифесте Коммунистической партии» сказано: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу». В целом из работ К. Маркса следует, что социальный класс обладает следующими базовыми характеристиками: а) является объективным социальным образованием; б) определяется отношением к средствам производства; в) обладает четко выраженным интересом, необходимым для борьбы с другими классами.

При анализе классовой структуры общества марксизм различает классы основные и неосновные, а также учитывает наличие различных групп, слоев внутри классов и промежуточных прослоек между классами. Основными классами называются такие классы, существование которых непосредственно вытекает из господствующего в данной общественно-экономической формации способа производства. Это рабы и рабовладельцы, крестьяне и феодалы, помещики, пролетарии и буржуазия. Но наряду с господствующим способом производства в классовых формациях могут сохраняться и остатки прежних способов производства или возникать ростки новых способов производства в виде особых укладов хозяйства. С этим связано существование неосновных (переходных) классов. В тех капиталистических странах, где сохранились значительные пережитки феодализма, существуют в качестве неосновных классов помещики, всё более срастающиеся с буржуазией. В большинстве капиталистических стран имеются многочисленные слои мелкой буржуазии (мелкие крестьяне, ремесленники), которые по мере развития капитализма дифференцируются. Внутри классов обычно имеются различные слои, группы, интересы которых частично не совпадают.

Как мы видим, теория К. Маркса, хотя и исключала сам термин «средний класс», предусматривала существование промежуточных групп общества – социальной прослойки, находящейся между двумя основными противоборствующими классами (буржуазией и пролетариатом). По К. Марксу, представители этого слоя обладают особыми управленческими способностями, благодаря чему совмещают в своей деятельности функции капитала и труда.

Большой вклад в развитии идей социальной стратификации, социальных классов и среднего класса в частности внес М. Вебер, который термин «класс» определял, как «всякую группу людей, находящихся в одинаковом классомом положении» [2, с. 141], другими словами, в одинаковой «классовой ситуации» [3, с. 163]. Под последней он понимал «совокупность типичных шансов на получение прибавочного продукта, внешних условий жизни и личного жизненного опыта, поскольку эти шансы детерминированы объемом и видом власти (либо недостатком таковой), позволяющей распоряжаться товарами или квалификацией в целях получения дохода в рамках данного экономического порядка» [2, с. 163]. Очевидно, что ключевым в определении социального класса у М. Вебера является понимание «жизненного шанса» и вытекающего из него «рыночного шанса» как общего условия судьбы индивида.

Классовые разделения, по мнению ученого, проистекают из других экономических факторов, напрямую не связанных с собственностью. В качестве центрального критерия М. Вебер предложил жизненные шансы индивидов, определяемые как материальные вознаграждения, социальные и культурные возможности, которых может ожидать типичный член группы или класса в пределах конкретного общества. Количество и качество ресурсов, которыми обладает индивид, обуславливают его возможности в рыночных отношениях. К таким ресурсам М. Вебер относит владение не только средствами производства, но и знаниями, рабочей силой. Высокие рыночные позиции могут занять те, кто обладает ценной и востребованной квалификацией: «Природа современной организации государства и общества ... обуславливает привилегированное положение профессиональной подготовки, а тем самым ... образованности, этого наимоощнейшего элемента межсословных различий в рамках современного общества» [4, с. 71].

М. Вебер не дает исчерпывающего определения среднего класса, однако выделяет его ключевые характеристики – владение собственностью или профессиональным капиталом. В своей теории М. Вебер выделил два сегмента: «нижние средние классы» (крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы); «профессионалы» (специалисты, чиновники, интеллектуалы, администраторы). Как и у предшественников, средний класс М. Вебера неоднороден; имеет промежуточный статус, располагаясь

между «позитивно привилегированными классами», владеющими собственностью, и «негативно привилегированными классами», не имеющими собственности и квалификации.

По мнению А.Э. Чаплыгина, М. Вебер представляет социальную структуру капиталистического общества в виде разделения на высший, средний и низший классы. При этом в основе ключевого признака различий между классами выступает размер собственности (угодий). М. Вебер указывает, что для представителей среднего класса важно то место, которое они занимают на рынке труда, что обеспечивает им хороший доход. По этому признаку он определяет некую социальную мобильность в отношении рабочих, которые выступая монополистами – владельцами исключительных знаний, выходят из низших позиций в обществе. Следовательно, профессиональные навыки являются отправной точкой в формировании среднего класса [5, с. 292].

Свои базовые представления о социальной структуре общества и о социальных классах П.А. Сорокин сформулировал в работе «Система социологии». Концепция П.А. Сорокина демонстрирует интегральность подхода к вопросу о социальных классах. Под социальным классом П. Сорокин понимал совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а, следовательно, имеющих тождественные социально-правовые интересы [6, с. 375-376]. Согласно данной классификации, население большинства государств распадается на четыре основных класса:

1) трудовые крестьяне (профессия – обработка земли физическим способом, имущественное положение среднее или относительно бедное, объем прав – ограниченный);

2) наемные рабочие (профессия – наемный труд физического характера, имущественное положение – от среднего до бедного, объем прав ограничен рамками трудовых контрактов);

3) землевладельцы (профессия – помещики, живущие земельной рентой и выполняющие интеллектуально-управленческие функции, имущественное положение – богатые относительно рабочих и крестьян, объем прав – привилегированный);

4) капиталисты (профессия – представители промышленного, торгового и финансового капитала, имущественное положение – богатые, объем прав – привилегированный, но иной, чем у землевладельцев).

Отсюда следует, что автор предполагает плюралистический, многофакторный подход к общественным классам.

В работе «Человек. Цивилизация. Общество» П. Сорокин особое место отводит социальной стратификации. Согласно П. Сорокину, стратификация функционально необходима для развития общества. Он определяет социальную стратификацию как «дифференциацию некой данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге» [7, с. 302], выражающуюся в существовании высших и низших слоев. Основными критериями социальной стратификации, по его мнению, выступают экономические, политические и профессиональные факторы. Экономическое расслоение, означает неодинаковость экономических статусов, иначе говоря, наличие экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровней жизни, в существовании богатых и бедных слоев населения. Политическая дифференциация описывает систему иерархических рангов, которая опутала, подобно гигантской паутине, все общество. Она включает авторитеты, власть, престиж, звания, почести. Профессиональная дифференциация – это разделение населения по родам деятельности, занятиям и профессиям, одни из которых считаются более престижными, другие менее, а их организация обязательно включает руководителей различного ранга и подчиненных.

В рамках разработанной теории социальной стратификации П. Сорокин уделял особое внимание среднему классу, хотя и не проводил конкретного анализа этой категории.

Таким образом, средний класс, появившийся в индустриальном обществе как промежуточное образование между элитой и неимущими, прошел путь развития и трансформации. Его формированию способствовали развитие экономики, третичного сектора, а также особая политическая направленность государств Запада. Средний класс является социальным гарантом прогрессивного развития общества. Свидетельством его значимости может выступать политическая направленность белорусского государства на формирование и поддержку среднего класса.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года сказано: «Приоритетными направлениями социальной политики определены: – повышение реальных доходов как основного фактора улучшения качества жизни и формирования среднего класса в стране» [8, с. 28].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс, К. Письмо И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – М., 1955–1981. – Т. 28. –1962. – 767 с.

2. Вебер, М. Сословия и классы / М. Вебер ; пер. с нем. А. Б. Рахманова // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2003. – № 4. – С. 141–148.
3. Кравченко, А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика / А.И. Кравченко. – М : «На Воробьевых», 1997. – 208 с.
4. Вебер, М. Избирательное право и демократия в Германии / М. Вебер // Политические работы (1895-1919) / пер. с нем. Б. М. Скуратова.– М. : Праксис, 2003. – 424 с.
5. Чаплыгин А.Э. Средний класс: эволюция понятия /А.Э. Чаплыгин // Вестн. Сарат. гос. тех. ун-та. – 2010. – Т. 4. – № 1. – С. 291–297.
6. Сорокин, П. А. Система социологии : в 2 т. / П.А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1993. – Т.2. – 527 с.
7. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. ; под ред. А. Ю. Соколова. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
8. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – Минск: ГНУ НИЭИ. – 2015. – 148 с.

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ставский В.Н.

*старший преподаватель, МГУ им. А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)*

В социологии общество рассматривается как исторически развивающаяся система отношений и взаимодействий людей и их общностей. Вопрос о развитии общества, его изменении является главным вопросом социологической науки. В современную социологию все глубже и последовательно проникает представление о динамическом устройстве общества. Все социальные объекты, от малых групп до глобальных сообществ, находятся в непрерывном движении [1, с. 472].

Изучая общество, социологи пытаются предугадать направление его развития в будущем. Отвечая на этот сложный вопрос, социологи выявляют на теоретическом уровне предпосылки и механизмы развития, рассуждают о его конечной цели.

Проблема социальных изменений по-разному интерпретировалась представителями социологических парадигм. Особое значение данной проблеме придавали представители парадигмы социального конфликта. Одним из ярких представителей данной парадигмы являлся Ральф Дарендорф (1929-2009). Р. Дарендорф в своей теории социального конфликта рассматривал конфликт как источник социальных изменений и форму совершенствования общественных отношений. Конфликт для Дарендорфа – это перманентное состояние социального организма. Р. Дарендорф считал, что вся общественная жизнь – это конфликт, так как в человеческих сообществах нет постоянства, все изменяется. Ученого не интересовал сам процесс изменений, главным является для него, с какой скоростью идут изменения и каков их характер. Теория социального конфликта должна дать ответ на вопросы о том: 1) каким образом появляются группы, которые вступают в конфликтное взаимодействие? 2) какие формы приобретает борьба между этими группами? 3) конфликты какого рода влияют на изменения структуры общества?

Для Р. Дарендорфа проблема изменений является центральной темой его теории. Р. Дарендорф разрабатывая свою теорию социального конфликта, вступил в полемику с теорией структурного функционализма Т. Парсонса. Т. Парсонс в своей теории большое внимание уделял проблеме устойчивости и стабильности социальной системы. Р. Дарендорф обратил свое внимание на противоречивость постулатов Т. Парсонса и сформулировал свою систему постулатов, в которой противопоставил свои идеи идеям Т. Парсонса. По мнению Р. Дарендорфа, Т. Парсонс утверждает следующее.

1. Каждое общество – относительно устойчивая и стабильная структура.
2. Каждое общество – хорошо интегрированная структура.
3. Каждый элемент общества имеет определенную функцию, т. е. вкладывает нечто в поддержание устойчивой системы.
4. Функционирование социальной структуры основывается на ценностном консенсусе членов общества, обеспечивающим стабильность и интеграцию [2, с. 45].

Р. Дарендорф же утверждает обратное.

1. Каждое общество изменяется в каждой своей точке, социальные изменения вездесущи.

2. Каждое общество в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом, социальный конфликт вездесущ.

3. Каждый элемент общества вносит свой вклад в его дезинтеграцию и изменение.

4. Каждое общество основано на том, что одни члены общества принуждают к подчинению других [2, с. 45].

Сравнивая эти постулаты между собой, можно утверждать, что оба автора по-своему правы. Т. Парсонс описывал статическое состояние общества, а Р. Дарендорф рассматривал общество в динамике. Соединив эти постулаты, мы получим более полную социологическую картину общества.

Рассматривая социальный конфликт, как способ разрешения общественных противоречий, как способ внесения изменений в общественное развитие, Р. Дарендорф, что социальный конфликт не должен перерасти в гражданскую войну, а для этого общество должно находить механизмы его регулирования.

Изучая проблемы социального развития, Р. Дарендорф не мог обойти стороной проблему трансформации стран Восточной и Центральной Европы.

В своих трудах он указывал на то, что бывшие социалистические страны, встав на путь демократизации, столкнутся с массой проблем. Р. Дарендорф отмечал: «Странам, вставшим на путь свободы, кажется, что демократия (т. е. партии, выборы и парламенты) укажет им, куда идти дальше. Даже сторонники активных действий полагают, что для этого надо послушать, что говорят, причем послушать всех желающих» [3, с. 70]. Р. Дарендорф отмечал иллюзорность таких взглядов. Он обозначил демократию не как систему взглядов и мнений, для него демократия – это система правления. Цель, демократии, как считал Р. Дарендорф, – обеспечение поддержки народа правительству. Демократия должна давать правительству возможность править, т. е. проводить свой политический курс. Этот курс должен быть четким, ясным. Страны, переживающие трансформацию в экономике, политике должны пережить нелегкие времена, чтобы выйти на поступательное устойчивое развитие. Во главе таких государств должны находиться лидеры, имеющие поддержку народа, пользующиеся авторитетом и знающими курс, по которому они ведут свою страну.

Другой немецкий социолог, Ульрих Бек (1944-2015), рассматривал проблему изменений через призму рисков, которые они в себе таят. Его волновали процессы модернизации, перехода от традиционного общества к обществу модерна, а также проблемы технико-экономического развития современного общества. У. Бек рассматривал современное общество как общество накопления материальных благ, общество люкса. Но производство материальных благ, с его точки зрения, таит в себе и большое количество проблем и побочных явлений. Модернизация не только привела к увеличению материальных благ, она привела и к увеличению рисков, это ее побочная сторона. Как отмечает У. Бек: «Благодаря чрезмерному развитию производительных сил эта оборотная сторона приобретает все большее значение. В процессе модернизации все больше и больше высвобождаются такие деструктивные силы, которые просто не доступны человеческому воображению» [3, с. 12].

В наше время само понятие риска приобрело иной оттенок. Многие риски носят глобальный характер. Современное производство, атомная энергетика, транспорт изменили такие понятия, как пространство и время, труд и досуг, континент, государство, суверенитет, границы. У. Бек отмечает, что такие проблемы, как вымирание лесов, загрязнение окружающей среды, распространение радиации, после аварий на атомных электростанциях и т.п., носят общепланетарный характер. Поэтому важным является знание о рисках, которое даёт возможности их предупредить.

Риски современного общества носят политический характер. Для того, чтобы избежать глобальной катастрофы, необходимо изменить проводимую политику. Вот как об этом пишет У. Бек: «Благодаря маленьким и большим сбоям... в обществе риска возникает политический потенциал катастроф. Защита от него, овладение им могут привести к реорганизации власти и компетенции. Общество риска есть общество, чреватое катастрофами» [3, с.13-14].

Проблема социальных изменений является одной из центральных тем научных исследований польского социолога Петра Штомпки. Автор уделил внимание негативным последствиям социальных изменений, переживаемым обществом. Интерпретация социальных изменений П. Штомпки находится в противоречии с идеей прогресса. П. Штомпка предложил собственный подход к социальным изменениям, отождествляет изменения и с социальным кризисом. П. Штомпка ввел в социологию понятие социальной травмы. Он делает акцент на то, что изменения могут подорвать нормальный ход общественной жизни, также наносить удары членам общества и порождать состояние травмы. П. Штомпка определяет социальные изменения как социальный процесс, включающий в себя последовательность социальных событий: социальное развитие, дифференциацию, экспансию, кристаллизацию, расчленение социального поля в его различных измерениях, социальный прогресс. При этом он делает акцент на неравномерности проявлений социальных изменений.

Социальные изменения ведут к складывающейся травматической ситуации – состоянию напряжения, связанного с конкретными социальными изменениями и вызывающими нарушения привычного образа жизни людей, модели их социального поведения. Травмогенные изменения, даже когда они прогрессивны, ожидаемы и успешны, неблагоприятно воздействуют на общество, вносят дезорганизацию, дислокацию, как бы выбрасывают общество из состояния равновесия. [1, с. 475] Общества постсоциалистических стран в разной степени переживают коллективную травму. Это состояние было вызвано переходом к рыночным отношениям, глубокими изменениями в культуре, системе норм, ценностей. Особое внимание П. Штомпка уделяет культурным изменениям. Радикальные изменения в сфере культуры приводят к изменениям в образцах поведения, что не всеми воспринимается однозначно, на уровне социальных институтов могут проявляться такие явления как социальная дезорганизация, дезориентация, аномические явления. При этом автор подчёркивает, что степень травмы от культурного шока зависит от глубины диссонанса между прежней и новой культурой. Например, в Польше диссонанс в области культуры не так заметен как в Украине либо в России.

Так как социальные изменения происходят постоянно, поэтому явление социальной травмы сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Другое дело, что во время радикальных изменений травма становится очень глубокой. П. Штомпка предложил стратегии по выходу из состояния коллективной травмы. К ним он относит активные действия по укреплению новых ценностей, норм и стандартов поведения в сознании населения, сопровождаемые качественными изменениями в уровне жизни населения. В результате таких процессов само общество становится более крепким и может противостоять травме.

В заключении можно сделать вывод о том, что современная социология неоднозначно трактует проблемы социального развития и социальных изменений. Она отошла от классической трактовки прогресса, сосредоточив свое внимание на проблемах социальных конфликтов, рисков, травм. В современной социологии прогресс воспринимается как неоднозначное явление, имеющее не только положительные, но и отрицательные последствия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; Пер. с польск. С.М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
2. Здравомыслов, А. Г. Социология конфликта: учебное пособие для студентов ВУЗов (изд. в рамках программы обновления гум. образования) / А. Г. Здравомыслов. – 3-изд. доп и пер. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 317 с.
3. Дарендорф, Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Р. Дарендорф // Вопросы философии. – 1990. – № 9.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

УДК 101.1:316.42

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ С ПОЗИЦИЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Старжинский В.П.

профессор, БНТУ

доктор философских наук, профессор

(г. Минск, Беларусь)

Кравченко Д.В.

аспирант, Институт философии НАН Беларуси

(г. Минск, Беларусь)

С позиций теории систем феномен глобализации можно рассматривать как процесс преобразования социума в единую целостную саморазвивающуюся систему посредством реструктуризации – обновления структуры для установления оптимальных связей между странами с целью обретения устойчивого развития и самосохранения. Применительно к развитию человечества, общества как целостной системы, глобализация проявляется в процессе согласования общих целей человеческой цивилизации с частными интересами государств и носит противоречивый характер. При этом в качестве субъектов глобализации, активно действующих базовых структурных элементов глобального социума, выступают все цивилизованные страны, а не только лидеры. Однако результаты

глобализации весьма различны в зависимости от экономического и геополитического статуса государств.

Феноменологическое описание глобализации основано на внешних факторах глобальных изменений и включает формирование мирового рынка и международного разделения труда, усиление роли транснациональных корпораций (ТНК), функционирование доллара в качестве единой мировой валюты, развитие высоких технологий и интернета, становление английского языка как средства межнационального общения и др. Благодаря процессам глобализации ускоряется прогрессивное развитие человеческой цивилизации – появляются новые возможности для развития экономики, потребления материальных и духовных благ, общения, социокультурного развития, самореализации человека. Одновременно проявляются негативные стороны развития глобализации – усиливается дифференциация между богатыми и бедными странами и народами, обостряются геополитические проблемы, общество потребления ведет к деградации духовности. Происходит исчезновение национальных культур, истощение природных ресурсов и нарастание экологических проблем. Перманентные региональные военные конфликты повышают вероятность ядерного самоуничтожения и др.

Применение методологии развивающихся систем по отношению к феномену глобализации позволяет объяснить процесс унификации – установление единых правил функционирования посредством согласования новых элементов системы с общими целями. По отношению к социуму это выглядит как стандартизация, прежде всего экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Противоречия глобализации носят как объективный, так и субъективный характер, по аналогии со здоровьем человека, которое зависит и от наследственности, и от образа жизни.

Для выявления механизмов, динамики глобализации существенными являются вопросы о ее драйверах, ведущих тенденциях, глобальных стратегиях, лидерах, субъектах управления интегративными процессами. Как известно, лидерами глобализации и ее адептами до недавнего времени являлись ведущие геополитические игроки. Концепция управления основывается на весьма сомнительных конспирологических теориях и вряд ли реализуема на современном этапе развития человечества, поскольку отсутствуют единые органы управления, транснациональные механизмы, технологии реализации управляющего воздействия и контроля обратной связи. Стратегия осуществления глобализации характеризуется борьбой за мировое лидерство, отсутствием консенсуса в решении проблемы выбора наиболее оптимальной – однополярной или многополярной модели мира. Явными тенденциями глобализации является американское экономическое, политическое и социокультурное доминирование, в своей основе порожденное предшествующей вестернизацией, а также возрождение Китая и России как глобальных субъектов геополитики.

В международной политике процессы глобализации ведут к централизации власти, усилению роли транснациональных политических союзов, таких как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Европейский союз, Международный валютный фонд, которые осуществляют политическое управление гибридными средствами – финансово-экономическими, военно-политическими, санкционными мерами, квотированием и др. Стратегические решения вырабатываются также глобальными политическими субъектами в виде объединений под названием «Большая двадцатка» и «Большая семерка». Данные союзы действуют на основе присвоения права на вмешательство во внутренние дела других государств и возможности решать проблемы геополитики на основе принятых совместных решений. Данное обстоятельство приводит к уменьшению роли национальных государств в мировой политике, ограничению их суверенитета и субъектности. Они вынуждены делегировать всё больше своих полномочий влиятельным международным организациям. Это подтверждают объективные процессы, порожденные глобализацией – уменьшение роли государственного регулирования в национальной экономике, усиление влияния международного разделения труда, миграция трудовых, финансовых ресурсов и технологий и др.

В политологии предпринимаются попытки объяснить процессы глобализации не только с позиций классического системного подхода, но и синергетической методологии (И. Пригожин), общей теории систем и постнеклассической науки в целом на основе рассмотрения динамики социума как саморазвивающейся системы. Концептуальная модель глобализации социума как саморазвивающейся системы основывается, прежде всего на принципе динамического равновесия, к которому стремится система, состоящая из элементов – стран, определенным образом структурированных в социальных отношениях. Динамическое равновесие описывает развивающуюся открытую, сложную неустойчивую систему, где происходит энерго-информационный обмен между системой и ее элементами. Основной способ саморазвития системы состоит в гармонизации ее структуры, посредством постоянного обновления в стремлении соответствовать структуре ее элементов и выполняемых ими функций. При

этом сохраняется возможность постоянного обновления элементов в смысле обретения новых функций и сохранения базисных целей системы, что является ее приоритетом. Именно данная онтологическая закономерность лежит в основе конструктивного принципа кластерной организации системы, когда развитие системы в целом в достижении ею базисных целей является приоритетным по отношению к функционированию ее элементов. Этим во многом объясняется феномен частичной потери национального суверенитета странами и делегирование некоторых функций глобальным международным структурам.

В когнитивной психологии (Ж. Пиаже) впервые был объяснен механизм саморазвития мышления как процесс реструктуризации или обновления структуры посредством понятий ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция нового опыта происходит в процессе использования существующей структуры как шаблона, подгонка под него проблемной ситуации. Аккомодация, напротив, подвергает изменению имеющуюся структуру для того, чтобы она была адекватна новому опыту. По отношению к проблемам глобализации как социодинамики, ассимиляцию можно интерпретировать как включение в этот процесс все большего количества стран, однако на условиях правил функционирования глобальных организаций, и наоборот аккомодация представляет собой изменение правил функционирования организаций в случае не соответствия новой реальности.

Формализованные понятия, такие как итерации и рекурсивные функции, их описывающие, представляют собой логико-математические модели репрезентации циклов, которым подвержено развитие в том числе социальных систем. Вероятностный характер прогнозирования динамики социальных процессов связан с феноменом принятия политических решений, определяющих наиболее вероятный способ развития, зависящий как от реального соотношения сил, так и от политики как «искусства возможного». В синергетике вероятностная природа формирования социальных отношений, в том числе международных, находит выражение в понятиях узловой точки развития, бифуркации, «эффекта бабочки», когда тот или иной выбор определяет не только стратегию развития социальной системы, но и ее «судьбу».

Таким образом, динамическое равновесие, которое характеризует генезис саморазвивающейся системы, позволяет понять деструктивность политики, основанной на силе, превращении некоторых стран в изгоев, их блокаде, воинственной и неадекватной пропаганде, которая имеет место в современной политической реальности и отнюдь не способствует развитию социума в направлении достижения устойчивого состояния, как залога его самосохранения.

УДК 316.3

ТЕОРИЯ «СОЦИАЛЬНОГО МИФА»

*Сташис В.О.
аспирант, БГУ
(г. Минск, Беларусь)*

Прежде чем перейти непосредственно к анализу «социального мифа» стоит прояснить значение термина «миф». Миф (от др.-греч. μῦθος – речь, слово; сказание, предание) – это «форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [1, с. 430]. Уже в этом определении прослеживается тотальность мифа – это комплекс знаний и верований человека, а не один только поэтический нарратив.

Традиционно миф связывают с архаической формой мышления. В статье российского филолога Н. Киндря суть подобной парадигмы схвачена в следующем утверждении: «Анализ мифов есть средство выявления первичных структур сознания» [2, с. 86]. Истоки такого подхода мы можем проследить в позитивистски ориентированной антропологии XIX в., настаивающей на универсальном законе эволюционной последовательности развития человечества, начала которого прослеживаются в неразвитых, дологических формах общества (Л. Леви-Брюль, Д. Фрезер).

Непосредственно же проблема «социального мифа» начинает осмысляться лишь в XX в. Впервые ее пытается концептуализировать Ж. Сорель, анализируя революционное значение «социального мифа». В его труде «Размышления о насилии» (1908 г.) идея всеобщей стачки описана следующим образом – «миф, заключающий в себе весь социализм, совокупность образов, способных инстинктивно вызывать именно те чувства, которые соответствуют различным проявлениям социалистической

борьбы против современного общества» [3, с. 129]. Согласно этому описанию, социализм – это нечто принципиально непостижимое. Что-то, что доступно чувствам, но недоступно пониманию. Идея о неразрывной связи между идеологией и мифологией выражается в словах Ж. Сореля о сути «революционных» мифов: «Они дают ключ к пониманию деятельности, чувств и мыслей народных масс, готовящихся вступить в решительную борьбу; это не описания явлений, но выражения воли» [3, с. 50].

Таким образом, Ж. Сорель экстраполирует понятие «миф» на современную ему реальность, представляя это коллективное, символическое и устойчивое явление как форму иррациональной движущей силы, под действием которой возможна мобилизация масс.

Говоря о связи действия (реального) и мифа (мыслимого, потенциального) следует упомянуть работу А. Лосева «Диалектика мифа» (1930 г.). В этом труде русский философ дает следующую характеристику мифа: «Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [4, с. 37]. Говоря же о том, чем миф на самом деле является, А. Лосев использует понятие «чудо», понимая под ним представления в виде реального (даже «телесного») факта события чудесно-поэтического.

Тут следует указать на ряд характерно-мифологических элементов, которые будет искать человеческое сознание и в XX, и в XXI веке – это неотделимая от мифологии героичность и синкретизм мифологической картины мира. Выделив последнее, следует указать, что согласно теории К. Леви-Стросса – «миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации» [5, с. 235]. Этот диалектический переход ярче всего выражен в широко распространенной в фольклоре фигуре трикстера, персонажа, которого невозможно однозначно маркировать как «своего» или «чужого», «сильного» или «слабого» и т.д. В таком персонаже угадывается попытка решить противоречия между разными трактовками одной истории, характерной проблемой устного жанра, путем их сведения к третьему варианту, промежуточному – это и называется медиацией. Так, К. Леви-Стросс пишет, что «трикстер тоже является медиатором, а потому-то в нем остается что-то от двойственной природы, которую он должен преодолеть» [5, с. 237]. Однако трикстер – это не единственный вариант сведения противоречий к компромиссу посредством медиации. Более того, медиация не ограничивается областью мифа. Сложные, несимметричные, противоречивые структуры, в самой конструкции которых заложена интенция найти третье, компромиссное, звено (акт медиации) встречаются не только в области мифов. Они распространены, как среди объектов культуры (упоминаемые исследователем храмы на Бали [5, с. 154]), так и в области социальных институтов (асимметричные системы брака в Индонезии [4, с. 162]). Логично предположить, что и при рассмотрении общества как единого целого не сложно проследить характерные черты медиации (механизма, функцию которого можно охарактеризовать, как «ускользание» от противоречий).

Не менее важной в рамках исследуемой темы представляется идея Э. Дюркгейма, концептуализированная им в понятии «*homo duplex*». Как отмечает исследователь Г. Юдин, ее суть выражается в следующем – «оппозицию сакральное/профанное Э. Дюркгейм объясняет через оппозицию коллективное/индивидуальное» [6, с. 126]. Чтобы объяснить то, как общество может оставаться целостным и успешно функционировать в условиях, когда перманентно присутствует вышеописанный конфликт (как на уровне отдельной личности, так и в рамках всего коллектива), Э. Дюркгеймом была выдвинута концепция солидарности. Подчеркивая то, что в разных типах общества могут отличаться, в том числе, и типы идентификации, ученый выделил несколько типов солидарности – механическую (солидарность по сходству, характерна для традиционных обществ) и органическую (солидарность по различию, характерна для современности).

В рамках органической и механической солидарности происходит формирование коллективных представлений. Это те формы моральных представлений, которые проявляются исключительно на уровне социума, как целого. К ним можно отнести как общие привычки, идеи, символы, так и религиозные предписания или юридические законы. Об оценке таких представлений самим Э. Дюркгеймом исследователь В. Жалкиев пишет: «Коллективные представления, с его точки зрения, важны для формирования социальной интеграции, но при этом в условиях органической солидарности они не носят настолько жесткого, необходимого характера, насколько это характерно для механической солидарности» [7, с. 99].

Исследуя коллективные представления, обозначенные Э. Дюркгеймом, французский философ Р. Барт попытался рассмотреть их в качестве знаковой системы [8, с. 70]. Анализируя миф с позиции семиологического подхода, Р. Барт пишет следующее: «Значит, мифом может быть все? Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнуто-немого существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом» [8, с. 265]. Такой подход является фундаментально важным при анализе концепции «социального мифа». Согласно

философским воззрениям Р. Барта миф выступает в роли метаязыка. Фактически, «это вторичная семиологическая система» [8, с. 271]. Мифологический текст выступает надстройкой над базовыми знаками, содержание которого зависит от контекста, заложником которого стали воспринимаемый объект и воспринимающий субъект. Здесь же вскрывается диалектика идеологии и мифа.

Анализируя параллель между идеологией и мифом, исследователи Н. Свиллич и П. Мальдини пишут: «Различие между мифом и идеологией заключается в том, каким образом они возникают в истории, и как в дальнейшем они в ней функционируют» [9, с. 728]. В своей статье они рассматривают мифологию как рассказ о происхождении мира, человечества, животных и пр. Но даже в такой форме – это не только вера, но и точка зрения, основанная на существующем консенсусе. В противовес этому идеология рассматривается как попытка продиктовать правильную точку зрения, определить консенсус. Другими словами: «Мифы говорят о происхождении верований, в то время как идеология, целью которой является содействие классовым интересам, – о формировании верований» [9, с. 728].

В концепции Р. Барта идеология и миф находятся в более сложных взаимоотношениях. Осуществляя себя в буржуазном обществе, миф является «деполитизированным словом» [8, с. 305]. Он констатирует предметы, в том числе продукты идеологии, как естественные и природные. Таким образом, происходит «похищение языка», объектом которого могут стать как естественные, так и искусственные знаковые системы. Единственный язык, который может сопротивляться мифологизации, согласно Р. Барту – язык человека-производителя. В условиях, когда целью становится не зафиксировать образ, а преобразовать реальность – «там метаязык вновь становится языком-объектом и миф оказывается невозможен» [8, с. 309].

Отдельно стоит упомянуть подход советских исследователей в рамках марксистской традиции, наиболее ярким примером которого может послужить работа П. Гуревича «Социальная мифология». Методологической сутью этой работы является противопоставление различных концепций идеологии, в результате которого происходит разоблачение буржуазных идеологических представлений как иллюзорных, эмоциональных и мифологичных. Последний аспект трактуется, как метод утилитарного обмана масс путем мифологизации представлений о мире. Мифологизация «опирается на предрассудки обыденного сознания» [10, с. 113]. «Социальный миф», рассматриваемый в этой парадигме, трактуется как неотъемлемый аспект ложной идеологии. К числу таких мифов, введенных буржуазными политиками, ученый относит идеи «буржуазного прогресса», «равенства», «всеобщего благосостояния» [10, с. 6]. Из текста работы следует, что в качестве альтернативы галлюцинаторной реальности ложной идеологии, особенно обострившейся в результате того, что капиталистическая пропаганда получила доступ к новым видам СМИ, может выступить научный подход к осмыслению действительности предлагаемый учеными-марксистами. «Когда интересы класса совпадают с действием объективных законов, тогда идеологическая сторона познания не противоречит науке, а обуславливает и ускоряет ее дальнейшее развитие» [10, с. 164].

Таким образом, можно сделать вывод, что теория «социального мифа» до сих пор находится в процессе актуализации. И хотя примеры анализа воздействия мифа на социум мы можем проследить еще в античности, ключевую роль в развитии теории сыграло появление научной антропологии и идеи Ж. Сореля о мифе как мобилизующей массы силе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Мн. : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
2. Киндря, Н. А. Мифопоэтическое мышление как отражение картины мира архаичного человека / Н. А. Киндря // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – № 8. Ч. 2. – С.82–87.
3. Сорель, Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. – М.: Фаланстер, 2013. – 293 с.
4. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2014. – 316 с.
5. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
6. Юдин, Г. Б. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма / Г. Б. Юдин // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 22. – С. 122–132.
7. Жалкиев, В. Т. Категориализация социальной солидарности в концепции Э. Дюркгейма / В. Т. Жалкиев // Вестник КРУ МВД России. – 2010. – №4. – С. 97–100.
8. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва: Академический проект, 2008. – 351 с.
9. Sviličić, N., Maldini, P. Political Myths and totalitarianism: an anthropological analysis of their causal interrelationship / N. Sviličić, P. Maldini. – Collegium antropologicum. – 2014. – V. 38. – №. 2. – P. 725–738.
10. Гуревич, П. С. Социальная мифология / П. С. Гуревич. – М.: Мысль, 1983. – 175 с.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ*Сташкевич А.А.**магистрант кафедры философии культуры, БГУ**(г. Минск, Беларусь)*

Наследие Мишеля Фуко представляет интерес для широкого спектра гуманитарного знания. Его цитируют и комментируют философы, социологи, историки, что свидетельствует о “трансферном” характере его концептов. В его работах можно обнаружить элементы методологий исторической социологии, социологии знания, пересечения с теорией социальных полей и акторно-сетевой теорией. Мишель Фуко работал в едином поле проблематизации с мыслителями, чрезвычайно важными для современной социологии, что делает изучение его творчества плодотворным для дальнейшего развития социальной мысли. Используя синтез философской и социологической оптики в рассмотрении социальной проблематики, мы можем расширить возможности видения нашего концептуального аппарата.

Для реализации этой цели в данной работе, во-первых, осуществляется попытка найти общие линии концептуализации социального, которые можно провести, сравнивая философский проект Мишеля Фуко и социальную теорию Пьера Бурдьё. Во-вторых, с опорой на результаты этого сравнения предлагаются стратегии интерпретации концептуального инструментария философии Мишеля Фуко в рамках социологической теории, исследуется ее эвристический потенциал для социологического знания. В-третьих, описаны вероятные области приложения этого инструментария с его особой оптикой.

Можно провести основную линию концептуализации, которая сближает П. Бурдьё и Мишеля Фуко – понимание Бурдьё социального агента и проблема субъективности в философском проекте Мишеля Фуко, которая выводит нас к столь важной для этих двух мыслителей теме властных отношений.

Оба мыслителя в своем творчестве ставят под вопрос классическое понимание субъекта, берущее свое начало в новоевропейской метафизике (Декарт, Лейбниц). Они отказываются от субъекта как условия возможности и достаточного основания реальности, от трансцендентального субъекта, структура субъективности которого оформляет структуру реальности. И Фуко, и Бурдьё стараются избежать крайностей философии субъекта (феноменология и экзистенциализм) и объективизма (структурализм), так как обе эти стратегии исключают исторически изменчивые формы человеческой практики, которые образуют актуальные пределы необходимости как обыденной социальной деятельности, так и научного познания.

Бурдьё концентрируется на понятии агента, который занимает определенную позицию в социальном пространстве и чья практика в рамках того или иного поля структурирована габитусом. Габитусы - “системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики” [1, с. 103]. Социальные поля в свою очередь определяется французским социологом как “место сил, внутри которого агенты занимают позиции, статистически определяющие их взгляды на это поле и их практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры силовых отношений, производящей это поле” [2, с. 38]. Агенты реагируют на эти силовые отношения, участвуют в борьбе, разыгрываемой в том или ином социальном поле и имеющей свою ставку и логику. Будучи задействованными в производстве и воспроизводстве практик, они влияют на социальные поля. Таким образом, агенты действуют “согласно частично предустановленным направлениям, имея при этом некоторый запас свободы” [2, с. 110].

Фуко предпочитает построению теории субъекта исследование практик субъективации - способов, какими складывается субъект. Это складывание субъекта (или субъективности) происходит за счет включения индивида в разнообразные техники господства, знаниевые практики и техники себя (практики этической самосубъективации). Диспозитив власти и знания образуют матрицу всякой исторической практики, в том числе он организует нормы и ритуалы научного рационального познания. Власть понимается французским философом как совокупность механизмов и процедур, призванных обеспечивать и отправлять власть. Власть имманентна области своего проявления, она пронизывает капиллярной сетью весь общественный организм и задействована в производстве истины. “Нет власти без рационального использования дискурса об истине, который проявляется во власти,

исходит от власти и действует посредством нее” [3, 43]. Таким образом, субъективность - это способ действий агента отношений власти и знания.

Идея Фуко о взаимообусловленности режима истины и властной технологии созвучна с концепцией символического насилия П. Бурдьё. “Истина, - пишет французский социолог, — это цель борьбы в любом поле” [4, 54]. Явный параллелизм, на который указывал сам Бурдьё, можно обнаружить между концептами социального поля французского социолога и технологией господства Мишеля Фуко.

Теоретическое наследие Мишеля Фуко удачно инкорпорировано в историческую науку. Поль Вейн, французский историк и близкий друг мыслителя, утверждал, что Фуко совершил эпистемологический переворот в истории. Суть этого переворота заключается в отказе от «естественных объектов», от непроблематизируемых понятий, единств, оказывающих смысловую экспансию на дискурс и скрывающих реальность и опасность дискурса, в пользу исследования конкретной исторической практики. Исходя из этой оптики Фуко создает свою генеалогию европейской рациональности, проект истории мысли как исторической критики практик проблематизации. Проблематизация - это исследование условий и способов становления проблем, постановки чего-либо в качестве предмета рефлексии, а также сама эта рефлексивная практика.

На тех же позициях настаивает Пьер Бурдьё в своем исследовании социальной реальности. К самому познанию, в том числе и социологическому, он подходит как к исторической практике, тем самым подрывая традицию, проводящую разделение между теорией и практикой. “Существуют исторические условия появления социальных форм коммуникации, которые делают возможным производство истины. <...> Сказать, что имеются социальные условия для производства истины значит сказать, что есть политика истины, постоянная деятельность в защиту и совершенствование функционирования социального универсума, в котором осуществляются принципы рациональности и в котором зарождается истина” [4, с. 55]. Подобную интерпретацию отношений истины и власти в различного рода рефлексивных практиках мы можем увидеть в определении философии как политики истины, которое нам даёт Мишель Фуко [5, с. 15].

Таким образом, согласно Бурдьё, теоретическая деятельность социолога выступает как практика, задействованная в силовом поле властных отношений, способная воздействовать на поле, в которое она включена, на различные “воображаемые” объекты и теоретические единства. “Направляя силы на раскрытие внешнего в самом центре внутреннего, шаблонности в иллюзии исключительности, общего в исследовании уникального, социология не просто разоблачает всякого рода обманы нарциссического эгоизма — она дает средство, может быть единственное, поучаствовать (хотя бы только знанием детерминаций) в конструировании, которое иначе было бы сдано на милость сильных мира, такой штуки, как субъект” [1, с. 46]. Мишель Фуко, в свою очередь, видит в философии средство создания исторической онтологии нас самих и инструмент продвижения практики свободы, возможность “больше не быть тем, что мы есть, не делать то, что мы делаем, или не мыслить то, что мы мыслим» [6, с. 353].

Исходя из сходства методологических установок этих двух мыслителей, особый интерес представляет своеобразие их подходов к одному объекту исследования - современному государству и его становлению.

И Фуко, и Бурдьё в своем исследовании ставят вопрос о государстве как о “воображаемом” объекте, как об иллюзии, которая существует только потому, что мы считаем ее существующей [7, с. 62]. Они стараются судить об этом иллюзорном объекте не исходя из теории, которая являлась бы продуктом самого государства и рассматривала его как универсалию, была бы его телеологией, но из условий, сделавший этот объект возможным. Оба мыслителя задаются вопросом “что сделало возможным существование государства как источника легитимного насилия, какие силовые отношения организуют его социальное поле?”.

Для реализации поставленной цели Бурдьё исследует автономизацию бюрократического поля, концентрируясь на исторических особенностях реальных практиках агентов бюрократического поля, трансформирующих всю силовую матрицу поля государственного правления. Социолога интересует, какие процессы привели к тому, что государство стало местом легитимации символического насилия.

Вопрос, которым задается Мишель Фуко, звучит немного иначе: “какой режим легитимации символического насилия сделал возможным государство?”. Для того, чтобы дать на него ответ, он осуществляет исследование “правительственности” или “управленчества”, под которыми он понимает “тенденцию, силовую линию, которая на всём Западе уже издавна непрестанно вела к преобладанию типа власти, который можно назвать «управлением» всеми остальными: суверенитетом и дисциплиной; а это способствовало, с одной стороны, развитию целого ряда особых правительственных аппаратов, а с другой — развитию целого ряда знаний” [5, с. 162]. Государство в

его современном виде вырисовывается в границах управленчества как властной технологии и соответствующего ей режима истины в инстанции рефлексивной практики управления и об управлении. Современное государство суть превратность управления, государство в его современном виде возникает вместе с появлением осмысленной практики об управлении, которая задает совершенно особенную расстановку сил в матрице знания и власти.

Исходя из вышесказанного, становятся очевидны перспективы интеграции исследовательских подходов двух авторов и перспективы инкорпорации концептуального наследия Фуко в социальную теорию в целом. Фуко позволяет внимательнее исследовать влияние рефлексивных практик или практик проблематизации в различных социальных полях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё; Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. / Отв. ред. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 288 с
3. Фуко, М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
4. Бурдьё, П. Начала / П. Бурдьё; Перевод Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
5. Фуко, М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году/ М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
6. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
7. Бурдьё, П. О государстве : курс лекции в Коллеж де Франс (1989- 1992) / П. Бурдьё ; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.

УДК 316.653 (476)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ БЕЛАРУСИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Сухотский Н.Н.

*главный советник, БИСИ
кандидат социологических наук
(г. Минск, Беларусь)*

Рассмотрим основные проблемные моменты развития социологических центров Беларуси, на которые часто обращают внимание сами представители профессионального сообщества.

1. *Недостаточный уровень коммуникации между социологическими центрами внутри страны.* Взаимоотношения между социологическими службами строятся скорее на основе ранее установленных личных контактов, нежели профессиональной солидарности и общности. Нередким в индустрии можно назвать ревностное отношение к достижениям других социологов, восприятие их как конкурентов, а не как коллег, недоверие к их данным и используемым исследовательским методам. Отсюда, возможно, определенная закрытость исследовательских коллективов и недостаточно тесная коммуникация региональных и столичных социологов.

2. *Отсутствие массового запроса на проведение социологических исследований со стороны как государственных, так и коммерческих заказчиков для решения конкретных социальных проблем, а также отсутствие запроса (осознания важности и актуальности) на внедрение социологического сопровождения и проведение социологической экспертизы.* Кроме того фиксируется низкий спрос на внутреннем рынке в получении социологической информации о процессах, происходящих в стране. Вместе с тем, данная проблема также связана с однозначной заинтересованностью в постоянных заказах со стороны социологических служб и объективно колеблющейся потребностью в подобной информации со стороны государственных органов и коммерческих структур.

3. *Недостаточное материально-техническое обеспечение.* В отличие от маркетинговых агентств, технологическая составляющая работы значительного числа социологических центров остается на неудовлетворительном уровне (низкое использование интернет-технологий, планшетов для опросов и т.п.). В связи с этим, участники экспертного опроса полагают целесообразным в большей

степени учитывать возможности современных информационно-коммуникационных технологий (например, расширить удаленный доступ сотрудников центров к различным электронным информационным ресурсам; больше использовать для работы лицензионные программы IBM SPSS Statistics; своевременно обновлять оборудование и обучать сотрудников навыкам работы с новыми ИКТ и т.п.).

4. Недостаточная эффективность взаимодействия социологических центров и органов власти.

Так, многие публикации специалистов на актуальную тематику, компетентно написанные и размещенные в авторитетных изданиях, зачастую не используются в повседневной управленческой и законотворческой деятельности, вследствие чего имеют место ситуации, когда государственные органы запрашивают информацию, по которой уже давно имеются разработки и проведена социологическая диагностика. Таким образом получаются двойные затраты времени заказчиков и исполнителей. Кроме того, до сих пор встречается скепсис в отношении возможностей социологических исследований в решении конкретных проблем и ориентация на социальную мифологию.

5. Недостаточное обеспечение кадрами высокой квалификации. Так, зачастую более привлекательными для молодых социологов являются маркетинговые направления, PR- и HR-службы, а не исследовательские центры. Справедливости ради следует отметить, что выпускникам-социологам часто сложно устроиться по специальности в социологические службы, так как данных структур в стране не так много, а штат сотрудников в них как правило немногочисленный. Кроме того, для большинства современной молодежи в целом карьера академического ученого выглядит малопривлекательной, так как требует постоянной работы над собой, глубокого научного погружения и не приносит «на входе» высокого дохода.

6. Недостаточный уровень социологической культуры и грамотности граждан и заказчиков исследований. За время существования суверенной Беларуси органы государственного управления в целом осознали необходимость получения актуальной социологической информации по различным интересующим их вопросам. Вместе с тем, следует признать, что многие заказчики исследований не умеют эффективно работать с полученными данными, не знают специфики и преимуществ данного инструмента. Так, часто у потребителя встречается недостаточное понимание методов социологии, особенно сложных методов анализа, отсюда – спрос только на линейное распределение, игнорирование методов моделирования, прогнозирования, качественных исследований.

7. Кризис социального доверия, общество часто не доверяет данным социологических исследований. При этом недоверие населения результатам опросов, непонимание их целесообразности и эффективности ведет в дальнейшем к недостаточной искренности респондентов в ответах. Также дискуссионным вопросом для экспертов часто становится вопрос репрезентативности полученных данных. Как отмечает российский социолог Г.Б. Юдин «Если раньше на это можно было в меньшей степени обращать внимание, то в последнее время это стало проблемой: в опросах участвует все меньше и меньше людей, они отказываются отвечать на вопросы. За те 85 лет, в течение которых существуют опросы общественного мнения, количество отвечающих резко снизилось. Сегодня есть исследования, которые показывают, что отвечают всего 7–10 % населения – то есть 7–10 % от нашей случайной выборки» [1].

Все эти факторы в той или иной степени выступают определенными барьерами в развитии социологических исследований и функционировании социологических центров в стране.

В связи с этим предлагаем целесообразным предложить следующие возможные меры по повышению эффективности использования социологического знания в белорусском обществе.

1. Актуализация тематики социологических исследований. В первую очередь, социологи должны быть в тренде текущей новостной повестки, изучать действительно животрепещущие вопросы, и давать по ним объективную экспертизу – такую, которая была бы понятна и востребована всеми членами общества. Для такой работы нужны кадры – и здесь целесообразно было бы начинать работать со студентами (магистрантами, аспирантами), которые обучаются как на социологических, так и на смежных специальностях, помогать им находить свои экспертные области и мотивировать высказываться на различных площадках. По мнению экспертов необходимо бороться за сохранение качества социологического образования, а возможные стейкхолдеры должны оказать поддержку для актуализации тематики социологических исследований.

2. Расширение практики использования социологической экспертизы. По мнению профессионального сообщества необходимо чаще привлекать социологов для оценки проектов важнейших законодательных решений, в первую очередь касающихся социально-экономического развития страны и регионов. Сведения о мнении людей по тем или иным спорным вопросам, затрагиваемым в законопроекте, а также прогнозы последствий принятия законопроекта,

сформированные по данным социологических опросов и мониторингов, прямым образом способствуют корректировке изначального текста законопроекта и своевременному внесению конкретных изменений в уже действующее законодательство. Это же касается и оценки качества и своевременности управленческих решений.

3. *Проведение республиканских экспертных мероприятий по социологической тематике.* К примеру, можно организовать республиканский семинар «Социология и белорусское общество» с представителями органов государственного управления, властной и идеологической вертикали, а также СМИ, в рамках которого социологические службы и аналитические структуры будут демонстрировать основные результаты НИР и отдельных исследований, проводимых в течение года. Это будет способствовать популяризации и «публичности» социологической науки, поскольку в настоящее время аналитические записки и отчеты с результатами исследований, как правило, так и остаются «внутри» самих организаций и общественность о них ничего не знает. Кроме того, необходимо расширить число республиканских конференций по социологической тематике, и, возможно, проведение масштабного форума по примеру Первого белорусского философского конгресса, состоявшегося в г. Минске в октябре 2017 года.

4. *Проведение регулярных совместных социологических исследований, в том числе международных.* Сегодня необходимо налаживание контактов в рамках социологического сообщества в целях взаимовыгодного диалога для обмена передовыми социологическими методиками изучения общественного мнения, что в перспективе должно привести к повышению качества проводимых исследований. Также возможно расширение межстранового сотрудничества в области актуальных социологических исследований. Например, проведение совместных мониторинговых проектов с крупными и авторитетными социологическими службами Российской Федерации (ВЦИОМ, ФОМ и др.).

5. *Формирование социологической культуры у населения и органов власти.* Во-первых, это популяризация социологического знания, повышение уровня доверия населения к социологическим опросам, развитие достаточной для управленцев социологической компетентности. Во-вторых, развитие социологической культуры среди руководителей управленческих структур. В-третьих, внедрение социологического обеспечения на всех уровнях изучения различных общественных проблем, доступ к источникам социологических данных по различной тематике. К примеру, в США огромной популярностью пользуются интернет-ресурсы Real Clear Politics и Five-Thirty-Eight, где публикуются и обобщаются последние данные опросов, а также делаются прогнозы на их основании [2, с.9].

6. *Большее включение социологических исследований в механизм государственного управления.* В частности, востребованным может быть выявление социологами по конкретному запросу государственных органов потребностей, проблем, оценок, запросов, реакции населения; проведение консультаций для управленцев, государственных служащих и т.д. При этом есть важный момент: общественное мнение надо знать, учитывать, но нельзя руководствоваться при принятии важного управленческого решения только им. Следует ориентироваться на комплексную информационную подготовку конкретных управленческих решений. Необходимо пользоваться не только социологической информацией, но и статистическими данными, анализировать документы, публикации в СМИ, вживую общаться с населением.

7. *Консолидация усилий профессионального социологического сообщества* – Белорусской социологической ассоциации по разработке современных методологий исследования общества, научного общения, обсуждения актуальных проблем организации исследований, создание единого интернет-ресурса с публикацией теоретических, методологических, прикладных результатов исследований белорусских социологических центров, организация школ молодых социологов и т.п.

Таким образом, для повышения эффективности использования социологических данных в анализе белорусского общества социологическим службам необходимо актуализировать исследовательскую тематику, расширять практику использования социологической экспертизы, включать исследования в механизм государственного управления, формировать социологическую культуру у населения и управленцев.

Одним из путей повышения интереса белорусской молодежи к социологическим исследованиям и привлекательности социологии для будущих ученых может стать привлечение высшими учебными заведениями студентов, магистрантов, аспирантов к коммерческим исследовательским проектам в рамках экспериментального проекта по внедрению модели «Университет 3.0», реализуемого сегодня на базе ведущих вузов страны (БГУ, БНТУ, БГУИР, БГТУ, БГЭУ и др.).

Кроме того, нужна непрерывная работа социологов с аудиторией по формированию доверия к представляемым в информационном пространстве данным. Это в первую очередь можно осуществлять

через партнерство ведущих социологических организаций страны, постоянное присутствие результатов социологических исследований в СМИ с представлением детальной методологической информации комментариями специалистов.

Немаловажным фактором, влияющим на качество получаемых данных, является ответственность социолога перед обществом в целом. Так, профессиональный кодекс социолога был принят еще в 1987 году

на VI Всесоюзной конференции Советской социологической ассоциации, но его принципы (профессиональная компетентность, научная честность и корректность на всех этапах социологического исследования) актуальны до сих пор и в целом согласуются с нормами, которых придерживается мировое социологическое сообщество.

Действительно, социальная ответственность социолога подобна долгу врача-диагноста (принцип «не навреди») и состоит в стремлении найти пути сохранения стабильности общества либо определить наименее болезненные способы достижения социального прогресса. На этот немаловажный аспект профессиональной деятельности в июне 2020 года обратили внимание ведущие белорусские социологи, выступая в рамках проекта БелТА и БИСИ «Экспертная среда» [3].

Полагаем, что результаты социологических опросов должны стать неотъемлемой частью системы информационно-аналитического обеспечения органов государственного управления и одним из дополнительных источников информации при принятии научно обоснованных управленческих решений. В связи с этим современным белорусским социологам необходимо соблюдать высокое качество проведения исследований, позволяющее достоверно отражать общественное мнение по наиболее актуальным проблемам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сеньшин, Е. Политическая функция опросов должна быть поставлена под сомнение. Имитация народной воли. Почему нельзя доверять соцопросам? [Электронный ресурс] / Е. Сеньшин // Режим доступа: https://www.znak.com/2020-03-27/imitaciya_narodnoy_voli_pochemu_nelzya_doveryat_socoprosam. – Дата доступа: 28.08.2020.
2. Юдин, Г. Общественное мнение, или Власть цифр / Г. Юдин. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. – 174 с.
3. Опросы общественного мнения и ответственность социологов перед обществом [Электронный ресурс] : Информационное агентство БелТА // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vXQvc-05DfE>. – Дата доступа: 03.09.2020.

УДК 101.1:316

ФЕНОМЕН МАКДОНАЛЬДИЗАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Терёхин Е.Л.
аспирант, БГУ
(г. Минск, Беларусь)*

Термин «макдональдизация» стал использоваться в социальных науках после публикации в 1993 году книги американского социолога Джорджа Ритцера «Макдональдизация общества». С тех пор книга неоднократно переиздавалась: на основании наблюдений за социальной динамикой автор указывает на недавно появившиеся проявления феномена макдональдизации в различных сферах общественной жизни. Последнее на сегодняшний день издание, девятое, носит название «The McDonaldization of Society. Into the Digital Age» и посвящено проблеме формальной рационализации в рамках сферы цифровых технологий.

Прежде чем рассмотреть особенности проявления макдональдизации в контексте развития информационных технологий в 21 веке, необходимо уточнить содержание термина «макдональдизация», как его понимает сам Дж. Ритцер.

Теория макдональдизации во многом является продолжением идей Макса Вебера о тотальной рационализации общества, в первую очередь западного. Согласно М. Веберу рационализация выражается не только в стремительном приросте научного знания, но и в механистичности, обезличенности социальных процессов, а также в усиливающемся контроле над личностью и обществом. М. Вебер отмечает некоторую парадоксальность подобной рационализации: являясь во многом порождением индивидуалистического духа Реформации, она ведёт к обществу, в котором всё

меньше остается места для проявления индивидуальности; «освобождая» от мистических воззрений, рационализация при этом запирает человека в механистической картине мира [1, с. 32].

Эту идею рационализации Дж. Ритцер рассматривает в контексте современности, характеризуя её как макдональдизацию. Название отсылает к одной из крупнейших в мире сетей ресторанов быстрого питания «МакДональдс». Американский социолог утверждает, что используемые «МакДональдс» стандарты производства, рекламы, корпоративной этики, отношения с франчайзи и пр. являются показательным примером формальной рационализации, распространённой не только в бизнесе, но и в политике, образовании, культуре.

Дж. Ритцер выделяет четыре основные характеристики макдональдизации: эффективность, предсказуемость, контролируемость и калькулируемость.

Эффективность как «оптимальный метод обеспечения перехода от одного состояния к другому» [1, с. 76] подразумевает, что определённый порядок стандартизированных действий, некий унифицированный процесс приводит потребителя к состоянию удовлетворения при минимально возможном уровне затраченных ресурсов и времени.

Предсказуемость означает, что унифицированный, хорошо организованный и строго контролируемый процесс производства «блага» будет в любом месте и в любое время давать один и тот же результат. С одной стороны, потребитель получает ожидаемое качество товара или услуги (в идеале, чизбургер из «МакДональдса» должен иметь один и тот же вкус, независимо от того, где вы его приобретаете), с другой – стремление к предсказуемости снижает вариативность и возможность инноваций.

Для того, чтобы оставаться эффективными и предсказуемыми, все процессы в макдональдизированном обществе строго контролируются. При этом, контроль устанавливается не только над производителями товаров и услуг, но и над потребителями: неудобные сиденья и теснота в том же «МакДональдс» подразумевают, что клиент будет действовать определённым образом, выгодным и эффективным для самой компании – поскорее поест и уйдёт, освободив место для следующего в очереди.

Под калькулируемостью или просчитываемостью в теории макдональдизации подразумевается своеобразная замена качественных показателей количественными. Как результат работы компании, там и степень удовлетворённости потребителя оценивается и измеряется количественно, «больше = лучше» [1, с. 77].

И хотя Дж. Ритцер признаёт за макдональдизацией многие преимущества, в первую очередь – создание возможностей для усреднённого уровня комфортного и изобильного существования, он также отмечает у процесса макдональдизации множество недостатков, каждый из которых является обратной стороной позитивных особенностей феномена: контролируемость переходит в эксплуатацию работника и потребителя, предсказуемость противоречит креативному подходу, эффективность вырождается в формализованность. Подобный сдвиг Дж. Ритцер называет «иррациональностью рационального»: формальная рационализация потенциально доходит до кафкианского уровня абсурда, закливаясь на саму себя и теряя связь с живой реальностью.

В последней редакции «Макдональдизации общества», говоря о формах рационализации в эпоху цифровых технологий, Дж. Ритцер останавливается на таких явлениях, как покупки в Интернет-магазинах, онлайн-дейтинг и работе сервиса такси Убер.

Онлайн-магазины, как отмечает Дж. Ритцер, увеличили в том числе эффективность магазинов традиционных, добавив возможность онлайн-заказов, но это не идёт ни в какое сравнение с эффективностью самих Интернет-магазинов: экономия на физическом офисе позволяет снизить стоимость товара, сервисы доставки позволяют покупателю не выезжать из дома за покупками, рейтинги и отзывы облегчают выбор. Отдельным феноменом стало появление электронных версий книг, музыки и фильмов, и возможность их приобретения вне рамок физического носителя. Это же касается и такого относительно недавно появившегося продукта, как компьютерные игры: большинство компьютерных игр сегодня продаётся не на физических носителях, а как электронные копии через сервисы Steam, EGS и GOG. И хотя Интернет-покупки в целом гораздо удобнее, условно негативным последствием развития онлайн-торговли стало разорение и исчезновение многих традиционных магазинов [2, с. 116].

Убер и другие онлайн-сервисы вызова такси позволяют быстро вызвать транспортное средство и отследить его приближение через специальное приложение на смартфоне; надо отметить, что противоречия, связанные с сервисом Убер, касаются в том числе и правового статуса подобных услуг, но при этом именно использование цифровых технологий сделало сервисы онлайн-такси настолько эффективными, чтобы они стали быстро вытеснять традиционные такси [2, с. 128].

Примером обезличивающего и дегуманизирующего влияния макдональдизации являются сервисы онлайн-дейтинга или, проще говоря, сайты и приложения для поиска партнёра. С одной стороны, они предоставляют возможность познакомиться – неважно, насколько поверхностно – с гораздо большим количеством людей, чем это возможно, скажем, в баре. Высокая степень автоматизированности поиска, выбора, принятия и «отсева» кандидатов значительно ускоряет процесс поиска партнёра. С другой стороны, нельзя не признать, что на подобных сервисах, если вспомнить Ж. Бодрийяра, личность во всей своей многомерности превращается в знак для символического обмена, в набор характеристик, выставленных как в витрине магазина для беглого просмотра.

Таким образом, цифровые технологии ускоряют процесс макдональдизации и выводят его на новый уровень, сохраняя при этом основные характеристики феномена и риски, которые макдональдизация несёт для современного рационализирующегося общества. При этом, как отмечает Дж. Ритцер, макдональдизация содержит в себе множество положительных моментов, сделавших жизнь среднестатистического индивида гораздо комфортнее; кроме того, возврат в дорациональную эпоху просто-напросто невозможен. Поэтому противостоять нужно не самой макдональдизации или доминированию цифровых технологий как явлениям, а риску того, что прутья этой «резиновой клетки», из которой мы пока можем почти свободно выходить, в один день станут слишком жёсткими и негнущимися.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5/ Дж. Ритцер – М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с.
2. Ritzer, G. The McDonaldization of Society: Into the Digital Age ,9th Edition / G. Ritzer. – Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc, 2018. – 280 p.

УДК [316.1+316.74]:114

ПОНЯТИЕ ГРАНИЦЫ В СОЦИОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВА Г. ЗИММЕЛЯ

Шавердо Т.М.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Основоположник социологии пространства Г. Зиммель производит всесторонний анализ феномена и рассматривает социальное пространство в единстве материальных и нематериальных аспектов. При этом он не выстраивает однозначной причинно-следственной связи между смысловым полем социального мира и объективными условиями окружающей действительности. С одной стороны, Г. Зиммель наделяет силой причинности воображение и психическую энергию, которые воплощаются в пространственных формах, с другой – рассматривает физические условия окружающей действительности в качестве фактора формирования определенных социальных явлений. В общем виде пространство выступает для Г. Зиммеля формой социальной жизни и условием реализации социальности.

В своей работе Г. Зиммель вводит понятие границы, принципиальное для исследования социального пространства. Он подчеркивает, что «граница – это не пространственный факт с социальными эффектами, а социальный факт, который имеет пространственную форму» [1]. Безоговорочная четкость физического предела задает «формирующую силу» социального контекста. Однако ограничения не обязательно обеспечиваются материальными факторами, такими как горы или реки, которые могут разделять физические части пространства и выстраивать препятствия для общения людей друг с другом или, напротив, поддерживать их локализацию и взаимодействие. По мнению Г. Зиммеля, границы также могут задаваться «работой души», направленной на определенные фрагменты пространства, что усиливает социальное значение места и привязанность человека к нему. Г. Зиммель отмечает, что граница имеет такое же значение для социальной группы, как и для произведения искусства: «...Граница провозглашает, что внутри нее существует субъект, подчиняющийся собственным нормам... Символизируя самодостаточное единство произведения искусства, она одновременно усиливает его реальность и производимое впечатление» [1].

Возможности человека не позволяют помыслить и освоить пространство в его тотальности. Дифференцировать непрерывное целое и установить различие между сущностями становится возможным именно посредством проведения границ. Согласно Г. Зиммелю, в основе

дифференциации пространства и разграничения его частей лежит способность человека к соединению и разъединению, которая осуществляется сперва субъективно, а затем закрепляется в форме вещей. Так, например, мост устанавливает зримое единство двух частей ландшафта, которые, прежде чем быть соединенными, были помыслены человеком как две различные сущности; дверь, в свою очередь, демонстрирует, что разделение и соединение – это две стороны одного и того же процесса [2].

В концепции Г. Зиммеля границу можно рассматривать в качестве условия онтологизации пространства. Нечто обнаруживает себя для человека, будучи очерченным. Граница открывает возможности для дифференциации пространства, делает возможным переход от «пространства-формы» к «пространству-месту». Обретая пределы, пространство превращается в территорию, а, значит, может быть освоено, присвоено и прожито.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Simmel, G. *Soziologie des Raumes*. – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://socio.ch/sim/verschiedenes/1903/raum.htm>. – Date of access: 20.10.2020
2. Зиммель Г. Мост и дверь / Г. Зиммель; пер. с англ. В. Вахштайн // *Социология власти*. – 2013. – № 3. – С. 145–150.

СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА И ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

УДК 316.752

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ БЕЛАРУСИ

Артёменко-Мельянцова Е.К.

*старший преподаватель кафедры социальной коммуникации, БГУ
(г. Минск, Беларусь)*

В настоящее время и в западной социологии, и на постсоветском пространстве активно обсуждается трансформация института семьи и изменение отношения к организации интимной жизни. Распространение постматериалистических ценностей в терминах концепции Р. Инглхарта сопровождается трансформацией семейных ценностей, которая происходит по условной оси движения от норм высокой рождаемости («которые акцентируют внимание на традиционных гендерных ролях и стигматизируют любое сексуальное поведение, не связанное с репродукцией») к нормам индивидуального выбора («поддерживающим гендерное равенство и толерантность к гомосексуальности») [1, с. 119].

Вместе с этим организация сферы интимности выходит за рамки исключительно семейных отношений. Авторы книги «Двое в обществе: интимная пара в современном мире» для характеристики межличностных отношений используют метафору З. Баумана о «текучей современности»: «Социальные группы и сообщества становятся более подвижными, неустойчивыми, «текучими», относительными. Частным случаем этого процесса является возрастание роли неформальных интимных пар как малых групп при одновременном падении значения интимной группы традиционного типа – семьи, закреплённой формальным браком» [2., с. 33]. Тенденции изменения в интимных отношениях авторы книги объясняют в терминах «макдональдизации» по Дж. Ритцеру. Это предполагает возможность удовлетворения потребности в близости (интеллектуальной, духовной или физической) в короткие сроки, по четкому запросу и с предсказуемым результатом, в том числе, с помощью приложений и сайтов знакомств, – тогда как в традиционном и индустриальном обществе все они удовлетворялись через создание семьи.

Существованию вне семейных отношений посвящена книга А. Шадринной «Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака». Автор утверждает: «Монополия брачного союза на эмоциональную и сексуальную близость, организацию досуга и воспитание детей постепенно ослабевает. Во всем мире отмечается высокий показатель уровня разводов, все дальше отодвигается возраст вступления в брак, все больше партнеров выбирают внебрачное сожитительство» [3, с. 8].

Однако на постсоветском пространстве и в Беларуси, в частности, логика ценностных трансформаций отличается от поступательных изменений в других странах, после распада СССР в ценностях постсоветских стран проявляется тенденция традиционализации [4, с. 69]. В связи с этим возникает вопрос, насколько современные тенденции в изменении семьи и организации интимности сказываются на белорусском обществе. Для ответа на этот вопрос мы обратимся к свежее опубликованным данным переписи населения Беларуси за 2019 г.

Перепись населения является основным источником информации о структуре населения по состоянию в браке. Мы рассмотрим, как структура населения Беларуси отличается от других европейских стран и изменяется ли с течением времени. Анализ этих данных позволит ответить на вопрос, сказываются ли тенденции в изменении семейных ценностей и форм организации интимной жизни, фиксируемые российскими и западными социологами, на белорусском обществе.

Для понимания того, как структура населения Беларуси по состоянию в браке выглядит на фоне других стран, сравним этот показатель по данным переписи 2009 г. с данными переписи населения РФ в 2010 г. и населения Европейского Союза в 2011 г. (следующая волна переписи и в РФ, и в ЕС запланирована на 2021 г.). Сравнение позволяют говорить о том, что в конце 2010-х годов структура белорусского населения была практически идентична структуре российского, при этом значительно отличалась от структуры европейских стран. Доля людей старше в 15 лет, которые никогда не состояли в браке, в Беларуси не превышала 22%, тогда как даже в бывшей советской республике Литве она достигала 27%, еще больше в Германии (31%) и Швеции (42%). В среднем по всем странам ЕС этот

показатель составляет 33%. Доля людей, состоящих в браке или незарегистрированных отношениях, в Беларуси и России достигала 57%, это больше, чем во всех рассматриваемых странах Европейского союза.

Рис. 1. Структура населения 15 лет и старше по состоянию в браке, данные переписи

Таким образом, данные за 2009 год показывают, что значимость устойчивых парных взаимоотношений в белорусском обществе (как и в российском) была выше, чем в странах ЕС. Но повлияли ли обозначенные выше тенденции изменения семейных ценностей и отношения к интимности на структуру белорусского общества за 10 прошедших лет? В 2019 г. доля людей, состоящих в отношениях, остается прежней – 57%, это позволяет утверждать, что роль семьи для белорусов за прошедшие 10 лет не снизилась. При этом доля тех, кто никогда не состоял в браке, сократилась с 22% до 18%. Это происходит за счет роста доли тех, кто состоял в браке, но расстался с партнером (с 9% в 2009 г. до 11% в 2019 г.).

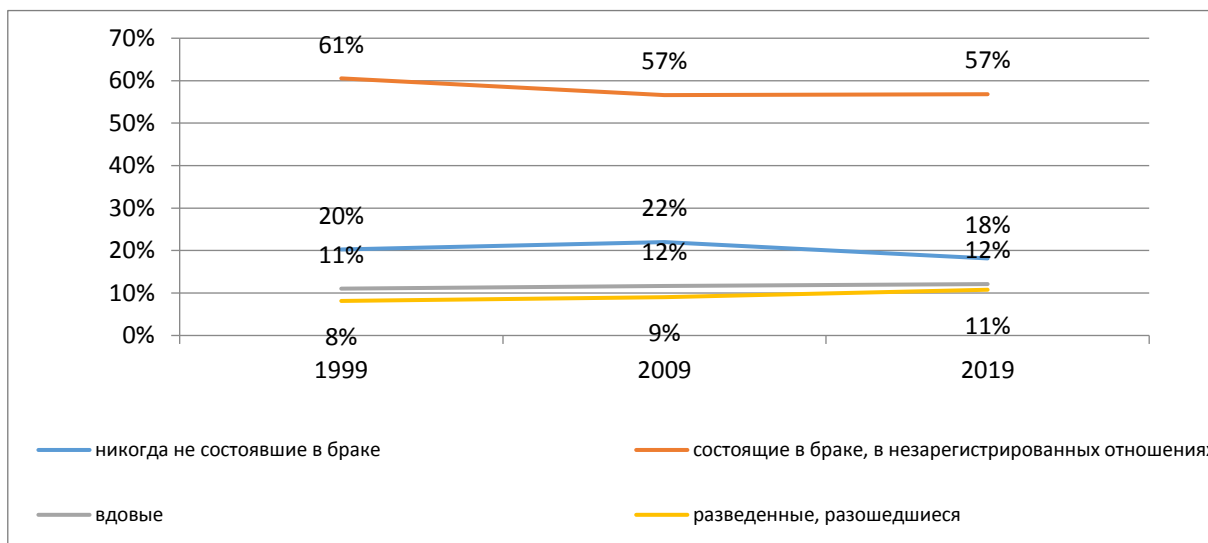

Рис. 2. Структура населения Беларуси 15 лет и старше по состоянию в браке в динамике, данные переписи

С одной стороны, обозначенные изменения связаны с изменениями возрастной структуры населения: старение населения снижает вклад более молодых групп и повышает вклад старших, у которых, в том числе, больше шансов на развод. Но даже с учетом этой оговорки у нас нет никаких оснований утверждать, что роль стабильных парных или семейных отношений для белорусов снижается.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Инглхарт. – М.: Мысль, 2018. – 347 с.
2. Двое в обществе: интимная пара в современном мире. /В.И. Ильин [и др.] ; под ред. В. И. Ильин – М.: ВЦИОМ, 2020. – 652 с.

3. Шадрина А.С. Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака / А.С. Шадрина. – СПб: НЛО, 2014. – 230 с.
4. Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л.Г.Титаренко. – Мн.: БГУ, 2004. – 205 с.

УДК 325:21

ПОЛОЖЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

*Базюк Е.В.
аспирант, БГУ
(г. Минск, Беларусь)*

Сексуальные меньшинства (от англ. sexual minority) – это общий собирательный термин, объединяющий в себе лесбиянок, гомосексуалов, бисексуалов, транс- и квир-людей. От первых букв этих слов образовано сокращение ЛГБТК+, иногда используемое для обозначения сексуальных меньшинств. В английском языке существует аналогичное сокращение LGBTQ+, а также распространено сокращение LGB [1] и другие вариации.

С целью установить равноправие граждан вне зависимости от их различных признаков и характеристик, соблюдение прав человека, борьбы с дискриминацией и ксенофобией было создано общественно-политическое движение представителей сексуальных меньшинств – движение ЛГБТК+ [2]. В современном мире возникает тенденция перехода сексуального меньшинства в разряд большинства, а ЛГБТК-движения набирают обороты, привлекая все больше и больше сторонников, борющихся за права и свободы квир-людей.

В Республике Беларусь отсутствуют организации, официально представляющих интересы ЛГБТК-людей, однако ведут свою деятельность такие общественные организации, как «**Яна**» и «**Встреча**», спонсируемые Всемирной организацией здравоохранения. Их деятельность направлена в основном на профилактику и сдерживание распространения ВИЧ-инфекции среди мужчин и женщин, имеющих гомосексуальную связь. Эти организации бесплатно проводят ВИЧ-тестирования и консультации, а также предоставляют медицинскую, юридическую и психологическую помощь стигматизированным социальным группам.

ЛГБТК-инициативы в Республике Беларусь также занимаются социальной деятельностью, такой как организация различных культурных мероприятий (кинофестивалей, концертов, фотовыставок, театральных представлений, инсталляций, флешмобов и т.д.), целью которых является социальная адаптация ЛГБТ-сообщества, развитие его культурного потенциала, налаживанию культурного диалога с остальным обществом. Кроме того, как правило, любое мероприятие носит просветительский характер. Например, в 2015 г. возник «**Дотык**» (белар. Прикосновение) – белорусский культурно-образовательный проект и квир-кинофестиваль, а с 2018 г. начал свою деятельность **Makeout.by** – белорусский антидискриминационный проект о гендере и сексуальности, направленный на увеличение видимости и осознанности, а также на усиление ЛГБТК+ и других уязвимых групп, сталкивающихся с дискриминацией по признаку сексуальной и гендерной идентичности.

Гомосексуальные отношения в Республике Беларусь являются легальными с 1 марта 1994 г. В то же время в Республике Беларусь всё ещё нет специального антидискриминационного законодательства, которое запрещало бы дискриминацию по признаку сексуальной ориентации. В ряде западных стран сексуальные меньшинства признаны социальной группой, а преступления, совершенные на основании гомофобной агрессии, считаются преступлениями ненависти и караются гораздо более строго даже вне зависимости от того, была ли жертва гомосексуальна на самом деле. В Республике Беларусь ЛГБТК-граждане социальной группой официально не признаны. Следовательно, системного ужесточения наказания, обусловленного таким отягчающим обстоятельством как «совершение преступления по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы», в белорусских судах на практике ожидать не приходится [1].

Ежегодно европейский филиал Международной ассоциации ILGA публикует рейтинг стран Европы по уровню защиты прав квир-людей. В рейтинге под названием «**Rainbow Europe**» оценивается, насколько в выбранной стране соблюдаются права членов ЛГБТК-сообщества. В данном рейтинге страны могут набрать от 0% (грубые нарушения прав человека, дискриминация) до 100% (уважение к правам человека, отсутствие дискриминации). Оценка каждой страны основана на множестве показателей: юридическое признание гей-браков в стране, отношение общества к

представителям ЛГБТК+, свобода самовыражения, открытость отношений гей-пар, влияние религиозных общин на нетрадиционные союзы, возможность получения политического убежища и т.д. Республика Беларусь занимает в данном рейтинге 44 позицию с крайне низким результатом – 13,3% [3].

Ещё один ежегодный рейтинг «**Spartacus Gay Travel Index**» оценивает благоприятность стран для путешествия ЛГБТК-людей. За период с 2015 г. по 2020 г. Республика Беларусь опустилась на 12 позиций и занимает в этом рейтинге сейчас 147 место [4].

Комитет ООН по правам человека дал Республике Беларусь рекомендацию о защите частной жизни трансгендерных людей в октябре 2018 г. К сожалению, никакого прогресса в реализации этой рекомендации нет. В некоторых законодательных актах существуют недостатки, которые часто приводят к нежелательному раскрытию гендерного перехода и, как следствие, к дискриминации и насилию. В Республике Беларусь не менее 250 человек изменили свой гендерный маркер в документах (и каждый год количество увеличивается на 15-20 человек). Они живут в постоянном страхе и риске из-за таких недостатков [5].

С августа 2016 г. в Республике Беларусь работает правозащитная инициативная группа «**Идентичность и право**», занимающаяся такими случаями, как преступления на почве гомофобии и трансфобии, дискриминация на работе и при оказании медицинской помощи, а также занимается повышением уровня солидарности внутри ЛГБТК-сообщества, мониторингом и исследованием данных, связанных с жизнью сексуальных меньшинств в Республике Беларусь.

Представители ЛГБТ-сообщества сталкиваются с высоким уровнем негативных стереотипов и социальных предрассудков, как и в других постсоветских странах. В начале 2020 г. Белорусская Православная Церковь и Католическая Церковь направили обращение к президенту А. Г. Лукашенко с просьбой о принятии национальной программы в защиту традиционной семьи, а также о выступлении главы государства с законодательной инициативой о запрете пропаганды в СМИ однополых отношений среди несовершеннолетних. Однако в то же время информации об ЛГБТК+ в белорусских СМИ крайне мало: согласно мониторингу инициативы «**Журналисты за толерантность**», в 2018 г. всего лишь в 0,34% от всех материалов упоминалась данная социальная группа, причем почти 60% текстов содержали язык вражды [6].

Что касается социологических исследований, затрагивающих проблемы сексуальных меньшинств, Российская Федерация отличается бóльшим количеством проделанной работы в данном направлении. Исследования, которые проводятся в нашей стране являются узкоспециализированными и лишь косвенно касаются жизни ЛГБТК-сообщества. Примером могут быть исследования брачно-семейных установок и сексуального поведения молодежи, а также заказные исследования в целях изучения сексуального здоровья, распространения ИППП и ВИЧ-инфекции среди населения. Важной задачей на данный момент является изучение дискурсивных, повседневных аспектов сексуальности, её взаимосвязи с иными сферами социальной жизни, а также более глубинное изучение проблем сексуальных меньшинств в Республике Беларусь в целях разработки соответствующей гендерной и социальной политики в отношении ЛГБТК-сообщества.

Таким образом, приходится констатировать, что в настоящее время в нашей стране практически полностью отсутствует информация, необходимая для прояснения ситуации, сложившейся с сексуальными меньшинствами. В этих условиях проведение любой политики, ориентированной на формирование толерантности, сохранение социальной стабильности и достижение взаимопонимания между отдельными гражданами, испытывает серьезные трудности, преодоление которых невозможно без проведения всесторонних и систематических исследований места и роли сексуальных меньшинств в жизни современного белорусского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карманов, М.В. Сексуальные меньшинства: проблемы оценки и анализа / М.В. Карманов // Статистика и экономика [Электронный ресурс]. – 2014. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/seksualnye-menshinstva-problemy-otsenki-i-analiza>. – Дата доступа: 02.10.2020.
2. История движения ЛГБТ // Ассоциация ЛГБТ «Лига» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lgbt.com.ua/history-lgbt/>. – Дата доступа: 02.10.2020.
3. The Country Ranking "Rainbow Europe" // ILGA-Europe – the European Region of the International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rainbow-europe.org/country-ranking>. – Date of access: 02.10.2020.
4. Gay Travel Index 2020 // Spartacus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://spartacus.gayguide.travel/gaytravelindex.pdf>. – Date of access: 02.10.2020.

5. Информация о нарушении прав ЛГБТ в Беларуси // Инициативная группа «Идентичность и право» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://identitylaw.org/novosti/zagholovok_stat_i012345678910111213. – Дата доступа: 02.10.2020.
6. Мониторинг освещения ЛГБТ-тематики в белорусских СМИ (январь — октябрь 2018) // Правозащитная инициатива «Журналисты за толерантность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://j4t.by/2019/01/10/monitoring-osveshheniya-lgbt-tematiki-v-belarusskih-smi-yanvar-oktyabr-2018/>. – Дата доступа: 02.10.2020.

УДК 316.4

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

Балич Н.Л.

*заведующий отделом, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Республика Беларусь имеет богатый опыт территориальной самоорганизации. В различные периоды главной задачей самоуправления страны было решение волнующих проблем населения при его активном участии.

В истории восточных славян наиболее древней формой самоуправления было вече (народный сход), в котором были задействованы все граждане независимо от сословия и уровня достатка. Данная форма местного управления берет свои истоки с племенных собраний. Она сформировалась к IX–XII вв. с сочетанием таких форм, как община и вече. Российский исследователь С. В. Востриков приводит примеры вечевого деятели в городах Древней Руси: Владимире, Полоцке, Новгороде, Киеве, Пскове, Смоленске, Чернигове, Ростове, отмечая «древность и укорененность этой традиционной формы самоуправления... о чем свидетельствуют как иностранные, так и отечественные источники» [1, с. 171–172]. Интересным примером являются приведенные записи византийского историка VI в. Прокопия, который описывал жизнь современных ему славян: «они не управляются одним лицом, но издавна живут при народоправлении» [1, с.172].

На вечевых собраниях решались важные вопросы местного значения. Народный сход обеспечивал участие различных слоев населения белорусских земель в управлении отдельными территориями. Известно, что подобные формы самоуправления, существовали до XIV–XVII вв. В них были заложены основы, актуальные и для настоящего времени. По описанию исследователя истории права в Беларуси В.К. Сидорчука, «вече (народный сход) в Витебске, Друцке, Полоцке и других местностях обладало широкими властными полномочиями: выбирало и отстраняло князя, решало вопросы распределения повинностей и податей, избирало должностных лиц (посадника, тысяцкого и др.), в особых случаях осуществляло правосудие» [2, с.419].

В дальнейшем складывались и совершенствовались качественно новые формы самоуправления на основе магдебургского права, закрепления положений общенационального значения в Статуте 1588 г., в котором в качестве территориальных образований были определены поветы и земли. В границах повета население (грамада) реализовывало свое право на местное самоуправление. Таким образом, населенный пункт с прилегающей территорией в рамках особого правового статуса становился автономной юридической единицей с признаками субъекта экономических отношений, поскольку ему была присуща «организационно-правовая обособленность, самостоятельность в принятии решений, имущественная ответственность» [2, с. 421]. В границах территориальных образований происходило формирование общегосударственных интересов. Местные сообщества решали задачи в соответствии с требованиями законов и личной заинтересованностью. Местное самоуправление на белорусских землях в XIX в. некоторые исследователи отождествляют с концепцией свободной (натуральной) общины, основывающейся на идее натурального права, поскольку «права абшчыны самастойна вырашаць свае ўласныя справы мае такі ж натуральны і неад’емны характар, як і правы чалавека» [3].

В дальнейшем в составе Российской империи по Указу Николая II от 14 марта 1911 г. на территориях современной Беларуси были образованы земства в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, к предмету ведения дел которых относилось: «заведование продовольствием (в Минске были учреждены месячные сельскохозяйственные курсы, открыт сельскохозяйственный музей, организовывались экскурсии крестьян за границу, строились земские сельскохозяйственные,

зерноочистительные склады, прокатные станции, проводились агрохимические мероприятия – благодаря чему только в Минской губернии возникло 128 тыс. хуторов); заведование образованием (расходы на содержание школ и других учебных учреждений составляли 48 % всей сметы); заведование земскими лечебными и благотворительными заведениями (на эти цели расходовалось около 30 % бюджета земств); строительство и содержание местных дорог, попечение о лучшем устройстве сел и т. п.» [2, с. 423]. Земства осуществляли более 20 направлений деятельности местного значения. Большое внимание уделялось выделению средств на просвещение.

Трансформация земств в органы местного самоуправления путем принятия законов и определения задач происходила в истории наряду с важными общественно-политическими событиями: Первой мировой войной, существованием Временного правительства, Октябрьской революцией 1917 г., образованием СССР, БССР, Республики Беларусь. Например, в период Первой мировой войны, предметом деятельности земств было снабжение фронта вооружением и топливом, а при революции 1917 г. земства представляли единственную организационную структуру в социально-хозяйственной сфере до ликвидации в 1918 г.

В настоящее время существуют правовые механизмы для реализации инициатив граждан. Правовые и организационные основы местного управления и самоуправления в стране закреплены в Конституции Республики Беларусь 1994 г., Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

Согласно ст. 117 Конституции «Местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах» [4].

В ст. 1 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» местное самоуправление определяется как «форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств» [5].

Местное самоуправление в Республике Беларусь осуществляется через местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, а также посредством различных форм участия граждан в государственных и общественных делах: собрания, референдумы, различные инициативы по принятию решений Советов.

Советы состоят из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включают областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы.

В ст. 2 Закона местное управление определяется как «форма организации и деятельности местных исполнительных и распорядительных органов для решения вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан» [5]. Система органов местного управления состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые, сельские исполнительные комитеты и местные администрации районов в городах.

Деятельность органов местного управления и самоуправления должна основываться на принципах законности, социальной справедливости, защите прав и законных интересов граждан, сочетании общегосударственных и местных интересов, участия органов местного управления и самоуправления в решении вопросов, затрагивающих права и законные интересы граждан, единства и целостности системы местного управления и самоуправления при их взаимодействии и разграничении компетенции, выборности данных органов, подотчетности гражданам, гласности и учета общественного мнения, постоянного информирования граждан о принимаемых решениях, ответственности органов местного управления и самоуправления за законность и обоснованность принимаемых решений, обязательности исполнения на соответствующей территории решений Советов, исполнительных и распорядительных органов, принятых в пределах их компетенции, самостоятельности и независимости органов местного самоуправления в пределах своей компетенции в решении вопросов местного значения, недопущение ограничения полномочий органов местного управления и самоуправления, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом и другими законодательными актами [5].

Деятельность органов местного управления и самоуправления представляется особенно востребованной в контексте реализации Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., где представлены положения комплексного развития регионов страны,

ориентированные на уменьшение межрегиональных различий и создание благоприятных условий независимо от места проживания людей.

При социологическом изучении регионов важное значение имеет разработка системы критериев оценки их развития с учетом объективных и субъективных показателей, мнений и оценок местного населения по вопросам удовлетворенности качеством жизни в регионе: оценка социально-экономического развития города (села), административного района (сельсовета), микрорайона, комфортность проживания в населенном пункте; развитие инфраструктуры и качество услуг по месту жительства; личная и общественная безопасность; информационное обеспечение социально-культурной, экономической жизни региона; выявление волнующих проблем среди местного населения; определение миграционных намерений и др. Полученные данные будут способствовать выявлению актуальных вопросов по территориальному жизнеобеспечению населения регионов, решение которых должно составлять основу деятельности органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь исходя из реалий настоящего времени, повышения роли данных структур в жизни граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Востриков, С.В. Трансформация местного самоуправления в дооктябрьской России / С.В. Востриков // Россия и современный мир. – 2002. – №4. – С.171–183.
2. Сидорчук, В.К. История права о местном самоуправлении Беларуси / В.К. Сидорчук // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо. – Мінск, 2012. – С. 418–428.
3. Вялента, Л. І. Права грамадзян на ўдзел у мясцовым самакіраванні / Л. І. Вялента // Теория и практика реализации субъективных прав физических и юридических лиц: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. Н. Колядко. – Минск: БГУ, 2003. – С. 43–45.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 20.10.2020 г.
5. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-3 (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N11000108>. – Дата доступа: 20.10.2020 г.

УДК 316.628

РЕЦИПРОКНОСТЬ В ПОТРЕБЛЕНИИ

Баханов А.Г.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Статусное потребление, престижные раздачи и даже уничтожение благ являются вполне рациональными, с точки зрения самих потребителей. Символические стратегии, как считают участники социально-экономических взаимоотношений, являются результатом их достижений в финансовой деятельности. Лица, занимающие высокое положение в обществе, фактически обмениваются символическими благами. Если рассматривать различные типы потребления, например, как символический обмен, то в данном случае мы можем обнаружить возникновение «латентных» типов взаимоотношений. В таком случае среди потребителей «вещей» возникает социально-экономический обмен, который мы определяем, как реципрокность. Термин реципрокность был предложен К. Поланьи. Реципрокность (эквивалентность), (взаимность) – взаимный обмен дарами, вытекающий из обязательств, существующих между родственниками и друзьями.

К. Поланьи выделил следующие виды взаимообмена: реципрокность (reciprocity); перераспределение (redistribution); обмен (exchange). К. Поланьи отмечает: «На эмпирическом уровне основными способами связи являются реципрокность, перераспределение и обмен. Реципрокность (reciprocity) обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах. Перераспределение (redistribution) представляет акты стягивания товаров центром с их последующим перемещением из центра. Под обменом (exchange) подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы» [1, с. 56].

Дальнейшее развитие концепции «реципрокность», продолжил М. Салинс в своей работе «Экономика каменного века». М. Салинс выделил следующие виды реципрокности:

1) «Генерализованная реципрокность» относится к таким трансакциям, которые предполагают альтруистичность, при которых оказывается помощь и, если есть возможность и есть в этом необходимость, следует ответная помощь. Идеальный вариант – это «чистый дар» Б. Малиновского. К данной форме следует отнести спонсорскую «помощь», акции, проводимые крупными компаниями и др. [2, с. 177].

2) «Сбалансированная реципрокность» означает непосредственный обмен. Следуя этимологии, данный тип обмена характерен для каждого индивида. Дарение подарков является неотъемлемой частью данной стратегии. Данный вид реципрокности можно отнести к взаимобмену, при котором учитываются соответствующие ценностные характеристики. Например, дарение «подарков», купля-продажа различных товаров, которые возможны при наличии определённых условий [2, с. 178].

3) «Негативная реципрокность» – это попытка безнаказанно получить что-либо, ничего не отдавая взамен, определенные формы присвоения и трансакций, затеваемых и осуществляемых ради чисто утилитарных выгод. Среди этнографических понятий, указывающих на этот тип реципрокности – «торг», «бартер», «спекуляция», «сутяжничество», «воровство» и прочие формы стяжательства. [2, с. 179]. Для негативной реципрокности наиболее характерен обезличенный тип обмена. Взаимодействия, которые возникают между участниками обмена, носят негативный характер. Из этого следует, что реципрокность не всегда имеет сбалансированный тип обмена. Материальные блага не всегда являются главными критериями взаимоотношений. Поддержание или возобновление социальной связи может быть гораздо более значимой, чем обмен благ.

Таким образом, преобладание жизненно необходимых потребностей, свойственно каждому индивиду. Дальнейшая трансформация потребительских навыков, соответствует статусу и социальному положению индивида, его социально-экономическим возможностям. Реципрокация, которая возникает между индивидами, основывается в большинстве случаев на социальных взаимосвязях. Несомненно, когда речь идёт о негативном обмене или перераспределении, тогда материальная ценность является основной. По мере удовлетворения первичных благ, происходит накопление денежных средств, которые влияют на потребительские предпочтения. В постиндустриальном обществе, индивид постоянно находится в поиске трендовых ценностей. Стоит отметить, что с появлением новых информационно – коммуникационных услуг, таких как удаленное обучение, мобильные сервисы, электронная доставка и т.п., большинство из нас «теряет» социальный навык общения. Следовательно, появляется множество «цифровых заменителей» потребительских предпочтений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Поланьи, К. Избранные работы : [перевод] / К. Поланьи; [вступительная статья Н. Розинской, с. 7–21]. – Москва : Территория будущего, 2010. – 198 с.
2. Салинс, М. Экономика каменного века Stone age economics: Пер. с англ. / М. Салинс. – М. : ОГИ, 1999. – 293 с.

УДК 311:33/748

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ

Бедулина Г.Ф.

*доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности, БГЭУ
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Развитие Республики Беларусь на данном этапе связано с информатизацией и внедрением инноваций во все сферы жизни. В результате чего, Беларусь должна прийти к инновационной экономике. Это предполагает повышение уровня образования работника, воспитание в нем новаторского и экономического мышления, способность перемены профессии.

Рынок труда сегодня отличается высоким уровнем конкуренции, а потому уже недостаточно теоретических знаний, важно уметь применять эти знания на практике. Умение работать с новыми

технологиями, самостоятельно принимать решения, объективно оценивать ситуацию – все это, главные требования к современному специалисту.

В динамически меняющихся социально-экономических условиях первоочередной задачей жизнедеятельности молодежи является поиск, планирование и выбор профессии, трудоустройство. В свою очередь, это ставит перед системой образования новые задачи, направленные на формирование у молодежи инновационного типа профессионального мышления, ответственного отношения учащейся молодежи к профессиональному образованию, развитие интеллектуального потенциала, позволяющего творчески относиться к различным проявлениям профессиональной жизни. Выпускники высших учреждений образования должны понимать, что современный рынок труда ориентирован на профессионально мобильных и предприимчивых людей, которые готовы к принятию самостоятельных решений, готовы нести ответственность за свои действия. Именно поэтому, формирование на всех этапах образования у будущих субъектов труда профессионально необходимых навыков и компетенций, является одной из главных задач системы образования.

Значительную роль в развитии экономики страны играет молодежь, поскольку именно молодые люди являются наиболее активной частью населения, они более склонны к риску, занятием предпринимательством и развитием инноваций. Известно, что эффективность предпринимательской и инновационной деятельности обеспечивается наличием предпринимательских компетенций, которые включают в себя знания в области экономики и предпринимательства и их использование на практике, умения вести дела, профессиональную подготовку и т.д. Формирование предпринимательских компетенций у обучающихся возможно на всех уровнях образования, однако университет является для этого наиболее благоприятной площадкой. В процессе обучения в университете студенты получают профессиональные знания, умения и навыки, необходимые им для самореализации на рынке труда. Сегодня подготовка современного специалиста требует формирования профессиональных компетенций. Однако компетентность нельзя приобрести без знаний, умений и навыков, равно как и специалист не может быть компетентным без соответствующих знаний. Это в полной мере относится и к предпринимательским компетенциям, которые позволяют молодому человеку реализовывать свой предпринимательский и творческий потенциал и вносить вклад в развитие экономики.

Одним из вариантов решения данной проблемы является вовлечение студентов в участие в бизнесе. Молодежь является наиболее активным слоем общества, который способен генерировать идеи и является источником инновации.

В нашей стране, на сегодняшний день, обучение студентов на базе бизнес-компаний, не является приоритетным направлением, однако, примеры такой деятельности есть. Распространенной практикой, как в Республике Беларусь, так и в ряде других стран, стало открытие бизнес-инкубаторов, есть и такие, которые открываются при ВУЗах. Бизнес-инкубаторы призваны поддерживать бизнес на первых его этапах. Здесь предоставляется помощь в аренде площади, оказании юридических и бухгалтерских услуг, предоставлении консультации и обучении. Для того чтобы повысить эффективность деятельности бизнес-инкубаторов необходимо построить систему социального управления бизнесом, с использованием социальных технологий [2, с.411]. Бизнес, представляет собой систему, состоящую из подсистем, связанных между собой. Соответственно, бизнес как социальная организация – это группа людей, среди которых воспроизводятся социальные отношения, направленные на достижение целей.

Социальные технологии связаны, прежде всего, с термином «технология». Это алгоритмизация деятельности и возможность применения этого алгоритма в последующем для решения схожих задач. Социальная технология – процедура, которая основана на научных знаниях, направленная на определенные часто повторяющиеся социальные процессы и явления для достижения определенных результатов.

Социальные технологии в бизнесе должны помочь достигнуть цели при соблюдении условий: использование принципа междисциплинарности при разработке управленческих решений; использование ситуационного сравнительного анализа; применение методов, помогающих выявить существующие и перспективные проблемы; ориентация на социальные цели; обоснование ресурсного обеспечения; оценка социальных последствий нововведений.

Обучиться предпринимательским навыкам некоторое время назад считалось весьма труднодоступной задачей. Однако, постепенно такая возможность появляется, молодежь становится компетентней в вопросах, связанных со сферой бизнеса, где в той, или иной мере происходит формирование предпринимательских компетенций.

Обучение основам предпринимательской деятельности и культуре предпринимательства в настоящее время не входит в базовый перечень дисциплин социально-гуманитарного профиля специалистов неэкономического профиля. Между тем, предпринимателем может стать человек,

имеющий соответствующие склонности и желание. В предпринимательской среде есть место для раскрытия творческого потенциала личности, ее волевых, интеллектуальных, энергетических свойств. Огромное воздействие на желание стать предпринимателем оказывает система образования [2, с.412]. Для генерации новой волны предпринимателей перед учреждениями образования возникает ряд задач:

- распознавание лиц, склонных к предпринимательской деятельности с целью последующей поддержки в реализации экономических проектов;
- создание в учреждениях образования творческой атмосферы, в которой реализуется инициатива, социальная активность, стремление разрешать проблемы, деловое взаимодействие со специалистами;
- пропаганда и демонстрация различных форм и видов предпринимательства, знакомство с практиками успешных предпринимателей.
- На наш взгляд, основными направлениями профессиональной подготовки студентов являются:
- расширение возможностей профессиональной самореализации с использованием технологий сопровождения и поддержки;
- активизация самоуправляемой творческой деятельности студентов;
- вовлечение в проектирование социально-деловых стартапов совместно с профессорско-преподавательским составом учреждений высшего образования;
- формирование у студентов навыков работы в команде;
- анализ опыта мобильного решения незапланированных ситуаций;
- развитие коммуникабельности, дисциплинированности, ответственности как основополагающих качеств, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности;
- стимулирование участия студентов в научно-исследовательской работе.

На сегодняшний день информация является не только основным источником приращения человеческого знания, но и меняет повседневность. Ведь благодаря информационным технологиям формируется новая социальная реальность – общество знаний. Вслед за ней происходит трансформация социальных институтов, в частности образования, как общего (школа), так и высшего (университет). Появилась новая модель высшего профессионального образования, которая получила наименование «Университет 3.0». В рамках данной модели предполагается, что «университет теперь должен не только реализовывать свою общественно значимую функцию, но и отвечать конкретным запросам бизнеса и государства» [1, с. 41].

Стоит подчеркнуть, что по прогнозам ученых, в ближайшие пять лет наиболее востребованными для выпускников высших учреждений образования будут десять профессиональных навыков [3, с. 41]. Речь идет о таких профессиональных навыках:

1. Complexproblemsolving (комплексное многоуровневое решение проблем);
2. Criticalthinking (критическое мышление);
3. Creativity (креативность в широком смысле);
4. Peoplemanagement (умение управлять людьми);
5. Coordinating with others (взаимодействие с людьми);
6. Emotional intelligence (эмоциональный интеллект);
7. Judgment and decision-making (формирование собственного мнения и принятие решений);
8. Serviceorientation (клиентоориентированность);
9. Negotiation (умение вести переговоры);
10. Cognitive flexibility (гибкость ума; когнитивная гибкость).

Другими словами, как для преподавателя, так и для студента, такая ситуация означает их включенность в научную и инновационную деятельность, направленную на развитие бизнеса и экономики. Предполагается, что это должно привести к развитию инновационного потенциала общества и государства. Сама же концепция предпринимательского университета нацелена на введение новой социальной функции, которая предполагает воспитание нового типа студента – предпринимателя. Такой студент должен быть нацелен на творческое использование имеющегося в обществе опыта и на практическое использование полученных в результате обучения знаний. Поэтому целью данной работы является раскрытие роли предпринимательского университета в становлении и развитии креативного образования.

Таким образом, основная функция университета традиционно состоит в обеспечении студента соответствующей квалификацией путем прохождения определенного образовательного процесса. Однако в современном обществе, экономика которого построена на рыночных принципах, произошло вторжение идеи бизнеса и предпринимательских характеристик в сферу высшего образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин, Н.В. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема / Н.В. Головкин // Высшее образование в России. – 2016. – № 8-9 (204). – С. 40–47.
2. Резник, Г.А. Студенческое предпринимательство в ВУЗе: проблемы и перспективы развития / Г.А. Резник // Проблемы современной экономики. – 2017. – №3. – С. 411–413.
3. Парфентьева, Л. Работа будущего: 10 навыков, которые будут востребованы в 2020 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sncmedia.ru/career/rabota-budushchego-10-navykov/>. – Дата доступа: 12.09.2020.

УДК 314.74.

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Болдырев А.С.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

В условиях сокращения населения путём естественного движения крайне актуальными остаются вопросы, связанные с миграционными процессами.

В 2019 г. миграционный прирост для Беларуси составил 13,9 тыс. чел. (рис.1), увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 4,5 тыс. чел. Здесь же стоит отметить, что с начала XXI века наибольшее количество прибывших (34,8 тыс. чел.) и выбывших (20,9 тыс. чел.) приходится именно на 2019 г. Другими словами, в рассматриваемый период показатель миграционного оборота (валовой миграции) в 2019 году (55,7 тыс. чел.) является максимальным.

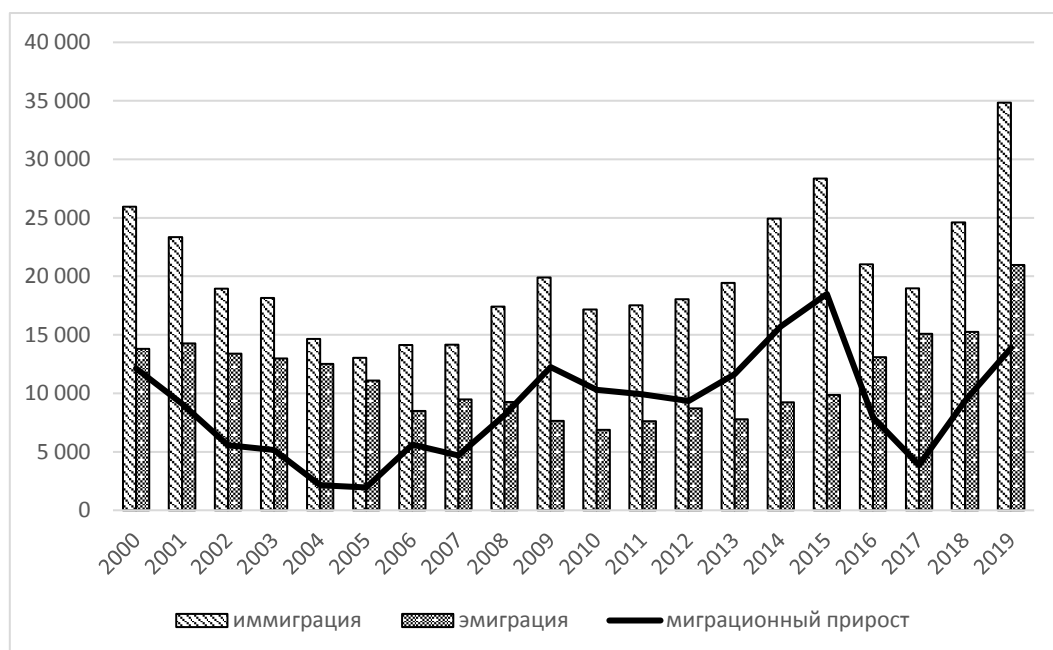

Рис. 1. Международная миграция населения в Беларуси в 2000-2019 гг., тыс. чел. [1]

Что касается географического распределения стран (рис. 2), с которыми у Беларуси в 2019 г. были наиболее тесные миграционные связи, то здесь, как и во все предыдущие годы, являлась лидером Российская Федерация (33,3% валовой миграции). На втором месте – Украина (10,7%), на третьем – Китай (10,4%). На остальные страны приходится около 45,5% всего миграционного оборота, крупнейшие из которых Туркменистан (9,5%), Польша (3,8%) и Казахстан (3,0%).

Наиболее яркой закономерностью международной миграции последних лет является увеличение миграционных связей Беларуси с Китаем и Туркменистаном. Так, в 2000 и 2010 гг. на долю данных государств в сумме приходилось около 2-3% валовой миграции. К 2019 г. этот показатель увеличился до 20%. Другим трендом внешней миграции является снижение доли РФ в миграционном обороте

страны. В 2000 году миграционный оборот с Россией составлял 51%, в 2010 г. – 56%. В 2019 г. на долю РФ приходилось всего треть всех международных миграционных перемещений.

В 2019 г. по данным Национального статистического комитета страной, с которой у Беларуси наблюдался самый значительный миграционный прирост, являлся Китай (+3,5 тыс. чел.). На втором месте – Россия (+2,3 тыс. чел.), на третьем – Украина (+2,2 тыс. чел.). Здесь же необходимо отметить о высоком положительном показателе миграционного сальдо с Туркменистаном (+2,0 тыс. чел.). Крупнейшей страной-реципиентом для Беларуси в 2019 г. стала Польша (-1,4 тыс. чел.). Также в пул стран, с которыми у Беларуси наблюдалось существенное отрицательное сальдо миграции, входили Израиль (-0,5 тыс. чел) и Германия (-0,4 тыс. чел.).

Важно отметить, что с одной из прибалтийских стран-соседей (Литвой), с которой Беларусь на протяжении XXI в. всегда имела положительное сальдо миграции, в 2019 году произошла трансформация миграционных связей. Миграционное сальдо с данной страной впервые оказалось отрицательным (-0,02 тыс. чел.).

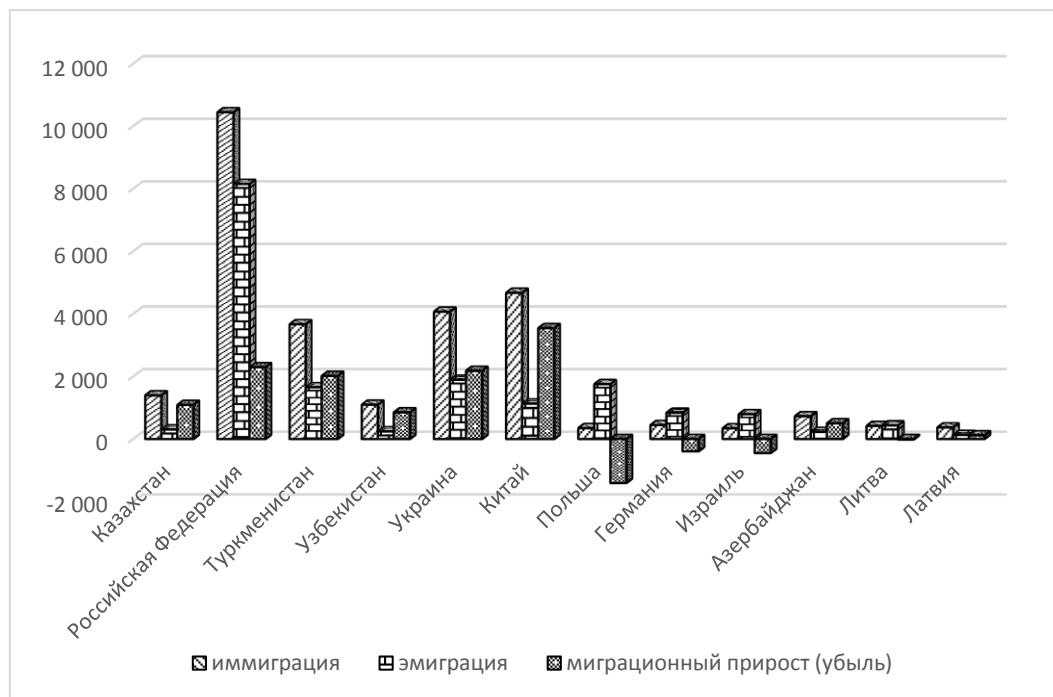

Рис. 2. Международная миграция по странам, 2019 г., тыс. чел. [2]

При этом на фоне сложной социально-политической и экономической ситуации осенью 2020 г. страну уже покинуло около 15 тыс. чел. [3] Основными странами-реципиентами стали Польша, Украина, Литва и Латвия. Однако говорить о безвозвратной миграции пока не приходится, т.к. оценить точные масштабы международной миграции можно только по окончании года. Несмотря на это, необходимо уже сейчас принимать меры, которые будут способствовать повышению миграционной привлекательности Беларуси. Ведь миграция в условиях убыли населения естественным путём остаётся единственной возможностью стабилизировать численность и обеспечить страну демографическими ресурсами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.10.2020.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020 (стат.сб.) Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 436 с.
3. БЕЛТА [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.belta.by/>. – Дата доступа: 11.10.2020.

МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Воронина С.Н.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Жизнь современного человека нельзя представить без средств массовой информации. Ежедневно люди сталкиваются с огромным потоком информации. В этом потоке очень сложно определить важную, и что самое главное, достоверную информацию. Для этого необходимо повышать свой уровень медиаграмотности.

Направление медиаобразования сформировалось в 60-х гг. XX в. Изначально оно было призвано помочь школьникам и студентам лучше адаптироваться в мире медиакультуры, освоить язык средств массовой информации, уметь анализировать медиатексты и т.д. [1, с. 10].

Медиаобразование (media education) связано с познанием того, как создаются и распространяются медиатексты, с развитием аналитических способностей для интерпретации и оценки их содержания. Медиаобразование направлено на достижение целей медиаграмотности (media literacy).

Медиаграмотность (media literacy) – это умение пользоваться (то есть адекватно понимать и создавать) текстами печатных и электронных СМИ.

Можно выделить основные составляющие медиаграмотности: умение находить информацию в СМИ; умение понимать и оценивать информацию, которую предлагают СМИ; умение создавать тексты СМИ; знание основных тенденций развития современных СМИ [2, с.210].

Для Республики Беларусь тематика медиаграмотности является достаточно новой. Единичные научно-методические разработки говорят только о зарождении данного научного направления и не позволяют проследить тенденцию развития. Для достижения целей медиаграмотности разрабатываются концепции медиаобразования.

Медиаобразование можно четко разделить на три основных направления:

- 1) образование будущих профессионалов (журналистов, сценаристов, режиссеров, операторов, актеров, киноведов и др.);
- 2) образование будущих медиапедагогов в университетах;
- 3) медиаобразование как часть общего образования, которое может быть интегрировано в традиционные дисциплины или быть автономным [1, с. 11].

Один из самых авторитетных медиапедагогов и теоретиков медиа Л. Мастерман обосновал семь причин приоритетности и актуальности медиаобразования в современном мире.

1. Высокий уровень потребления медиа и насыщенности современных обществ средствами массовой информации.
2. Идеологическая важность медиа и их влияния, как отрасли промышленности, на сознание аудитории.
3. Быстрый рост количества медиаинформации, усиление механизмов управления ею и ее распространения.
4. Интенсивность проникновения медиа в основные демократические процессы.
5. Повышение значимости визуальной коммуникации и информации во всех областях.
6. Необходимость обучения школьников/студентов с ориентацией на соответствие будущим требованиям.
7. Нарастающие национальные и международные процессы приватизации информации [3, с.23].

Внимание современных белорусских исследователей в области медиаобразования направлено и на такие проблемы, как теория и практика медиаобразования (К. А. Соколов), потенциал медиаобразования в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения (С. В. Омелько), образовательная культура (С. В. Балюк), обсуждение молодежных субкультур в печатных медиа (Э. А. Мазько), деятельность музеев и библиотек в современном медиапространстве (В. М. Сытых, Р. С. Мотульский) и т. д.

Рассмотрим более подробно медиаобразовательные проекты, реализуемые в Беларуси.

Общественное объединение «Белорусская ассоциация журналистов». Это негосударственное, непартийное, добровольное объединение журналистов, которое действует с 1995 года. Главным источником по медиаграмотности является журнал «Абазур», издаваемый с 2000 года. В нем публикуются материалы о роли СМИ в обществе, о журналистской этике, о проблемах сбора и распространения информации.

На сайте указанной организации также много информации по медиаграмотности: рейтинги СМИ, аналитика, мониторинги, доклады, которые рассказывают о состоянии СМИ в Беларуси. Данные материалы в основном рассчитаны на профессиональную журналистскую аудиторию, но будут полезны всем, кто интересуется медиа.

Press Club Belarus. «Пресс-клуб» был основан в 2014 году журналистами, редакторами, издателями независимых медиа. Основная цель – организация встреч с журналистами, медиаэкспертами и другими людьми, имеющими непосредственное отношение к миру СМИ. Но вместе с тем данная организация предоставляет широкому кругу читателей очень много информации по медиаграмотности. Одним из основных является проект «Медиамониторинг Media IQ» – Подборка результатов мониторинга и аналитических текстов по медиаграмотности. Мониторинг проводится ежемесячно и результаты доступны широкому кругу читателей.

На сайте организации активно освещаются проекты, конференции, конкурсы, вебинары, как для профессиональных журналистов, так и для всех заинтересованных людей. Также «Пресс-клуб является одним из организаторов заседаний «Экспертно-аналитического клуба», где медиаэксперты обсуждают наиболее значимые события нашей страны.

Mediakritika.by. Независимый информационно-аналитический ресурс, созданный командой белорусских медиаэкспертов. Цель проекта - всесторонний независимый критический анализ деятельности медиа в Беларуси. Целевая аудитория – журналисты, но очень много материалов для широкой аудитории. С 2016 года был запущен отдельный проект «Медиаграмотность», который доступным языком рассказывает о медиамире.

Также представляют интерес следующие проекты: рубрики «Закулисье» и «Newsroom», игра в «Ассоциации», бесплатная обучающая онлайн-игра "Медиазнайка" (создана совместно с белорусским порталом Tut.by).

«МедиаДом». Это информационно-образовательный интернет-ресурс. Данный ресурс позволяет использовать медиаобразовательные материалы и педагогам для проведения тематических занятий, и учащимся, имеющим потребность в повышении уровня своей медиаграмотности.

Сайт состоит из трех разделов: прошлое – МедиаЛЕСТНИЦА, настоящее МедиаГОСТИНАЯ (МедиаОКНА и МедиаСАЛОН), будущее – МедиаКУХНЯ.

Цель проекта – развитие системы медиаобразования на Гродненщине посредством интернет-ресурса. Целевая аудитория - от учащихся учреждений среднего образования, учащихся учреждений профессионально-технического и среднего специального образования, студентов вузов, заканчивая педагогическим и медиасообществом.

«Европейский колледж Liberal Arts в Беларуси». Проект, позволяющий получить дополнительное образование по системе Liberal Arts Education. Для желающих научиться критически мыслить в сфере масс-медиа Eclab предлагает концентрацию «Массовая культура и медиа». На занятиях студенты учатся видеть скрытые сообщения различных медиатекстов, создавать авторские презентации и арт-проекты, а также обоснованно писать о своем зрительском опыте.

«Лятучы ўніверсітэт». Это программа создания современного университета в Беларуси. Среди проектов «Лятучага ўніверсітэта» присутствуют и блоки, посвященные СМИ. Материалы рассчитаны на всех интересующихся темой медиа.

Таварыства беларускай школы (ТБШ). Республиканское общественное объединение, созданное в 1996 году, объединяет граждан с целью содействия формированию национальной образовательной системы всех уровней (от дошкольных учреждений до вузов и воспитательных учреждений), а также сохранению и развитию белорусской культуры и традиций. Немало внимания ТБШ в своей деятельности уделяет и вопросам медиаграмотности. Например, в 2013—2015 гг. по инициативе Товарищества белорусской школы совместно с Медиа-институтом FOJO (Швеция) и другими образовательными организациями был проведен ряд семинаров и летних школ для сотен педагогов. Также ТБШ ведет активную информационную и методическую работу в сфере медиаобразования на информационно-методическом портале для учителей, в FB-группе «Медыаадукатар» и на некоторых других платформах. Основная аудитория – педагоги, но материалы доступны широкому кругу читателей.

«Беларускі Калегіум». Как образовательный проект существует с октября 1998 года. Это форум для проведения публичных лекций и дискуссий, а также место для интеллектуального и культурного диалога. Основная цель – учить и учиться думать, думать самостоятельно и критически. В темах лекций и творческих семинаров присутствуют темы по медиаграмотности.

В нашем обзоре не представлены классические белорусские университеты, так как маловероятно, что ради повышения уровня своей медиаграмотности люди будут поступать в университет.

Рассмотрев вышеизложенные проекты, можно определить особенности медиаобразования в Беларуси: в проектах задействованы не все возрастные категории слушателей, что отрицательно сказывается на общем уровне медиаграмотности в Беларуси; все проекты представлены исключительно общественными организациями. Роль государства полностью отсутствует в повышении уровня медиаграмотности населения.

В связи с этим необходимо разработать медиаобразовательные проекты, где будут задействованы все возрастные категории. Также важна включенность государства, так как только совместные усилия различных институтов могут привести к повышению уровня медиаграмотности населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Федоров, А.В. Медиаобразование и медиаграмотность / А.В. Федоров. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2004. – 340 с.
2. Стернин, И.А. Медиаграмотность в структуре грамотности современного человека / И.А. Стернин // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 209–211.
3. Мастерман, Л. Обучение языку средств массовой информации / Л. Мастерман // Специалист. – 1993 (а). – № 4. – С. 22–23.

УДК 316.34

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА»

Галич Л.П.

*доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, БГПУ им. М. Танка
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Одной из глобальных проблем развития цифрового общества, которая активно обсуждается мировым сообществом, является проблема цифрового неравенства. Подобные научные дискуссии ставят во главу угла необходимость определения составляющих аспектов процесса и результата цифрового разрыва, а, следовательно, значимости цифровой грамотности населения и роли социальной среды в формировании соответствующих навыков, связанных с эффективным использованием информационно-коммуникативных технологий в различных сферах повседневной жизнедеятельности людей. Социальные противоречия цифрового разрыва, популяризируемые как средствами массовой информации, так и политическими и экономическими кругами, получили свое научное обоснование и в сфере социологического изучения. Вопросы цифрового неравенства актуализируются в социологии теорией социальной стратификации, которая вводит новую плоскость измерения социальной дистанции между отдельными людьми, социальными группами, и даже странами. Данная дистанция возникает на основании различий (разрыва) между субъектами, способными извлекать выгоду из доступа к ИКТ («богатые информацией»), и теми, кто по-прежнему, в силу разных причин (отсутствия навыков) и иных жизненных обстоятельств, лишен контента и услуг, представляемых технологиями («бедные информацией»). В современном информационном обществе использование преимуществ цифровых технологий представляется как важное условие экономической, социальной и культурной интеграции человека в социум, иначе отсутствие включенности в цифровые процессы чревато не только для отдельного человека, но и для стран, выпавших из цифрового потока, потерей возможностей быть активными в обществе «информации и знаний». Таким образом, в социогуманитарном знании возрастает потребность в усилении внимания к определению контура и границ «цифровой пропасти», к пониманию концепции цифрового неравенства и практическому ее применению.

Первоначально термин «цифровой разрыв» использовался для обозначения формы социального «исключения» тех людей, у которых нет доступа к ИКТ. В этом случае, доступ понимался с позиции физического измерения, т.е. наличия или отсутствия необходимого оборудования и подключения к сети Интернет. Такая перспектива рассмотрения «цифрового неравенства», при которой техническое оборудование находится в центре внимания, предполагает, что ИКТ являются общими технологиями, простой доступ к которым так или иначе обеспечит и автоматически приведет к их использованию, несмотря на экономический, социально-культурный контекст, в котором осуществляется взаимодействие человека и техники. В некотором смысле, с точки зрения технического доступа,

человеку просто достаточно «войти в систему» для того, чтобы преодолеть цифровой барьер и перейти его.

Рис. 1. «Цифровое неравенство»

В настоящее время «цифровой разрыв» с точки зрения физического доступа постепенно переходит в плоскость социального доступа, когда за пределами «технического дефицита», уже преодоленного большинством, лежат более сложные барьеры, которые связаны с различными формами и целями использования ИКТ, с навыками работы на конкретных онлайн-платформах, что требует специальной грамотности, и не только цифровой, но и эмоциональной, касающейся аффективной области в работе с ИКТ. Эмоциональная грамотность приобретает все большую значимость особенно в сфере повседневных цифровых практик, связанных с конструированием своей идентичности и онлайн-взаимодействием с другими людьми.

Переход от одного типа цифрового разрыва к другому фиксирует проблему уже не неравного доступа к компьютерам, а неравных возможностей и способов использования компьютеров (рис. 1). Гипотеза, которая лежит в основе цифрового барьера второй степени заключается в том, что компенсация дефицита оборудования и подключений к сети Интернет является необходимым, но недостаточным условием для уменьшения социального неравенства, возникающего в результате распространения ИКТ в обществе. Действительно, доступ к компьютеру не всегда гарантирует и обуславливает их эффективное использование. Для того чтобы это стало возможным, еще необходимо иметь соответствующие знания и когнитивные навыки, а также развивать институт социального сопровождения (помощи) для того, чтобы преодолеть цифровые барьеры и распространять виртуальные онлайн-практики среди населения. Степень «присвоения» ИКТ, их содержания и понимания контента, мотивированное и эффективное их использование представляет собой сложный процесс, который требует множества ресурсов материального, умственного, социального и культурного характера. И если «цифровое неравенство» второго порядка начинает прописываться в теоретической плоскости, то эмпирически достаточно сложно пока определить, каким образом различные факторы (демографические, экономические, социальные и культурные) определяют дифференциацию способов использования ИКТ и распространение тех или иных электронных практик среди населения. Анализ возможностей социологического измерения этих процессов все больше актуализируется и сможет в дальнейшем показать новые формы дискриминации, связанные с цифровым разрывом.

Методологическим апологетом исследований цифрового разрыва является понимание такого аспекта, как четкое разграничение между понятиями индивидуальных различий, и неравенства в доступе к ИКТ и в процессе их использования. Различия, как правило, касаются разнообразия моделей поведения и зависят от индивидуальных потребностей человека включаться в цифровые процессы. Тот факт, что некоторые люди более или менее пользуются Интернетом, онлайн-услугами, реализуют виртуальные практики, может быть результатом их личного выбора, а не процессом социальной дискриминации, исключения и изоляции из-за отсутствия объективной возможности

«онлайнизировать» свою жизнь. Дифференцированное использование ИКТ разделяет людей на две плоскости: тех, кто принципиально отказывается от новых технологий и онлайн-практик и выбрал путь «стационарной» реальной повседневности, и тех, кто хочет, но не может успешно функционировать в новой дополненной реальности, и нуждается в специальном социальном сопровождении в виде, скажем, цифровых общественных площадок с возможностями обучения соответствующей цифровой грамоте. В выигрышном положении находится третья категория людей, обладающих специальными знаниями и навыками в области ИКТ, способных их развивать в соответствии с изменениями, происходящими в данной сфере, а, следовательно, комфортно себя чувствующих в новом виртуальном пространстве.

В заключении еще раз подчеркнем важность рассмотрения цифрового разрыва в его многомерном измерении и разговора о цифровых неравенствах (во множественном числе), а не о неравенстве (в единственном числе). Этот многомерный подход тем более необходим, поскольку исследовательский интерес постепенно смещается с плоскости дифференциации населения с точки зрения физического доступа, в плоскость социальной доступности, которая основана на различиях в использовании икт, связанных с определенным уровнем соответствующих знаний, мотивации, готовности применять онлайн-практики в разных сферах своей жизни.

УДК 378.147:303.1

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ COVID-ОГРАНИЧЕНИЙ СТУДЕНТАМИ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ

Голякова И.В.

*начальник факультета безопасности жизнедеятельности, УГЗ МЧС Беларуси
кандидат юридических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Карпиевич В.А.

*доцент кафедры гуманитарных наук, УГЗ МЧС Беларуси
кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Сергеев В.Н.

*доцент кафедры гуманитарных наук, УГЗ МЧС Беларуси
кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Современное образовательное пространство представляет собой быструю, динамически развивающуюся среду, где происходит постоянное обновление знаний. На протяжении двух последних десятилетий в образовательный процесс были внедрены компьютерные технологии, а затем и интернет как образовательная среда. Многие учебные заведения стали активно использовать элементы дистанционного обучения. Были созданы специальные курсы для заочных форм обучения, а затем – и для очников, но в основном в качестве вспомогательного инструментария.

Серьезные изменения произошли весной 2020 г., когда из-за угрозы распространения нового вируса практически все учреждения высшего образования страны перешли полностью или частично на дистанционное образование. Профессорско-преподавательскому составу вузов страны пришлось осваивать новые для себя технологии электронного обучения. Также и студентам пришлось столкнуться с новыми формами получения знаний при переходе на дистанционное обучение.

Характерными чертами дистанционного обучения являются модульность, видоизмененная роль преподавателя, исполняющего функции разработчика курсов, разделение участников учебного процесса расстоянием, смещение акцента на различные формы самоконтроля обучаемого, совместное использование ИТ и педагогических технологий [1, с. 67].

При организации дистанционного обучения используются два направления: асинхронное (предусматривает самостоятельный выбор индивидуальной траектории обучения) и синхронное (обучение в реальном времени через виртуальные аудитории или сервисы) [2, с. 99]. До настоящего времени преподаватели более активно использовали асинхронные средства, такие как электронная почта с автоматическими рассылками, электронные форумы, доски объявлений и т.д. В сложившихся

непредвиденных условиях перехода на дистанционное образование большая часть преподавателей стала интенсивно осваивать синхронные средства, которые требуют постоянного доступа в Интернет, в том числе, например, чаты, вебинары, видеолекции, видеоконсультации и пр.

Современное информационное пространство предлагает множество IT-решений для организации учебных занятий в дистанционной форме. Наиболее универсальной средой для организации дистанционного обучения стала образовательная платформа Moodle, которая уже получила широкое применение в образовательном процессе Республики Беларусь. Эта среда позволяет проводить занятия как асинхронно, так и синхронно. Но кроме Moodle для организации образовательного процесса в нашей стране активно применяются и другие площадки, такие как, например, Zoom, Google формы, Microsoft Teams, Viber.

В то же время возникает вопрос: насколько привлекательным и успешным видится всем участникам образовательного процесса применение тех или иных форм и методов дистанционного обучения? С целью прояснить данную проблему в июне-июле 2020 г. был проведен опрос студентов и преподавателей вузов страны. Всего в опросе приняло участие 238 студентов 1-4 курсов, обучающихся курсов переподготовки на базе высшего образования и магистратуры, а также 152 преподавателя высшей школы страны, которые имели опыт перехода на дистанционное обучение в связи с распространением вируса covid-19. Социологическим исследованием были охвачены все регионы страны, более 20 вузов республики (БГУ, БГПУ, БГТУ, МГЛУ, БГУИР, БНТУ, БрГУ, БрГТУ, ГрГУ, ГрГМУ, ПГУ, ВГТУ, ГГУ, УГЗ, РИВШ и др.). 66,9% респондентов составляют женщины, 33,1% - мужчины. Более половины принявших в опросе участия в прошлом учебном году работали на должностях доцента и старшего преподавателя (38,4% и 31,8% соответственно). Также среди опрошенных 11,9% работали в должности профессора. Средний стаж работы составил 16 лет. Среди студентов 58,4% опрошенных составили девушки, а 41,6% - юноши.

Наибольшую популярность среди опрошенных преподавателей получили платформы Moodle (55,3%) и Zoom (48%). Среди опрошенных студентов большинство назвало Microsoft Teams (45,4%) и Zoom (36%).

В качестве технического средства для проведения занятий 66,5% опрошенных преподавателей постоянно использовали ноутбук, 42% - стационарный компьютер, 21,7% - смартфон. В то же время ноутбук постоянно использовали 78,5% опрошенных студентов, 46,2% - смартфон, 18,9% - стационарный компьютер.

19,2% опрошенных преподавателей оценили качество интернет-связи в период дистанционного обучения как отличное, 58,3% - как хорошее, 22,5% указали на значительные проблемы (зависание, отключение). В то же время никто из преподавателей не ссылаясь на отсутствие сети. Среди студентов оценки были схожими: у 20,2% респондентов проблемы со связью отсутствовали, 58,8% оценили ее качество как хорошее, 20,6% - указали на значительные проблемы.

Дистанционное обучение все же не позволило в полной мере решить вопрос с пропусками занятий. Так, по мнению только 33,1% преподавателей студенты не пропускали занятий, 56,3% - посчитали, что обучающиеся пропускали занятия редко, но 10,6% респондентов из числа ППС убеждены, что при дистанционном обучении студенты пропускали занятия часто. В то же время 72,7% студентов указали, что они не пропускали занятия в дистанционной форме, а 26,5% делали это редко.

51% опрошенных преподавателей и 54,6% студентов отметили, что в методическом плане при организации учебного процесса в дистанционной форме не было никаких проблем, все решалось дистанционно. 41,7% преподавателей и 37% студентов отметили незначительные проблемы. Таким образом, указанные выше данные говорят о том, что в целом вузам удавалось положительно решать проблемы с организацией и проведением дистанционного обучения.

Наиболее предпочтительными каналами коммуникации со студентами, а также с коллегами и деканатами для преподавателей были платформы, на которых проводились занятия, а также электронная почта. Их в качестве постоянного канала коммуникации назвали 75% опрошенных. Немного меньшее число респондентов (65,7%) постоянно использовали группы в Viber, WhatsApp и пр. И только 13,1% использовали группы в социальных сетях. В то же время 65,5% опрошенных студентов в качестве постоянного канала коммуникации использовали образовательные платформы, 55% - группы в Viber, WhatsApp и пр., 51,6% - электронную почту.

Интерес вызывает оценка преподавателями и студентами своего отношения к системе дистанционного обучения, которая сложилась в вузе весной 2020 г. 66,2% преподавателей и 62,2% студентов предпочли вариант ответа «в чем-то удобна, в чем-то нет», 18,5% и 10,1% соответственно оценили как неудобную, «лучше обычные занятия в университете», 6% и 23,5% соответственно – это удобнее, чем в университете.

При этом 43% преподавателей отметили, что в связи с переходом на дистанционное обучение нагрузка резко увеличилась. 33,8% указали, что нагрузка увеличилась не столь значительно, 16,6% сообщили, что для них ничего не изменилось, а 6,6% указали, что стало чуть легче работать. Что касается студентов, то их оценка учебной нагрузки тоже оказалась не одинаковой. 33,2% указали, что ничего не изменилось, 31,9% - что нагрузка немного увеличилась, стало сложнее, 16,4% отметили, что нагрузка сильно увеличилась, 18,4% оценили дистанционные формы как немного более легкие, чем привычное офлайн-обучение.

Интерес вызвало отношение преподавателей и студентов к замене традиционных форм занятий дистанционными. Только 7,3% преподавателей согласились с тем, что дистанционное обучение полностью заменило все занятия, проводимые ранее в университете. 5,3% отметили, что появились новые формы занятий. Но в то же время 87,4% опрошенных подчеркнули, что дистанционное обучение заменило только часть занятий, а многие виды учебной деятельности теперь не используются. Мнение студенческой аудитории оказалось следующим: 26% уверены, что дистанционное обучение полностью заменило традиционные формы. 3,4% указали на то, что стало лучше, появились новые виды занятий, которых ранее не было. Но все же 70,6% опрошенных склонились к мысли, что дистанционное обучение не смогло полностью заменить все виды занятий, которые у них раньше были в университете.

При ответе на вопрос «Как Вы оцениваете успеваемость студентов? Как повлияла самоизоляция на результаты сессии?» больше половины респондентов из числа ППС (57,6%) выбрали вариант «ничего не изменилось». 23,2% отметили, что оценки стали лучше, а 19,2% - что успеваемость снизилась. При оценке собственной успеваемости результаты студентов в целом совпадают с мнением преподавателей. Так 65,5% отметили, что в данном вопросе ничего не изменилось, 26,5% указали, что их оценки стали лучше, и только 8% признало, что оценки стали хуже.

59,6% респондентам из числа ППС домашняя обстановка работа не препятствовала, 29,8% - немного отвлекала, и лишь 3,3% работа в домашних условиях «сильно мешала». У опрошенных студентов результаты были схожими. 48,3% домашняя обстановка не мешала, они полностью занимались учебой. 36,6% немного расслаблялись, отвлекались.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вишняков, В.А. Онлайн-сервисы и информационные технологии в дистанционном обучении / В.А. Вишняков, А.П. Ковалев // Информационные технологии в образовании. –2017. – № 4. – С. 66–70.
2. Аминул, Л.Б. Электронное дистанционное обучение с использованием сервисов WEB 2.0 / Л.Б. Аминул, Л.В. Чайка // Вестник АГТУ. Сер.: Управление, вычислительная техника и информатика. – 2016. – № 1. – С. 98–103.

УДК 316.774:[070+654.19+004.738.5]+316.622(476):[616:578.834]-036.2

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД COVID-19

Грак С.С.

*заведующий сектором, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Мятникова И.В.

*заведующий сектором, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Сахарова Е.В.

*заведующий сектором, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Средства массовой информации являются одним из главных механизмов влияния на массовое сознание и поведение населения страны. Они представляют собой инструмент формирования определенного отношения к различным событиям и социальным реалиям. Даже хорошо образованному человеку в настоящее время без радио, телевидения, газет, Интернета сложно адекватно воспринимать противоречивые общественные процессы и выстраивать свое поведение, деятельность, принимать решения. СМИ вносят весомый вклад в оперативное доведение информации о развитии COVID-19 до граждан, а также в осознании ими серьезности сложившейся ситуации.

Рассмотрим результаты телефонного опроса «Общественное мнение населения Беларуси о COVID-19», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, замеры которого были

осуществлены в мае и октябре 2020 года. Сравнительный анализ полученных данных позволяет выявить настроения населения РБ, определенные модели поведения граждан и их отношение к различным источникам информации в связи с ситуацией распространения коронавирусной инфекции.

По данным исследований, проведенных в мае и октябре, основными источниками информации, из которых граждане узнают новости о развитии ситуации с коронавирусом в стране и мире, являются телевидение и Интернет-сайты. Третью позицию занимают личные контакты. В меньшей степени для получения новостной информации о распространении COVID-19 население обращается к социальным сетям, печатным СМИ, радио, телеграмм-каналам и группам в мессенджерах (см.рисунок 1).

Рис. 1. «Из каких источников Вы узнаете новости о развитии ситуации с коронавирусом в стране и мире?»

По результатам октябрьского опроса население больше доверяет государственным СМИ (50,8 %), чем негосударственным (31,7 %). Примерно такое же распределение по доверию наблюдалось в майском опросе (47,3 % и 26,3 % соответственно). В данных проектах проводился замер уровня тревожности населения РБ в связи с распространением коронавирусной инфекции по пятибалльной шкале. Оценочные баллы объединены в три группы: низкий уровень (1 и 2 балла), средний уровень (3 балла), высокий уровень тревожности (4 и 5 баллов).

Замеры, которые проводились в мае и октябре показали, что уровень тревожности населения в связи с распространением коронавирусной инфекции существенно не изменяется (см.рисунок 2).

Уровень тревожности

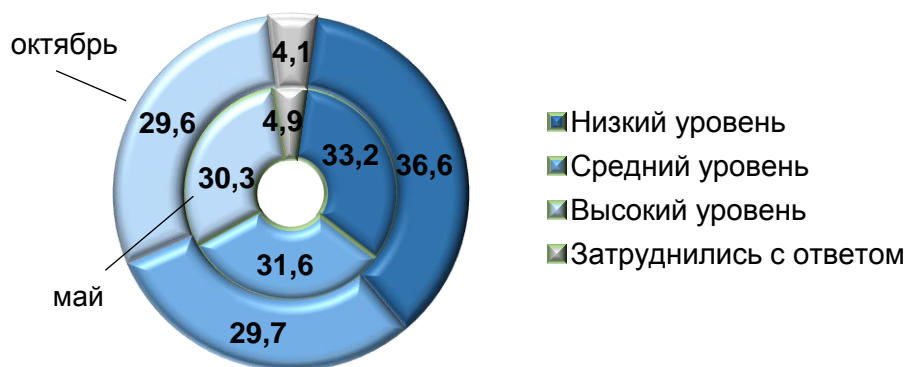

Рис. 2. Уровень тревожности

Проанализируем оценку тревожности при выборе того или иного источника СМИ, что и формирует поведенческие модели населения. Каналы получения информации разделены на три группы. Первая группа представлена только традиционными средствами массовой информации: телевидение, радио, печатная пресса. Во вторую группу вошли только Интернет-источники: интернет-сайты, социальные сети, телеграмм-каналы, группы в мессенджерах. Третья группа — смешанная, которая представлена традиционными СМИ, Интернет-источниками и личными контактами.

По результатам исследования, проведенного в мае, большинство респондентов (43,6 %), которые получают информацию о COVID-19 только из традиционных СМИ, оценивают свой уровень тревожности как низкий. В то время как получателей новостей о COVID-19 из Интернет-источников с таким уровнем тревожности несколько меньше — 32,7 %. Среди пользователей традиционных СМИ каждый пятый (22,0 %) оценивает тревожность на «3» балла, а в группе выбирающих Интернет-источники — 36,7 % респондентов. Высокий уровень тревожности наблюдается у 29,4 % опрошенных, выбирающих только Интернет-источники, и у 22,8 % — только традиционные источники СМИ (см.рисунок 3).

Уровень тревожности в зависимости от используемых СМИ, май 2020 г.

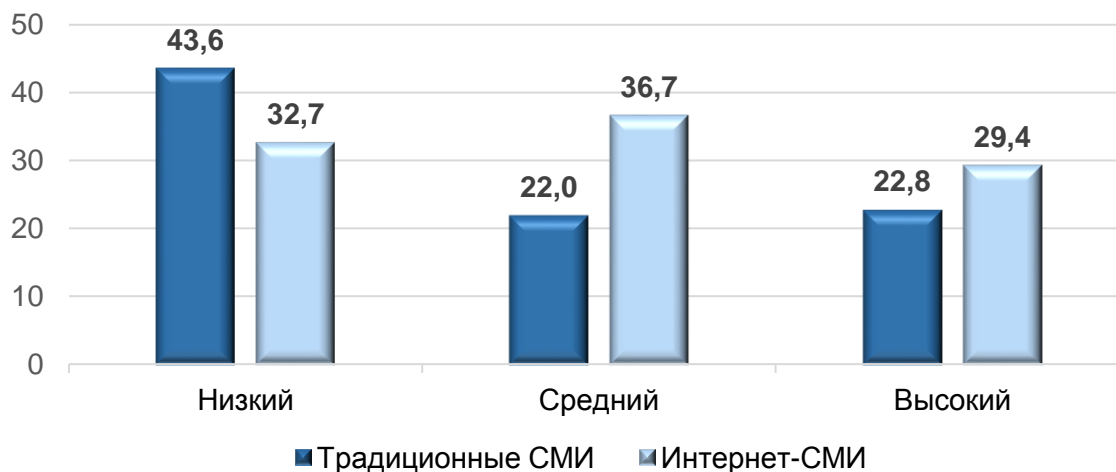

Рис. 3. Уровень тревожности в зависимости от используемых СМИ, май 2020 г.

Исследование, проведенное в октябре, также показало, что низкий уровень тревожности отмечают чаще респонденты, получающие информацию о развитии COVID-19 из традиционных СМИ (46,1 %), чем респонденты, обращающиеся за данной информацией к Интернет-источникам (31,7 %). При средней оценке тревожности наблюдается «зеркальное» различие в исследуемых группах: 34,7 % респондентов обращаются к Интернет-СМИ, а к традиционным намного меньше (19,2 %). Высокий уровень тревожности наблюдается у 32,9 % получателей новостей о COVID-19 из Интернет-источников и у 27,5 % — из традиционных источников СМИ (см.рисунок 4).

Уровень тревожности в зависимости от используемых СМИ, октябрь 2020 г.

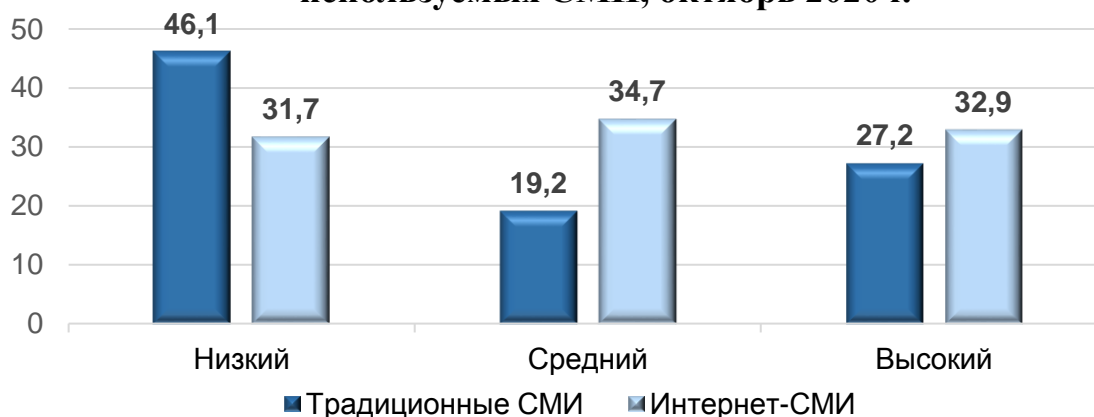

Рис. 4. Уровень тревожности в зависимости от используемых СМИ, октябрь 2020 г.

Из анализа данных видно, что получатели информации о развитии коронавирусной инфекции только из Интернет-источников, равномерно распределяются по трем категориям поведенческих моделей, которые отображают низкий, средний и высокий уровни тревожности. Визуально это можно

описать как «плавный» переход поведенческих моделей (от 31,7 % до 34,7 %). Вместе с тем пользователям новостей только из традиционных СМИ свойственна поведенческая модель со «скачкообразной» оценкой уровня тревожности (от 19,2 % до 46,1 %). Таким образом, предпочитаемый источник СМИ оказывает влияние на формирование поведенческих моделей населения страны.

УДК 301.42

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Зайцев А.С.
студент, БГЭУ
(г. Минск, Беларусь)

Всемирная ассоциация по изучению ценностей (ВАИЦ) (The World Values Survey Association (WVSA)) – некоммерческая организация, создавшая образовавшая сеть социологов, изучающих и измеряющих изменение ценностей, а также их влияние на социальную и политическую жизнь в конкретном государстве. Данная ассоциация была основана, чтобы помочь ученым-исследователям, а также лицам занимающимся политической деятельностью лучше понять изменения, происходящие по всему миру в убеждениях, ценностях и мотивациях людей. Для достижения этой цели члены ассоциации проводят репрезентативные национальные опросы [1, с. 34].

В основе интерпретации полученных данных лежит концепция политической культуры Р. Инглхарта. За все время существования данной организации было проведено 7 волн опроса, однако окончательные данные по седьмой волне на данный момент отсутствуют, поэтому в данных тезисах приведены данные 6 волны, полученные в рамках опросов, проведенных в Беларуси и Украине в 2011 году.

Исходя из совокупности всех полученных в ходе 6 волны исследований данных, результат которых отражается на диаграмме ценностей Инглхарта, можно в целом отметить что политические культуры Беларуси и Украины весьма схожи, поскольку преобладающими ценностями в обоих случаях являются, с одной стороны секулярные ценности, а с другой стороны наблюдается ориентация на ценности выживания. При этом ориентация на ценности выживания несколько больше характерна для украинского общества, в то время как белорусское общество является более секулярным. Также можно отметить, что по расположению на диаграмме ценностей Беларусь и Украина не являются наиболее близкими друг к другу странами. Так, ближайшим соседом Украины на диаграмме является Россия, где при таком же уровне секуляризации наблюдается большая ориентация на ценности самовыражения. Для Беларуси ближайшими соседями на диаграмме являются Болгария и Литва, причем для Болгарии характерен более высокий уровень ориентации на ценности выживания и традиции, по сравнению с Беларусью, в то время для литовского общества напротив, более характерны секулярные ценности и ориентация на самовыражение [2].

Переходя к конкретным показателям, характеризующим современное состояние политической культуры в Беларуси и Украине начать следует с показателя значимости политики в жизни граждан. Так, в случае обоих государств для большинства жителей политика не является чем-то важным в их жизни. Очень важной или скорее важной ее назвали только 31.1% в Беларуси и 28.5% в Украине, что нельзя назвать существенной разницей между двумя государствами [2].

В плане оценки роли религии в жизни общества можно сделать вывод о том, что украинское общество является в целом более религиозным чем белорусское, поскольку в Украине важной или очень важной религию назвало 60,7% опрошенных, в то время как в Беларуси только 48% респондентов.

Для украинского общества характерен более высокий уровень участия в политических партиях. Для Украины этот показатель составляет 4,7%, в то время как для Беларуси лишь 1,8%, что можно объяснить более развитой партийной системой в Украине.

Весомое различие наблюдается и в участии в профсоюзах, так в Беларуси этот показатель составляет 44,4%, что в несколько раз превышает украинский показатель, равный 14,5%, что в свою очередь можно объяснить высоким охватом работников со стороны государственных профсоюзов в Республике Беларусь.

В качестве нежелательного соседства белорусские респонденты несколько чаще украинских упоминали мигрантов, представителей ЛГБТ, лиц другой расы и также другой религии. Несколько

мягче наблюдалось лишь отношение к сожительствующим парам, не состоящим в браке, однако уровень неприятия этой группы в обеих странах невысок, и составляет менее 10% [2].

Однако несмотря на большую лояльность к соседям-иммигрантам украинские респонденты в большей степени чем белорусские склонны считать, что на рынке труда предпочтение должно отдаваться коренным жителям, а не приезжим.

Для украинского общества, по данным опроса, менее характерна точка зрения, согласно которой мужчины являются успешнее женщин в политике, а также в бизнесе, чем для белорусского, однако относительно политики данное мнение разделяют или полностью разделяют более 50% респондентов в обеих странах.

В вопросе о самоопределении согласно политическим взглядам по шкале от 1 до 10 где 1 приравнивается к левым политическим воззрениям, а 10 к правым, большинство респондентов в обеих странах охарактеризовали себя скорее как центристы, а именно 5 и 6 пункты, что составило более 60% как в Беларуси, так и в Украине. При этом, к крайним позициям в шкале себя причисляли активнее представители украинского общества [2].

Число приверженцев выравнивания доходов в Украине значительно выше чем в Беларуси. Так, число однозначно согласных с тем, что доходы должны быть более равными, в Украине составило 32,3%, в то время как в Беларуси лишь 10,9%. Странников роста доли частной собственности в экономике государства в Беларуси также выше. Эти цифры можно объяснить более высокой долей государства в белорусской экономике, по сравнению с экономикой Украины [3, с. 78].

Число респондентов, поддерживающих патернализм со стороны государства и однозначно ответивших на вопрос о том, что правительство должно взять больше ответственности на себя в области обеспечения благополучия своих граждан, в Беларуси почти в 2 раза меньше чем в Украине и составляет 23,2% против 44,9%.

Относительно доверия к различным общественным институтам украинские респонденты показали в целом более низкий уровень доверия, особенно это прослеживается в крайних ответах насчет полного доверия или недоверия. Исключение составили лишь СМИ, телевидение и религиозные организации, доверие к которым в Беларуси зафиксировано на более низком уровне.

По вопросам относительно политической системы большинство респондентов в обеих странах, а именно около 85% позитивно оценивают демократическую политическую систему, а также негативно оценивают военное правление 91,1% в Беларуси и 87,3% в Украине.

Украинские респонденты в целом позитивно смотрят на наличие сильного лидера во главе государства – 70,3%, что является значительно выше белорусского показателя с позитивной оценкой равной 46,8%.

Социальную защиту, как важную черту демократии, в Беларуси считает меньше число респондентов по сравнению с украинскими показателями, также белорусские респонденты меньше склонны относить к важным аспектам демократии свободные выборы, гражданские права как защиту от угнетения и гендерное равенство [2].

В качестве итога можно отметить, что несмотря на ряд совпадений по многим вопросам, а также частое отсутствие значимых процентных расхождений в ответах на поставленные в анкетах вопросы, современные политические культуры двух государств имеют некоторые отличия, которые предопределены политическими, экономическими, а также культурными различиями двух государств. Эта разница зафиксирована на диаграмме ценностей Инглхарта, и позволяет сделать вывод о том, что современное белорусское общество, по сравнению с украинским более склонно к ориентации на секулярные ценности, а также ценности самовыражения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Херпфер, Х. О международной научно-исследовательской программе «Всемирное изучение ценностей» и Всемирной ассоциации по изучению ценностей/ Х. Херпфер, пер. с англ. А. Маркович// Социология. – 2013. – №4. – С. 33 – 41.
2. World Values Survey [Electronic resource] / Online Data Analysis, World Values Survey Wave 6: 2010-2014. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>. – Date of access: 21.10.2020.
3. Управление государственным сектором экономики: моногр./ М. М. Ковалев [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 250 с.

ОСОБЕННОСТИ АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ СОЦИУМЕ*Кавецкий С.Т.**доцент кафедры политологии и социологии, БрГУ им. А.С. Пушкина**кандидат философских наук, доцент**(г. Брест, Беларусь)*

Аномия обществ переходного типа связана, с одной стороны, с проявлением аномичности в развитии современного мира и углублением неравенства при формировании нового мироустройства, а с другой стороны, с распадом СССР, который имел объективные и субъективные причины. Глобальные вызовы современности затрагивают большинство стран мира, в том числе и Беларусь.

Экономика суверенной Беларуси испытала на себе влияние внешних катаклизмов: разрыв хозяйственных связей после распада СССР; дефолт в Российской Федерации в августе 1997 г.; нефтегазовое, информационное, товарно-сырьевое противостояние; недоразумения с союзным Российским государством в 2006–2017 гг.; всемирный экономический кризис, начавшийся в 2008 г.; валютный катаклизм 2011 г.; экономический кризис 2014–2016 гг. Внутренняя экономическая политика при всех её достижениях на суверенном этапе развития Беларуси испытывала на себе влияние как советской экономической модели, так и «дикого капитализма», а экономические проблемы часто решались методом проб и ошибок.

В поле постоянного социологического мониторинга находились экономические проблемы жителей региона. Так, респондентам – жителям региона на протяжении ряда лет (1997, 2005, 2016, 2018) предлагалось ответить на вопрос «Какие экономические проблемы больше всего волнуют население?». Среди них: повышение цен (79,7 %, 82,1 %, 85,6 % и 72,3 % соответственно), несвоевременная выплата заработной платы (23,4 %, 11,4 %, 15,4 % и 5,7 %), полная или частичная безработица (22,3 %, 27,9 %, 32,7 % и 24,5 %), «зарплаты хватает только на еду, на одежду – нет» (38,6 %, 42,8 %, 29,8 % и 26,5 %), высокие налоги (–, 30,7 %, 23,1 % и 9,7 %), стоимость коммунальных услуг (–, 63,5 %, 55,8 % и 47 %).

Одним из путей перераспределения общественного богатства явилась чековая приватизация собственности в Республике Беларусь. Хотя ее окончание планировалось более 20-ти лет назад, однако Совет Министров продлил действие именных приватизационных чеков «Имущество» до 31.12.2020 года. Неоднократное продление данного процесса было связано с тем, что ни стратегически, ни тактически он не был достаточно продуман. Как получение чеков населением, так и их обмен на акции акционированных предприятий «дышат на ладан» в силу объективных и субъективных причин. Около половины обладателей чеков оказались отчуждены от собственности, а большинство жителей, обменявших чеки на акции, в силу мизерной доли участия в акционерном капитале лишь числятся акционерами, но не могут реально участвовать в управлении акционерным обществом. Дивиденды на принадлежащие им акции либо не получают вообще, либо получают, но весьма скромные суммы и чаще всего нерегулярно. Таким образом, произошло отчуждение населения от собственности.

Процесс создания политических партий в Республике Беларусь проходил сложно и противоречиво. К концу 1997 г. было зарегистрировано 43 политических партии».

В дальнейшем начинается процесс количественного уменьшения партий, происходящий по ряду причин. Во-первых, многие партии не имели социальной базы и, соответственно, организационных звеньев на местах и были признаны недействующими. Во-вторых, некоторые мелкие партии слились в крупные. В-третьих, некоторые партии были закрыты в результате административного давления.

Таким образом, к концу 1998 г. их осталось 28, а на 1 декабря 1999 г. были зарегистрированы 17 политических партий и порядка 1 200 общественных объединений.

В 2002 г. регистрационные документы имели 18 политических партий, среди которых были две коммунистические партии (ПКБ, КПБ), две партии БНФ, Объединённая гражданская партия, ЛДПР, пять партий социал-демократического толка, партия экологического направления и др.

Так был сформирован условный рейтинг популярности политических партий. Однако, именно условный. Во-первых, оппозиционные партии вообще не принимали участия в выборах; во-вторых, не во всех избирательных округах выдвигались представители партий, для этого имелись разные объективные и субъективные условия; в-третьих, при любых обстоятельствах для избирателя личностные факторы кандидата в депутаты преобладали над его партийной принадлежностью.

Выборы в Палату представителей Национального Собрания Республики Беларусь прошли в 2008, 2012 и 2016 гг. Все депутаты были избраны в I туре по традиционной мажоритарной схеме. В

парламенте представлены депутаты от партий, лояльных режиму, наверное, поэтому практически партийные группы в законодательных органах не работают.

Как отмечает И.В. Котляров, «в настоящее время белорусская многопартийность находится в глубочайшем кризисе» [1, с. 253]. Среди проблем большинства политических партий выделяется отсутствие теоретической работы. «Наблюдается эффект “замороженности” белорусских политических партий, не учитывающих современные политические реалии» [1, с. 253]. Присутствует параллелизм в деятельности партий, а именно: наличие двух и более партий, имеющих практически близкие программные цели и уставные дефиниции (БНФ и БНФ-ХП; КПБ и ПКБ; наличие партий социал-демократического толка и т.д.). Партии мало узнаваемы и часто ничем не отличаются друг от друга. Лишь две коммунистические партии имеют регулярно издаваемую периодику. Не у всех партий есть реально обновляемые сайты в Интернете. Большинство белорусских политических партий не имеет полноценной социальной базы, социальные слои и группы слабо структурированы и дифференцированы в многопартийной системе.

Таким образом, электоральные предпочтения белорусов – результат трансформации идеологической и партийной идентификации, характерной для сегодняшнего общества и внутренней отечественной специфики. Отчуждение граждан от политики, концентрация доверия вокруг личности президента, деполитизация и деидеологизация выборов оставляют большое пространство для манипулирования массовым сознанием и поведением. В данной ситуации государство становится все менее чувствительным к изменениям в мировоззрении и настроениях людей, поэтому обеспечение политического представительства партий является важнейшим фактором стабильности и устойчивого развития общества и государства.

Современная глобализация, начавшаяся во второй половине XX в. и продолжившаяся в XXI в., имеет свои экономические, исторические, политические и социокультурные особенности. Одной из причин глобализации является наличие феномена аномии в развитии современного сообщества, что проявляется в мегааномалиях, провоцирующих нестабильность социума.

Мегааномалии – это аномические процессы глобального мира в экономике, политике, культуре, которые несут угрозы человеческой цивилизации.

Анализ глобализационных процессов современного мира дает возможность выявить, классифицировать и систематизировать мегааномалии планетарного социума, а также состояния, им предшествующие и их сопровождающие. Важным является исследование мегааномалий глобального мира в пространстве социологии будущего.

Среди мегааномалий можно выделить следующие: 1) проблемы войны и мира; 2) экологические мегааномалии, связанные с процессами как загрязнения окружающей среды, так и «загрязнения мозгов»; 3) зависимость «бедного» Юга от «богатого» Севера; 4) международный терроризм, прошедший эволюцию от индивидуального террора до криминально-террористических государств; 5) обострившийся миграционный процесс; 6) дефицит продуктов питания, необходимых для нормального развития человечества; 7) углубление неравенства; 8) медицинские (проблемы здоровья).

Таким образом, анализ глобальной нестабильности как проявления аномичности в развитии планетарного социума даёт возможность сделать вывод, что на рубеже XX и XXI вв. сложился глобализационный ряд взаимосвязанных процессов.

Одним из факторов глобальной нестабильности являются сотрясающие наш мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до вселенских.

Территория Беларуси, ее население в XX в. испытали большинство катаклизмов. Особенно острыми были социальные аномалии: Первая мировая война (1914–1918 гг.), революции (1905–1907 гг., 1917 г.), Гражданская война (1918–1921 гг.), раздел страны в 1921 г. по Рижскому договору, сталинские репрессии (1930–50-е гг.), Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), распад Советского Союза в конце 80 – начале 90-х гг. XX в., глобальная катастрофа в Чернобыле в 1986 г., эпидемия коронавируса 2020 года.

По данным авторских конкретно-социологических исследований изменились и продолжают меняться экономические реалии жизни общества, социально-стратификационная структура, отношения собственности и власти, в турбулентном состоянии на протяжении десятилетий находится демографическая ситуация, перестраивается механизм социальной ориентации, более насыщенными стали политические процессы, идет интенсивная смена элит, кардинально меняется социокультурная сфера. Степень аномичности постсоветского и современного белорусского общества остается высокой. Для белорусского социума характерен трёхуровневый характер аномии: микроуровень – отчуждение от собственности; мезо уровень аномии, особенно в политической сфере и макроуровень – мегааномалия коронавируса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Котляров, И. В. Кризис белорусской многопартийности: концептуальный анализ / И. В. Котляров // Белорусская политология: многообразие в единстве – III : материалы Междунар. конф., Гродно, 22–23 мая 2008 г. : в 2 ч. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – Ч. 1. – С. 252–255.

УДК 316:44

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кармызова Д.Д.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) сегодня считается одним из важных показателей экономического и социального благополучия государства. Данные о развитии ИКТ по странам и регионам свидетельствуют о постоянном прогрессе в области подключения и использования ИКТ [1]. За последние десятилетия доступность цифровых технологий возросла. Однако, на фоне интенсивного развития данной сферы, исследователи констатируют, что «доступ отдельных граждан к ИКТ распределяется неравномерно как в социальном, так и в пространственном отношении» (Selwn, 2016; Hilbert, 2016). Проблемы неравенства в доступе как к технологиям, так и к информации стали вызывать обеспокоенность по поводу возникающих «цифровых различий» не только между отдельными регионами или странами, но и между людьми с разным социально-экономическим статусом, входящими в разные возрастные группы, с разным доходом, уровнем образования и половой принадлежностью.

Само по себе существование ограничений в доступе и использовании ИКТ среди отдельных лиц или социальных групп есть лишение их многих благ и преимуществ. Появляются новые тенденции: даже в «технологически развитых» регионах, таких как США, Западная Европа и Юго-Восточная Азия, у определенных социальных групп значительно меньше шансов получить свободный доступ к ИКТ. То есть, не все социальные группы имеют одинаковый доступ к информационными технологиями. Волченко О. В. пишет, что: «Различия в доступе к технологиям должны вызывать опасения, так как в информационном обществе распространение знания среди различных групп напрямую связано с новыми устанавливающимися формами неравенства. В настоящее время все большее количество сервисов становится доступно онлайн, - соответственно, люди, не использующие интернет, лишены не просто доступа к абстрактной информации, но и к реальным ресурсам» [2, с. 165].

Чтобы оценить, разницу в доступе к онлайн-ресурсам сотрудники Института социологии НАН Беларуси задали респондентам ряд вопросов, связанных с частотой использования интернета, основным устройством «выхода» и др. В 2019 году пользовались интернетом ежедневно: 99,3% молодых людей до 20 лет, 96,1% - молодежи от 20 до 24 лет и 96,3% молодых людей от в возрасте от 25 до 29 лет. Чаще всего использовали при этом смартфон – 91,3% молодых респондентов¹. В то же время, около 50 % респондентов в возрасте 50 лет и старше указали, что вообще не используют интернет (см. таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто Вы пользуетесь Интернетом», в %

	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Ежедневно	91,7	81,2	37,2
Не реже 1-2 раз в неделю	5,7	10,3	10,2
Не реже 1-го раза в месяц	1,1	0,8	2,7
Никогда	1,5	7,6	49,9

Источник: Ежегодный мониторинг Института социологии НАН Беларуси в 2019 г., проведенный по республиканской выборке, репрезентативный по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта (N = 2 126).

Люди старшего и пожилого возраста реже осваивают возможности новейших устройств и чаще говорят, что не используют их. В 2019 г. 47,3 % респондентов в возрасте 50 и более лет указали, что не

¹ По данным ежегодного мониторинга Института социологии НАН Беларуси, в 2019 г. N=2 126.

пользуются смартфоном, 54,4 % - не пользуются персональным компьютером или ноутбуком¹. Вопрос о цифровом неравенстве² не сводится только к дихотомии «пользования/не пользования» ИКТ. Доступность ИКТ рассматривается с позиций: 1) наличия у человека или группы физического доступа к ИКТ, 2) возможности получения необходимых знаний для использования ИКТ и 3) возможности получения необходимых навыков и опыта пользования. К примеру, наличие персонального компьютера на практическом уровне не гарантирует подключения к интернету или наличия нужного набора знаний (умений), для работы с ПК. Так же, как и доступ к интернету – это не гарантия эффективного, умелого и безопасного пользования.

Для корректного использования технологии нужны определенные навыки пользования и взаимодействия, в некоторых случаях требуется специальная подготовка (например, при работе со специализированными программами, разработанными для нужд инженеров, дизайнеров, программистов и пр.). По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь доля населения (от 15 до 72 лет), обладающего необходимыми навыками в области ИКТ существенно различается в зависимости от места проживания респондента. Навыками копирования или перемещения файлов обладают около 50 % городского населения и лишь 27,7 % сельского населения; навыками работы с документами владеют 48,9 % городского населения и около 25 % сельского населения. Отправка электронной почты не вызывает затруднений у 46,5 % городского и 22,1 % сельского населения [3]. Навыками более высокого порядка: подключение новых устройств, настройка программного обеспечения (и проч.), создание презентаций и проч. чаще владеют городские жители (см. рисунок 1). О навыке и умении работать с языками программирования чаще указывали жители города – 2,4 % (см. рисунок 1).

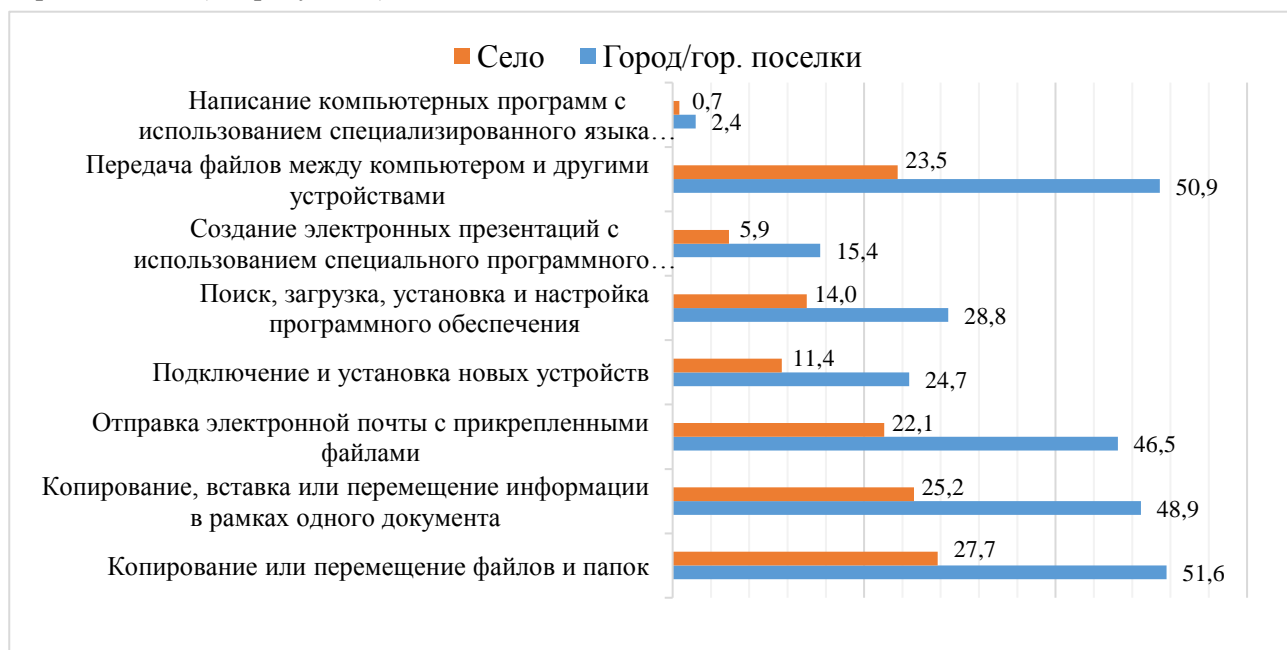

Рис. 1. Виды навыков, пользователи в возрасте от 15–72 г., город/село
 Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020

Молодые люди (15-24 года), в целом, имеют более высокий уровень владения навыками работы с ИКТ, но разница между городской и сельской молодежью сохранена. Молодежь, проживающая в городе или городской местности, чаще указывает, что владеет навыками работы с файлами и папками, с информацией, в рамках одного (нескольких) документов, отправкой электронных писем. Доля молодых респондентов, проживающих в городе и владеющих навыками подключения/установки новых устройств, настройки программного обеспечения, создания презентаций и проч. выше, чем у молодежи из сельской местности (см. рисунок 2) [3]. То есть мы можем говорить о том, что между городским и сельским населением, независимо от возраста, существует разница в уровне владения необходимыми навыками в области информационно-коммуникационных технологий, для обучения, трудоустройства, получения более высокой должности, использования в полной мере всех

¹ По данным ежегодного мониторинга Института социологии НАН Беларуси, в 2019 г. N=2 126.

² Цифровое неравенство (цифровой разрыв) - ограничение возможностей человека или социальной группы из-за отсутствия у неё доступа к современным технологиям, средствам коммуникации и проч.

возможностей, что предоставляют онлайн-сервисы и приложения, занятий предпринимательской деятельностью и проч.

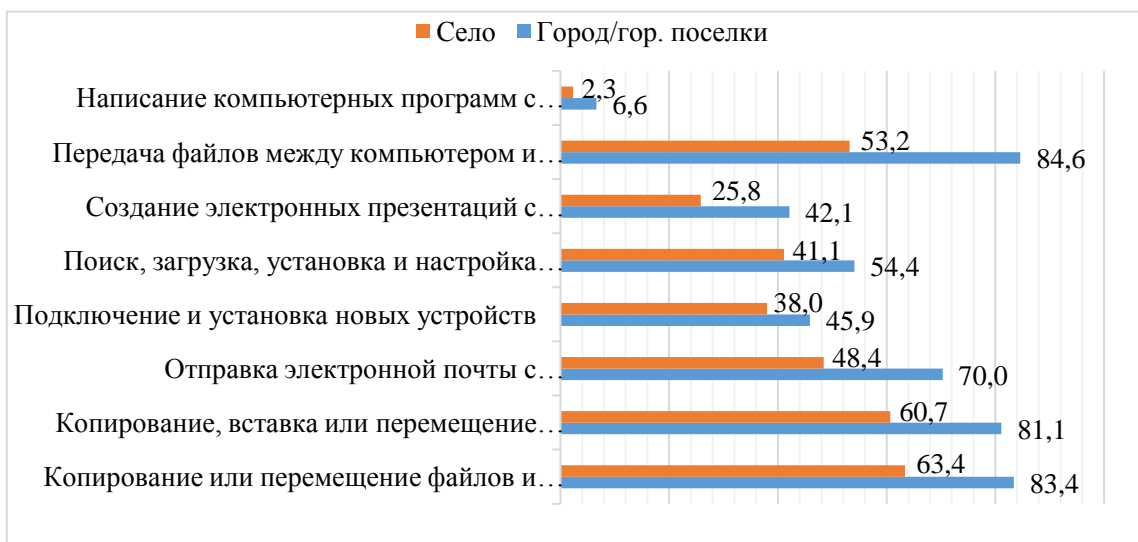

Рис. 2. Виды навыков, пользователи в возрасте 15-24 г., город/село
Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020

Говоря о цифровом неравенстве, представляется особенно релевантным рассмотрение вопроса не только о трудностях, с которыми сталкиваются пользователи, но и к кому они, в случае их возникновения, обращаются.

Пользователи старшей возрастной группы (50 лет и старше) статистически достоверно чаще обращаются за помощью, в случае затруднений при использовании современных устройств или сервисов, к своим «детям» – 57,6 % ($p=0,001$, V Крамера = 0,499) или внукам – 16,9 % ($p = 0,001$, V Крамера = 0,323). Некоторые пользователи пытаются решить возникающие проблемы самостоятельно – 18,8 % ($p = 0,001$, V Крамера = 0,331) (см. рисунок 3).

Пользователи в возрасте 30–49 лет трудности в использовании устройств и приложений чаще решают самостоятельно – 40,4 % ($p = 0,001$, V Крамера = 0,331), при помощи друзей или коллег – 31,8 % ($p = 0,001$, V Крамера = 0,247), и реже, обращаясь к своим детям – 22,7 % ($p = 0,001$, V Крамера = 0,499) (см. рисунок 3).

Молодежь (до 30 лет) предпочитает разрешать технические и программные трудности самостоятельно – 59,9 % ($p = 0,001$, V Крамера = 0,331) или обращаясь к друзьям-сверстникам 41,4 % ($p = 0,001$, V Крамера = 0,247) (см. рисунок 3).

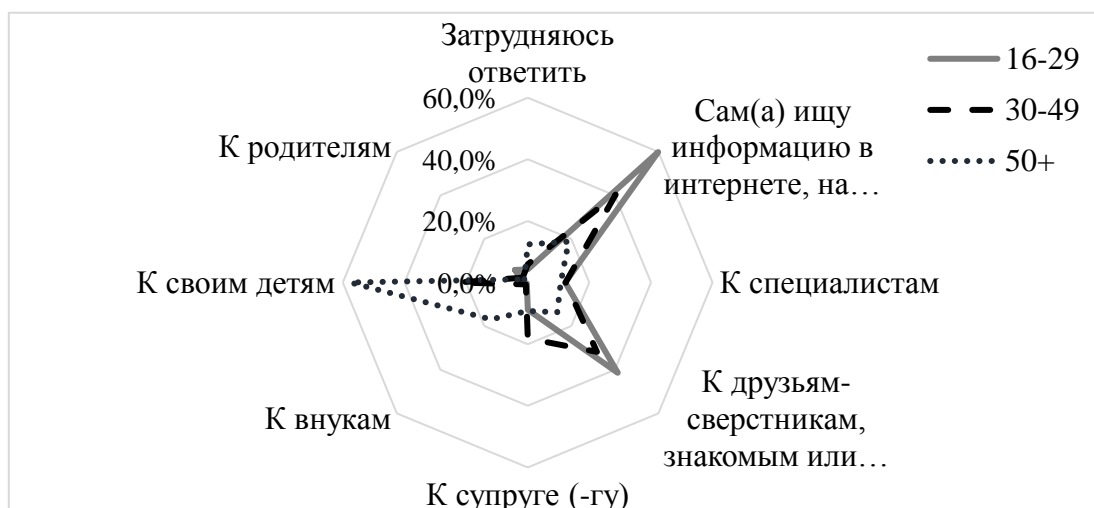

Рис. 3. – К кому обращаетесь, если возникают сложности в использовании новых цифровых устройств или интернет-ресурсов, % внутри возрастной группы.

Источник: Ежегодный мониторинг Института социологии НАН Беларуси в 2019 г., проведенный по республиканской выборке, репрезентативный по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта (N = 2 126).

Распространение и использование информационно-коммуникационных технологий обладает всевозможными достоинствами, но стоит признать, что феномен цифрового разрыва существует и усиливает уже имеющееся социальное неравенство. Люди старшего и пожилого возраста реже пользуются интернетом, реже осваивают и используют различные устройства (например, смартфон, ноутбук и пр.). Разница в пользовательских навыках заметна не только между социальными группами разного возраста, такими, как молодежь и пожилые люди, но и внутри самих групп (между городской и сельской молодежью или работающими/не работающими пенсионерами, к примеру). Люди или группы с разным уровнем материального достатка, проживающие в разных типах местности, отличающегося возрастом и уровнем образования, имеют разные шансы на преодоление растущих различий. Разрыв в доступе и возможностях использования ИКТ ведет к неполной реализации человеческого капитала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Measuring the Information Society Report. Voilume 1. 2018 [Electronic resource] // International Telecommunication Union – Mode of access: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol1-1-E.pdf>. – Date of access: 10.01.2018.
2. Волченко, О. В. Динамика цифрового неравенства в России / О. В. Волченко // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5. – С. 163–182.
3. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех [Электронный ресурс] // Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. – Режим доступа: <http://sdgplatform.belstat.gov.by/sites/belstatfront/target.html>. – Дата доступа: 21.10.2020.

УДК 316.346.32-053.9: 614.8.01

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Карпиевич В.А.

доцент кафедры гуманитарных наук, УГЗ МЧС Беларуси

кандидат исторических наук, доцент

(г. Минск, Беларусь)

Крижановская А.В.

магистрант факультета подготовки руководящих кадров, УГЗ МЧС Беларуси

(г. Минск, Беларусь)

В течение последних 50 лет стремительно развивается процесс демографического старения населения в мировом масштабе. Во всех странах увеличивается доля пожилых людей. Количество пожилых людей в общей структуре населения уже достигло около 25% и продолжает увеличиваться [1, с. 49]. Практически во всех семьях хотя бы один из членов семьи – пожилой человек. Поэтому проблемы людей старшего поколения можно считать всеобщими. И большинство этих проблем сами граждане пожилого возраста собственными силами решать не в состоянии. Это порождает большие требования к государству, возлагая на него дополнительные обязанности по оказанию особой помощи и защиты данной категории граждан. Поэтому в ближайшие несколько лет значимость работы по обучению, а если сказать в целом – формированию культуры безопасности жизнедеятельности людей старшего возраста будет возрастать.

Для минимизации негативных явлений, связанных с пожилыми людьми, программы демографической безопасности Беларуси включают в себя меры по совершенствованию социальной защиты и созданию достойных условий жизни для наиболее социально уязвимых категорий населения (престарелые, дети, инвалиды), а также обеспечению условий, способствующих продлению активной жизнедеятельности пожилых людей, в том числе в результате повышения качества обученности данной категории граждан в области безопасности жизнедеятельности.

Пожилые люди как особая социальная группа требуют внимания не только со стороны государства, но и со стороны исследователей и ученых – для выявления очевидных и неочевидных проблем в области безопасности жизнедеятельности в пожилом возрасте, и на основании чего, разработки системы совершенствования работы по предупреждению пожаров, связанных с людьми данной категории.

С целью улучшения положения пожилых людей, принятия дополнительных мер по их социальной защите, в том числе в области безопасности жизнедеятельности и обеспечения достойной старости в нашей республике реализуется комплексная программа «Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016-2020 годы» [2], создана национальная модель социальной защиты человека, и в первую очередь пожилого, главной целью которой является переход от заявительного принципа к выявительному. Необходимо «дойти» до каждого конкретного пожилого человека, особенно одиноко проживающего.

Пожилые люди как объект социальной работы – это объект не только многочисленный, но и весьма сложный. Процесс старения связан с изменениями, происходящими в организме, ведущими к ослаблению социальных функций человека. Для любого стареющего человека характерны изменения в центральной нервной системе, что приводит к депрессии, снижению памяти и утрате некоторых навыков.

Реализуя проводимую Правительством Республики Беларусь политику усиления защищенности людей пожилого и старческого возрастов от чрезвычайных ситуаций техногенного характера, Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь активизировало работу по обучению граждан пожилого возраста основам безопасности жизнедеятельности: помимо пожарно-профилактической работы в жилье граждан проводятся мероприятия пропагандистского характера в виде различных фестивалей, конкурсов, спектаклей и т.п., которые зачастую носят эпизодический характер и не имеют четкой системы и научной и социологической обоснованности, поэтому существует потребность в проведении социологического исследования по данной тематике.

В основу формирования культуры безопасности жизнедеятельности при работе с пожилыми людьми должны быть положены следующие общие принципы, сформулированные Ю.Л. Воробьевым:

- комплексности воздействия на человека, коллективы людей, общество;
- учета национальных, культурных, исторических особенностей данного общества;
- приоритетности индивидуального уровня развития культуры безопасности жизнедеятельности;
- приоритетности образования в процессе формирования культуры безопасности жизнедеятельности;
- целенаправленности воздействий средств массовых коммуникаций [3, с. 203].

Таким образом, в настоящее время является актуальной организация образовательного процесса в сфере безопасности жизнедеятельности с людьми пожилого возраста. Эта категория является одной из уязвимых в современном обществе, так как многие пожилые люди проживают отдельно от своих детей и внуков. Из-за особенностей возраста они не всегда могут не только самостоятельно предотвратить возникшую угрозу для жизни, но зачастую и вовремя на нее отреагировать. Поэтому работа с такими людьми является наиболее приоритетной для работников МЧС. Также для пожилых людей должна создаваться комфортная среда безопасности, которая позволит пожилым людям почувствовать себя защищенными. Так же проведение занятий по формированию культуры безопасности и правильного поведения помогают пожилым людям повысить свою безопасность. В связи с этим в последние годы работниками МЧС проводится интенсивная работа по обучению пожилых людей, через что повышается их культура безопасности жизнедеятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет, 2019. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/145/145cac172f7bf1a9801c64e20888661f.pdf>. – Дата обращения: 23.10.2020.
2. Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016-2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2016 г. № 73 [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600073>. – Дата обращения: 23.10.2020.
3. Воробьев, Ю.Л. Основы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения / Ю.Л. Воробьев, В.А. Пучков, Р.А. Дурнев; под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. МЧС России. – М.: Деловой экспресс, 2006. – 316 с.

СТРАТЕГИИ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**Кириенко В.В.***проректор по учебной и воспитательной работе, ГГТУ им. П.О. Сухого
доктор социологических наук, профессор**(г. Гомель, Беларусь)***Клейман В.В.***старший преподаватель кафедры экономики, ГГТУ им. П.О. Сухого
(г. Гомель, Беларусь)*

Реальная практика реформирования постсоветских и постсоциалистических государств наглядно продемонстрировала, что простой «выход» за пределы «устаревших» социокультурных норм для того, чтобы стать такими же, как «во всем мире», малоперспективен. Правда жизни реализуется посредством диалектического закона, гласящего, что «новое» может органично вырасти только из «старого». В свое время французский социолог Э. Дюркгейм, описывая механизмы общественного прогресса, трансформации традиционных обществ в индустриальные, отмечал их двойственность: социальная динамика подрывает механизмы коллективного контроля, размывает старые моральные нормы, характерные для старого времени с его традиционной консервативной культурой и таким образом «освобождает» социум и личность от «устаревших» правовых и нравственных нормативов. Это обстоятельство на какой-то период исторического времени действительно освобождает личность или социальную группу от «устаревших» регуляторов общественного взаимодействия, делает их якобы более автономными, более свободными. Но парадокс заключается в том, что для большинства индивидов воспользоваться появившейся мнимой свободой не представляется возможным, так как и другие взаимодействующие с ними субъекты точно также не успевают сформировать новые, согласованные с другими субъектами взаимодействия социокультурные нормативы, также освобождаются от «устаревших» моральных норм и ценностей. Это противоречие и является базой для формирования социального состояния *аномии* – кризисного состояния общества, в котором большинство членов к существующим социокультурным и правовым нормативам относятся либо равнодушно, либо откровенно их игнорируют. В результате, наступает такое несоответствие между предполагаемыми социальными целями (например, жить так же свободно, а самое главное – так же материально обеспечено, как во всем цивилизованном мире) и реализуемыми нецивилизованными методами их разрешения, когда отклоняющееся, девиантное поведение становится не исключением, а нормой. В таком случае, не отдельный человек, а общество в целом, вынуждено жить в двух мирах: в одном – «правильном», но нереальном, и во втором – «неправильном», но реальном.

Подобные трансформации в эпоху перманентных мировых финансовых кризисов, «неожиданных», но хорошо отрежиссированных «цветных» революций, теперь уже не только у белорусских границ, но и в самой Республике Беларусь, непредсказуемости не только долгосрочной, но и среднесрочной перспективы во взаимоотношениях даже с ближайшими соседями, с каждым годом повышает актуальность изучения стратегий протестного поведения у населения такого любого приграничного региона (в том числе и Гомельской области).

Социологической лабораторией ГГТУ им. П.О. Сухого в 2010, 2012, 2015, 2016, 2017, 2019 и 2020 гг. проводились исследования политической культуры, электоральных намерений и стратегий протестного поведения жителей Гомельской области. После проверки анкет на достоверность, полноту заполнения и содержательность ответов к обработке и анализу в каждом из указанных социологических исследований принимались ответы более 1000, но менее 1100 респондентов (1048 – в июне 2020 г.). Репрезентативность материалов социологических исследований подтверждается соответствием показателей распределения респондентов данным статистических сборников.

Следует отметить, что в течение всего периода наблюдений ни глобальные вызовы современности (пандемия, геополитические угрозы), ни попытки внешнего влияния на внутреннюю политику Беларуси никак не повлияли на принципиальный выбор респондентами стратегий и методов осуществления протестных действий.

■ Буду обязательно ■ В зависимости от степени нарушения прав

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы возможным для себя предпринимать следующие действия в случаях не выплаты заработной платы, захвата собственности, не возмещения ущерба, незаконного увольнения с работы», июнь 2020 г., в %

■ Буду обязательно ■ В зависимости от степени нарушения прав

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы возможным для себя предпринимать следующие действия в случаях отсутствия возможности голосовать, отстаивать свое политическое мнение, нарушения прав человека», июнь 2020 г. в %

Анализ мнения населения Гомельской области о допустимости протестных методов в случае нарушения их экономических, имущественных прав показал, что в 2020 г. также, как и в 2019 г. в ситуации невыплаты заработной платы, захвата собственности, незаконного увольнения с работы, необходимости возмещения ущерба и тому подобных ситуаций, респонденты в первую очередь предполагают предпринять следующие конструктивные и цивилизованные протестные меры: будут добиваться встречи с представителями власти, писать письма, обращаться в суд, нанимать адвоката, обращаться в СМИ, в социальные сети.

Необходимо обратить внимание на то, что каждый седьмой респондент отметил, что он будет безусловно отстаивать свои экономические интересы. Следует также отметить, что при определенных обстоятельствах к указанным респондентам могут присоединиться в 2 раза больше человек. Таким образом, полученные результаты позволяют сделать заключение, что в случае нарушения экономических прав населения Гомельской области протестные меры будут носить конструктивный, цивилизованный характер.

Несколько отличающаяся картина предполагаемого протестного поведения зафиксирована в случаях возможного нарушения политических прав – отсутствия возможности голосовать, отстаивать свое политическое мнение, нарушения прав человека. Так, в случае гипотетических протестов против нарушения политических прав безусловно отстаивать свои политические интересы будет уже меньшее количество человек. Однако при определенных обстоятельствах к ним намерены примкнуть от 6% до 41% опрошенных респондентов (по различным видам протеста).

При этом рейтинг протестных средств по защите своих политических прав остается таким же, как и в случае нарушения экономических прав.

Отметим, что для защиты нарушенных политических прав респонденты выбрали в основном цивилизационно-правовые методы. Экстремальную меру реагирования – участвовать в несанкционированных демонстрациях, митингах, пикетах – в качестве безусловной меры выбрали только 1% респондентов и 19% – в зависимости от обстоятельств – немного меньше, чем в 2019 г. Полученные данные свидетельствуют о том, что намерения большинства жителей Гомельской области в отношении выбора неконструктивных методов и стратегий протестных действий в 2020 г. такие же, как и в 2019 г. и не менялись на протяжении длительного периода (более 10 лет).

В целом, полученные в социологическом исследовании результаты позволяют сделать вывод о том, что система политических отношений в Беларуси являются развивающейся, динамичной и формирующейся. Модель белорусской государственности не рождается на голом месте, она, являясь «плотью от плоти» всего исторического процесса, не может не нести в себе собственные ценностно-ориентационные, смыслообразующие компоненты – традиции, обычаи и предрассудки. Следует также иметь в виду, что в силу того, что социокультурные, ментальные нормы общества всегда этнокультурны, то их, в отличие от механических систем (например, технологических процессов или технологического оборудования), нельзя механически переместить с территории одного государства на территорию другого. Белорусская общественная система, как и любого другого суверенного государства, во-первых, обязана освоить, «впитать» в себя лучшие, уже проверенные опытом в других странах универсальные, прежде всего правовые нормативы. И, во-вторых, с учетом положительных элементов позаимствованного опыта, обеспечить формирование своей собственной современной национальной культуры общественного взаимодействия.

УДК 32.019.5

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ПОЛИЦИИ И СУДАМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Киселев А.А.

*доцент кафедры политологии, БГЭУ
кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Вопрос о доверии граждан к объектам на «выходе» политической системе, т. е. органам государственной власти, по мнению классика американской политической теории Г. Алмонда, характеризует степень их отчужденности от политической системы в целом. В своей работе он использовал данные интервью и опросов респондентов для выяснения их ожиданий от деятельности

органов полиции и правительства в отношении граждан [1, с. 104–115]. Подход предложенный Г. Алмондом интересно применить для изучения эволюции установок граждан Республики Беларусь и ее славянских государств-соседей применительно к органам правопорядка и суда в период от распада СССР и демонтажа социалистической системы вплоть до последних лет. В целях изучения установок граждан использовались данные четырех волн опросов в рамках международного социологического проекта World Values Survey, которые проводились с 1989–1990 гг. до 2017–2018 гг. [2]. Нами были отобраны вопросы о доверии граждан к органам полиции и судам. Предполагается, что наделение этих государственных учреждений низкой степенью доверия косвенно свидетельствует о негармоничном характере соотношения политической культуры населения и системы политических институтов.

Вопрос о доверии к полиции продемонстрировал интересные тенденции в восприятии гражданами политической системы своей страны. В частности, оказалось, что на Украине отношение к милиции практически все время демонстрировало тенденцию к сохранению невысокого уровня доверия. Например, по данным опроса 1996 г. только 36 % граждан наделяли доверием милицию, а накануне политического кризиса 2013–2014 гг. этот показатель в 2011 г. снизился до 31 %. Напротив, недоверие к украинским правоохранителям колебалось от 59 % до 68 %, т.е. оказалось, что в период криминального передела собственности в 90-х гг. украинская милиция имела более надежную репутацию в глазах общества, чем накануне известных политических событий в Киеве. В свою очередь в России и Беларуси наблюдалась иная тенденция. Накануне распада СССР в 1990 г. милиция в пределах РСФСР имела почти такой же уровень доверия, что и ее украинские коллеги в 1996 г. – 34 %. При этом приблизительно такое же отношение (32 %) сохранилось и во время шестой волны опроса в 2011 г. Только при последнем опросе в ноябре–декабре 2017 г. в России проявился существенный рост доверительных отношений – 52 %. Соответственно вплоть до последнего времени российские граждане выражали своим правоохранителям достаточно высокий уровень недоверия в районе 63–64 %.

Белорусский пример демонстрирует иную эволюцию установок граждан. В 1990 г. уровень доверия к милиционерам в союзной республике был самым низким среди всех рассматриваемых славянских стран и составлял всего 21 %. Напротив, начиная со второй половины 90-х гг. XX в. белорусская милиция всегда имела более высокий уровень доверия, чем ее украинские и российские коллеги. Причем этот показатель имел тенденцию к постоянному росту: с 37 % до 59 %. Наиболее сходный с белорусским случаем пример отношения граждан к полицейским продемонстрировали граждане Польши. Самый минимальный показатель доверия к правоохранителям равнялся 30 % в период острого политического кризиса 1989 г. и трансформации политической системы в стране. Однако со второй половины 90-х гг. XX в. доверие к польским стражам порядка не падало ниже 50 %. В целом в 2017 г. польская полиция, как и белорусская милиция в 2018 г., по результатам опросов продемонстрировали самый высокий показатель доверия в 59 % среди выбранных нами славянских стран региона. Вместе с тем в отличие от восточнославянских милиционеров в Польше уровень абсолютного недоверия к полиции за весь период в среднем равнялся 11,6 %. Для сравнения отметим, что в Беларуси этот показатель составил 17 %, в России – 24,5 %, а на Украине – 28,5 %.

Не менее показательными оказались результаты ответов, отражающих степень доверия граждан к судам. Белорусский опыт демонстрировал тенденцию увеличения доверия: с 26 % в 1990 г. до 55–57 % по итогам опросов в рамках шестой и седьмой волн. Напротив, на Украине общество наделяло первоначально большим доверием судебную систему, чем стражей порядка. В частности, в 1996 г. в большей или меньшей мере доверительное отношение к судам выражали 41 % всех граждан. В свою очередь в 2011 г. лишь четверть всех украинских граждан были готовы довериться чиновникам судебной власти. Любопытно, что сотрудникам суда респонденты доверяли еще меньше, чем служащим украинским МВД. Отношение граждан России к своей судебной системе иллюстрирует иную тенденцию. Если белорусский случай показывает стабильный рост доверия к судам, украинский – падение доверительности, то в России этот показатель за весь период, за исключением последнего времени, колебался в среднем около 36 %. Только результаты в ноябре–декабре 2017 г. продемонстрировали рост доверия к судам до 47 %, т.е. в этом случае просматривается такая же реакция, как и в отношении к российской полиции. Интересную эволюцию проделала установка граждан Польши. В 1989 г. 47 % всех польских граждан доверяли судам Польской Народной Республики. Почти такое же отношение (48 %) фиксировалось в 1997 г. уже во время политической системы III Речи Посполитой. Однако в последующем наблюдается постепенное снижение доверия к судебной системе: с 37 % (2006 г.) до 35 % (2018 г.).

Таким образом, реакция на «выход» политической системы, продемонстрированная в Беларуси, Украине, России и Польше позволяет сделать некоторые заключения о характере развития политической системы этих стран с момента распада СССР и демонтажа социализма в Польше. В

частности, пример Украины свидетельствует о том, что весь период с обретения суверенитета в украинском обществе нарастало отчуждение граждан от политической системы. Это, как представляется, является маркером кризиса в государственном строительстве Украины. Относительно высокое недоверие российских граждан к политической системе страны, выражающееся в отношении к полиции и судам, существовало практически на всем протяжении ее формирования. Можно предположить, что политическая культура российского общества находится в некотором конфликте с системой действующих политических институтов. Резкий скачок в уровне доверия как к полиции, так и к судам, продемонстрированный во время опроса 2017 г., возможно гипотетически интерпретировать как следствие консолидации российских граждан вокруг государства после политических событий 2014 г. В свою очередь результаты опросов общественного мнения в Беларуси демонстрируют достаточно высокий уровень гармонизации между политической системой и политической культурой белорусских граждан в период второй половины 90-х гг. XX в. – начала XXI в. Наконец, польский случай показывает, что переход от политической системы ПНР к современной конфигурации политических институтов Польши происходил в менее кризисных условиях, чем в 1991 г. в Советском Союзе. Несмотря на политическое противостояние между ПОРП и оппозицией, объединенной под руководством «Солидарности», в польском обществе в 1989 г. сохранялся определенный уровень доверия к милиции и судам. В этой связи можно предположить, что степень неприятия поляками политического режима ПОРП преувеличивается. В последующем наблюдался рост доверия к этим государственным институтам. Исключением стало снижение доверительного отношения к судам, однако статистическая обработка представленных данных (коэффициент Спирмена) показывает, что наблюдающиеся изменения имеют случайный, т.е. задаваемый политической конъюнктурой, характер и не позволяют говорить о закономерной тенденции падения. По крайней мере, наряду с высказанным сравнительно невысоким доверием к судам, польская полиция пользуется достаточно неплохой поддержкой граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
2. World Values Survey [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>. – Date of access: 20.10.2020.

УДК 304+316.6

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Костюкевич С.В.

*ведущий научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
(г. Минск, Беларусь)*

Термин «цифровизация» появился в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий. 60-80-ые гг. прошлого века – компьютер, персональный компьютер, 90-ые гг. – интернет (с появлением интернета появляется виртуальный мир). Поскольку цифровые технологии быстрее развивают западные страны, то перед бывшими советскими странами возник вызов, который оформился в стратегические проекты «цифровая (электронная) школа» и «цифровая образовательная среда» [1]. Когда-то индустриализация была стратегическим проектом властей. Сегодня – цифровизация.

Как когда-то индустриализация, цифровизация стала этапом развития технологического прогресса и потребовала, чтобы система образования обслуживала ее запросы. В итоге, возникла идея цифровизации образования как национального приоритета. Для ускоренной индустриализации большевики сделали школу массовой, обеспечив поголовную грамотность, и создали довольно большой сектор университетского и профессионального образования. Вспомним, что на территории современной Беларуси до 1917 г. было только 4 вуза: Горецкий сельскохозяйственный институт и 3 педагогических института. За годы советской власти в Беларуси было создано 29 вузов, включая университеты. При этом, учитывая запросы индустриализации, естественнонаучное и профессионально-техническое образование были объявлены приоритетами.

Современные правители для ускоренной цифровизации (желая догнать и перегнать Америку) объявили в качестве приоритета создание цифрового образовательного пространства. Электронные учебники, электронный дневник, цифровое портфолио ученика, электронная школа (компьютеры в классе с доступом в интернет), современная цифровая образовательная среда (дистанционные онлайн-курсы) – все это, как считается, должно организовать учебный процесс по-новому и помочь быстрее освоить цифровой мир современным школьникам.

Эйфория по поводу того, что компьютер (его учебные программы) и интернет (онлайновые ресурсы) будут нас обучать очень успешно и даже во многом оттеснят преподавателя, скорее мешает понять суть происходящего, а именно: то, что компьютер и интернет стали новой вехой в работе ученого, архитектора, художника, врача и т.д. Многие специалисты сегодня используют компьютер вкупе с интернетом в профессиональной деятельности, благодаря чему их профессиональная работа переходит на новое качество (так, например, сегодня говорят о роботизированной хирургии). Вот откуда идея экономики цифровых компетенций (современный специалист должен уметь работать не только с традиционными профессиональными инструментами, но и с цифровыми).

Цифровизация образования, проводимая, как и когда-то индустриализация, ускоренными темпами и сосредоточенная, главным образом, в школьном образовании, вызывает некоторую реакцию отторжения у части родителей и педагогического сообщества. И дело не только в негативном восприятии спешки, но и в неприятии эгалитарного подхода к жизни, который выражается в развитии цифровой школы как безальтернативной модели. Все школы должны быть цифровыми? Все нужно тотально оцифровать от учебника и дневника до лекции учителя? Не будет ли это небезопасным для здоровья ребенка постоянный контакт только с цифровыми носителями информации? Мобильные телефоны, планшетные компьютеры, беспроводные сети должны присутствовать в школьной жизни безальтернативно, непрерывно и продолжительно? Но это может сформировать у ребенка цифровую зависимость. Боязнь этого даже формирует некоторую цифровую фобию [2].

Не отрицая важности цифровизации образования, стремление оцифровать всю школьную жизнь тотально явно противоречит здравому смыслу. Первоочередным объектом для цифровизации образования должна быть не школа, а вузы - подготовка профессионалов для цифровой экономики и, в частности, для индустрии 4.0, и подготовка элитных профессионалов для развития научно-технического прогресса. При этом следует учитывать, что в советской системе образования слабым звеном были экономическое образование и коммерциализация инженерных разработок – подобное следовало от установок советской власти, рассматривающей геополитическое лидерство только в военном аспекте, без учета экономического богатства как фактора лидерства. Ошибка исправлена и сегодня созданы высшие экономические школы по западному образцу и Сколтех (по образцу Массачусетского технологического института) для коммерциализации инновационных продуктов и технологий. Однако в целом, профессиональное образование в постсоветских странах еще слабо связано с цифровизацией образования. Цифровизация образования рассматривается скорее как самоцель, чем как средство для совершенствования профессиональной подготовки.

В итоге, цифровизация образования явно принимает непропорциональный оборот: школу замучают электронными дневниками с прочей оцифрованной отчетностью, но, при этом, в сфере профессионального образования делают мало для того, чтобы специалисты получали современную практическую подготовку, включающую компьютерные технологии (т.е. получали цифровые компетенции), и современную элитную подготовку (например, для создания инновационных цифровых бизнесов, для разработки искусственного интеллекта для роботов и т.д.). Есть также потребность в создании отдельного IT-university – как об этом говорят в белорусском ПВТ [3].

Технический прогресс (паровой двигатель, электричество, компьютер) способствовал созданию массового машинного производства, затем конвейерного производства, затем автоматизированного производства и сегодня способствует созданию роботизированного производства. Постсоветские политики не хотят, чтобы их страны отстали в промышленном и научно-техническом развитии – они приветствуют тотальную цифровизацию школьного образования. За этим им видится робот с искусственным интеллектом и желательно в военной форме – навязчивая мечта современных политиков.

Однако грядущая промышленная революция, так называемая Индустрия 4.0, связанная с роботизацией и искусственным интеллектом, требует, прежде всего, цифровизации не столько школьного, сколько профессионального образования. И, прежде всего, нужна подготовка элитной категории работников, а именно: разработчиков технологических роботов с искусственным интеллектом. Именно элита обеспечивает лидерство. В СССР понимали ценность научно-технической элиты и были созданы элитные технические вузы, задействованные в советских ядерных и космических программах. Сегодня элитные вузы нужны для создания роботизированного будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Навстречу переменам: семь задач цифровизации российского образования. Подробнее на РБК. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d9ccba49a7947d5591e93ee/>. - Дата доступа: 02.09.2019.
2. Четверикова, О. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар / О.Н. Четверикова. – М.: Книжный мир, 2020. – 360 с.
3. Прокопеня: единственная проблема роста IT-сектора – образование [Электронный ресурс] - URL: <https://news.mail.ru/economics/39170855/>. – Дата доступа: 21.10.2019.

УДК 316.77:008

ЭСТЭТЫЧНАЕ ПЕРААСЭНСАВАННЕ САВЕЦКАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ СРОДКАМІ КРЭАТЫЎНЫХ ІНДУСТРЫЙ

*Крывалан А.Д.
выкладчык, БДУКМ
кандыдат культуралогіі
(г. Мінск, Беларусь)*

Эстэтыка адносіцца да атрыбутыўных уласцівасцей пэўнага ладу жыцця. Працэсы, якія адбываюцца ў беларускім грамадстве, могуць разглядацца з розных тэарэтычных і метадалагічных пунктаў гледжання. Адным з такіх не простых пытанняў – з'яўляцца стаўленне да савецкага мінулага і культурнай спадчыны. Краіны, якія мяжуюць з Беларуссю, прайшлі ці праходзяць гэты працэс і ў якіх ён мае шмат розных імён: украінскі ленапад, ці декамунізацыя ў Літве.

Мэта дадзенага тэксту паказаць магчымасці пераасэнсавання савецкага мінулага як эстэтычнай практыкі сродкамі крэатыўных індустрыяў.

На фоне істотных каштоўнасных прэтэнзій да савецкага мінулага, эстэтычныя пытанні да савецкасці выглядаюць досыць нечакана. Але задача ў тым, каб паказаць, што беларускі варыянт пераасэнсавання савецкага мінулага не абавязкова будзе падобны на прыклады суседніх краін. Больш за тое, працэс дэсаветызацыі, які адбываецца ў Беларусі, грунтуецца на эстэтычных пытаннях.

Цэнтральным тэкстам тут можа быць праца Барыса Гройса «Gesamtkunstwerk Сталін». Gesamtkunstwerk – у перакладзе з нямецкай мовы – гэта завершаны цэльны твор мастацтва, які закранае ўсе аспекты і сферы культурнай дзейнасці. Савецкасць як элемент культуры немагчыма рэдуцыраваць да сацыялістычнага рэалізму ці нейкіх іншых пэўных мастацкіх практык. Гэты новы вялікі стыль імкнуўся да татальнага і ўсеабдымнага характару ва ўсіх праявах сацыяльна-культурнага жыцця.

Канцэпцыя Б. Гройса прапаноўвае нечаканую трактоўку сацыялістычнага рэалізму, як практыкі і апісанне механізмаў яго функцыянавання. Сацыялістычны рэалізм разглядаецца як цэльны палітыка-эстэтычны праект. «Сталінская эстэтыка і практыка зыходзілі з той жа канцэпцыі выхавання, фарміравання мас, для якой Сталін выкарыстаў «перакручаную» авангардысцкіх метафару: «Пісьменнікі – інжынеры чалавечых душ» [1, с.60].

Мяжой паміж эстэтыкай авангарду і эстэтыкай сацрэалізму можа быць стаўленне да класічнай культурнай спадчыны, магчымасці рэпрэзентацыі рэчаіснасці і задачы стварэння новага чалавека (ці больш шырока новага грамадства). У пошуках адказаў на гэтыя пытанні Б.Гройс прыходзіць да высновы, што сацрэалізм паўстаў не ў выніку адмовы ад авангарду, а як яго максімальна магчымая радыкалізацыя і гіпертрафіраваная форма: «Сацыялістычны рэалізм арыентуецца на тое, чаго яшчэ няма, але што павінна быць створана, і ў гэтым ён спадкаемца авангарду, для якога эстэтычнае і палітычнае таксама супадаюць» [1, с.78].

Гэта стварае магчымасці паглядзець інакш на спецыфічную свабоду савецкага мастацтва. Гэта не свабода рынку, а магчымасць крэатыву не звяртаючы ўвагу на нормы і правілы. Гэта новая свабода тварыць для новага савецкага чалавека. Адмаўленне і ігнараванне савецкага эстэтычнага канону не вырашае праблему пераасэнсавання савецкай спадчыны. У выніку Б. Гройс прыходзіць да радыкальнай высновы, што дзеля таго, каб пераадолець спадчыну савецкай эстэтыкі, яе трэба засвоіць і толькі пасля гэтага з'явіцца магчымасць рухацца далей: «Ад Сталіна аказалася немагчыма вызваліцца, не паўтарыўшы яго, па меншай меры, эстэтычна...» [1, с.159].

Каб пазбавіцца ад чагосьці, неабходна зразумець і засвоіць гэта. У сваім тэксце «Палутарны стыль» Б. Гройс апісвае цяжкасці постсавецкіх трансфармацый у сферы культуры: «Стратэгія рэпрэзентацыі уласнай этнічнай ідэнтычнасці ў кантэксце заходніх інстытуцыяў «высокай» культуры ўжо дастаткова добра вядома (у рамках дыскурсу пра культурную ідэнтычнасць) - і можна было б

меркаваць, што савецкая культурная ідэнтычнасць магла быць рэпрэзэнтаванай аналагічным чынам. Аднак асаблівасць савецкай культуры палягае менавіта ў тым, што яна не валодае нейкай спецыфічнай нацыянальнай формай, якая была б дастаткова вядомай і экзатычнай, каб быць архіваванай і музеалізаванай заходнімі культурнымі інстытуцыямі ў якасці яшчэ аднаго «іншага» ў дачыненні да нормы еўрапейскага мадэрнізму. Наадварот, сацыялістычны рэалізм вызначаецца у якасці "нацыянальнага па форме і сацыялістычнага па змесце". Такім чынам, цэнтральнай для «савецкасці» з'яўляецца не нацыянальная форма, якая можа быць любой, а адзіная, сацыялістычная, ідэалагічная праца з гэтай формай» [2, с.6]

Габітус уплывае на штодзённыя практыкі і ў тым ліку закранае сферы эстэтычнага разумення свету, паказвае прыклады прыгожага і жахлівага. Асабліва гэта заўважна, калі інтэрпрэтацыя сучаснай беларускай штодзённай культуры сустракаецца з праявамі савецкіх культурных канонаў. Калі за савецкім часам крышталёвыя вазы і дываны на сценах былі доказам добрага густу і сведчылі пра дабрабыт гаспадароў, то на сённяшні дзень гэта ўспрымаецца хутчэй як праява мяшчанства. Канфлікт з савецкім эстэтычным канонам праяўляецца ў разуменні прыгажосці ці таго, што мае права называцца прыгожым.

Менавіта ў гэтым і праяўляюцца супярэчнасці савецкага эстэтычнага канону і сучасных тэндэнцый крэатыўных індустрыяў. Тым не менш, запыт на прыгажосць застаўся і ён значна больш заўважны, чым прага адукацыі і разуменне гісторыі мастацтва.

Вынікам рэалізацыі радыкальнага савецкага эстэтычнага праекту паўстала новая сацыяльная супольнасць – савецкі народ. «Калі ў выніку такой працы атрымалася стварыць штучную падсвядомасць, штучны кантэкст, новыя і яшчэ нябачаныя машыны жадання, напрыклад «савецкі народ», то раптам высветляецца, што гэтыя машыны здольныя пражыць такія жыцця і спарадзіць такія тэксты, якія нічым не адрозніваюцца ад натуральных. Адрозненне паміж натуральным і штучным становіцца, такім чынам, нерэlevantным. Гэтыя здзіўныя істоты са штучнай падсвядомасцю, але з натуральнай свядомасцю, аказваюцца да таго ж яшчэ і здольнымі атрымаць эстэтычную асалоду ад сузірання сваёй ўласнай падсвядомасці як чужога твору мастацтва, ператвараючы авангарднае, унікальнае і жудаснае дзеянне – твор сталінскага мастацтва – у прадмет фрывольнай забавы ў самых што ні на ёсць пахабных мяшчанскіх традыцыях» [1, с.161].

Менавіта сфера крэатыўных індустрыяў спрабуе сёння далучыцца да пераасэнсавання савецкага пад выглядам рэдызайну і ў сферы візуальнай рэпрэзентацыі. Так сетка распаўсюды друкаванай прадукцыі БелСаюзДрук у выніку «рэдызайна» ператварылася ў БелДрук. Але гэта не толькі змена лагатып і скарачэнне назвы, але і спроба пераасэнсаваць ролю і функцыі ў грамадстве савецкіх газетных шапікаў. І такіх прыкладаў нябачнай ці незаўважанай працы з савецкім можна прывесці больш.

Тут варта адзначыць, што сітуацыя, калі прадстаўнікі крэатыўных індустрыяў крытычна ставяцца да савецкага эстэтычнага канону. Ступень крытычнасці можа быць настолькі высокай, што можна казаць пра эстэтычнае паўстанне. Якое можна зразумець як імкненне індывідаў адмовіцца ад распаўсюджаных сацыяльна-культурных практык, ці замяніць іх на прыныпова новыя. Гэтыя эстэтычныя дзеянні з'яўляюцца сацыяльнымі, нават у тым выпадку калі яны ажыццяўляюцца без неабходнага ўзроўню рэфлексіі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Гройс Б. Полуторный стиль: социалистический реализм между модернизмом и постмодернизмом // Новое литературное обозрение. 1995. (№15). С. 44–53.
2. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин / Б. Гройс, Москва: Ad Marginem, – 2013. – 168 с.

УДК 316.42

ГЕРМЕНЕВТИКА БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ: ОТ КОНЧЕВСКОГО К АБУШЕНКО

Кудревич М.А.

*стажёр младшего научного сотрудника, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Современная ситуация, сложившаяся вокруг белорусского общества в свете мировой пандемии COVID-19 и политической нестабильности, вызванной эскалацией протестного движения в период

электорального процесса и после выборов президента Республики Беларусь, вынуждает задуматься о самой сути белорусской социальности. Проблема поставленная таким образом должна быть центрирована не сколько в контексте тех изменений и перетурбаций, которые можно было наблюдать в 2020 году, сколько в фундаментальной специфике белорусской социальности. Подобный подход может обеспечить ту оптику социального исследования, которая могла бы быть универсализирована как *pota bene*¹ для белорусского общества, или по крайней мере служить контекстом, примечаний для других методов описания данного объекта. В любом случае, данные тезисы являются специфической «прадмовай» к возможной методологии исследования белорусской социальности.

Контекстуальность белорусской социальности не раз была прописана в разнообразных текстах по темам культурологии, идентичности, религиозности и др. Ключевой спецификой, *idea fix* всех этих опусов является различие белорусскости с «русским миром», с одной стороны, а с другой – с Западной Европой, некоторая лабильности между нормами и ценностями условных культур Запада и Востока. Внимание данных тезисов будет сконцентрировано вокруг двух по-своему уникальных текстов взаимодополняющих описание белорусской социальности: «Адвечным шляхам» (1921 г.) Кончевского (Абдироловича) Игната Владимировича и «Креольство как ино-модерность Восточной Европы (возможные стратегии исследования)» (2004 г.) Абушенко Владимира Леонидовича. Хоть между данными текстами и пролегает почти что вековая пропасть, но их проблема остаётся общей и по-прежнему актуальной для исследования.

Пограничье как центральный лейтмотив рассуждения Кончевского и Абушенко, хоть и является крайне популярной метафорой, описывающей ситуацию белорусскости, имеет вневременную актуальность с точки зрения рождения всё новых идей и смыслов, его поясняющих. Пограничье очень хорошо эксплицирует в социальном дискурсе ситуацию, при которой не просто исследовательская оптика переходит на уровень между повседневностью и социальной структурой, но и сама социальная реальность развивается преимущественно из этого поля. Фигура «вольной кооперации» для Кончевского становится совершенно особой фигурой, призванной объяснить ситуацию жизни в-месте в её доинституционализованном («доформальном» в терминологии Кончевского) и в тоже время уже в надиндивидуальном плане. Таким образом, ключевой для понимания белорусской социальности у Кончевского является повседневность с её уникальной относительно инородной законности легитимностью и функционалом, которые по преимуществу горизонтальны (если усложнить эту идею современной теорией, то можно было бы говорить о их ризоматичности). Фигуре «вольной кооперации» также соответствует свой этос. Этос «Адвечнага шляха» – это этос с выраженной и превалирующей над общим ценностью частного, уважением к частному. Однако, это частное совершенно особого рода, оно релевантно общему «вольной кооперации». «Вольная кооперация» отвечает необходимости общего места для частного [1].

Местность белорусской социальности как привязанность к локальной ситуации, со-бытийности очевидна и для Абушенко, он использует понятие креольства² для выражения этого смысла. Локальность для белорусскости по сути является главной детерминантой не только самоидентификации, но и аксиологического пространства. Но важен и иной смысл – макроанализ, данный Абушенко. Белорусское креольство можно и необходимо рассматривать как контекст, который по сути предполагает наличие нарратива его определяющего. Вновь образ пограничья позволяет реконструировать отношение контекстуальности с нарративом минимум в двух родах. С одной стороны, белорусская социальность не может быть рассмотрена как автономное поле, ибо наоборот скорее она определена своей реактивностью на тот текст, что производит нарратив (более сильная культура, политический субъект и др.). С другой стороны, само пограничье предполагает доступность нарратива в двояком смысле как своего (понятного) и как иного (чужого) наличие не одного, а нескольких нарративов, которые для контекстуального пространства оказываются равно понятны, доступны, но также инаковы (чужды). Для контекстуального пространства существует и явствует возможность критического переосмысления нарратива, переоценка ценностей как создание отличных им. Более того, пограничье является не просто контекстуальным пространством, оно полидискурсивно. Множественность и инаковость, таким образом, являются неотъемлемым атрибутом белорусскости [2]. Белорусская социальность, будучи многоопределенной, сводится к невозможности в рамках единого текста удержать всё своё своеобразие. По крайней мере в рамках действительности мы не можем утвердить белорусский нарратив (возможно лишь пока), ибо белорусский текст дан всегда через

¹ Заметь хорошо, исключение (лат.)

² Термин “креол” (фр. creole от исп. criollo) возник в практиках взаимоотношений подданных колониальных империй (исходно — Испании) для обозначения лиц, рожденных вне территории метрополии (исходно — в Америках), что наделяло последних неравным (прежде всего социально-политическим) статусом и возможностями по отношению к лицам, рожденным в метрополии.

разрыв, но в тоже время белорусская социальность является зеркалом, полем рефлексии иных нарративов.

Подобный макроанализ является также приложимым и к микросреде. По сути, описанные функциональные модели становятся более очевидны в межсубъектном взаимодействии, жизни в-месте в ситуации пограничья, только рассмотрены с позиции единого во множестве (Кончевский) и множества в единстве (Абушенко). Если Кончевский идеей «вольной кооперации» подчёркивает значение равенство, и даже некоторую неразличимость субъектов, то Абушенко концентрируется на взаимоотношении Я и Другой. Очевидность становится аргументом, вызывающим оптику к тому центру, что находился бы целиком в поле изучения повседневных практик.

Актуальной такая точка оптики выглядит в «тут і цяпер» белорусского общества. Вехи политической нестабильности на данном этапе не приводят к тотальной социальной нестабильности. На неповоротливость государственного менеджмента в отношении некоторых социальных вызовов, белорусское общество (без центра по преимуществу) отвечает интенсификацией горизонтальной самоорганизации и редкой способностью воспринимать Другое. Выглядит это ровно в такт «вольной кооперации» Кончевского и «креольству» Абушенко.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдзіраловіч І., Адвечным шляхам: Дасьледзіны буларускага сьветапогляду / Прадмова С. Дубаўца. – Мн. : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
2. Абушенко, В. Л. Креольство как ино-модерность Восточной Европы (возможные стратегии исследования) / В. Л. Абушенко // Перекрестки. – 2004. – № 1-2. – С. 124–160.

УДК: 101.1:316.722

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Курбачёва О.В.

*доцент кафедры философии и методологии науки, БГУ
кандидат философских наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Проблема социального конфликта является одной из актуальнейших проблем социально-философского анализа. За последние сто лет тема социального конфликта успела перейти из статуса игнорируемой и неизученной в одну из центральнейших проблем социально-гуманитарной мысли. Ещё в 1930 г. на ежегодном собрании Американского социологического сообщества было заявлено, что «социальный конфликт представляет собой с социологической точки зрения совершенно неизученную область...» [1, с.34]. Однако, несмотря на многочисленные исследования и монографии, посвященные вопросам социального конфликта написанные с тех пор, данная тема сегодня представляет собой одну из центральных, актуальных и до конца неизученных. Обращаясь к работам первого поколения американских ученых, изучающих проблему социального конфликта (Ч. Кули, Е. Росс, А. Смол и др.) действительно можно обнаружить, что конфликт в их представлениях выступал основополагающим и конструктивным элементом социальных изменений. Так Э. Росс писал, что «...открытое противостояние сохраняет общество... Противостояние групп усиливает и сплачивает тех, кто может выдержать это напряжение» [2, с.162]. Конфликт расценивался как функциональный элемент, объясняющей особенности социальных изменений и прогресса. Вместе с тем, была достаточно популярна и сильна абсолютно противоположная позиция в академической среде, в соответствии с которой конфликт рассматривался с негативной коннотацией: как дисфункциональный элемент социальной реальности, который связан сугубо с дезадаптацией и напряженностью в любой социальной структуре. Так Т. Парсонс в своей статье «Расовые и религиозные различия как факторы групповой напряженности» акцентирует внимание сугубо на разрушительной роли конфликта, ассоциируя его со состоянием болезни или девиации. [1, с.41]. Среди мыслителей, отстаивающих представления о дисфункциональном статусе конфликта, можно выделить таких, как К. Боулдинг, А. Турен, Дж. Бернанд и др.

Важно отметить, что большую роль в формировании диалектических представлений о сущности социального конфликта сыграли идеи К.Маркса, анализирующего природу классовой борьбы. По утверждениям К. Маркса, классы возникают, осознают свою общность только благодаря конфликтам: «отдельные индивиды образуют класс лишь по стольку, поскольку им приходится вести общую борьбу

против какого-нибудь другого класса» [3, с. 54]. Маркс один из первых, кто закладывает традицию диалектико-созидательной парадигмы: конфликт неизбежен, но не несет сугубо разрушительные действия. Отрицание конфликта – это отрицание идеи развития общества и его отдельных структур. При этом следует отметить, что Маркс, акцентируя внимание на позитивной роли социального конфликта, всё же определял конкретную природу конфликтных действий: конфликты берут свое начало из отношений собственности и их распределения. И, несмотря на отрицание насилия как единственного возможного инструмента разрешения противостояния, а также фиксации, что конфликт неизбежен, Маркс был ориентирован на преодоление классово-борьбы как таковой. При этом, следует отметить еще один очень важный аспект в представлениях Маркса о специфике социального конфликта: идеи о деперсонализации конфликта. По мнению К. Маркса, для того, чтобы противники с обеих сторон выступали как представители разных лагерей, чтобы борьба достигла остроты и бескомпромиссности, ее необходимо лишить персонифицированного характера [3]. Идеи о безличном характере противостояния будут активно использоваться в последующем конфликтологами, описывающих стадии развертывания и эскалации этнокультурного конфликта (этностереотипизация, обобщенные представления о противоборствующей стороне как потенциальном носителе зла и т.д.).

Важно отметить, что смысловая дихотомия в интерпретации сущности социального конфликта сохраняется и сегодня. Конфликт рассматривается в двух ипостасях: как дисфункциональное явление и как важнейший конструктивный элемент социальной динамики. В первом варианте, для достижения «путей согласия», необходимо редуцировать конфликтность в обществе, стремиться к компромиссу и сохранению институционального порядка. В соответствии со второй позицией – лишь конфликт может послужить основанием для социальной динамики и качественных изменений. В этом ключе большую роль в осмыслении сущности и роли социального конфликта сыграла работа Л. Козера «Функции социального конфликта» (1956 г.), которая стала известна русскоязычной интеллектуальной аудитории лишь к концу 1990-х гг. Л. Козер предложил выйти из традиции абсолютизации и противопоставления позитивной и негативной роли конфликта и вслед за К. Марксом зафиксировал диалектический характер социального конфликта: «Конечно, не любой и не все социальные конфликты выполняют позитивные функции, но социолог должен выявить те социальные контексты и социальные условия, в которых социальный конфликт помогает скорее выздоровлению, чем загниванию общества или его составляющих» [1, с.26]. Другой работой, ставшей одной из классических по исследованию феномена конфликта, стала работа Г. Зиммеля «Конфликт». Немецкий философ, не исключая дисфункциональные аспекты конфликта, описал его позитивную роль в формировании и укреплении психоэмоционального чувства внутреннего единства, фиксации границ своей символической среды и отличия себя от другой группы. Так конфликт, по мнению Г. Зиммеля, может послужить своего рода катализатором внутригрупповой сплоченности и активизации интереса к собственной истории и культуре. Апеллируя к двум известным ученым, можно резюмировать, что конфликт представляет собой особую форму социализации, в соответствии с которой конфликт не обязательно однозначно дисфункционален: «любым социальным группам необходима как гармония, так и дисгармония. Образование группы – это результат процессов обоюбого вида..., и позитивные и негативные факторы создают групповые связи» [1, с.51].

Идеи и представления о диалектической природе конфликта сегодня в условиях глобального вызова приобрели особую актуальность и востребованность. Так среди важнейших функций социального конфликта, отмеченных еще в работах Г. Зиммеля, Л. Козера, а также ранее в работах Ж. Сореля и К. Маркса, сегодня выделяют группосозидающую функцию социального конфликта. Конфликт способен задать символические границы между группами, что инициирует усилению самосознания представителей групп о своей уникальности и непохожести, так называемой общности локальных интересов. С другой стороны, эта своеобразность и определенная враждебность между группами, фиксируемая как следствие или причина конфликтной ситуации, помогает сохранить целостность самой социальной группы через потенциальное соперничество с другой. То есть взаимные антагонизмы устанавливают определенное равновесие между элементами социальной системы. Так самое распространенное и наиболее часто встречаемое на уровне кросскультурного взаимодействия проявление позитивной роли конфликта – это оценивание сил соперника и осмысление участниками конфликтной ситуации последствий применения этих сил. А соизмерение сил противоборствующих сторон дает возможность адекватно спрогнозировать дальнейший ход развертывания противостояния для всех субъектов. Эта особенность протекания конфликта выражена в так называемом «зиммелевском парадоксе»: «Наиболее эффективным средством предотвращения борьбы является точное знание сравнительной силы обеих сторон, которое очень часто может быть получено только в результате самого конфликта» [1, с.49] Как результат такого осознания последствий конфликтной ситуации является наращивание военной мощи, и демонстрация сопернику собственной силы и

потенциальной возможности вступить в конфликт. Парадоксальность заключается в том, что наличие конфликта и осознание его последствий выступает сдерживающим механизмом от самих конфликтных действий.

Группосохраняющая функция конфликта проявляется и в психоэмоциональном плане: социально контролируемый конфликт позволяет субъектам преодолеть нарастающую враждебность через допущение права на санкционированный выход негативных эмоций и притязаний друг другу. Поэтому возможность проявления враждебности – это не обязательно прямая установка на конфликт. Право выражать свое несогласие и критику, сублимация антисоциальной настроенности является залогом снижения градуса самой конфликтной ситуации, допущения инаковости и возможных изменений в потенциально опасной ситуации. Так сегодня среди положительных особенностей конфликта можно выделить такие, как: сигнальную функцию (признание конфликтной ситуации), стимулирование к изменениям и развитию, сплочение коллектива, разрядка напряженности, информационно-познавательная (диагностика возможностей оппонентов) и др.

Понимание двойственного характера социального конфликта (наличие его как отрицательных, так и положительных аспектов) особенно важно сегодня в условиях нарастающей нестабильности и поиска путей преодоления этнокультурных кризисов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Козер, Л. Функции социального конфликта/ Л. Козер; пер. с англ. О.А. Назаровой – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000 – 208с.
2. Ross, Ed. A. The principle of Sociology/ Ed. A. Ross. – N.-Y.: The Century Co., 1920.
3. Маркс, К. Немецкая идеология/ К. Маркс, Ф. Энгельс Немецкая идеология. Сочинение, 2-е издание, М.,1955, т.3.

УДК 316.422.44

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Курилович Н.В.

*доцент кафедры социологии, БГУ
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Одним из важнейших индикаторов состояния современного общества выступает трансформация всех сфер жизнедеятельности индивидов под влиянием цифровых технологий. В этой связи в развитых странах мира актуализируется проблема цифровой трансформации системы высшего образования, которая позиционируется в роли драйвера цифровой экономики. При этом специалисты из разных областей научного знания в качестве ключевого элемента цифровой экономики рассматривают Интернет.

К настоящему времени в Беларуси уже сформированы основы нормативно-правового обеспечения процессов цифровизации в системе образования. Так, в официальном документе под названием «Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года» формирование качественной системы образования, которая отвечает потребностям устойчивого развития республики и цифровой экономики, определяется как стратегическая цель страны в сфере образования [1, с. 33]. Следовательно, со стороны государства признается общественная значимость подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики. Вместе с тем важно отметить и то, что в настоящее время контингент обучающихся в отечественных учреждениях высшего образования образуют представители так называемого «цифрового» поколения («поколения Z»), вся сознательная жизнь которых, так или иначе, соотносится с Интернетом. Поэтому также очевидна насущная потребность адаптации высшей школы к образовательным запросам «цифровых» студентов.

В научной литературе вопрос об основных направлениях цифровой трансформации системы высшего образования относится к числу дискуссионных. По сути дела, разные специалисты обосновывают разные приоритеты в процессе цифровизации высшей школы. Например, экономисты М.М. Ковалев и Г.Г. Головенчик сформулировали десять таких приоритетов [2, с. 246-250]:

- первый приоритет связан с адаптацией отечественной системы высшего образования к цифровой трансформации рынка труда (прежде всего, это серьезные изменения в структуре подготовки и переподготовки кадров);

- второй приоритет отражает необходимость повышения квалификации преподавателей с целью развития их цифровой компетентности;
- третий приоритет связан с переходом высшей школы от традиционного обучения к смешанному обучению, которое предполагает сочетание аудиторной и дистанционной работы преподавателей и студентов;
- четвертый приоритет характеризует активное взаимодействие классического университетского и современного корпоративного образования;
- пятый приоритет касается повышения уровня цифровой и предпринимательской грамотности студентов;
- шестой приоритет связан с активным использованием информационно-коммуникационных технологий в преподавании каждой учебной дисциплины любого учреждения высшего образования;
- седьмой приоритет заключается во внедрении в вузах так называемого «разноскоростного обучения», основанного на упразднении системы обязательных переводов студентов с курса на курс и допущении индивидуальных сроков обучения;
- восьмой приоритет отражает потребность в цифровизации системы управления учреждениями высшего образования;
- девятый приоритет связан с перемещением воспитательно-идеологической работы вузов со студентами в социальные сети;
- десятый приоритет характеризует процесс превращения университетов в драйверы цифровизации общества и экономики.

Признавая правомерность и обоснованность перечисленных выше приоритетов, выделенных отечественными исследователями М.М. Ковалевым и Г.Г. Головенчик, хотелось бы подчеркнуть, что для Республики Беларусь в настоящее время краеугольным камнем цифровой трансформации высшей школы является, на наш взгляд, формирование, а также повышение уровня цифровой компетентности всех субъектов образования. Без решения этой весьма трудоемкой задачи реализация любых других направлений цифровизации высшего образования невозможна в принципе.

Действительно, в XXI в. цифровая компетентность как один из аспектов функциональной грамотности субъекта становится тем обязательным минимумом, без которого уже сложно представить даже повседневную жизнедеятельность современного человека. Несмотря на отсутствие единого общепринятого определения понятия «цифровая компетентность», под ней обычно понимается способность индивидов эффективно использовать информационно-коммуникационные технологии для решения как профессиональных, так и непрофессиональных задач. По сути дела, формирование цифровой компетентности связано с приобретением субъектом достаточно широкого круга знаний и навыков, к которым следует отнести, например, умение искать, критически оценивать, анализировать и использовать информацию из самых разнообразных источников; знание этикета общения в сети Интернет; умение использовать цифровые технологии безопасно для своего физического и психического здоровья; навыки грамотного решения проблем в цифровой среде и др.

В условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации, вызванной пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, в учреждениях высшего образования Беларуси весьма злободневной проблемой стал переход к дистанционной форме обучения. Например, в Белорусском государственном университете (БГУ) в весеннем семестре прошлого учебного года, начиная с апреля 2020 г., занятия проводились в системе «Образовательный портал БГУ», которая создана на всех факультетах вуза на базе бесплатной учебной платформы Moodle. Вторая волна COVID-19 побудила многие факультеты БГУ уже в осеннем семестре текущего учебного года также перейти на дистанционную форму работы преподавателей со студентами. Очевидно, что осуществляемый в университете переход к обучению с использованием дистанционных образовательных технологий предъявляет достаточно серьезные требования к уровню цифровой компетентности как преподавателей, которые выступают в роли менеджеров и фасилитаторов учебной деятельности студентов, так и самих обучающихся, которым делегируется роль активных участников образовательного процесса.

Таким образом, в Республике Беларусь трансформация высшей школы, обусловленная стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, выдвигает на передний план сложную задачу формирования и повышения уровня цифровой компетентности всех субъектов образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Минск, 2017. □ Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2020.
2. Ковалев, М. М. Цифровая экономика – шанс для Беларуси : моногр. / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 327 с.

УДК 316.774

ОЦЕНКИ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЕРТОВ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР ПО ВОПРОСАМ ИНФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И НАДЗОРОМ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ ВСЕХ ТЕХНИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ БЕЛОРУССКОЙ АЭС

Мартищенко Е.В.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Строительство АЭС – дело сложное и ответственное. Любые, даже незначительные, на первый взгляд, ошибки могут привести к серьезным последствиям в будущем. Поэтому очень важно, насколько высок уровень государственного надзора за выполнением всех технических и технологических требований при строительстве данного объекта. Причем, в связи с проявлением углубленного интереса к строительству Белорусской АЭС со стороны соседних стран, в особенности Литвы, необходимо представлять общественности как можно более полную информацию об этом надзоре. Для выяснения того, насколько население удовлетворено количеством подаваемой в СМИ информацией по поводу контроля за строительством в инструментарий исследования 2017 года был включен вопрос «Достаточно ли на ваш взгляд в СМИ информации о государственном надзоре за ядерной и радиационной безопасностью и о контроле за ходом строительства Белорусской АЭС?». Проследим как изменилась ситуация за прошедший год (таблица 1).

Таблица 1. Характеристика информации о государственном надзоре за строительством АЭС в Беларуси по степени ее достаточности для населения по регионам, в % от числа опрошенных

Достаточно ли на ваш взгляд в СМИ информации о государственном надзоре за ядерной и радиационной безопасностью и о контроле за ходом строительства Белорусской АЭС?	2018 (население)	2019	
		население	эксперты
Да, достаточно	17,8	22,5	16,8
Информация есть, но не полная	57,7	51,0	53,5
Нет, информация практически отсутствует	19,8	20,6	23,8
Нет ответа	4,6	5,9	5,9

Как видно из таблицы 1, население все еще не высоко оценивает информацию о государственном контроле за ходом строительства Белорусской АЭС по степени достаточности. Так, 51,0% (в 2018 – 57,7%) респондентов считают, что информация есть, но не полная; 20,6% (в 2018 – 19,8%) отмечают отсутствие информации и пока еще только 22,5% (2018 – 17,8%) признали ее достаточной. Эксперты оценивают еще ниже – 16,8% считают, что информации достаточно, 53,5% – есть, но не полная и 23,8% – отмечают, что информация практически отсутствует.

Таким образом, говорить об удовлетворенности людей информационным обеспечением пока рано: общая разница ответов 2018 и 2019 годов незначительна. Региональные различия в 2019 году статистически незначимы, только в Островецком районе 45,3% отметили достаточность информации, а в остальных регионах данный показатель гораздо ниже – от 9,6% в Могилевской области до 28,2% – в Минской.

Понятно, что сегодня население Гродненской области, и особенно Островецкого района, активно ищет информацию о ходе строительства АЭС, но в целом по стране обеспеченность информацией все еще не удовлетворяет потребности людей. Казалось бы, в количественном отношении объем информации растет, как бы ее не измерять – в битах, строчках публикации, времени передач по ТВ и радио. Однако претензии людей вызываются тем, что, во-первых, информация все еще не всегда аналитична, не дает ясных ответов на отмеченные выше вопросы; мало называется фамилий или участвующих предприятий; во-вторых, не соответствует степени интереса населения к строительству АЭС в Беларуси.

Важно учесть, что в данном случае под интересом понимается не только любознательность, но и целевая ориентация на затрагивающие людей условия жизнеобеспечения. А это значит, что потребность в такой информации не может быть удовлетворена разовым сообщением, как это имеет место относительно каких-либо далеких от нас событий («узнал – и достаточно»). Данная потребность из числа «ненасыщаемых», она будет постоянно возрастать, углубляться в детали и нюансы, искать способы причастности: участие в строительстве, учебы по новым специальностям для АЭС, выбора места работы и места жительства и др.

Именно в таком ключе существующая информация пока не вполне соответствует запросам, прежде всего молодежи, задумывающейся о профессиональном призвании и планах на будущее, а также и ее родителей. Сказанное подтверждают и данные таблицы 2.

Как видно из таблицы, уровень освещения в СМИ хода строительства респонденты оценивают все еще не высоко, хотя несколько выше, чем в 2018 году. Только 17,8% респондентов (в 2018 – 14,6%) отметили, что информация в СМИ объективно отражает ход строительства. Причем низкие оценки были получены практически во всех регионах: 6,8% – в Могилевской области, 14,8% – в Минске, 18,5% – в Брестской области, 19,4% – в Гродненской области и 19,5% в Островецком районе, 20,6% – в Минской области. Чуть лучше ситуация в Витебской области – 27,0%. Примечательно, что среди опрошенных экспертов придерживаются позиции, что информация подается объективно только 11,9%.

Значительная же часть респондентов (35,8% по республике в целом и 57,9% опрошенных экспертов) отмечает, что данные относительно хода строительства подаются в большей степени с положительной стороны, особенно это касается Гродненской области и Островецкого района (52,1% и 62,8%, соответственно).

Таблица 2. Оценка объективности информации о строительстве АЭС в Беларуси по регионам, в % от числа опрошенных

Как бы Вы оценили существующую информацию о строительстве АЭС в Беларуси?	2018	2019	В том числе по регионам							
			г. Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.:		Минская обл.	Могилевская обл.
							Всего	в т.ч. Островецкий р-н		
Информация объективно отражает ход строительства	14,6	17,8	14,8	18,5	27,0	17,5	19,4	19,5	20,6	6,8
Информация отражает в большей степени положительные стороны хода строительства	40,4	35,8	28,1	45,9	31,7	33,4	52,1	62,8	28,1	39,1
Информация отражает в большей степени отрицательные стороны хода строительства	10,3	7,1	8,4	4,8	18,3	5,8	2,0	4,7	4,4	5,1
Другое	2,2	2,3	2,0	4,4	–	1,4	2,5	–	4,0	1,9
Затрудняюсь ответить	31,8	36,2	46,6	26,4	22,1	40,6	24,0	12,7	42,8	44,6
Нет ответа	0,7	0,6	–	–	0,9	1,4	–	0,4	–	2,5

Также отметим, что около 1/3 опрошенных затруднились с оценкой объективности представляемой в СМИ информации о ходе строительства Белорусской АЭС.

Сказывается, по-видимому, и обычная повседневная инерционность, в том смысле, что, если не говорят, значит все идет нормально. Так или иначе, но сайты, на которых можно получить наиболее полную информацию о строящейся АЭС и специфике использования ядерной энергии (РУП «Белорусская АЭС», сайты Минэнерго и Госатомнадзора, а также Спецпроект БелГА "Атомная энергетика в Беларуси и мире") уже знают и посещают от 2,3 до 19,9%; знают, но еще не посещают – только порядка 1/4 опрошенных; не имеют понятия о существовании данных сайтов – от 51,3% до

88,8%. Почти такая же ситуация и с посещением информационных центров в Минске и Островеце. Так, Островецкий информационный центр хорошо знают 16,9% (2018 было 15,2%), хотели бы посетить – 3,9% (в 2018 – 5,4%), ничего о нем не знают – 74,9% (в 2018 – 76,8%). Об информационном центре в Минске знают 10,5% (в 2018 – 9,7%), хотели бы посетить 4,7% (2018 – 5,9%), ничего о нем не знают – 78,8% (2017 – 80,7%). Обозначенные колебания в распределении ответов находятся в пределах ошибки выборки и ни о какой динамике в данном контексте говорить не приходится. Нет сомнений, что столь важный для страны проект заслуживает большего внимания, и хотелось бы надеяться, что оно будет повышаться.

Таблица 3. Оценка информации о строительстве АЭС в Беларуси по степени важности, по регионам, в % от числа опрошенных

Перечень тематических направлений	Всего, вес (ранг)	
	2018	2019
Какой тип реакторов устанавливается на нашей АЭС	10,8 (8)	13,0 (7)
Технические параметры реакторов и их преимущества в плане безопасности АЭС	15,8 (5)	20,0 (6)
Условия, объемы и источники финансирования строительства АЭС, в том числе оплата по кредитам	13,6 (7)	20,4 (4)
На какой стадии находится строительство АЭС	14,0 (6)	19,5
Соблюдаются ли все необходимые технические требования безопасности в ходе строительства АЭС	43,5 (1)	40,0 (1)
Как осуществляется государственный надзор за ходом сооружения Белорусской АЭС	18,9 (3-4)	23,9 (2)
В какой мере строительство АЭС повысит уровень энергобезопасности страны	19,4 (2)	20,2 (5)
Как ввод АЭС повлияет на конкурентоспособность нашей экономики и жизненный уровень населения	18,9 (3-4)	21,3 (3)
Нет ответа	0,9	2,6

Информационным службам необходимо уделять больше внимания именно тем вопросам, которые вызывают наибольший интерес у населения. По данным таблицы 3. видно, что наибольший интерес население проявляет к тому, насколько соблюдаются все необходимые технические требования безопасности в ходе строительства АЭС (40,0%, в 2018 – 43,5%). Остальные позиции по важности находятся приблизительно на одном уровне – интересуют около 1/5 опрошенных (различия между ними статистически не значимы). Отметим только, что тип реакторов Белорусской АЭС население интересует чуть в меньшей степени (13,0%).

Относительно социальных категорий, то можем отметить, что вопросы соблюдения технических требований безопасности и осуществление государственного надзора в ходе строительства АЭС являются приоритетными для всего населения, независимо от пола, возраста или принадлежности к какой-либо социальной категории, в том числе и для опрошенных экспертов.

С учетом результатов данного исследования, считаем, что необходимо разработать дополнительные меры по повышению результативности информационного обеспечения процесса развития энергетической отрасли, предусмотрев следующее:

- введение постоянных программ по проблемам развития отрасли, использования атомной энергетики и строительству АЭС на всех каналах радио и телевидения, аналогичных рубрик в республиканских и областных печатных СМИ;

- задействование в процесс информирования населения через СМИ и по месту жительства по проблемам развития отрасли и строительству Белорусской АЭС ведущих ученых страны и, в особенности, организаций академической и отраслевой науки;

- особое внимание обратить на информированность населения по новым разработкам экологической и технической безопасности строящейся станции (двойная защитная оболочка реакторного зала – контеймент, "ловушка расплава радиоактивной зоны", расположенная под корпусом реактора, использование независимых каналов активных и пассивных систем безопасности и др.). С этой целью сформировать группу журналистов и организовать для них обучающий семинар

для более глубокого ознакомления с этими новшествами и в дальнейшем адекватного информирования населения по всем аспектам;

- провести рекламную кампанию по презентации функционирующих Информационных центров АЭС с тем, чтобы повысить активность использования населением материалов о строящейся АЭС. Предметно и в полном объеме показать населению уровень и гарантии экологической и технико-технологической безопасности строящейся Белорусской АЭС.

УДК 331:316

ГЕНДЕРНАЯ ЭКОНОМИКА И РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Морозова Н.Н.

доцент кафедры экономики организации, АУнПРБ

кандидат экономических наук, доцент

(г. Минск, Беларусь)

Развитие гендерной экономики как нового направления экономической науки, занимающейся выявлением различий в экономическом положении мужчин и женщин и причин их возникновения, служит современным ориентиром социального прогресса, в основе которого лежит благополучие и самореализация каждого человека. Современный рынок стимулирует работников развивать новые цифровые навыки, чтобы отвечать потребностям работодателей и быть полноценными участниками общества. Диапазон навыков достаточно широк: начиная от владения базовой компьютерной грамотностью до продвинутых технических способностей. Работодатели заинтересованы в сотрудниках, которые постоянно совершенствуют профессиональные навыки и умения межличностного общения, что отражает концепция «Soft & Hard Skills» (личные социальные качества сотрудника, зависящие от характера человека и приобретенные с опытом). Сочетание общих профессиональных навыков и навыков социальных делает людей более привлекательными для потенциального нанимателя. Особую важность это имеет с позиции гендерной составляющей и уровня квалификации. Именно женщины и среднеквалифицированный персонал, в первую очередь, будут попадать под сокращение в пользу рабочих мест для высококвалифицированных специалистов. Положение женщин на рынке труда характеризуется тем, что женский труд заключающийся в двойной занятости и имеющий широкий спрос, характеризуется его слишком низкой ценой. Существуют и гендерные стереотипы в отношении к женскому труду на уровне общества, руководителей предприятий, и даже самих женщин. Нужно найти адекватные способы воздействовать на мотивацию работодателей чтобы они в меньшей степени ориентировались на «эффект пола» на своем рабочем месте и большей на профессиональные навыки. Дискриминация на уровне предпочтений представляет собой такое сознательное поведение работодателя, которое, будучи обусловленным стереотипами на рынке труда, выражается в гендерных предубеждениях при найме работников. Статистическая дискриминация состоит в том, что, принимая решение о найме, работодатель, считает женщин менее производительными работниками, систематически отдает предпочтение мужчинам, независимо от индивидуальных, профессиональных и семейных характеристик конкретного кандидата. Вместе с тем, трансформация трудового законодательства в направлении гендерной составляющей предусматривает создание равных возможностей для мужчин и женщин в сфере труда, однако не ликвидирует дискриминацию женщин в социально-экономическом пространстве. Среди основных изменений в женской занятости можно выделить следующие: снижение уровня трудовой активности женщин трудоспособного возраста, в частности, молодых; тенденцию к увеличению отраслевой гендерной сегрегации и разрыв в заработках мужчин и женщин; проявление дискриминации женщин в частном секторе экономики. В социально-трудовых отношениях имеет место проблема полового разделения труда, предусматривающая распределение занятий между женщинами и мужчинами, базирующихся на традициях и обычаях, формально и неформально закрепленных в практике и сознании людей. Во всем мире существуют сугубо мужские и сугубо женские профессии [1, с. 444].

Цифровизация также представляет угрозу для людей с образованием ниже среднего и пожилых работников – этим группам людей больше всего не хватает цифровых навыков. Динамики числа рабочих мест свидетельствует, что цифровизация ведет к росту количества вакансий, связанных с информационно коммуникационными технологиями. Так данная сфера входит в топ-5 наиболее

популярных по количеству вакансий в Беларуси. Исследования состояния ИТ-индустрии в Беларуси, согласно отчета инвестфондов AVentures Capital, Aventis Capital и Capital Times, свидетельствуют, что темп роста выручки сектора в Беларуси составляет около 16%. Доля сектора в ВВП страны более 7,2%, а его влияние на рост ВВП в 2019 году составило 0,5%, что больше, чем влияние других видов экономической деятельности [2]. В 2017 г. в стране было около 105 тысяч ИТ-специалистов, а количество выпускников учебных заведений по смежным специальностям превзошло 17 тысяч. Объём экспорта ИТ-услуг на душу населения был равен 108 долларам США, что намного больше, чем во многих передовых азиатских странах. Однако в сфере занятости «информация и связь» женщины имеют уровень оплаты труда около 60 % от уровня заработной платы мужчин [3, с.140]. Сектора с наивысшей степенью цифровизации (ИКТ, СМИ, финансовые услуги) значительно расширяются, но все ещё составляют малую долю общей занятости. Быстрые изменения, вызванные цифровизацией на рынке труда, требуют незамедлительной реакции со стороны государства и бизнеса, разработки новых бизнес-моделей, что влечет за собой изменение структуры требований к сотрудникам. В скором будущем каждый человек должен будет уметь находить, обрабатывать, использовать и создавать цифровой контент, чтобы нормально функционировать на рынке труда и в обществе в целом. Следовательно, цифровая грамотность стоит на повестке дня во всем мире. Важны также личностные навыки, как креативность и коммуникабельность. Двухнаправленность компетенций порождает рассуждение о «навыках двойной глубины» т.е. сочетание профессиональных навыков и тех, что связаны с соответствующими технологиями, необходимыми для выполнения работы в нынешней оцифрованной экономике. Иначе говоря, это гибридный набор профессиональных навыков дает возможность трудоустроиться и пользоваться спросом на рынке труда.

Для подбора талантливых компаний предназначены платформы в форме онлайн-гигэкономии или краудсорсинга. К 2025 г. прогнозируется, что мировой валовой внутренний продукт может быть увеличен на 2,7 триллиона долларов за их счет [4, с. 7], это связано с увеличением доли неактивного в настоящее время населения в рабочей силе, а также увеличением рабочего времени работающих неполный рабочий день. Потенциальными проблемами влияния цифровизации могут стать вопросы социальной защиты трудящихся, так как законами о труде и занятости не предусмотрено предоставление многих льгот и мер защиты для рабочих независимых нанимателей.

В начале 2020 г. профессиональная социальная сеть LinkedIn провела серию опросов для определения критических навыков и по результатам исследований востребованными межличностными навыками (soft skills) оказались: креативность, убеждение, сотрудничество, адаптивность, эмоциональная разумность (способность воспринимать и оценивать собственные эмоции и эмоции других людей и реагировать на них) [5].

Результаты опросов 117 представителей работодателей (в основном рекрутеры), которые провела Служба исследований Head Hunter о гендерных предпочтениях при найме, на вопрос «как часто ищут сотрудников определенного пола?» подавляющее большинство опрошенных работодателей (96%) ответили положительно. Главные причины, по которым ведут отбор кандидатов на основании их пола — это требования заказчика подбора (будущий руководитель нанимаемого сотрудника) и особенности должностных обязанностей (64%). Иными словами, это либо личные внутренние установки руководителя, либо гендерные стереотипы о том, что с теми или иными задачами лучше справляются представители конкретного пола.

Работодатели при найме предпочитают кандидатов-мужчин, это происходит не только из-за стереотипов о лучшем соответствии мужчин той или иной должности, но и из-за опасений, что женщина может в любой момент уйти в декрет. Женщины-соискатели по этой причине порой жалуются, что сталкиваются на собеседованиях со слишком личными вопросами о своем семейном положении и планах на увеличение семьи. Дискриминация по полу в трудовых отношениях проявляется также в размерах зарплат — мужчинам платят больше, чем женщинам. В Беларуси в среднем зарплата женщин составляет 75% от заработной платы мужчин и нет ни одной отрасли, где она бы была равной, не говоря о том, чтобы превышала [с. 139]. Цель № 5 «Гендерное равенство», отраженная в Целях устойчивого развития, отражает, что в Беларуси достигнут паритет в образовании, принятии решений, однако доля мест, занимаемых женщинами в национальном парламенте, составила 34,55% в 2019 г. (27,27% в 2015), на руководящих должностях 45,8 в 2019 г. [6].

Прогресс принятия женщин равными мужчинам идет в экономике крайне медленно, и женщины по-прежнему чаще, чем мужчины, живут в нищете. По всему миру женщины зарабатывают стабильно меньше, чем мужчины, и сосредоточены в низкооплачиваемых и наименее безопасных видах занятости. В мировом масштабе, средняя разница в оплате труда составляет 23%. Работающие женщины чаще, чем мужчины, считают, что им мешает развиваться не только гендерная, но и возрастная дискриминация, а также недостаток знаний и боязнь перемен. Мужчины чаще женщин

считают, что им ничего не мешает развиваться. К тому же мужчины-руководители чаще женщин задумываются о создании своего бизнеса в отрасли [7].

Для достижения гендерного равенства на рынке труда в условиях развития цифровой экономики целесообразно осуществлять комплекс мер:

- укрепление института гендерного равенства посредством государственного регулирования и введение гендерной оценки в системе планирования;
- обеспечение одинакового доступа мужчин и женщин ко всем видам ресурсов, необходимых для предпринимательской деятельности;
- формирование пирамиды стратегии цифровизации экономики, учитывающей триаду: социальную коллаборацию, управление цифровой трансформации, цифровую занятость и лидерство [8, с. 328];
- создание условий для равного доступа к трудоустройству мужчин и женщин;
- информационно-разъяснительная работа по гендерным вопросам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Морозова Н.Н. Проблемы обеспечения занятости женщин на рынке труда / Н.Н. Морозова // Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях: материалы II междунар. Науч.-практ. конф.; в 2-х ч. Ч.2 / под ред.: Ю.С. Руденко; Л.Г. Руденко [Электронное издание]. Ч.1– М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2016. – 10,51 Мб. – С.443–453.
2. Технологии, зарплаты, аутсорс vs продукт. Факты и цифры про Беларусь из большого исследования ИТ-индустрии в Восточной Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dev.by/news/issledovanie-it-rynka-belarusi>. – Дата доступа: 10.09.2020.
3. Женщины и мужчины Республики Беларусь: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск 2018. – 167 с.
4. A labor market that works: connecting talent with opportunity in the digital age // McKinsey Global Institute. 2015. – 24 p.
5. New LinkedIn Research: Upskill Your Employees with the Skills Companies Need Most in 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.linkedin.com/business/learning/blog/learning-and-development/most-in-demand-skills-2020>. – Дата доступа: 13.09.2020.
6. Беларусь на пути достижения целей устойчивого развития, 2019 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_12924/. – Дата доступа: 29.09.2020.
7. Достижимо ли гендерное равенство на рынке труда? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hh.ru/article/26280>. – Дата доступа: 13.09.2020.
8. Морозова Н.Н. Влияние цифровизации экономики на рынок труда / Н.Н. Морозова // Digital economy: modern challenges and real opportunities: International conference. Baku, 13–14 February 2020. – Baku: UNEC-2020, Publishing house “Azerbaijan”. P. 326-328.

УДК 316.42

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И НОВЫЕ ИГРОКИ НА ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Мысливец Н.Л.

*заведующий кафедрой социологии и спец. социологических дисциплин, ГрГУ им. Я.Купалы
кандидат социологических наук, доцент
(г. Гродно, Беларусь)*

За всю историю своего существования человечество освоило различные способы сохранения накопленного социального опыта и его передачи от поколения к поколению. На самых ранних ее этапах данную функцию обеспечивали магические и духовные практики, мифы, предания, легенды, летописи, исторические хроники. С течением времени устная традиция как механизм трансляции памяти о прошлом все чаще дополнялась текстовой информацией, широкое распространение которой стало возможным благодаря изобретению книгопечатания.

Начиная с эпохи модерна устный канал формирования исторической памяти постепенно замещается письменными технологиями. Значительную роль в деле ее сохранения и межпоколенческой трансляции начинают играть такие специализированные механизмы, как учреждения образования (школы, университеты) и учреждения культуры (библиотеки, архивы, музеи), а также наука, литература и искусство, идеология и пропаганда, медиасреда. Обладая гораздо более

широкими возможностями информационного воздействия на аудиторию, именно они во многом формируют наше восприятие и отношение к опыту прошлого.

В современных условиях существенно возросла роль медиатехнологий и массовой культуры как инструментов воздействия на сознание различных групп населения, в том числе усилилось и их влияние на мифологизацию исторической памяти. Увеличение числа каналов информации привело к усложнению ее структуры и вариативности вплоть до полного разрушения целостной картины прошлого и формирования альтернативных вариантов его прочтения.

Одним из традиционных и наиболее эффективных каналов формирования исторической памяти населения остается семейная историческая память. В качестве ее важнейших источников выступают семейные фотографии, письма и поздравительные открытки, дневники, различного рода официальные документы (всевозможные метрики, благодарности, наградные листы, обращения в государственные и иные органы, а также пенсионные удостоверения, трудовые книжки, комсомольские, партийные, профсоюзные билеты), предметы домашнего быта, любительские аудио- и видеоматериалы. Все это российский исследователь А. Алексеев называет «фамильными ценностями» [1, с. 46]. Данное понятие, как пишет ученый, поддается операционализации в практике массовых опросов и систематических наблюдений, вследствие чего способно выступать в качестве предмета специального социологического исследования в ходе изучения особенностей сохранения и эволюции исторической памяти населения. Вместе с тем необходимо признать: традиция бережного сохранения семейной исторической памяти у нас не сформирована, отношение большинства белорусов к сохранению документированной памяти о своем собственном прошлом, о прошлом своей семьи является достаточно равнодушным. Вследствие этого возникает проблема личной ответственности каждого человека за сохранение самого себя и членов своей семьи во времени, и, особенно, ответственности младших поколений за сохранение памяти о предках.

В современном обществе дети (*пока?*) сохраняют память о родителях, память же о родителях своих родителей имеет уже фрагментарный характер и сохраняется в более или менее полном виде лишь в том случае, если дети имели опыт живого общения с ними. Если же они не застали своих дедушек и бабушек в живых, память о них может фактически отсутствовать. А в отношении прадедов и представителей еще более отдаленных во времени поколений память ныне живущих, как правило, не превышает тот объем информации, который сохраняется на могильных памятниках либо кладбищенских крестах. При условии, что они установлены, а места захоронения хотя бы иногда посещались их потомками. И хотя процесс стирания семейной памяти неизбежен, это не может и не должно служить оправданием крайне слабо развитой в нашем обществе общекультурной установки на его замедление. Тем самым, проблема автобиографического нарратива и семейной хроники представляет одновременно и моральную проблему.

Важнейшими профессиональными источниками исторической памяти населения являются различного рода вещественные и письменные свидетельства, всевозможные артефакты, профессиональные тексты: от хроник и летописей до научных монографий и диссертаций, а также учебная и научная литература, публицистика и агитационные материалы, предназначенные для массового распространения (плакаты, листовки, карикатуры, памфлеты и т.д.), лекции, доклады ученых на семинарах и конференциях, публичные дискуссии. Среди всего множества текстов выделяются официальные, которые несут основную семантическую нагрузку. Это одобренные властью академические исторические дискурсы и примыкающие к ним пропагандистские, идеологические, религиозные тексты, а также художественные исторические произведения, позволяющие в целом восстановить «ландшафт» исторической памяти с его «пиками» и «провалами», уточнить фактографический каркас образа прошлого. Обладая высокой степенью эмоционального воздействия на читателя, слушателя, зрителя, они влияют на подсознание и внедряют в него как научные знания о прошлом, так и циркулирующие в обществе и поддерживаемые властью мифы, что придает представлениям о прошлом жизненную силу и правдоподобие, вследствие чего они обретают плоть и кровь, переставая быть сухими научными фактами.

Собственно специализированным знанием о прошлом обладают такие науки, как история и сопутствующие ей вспомогательные исторические дисциплины (археология, этнография, генеалогия), а также культурология, религиоведение, антропология и некоторые другие. Наряду с историей, определенные темпоральные характеристики, включающие представления о прошлом, о процессах социальных изменений, о состоянии социальной реальности в разные моменты времени содержат такие типы знания, как философское, социологическое, политологическое и иные.

Одним из важнейших механизмов исторической памяти в современном обществе является национальная система образования. Возникнув еще на этапе становления индустриального общества всеобщее школьное обучение позволило обеспечить формирование немислимого для прежних эпох

единства взглядов и культурного опыта больших масс людей. Преподавание национальной истории обеспечивало не только возможность передачи подрастающим поколениям национальных повествований о прошлом, но и преследовало цель укрепить связи между отдельными гражданами и родиной, что приобретало особую актуальность в периоды кардинальных социальных преобразований. Школьные учебники истории были и остаются одним из наиболее эффективных инструментов социализации детей и подростков с точки зрения их способности передавать форму и содержание официально одобренной версии идей, которым новые поколения должны верить, а также выступают в качестве одного из основных компонентов в строительстве и воспроизводстве национальных нарративов.

Особую роль в процессе формирования исторической памяти играет художественный кинематограф, а также документальные и научно-популярные фильмы. Художественные кинотексты позволяют не только восстанавливать отдельные исторические образы и временные срезы карты исторической памяти общества, но и отражают сам процесс меморизации. Удачно сочетая черты массовости и художественной уникальности, они создают образные ряды, ранжируя их и органично вплетая в историческое пространство.

Одним из важнейших механизмов формирования исторической памяти общества являются музеи, библиотеки, архивы. Это не только инструменты формирования исторической памяти о событиях прошлого, но и мощный ресурс формирования национальной и региональной, культурной и групповой идентичности, реализации различного рода туристических, культурных проектов, основанных на эксплуатации наиболее популярных исторических образов и т. п.

Механизмами исторической памяти являются коммеморации и рекоммеморации, под которыми понимается мобилизация (демомобилизация) памяти о том или ином объекте: событии, человеке, исторической общности. К коммеморациям относятся мемориалы, монументы, публичные праздники, юбилеи, похороны и т. п. Английский историк П. Хаттон следующим образом определяет сущность коммеморации: «В конце концов, проблема истории оказывается проблемой политики коммеморации, то есть, проблемой идентификации и описания тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти» [2, с. 30]. Социологический анализ коммемораций выступает в качестве одного из центральных сюжетов, связанных с передачей исторической информации, позволяющих осветить различные стороны прошлого и способствующих пониманию динамики исторической памяти.

Важным механизмом исторической памяти являются исторические реконструкции: движения, участники которых стремятся наглядно воспроизвести ход исторических событий. Предметом исследования здесь являются численность и состав таких групп, мотивы и формы их деятельности, а также роль в выражении групповой идентичности и закреплении памяти о прошлом.

Активными игроками на поле исторической памяти в современном обществе являются, во-первых, различные экспертные группы и профессиональные сообщества ученых, а во-вторых, непрофессиональные группы: семейные, этнические, локально-территориальные, статусно-сословные, профессиональные, религиозные, партийно-политические и иные. Групповое прошлое имеет разную значимость для различных групп: для профессиональных сообществ роль таких представлений относительно невелика, тогда как для семейно-родовых, этнических, конфессиональных, территориальных и многих других групп, возникающих в современных дифференцированных обществах, память об общем и разделяемом всеми прошлом выступает в качестве одного из ключевых элементов групповой идентификации.

В последние годы мы отчетливо наблюдаем: глобальное информационное пространство становится все более доступным для каждого, стремительно развивающаяся сеть интернет способствует формированию массовой культурной привычки фиксировать и описывать все значимые события настоящего, сохраняя таким образом личную и семейную исторические памяти. Вместе с тем, по-прежнему открытым остается вопрос: как наиболее эффективно использовать современные информационно-коммуникационные ресурсы и технологии в образовательных, воспитательных, просветительских целях. В том числе и тогда, когда речь идет о необходимости сохранения такого важного социального ресурса, как историческая память населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, А. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (Теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2007. – № 4. – С.46–56.
2. Хаттон, П. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: «Владимир Даль», 2004. – 423с.

«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ**Надольская В.И.***аспирант, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Современное развитие белорусского общества детерминировано целым рядом факторов, имеющих политическую и социальную, экономическую и культурную природу. Качественно новые политические процессы разворачиваются во всех сферах общественной жизни, имеют различный уровень, масштаб и скорость, что предполагает применение принципиально новых методов изучения социальной реальности. Исследование цивилизационного кода в данной ситуации могло бы способствовать прогнозированию будущих изменений, определять смыслы и ориентиры событий, выявлять тенденции, детерминирующие те или иные негативные процессы и явления, находить способы их устранения, поддерживать заслуживающие внимание инновации и др. [1, с. 13].

По мнению российского ученого, В. Багдасаряна у всех живых систем есть свой генокод или цивилизационно-генетический код. «Мы развиваем положение о том, что социальная система, она тоже живая, но мы говорим о разных формах жизни. Есть более совершенные формы жизни, социальные формы, это тоже форма бытия, форма жизни. Наиболее масштабной социальной формой является форма бытия цивилизации. Цивилизации самодостаточны, цивилизации уникальны, у цивилизаций есть свой цивилизационный код» [2].

Сложности исследования данного понятия, прежде всего, возникают в связи с тем, что цивилизационный код, во-первых, сложное структурное образование, которое можно классифицировать не только по сферам, например, цивилизационный код политики, цивилизационный код социокультурной сферы, духовно-мировоззренческой, экономической, но и по основным субъектам, которые могут подлежать изучению – код семьи, государства, определенных национальных и религиозных меньшинств и др. Во-вторых, цивилизационный код имеет свою динамику в пространстве и во времени. В-третьих, цивилизационный код формируется под воздействием различных внутренних и внешних факторов, которые не всегда являются постоянными.

Но одной из самых основных проблем в исследовании понятия «цивилизационный код» является его терминологическая многозначность. Ведь наравне с этим термином применяются и такие, как культурно-генетический (В.С. Стёпин), цивилизационный (А.Н. Анисомов) или социокультурный код (И.Б. Орлова), идейно-институциональная основа (Л.С. Васильев), цивилизационная матрица (Р.П. Трофимова), идейный комплекс (М.В. Сухарев), генотип цивилизации (Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец), система ценностей-мотиваторов (В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулкашин и др.).

К тому же существует содержательное расхождение терминов: под «социокультурным», «культурно-генетическим», «цивилизационным» кодами, «социокодом» понимают то «гомологический ряд (цепочку) национальной традиции», то «социокультурную экспликацию природы ментальности», то «архетипическую конструкцию, связанную единой логикой», то «знаково закреплённую совокупность деятельностных схем, обеспечивающих социальное наследование опыта», то «структурную схему ядра цивилизации» [3, с.7].

Таким образом, цивилизационный код многогранен и включает в себя самые противоречивые трактовки в контексте текущей или перспективной политической ситуации. В данном контексте исследования нам необходимо ответить на такие вопросы как: что представляет собой цивилизационный код, какие конкретные тематические контексты и оценки имеет, что в нём является фундаментальным и неизменным, что и в каких границах может и должно меняться и др.? В этой связи правомерно говорить о создании теории цивилизационного кодирования, основы которой разрабатываются под руководством доктора социологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Игоря Котлярова. Основные положения данной теории белорусский ученый доложил в Пекине на всемирном саммите ведущих мозговых центров мира. По его мнению, цивилизационный код – это строго фиксированный набор доминирующих в обществе генетических и социальных знаков и ценностей, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил, норм и установок трансляции и сохранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым социальный опыт и смысл жизни, взгляды и традиции, умения и навыки, формы общения и социальные уклады, интеллектуальный и технологический потенциал передаются от поколения к поколению, являются источником жизненных планов, стратегий и перспектив развития, регулируют взаимодействие людей в определенной сфере

коммуникаций, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для сохранения и развития цивилизационных отношений». Уникальность цивилизационного кода заключается в том, что он формирует историческое понимание прошлого, порождает определенное отношение к современной социальной реальности, детерминирует создание моделей будущего общества [4, с. 73].

На наш взгляд цивилизационный код – это совокупность основополагающих образцов (моделей) человеческого существования и жизнедеятельности, в которых закреплены основные человеческие жизненные смыслы и ценности, идеи и образы, традиции и инновации, нормы и правила, характеризующие ментальность различных социальных групп и классов, населения отдельных регионов и цивилизации в целом.

К такой же мысли пришел и российский ученый В. Лексин: «Любой код, и код цивилизационный в том числе, это некая совокупность средств, биологического, социокультурного характера, посредством которого определен набор ценностей воспроизводится в поколениях. Код – это то, что можно передать от одного поколения другому поколению, от одного человека другому человеку, от одного государства другому государству. Суть того, что в них образуется – в человеке, в государстве или в цивилизации в целом... И материальной его составляющей, такой содержательной его частью являются ценности, в данном случае цивилизационные ценности, которые передаются. Код – это способ передачи цивилизационных ценностей, как таковых... Это представление о благом, нужном и должном, которые воплощаются в нашу реальную жизнь» [2].

Таким образом, цивилизационный код – это совокупность параметров биологического (генетического) и социального характеров, посредством которых определен набор ценностей воспроизводится из поколения в поколение.

В данной работе мы представили базовую концептуальную и теоретическую интерпретацию данного понятия, особо отметив его неоднозначность в проблемном поле науки. Нами было отмечено с чем связаны основные проблемы в исследовании и трактовке содержания понятия «цивилизационный код», его терминологическую многозначность. Особенно важно сделать акцент на том, что исследование феномена цивилизационного кода способствует созданию четко очерченной смысловой модели будущего и конкретных действий по ее реализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение. – Минск: Беларуская думка, И. В. Котляров и др.; редкол.; И. В. Котляров (гл. редактор); Институт социологии Нац. академии наук Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2015. – 499 с.
2. Цивилизационный код [Электронный ресурс] // «Обретение смыслов»: цикл передач // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). – Режим доступа: <http://rusrand.ru/tv/meaning/tsivilizatsionnyj-kod>. – Дата доступа: 18.01.2018.
3. Чупина, Г. А. Цивилизационная идентичность России: проблема культурно-генетического кода / Г.А. Чупина, В.И. Шерпаев // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. Уральский государственный юридический университет. – 2015. – №4. – 2015. – С.5–18.
4. Котляров, И. В. Теоретические основы цивилизационного кода (социологический дискурс) / И. Котляров // Социальное знание и проблемы современного развития белорусского общества в условиях глобализации: материалы Международной научно-практической конференции, г. Минск, 16–17 ноября 2017 года. – Минск: Ковчег, 2017. – С. 72–75.

УДК 316.334.22 (476)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАБОТЫ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ЧАЭС: ОПРОС ЭКСПЕРТОВ В МАЕ-ИЮНЕ 2020 ГОДА

Назарова Д.В.

научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси

(г. Минск, Беларусь)

По статистическим данным на 1 января 2019 г., на территориях радиоактивного загрязнения после аварии на ЧАЭС по всей Беларуси проживает 1 112 214 человек, что составляет 11,74 % от численности всего населения страны. К загрязненным радионуклидами территориям в настоящее время относятся 27 городов и поселков городского типа и 2 143 сельских населенных пунктов.

Наибольшее количество людей там проживает в Гомельской области – 79,7 %; в Могилевской – 9,3 % и Брестской – 9,1 %. [1, с. 6-11]. Из года в год на протяжении 30 лет усилиями людей и по естественным причинам уровень радиационной опасности значительно снижается, что позволяет с меньшими ограничениями работать предприятиям и организациям, обеспечивающим экономическое и социальное возрождение территорий.

В рамках исследования (01.07.2019–31.12.2020 г.) по заданию: «Провести социологический мониторинг оценок населения эффективности реализации целей устойчивого развития, в том числе и возможностей трудоустройства в районах пострадавших от аварии на ЧАЭС (по различным сферам экономики)» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 годы и на период до 2020 г. (н.р., д.с.н. Шавель С.А., отв. испол. – Мартищенко Е.В.) были получены данные о работе предприятий и организаций от 662 экспертов (руководителей высшего и среднего звена). Общий объем выборки распределялся между Гомельской, Брестской и Могилевской областями пропорционально численности в них городского и сельского населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях.

Вопрос о различных проблемах, с которыми вынуждено сталкиваются руководители предприятий и организаций в процессе своей деятельности, а также способы их решения – вероятно самый главный, для понимания того, как сейчас живут и работают организации на пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях. Методика, разработанная на этой основе коллективом НИР (Шавель С. А., Мартищенко Е.В., Назарова Д.В., Денисова Н.Ф., Бровчук Н.М.), базируется на дихотомическом вопросе, поскольку описание этих показателей предназначено для экспертов. В нашем исследовании мы ограничили период фиксируемых данных – «за последний год».

Приведем результаты опроса экспертов в областном разрезе (табл. 1), а также по типу предприятий в зависимости от их численности (табл. 2).

Таблица 1. Распределение ответов руководителей из разных областей на вопрос: «Приходилось ли применять перечисленные меры в вашей организации (на предприятии) за последний год?», в % от числа опрошенных

Способы решения проблем на предприятиях/ организациях:		Всего	Область			Гомельская область (два типа территорий)	
			Брестская	Гомельская	Могилевская	г. Гомель	Прочие районы и города
Задерживать заработную плату	Да	18,1	6,6	23,7	1,7	27,4	20,8
	Нет	76,3	90,2	69,7	95,8	66,4	72,3
Снижать размер заработной платы	Да	12,8	16,4	14,9	2,5	15,2	14,6
	Нет	81,6	80,3	78,4	95,0	78,9	78,1
Уменьшать количество рабочих дней (часов)	Да	15,6	16,4	17,8	5,9	16,6	18,8
	Нет	79,9	80,3	77,0	91,6	77,6	76,5
Приходилось отправлять сотрудников в неоплачиваемый отпуск по инициативе нанимателя	Да	10,0	16,4	10,2	5,9	11,7	8,8
	Нет	85,0	82,0	83,8	91,6	81,6	85,8
Переводить сотрудников на более низкооплачиваемую должность	Да	3,6	0,0	5,0	0,0	3,6	6,2
	Нет	90,0	96,7	87,3	97,5	87,9	86,9
Выдавать сотрудникам заработную плату полностью или частично в натуральной форме	Да	4,8	1,6	6,4	0,0	4,5	8,1
	Нет	88,5	95,1	85,7	96,6	86,5	85,0
Привлекать сотрудников к сверхурочной занятости, работе в выходные дни и пр.	Да	44,1	24,6	53,3	16,8	57,8	49,6
	Нет	52,1	72,1	42,3	81,5	36,3	47,3

Среди негативных управленческих решений, к которым иногда вынужденно приходится прибегать руководству предприятий/организаций в ходе своей деятельности, выделим следующие (ответ «Да», проранжировано по степени их распространенности в ответах руководителей по всей выборке):

Таблица 2. Распределение ответов руководителей на вопрос: «Приходилось ли применять перечисленные меры в вашей организации (на предприятии) за последний год?» в зависимости от численности сотрудников, в % от числа опрошенных

Способы решения проблем на предприятиях/ организациях:		Всего	Тип организации	
			Микро / малая	Средняя / крупная
Задерживать заработную плату	Да	18,1	22,2	11,3
	Нет	76,3	74,0	80,2
Снижать размер заработной платы	Да	12,8	12,3	13,8
	Нет	81,6	83,9	77,7
Уменьшать количество рабочих дней (часов)	Да	15,6	17,3	12,6
	Нет	79,9	79,5	80,6
Приходилось отправлять сотрудников в неоплачиваемый отпуск по инициативе нанимателя	Да	10,0	11,1	8,1
	Нет	85,0	85,8	83,8
Переводить сотрудников на более низкооплачиваемую должность	Да	3,6	3,1	4,5
	Нет	90,0	92,5	85,8
Выдавать сотрудникам заработную плату полностью или частично в натуральной форме	Да	4,8	4,1	6,1
	Нет	88,5	91,6	83,4
Привлекать сотрудников к сверхурочной занятости, работе в выходные дни и пр.	Да	44,1	40,7	49,8
	Нет	52,1	56,4	44,9

1) *Задерживать заработную плату* – 18,1 % ответов среди опрошенных. На средних и крупных предприятиях такая проблема случается реже – 11,3 %, чем в микро и малых организациях – 22,2 %. На предприятиях/организациях Могилевской области так ответили 1,7 % опрошенных руководителей, в Брестской – 6,6 %, в сельской местности, малых и средних городах Гомельской области – 20,8 % и в г. Гомеле – 27,4 %. Задержка заработной платы – довольно существенная проблема с юридическими последствиями, поэтому даже в ходе социологического опроса, руководители могут недостоверно указывать ее наличие. Поэтому при более серьезном анализе все же следует руководствоваться точными статистическими и бухгалтерскими данными предприятий. По сферам деятельности организаций выявлены следующие значимые различия: реже всего с такими проблемами сталкиваются в бюджетной сфере – 2,9 % в здравоохранении и 6,1 % в образовании, науке и культуре; средние значения – 14,5 % в сельском, лесном рыбном хозяйстве, 19,7 % в приборо- и машиностроении, химической промышленности и т. п. Максимально негативные показатели в задержке заработной платы выявлены на предприятиях в сфере торговли, общественного и бытового обслуживания (преимущественно частный сектор экономики) – 26,6 %, 28,2 % в сфере строительства, транспорта и связи и 30,8 % – в сфере пищевой и легкой промышленности.

2) *Уменьшать количество рабочих дней (часов)* – 15,6 %. В Могилевской области предприятия и организации применяют данную меру реже – 5,9 %, в остальных районах показатель колеблется в границах 16,4 – 18,8 %, что статистически несущественно для свидетельства каких-либо различий. Выше среднего по всей выборке такая проблема замечена на предприятиях/организациях сферы торговли, общественного питания и бытового обслуживания – 22,7 %, в строительстве, транспорте и связи – 21,8 %, в сфере приборо- и машиностроении, химической промышленности и т. п. – 18,2 % ответов среди опрошенных руководителей. Безусловно, такое решение, как уменьшение количества рабочих часов/дней связано в первую очередь с уменьшением работы и оплаты, но данная мера может носить и динамический характер в зависимости от ситуации в экономике и в обществе. В условиях некоторых ограничительных мер в период пандемии Ковида-19, а именно в это время проходил опрос в 2020 г., такие данные скорее можно трактовать как довольно неплохие.

3) *Снижать размер заработной платы* – 12,8 % опрошенных. Такая мера решения экономических проблем предприятий/организаций, по данным опроса, практически не встречается в Могилевской области – 2,5 %, 14-15 % в Гомельской области (включая г. Гомель) и 16,4 % ответов на предприятиях/организациях Брестской области. Со снижением заработной платы за последний год в большей мере столкнулись организации/предприятия следующих сфер деятельности: строительство, транспорт и связь – 16,9 %, сельское, лесное, рыбное хозяйство – 17,7 % и торговля, общественное питание и бытовое обслуживание населения – 19,5 % ответов.

4) *Приходилось отправлять сотрудников в неоплачиваемый отпуск по инициативе нанимателя* – 10,0 %. В Брестской области так ответили 16,4 % опрошенных руководителей, в г. Гомеле – 11,7 %, иных районах Гомельской области – 8,8 %, в Могилевской области – 5,9 %. Данная мера чаще встречается на предприятиях/организациях в сфере строительства, транспорта и связи – 21,8 %, реже всего – в образовании, науке и культуре – 3,0 % ответов.

5) Выдавать сотрудникам заработную плату полностью или частично в натуральной форме – 4,8 %. Наиболее распространена данная мера на предприятиях/организациях сельского, лесного и рыбного хозяйства – 12,9 % и в сфере строительства, транспорта и связи – 8,1 % ответов. Часто такая практика подвергается критике. Вместе с тем, если это устраивает работников, которые получают необходимую продукцию или услуги по себестоимости без оплаты торговых надбавок, то довольно невысокие показатели применения данной меры может быть оценено как позитивное.

6) Переводить сотрудников на более низкооплачиваемую должность – 3,6 %. Выше средних, такие ответы были получены от руководителей в сферах сельского, лесного и рыбного хозяйства – 9,7 %, торговли, общественного питания и бытового обслуживания – 6,3 % и строительства, транспорта и связи – 4,8 %.

Такую меру, как *привлечение сотрудников к сверхурочной занятости, работе в выходные дни и пр.* можно, на наш взгляд, отнести к позитивным – это значит, что предприятие работает активно и есть заказы. В целом по выборке такую позицию ответом «Да» отметило большинство опрошенных руководителей по всей выборке – 44,1 %. В мелких организациях – 40,7 %, в средних и крупных – 49,8 %. Вместе с тем, существенны областные различия: в г. Гомеле привлекают к сверхурочной работе в 57,8 % случаев, в сельской местности, малых и средних городах Гомельской области – 49,6 %, в Брестской – 24,6 %, в организациях и на предприятиях Могилевской области чернобыльских территорий – 16,8 %. Казалось бы, что именно в сельской местности работникам предприятий весной (а именно тогда проходил опрос) приходится трудиться и в выходные, и сверхурочно. Однако именно в крупном областном центре (г. Гомель) были получены максимальные ответы. Сверхурочно за последний год чаще работали сотрудники в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства – 58,1 %, однако и в городах в сфере строительства, транспорта и связи – 53,2 %, приборо- и машиностроении, химической промышленности – 53,0 %, а также в пищевой и легкой промышленности – 57,7 % таких ответов. Что в целом по выборке и дало преобладание в г. Гомеле самых занятых, востребованных и сверхурочно работающих предприятий по сравнению с другими в иных населенных пунктах среди пострадавших районов.

Данные показатели опроса руководителей свидетельствуют, что ни ранее имевшие место общие затруднения экономического характера, ни новые проблемы, связанные с пандемией Ковид-19 весной 2020 года, в целом не оказывают существенного влияния (по крайней мере, в период опроса и в краткосрочной перспективе) на работу предприятий/организаций на территории, пострадавшей в результате аварии на ЧАЭС. Для определения «нормы» показателей (стандартная, рабочая ситуация или наблюдаются негативные тенденции в работе предприятий) необходимо прослеживание данных показателей в динамике и в первую очередь – с учетом сферы их (организаций) деятельности. Методика, использованная для данного исследования на пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях, может широко использоваться для выявления показателей работы предприятий и организаций в целом по стране, в определенной сфере экономической деятельности и т. д. Предложенная операционализация и социологическая интерпретация оценки работы предприятий/организаций в полной мере отражает социально-ориентированный подход и позволяет, на наш взгляд, более полно учитывать специфику социально-экономического развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Населенные пункты и численность населения Республики Беларусь, проживающего в зонах радиоактивного загрязнения в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС на 1 января 2019 г. // Статистический бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь – Мн., 2019. С. 6–11.

УДК 130.2.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛАРУСИ

Орлов П.Н.

студент кафедры политологии, БГЭУ

Конституирование национальной идентичности как определенной согласованности представлений о том, что такое нация и кто к ней принадлежит, требует и интеграции социальных представлений о прошлом. Особенно острая необходимость переосмысления своей истории и поиска

общей перспективы возникает в государствах, которые претерпевают радикальные трансформации в своем социокультурном развитии [1, с. 187].

С распадом Союза Советских Социалистических Республик появились не только 15 новых независимых государств, но и 15 новых национальных исторических нарративов, своего рода официальных версий прошлого каждой страны. В постсоциалистическом мире никто не удержался от соблазна радикально нового прочтения истории своего народа (особенно истории XX в.), идеологического присвоения исторического прошлого [2, с. 111].

Мы солидаризируемся в оценках белорусских авторов В.А. Белокрыловой и Т.А. Капитоновой, что на постсоветском пространстве важнейшее место в конструировании идеологически значимого нарратива о прошлом занимает Великая Отечественная война, как наиболее масштабный конфликт новейшей истории [3, с. 139].

В течение 45-ти лет после окончания Второй мировой войны в Советском Союзе конструировалась единая для всех народов память о ее событиях. Концептуальные основы, на которых она базировалась были оформлены в брежневскую эпоху во второй половине 60-х и в 70-е годы XX в. и сводились к тому, что решающий вклад в победу внес Союз ССР [4, с. 149].

Важным фактором для ревизии истории Великой Отечественной войны на постсоветском пространстве стала проблема конструирования традиции, опирающаяся на этническую/национальную идентичность. В соответствии с привычной логикой, «историческая истина» была воплощена в «единственно верной» позитивистской версии, где роль главного субъекта истории от «многонационального рабочего класса» перешла к народу: грузинскому, украинскому, белорусскому, узбекскому, казахскому и т.д. [4, с. 152].

В этом контексте память о Великой Отечественной войне оказывается особенно ценным символическим ресурсом: будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, она транслируется через разные каналы социализации, благодаря чему отличается уникальной органичностью. Кроме того, она может быть вписана в широкий спектр культурно укорененных фреймов, начиная с вариаций на тему героизма и национальной славы («защитники свободы», «спасители цивилизации» и т.п.) и заканчивая дискурсом жертвы, чьи страдания требуют моральной компенсации [5, с.7].

В начале 1990-х постсоветская Беларусь столкнулась, как и все независимые государства после распада Советского Союза, с вопросом о строительстве собственного национального государства. В этом контексте история была широко мобилизована, чтобы построить новый исторический нарратив. Если государственное строительство Беларуси во время перестройки базировалось на противостоянии советскому и российскому дискурсу, то середина 1990-х гг. ознаменовалась возвращением к советскому наследию в историческом дискурсе, в котором главная роль принадлежит Великой Отечественной войне.

По мнению В.Г. Шадурского, «в условиях определенной фрагментарности духовно-культурного пространства Беларуси коллективная память и историческая наука превратились в арену борьбы не только представителей исторических школ и направлений, но и политических сил, власти и оппозиции» [6, с.9].

В официальном дискурсе Беларуси акцент часто ставится на героическую роль белорусского народа, который наравне с народами Союза ССР, «спас Европу от коричневой чумы» [7].

С другой стороны, имеют место примеры выступлений белорусского лидера А.Г. Лукашенко, в которых народ Беларуси характеризуется в качестве «народа-победителя, отстаивавшем независимость Отечества» [8], и требует отдать дань уважения «не только советскому народу в целом, но и белорусам» [9].

Идейная установка на то, что Победа дала независимость белорусам, привела к переносу в 1996 г. Дня Независимости с 27 июля – даты принятия Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР – на 3 июля, связанное с событиями освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г.

Белорусский социолог А.А. Ластовский приводит ряд аргументов отличия советского образа войны от белорусского, в которых заметно прослеживается стремление подчеркнуть уникальность своего исторического опыта участия в Великой Отечественной войне. Во-первых, отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика, чья победа в войне была оплачена трагической ценой. Во-вторых, подчеркивается исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над фашизмом, при этом особую роль играет так называемый «партизанский миф». Постепенно уходит в тень «советский народ как победитель фашизма», и это почетное место занимает белорусский народ [10, с.93].

Конкуренцией также характеризуется сфера сохранения памяти о Великой Отечественной войне, которая в условиях информационных атак и вбросов расценивается как идеологическое оружие. Главным защитником советской версии истории войны позиционирует себя Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, оспаривая, таким образом, ведущую роль России в этой сфере. Он утверждает, что именно «белорусы не допустят ревизии итогов минувшей войны» [9], и не дадут украсть Победу.

Также интересным представляется вопрос о национальной символике Великой Отечественной войны. В 2015 году Главой государства была поддержана инициатива о национальном символе: цветок яблони на цветах государственного флага. Этот факт можно расценивать как попытку размежевания с Российской Федерацией, для которой георгиевская лента является своеобразным символом сохранения общности стран Содружества Независимых Государств.

Стоит отметить, что память о войне продолжает активно воспроизводиться и в современном белорусском обществе, где для ее трансляции активизированы практически все возможные каналы культурной политики, в частности, система образования, продукция белорусского кинематографа и т.п. Наглядным представляются цифры проведенного весной 2016 г. опроса, где большинство белорусов (68%) назвали Победу в Великой Отечественной войне главным историческим событием для страны [11, с. 51].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что память о Великой Отечественной войне и Победе над немецко-фашистскими захватчиками является важным символическим ресурсом в руках политических элит не только Беларуси, но и большинства постсоциалистических стран. Вместе с тем, можно констатировать процесс, характеризующийся национализацией памяти о Великой Победе и переоценки ее событий, действующих лиц, итогов с целью формирования собственной макрополитической идентичности. Для национализированной памяти характерно вычленение и приукрашивание уникального вклада «своего народа» в дело Победы через соревнование с другими государствами бывшего Советского Союза в героях, подвигах, памятниках, символах, значимости событий на «своей территории» и т.д.

Также отметим, что историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ластовский, А.А. Историческая память как фактор укрепления белорусской идентичности / А.А. Ластовский // Социологический альманах. – 2010. – №1. – С. 187–195.
2. Ачкасов, В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций / В.А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – №4. – С. 106–123.
3. Белокрылова, В.А. Исследования исторической памяти как трансдисциплинарный проект / В.А. Белокрылова, Т.А. Капитонова // Известия Гомельского гос. у-та им. Ф. Скорины. – 2019. – №4. – С. 136–142.
4. Петровская, О.В. Национализация памяти о Великой Отечественной войне в исторической политике постсоветских государств / О.В. Петровская // Studia Podalskie. – 2006. – Т.24. – С. 149–169.
5. Малинова, О.Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике / О.Ю. Малинова // Россия и современный мир. – 2015. – №2. – С. 6–29.
6. Шадурский, В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого / В.Г. Шадурский // Труды факультета международных отношений. – 2014. – №5. – С. 9–24.
7. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на торжественном собрании, посвященном 60-летию Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками 7 мая 2005 года. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: офиц. интернет-сайт. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press19315.html#doc>. Дата доступа: 22.07.2020.
8. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на военном параде в ознаменование Дня Независимости и 64-й годовщины освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков 3 июля 2008 года. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: офиц. интернет-сайт. – Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/newsru/view/vystuplenie-na-voennom-parade-v-oznamenovanie-dnjanezavisimosti-i-64-jgodovschiny-osvobozhdenija-respubliki-5880/>. – Дата доступа: 22.07.2020.
9. 22 июня Александр Лукашенко принял участие в мероприятиях, посвященных 70-летию начала Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: офиц. интернет-сайт. – Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/news-ru/view/22-ijunja-alek-sandr-lukashenko-prinjal-uchastie-v-meroprijatijax-posvjaschennyx-70-letiju-nachala-velikoj-5225/>. – Дата доступа: 22.07.2020.
10. Ластовский, А.А. Историческая память как предмет изучения // Вестник общественного мнения / А.А. Ластовский // Вестник общественного мнения. – 2009. – №4. – С. 88–99.
11. Рудый, К.В. «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование. : [монография] / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск : Звязда, 2017. – 367 с.

ПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ В ДИСКУРСЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК**Пилипенко Е.В.**

*доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности, БГЭУ
кандидат социологических наук
(г. Минск, Беларусь)*

Понятие «потребление алкоголя» является предметом теоретических и прикладных исследований большого количества наук, что позволяет отразить основные закономерности этого явления, изучить и прогнозировать его новые, неизвестные тенденции и негативные социальные последствия.

В области экономической науки зарубежные ученые Г. Беккер и К. Мэрфи разработали теорию рациональных пристрастий, которая объясняет предрасположенность «экономического агента» тем или иным жизненным потребностям в течение длительного времени. При использовании понятия «потребительский капитал», исследователи подчеркивают, что стереотип потребления есть результат приоритетности пользы от потребления жизненных благ, который связан со сбережением капитала. Значимый вывод данной модели состоит в том, что люди, ориентация которых направлена на текущее время, более склонны к потреблению «вредных» благ, чем имеющие долгосрочную ориентацию. Следствием этого является заключение, что индивиды с более высоким уровнем образования, как лучше прогнозирующие своё будущее, предрасположены в меньшей степени к потреблению алкоголя. «Вознаграждение» от образования, как правило, происходит, но в перспективе. Люди, получившие более высокий уровень образования менее склонны к употреблению спиртных напитков, так как это увеличивает вероятность недополучить доход с человеческого капитала. Позднее мнение об отрицательной взаимосвязи высшего образования и высокого уровня употребления спиртных напитков стало объектом верификации или фальсификации множества исследований. Несмотря на критику положительной корреляции уровня образования и потребления спиртных напитков, предложенной Фарелом и Фуксом, образование рассматривается как фактор потребления алкоголя и в последующих работах по данной теме.

Американский экономист и социолог Т. Веблен полагал, что рамки и характер потребительского поведения индивидов определяются экономическим интересом, экономическим мышлением, определенным образом мыслей. Образ мышления, воспитанный доступностью элитарных вещей, вырабатывает потребительское поведение («демонстративное потребление», демонстративное расточительство, погоня за качеством товаров и др.). Демонстративное потребление материальных ценностей формирует отношение к тому, что морально и престижно в употребляемых предметах и стиле поведения. «Данная позиция имеет точки соприкосновения с другими характеристиками поведения и может воздействовать на чувство долга, чувство прекрасного, представление о полезности, о «благочестивой и ритуальной уместности» [1, с. 436].

Ещё одно направление в экономических исследованиях проблемы потребления алкоголя — связь уровня потребления с доходами и ценами. Алкоголь является товаром, то есть его потребление (физический объём) возрастает с ростом дохода. В то же время ряд исследователей отмечают нелинейный характер зависимости между доходами и потреблением. Для России была обнаружена U-образная зависимость между доходом и потреблением, то есть бедные и богатые пьют больше, чем люди со средним доходом. Ещё одна характерная черта потребления — существенный рост затрат на алкоголь (а не рост объёма потребления) с ростом дохода. Следовательно, наиболее состоятельные люди стараются увеличить не количество употребляемых спиртных напитков, а их качество, приобретая наиболее лучшие напитки.

В антропологических исследованиях проблемы потребления выявляется связь между потреблением и личностью. Суть потребления в целом в воспроизводстве самого человека, его родовой сущности благодаря обмену деятельностью (а не только веществом и энергией) и запечатленными в ней знаниями, способностями и другими качествами [3, с. 27]. Потребление создает особую предметную связь, которая конкретизирует и замыкает отношения между людьми в их реальной ситуации [2, с. 84-85]. Традиции, связанные с употреблением алкоголя, а также виды потребляемых алкогольных напитков выделяют определенные социальные группы, которые посредством потребления тех или иных алкогольных напитков отграничивают себя от других, усиливая, таким образом, сознание единства и обособленности данной группы. Кроме того, вид потребляемого напитка играет немалую роль в формировании личной идентичности. Таким образом, напитки, с одной

стороны, являются важным элементом личной идентичности, с другой – указывают на границы принадлежности к данной группе или исключения из нее.

В контексте культурологического подхода к изучению проблемы алкоголизации населения отмечается социализирующее значение алкоголя и его употребление исследуется с точки зрения социально-ориентированного действия. В этих исследованиях показывается, что алкоголь ассоциируется с практиками общения. Распитие алкогольных напитков в одиночестве во многих обществах осуждается и не поощряется. При этом демонстрируется, что потребление алкоголя как коллективная практика нередко исполняется в соответствии со строгими культурными предписаниями, выраженными в этикете и социально одобряемых моделях поведения (сочетание алкогольных напитков и блюд, последовательность питья алкогольных напитков и проч.). При этом важно, что вид потребляемого спиртного напитка служит показателем выстраивания идентичности, создания репутации и пределов социального присоединения. Употребление алкоголя можно анализировать с помощью ритуалов, в том числе тех, которые означают переход из одного положения в другое. В качестве примера можно привести празднование важных событий в жизни человека, а также смену состояний в привычном распорядке.

В дискурсе социологической науки характеристика потребления спиртных напитков как массового социального явления имеет ряд особенностей. Во-первых, важно учитывать изменение фармакологических реакций при употреблении алкоголя, которое выражается как в различных эффектах (краткосрочных: снижение тревожности, опьянение, утрата контроля, агрессия и другие, а также долгосрочных: алкогольная зависимость, изменения поведения, увечья, суицидальные действия и смертность от вызванных алкоголем заболеваний). Фармакологические эффекты индивидуальны, вариативны и поэтому проявляются у людей различными способами, которые зависят от имеющейся психической и биологической предрасположенности. Во-вторых, важно учитывать личностно-психологические, или мотивационные аспекты потребления спиртных напитков, которые также индивидуально вариативны, и включают неодинаковые уровни побуждения к действию (решение проблем индивидуально-психологического характера, поддержание контакта с эталонной социальной группой и др.). В-третьих, социокультуральный аспект - культурно-детерминированные предписания и значения потребления спиртных напитков – как общие, так и варьирующие в зависимости от культурного окружения – которые предписывают повод, частоту, объём потребления спиртных напитков и тип напитка, а также определяют символическое значение этого акта.

Таким образом, потребление алкоголя – это мультидисциплинарный предмет, который помимо социологии, лежит в поле изучения медицины, психологии, антропологии, экономики. Стоит отметить, что в социологии уделяется внимание «проблемным» аспектам потребления алкоголя как социального явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барановский, Н.А. Социологический мониторинг антиобщественных явлений в системе обеспечения национальной безопасности в социальной сфере / Н.А. Барановский // Социол. альм. – 2014. – Вып. 5. – С. 434–445.
2. Соколова, Г.Н. Экономическая социология : учебник / Г.Н. Соколова. – Минск : Выш. шк., 2013. – 384 с.
3. Шавель, С.А. Потребление и стабильность общества: к методологии социологического анализа / С. А. Шавель // Социология – 2009. – № 3. – С. 18–35.

УДК 316.35

МОЛОДЕЖЬ В ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: СПЕЦИФИКА РАБОТЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Пинчук И.В.

*заведующий кафедрой социальной коммуникации, БГУ
кандидат социологических наук
(г. Минск, Беларусь)*

По различным данным в последние десятилетия плотность профсоюзов в Европе почти повсеместно снизилась, хотя существуют отдельные межстрановые отличия. При этом среди возрастных категорий, которые недостаточно представлены в профсоюзах, молодые работники считаются наиболее проблемной группой.

Согласно результатам исследования Европейской конфедерации профсоюзов и Евростата, проведенного в 2018 году, общая средняя доля молодых членов среди 28 объединений составляет 14%. При этом возрастные пределы для категории «молодежь» в странах отличаются, а наиболее часто встречаемый порог составляет 35 лет [1]. Следует отметить, что в Федерации профсоюзов Беларуси около пятой части (20,5%) членов – это граждане в возрасте до 31 года [2].

Предметом изучения в данной ситуации могут стать факторы, которые влияют на отток молодежи (либо недостаточную ее вовлеченность) из профсоюзных организаций в современных условиях. Интересным в этом контексте является доклад, подготовленный для Европейской федерации общественного обслуживания (ЕФПОО). (Трудовая молодежь: отношение к трудовой деятельности, профсоюзному движению и ситуации в обществе). В нем содержится анализ данных социологического опроса, который проводился в период с ноября 2018 г. по начало 2019 года (при поддержке Молодежного комитета ЕКП и Европейского молодежного форума) [3]. В данном отчете многие ученые и профсоюзные активисты перечислили ряд причин, по которым молодые люди предпочитают не вступать в профсоюзы.

Во-первых, акцент делается на особенностях функционирования рынков труда. С момента мирового финансового кризиса (2007-2008 гг.) правительства разных стран все активнее продвигают нестандартные формы занятости, при которых работникам предоставляются значительно более слабые трудовые гарантии и минимальная социальная защита.

Во-вторых, было высказано предположение, что молодежь негативно воспринимает профсоюзы и придерживается более индивидуалистических взглядов и позиций, то есть при принятии решения относительно целесообразности вступления в профсоюз молодые люди руководствуются соображениями эффективности.

Третьей причиной низкого уровня участия молодежи в профсоюзной деятельности является предполагаемая неспособность самих профсоюзов пробудить интерес у молодежи [3].

Предложенные факторы можно взять за основу для рассмотрения данной проблематики. Остановимся на каждом из них более предметно.

Первый, как уже отмечалось – это изменение рынка труда. Опираясь на другие исследования, в частности отчет научно-исследовательского центра Фонда здоровья Великобритании, исследователи установили, что миллениалы подвергаются психологическому стрессу из-за нестабильной работы, нулевого трудового контракта (работодатель не гарантирует работнику ежедневную занятость и оплачивает только фактически отработанные часы), неполной занятости и «гигономики» (экономика свободного заработка, фриланс). Также ими отмечена значимость влияния социальных сетей, поскольку виртуальные дружба и отношения становятся важнее реальных связей.

Кроме того, проведенное в 2018 г. исследование Лондонского королевского колледжа (Kings College London) показало, что у одиноких миллениалов (по сравнению с теми, кто чувствует свою связь с другими людьми) удваивается риск развития таких проблем с психическим здоровьем, как депрессия и тревожность. А согласно данным Управления национальной статистики, они с большей вероятностью испытывают хроническое одиночество, чем представители любой другой возрастной группы [4].

Если говорить о Беларуси, то можно отметить реализуемые меры по нивелированию подобного негативного эффекта. Говоря о карьере и самореализации, можно отметить, что для усиления влияния молодого поколения на формирование политики профсоюзных органов, молодежь включается в составы выборных профсоюзных органов всех уровней, советов, комиссий в количестве не менее 10% от общего числа членов. Обеспечивается участие молодежи в разработке, согласовании законопроектов, иных нормативных правовых актов, путем их рассмотрения на заседаниях молодежных советов.

Понятие фриланса в нашем законодательстве отсутствует. Вместе с тем есть термин «дистанционная работа». В соответствии с последними изменениями в Трудовом кодексе, с такими работниками в обязательном порядке должен заключаться трудовой договор, и все гарантии, которые предоставляются законодательством с учетом особенностей, которые регулируются Трудовым кодексом, таким работникам предоставляются [5].

Второй тезис – изменение ценностей и их смещение в сторону более индивидуалистических взглядов и позиций. Согласно английскому исследованию «Профсоюзы и молодежь», молодые рабочие готовы сотрудничать с профсоюзами на рабочем месте, но, похоже, что они в меньшей степени придерживаются традиционных коллективистских настроений. Так британские исследователи также задаются вопросом – являются ли молодые люди они по своей сути более индивидуалистичными, чем когорты предшественников? Столкнувшись с очень сложными условиями на рынке труда, кажется очевидным, что их стремление состоит в том, чтобы удовлетворить свои собственные интересы, а не

какое-либо общее благо. Однако то, что может возникнуть, – это сильная идентичность поколений, когда молодые люди, правильно или неправильно, признают, что они испытывают очень специфический набор проблем и что они разделяют их в своей возрастной когорте, но не были испытаны в такой же степени предыдущими когортами молодых людей [6, с. 50].

Как показывают социологические опросы, для молодых белорусов основными показателями высокого социального статуса являются хорошо оплачиваемая работа, собственное жилье (в среднем по 63%), а также наличие семьи (52,5%).

Третий тезис – это продвижение (неспособность самих профсоюзов пробудить интерес у молодежи). В этой связи интерес представляют результаты межрегионального опроса на тему «Мотивация профсоюзного членства работающей молодежи: мотивы и факторы», проведенного Центром социологических исследований «АТиСО». Опрос проводился во II квартале 2017 г. Опросили 3 601 молодого работника [7, с. 174].

Авторы данного исследования разделяют озабоченность проблемой вовлечения активной молодежи в профсоюзную деятельность. Актуальным, по их мнению, представляется применение современных PR-коммуникаций, позволяющих изменить представление несоюзной молодежи о профсоюзах, обеспечение социального диалога молодежного профактива с ее представителями. Особое значение по улучшению имиджа профсоюзов, по мнению исследователей, имеет позиционирование успешных практик для роста привлекательности вступления в профсоюз, в том числе возможности профессионального и карьерного роста [7, с. 178].

Говоря о международных примерах привлечения молодых работников встречаются такие, как посещение профессионально-технических училищ, учреждений высшего образования; самореклама; предоставление информации о социальных правах и проблемах молодых людей при переходе от школы к работе, где профсоюзы могут предоставлять конкретные услуги.

Некоторые союзы также присутствуют на молодежных мероприятиях, таких как музыкальные фестивали или рекламируют себя в кинотеатрах. Кроме того, потребление медиа молодежи в значительной степени ориентировано на Интернет и социальные сети, где коммуникацию можно выстраивать с помощью мобильных приложений.

Существуют также примеры профсоюзов, предлагающих членство в профсоюзах со снижением размера взносов или вовсе бесплатно, так что студенты и молодые работники, занятые на низкооплачиваемой или даже неоплачиваемой работе (например, в творческих отраслях), могут попробовать членство в профсоюзе.

Подводя итог, можно обозначить следующие выводы.

Привлекать молодежь в профсоюзные ряды по ряду причин становится все сложнее, в том числе ввиду появления новых форм занятости.

Вместе с тем, запрос на защиту своих интересов у юношей и девушек сохраняется, что обуславливает необходимость более активной работы профсоюзов в этом направлении и поиска проблемных точек, которые препятствуют объединению именно молодого поколения.

Соответственно, необходимы релевантные современным реалиям инструменты для проведения информационной работы, продвижение профсоюзных инициатив на современных площадках и современным языком, доступным и привычным для молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Fulton L. ETUC annual gender equality survey 2018 [Electronic source] / L. Fulton, C. Sechi // ETUC Confederal, Montserrat Mir. – 2018. – Access mode: <https://www.etuc.org/system/files/circular/file/2018-06/ETUC%20Annual%20Gender%20Equality%20Survey%202018.pdf>. – Access date: 12.10.2020.
2. Материалы для членов информационно-пропагандистских групп «Молодежь Беларуси: возможности для самореализации» [Электронный ресурс] // УЗ «2-я городская детская клиническая больница». – Режим доступа: <https://2gdkb.by/informatsiya/663-materialy-dlya-chlenov-informatsionno-propagandistskikh-grupp-molodezh-belarusi-vozmozhnosti-dlya-samorealizatsii>. – Дата доступа: 12.10.2020.
3. Ходдер, Э. Трудящаяся молодежь: отношение к трудовой деятельности, профсоюзному движению и ситуации в обществе [Электронный ресурс] / Э. Ходдлер, К. Вандале // ResearchGate. – 2019. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/338038526_Trudasaasa_molodezh_otnoshenie_k_trudovoj_deatelnosti_profsou_znomu_dvizeniu_i_situacii_v_obsestve. – Дата доступа: 12.10.2020.
4. Миллениалы станут менее здоровым поколением по сравнению со своими родителями [Электронный ресурс] / Интерфакс-Запад. – 2018. – Режим доступа: <https://interfax.by/news/zdorove/raznoe/1243845/>. – Дата доступа: 12.10.2020.
5. Обновление Трудового кодекса. Что изменится, объясняет Марина Лазарь [Электронный ресурс] / СТБ. – 2020. – Режим доступа: <http://www.ctv.by/obnovlenie-trudovogo-kodeksa-chto-izmenitsya-obyasnyayet-marina-lazar>. – Дата доступа: 12.10.2020.

6. Vandaele K. How can trade unions in Europe reconnect with young workers? / K. Vandaele // Youth employment / K. Vandaele ; ed. by J. O'Reilly (and others). – California, 2017. – P. 49–52.
7. Иванов, С.Ю. Работающая молодежь и профсоюзы: формы взаимодействия и повышения социальной активности / С.Ю. Иванов, А.А. Шамин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – №3 (787). – С. 172–182.

УДК 316.016

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В БЕЛОРУССКОЙ ИТ-СФЕРЕ

Подгайская Л.И.

*доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности, БГЭУ
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Республика Беларусь вместе с другими развитыми странами вступила в эпоху информационного общества. Информационные технологии (ИТ) оказывают большое влияние, как на национальные экономики в целом, так и на повседневную жизнь населения, в частности. Динамичное развитие большинства отраслей (например, энергетики, торговли, финансового сектора, страхования, образования и др.) связано с внедрением информационных технологий. Информационные технологии взаимодействуют и часто являются составляющей частью сферы услуг, области управления, промышленного производства, социальных процессов. С каждым годом открываются все более широкие перспективы для повышения эффективности бизнеса и качества жизни людей вследствие внедрения информационных технологий.

Согласно Концепции информатизации системы образования РБ на период до 2020 г., одной из основных целей информатизации системы образования РБ является формирование личности, адаптированной к жизни в информационном обществе со всеми его возможностями, угрозами, вызовами и рисками. Поэтому экономике страны на современном этапе требуются квалифицированные ИТ-специалисты, дефицит которых резко ощущается во всех сферах деятельности. На решение этой задачи нацеливает принятие Декрета о развитии цифровой экономики, способствующего созданию благоприятных условий для развития ИТ в нашей стране. В нем предусмотрен перечень из 38 видов деятельности в сфере высоких технологий, включая, среди прочих, и деятельность в сфере информационно-коммуникационных технологий [1].

В современной Беларуси ИТ-индустрия – наиболее динамично развивающаяся отрасль. В Европе и мире за Беларусь прочно закрепилась репутация ведущей ИТ-страны в Восточно-Европейском регионе. Согласно рейтингу Global Services 100 в 2020 г., РБ заняла 13-е место среди 20 стран-лидеров в сфере ИТ-аутсорсинга и высокотехнологичных услуг. Кроме того, в ТОП-100 крупнейших мировых компаний данной сферы вошли три фирмы с белорусскими корнями: EPAM Systems, IBA Group и Intetics Co. В ИТ-рейтинге ООН в 2020 г. Беларусь занимает 32 место [2].

В результате развития ИТ-технологий в Беларуси для обработки информации потребовались люди, умеющие создавать технологии и обеспечивать их внедрение. Процессы цифровой трансформации предъявляют новые требования к образованию людей, обеспечивающих эти процессы. Речь идет об образовании как специалистов в области проектирования и разработки цифровых систем, так и руководителей предприятий, отраслей, регионов, организующих переход от традиционных бизнес-процессов к новым, основанным на цифровых технологиях.

Ключевую роль в процессе профессиональной социализации должны взять на себя институты высшего образования. В университете будущий специалист должен вобрать в себя основы знаний и навыков, которые пригодятся ему в будущей профессиональной деятельности. Эти знания и навыки должны идти в непрерывной связи с практической деятельностью, с привлечением заказчиков кадров и сторонних институтов образования. Вузы должны не просто готовить специалиста, как лицо, выполняющее определённые функции, а как личность – всесторонне развитую, социализированную, компетентную.

Белорусским социологам важно изучать профессиональную социализацию специалистов в сфере информационных технологий, так как в будущем эта сфера должна стать основным драйвером развития экономики. Кафедрой экономической социологии БГЭУ в 2020 г. было проведено

социологическое исследование методом онлайн-опроса на тему профессиональной социализации студентов белорусских ВУЗов, обучающихся ИТ-специальностям.

В качестве генеральной совокупности для участия в опросе были выбраны студенты нескольких университетов страны, к которым относятся: БГУ, БГУИР, БНТУ, БГЭУ. Выбор именно этих университетов обоснован тем, что они являются крупнейшими учреждениями, в которых ведется подготовка ИТ-специалистов. Проведя анализ планов приёма на различные специальности в исследуемых ВУЗах, был сделан вывод, что объём генеральной совокупности равен 10000 человек. Итоговое число респондентов в выборочной совокупности составило 476 человек.

Результаты исследования показали следующее:

- Основными мотивами выбора профессии ИТ-специальности являются: высокая заработная плата, престиж профессии, возможности карьерного роста. Большинство респондентов удовлетворены выбором профессии и ВУЗа и хорошо представляют содержание своей будущей профессии.

- Во всех изучаемых университетах существуют практико-ориентированные формы образовательного взаимодействия, такие как: взаимодействие с компаниями-работодателями, стажировки в местах будущего трудоустройства, дополнительные курсы изучения иностранных языков.

- Университеты оказывают студентам поддержку в трудоустройстве. Более половины респондентов считают, что подготовка соответствует требованиям рынка труда. Подавляющее большинство студентов оценивают спрос на ИТ-специалистов на рынке труда, как высокий. В то же время, высока и оценка уровня конкуренции на рынке труда в ИТ-сфере.

- Четверть респондентов уже имеют работу в ИТ-сфере. Конкретными должностями, которые респонденты отмечали чаще всего, являются: тестировщик, разработчик, аналитик. Почти треть респондентов отметили, что знания, полученные в университете, помогают в рабочих моментах.

- Более половины респондентов отметили, что столкнулись с трудностями на начальном этапе работы. Среди основных трудностей они выделили: недостаток знаний по специальности, недостаток навыков планирования, конфликтные ситуации с коллегами.

- Большинство респондентов отметили, что для успешной работы в ИТ-сфере считают важным приобретение надпрофессиональных навыков. Среди них были названы: знание иностранных языков; коммуникабельность; способность к обучению; работа в команде. Подавляющее большинство респондентов отметили, что хотели бы посещать в университете курсы по развитию надпрофессиональных навыков.

Таким образом, в Беларуси наблюдается положительная тенденция – все ВУЗы, в большей или меньшей степени, начали корректировать учебные планы под потребности ИТ-отрасли. Если этот процесс будет развиваться успешно, то через несколько лет университеты будут выпускать большое количество профессионально-социализированных специалистов, полностью готовых к работе в структурах ИТ-бизнеса. Тем не менее Вузам, готовящим ИТ-специалистов можно дать некоторые рекомендации по улучшению качества подготовки специалистов:

1) Вести более тщательный отбор абитуриентов на ИТ-специальности.

2) Пересмотреть учебные программы для ИТ-специальностей и составить новые программы с непосредственным участием компаний-заказчиков кадров. Для увеличения темпов обновления учебных планов создать механизмы межвузовского обмена разработками и методиками преподавания, организовать взаимодействие специализированных учебных центров и университетов, так как ВУЗ даёт будущим специалистам фундаментальную подготовку, а учебные центры помогают соотнести полученные знания с практикой.

3) Внедрить дополнительную профориентационную работу в университетах для подготовки специалистов к выходу на рынок труда.

4) Создать диалог между компаниями-работодателями и представителями университетов с целью последующей интеграции образовательного процесса в непосредственную профессиональную деятельность.

5) Интегрировать в образовательный процесс мероприятия, учебные курсы для развития у специалистов надпрофессиональных навыков, необходимых для успешной работы в организации. Особенность профессиональной социализации специалиста в сфере ИТ заключается в том, что даже молодому специалисту предъявляются очень высокие требования, как в плане профессиональных качеств, так и надпрофессиональных, и эти требования постоянно меняются. Именно высокий уровень развития надпрофессиональных навыков, которые являются результатом профессиональной социализации, сегодня является залогом успешной карьеры специалиста в сфере информационных технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 года // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/statistics/informatizatsiya-obrazovaniya/>. – Дата доступа: 06.10.2020.
2. Общие сведения О ПВТ // Парк высоких технологий Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.park.by/topic-about_http/. – Дата доступа: 07.10.2020.

УДК 339.138

МАРКЕТИНГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ

Подгайский Ф.А.

*аспирант кафедры маркетинга, БГЭУ
(г. Минск, Беларусь)*

В современных условиях в РБ обострилась конкурентная борьба между субъектами хозяйствования ввиду того, что экономика Беларуси находится в переходном периоде, когда происходит переход от социально-экономической системы, основанной на государственной форме собственности к другому экономическому укладу, в основе которого лежит частная собственность на средства производства и рыночные отношения. Рынок Беларуси для многих наших предприятий представляется достаточно узким, и, чтобы успешно работать и далее многие наши предприятия должны будут искать выходы на рынки зарубежных стран. Многие проблемы, связанные с выходом предприятий РБ на зарубежные рынки теоретически были отражены в трудах белорусских ученых-экономистов таких, как Шимов В. Н., Мясникович М. В., Тур А. Н., Шмарловская Г. А. и др. Однако все еще слабо изучен процесс выбора экономической деятельности за рубежом, также практически не изучена методика выхода наших предприятий на рынки других стран, особенно это касается предприятий среднего, и тем более малого бизнеса. Автор считает, что международный маркетинг должен составить более четкую практическую дорожную карту для выхода таких предприятий на зарубежные рынки.

В последнее время внутренний рынок соседней нам страны России развивается быстрыми темпами, особенно быстро развиваются такие отрасли как сельское хозяйство, перерабатывающие предприятия, машиностроение, что уже почувствовали на себе наши предприятия-экспортеры. В условиях нарастания импорта товаров и услуг в нашу страну многие наши предприятия вынуждены все более активно проводить свою маркетинговую деятельность, осваивая новые рынки сбыта, и для увеличения своих продаж искать рынки сбыта на территории других стран. Перед службой маркетинга предприятия встают следующие проблемы: каким образом расширить рынок сбыта своей продукции; какие финансовые затраты допустимы для предприятия при выходе на зарубежные рынки, как не погрузиться в воронку неудач; какую страну или группу стран выбрать для расширения своего бизнеса; как входить на рынок чужой страны или региона; какие организационные, правовые, национальные, культурно-бытовые проблемы могут возникнуть при реализации плана выхода; какой человеческий потенциал задействовать для решения поставленной задачи; какие отношения поддерживать с государственными предприятиями, общественностью и СМИ данной страны и многие другие проблемы.

Существует множество малых предприятий, которые почувствовали на себе ограниченность внутреннего рынка и готовы к выходу на зарубежные рынки. Для таких предприятий выход на рынки других стран сопряжен с большими трудностями, в первую очередь, из-за ограниченности финансовых средств. Но ситуация может быть не безнадежной, если они в своих бизнес-проектах объективно учли все трудности, которые могут возникнуть при вхождении на чужие рынки и те финансовые затраты, которые им потребуются. Большой поддержкой для предприятий, решивших освоить чужие рынки сбыта может стать государство как заинтересованный субъект в расширении экономической деятельности предприятий – резидентов РБ. Кроме государственной поддержки предприятия могут рассчитывать также на помощь в кооперации других институтов – банков, финансовых организаций, инвестиционных фондов, других организаций, резидентов РБ и нерезидентов, которые посредством кооперации с предприятием могут обеспечить выход последнего на зарубежные рынки. И все-таки залогом успеха того или иного предприятия является его правильная международная маркетинговая политика, а не поддержка сторонних организаций.

Приняв решение об исследовании возможностей предприятия к выходу на зарубежные рынки, маркетинговая служба предприятия обязана провести международные маркетинговые исследования на основе уже известных, проделанных по данной теме, международных исследований. Маркетинговой службе необходимо изучить примеры опыта вхождения предприятий на другие рынки, которые описаны в научной литературе. При этом особое внимание уделить тем трудностям, с которыми столкнулись предприятия, и которые стали непреодолимыми препятствиями на пути выхода к внешнему рынку.

Маркетинговые исследования необходимо провести с целью выяснения ёмкости рынка: какова потребность таких товаров на этом рынке; какое здесь предложение товаров подобного типа; насколько легко можно выйти на рынок этой страны или региона; как может развиваться рынок этих товаров в будущем, учитывая конкуренцию в настоящее время. Анализируя внешние рынки нужно проводить также анализ производственной и коммерческой деятельности своего предприятия; сравнивать основные показатели и характеристики своего товара с соответствующими параметрами товаров фирм конкурентов с целью выявления своей конкурентоспособности на этом внешнем рынке. Выбирая внешний рынок необходимо обязательно учитывать:

А) Удаленность этого рынка от своего предприятия, которая может сделать выход на этот рынок невозможным из-за значительных финансовых затрат на логистику продукции и услуг предприятия.

Б) Всевозможные риски, которые могут возникнуть в выбранной стране в связи с ее политическим устройством. Поэтому политическое устройство страны и ее исторический путь подлежат первейшему рассмотрению, включая в себя информацию об экономической политике и финансовых факторах этой страны. Для этого необходимо рассчитать индекс деловой среды. Если в регионе или стране нет политической стабильности, то и входить на рынок такой страны не стоит. Примером этому может служить выход белорусских предприятий на некоторые рынки Латинской Америки.

Выбрав потенциальный зарубежный рынок, маркетинговая служба предприятия должна будет исследовать рынки продаж типового продукта или услуги (Sales Reserch) в данной стране, либо это предприятие может поручить маркетинговые исследования организациям, которые специализируются на этом виде деятельности. Однако многую первичную информацию можно получить своими силами, не выезжая в страну планируемого экспорта или хозяйственной деятельности. Первичные исследования начинаются с просмотра и анализа публикаций в СМИ, в специализированных отраслевых изданиях, в государственных и др. статистических данных, в информационно-справочных материалах, в НИР, в опросах, в проводимой рекламе, в информации Интернета, по отзывам, рекламациям и т.д. В настоящее время главным поставщиком информации является Интернет. Значимость собранной информации в домашних условиях огромна, и тем не менее доверять ей на 100% нельзя, ввиду того, что она меняется очень быстро и может быстро устареть. Для подтверждения этой информации необходимо провести дополнительные исследования непосредственно в этой стране. Сбор информации на местах может проводиться различными специалистами в области маркетинга, социологами, психологами. На этом этапе можно начинать и маркетинговые исследования специализированными маркетинговыми организациями, имеющими хорошую репутацию, которые получают более обоснованные результаты исследований. Результаты собственных исследований и исследований сторонних организаций обрабатываются и представляются руководству предприятия для управленческого решения по данной проблеме. Руководство предприятия анализирует отчеты, которые были представлены его структурным подразделением, а также отчеты сторонних организаций, проводивших исследование по данной теме, взвешивает все «за» и «против» и приходит к выводу: да, на этот рынок можно выходить, и есть большая вероятность того, что через некоторое время будет получена прибыль. Руководство предприятия может также прийти и к отрицательному выводу, ввиду того, что риски при осуществлении экономической деятельности в данной стране перевешивают планируемые дивиденды от экономической деятельности.

Если руководство предприятия все же решает выходить на рынок другой страны, то для маркетинговой службы предприятия наступает следующий этап деятельности: она должна выбрать способ выхода на рынок, которых существует немало, и главной задачей предприятия становится задача правильного вхождения на рынок. Основными способами вхождения на зарубежные рынки является: инвестирование капитала; открытие совместного бизнеса и прямые экспортные поставки товара в страну. Каждый из этих способов имеет свои положительные и отрицательные стороны. Например, экономические поставки товаров являются наиболее простым и распространенным способом, менее всего подверженным рискам. Однако здесь у предприятия возникает проблема контроля за деятельностью посреднических организаций, которые будут продавать товар. На внешнем рынке такой контроль необходим вследствие того, что каждый товаропроизводитель должен

заботиться о своем имидже и торговой марке товара, и поэтому предприятию предпочтительнее создавать свою товаропроводящую сеть за рубежом, что собственно является весьма дорогостоящим бизнесом.

Небольшим, в том числе и малым предприятиям, имеющим небольшой оборот капитала, следует начинать поставки своей продукции с открытия небольших торговых представительских мест розничной торговли, а также заключать договора с индивидуальными предпринимателями и работать с ними по способу международного франчайзинга с минимальным количеством сотрудников (или даже одного), которые будут координировать и контролировать всех других субъектов экономической деятельности в этой стране. При ограниченности своих финансовых ресурсов малое предприятие может начинать свою деятельность в другой стране с открытия одного небольшого производственного цеха, одного небольшого магазина или аренды торговых мест в уже существующих предприятиях торговли.

Если целевой рынок небольшой и предприятие имеет ограниченные ресурсы, то предпочтение можно отдать более дешевым методам продвижения, таким как персональные продажи или связи с общественностью. Следует использовать размещение рекламы в Интернете, адаптировать свой сайт под требования местного рынка, обращаться напрямую к потенциальным потребителям, делая рекламу в социальных сетях.

Зачастую культурные и языковые особенности страны накладывают свои ограничения на использование того или иного товара, определяют продолжительность его жизненного цикла и даже в одной стране могут значительно отличаться. Учитывая это, для каждой отдельной страны необходимо выбирать текст рекламы, вариант слогана, тональность высказывания, тщательно подбирать слова, символическое оформление, цвет иллюстраций так, чтобы они максимально способствовали достижению поставленной задачи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акулич, И.Л. Международный маркетинг : учеб. пособие / И.Л. Акулич. – Минск: Выш. шк., 2006. – 544 с.
2. Белоглазов Д.С. Маркетинговая поддержка принятия компанией управленческих решений при разработке и реализации проектов // Аллея науки. – 2017. – № 5. – С. 362–371.
3. Сенокосова Л.Г., Возиян В.В. Продвижение продукции на внешние рынки на основе современных методов маркетинга // Вестник Приднестровского университета. Серия: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. – 2017. – Т. 3. № 3 (57). – С. 156–159.

УДК 316.422.44

СПЕЦИФИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Поклад Е.А.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

В современных реалиях бурного развития технологий, современным трендом развития общества является повсеместный переход к цифровым технологиям и как следствие рост их роли в жизни человека.

Политика современных развитых стран направлена на создание и развитие инфраструктурных элементов цифрового общества и перехода к качественно новой инновационной политике, и развитию цифровой экономики и электронного правительства для создания условий стабильного и устойчивого общества. Беларусь не является исключением. Текущая деятельность государственных органов и бизнес сектора направлена на рост роли научно-технической деятельности, развития информационно-коммуникационных технологий, интернет инфраструктуры, мобильной связи и IT индустрии. В рамках экономической системы Беларуси с декабря 2005 года, в стране действует специальный налогово-правовой режим «Парк высоких технологий» направленный на развитие ИТ-бизнеса, на 1 октября 2020 года резидентами парка высоких технологий являются 969 компаний [1]. В стране принят Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. N 8 «О развитии цифровой экономики» существенно расширяющий законодательную базу и условия ведения бизнеса в сфере цифровых и информационных технологий [2]. Республика Беларусь так же является первой страной, законодательно закрепившей смарт-контракты [3].

При росте доли информационно-коммуникационных технологий и пользователей Интернет сети при всех тех возможностях, которые открывает цифровая экономика, существует проблема цифрового неравенства и низкий уровень цифровой грамотности и культуры потребления цифровых услуг и товаров у некоторых слоев населения (в особенности детей, подростков и пенсионеров). В виду выше сказанного, актуальным является задача изучения и систематизации проблемного поля цифрового потребления.

Стоит отметить, что специфика цифрового потребления подразумевает его опосредованность современными цифровыми технологиями и конвергентность с технологиями информационными. Согласно определению, данному региональной общественной организацией «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ) цифровое потребление рассматривается как «применение цифровых компетенций в рамках определенных жизненных ситуаций, что приводит к использованию (потреблению) различных цифровых ресурсов» [4]. В рамках проекта центра – «Индекс цифровой грамотности граждан РФ», данная категория используется в качестве одного из субиндексов наряду с субиндексами цифровых компетенций и цифровой безопасности, направленных на измерение цифровой грамотности населения Российской Федерации в динамике.

В условиях повсеместного развития цифровых и информационно-коммуникационных технологий, возникают и новые потребительские стратегии, и предпочтения. В данных условиях важным представляется изучение общественного мнения потребителей цифровых услуг и товаров в Республике Беларусь. Примером изучения является республиканское социологическое исследование, проведенное Институтом социологии НАН Беларуси, в рамках которого изучалось общественное мнение населения Республики Беларусь об Интернет-ресурсах. Исследование проведено методом телефонного опроса (САТ). В опросе приняли участие 600 респондентов в возрасте от 18 лет, проживающих в г. Минске, областных центрах и других крупных городах Беларуси с населением от 100 тыс. человек.

Задачи исследования в ходе изучения общественного мнения были, в том числе связаны с определением уровня потребления цифровых ресурсов и предпочтений потребителей информационно-новостных ресурсов и новых медиа. Большинство респондентов (68,2 %) обращается к информационно-новостным ресурсам в Интернете каждый день, 15,3 % респондентов обращаются несколько раз в неделю, 9,7 % обращаются раз в неделю или реже и лишь 5,8 % опрошенных вовсе не обращаются к новостным ресурсам в Интернете (см. рис 1).

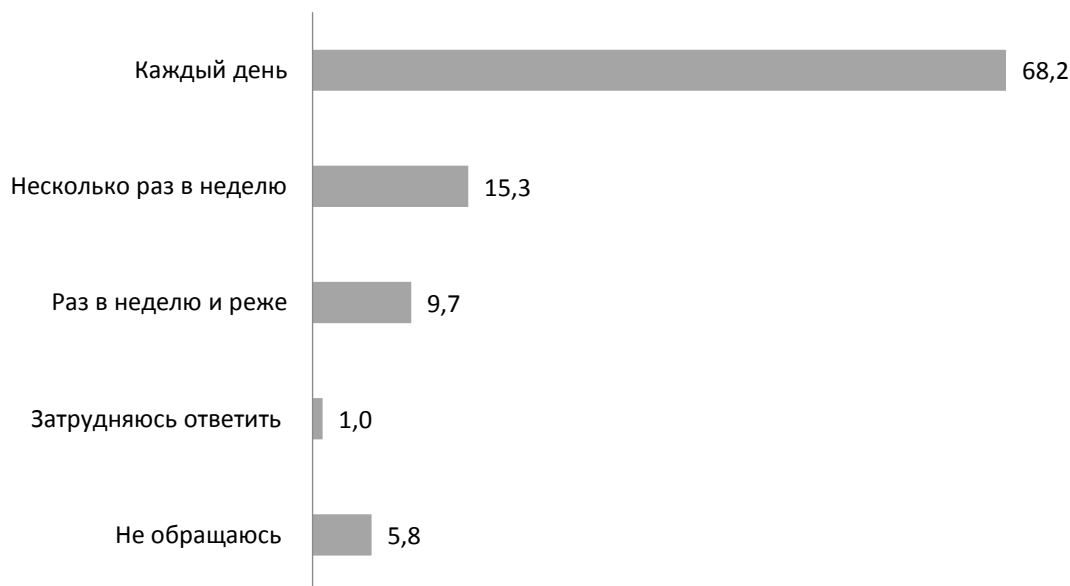

Рис. 1. Частота обращения к информационно-новостным ресурсам в Интернете (сайты, новостные порталы и др.) (в %)

Большинство респондентов обращаются к социальным сетям и мессенджерам каждый день (57,8 % и 54,7 % соответственно), несколько раз в неделю к социальным сетям обращается 14,2 % респондентов, к мессенджерам – 12,3 %, раз в неделю и реже к социальным сетям обращается 10,5 % респондентов, а к социальным сетям 10,8 %. Лишь 16,3 % опрошенных отметили, что не используют социальные сети, у мессенджеров этот показатель несколько выше – 21,0 % опрошенных (см. рис. 2). Стоит отметить, что в случае с социальными сетями и мессенджерами существует возрастная

зависимость, старшее поколение в целом пользуется ими реже, в то время как молодые люди склонны использовать социальные сети и мессенджеры в повседневной жизни намного чаще.

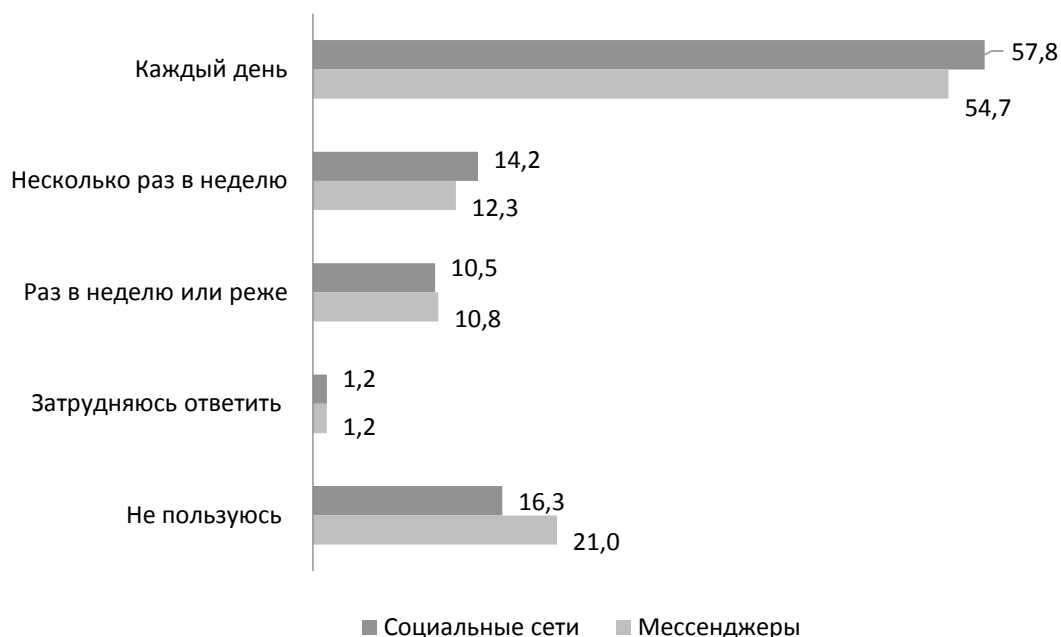

Рис. 2. Частота обращения к социальным сетям и мессенджерам (сайты, новостные порталы и др.) (в %)

Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне потребления цифровых информационно-новостных ресурсов и новых медиа, а также в целом о высокой доли вовлеченности населения в цифровую среду.

Цифровая трансформация общества и рост уровня потребления контента, товаров и услуг в цифровом формате имеет свои характерные особенности находящие свое отображение в повседневной жизни. Уже сейчас с развитием цифровой экономики, цифровые технологии получают распространение практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Уровень потребления цифровых товаров и услуг населением отображает степень вовлеченности населения в цифровую экономику. В условиях ориентации Беларуси на развитие цифровой экономики, электронного правительства и дальнейшее развитие IT технологий необходимо систематическое изучение общественного мнения населения Республики Беларусь в данной области. Немаловажную роль представляет также цифровая грамотность населения, навыками которой в современных реалиях должны обладать все слои населения, вовлеченные в общественную жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Компании парка высоких технологий [Электронный ресурс] // Сайт парка высоких технологий. URL: <http://www.park.by/it/enterprises/type-search/> (дата обращения: 15.10.2020).
2. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения: 15.10.2020).
3. Беларусь первой в мире законодательно закрепила smart-контракт [Электронный ресурс] // Интернет-портал белорусского телеграфного агентства. URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-pervoj-v-mire-zakonodatelno-zakrepila-smart-kontrakt-281784-2017/> (дата обращения: 15.10.2020).
4. Индекс цифровой грамотности 2017 // Всероссийское исследование «Индекс цифровой грамотности граждан РФ». URL: <https://rocit.ru/uploads/769c4df4bc6f0bd6ab0fbe57a056e769b8be6bcf.pdf?t=1517847097> (дата обращения: 17.10.2020).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ*Посталовская О.А.**доцент кафедры политологии, БГЭУ**кандидат политических наук**(г. Минск, Беларусь)*

В современном обществе под влиянием многих факторов и, прежде всего, процессов глобализации возрастает потребность в разработке государствами единых комплексных подходов к формированию и реализации экологической политики. Появление новых ее участников (субъектов) определяет необходимость создания глобальной системы экологического управления и обеспечения взаимодействия в ней всех субъектов. Экологическая политика становится важным и приоритетным направлением социогуманитарных исследований в целом и социологии в частности.

Данные факторы позволяют сделать вывод о том, что экологическая политика должна анализироваться с позиции комплексного междисциплинарного подхода и может рассматриваться как системная социальная технология управления экологической сферой, а также как деятельность не только государственных, но и иных политических, экономических и социальных субъектов в целях обеспечения рационального использования природных ресурсов и регулирования воздействия общества на природу. Тем самым она становится одним из важнейших направлений деятельности государства и императивом современных социально-политических отношений. На основе этого формируется представление об экологической политике в современном обществе как интегративном теоретическом и научно-практическом феномене современного социума, включающем и теорию, и социальную практику. Поэтому сущность экологической политики целесообразно раскрывать не только с точки зрения государственной политики, но и через деятельность новых политических, экономических и социальных институтов по обеспечению рационального использования и возобновления природных ресурсов, нормальной жизнедеятельности и экологической безопасности человека.

В основе экологизации политики лежат, с одной стороны, противоборство экономических потребностей и интересов, а с другой – стратегии, связанные с обеспечением экологической безопасности. В связи с этим в современном мире экологическая составляющая политических отношений является ключевой на уровне и глобальных, и региональных, и локальных политических процессов.

Влияние глобализации на механизмы формирования и реализации экологической политики дает основание говорить о том, что в настоящее время изменяется характер социально-политических практик (институтов, инструментов и механизмов реализации) в области экологии и экологических отношений. Происходит серьезная трансформация экологической политики, которая приобретает более тесную связь с экономикой, социальной сферой, а также другими сферами общественной жизни общества. В сфере экологических отношений все большее влияние приобретают новые субъекты, имеющие негосударственный характер. Это многочисленные негосударственные субъекты, выражающие интересы тех или иных групп общества. Все шире в процесс принятия экологических решений вовлекаются транснациональные корпорации, научные и общественные объединения, группы интересов и лоббирования, бизнес-структуры, партии, СМИ, эксперты, аналитики, публицисты, журналисты. Воздействие новых акторов на политику в сфере природопользования приводит к тому, что данное проблемное поле расширяется и экологическая политика принимает системный характер. Выявление указанных особенностей позволяет в дальнейшем осуществлять процесс ее формирования с учетом новейших тенденций современного общества, а также учитывать их при разработке национальных приоритетов экологической политики. Все это будет способствовать созданию эффективного механизма ее реализации.

В указанных контекстах представляется актуальным обращение к вопросам освещения экологической проблематики в средствах массовой информации и ее восприятия массовой аудиторией. Проблема роли СМИ как субъектов экологической политики является актуальной и для нашей страны. Информация об экологии, об экологических проблемах, программах пользуется большим спросом у аудитории национальных СМИ, что, в свою очередь, отражает степень востребованности данного проблемного поля.

Таблица 1. Динамика приоритетов белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения массово-политической информации по вопросам экологии в 2010-2019 гг. (в %)

Тип СМИ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Газеты	25,0	20,6	25,3	17,4	17,4	16,7	25,4	20,3	13,8
Радио	9,9	8,2	11,3	6,1	8,4	5,8	8,4	9,4	4,6
ТВ	72,8	69,4	67,5	58,8	64,0	62,2	64,0	62,5	46,9
Интернет	19,8	26,2	32,1	42,1	40,1	42,2	49,5	49,0	50,2
Интернет (соц.сети)	–	–	–	–	–	–	14,3	15,4	17,9

Так, согласно социологическому исследованию, проведенному ЦСПИ БГУ в 2019 г., наиболее востребованным источником получения информации об экологических проблемах выступает Интернет (новостные порталы, тематические сайты) и телевидение. Экологическая проблематика включает в себя вопросы экологии и защиты окружающей среды в целом. Данный тематический конструкт рассматривается наравне с таким тематическим проблемными полями как «политика», «экономика», «культурная жизнь». Сетевые ресурсы в качестве источника получения информации по проблемам экологии выбирают 50,2 % населения (республиканская репрезентативная многоступенчатая стратифицированная выборка с использованием маршрутного метода отбора респондентов на последней ступени отбора, объем выборочной совокупности – 1000 человек). Если в 2010 г. к сети Интернет в качестве инструмента поиска актуальной информации об экологии обращались лишь 19,8 % респондентов, то в 2019 г. этот показатель составил уже 50,2 %. Динамичное развитие данного сегмента национальных СМИ привело к росту востребованности и популярности Интернета в качестве источника информации, в том числе и по экологическим проблемам. Телевизионный источник массовой информации выбирают 46,9 % населения Беларуси [1, с. 59]. Телевидение, в свою очередь, является традиционным, популярным и распространенным источником информации о различных сферах жизнедеятельности, в том числе и экологии.

Показатели печатных СМИ и радио по данным опроса не представляются значительными. К газетам и радио для получения информации об экологических проблемах обращаются лишь 13,8 % и 4,6 % опрошенных. Развитие Интернета обусловило отток аудитории от традиционных СМИ, в частности, от радио и печатных изданий. Начиная с 2006 г., у печатных СМИ и радио наблюдается тенденция снижения аудитории, обращающейся к данным источникам в качестве получения информации по актуальным общественным проблемам, в том числе и по экологическим вопросам. Молодежь является основной социально-демографической группой, которая предпочитает получать информацию об экологии из сети Интернет. 77,8 % аудитории составляют лица 18-29 лет, а представители старших возрастных групп предпочитают использовать традиционные СМИ, в частности, газеты (34,9 % – аудитория – лица старше 60 лет) и телевидение (83,5 % аудитория – лица старше 60 лет) [1, с. 59-60].

Простота восприятия визуального образа, формируемого телевидением, равно как и создание «эффекта присутствия» у зрителя усиливает позиции телевидения в информационном поле Беларуси. Если рассматривать аудиторию, интересующуюся проблемами экологии с позиций ее образовательного уровня образования, то наиболее многочисленной частью зрителей, выбирающих ТВ основным источником информации, являются лица, имеющие начальное (неполное среднее) образование (83,2 %). В то время как доля телезрителей с высшим образованием составляет 57,9 %.

Как показал вторичный анализ эмпирических данных, основным источником для получения информации о проблемах экологии, а также основным каналом информационного воздействия на население в целом является телевидение и сетевые ресурсы. В целом, экологическая проблематика выступает востребованной тематической повесткой среди населения. Указанная тенденция отражает значимость экополитических процессов, происходящих на современном этапе развития общества в условиях цифровизации. Сохранение баланса в системе «человек-общество-природа» является одним из востребованных тематических полей в массовом восприятии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Посталовский, А. В. Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение : монография / А.В. Посталовский. – Минск : РИВШ, 2019. – 236 с.

МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ФОКУСЕ

Посталовский А.В.

*ведущий научный сотрудник, ЦСПИ БГУ
кандидат социологических наук
(г. Минск, Беларусь)*

В современных условиях развития национального информационного поля медиаконвергенция как форма функционирования воспроизводства и потребления информационного контента приобретает характер принципиально нового парадигмального вектора развития медиасферы. Стирание структурных границ в типологии СМИ приводит к фактическому размыванию границ между профессиональным журналистом и сетевым блогером, жидкокристаллическим (LCD) телевизором и смартфоном, прямой телевизионной трансляцией и технологией SmoothStreaming на видеохостинге Youtube. Медиаконвергентное состояние информационного поля видоизменяет роль традиционных СМИ (телевидение, печатные СМИ, радио) в контексте воспроизводства массовой информации и воздействия на аудиторию. Ранее, содержательные контексты воспроизводимого информационного контента и территориальный охват распространения информации играли определяющую роль в вопросе востребованности традиционных СМИ. Содержание информационного контента, частота распространения и доступность технических средств получения информации (например, наличие телевизора или иного устройства) во многом определяли популярность тех или иных СМИ. В данном случае содержательная составляющая информационных материалов обуславливала направление коммуникации по отношению к аудитории по принципу «ИНФОРМАЦИЯ – РАСПРОСТРАНЕНИЕ – ПОТРЕБЛЕНИЕ».

Медиаконвергентное состояние информационного поля привело к тому, что журналисты и профессиональные работники медиасферы перестали быть основными источниками воспроизводства массовой информации. В настоящее время абсолютно любой пользователь сетевого пространства может выступать не только реципиентом исходящего информационного контента, но самим находится в роли источника воспроизводства и распространения информации. Учитывая многообразие современной массовой информации, формируемой как традиционными источниками воспроизводства, так и самой аудиторией, имеющейся возможности мгновенного доступа к любому контенту, размещенному в открытом доступе сетевого пространства, наличием обратной коммуникативной связи между производителем и потребителем информации (пользовательские комментарии, визуальные инструменты сетевого одобрения в социальных медиа) современное информационное поле характеризуется содержательным переизбытком имеющегося медиаконтента.

Социологическое исследование особенностей функционирования национального информационного поля проводилось ЦСПИ БГУ по заданию Министерства информации Республики Беларусь в рамках НИР «Разработка комплекса технологий и инструментов оперативного реагирования на формирующиеся вызовы и угрозы в медиапространстве Республики Беларусь» (№ ГР 20181934).

Структуру информационного поля составляет динамика информационного воздействия пяти основных сегментов, в состав которых входят как традиционные СМИ (телевидение, радио, печатные СМИ), так и Интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы) в целом (включая средства сетевой виртуальной медиакommunikации). Согласно приведенным в таблице 1 данным, наиболее востребованными каналами получения информации по общественно-политической тематике является телевидение (50,2 %) и Интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «К каким источникам Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию по проблемам...»

Источники информации	Политики	Экономики	Культурной жизни	Экологии
К газетам	17,9	16,6	15,9	13,8
К радио	5,3	4,5	7,5	4,6
К телевидению	50,2	49,4	47,3	44,9
К Интернету (сайты, новостные порталы)	48,1	49,2	45,5	48,2
К Интернету (социальные сети)	9,2	8,4	16,4	11,9

По вопросам политики и культуры наиболее востребованным каналом получения информации выступает телевидение, по вопросам экологии – Интернет (сайты, новостные порталы). В отношении экономических вопросов в плане расстановки приоритетов аудитории достигнуто равенство между телевизионным и сетевым сегментом информационного поля – впервые за многолетний период медиаизмерений (2003-2019 гг.).

Согласно данным массового опроса населения 2019 года, структуру национального информационного поля (рисунок 1) определяют фактически два равнозначных по степени информационного влияния на аудиторию сегмента – телевидение и интернет (сайты, новостные порталы). Позиции печатных СМИ значительно ниже, тем не менее, газеты по-прежнему используются аудиторией как источники получения массовой информации. Показатели радио (таблица 1) являются самыми низкими за весь период проведения социологических мониторинговых исследований ЦСПИ БГУ.

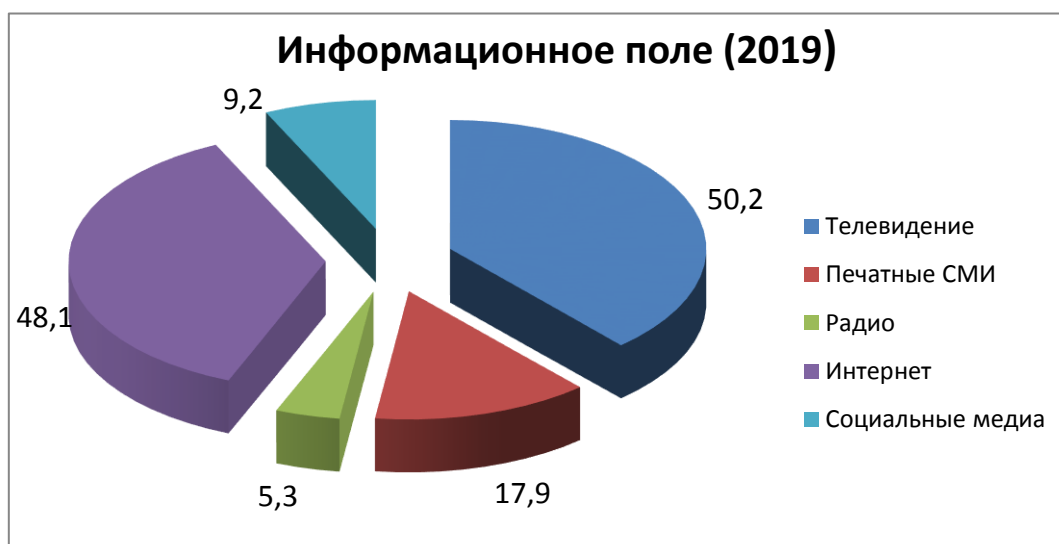

Рис. 1. Доля основных источников получения информации по общественно-политической тематике в 2019 г. (в %)

В таблице 2 представлены показатели ответов респондентов в разрезе возрастных групп. Печатные СМИ в наибольшей степени востребованы среди аудитории в возрасте 60 и старше. Аналогичная тенденция сохраняется и в телевизионном сегменте информационного поля. Молодежь использует указанный источник информации (22,2 %), при этом востребованность телевидения среди аудитории 60 лет и старше составляет 75,1 %.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «К каким источникам Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию по проблемам...» в разрезе возрастных групп

переменные	18-29	30-44	45-59	60 и старше
К газетам	5,7	8,3	19,7	36,8
К радио	1,7	3,2	6,1	9,9
К телевидению	22,2	43,1	57,6	75,1
К Интернету (сайты, новостные порталы)	74,8	64,8	42,8	12,6
К Интернету (социальные сети)	21,7	9,1	6,1	1,2

В связи с чем, представляется необходимым сделать вывод о том, что телевидение продолжает занимать определяющие позиции в отечественном информационном поле во многом благодаря высокой востребованности телевизионного контента среди представителей среднего и старшего поколений. В отношении Интернета наблюдается прямо противоположная тенденция, где общие показатели востребованности формируются во многом за счет молодежи.

Общая картина изменения приоритетов аудитории национального информационного поля в период 2003-2019 гг. представлена на рисунке 2.

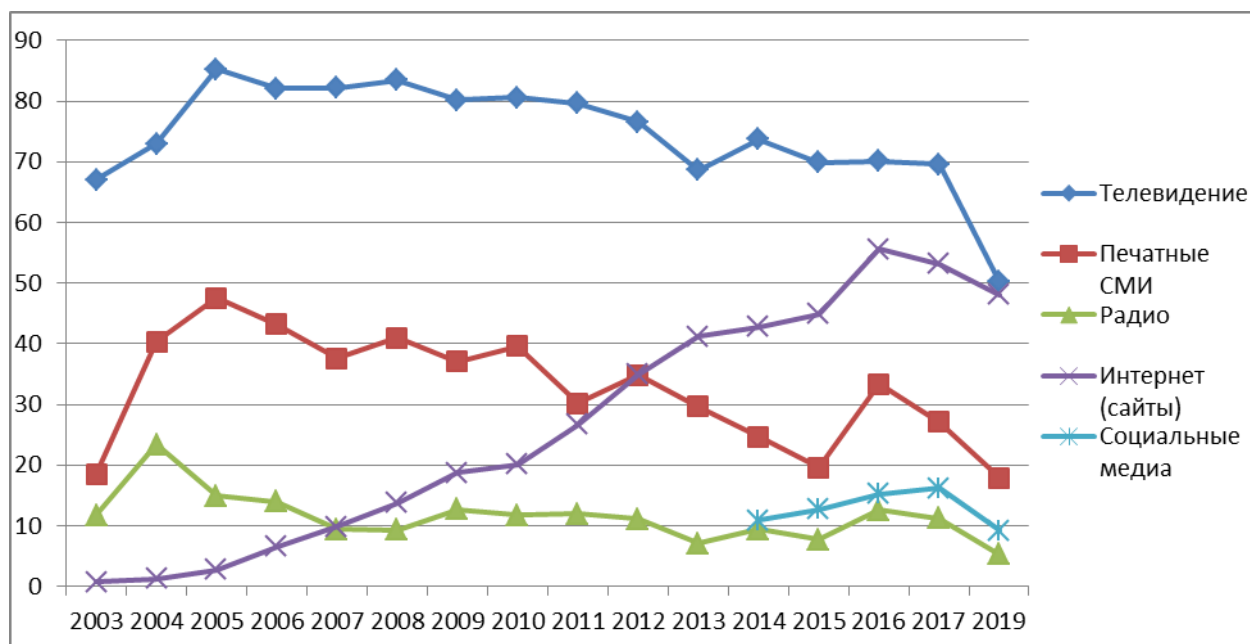

Рис. 2. Динамика изменения приоритетов аудитории относительно структурных сегментов информационного поля (2003-2019 гг.)

Исходя из полученных эмпирических данных, именно в 2019 году достигнуто условное «равновесие» в вопросе расстановки приоритетов национальной аудитории в отношении источников получения информации.

В настоящее время индивид, в частности, молодое поколение, функционирует в пространстве всеобъемлющих масштабов распространения информации и мозг, в данном случае, даже гипотетически не способен справиться с такими объемами медиапотребления, вследствие чего молодежь практически не занимается аналитической фильтрацией информации, выбирая либо развлекательный контент либо ту информацию, которая подается в максимально простых для восприятия форматах. Указанное обстоятельство по своей сути не выступает суть позитивным или негативным явлением. Фактически это абсолютно естественная ситуация для сформировавшегося медиапотребления в контексте медиаконвергенции информационной сферы. Полученные эмпирические результаты в полной мере отражают состояние пространства «клипов» по Э. Тоффлеру и общие процессы оптимизации информационного контента в пользу упрощения и обеспечения простоты восприятия. Формирующаяся тенденция, в свою очередь, оказала существенное влияние и на журналистские практики воспроизводства массовой информации. Простота восприятия материалов современных медиа выступает новым парадигмальным направлением подготовки и распространения информационного контента, уступая место аналитической и критической рефлексии в отношении массовой информации.

УДК: 316.346.3-053.9(476)

ПРОБЛЕМА СТАРЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Похомова А.А.
 доцент кафедры социологии, БГУ
 кандидат социологических наук, доцент
 (г. Минск, Беларусь)

Процесс старения может рассматриваться на микро и макроуровнях. Старение человека, связанное с его физиологическими изменениями, влияющими на жизнеспособность организма, индивидуально и зависит от многих факторов. Как отмечают специалисты, многие механизмы старения носят случайный характер, опосредованно испытывая влияние внешней среды и образа жизни

человека [1]. Старение населения представляет собой такое демографическое изменение социальной структуры населения, которое характеризуется ростом численности и доли лиц, старше 60 лет. Данные процессы влияют практически на все сферы жизнедеятельности общества. Согласно данным ВОЗ, к 2050 г. число людей старше 60 лет возрастет в два раза [1]. На международном уровне вопросам старения населения уделяется особое внимание, с целью мониторинга ситуации проводятся сравнительные международные исследования, например «Исследование проблем глобального старения и здоровья взрослых людей» (SAGE).

Отдельной проблемой выступает качество жизни пожилых людей, т.е. в какой степени социально-экономическое положение государства соответствует удовлетворению потребностей (социальных, экономических, духовных и пр.) пожилых людей. Объем прав пожилых людей не меньше, чем у людей других возрастов, однако для их реализации пожилым людям необходимо прилагать больше усилий. Помимо этого соблюдение прав пожилых людей требует принятия дополнительных мер со стороны государства и общества. Пожилые люди оказываются наиболее уязвимыми перед вызовами внешней среды, социальными и эпидемиологическими рисками. На международном и национальном уровнях осуществляются мероприятия, ориентированные на обеспечение возможности здорового старения населения.

Доля пожилых людей растет во всех мире, в том числе и в Республике Беларусь. Это происходит в результате увеличения ожидаемой продолжительности жизни и снижения рождаемости. Демографическая ситуация в Республике Беларусь такова, что на 2019 г. 24,8% населения было старше трудоспособного возраста. При этом наблюдается гендерный дисбаланс в старших возрастных группах (см. рис.1) [2].

В Республике Беларусь число женщин старше трудоспособного возраста почти в два раза превышает численность мужчин, находящихся в этой же возрастной категории [3]. При этом, согласно статистическим данным, в Республике Беларусь ожидаемая продолжительность жизни мужчин меньше приблизительно на 10 лет, чем у женщин (69,2 и 79,4 соответственно). Эти статистические данные сигнализируют о проблеме одиночества среди пожилых людей.

Наличие в обществе социальных стереотипов способствует тому, что пожилые люди рассматриваются как объекты оказания помощи, но не в качестве агентов социальной деятельности. Место пожилых людей в социальной иерархии по достижению пенсионного возраста и их роль в обществе меняется. Проблема заключается в том, что пожилые люди в белорусском государстве, обладая социальными, экономическими и культурными правами, не могут в полной мере ими воспользоваться в силу разных причин: гендерной и возрастной дискриминации, отсутствия необходимых знаний и навыков, физической недоступности и т.д.

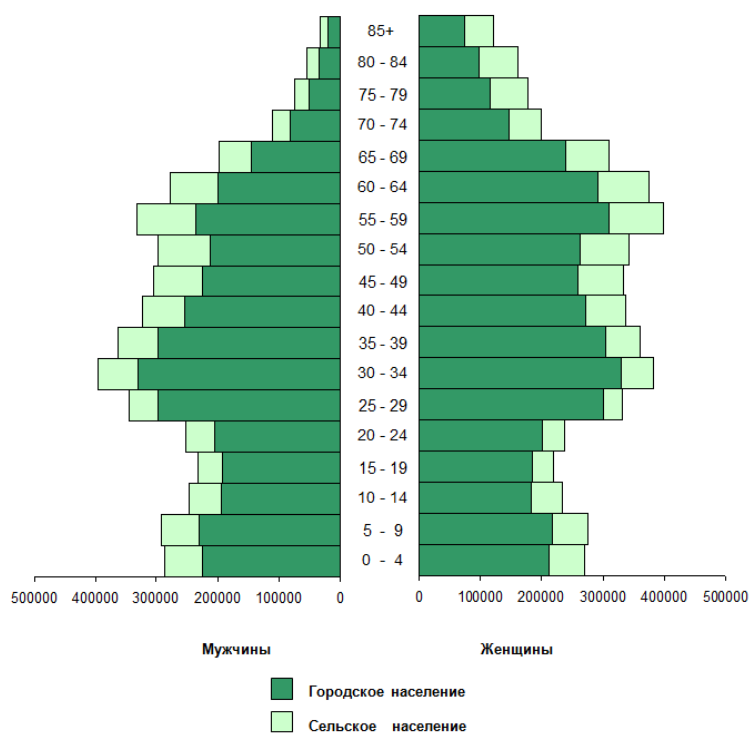

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Республики Беларусь, 2019 г.

По данным социологического исследования (октябрь, 2019 г.; проведенное Центром системных бизнес-технологий SATIO по заказу Фонда ООН в области народонаселения в Беларуси), белорусы убеждены, что пожилые люди испытывают трудности с трудоустройством (89% опрошенных), сталкиваются с нарушением права на достойную пенсию, не чувствуют себя в безопасности (56%), сталкиваются с одиночеством (82%). К социальным стереотипам о пожилых людях, распространенных среди белорусов, относятся представления о «бедственном положении пожилых», проявляющемся в бедности и нехватке денег, проблемах со здоровьем, одиночестве и незащищенности. Если негативные стереотипы связаны в основном с материальными проблемами и проблемами со здоровьем, то положительные стереотипы связаны, в основном, с чертами личности и особенностями поведения [4].

Увеличение средней продолжительности жизни людей должно коррелировать с развитием инфраструктуры для пожилых людей для успешной реализации ими своих социально-экономических и культурных прав. Пожилые люди не менее, чем иные категории граждан нуждаются в организованном досуге, возможности общения с другими людьми, дополнительном образовании с целью приобретения нужных знаний, умений и навыков для успешного функционирования в обществе и улучшения качества жизни.

В Республике Беларусь реализуются немногочисленные проекты по содействию пожилым людям в реализации их права на образование (неформальное образование в Университете третьего возраста), участие в жизни общества (волонтерские группы пожилых людей в Белорусском Обществе Красного Креста) и др. Однако ресурсы проектов ограничены и охватывают лишь небольшое число лиц старшего возраста. Значимость реализации потенциала пожилых людей как людских ресурсов была отмечена еще в конце XX в. в Декларации Генеральной Ассамблеи по проблемам старения [5].

В силу этого необходимы более глубокое изучение проблем пожилых людей, связанных с реализацией ими своих социально-экономических и культурных прав, и разработка социальных и правовых мер по преодолению дискриминации по возрасту, а также других барьеров в белорусском обществе и государстве, имеющих на пути человека к здоровому старению. Изучение проблем пожилых людей затрагивает социальные, физиологические, экономические и правовые аспекты, поэтому наилучший результат может быть получен при проведении междисциплинарных исследований.

Таким образом, в связи с увеличением доли социальной общности пожилых людей в структуре населения возникает естественная потребность в научном теоретическом и практическом изучении потребностей и проблем людей старшего возраста, а достижение здорового старения, популяризация активного долголетия представляют собой актуальные задачи в связи со старением населения не только в Республике Беларусь, но и на международном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Всемирный доклад о старении и здоровье [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций - Режим доступа: <https://www.who.int/ageing/publications/world-report-2015/ru/>. - . - Дата доступа: 21.10.2020.
2. Демографическая и социальная статистика Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет. - Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/polovozrastnaya-piramida-naseleniya/>. - Дата доступа: 21.10.2020.
3. Демографический ежегодник Республики Беларусь : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. - Минск, 2019. - 429 с.
4. Исследование для Форума достойного долголетия [Электронный ресурс] // CIVITTA GROUP SATIO. - Режим доступа: <https://satio.by/novosti/forum-dostojnogo-dolgoletiya-2/>. - Дата доступа: 03.01.2019; Отношение населения к людям пожилого возраста и восприятие феномена старости / [Центр системных бизнес-технологий] SATIO. - [Б.и.; б.и, 2020]. - 72 с.
5. Декларация по проблемам старения [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. - Режим доступа: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/47/5&referer=http://www.un.org/en/sections/issues-depth/ageing/&Lang=R. - Дата доступа: 20.10.2020.

ИГРА КАК ИНСТРУМЕНТ «ГЕЙМИФИКАЦИИ» ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ**Салтанович И.П.**

доцент кафедры философии и логики, МГЛУ

кандидат социологических наук, доцент

(г. Минск, Беларусь)

Роль игры, присутствующей на протяжении всей истории человечества в культуре и социуме, в 21 веке возросла столь значительно, что порой общество даже не осознает всей серьезности и неотвратимости преобразовательной роли игры в дальнейшем развитии. Многие процессы внедрения игровых элементов, находясь в сфере очевидности, еще недостаточно изучены и представляют существенный объект для интересных и перспективных исследований.

Инновации не принимаются всеми людьми в социальной системе одновременно, они, как правило, адаптируются во временной последовательности. Существует ряд пересекающихся смыслов, где социальные инновации включают элементы игры: во-первых, в самих проектах, воплощая игру в социально-инновационных практиках; во-вторых, используя игровую тактику в неприятии (новое время) и изменении (разрыв шаблона) правил игры; и, в-третьих, в разработке и институционализации новых «игровых» подходов к управлению, которые способствуют трансформации социума.

Игровые механизмы можно рассматривать как интерфейс между реальными и смоделированными проблемами, запланированными и реализованными. Так как эффективность социума зависит от действующих институтов («правил игры»), то сегодняшний социум меняет эти правила. Игровая диалектика освещает и дает возможность переосмыслить то, как изменяются социальные инновации.

Игра сегодня – это не просто элемент культуры, она становится способом бытия человека в мире, инструментом «геймификации» публичной сферы. Современное общество требует нарушения любой одномерной логики, использует игровой принцип риска, игру рассматривает как инновацию, результат свободного личностного выбора. «Человек играющий выражает такую же существенную функцию, как человек созидающий» [1, с.7], а в современной культуре игра всё больше институционализируется, проникая в биржевые, экономические, политические, социальные, сугубо прикладные сферы, выстраивая игровой континуум (от лат. *continuum* «непрерывное, сплошное») [2].

Рискуем этот процесс обозначить сугубо техническим термином – «геймификация» социума. Геймификация – использование игровых механизмов в неигровых контекстах для повышения индивидуальной вовлеченности и мотивации: это позволяет выполнять работу или решать проблемы приятным и полезным способом, использовать игровые механизмы для решения практических задач или стимулирования участия определенной публики в игровых сценариях, не связанных с индустрией развлечений.

Ведущий специалист в области геймификации Юк. Чоу дает определение геймификации как использование наиболее увлекательных приемов из мира игр в реальном бизнесе, в работе и в обычной жизни. Она представляет собой дизайн, сфокусированный на человеке (*human-focused design*) и на его эмоциях (в частности, на чувствах, вовлеченности в какой-то процесс и в мотивации на какое-то действие) [3].

Игровая механика действительно эффективна, потому что основана на человеческих желаниях и потребностях: они обеспечивают цели, которые должны быть достигнуты, и награды, которые должны быть получены. Самость в сообществах, позволяющая решать проблемы простым и увлекательным образом, стимулирование творчества и поиск альтернативных решений, а также улучшение и создание наиболее приятных ощущений в повседневной жизни – таким образом «играть» и «игры» создают более грандиозный и запоминающийся смысл для человеческих действий: пользователь чувствует себя как главный герой очень важной истории.

В недавнем исследовании о влиянии игры на общество Дж. МакГонигал, дизайнер ARG заявила, что игровой фактор может облегчить и улучшить понимание современного мира, упрощая передачу знаний, социальное обучение и поощряя людей к позитивному социальному поведению (лучшие практики). МакГонигал считает, что «когда мы играем в игры, мы не страдаем» [4].

Игра задействует эмоции человека, увлекает его и заставляет переживать игровую ситуацию. В мозге человека активизируются участки, отвечающие за удовольствие. По этой причине именно игровой контент способен вызвать у пользователей высокий отклик и удержать внимание аудитории. В данном случае стоит разделить собственно игру и игровую ситуацию.

Много человеческих действий в повседневной жизни, при всей их необходимости, часто бывают скучными, повторяющимися, отталкивающими или стрессовыми: налоги, общественный транспорт, ЗОЖ, правила дорожного движения и многое другое. Вместо этого мы «играем» и «игра» как занятие полезное порождает мотивации, стимулируя самые важные потребности человека, такие как сотрудничество, конкуренцию и социализацию. Фактически, главная цель современно порожденной «геймификации» социума – объединение и вовлечение людей в мотивационную сферу выполнения рутинных заданий по игровому алгоритму в игровом континууме.

В игре мы часто стремимся достичь какой-то цели, но иногда играем просто ради удовольствия. Игра, по возможности, включает стратегии – простые, порой очень сложные. Играя, мы примеряем вещи и «пробуем их на вкус». Мы импровизируем, берем на себя новые роли, воображаем, что произойдет, если мы будем обладать новыми возможностями или будем вести себя иначе. Мы отбрасываем то, что не работает, и строим то, что работает. Мы можем играть в одиночку или конкурировать с кем-то, можем сотрудничать с другим человеком или командой против более крупного соперника. Мы можем проиграть игру или битву, но всегда имеем шанс начать все заново.

Игра как ресурс становится наиболее ценной, когда социум сталкиваемся с ситуациями, которые требуют незапланированной адаптации, особенно если эта адаптация касается самой эволюции, такие чрезвычайно изменчивые условия заставляют человека использовать воображение. В публичной сфере наиболее очевидно проявляется процесс постоянной модификации, причем с пугающей скоростью. Мы должны понимать, что игра как ресурс не всевластна и разумная осторожность никогда не помешает. Это ресурс порой авантюрного путешествия, подталкиваемого нашей фантазией. Безусловно, мы увидим внутреннюю «геймификацию» во многих социокультурных средах, руководители с богатым воображением начнут встраивать ее в сферы, где мы не встречали ее ранее, «геймификация» оказывает огромное влияние на благотворительную и социальную сферы, а также на правительство и политику.

В книге «Спираль цинизма» Джозеф Капелла и Кэтлин Холл Джеймисон описывают обширное влияние фрейминга игры на политический цинизм. Они объясняют, как игровой нарратив реструктурирует когнитивные схемы, связанные с политикой, а также интерпретирует политическую информацию [5].

В работах современных авторов мы встречаемся с понятием геймифицированной политики, которое рассматривается как лекарство от политического отчуждения, определяемое как типичная черта современного общества в первую очередь, связанная с молодежью. В публичной сфере, которая все больше зависит от коммуникационных технологий, возможно, наиболее разумный способ выстроить конструктивный диалог - принять тот самый контекст, в котором молодежь чувствует себя наиболее комфортно, т.е. адресовать посыл в цифровом виде и да, геймифицированным.

Игровой континуум делает пользователя активным потребителем информации, «играющей» на знание или решение проблем: человеческие действия порождают мгновенную обратную связь, которая, опираясь на карту пользовательского опыта, пытается исправить ошибки с целью модификации системы.

Публичная сфера как игровое поле доказывает, что активируя позитивный процесс генерации идей и раскрытия творческого потенциала, «игровая механика» позволяет связать нынешние действия с перспективными результатами, стимулирует умственную реконструкцию альтернативных, исследовательских и авантюрных сценариев, которые включают множество когнитивных аспектов, открывая поле для нестандартных решений, мотивируя разработку оригинальных и инновационных идей, передающих знания в простой, увлекательной и эффективной форме. За пределами базовых наблюдений очень сложно предсказать будущее «геймификации» социума, но вне всяких сомнений эта составляющая будет только увеличиваться в новых условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хейзинга, Й. Homo ludens в тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Изд. гр. «Прогресс» . – 1992. – 464 с.
2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
3. Геймификация в бизнесе: маркетинговый инструмент будущего [Электронный ресурс] /. – Режим доступа: <https://blog.molodost.bz/advanced/gejmifikaciya/>. – Дата доступа: 20.01.2020.
4. McGonigal, J. Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World / J. McGonigal. – New York: The Penguin Press. – 2011. – 416 p.
5. Cappella, J. N. Kathleen Hall Jamieson Spiral of Cynicism: The Press and the Public / J. N Cappella, K. H. Jamieson. – Good Oxford University Press. – 1997. – 336 p.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНЖИНИРИНГ И МЕДИАТИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ**Сарна А.Я.***доцент кафедры социальной коммуникации, БГУ**кандидат философских наук, доцент**(г. Минск, Беларусь)*

Повсеместное распространение информационных технологий можно считать закономерным итогом начального этапа технологического развития общества, для которого характерно слияние знания и умения, когда определенные результаты социальной практики стали фиксироваться в знаково-символической форме и транслироваться массовой аудитории. В дальнейшем происходит объединение науки и инженерии, которое привело к изменению самой технологии и возникновению интеллектуальных разработок в области проектирования деятельности. На этом положении строится социальный инжиниринг, возникший в США в середине XX в. в связи с необходимостью формирования и преобразования социальных систем различного уровня сложности, целенаправленным изменением организационных структур, определяющих человеческое поведение и обеспечивающих контроль над ним.

Социальная инженерия опирается на достижения таких наук, как социология, психология и антропология в их взаимосвязи с конфликтологией, теорией менеджмента и организационных коммуникаций. Здесь применяются различные социальные технологии для проектирования и планирования рационально организованной коллективной деятельности по достижению стратегических целей на основе согласования интересов различных субъектов, координации их совместных действий, концентрации и целевого распределения трудовых, материальных, финансовых, информационных и прочих ресурсов [1].

Эти разработки могут быть весьма полезны и эффективно использоваться в современном белорусском обществе, где активно развиваются «горизонтальные» социальные связи и «низовые» гражданские инициативы в противовес «властной вертикали» и иерархически организованной системе госуправления. После президентских выборов 2020 г. и последовавших за ними событий в Минске и областных центрах происходит солидаризация и сплочение жителей городских микрорайонов, улиц, дворов и даже отдельных домов. Возникают локальные и ситуативные городские сообщества, которые в будущем могут стать альтернативными институтами местного самоуправления и выступить основой гражданского общества в Беларуси на основе уже сложившейся субкультуры протеста со своими нормами, ценностями и идеалами.

Процесс становления данных сообществ разворачивается через самоорганизацию (формирование сообщества на основе солидарности и взаимной поддержки), идентификацию (отождествление группы с конкретным сегментом городского пространства), номинализацию (называние себя через городские топонимы и урбанонимы как в рамках официальной системы обозначений, так и вне ее), символизацию (средствами коммуникативного дизайна городской среды с использованием образов и символов), мобилизацию (для организации регулярных встреч). Новоявленные гербы и флаги районов/микрорайонов и улиц – это яркий атрибут становления и усиления местного самоуправления, гражданской автономии вне официально утверждённых территориально-административных рамок.

Параллельно возникает и активно развивается субкультура протеста со своими нормами, ценностями и идеалами, мифами и легендами, героями и кумирами, что позволяет ей претендовать на роль контркультуры как неофициальной, альтернативной традиции и ключевого элемента в политической культуре современного белорусского общества. Базовые принципы и основные идеи данной субкультуры репрезентированы в некотором наборе образов, знаков и символов, которые постоянно воспроизводятся и лишь незначительно видоизменяются. Их генерирование и тиражирование осуществляется через новые медиа (мессенджеры, социальные сети, видеоблоги и телеграм-каналы), а затем ретранслируется средствами маркирования территории (наклейки, плакаты, листовки, флаги) в повседневных взаимодействиях на улицах и во дворах, что позволяет говорить о масштабной медиатизации городской среды в целом.

С одной стороны, такая ситуация для исследователя ненова – новые субкультуры всегда ищут новые формы своего воплощения и презентации в культурном пространстве; с другой стороны, новизна заключается в том, что стимулом возникновения этой субкультуры стал политический факт.

Результатом процессов трансформации информационной сферы и быденной жизни становится активное применение альтернативной топонимики как «стихийного творчества масс»: жители Минска

переименовывают свои дворы и улицы в «площади», чтобы подчеркнуть значимость и масштабность движения за перемены, их лавинообразный характер. Происходит семиотическое вторжение «снизу» в городскую среду, реноминация и перекодирование символического пространства города, в результате чего на местах постоянных встреч жителей микрорайонов возникают «Площадь перемен», «Площадь победителей», «Площадь правды» и т.п.

Для репрезентации своих идей и ценностей городская протестная субкультура активно использует возможности коммуникативного дизайна, визуально преобразуя городскую среду, практически полностью трансформируя внешний вид ее несущественных элементов (например, малых архитектурных форм – таких, как урны, скамейки, ограждения, лестницы, дорожные знаки и указатели) и частично декорируя более крупные (наноса узоры и изображения на крупногабаритные сооружения, дома, мосты, рекламные щиты и стенды, киоски), отчасти меняя их функции и расставляя новые смысловые акценты.

Любое изображение или узор на самых различных объектах городской среды в рамках протестного движения становится своеобразным «меседжем» – посланием, адресованным как своим соратникам («нас много»), так и оппонентам.

В целом вся городская среда и публичная сфера может быть организована как пространство тотальной коммуникации – не только за счет СМИ, но и таких информационных каналов, как геомедиа и эмиент-медиа. Организация и управление повседневной жизнью в такой медиатизированной среде предстает как социальный инжиниринг, причем медиавоздействие включает в себя не только общеизвестный PR в СМИ, но и все возможные формы выстраивания дискурсивных практик. Это позволяет достичь не только медиаэффекта, но организовать тотальный мультисенсорный опыт восприятия реальности и вовлечения в происходящие события самых разных групп населения.

Технологии такого воздействия работают в следующих режимах и форматах [2]:

- *импринтинг*: создание образов, символов, эмблем, знаков-икон как имиджей и средств консолидации сообществ и групп (альтернативная городская топонимика, флаги, лозунги и плакаты);

- *прайминг*: развернутые тезисы и идеи как тексты, манифесты, воззвания в виде песен, интервью, обзоров блогеров, рассказы очевидцев, открытые письма и обращения в СМИ, позволяющие обосновать персональные и коллективные позиции участников событий;

- *фрейминг*: формирование информационной «повестки дня» как общих тематических, проблемных и концептуальных рамок в виде конкретных условий и требований;

- *сторителлинг*: сюжеты, истории, маршруты и сценарии движения по городу, перформансы и флэш-мобы, акции протеста в виде квестов-заданий, которые нужно выполнить, а также приключений и испытаний, которые нужно преодолеть на пути к победе в игре.

При этом в практике активного использования принципов коммуникативного дизайна для трансформации городской среды могут применяться элементы и ландшафтного дизайна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / отв. ред. В.М. Розин. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. – 320 с.
2. Пономарев Н.Ф. Коммуникационный менеджмент власти. Институциональные теории и дискурсивные практики. – М.: Флинта, Наука, 2016. – 128 с.

УДК 316.733/316.614

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Р. ИНГЛХАРТА

Семёнова А.В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

В общем смысле ценности – это социальные представления и руководящие принципы в жизни людей, опосредующие поведение и задающие рамки, в которых различные варианты действий рассматриваются как предпочтительные и уместные в определенных ситуациях. При этом, если ценности подразумевают некоторые абсолютные нормы, цели, идеалы, которым следует общество, то ценностные ориентации находятся на субъективном, индивидуализированном уровне социального субъекта и «выражают личностное отношение к социальным ценностям или индивидуальный выбор

конкретных ценностей» [1, с. 29]. С одной стороны, мировоззрение и ценностные ориентации людей определяют их поведение в обществе. С другой – социальная среда играет важную роль в формировании ценностей, взглядов и убеждений людей.

Потребление в социологии рассматривается как поведенческая социальная практика, направленная на удовлетворение потребительских мотивов, неотделимая от социально-культурных ценностей общества. Так, белорусский социолог С.А. Шавель отмечает: «социокультурная парадигма рассматривает потребление не как проявление естественной необходимости, а как соответствующее символическое выражение своей социальной принадлежности, социального статуса, социальной роли и т.д.» [2, с. 87]. Ценностные ориентации, проявляющиеся в процессе потребления, формируются в контексте повседневного взаимодействия с агентами и институтами локальной культуры; а также под воздействием глобальных СМИ и сети Интернет, которые транслируют потребительские ценности и модели потребления, принятые в развитых капиталистических странах.

В пространстве международной рыночной конкуренции, эффективность реализации национальной экономической политики определяется показателями интенсивности производства и потребления, а также качества жизни и уровня благосостояния населения. На современном этапе построения социально-ориентированной рыночной экономики, достижение положительных тенденций в преодолении экономических барьеров и трансформации социально-культурной среды неотделимо от политики модернизации, требующей всесторонней поддержки со стороны населения. В этой связи привлекательна молодежь, ведь у подрастающего поколения особая миссия как мобильной и творческой социально-демографической группы, наиболее восприимчивой к инновациям. В рамках непрерывных изменений в обществе, молодые люди стремятся самостоятельно конструировать социальную реальность в соответствии со своими запросами и потребностями [3, с. 216].

Переход от индустриального общества к постиндустриальному означает, что как личный опыт молодых людей, так и их отношения с государственными институтами претерпевают изменения. Можно предположить, что процесс структурных преобразований в сфере экономики в контексте модернизации определяет происходящие культурные изменения в виде постепенного перехода от нормативных (традиционных) ценностей к постиндустриальным ценностям рационального выбора, терпимости, самовыражения и т.д. Так, мы считаем целесообразным рассматривать ценностные ориентации современной молодежи, определяющие потребительские ориентации, не просто с точки зрения их универсальности (т.е. как некоторого поведенческого императива), содержащей отпечаток глобализации и потребительства. Значимыми детерминантами здесь также представляются уровень экономического развития населения, роль традиций и инноваций в обществе в разные периоды времени. Экономическая и социальная нестабильность, возникающая в постсоветских странах, особенно в кризисные и посткризисные периоды, отражается на желаемом и реально возможном с точки зрения располагаемых ресурсов достижении и реализации потребительских ценностей молодых людей.

Во второй половине XX в. американский политолог и социолог Р. Инглхарт, согласно идее о трансформации ценностей в результате экономического развития, предложил методику для измерения на международном уровне наличия и степени распространения материалистических и постматериалистических ценностей в массовом сознании [3, с. 218]. Ученый определил два основных аспекта межкультурных вариаций в мире: традиционные (материалистические) ценности против секулярно-рациональных (постматериалистических) ценностей, а также ценности выживания против ценностей самовыражения. Традиционные (коллективистские) ориентации связаны со значимостью религии, традиционных семейных ценностей, социальных коммуникаций и т.п. Общества с доминированием данных приоритетов характеризуются высоким уровнем национальной гордости и националистическими взглядами. Рациональные (индивидуалистические) ценности представляют противоположные традиционным ориентациям предпочтения. В постматериалистических обществах меньше внимания уделяется религии, традиционным семейным ценностям и авторитету, приоритет отдается самовыражению, защите окружающей среды, растущей терпимости к нетрадиционной сексуальной ориентации и гендерному равенству, а также растущему спросу на участие в экономической и политической жизни.

Р. Инглхарт дает объяснение, почему одни люди и общества более материалистичны, чем другие с точки зрения иерархии мотивационных ценностей А. Маслоу. Исследователь рассматривает социально-политические ориентации на материализм и постматериализм как формирующиеся в результате переживаний дефицита, лишений или изобилия. То есть, когда люди рождаются и взрослеют в экономически неблагополучной среде, они приобретают субъективное чувство экономической незащищенности. В этой связи при переходе на следующие стадии жизненного цикла они склонны высоко ценить материальный успех (то есть становиться материалистами). И наоборот,

люди, которые в процессе взросления интериоризируют чувство экономической безопасности, усваивают устойчивую уверенность в том, что материальные ценности не имеют первоочередного значения в жизни, в дальнейшем преследуют постматериалистические запросы, связанные с ощущением свободы в стремлении к самоактуализации даже за счет материальных достижений. Хотя социально-экономическая среда играет существенную роль в формировании индивидуальных ценностных приоритетов, все же, согласно Р. Инглхарту, резкое изменение первой не приведет к мгновенной периориентации последних, поскольку между ними стоит социализация в период до раннего подросткового возраста. Люди склонны придерживаться ранее привитых предпочтений, и «статистическая вероятность базового изменения личности резко снижается после того, как человек достигнет совершеннолетия» [4, с. 69]. Так, индивидуальные и общественные ценности изменяются не одновременно, а постепенно в результате смены поколений. Следовательно, чем выше темпы экономического роста в стране, тем значительнее будут проявляться когортные различия по данному параметру. Постматериалистический сдвиг ценностей, по мнению исследователя, ограничен (или был таковым) в странах, в которых происходит долгосрочное экономическое развитие. Следует отметить, что несмотря на то, что Р. Инглхарт отдает приоритет формирующемуся субъективному чувству благополучия, он также допускает возможность формирования материалистических/постматериалистических ориентаций под воздействием социальной среды в процессе раннего взросления [5]. Под социальной средой имеются в виду ценности, усвоенные посредством взаимодействия с группами сверстников, ролевых моделей, СМИ и т.д. В то время, когда формирующееся ощущение изобилия/дефицита переносится на удовлетворение потребностей, а также их иерархическое значение, социальная среда предоставляет уроки, в результате усвоения которых человек приобретает социальный опыт.

На основе методологии Р. Инглхарта и под его руководством с 1981 г. проводятся международные исследования ценностей в рамках World Value Survey (WVS). Глобальный проект охватывает более 120 стран, включая постсоветские, где каждые 5 лет проводятся репрезентативные социальные исследования, результаты которых позволяют производить кросс-культурный анализ ценностей. Сам же Р. Инглхарт, опираясь на данные первых волн исследований ценностей в мировом масштабе, пришел к выводу, что развитые западные (постиндустриальные) страны уже пережили трансформацию в сторону постматериалистических ориентаций, поскольку там произошли изменения базовых жизненных ценностей, рефлексированных в качестве основных ориентаций общественного развития: снижается значимость трудовой сферы, а приоритет сфер потребления и досуга, в которых происходит самореализация личности, возрастает [6, с. 104]. Бывшие социалистические общества, столкнувшиеся с коренной трансформацией коллективистских ценностей индустриализма, по его прогнозу, также перенесут подобные изменения, если они ориентированы на современную ступень модернизации (постиндустриализм), которая связана именно с повышением ценностей индивидуализма. Как справедливо отмечает Л.Г. Титаренко по поводу открытости постсоветских стран капиталистическому воздействию, «на уровне массового сознания этот факт породил у населения желание перенять ценности потребительского общества» [7, с. 195]. Однако, анализируя данные ценностных ориентаций по результатам второй волны WVS-2, в которой впервые приняли участие постсоветские страны, включая Беларусь, она отмечает, что если до середины 1990-х гг. среди белорусского населения в условиях экономического упадка подтвердилось преобладание материалистических ценностей, то по данным последующих волн, охвативших 2 десятилетия спустя, ситуация значительно не изменилась, хотя некоторые сдвиги в сторону постматериалистических ориентаций среди молодежи наблюдались [7, с. 202-206].

На современном этапе актуальным становится исследование ценностных ориентаций белорусской молодежи на базе сравнения данных всех волн WVS, включая результаты текущего исследования в рамках проекта WVS-7, которые будут представлены в открытом доступе в 2021 г., а также произвести сравнительный анализ ценностей молодежи Беларуси и молодежи из развитых капиталистических стран [8]. Кроме того, назревает необходимость в анализе не только межпоколенческих, но и межгрупповых ценностных ориентаций в формировании потребительского поведения белорусской молодежи. Опираясь на собственные наблюдения, мы отмечаем, что постматериалистические ценностные ориентации на современном этапе проявляются в жизненных стратегиях молодежи, локализованной преимущественно в городской среде. Поскольку здесь сконцентрированы ресурсы и возможности для повышения уровня благосостояния населения, а также представлено широкое разнообразие потребительских товаров и услуг, молодежь интериоризирует условия достатка, что способствует переключению внимания на более высокий уровень решения духовных и ментальных запросов, а также просоциальных и проэкологических проблем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998-2009 гг.) / П. И. Бригадин [и др.] ; под ред. П. И. Бригадина, И. В. Левицкой. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 207 с.
2. Потребление и стабильность общества / С. А. Шавель [и др.] ; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т Социологии. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 314 с.
3. Golovchin, M. A., Mkoayan, G. S. Youth in former Soviet republics in conditions of value transformation of society (case study of Russia and Armenia) / M. A. Golovchin, G. S. Mkoayan // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2018. – vol. 11. – no. 3. – P. 215–229.
4. Inglehart, R. Culture shift in advanced industrial society / R. Inglehart. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 484 p.
5. Inglehart, R. The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics / R. Inglehart. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1977. – 482 p.
6. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies / R. Inglehart. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 440 p.
7. Титаренко, Л. Г. Ценностные ориентации населения и профессиональные стратегии на современном белорусском рынке труда / Л. Г. Титаренко // Петербургская социология сегодня. – 2015. – № 6. – С. 189–215.
8. World Values Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>. – Дата доступа: 22.08.2020.

УДК 005:35

НЕФИНАНСОВАЯ (СОЦИАЛЬНАЯ) ОТЧЕТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА

Симхович В.А.
профессор, БГЭУ
доктор социологических наук, профессор
(г. Минск, Беларусь)

Каждая компания, независимо от размера, формы собственности или сферы деятельности, практикуя в своей деятельности принципы и подходы корпоративной социальной ответственности (КСО), рано или поздно сталкивается с необходимостью подготовки социального отчета.

Регулярная практика социальной отчетности бизнеса началась в середине 1990-х гг., хотя отдельные корпорации пытались внедрять нефинансовую отчетность гораздо раньше. Так, в 1940-е гг. впервые был использован термин «социальный аудит», а в 1960-е гг. была показана возможность социального аудита как эффективного инструмента управления и средства влияния стейкхолдеров на политику компании. Некоторые страны (Великобритания, Дания, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швеция) даже превратили социальную отчетность в инструмент государственной политики, приняв закон об обязательной социальной отчетности компаний.

Сама же нефинансовая (социальная) отчетность появилась в 1970-е гг., когда по Европе прокатились крупномасштабные забастовки. По этой причине Франция вводит стандарт *Bilan Social*, предписывающий компаниям с персоналом более 300 человек регулярно представлять отчеты о соблюдении норм трудовых отношений. Аналогичный стандарт *Sozialbericht* принимается в Германии, но немецкие компании представляли отчеты на добровольной основе. В это же время и многие американские корпорации начинают публиковать социальные отчеты.

Но до конца 1990-х гг. такие отчеты были единичны. Одной из причин было отсутствие международных стандартов по их подготовке. Второй причиной стала трудность оценки показателя устойчивого развития. Данный показатель вербально хорошо объясняет взаимосвязь социальных и экологических аспектов деятельности компании, но его с трудом удается выразить количественно в финансовых или производственных данных.

Нефинансовая (социальная) отчетность охватывает экономические, экологические и социальные аспекты корпоративной деятельности, отражая информацию о вкладе компании в устойчивое развитие окружающего мира, ее приоритетных социальных программах и иных нефинансовых инициативах (спонсорских, благотворительных, волонтерских и т.п.). Социальная отчетность позволяет стейкхолдерам (акционерам, партнерам, государству, персоналу, потребителям и др.) в комплексе оценить результаты корпоративной социальной деятельности (КСД).

Однако, по мнению ряда исследователей, современный нефинансовый отчет, изначально предназначенный для информирования стейкхолдеров о социальном, экономическом и

экологическом аспектах деятельности компании, перерос свою первоначальную задачу. Его подготовка позволяет выстроить взаимодействие и системный диалог со всеми заинтересованными сторонами с учетом их интересов, способствует формированию команды, нацеливает на корпоративное самообучение и т.п. [1]. Действительно, подготовка полноценного социального отчета является весьма трудоемкой процедурой, требующей больших усилий, времени, затрат, дополнительного обучения персонала, привлечения компетентных консультантов для подготовки отчета и его верификации. Социальный отчет должен отражать цели социальной политики компании, систему координации и управления ее реализации, общие показатели в области трудовых отношений, безопасности труда, охраны окружающей среды, содержание социальных программ, взаимодействие со стейкхолдерами и т.п. Неслучайно нефинансовая отчетность чаще всего практикуется крупным бизнесом, заинтересованным в выходе на международные фондовые рынки, привлечении зарубежных инвесторов.

Чтобы оценить результаты КСД, было разработано около 30 международных стандартов нефинансовой отчетности, каждый из которых разрабатывался с конкретной целью [2]. В частности, ведущим инструментом является стандарт GRI «Руководство Глобальной инициативы по отчетности в области устойчивого развития», который помогает компаниям оценить результаты их работы и управлять преобразованиями для устойчивого развития. Стандарт SA 8000 создавался для решения социальных проблем компаний, разместивших основные производства в странах третьего мира. Он устанавливает нормы ответственности работодателя в области условий труда (от занятости детей в производстве до стандартизации системы менеджмента), определяет этические критерии при производстве товаров и услуг, являясь универсальным средством для реализации этической и нравственной деятельности менеджмента. Стандарт AA 1000S устанавливает процедуры взаимодействия со стейкхолдерами, принципы оценки и верификации результатов КСД; фондовый Индекс Доу-Джонса по устойчивому развитию (DJSI) оценивает устойчивость компаний; стандарт ISO 14000 является руководством по управлению окружающей средой; ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности» определяет способы интеграции ответственного поведения в процессы и стратегии компании и др.

Из всех международных стандартов бизнес чаще всего использует стандарт GRI «Руководство по подготовке нефинансовой отчетности GRI (Глобальная инициатива по отчетности)». Данный стандарт считается самым сложным, так как структурирован по принципу триединого результата: экономика компании, экология производства и социальная политика. Подготовка отчета GRI делает абстрактные темы осязаемыми и конкретными, облегчая анализ и контроль влияния изменений в области устойчивого развития на деятельность и стратегию организации.

Кроме того, подготовка отчета GRI (как и практически любого нефинансового отчета) предоставляет компании ряд преимуществ. Мы разделяем мнение экспертов [1], которые выделяют следующие преимущества.

Во-первых, нефинансовый отчет GRI способен отразить все аспекты организационного развития, так как он носит комплексный характер и имеет высокую степень детализации и оценки ESG-деятельности компании [3]. В частности, стандарт включает GRI 46 основных и 33 вспомогательных показателя результативности компании. И хотя такую детализацию сложно охватить целиком с первого взгляда, стандарт демонстрирует системный и комплексный подход к КСО и устойчивости. В его основе лежит классический управленческий подход – от принципов к процессам и результатам. Каждое направление – экология, социальная политика, корпоративное управление или трудовые отношения, логично выстраивается, детализируется и документально подкрепляется. С этой точки зрения, стандарт GRI превращается в «дорожную карту» по построению системы КСО в компании. С одной стороны, он позволяет описать весь процесс в динамике, что требует определенных затрат времени и усилий, а с другой, – спасает от ситуации, когда какому-либо значимому аспекту корпоративной социальной деятельности не уделили должного внимания в отчете.

Во-вторых, подготовка такого комплексного документа нефинансовой отчетности предполагает проведение широких консультаций с основными стейкхолдерами компании, как на этапе первичного сбора данных, так и на этапе согласования проекта содержания отчета. Проведение всестороннего аудита деятельности компании позволяет выявить скрытые риски, угрозы либо прогнозировать их появление, что дает возможность разработать меры по предупреждению или снижению возможного урона. Следует подчеркнуть, что перечень рисков выходит за рамки классической экономической модели и включает в себя риски, связанные с окружающей средой и нематериальными активами компании, такими как репутация, лояльность потребителей, доверие инвесторов, улучшение отношений с властями, влияние неэкономических факторов на транзакционные издержки и т.п.

В-третьих, работа над нефинансовой отчетностью позволяет оценить отношение внешних заинтересованных лиц (потребителей, активистов зеленого движения, СМИ и др.) к деятельности компании и при необходимости откорректировать его, например, значительно снизить или даже нивелировать негативное отношение. В этом случае заинтересованным сторонам дается возможность высказаться, в результате чего эмоциональное высказывание претензий может мягко перейти в конструктивный диалог. Как показывает практика, конструктивный диалог рождает здравые идеи и плодотворное партнерство.

Для того чтобы в рамках подготовки нефинансового отчета этот диалог осуществлялся в нужном направлении, процесс взаимодействия со стейкхолдерами очень важно планировать через конкретные мероприятия и формы коммуникаций. Реализуя запланированные мероприятия, компания способна управлять диалогом, выстраивая его в конструктивном русле. Если компания использует нефинансовую отчетность как коммуникативную технологию, ее сложно заставить врасплох, и она всегда сможет избежать, например, необоснованной критики по тем или иным аспектам корпоративной деятельности или ее неожиданного появления в критический момент.

В-четвертых, подготовка нефинансового отчета позволяет оценить внутриорганизационные коммуникации. Оценка их эффективности осуществляется через анализ ожиданий и представлений внутренних стейкхолдеров (рядовых сотрудников, менеджеров разных уровней управления) о роли и месте их компании в обществе, рекомендаций по конкретным программам, которые реализует компания и т.п. In-house диалог о социальной отчетности компании дает сотруднику возможность высказать свое мнение и быть услышанными, т.е. почувствовать свою реальную вовлеченность в общее дело. Практика показывает, что правильно организованные коммуникации о социальной значимости компании способствуют формированию благоприятного морального климата внутри коллектива и обеспечивают высокую степень вовлеченности сотрудников компании в ее социально-ориентированные инициативы.

Таким образом, современная нефинансовая (социальная) отчетность – это мощный инструмент взаимодействия бизнеса с обществом, несущий в себе целый ряд неочевидных, но очень важных и значимых аспектов. Компания, которая предоставляет полную информацию о направлениях своей деятельности и обеспечивает к ней доступ всех групп стейкхолдеров, имеет высокую репутацию у потребителей и благосклонно воспринимается партнерами и инвесторами, в том числе иностранными. Тесные контакты со всеми заинтересованными сторонами открывают для компании возможности оптимизации корпоративного управления, сокращения затрат, улучшения взаимодействия с властями, а также способствуют развитию местного сообщества, повышая значимость этой компании как добросовестного и ответственного гражданина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Куринько, Р. Нефинансовая отчетность: скрытый потенциал успеха [Электронный ресурс] / Р. Куринько. – 2012. – Режим доступа: <https://csrjournal.com/5199-nefinansovaya-otchetnost-skrytyu-potencial-uspeha.html>. – Дата доступа: 22.05.2019.
2. International CSR standards [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ic.gc.ca/eic/site/csr-rse.nsf/eng/h_rs00587.html. – Дата доступа: 07.04.2020.
3. Методология присвоения некредитных рейтингов, оценивающих подверженность компании экологическим и социальным рискам бизнеса, а также рискам корпоративного управления (ESG рейтингов). – Москва : Национальное рейтинговое агентство, 2020. – 36 с.

УДК 316.334.52(476.2)

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К СОБЛЮДЕНИЮ ЗАЩИТНЫХ МЕР НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ЧАЭС: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Сосновская Н.А.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

В Республике Беларусь постоянно совершенствуются меры, направленные на снижение неблагоприятного воздействия радиационного загрязнения, являющегося следствием Чернобыльской катастрофы. С этой целью создана и эффективно действует система контроля радиоактивного загрязнения пищевых продуктов, продовольственного и сельскохозяйственного сырья, пищевой и

другой продукции, производимых на загрязненной радионуклидами территории. В задачи данной системы входит не только измерение содержания радионуклидов в продуктах питания, но и проведение просветительской работы среди населения, проживающего на территории радиоактивного загрязнения. В структуре системы контроля радиоактивного загрязнения функционируют *Центры практической радиологической культуры (ЦПРК)* и *Местные центры радиационного контроля (МЦРК)*, работающие непосредственно с населением и осуществляющие контроль сельскохозяйственной продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах, а также собранной населением пищевой продукции леса.

Основной задачей ЦПРК является проведение информационной работы с населением, проживающим на загрязнённых радионуклидами территориях. Но они также располагают необходимым оборудованием для проведения радиометрических измерений. Местные центры радиационного контроля напротив, ориентированы, в первую очередь, на оперативный контроль продукции, и только затем на просветительскую работу с населением.

В рамках исследования, проводимого Институтом социологии в 2019–2020 годах¹, изучалось отношение населения к соблюдению защитных мероприятий. Представителей различных служб радиационного контроля просили оценить реальную радиационную обстановку в своем населенном пункте, необходимость соблюдения правил безопасной жизнедеятельности, уровень информированности жителей о правилах безопасной жизнедеятельности, степень соблюдения правил безопасной жизнедеятельности и причины их игнорирования (в случае не соблюдения правил).

Прежде всего, необходимо отметить, что представители информационных центров и сотрудники лабораторий радиационного контроля сходятся во мнении, что радиационная обстановка не несет высокой опасности. Хотя сотрудники информационных центров признают, что радиационная обстановка на территории обслуживания ЦПРК не является абсолютно безопасной и требует соблюдения определенных правил жизнедеятельности на загрязненной радионуклидами территории. Только 10,8% опрошенных уверены в полной безопасности и 81,8% напротив, признают определенную степень опасности. С затруднениями в оценке обстановки столкнулись 7,5%. Сотрудники пунктов радиационного контроля более уверенно выражают свою позицию. Они позитивнее оценивают радиационную обстановку, чаще считают ее безопасной (31,8) и реже довольно опасной (1,0%).

Относительно соблюдения правил радиационной безопасности среди экспертов самой распространённой является позиция, нацеленная на соблюдение правил с учетом рекомендаций специалистов. Но наравне с этой позицией среди представителей информационных центров доминирует точка зрения, что население уже привыкло к условиям проживания, и ни в чем себя не ограничивает. Тогда как сотрудники пунктов радиационного контроля наоборот, полагают, что лучше перестраховаться и соблюдать максимальные меры безопасности. В целом, во взглядах представителей информационных центров присутствует ярко выраженное противоречие: они считают, что радиационная ситуация несет определенную степень опасности, но при этом реже ориентированы на соблюдение правил безопасной жизнедеятельности, указывая на адаптацию к существующим условиям.

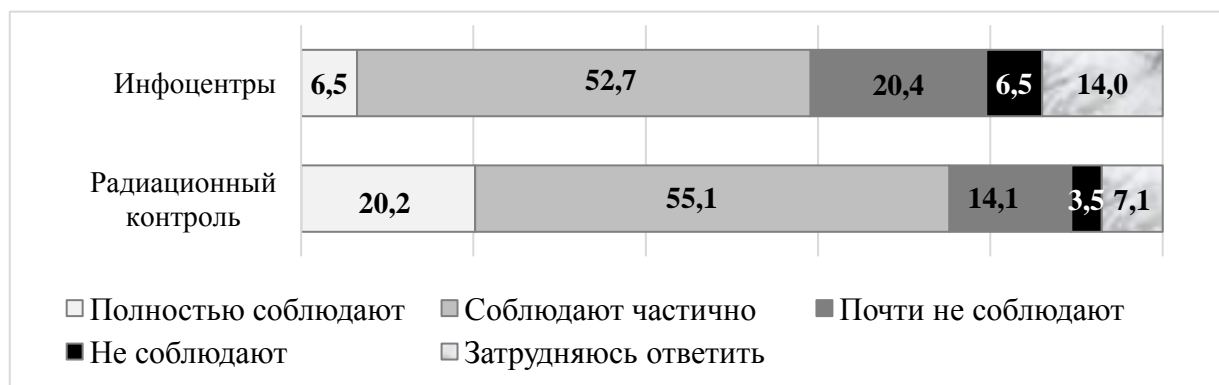

Рис. 1. Представления экспертов о соблюдении населением правил безопасного проживания на загрязненной территории, %

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Выявить реальный уровень информированности сельского населения о специфике употребления продуктов питания (собственного подворья, даров леса, рек, водоемов и т.п.) и возможностях выращивания чистой продукции в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 годы и на период до 2020 года. Объем выборочной совокупности – 292 респондента (из числа представителя ЦПРК и сотрудников МЦРК, загрязненных районов Брестской, Гомельской и Могилевской областей).

Большинство сотрудников информационных центров полагает, что население осведомлено о правилах проживания на загрязненной радиацией территории (суммарный показатель ответов по альтернативам «осведомлены в полной мере» и скорее осведомлены» составляет 67,7%). Чаще уверенность в осведомленности населения высказывают эксперты Могилевской области (75%).

Как показали результаты исследования, более половины сотрудников ЦПРК (52,7) и МЦРК (55,1%) считают, что население частично соблюдает правила проживания на загрязненной территории. Представители МЦРК чаще уверены в полном соблюдении правил и реже испытывают затруднения при ответе на данный вопрос (рисунок 1).

Среди опрошенных представляющих разные экспертные структуры информационные центры и пункты радиационной безопасности существуют противоречивые представления о причинах не полного соблюдения населением правил безопасной жизнедеятельности на загрязненной радионуклидами территории. Сотрудники информационных центров ответственность за несоблюдение населением правил, в первую очередь, приписывают ситуационной причине, которую видят в отсутствии материальных возможностей соблюдать дополнительные правила безопасной жизнедеятельности. Субъективные факторы, связанные с формированием привычек безопасного поведения, осведомленностью о правилах безопасной жизнедеятельности, индивидуальной ответственностью за следование правилам реже признаются основными сдерживающими причинами. Представление об отсутствии материальных возможностей соблюдать дополнительные правила безопасного проживания на загрязненных радиацией территориях шире распространено среди экспертов Могилевской области (53,3%). Второй по частоте упоминания экспертами Могилевской области является убеждение, что жители не владеют полной информацией о правилах безопасной жизнедеятельности (33,3%). Подобную позицию можно рассматривать как указание на недостаточную полноту проводимой с населением информационной работы и необходимость активизации информационно-просветительской деятельности, что и является непосредственной функцией Центров практической радиологической культуры. Представители Гомельской области реже обращают внимание на отсутствие у населения материальных возможностей (41,2%). Но в целом их представления о факторах, препятствующих соблюдению населением правил безопасной жизнедеятельности соответствует общему рейтингу. По степени распространенности они распределились следующим образом. Наиболее популярно признание отсутствия материальных возможностей, на втором месте - убеждение в отсутствии соответствующих навыков и привычек (27,5%), на третьем – низкая информированность (21,6%), далее следуют безответственность (11,8%).

Представители информационных центров Брестской области также придерживаются мнения о значимости материальных возможностей (47,6%), отсутствии навыков и привычек (38,1%), но в отличии от экспертов иных областей третьей по распространенности среди них является убеждение в безалаберности и безответственности населения по отношению к необходимым правилам (19%). В Брестской области эксперты реже, чем представители других областей считают, что жители не владеют полной информацией о правилах и чаще указывают иные причины.

Эксперты, представляющие пункты радиационной безопасности, указывают на обратный порядок причин, важнейшей среди которых считается безответственность населения, а материальный фактор рассматривается в последнюю очередь. По мнению большинства (43%), наиболее важной причиной является безответственность самого населения (рисунок 2).

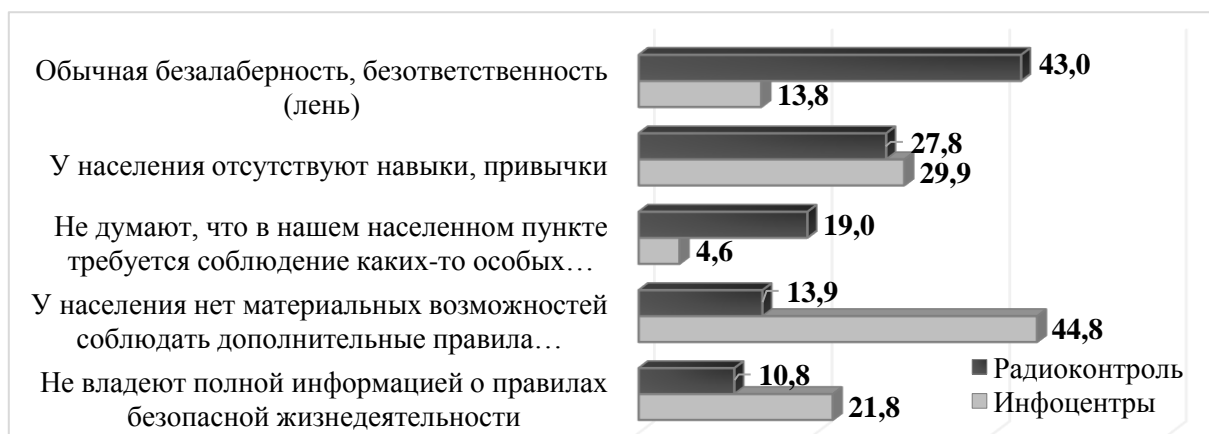

Рис. 2. Мнения экспертов о причинах несоблюдения населением правил безопасной жизнедеятельности на загрязненных территориях, %

Вторая по распространенности причина содержательно связана с самой популярной и также апеллирует к субъективным факторам – указывает на отсутствие устойчиво сформированной модели поведения, включающей последовательное соблюдение правил безопасности (27,8%). Самая популярная среди представителей информационных центров причина – отсутствие у населения материальных возможностей, в рейтинге, составленном на основании ответов экспертов – сотрудников пунктов радиационного контроля, находится на четвертой позиции (13,9%). В Брестской области материальные возможности населения вообще не считаются причиной, влияющей на соблюдение правил безопасности.

Сотрудники центров радиационного контроля отмечают, что население не безразлично к реальной радиационной обстановке как в их населенном пункте, так и в стране в целом. Проявление заинтересованности в информации о радиационной обстановке отметили 86,4% экспертов. При этом половина опрошенных (50,8%) отмечает высокий уровень интереса к проблеме и 36,5% хотя и видят заинтересованность населения, но считают, что она проявляется редко.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что эксперты считают, что радиационная обстановка не несет высокой опасности, но несмотря на это требуется соблюдение правил безопасной жизнедеятельности на загрязненных радиацией территориях. Хотя население в целом достаточно хорошо информировано об этих правилах, они соблюдаются не в полной мере. По отношению к причинам несоблюдения правил среди экспертов доминируют две основные позиции. Одна связана с представлением об отсутствии у населения материальных возможностей соблюдать дополнительные правила, и другая предполагает отсутствие у населения мотивации к следованию необходимым правилам, что выражается в «безответственном» отношении к правилам или их полном игнорировании.

УДК: 316.444.5

ПРАФЕСІЙНАЯ АДАПТАЦЫЯ ПЕДАГОГАЎ ЯК ПРАБЛЕМА БЕЛАРУСКАЙ СІСТЭМЫ ПАДРыхТОЎКІ АДУКАЦЫЙНЫХ КАДРАЎ

Стасюкевіч К.М.

*аспірант, Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі
(г. Мінск Беларусь)*

У Беларусі на сучасным этапе актуальнай праблемай з'яўляецца недахоп педагагічных кадрў ва ўстановах адукацыі. Педагагічныя ВНУ падрыхтоўваюць штогод тысячы спецыялістаў, аднак для паспяховага асваення прафесіі ў педагагічнай сферы неабходна ўлічваць мноства розных кампанентаў прафесійнай дзейнасці. Істотным недахопам падрыхтоўкі педагагічных кадрў у беларускай сістэме адукацыі з'яўляецца недастатковы акцэнт на развіцці прафесійных кампетэнцый будучых спецыялістаў, што зніжае магчымасці паспяховай прафесійнай адаптацыі для маладых спецыялістаў на пачатковым этапе. Такім чынам, дзяржава губляе спецыяліста і сродкі, затрачаныя на яго падрыхтоўку, а педагог – мяняе сферу дзейнасці.

Развіццё асобовых кампетэнцый у сферы адукацыйнай дзейнасці з'яўляецца асновай для пабудовы ўзаемадзеяння з калегамі, навучэнцамі, бацькамі, адміністрацыяй. Акрамя асноўных для педагога крытэрыяў паспяховасці прафесійнай адаптацыі, такіх як вопыт, кваліфікацыя, узровень ведаў, існуюць асобовыя якасці, пакладзеныя ў аснову педагагічнай прафесіі. Сацыяльна-псіхалагічная кампетэнтнасць мае на ўвазе навык ўзаемадзеяння ў грамадстве, сістэму каштоўнасцяў, адказнасць, уменне крытычна думаць у стрэсавай сітуацыі, гуманітарную накіраванасць асобы. Педагог павінен валодаць лідэрскімі якасцямі, быць культурным, засноўваць дзейнасць на дэмакратычных каштоўнасцях, умець зарабляць аўтарытэт, быць аб'ектыўным у галіне ведаў, валодаць моцнай матывацыяй да развіцця сябе і навучэнца. Усе гэтыя кампетэнцыі з'яўляюцца ключавым напрамкам асобнага развіцця будучага спецыяліста, пры гэтым іх фарміраванне павінна быць паспяхова завершана да пачатку працоўнай дзейнасці. Педагагічны работнік павінен быць задаволены прафесійнай асяроддзем, актыўны, зацікаўлены ў творчым крэатыўным развіцці сябе, як прафесіянала.

Асновай самарэалізацыі з'яўляецца працэс сацыялізацыі, набыццё ведаў і ўменняў. У выніку сацыялізацыі адбываецца актыўнае развіццё асобы як “творцы” сацыяльнасці, які распредмечвае ў працэсі сваю чалавечую сутнасць. Гэта адначасова і сацыяльнае і асобнае з'ява. Паспяховасць самарэалізацыі работніка ў прафесійнай сферы таксама з'яўляецца адным з умоў прафесійнай

адаптацыі, фарміруючы новыя якасці асобы. Асноўныя супярэчнасці самарэалізацыі моладзі Рэспублікі Беларусь: 1. паміж сацыяльным вопытам і формамі сацыяльнай дзейнасці; 2. паміж сацыяльным вопытам і асаблівасцямі асобы; 3. паміж сацыяльнай дзейнасцю і асаблівасцямі асобы; 4. ўнутраныя супярэчнасці асобы. У ходзе дазволу дадзеных супярэчнасцяў асоба з'яўляецца ядром [1, с. 24]. Суб'ект (серада адаптацыі) і аб'ект (выпускнік установы адукацыі) ўзаемадзейнічаюць на аснове патрэбаў, што прад'яўляюцца адзін да аднаго. Адаптацыя адбываецца на трох узаемазвязаных узроўнях: адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка, Соцыум і асобу. Паспяховаць адаптацыі прафесіянала грунтуецца на рэалізацыі на кожным узроўні, у адваротным выпадку адаптацыя будзе няпоўнай [2, с.92]. Па гэтай прычыне і даследаванні адаптацыі як сацыяльнага феномену варта разглядаць на кожным узроўні. Для рэалізацыі мер па замацаванні маладых спецыялістаў неабходная карэкцыя умоў асяроддзя адаптацыі.

Узаемадзеянне ўсіх структурных элементаў адаптацыі, у аснове якіх закладзены канфлікт матываў, чаканняў, інтарэсаў, фармуе адаптацыйныя стратэгіі маладых спецыялістаў. У выніку адбываецца поўная альбо частковая сацыяльна-прафесійная інтэграцыя або сацыяльна-прафесійнае выключэнне. Працэс сацыяльна-прафесійнай адаптацыі не статычны, ён заключаецца ў праходжанні некалькіх паслядоўных этапаў. На першым этапе адбываецца рэгуляцыя канфармісцкіх паводзін, звязаная з поўным сацыяльным уключэннем. Другая фаза грунтуецца на рэгуляцыі канфліктных паводзін, вынік яе паспяховага праходжання дазваляе пазбегнуць адасаблення індывіда. Трэцяя фаза запуская працэс рэгуляцыі крэатыўных паводзін. Найбольшы поспех у сацыяльна-прафесійнай адаптацыі заключаецца ў аптымальных суадносінах прыстасавання і індывідуалізацыі ў паводніцкіх устаноўках маладога спецыяліста [3, с. 18]. Для таго, каб захаваць стабільнае функцыянаванне арганізацыі, неабходна інтэграваць новага работніка ў сацыяльна-прафесійную сістэму з дапамогай эфектыўнага кіравання ўзніклым канфліктам, з улікам эмацыйна-матывацыйнага, кагнітыўнага, працэсуальнага і ацэначнага кампанентаў мадэлі сацыяльна-прафесійнай адаптацыі. Працэс паспяховай сацыяльна-прафесійнай адаптацыі можна ахарактарызаваць па такіх прыкметах, як: наяўнасць выразных прафесійных і кар'ерных мэтаў, уменне кіраваць наяўнымі адаптацыйнымі рэсурсамі, прыняцце прафесійнай ролі, высокі ўзровень матывацыі працоўнай дзейнасці (прафесійная актыўнасць).

Адукацыя з'яўляецца значным, але не асноўным фактарам прафесійнай мабільнасці. Той факт, што ў часткі работнікаў узнікаюць складанасці з бесперапыннасцю прафесійнай працы, актуалізуе праблему карэктнасці ранняй прафесійнай арыентацыі будучых спецыялістаў. На кар'ерныя перспектывы ў большай ступені ўплывае павышэнне кваліфікацыі, чым зыходны ўзровень прафесійнай адукацыі. Фактар прафесійнай мабільнасці рэзка скарачаецца з павышэннем ўзроўню сацыяльнай абароненасці (па дасягненню 5-гадовага стажу працы на канкрэтным прадпрыемстве – (з 64% да 4%) [4, с. 11].

Такім чынам, акрамя асваення прафесійных навыкаў, павышэння культурнага і асобнага ўзроўню ў перыяд навучання ў ВНУ засвойваюцца і галоўныя жыццёвыя каштоўнасці. Адукацыйная сістэма сутыкнулася з неабходнасцю фарміравання кампетэнцый будучых спецыялістаў, апыраджаючы патрэбы рынку працы. Акрамя асноўных кампетэнцый, неабходных для паспяховай прафесійнай адаптацыі, важна развіццё надпрафесійных кампетэнцый, такіх як самаадукацыя, асобнае развіццё, павышэнне матывацыі, гуманітарная накіраванасць, псіхалагічная ўстойлівасць, навыкі сацыяльнага ўзаемадзеяння, развіццё лідэрскіх якасцяў. Фарміраванне сацыяльнай кампетэнцыі будучага педагога з'яўляецца актуальнай задачай.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Сталярская, А. В. самарэалізацыя студэнтаў у сучасным беларускім грамадстве: сацыялагічны аспект: аўтарэф. дыс. канд. іст. навук: 22.00.01 / А. В. Сталярская; БДУ. – М., 2020. – 51 с.
2. А. Саковіч, А. Ю. Соцыолога-статыстычны маніторынг сацыяльнай адаптацыі сельскай моладзі да сацыяльных зменаў у беларускай вёсцы / А. Ю. Саковіч // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Шэры. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2019. – Т. 9, №2. – с. 90–98.
3. Ліхачова, А. М. адаптацыйныя стратэгіі маладых спецыялістаў устаноў культуры Рэспублікі Беларусь: сацыялагічны аналіз: аўтарэф. дыс. канд. соц. - Мінск: навука, 2003 . НАН РБ. – М., 2016. – 23 с.
4. Назаранка, Ю. С. адукацыя як фактар прафесійнай мабільнасці насельніцтва Беларусі: сацыялагічны аналіз: аўтарэф. дыс. канд. соц. на тэрыторыі Беларусі, на тэрыторыі Беларусі, на тэрыторыі Беларусі. НАН РБ. – М., 2014. – 22 с.

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ ПЕДАГОГА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*Толстяк Т.А.**стажер младшего научного сотрудника, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Современный этап развития общества характеризуется преобладающей ролью информации и знаний, посредством которых осуществляется научно-техническое развитие общества. Информация все интенсивнее проникает во множество сфер жизнедеятельности общества и регулирует механизмы его организации. В условиях социально-экономических изменений белорусское общество под влиянием данных тенденций претерпевает значительные перемены, связанные с переосмыслением целого ряда научных, политических и социальных положений.

Одно из центральных мест в сохранении стабильности социума на данном этапе занимает институт образования, основная задача которого заключается в обеспечении успешного развития и функционирования общества. «Образование выступает ресурсом новых общественных преобразований, создавая интеллектуальный, научный, творческий и технологический потенциал, который становится основным активом устойчивого социально-экономического развития» [1]. Образование является отраслью социальной сферы, наряду со здравоохранением, культурой, санаторно-курортными комплексами, туризмом и др. Посредством взаимодействия субъектов образования происходит процесс интеграции новых поколений в общество и их дальнейшее замещение предыдущих поколений, обеспечивающее процесс общественного производства. Нарушение целостности данного института приведет к сдвигам в других сферах общества. Благодаря институту образования члены общества накапливают определенную совокупность ресурсов, в том числе неэкономических, позволяющих индивидам встроиться в структуру воспроизводственных процессов общества.

Педагог является ключевым ядром механизма, благодаря которому осуществляется устойчивость процесса образования. В связи с этим основные задачи развития данного института заключаются в улучшении социального положения учительства и формирование такого педагогического сообщества, которое будет способно выполнять свои специфические функции, а именно – обеспечение благосостояния социума.

Педагогическая профессия – вид трудовой деятельности человека, владеющего комплексом специальных педагогических знаний и практических навыков, которые приобретены в результате целенаправленной профессиональной подготовки. Педагогическая профессия является одной из самых распространенных и необходимых профессий в обществе. Именно она позволяет реализовываться процессу освоения людьми всех других видов деятельности.

Особая значимость учителя в реализации социального устройства государства отмечалась во все времена существования человеческой цивилизации, прежде всего, как носителя общечеловеческих ценностей. С самого начала развития общества обучение и воспитание – две основные задачи педагогики – являются главными процессами взаимодействия индивидов в рамках отношений педагог – ученик. Обучение в школе, приобретение знаний, умственное развитие всегда были большой ценностью для личности, общества и государства. Педагог выполняет наряду с семьей функцию передачи знаний, опыта, осуществляет помощь в развитии личности, в ее социализации, благодаря которой происходит интеграция личности в общество. Школа является той социальной подсистемой, посредством которой происходит осуществление данного процесса, и она гарантирует непрерывность и стабильность воспроизводства носителей социального знания.

Однако, предварительный анализ особенностей функционирования данной области общественных отношений проявляет некоторые определенные проблемы, сложившиеся в процессе взаимодействия всех участников, вовлеченных в процесс образования. В настоящее время наблюдается назревание кризиса, связанного с уменьшением числа педагогов и одновременным увеличением числа учащихся, что в итоге приводит к существенному возрастанию нагрузки на педагога. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь с 2012 года количество учащихся возросло на 11%, в среднем увеличиваясь на 1,2 % ежегодно. В то время как количество педагогов сократилось с 2012 по 2019 год на 15,6 тыс.чел., что составляет 10% от показателя 2012 года. В результате нагрузка на 1 педагога возросла в 2019 году до 9,3 учащихся, в то время как в 2012 году данный показатель составлял 7,1 [2, с. 58].

Наряду с указанной особенностью необходимо отметить следующее. Согласно Рекомендации ЮНЕСКО «О положении учителей» оплата труда педагогов должна быть соразмерна приложенным усилиям и «должна: (а) соответствовать значению педагогической деятельности, а, следовательно, и самих учителей для общества, а также другим обязанностям, которые возлагаются на него с началом педагогической деятельности [...] (d) учитывать тот факт, что определенные должности требуют более высокой квалификации, большего опыта и налагают большую ответственность» [3, с. 7]. В связи с этим данная рекомендация указывает на необходимость выравнивания уровня заработной платы учителей до уровня заработной платы работников промышленной области. В нашей стране данные положения так же прописаны в государственных стандартах [4].

В результате сравнительного анализа уровня заработной платы педагогов относительно заработной платы представителей промышленности, реализованного по данным показателей Национального статистического комитета об уровне номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников по видам экономической деятельности, выявлено следующее: уровень заработной платы педагогов значительно ниже заработной платы специалистов промышленной области. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников образования составила 774,3 рубля в 2019 году, в то время как работникам промышленности была начислена номинальная среднемесячная заработная плата в размере 1125,5 рублей. Средний индекс заработной платы промышленной и образовательной отраслей за период 2016–2019 года составляет $I \frac{ZP_{\text{обр}}}{ZP_{\text{пром}}} = 0,67$, что позволяет сделать следующий вывод: труд работников сферы образования оплачивается на 33% меньше, чем труд работников промышленной сферы [2, с. 229, 231].

Следующим фактором, свидетельствующим о необходимости комплексного изучения профессии педагога является удовлетворенность профессиональной деятельностью, так как от ее уровня зависит и степень успешности и в профессии, и в личностном самоопределении.

Одним из возможных средств изучения структуры общества и средством воздействия на нее является изучение престижа профессий. Под престижем профессиональной деятельности понимается соотносительная оценка обществом конкретного вида профессиональной деятельности. Своим основанием данная оценка имеет систему общественных ценностей, в зависимости от которых распределяются виды профессиональной деятельности в общественной иерархии профессий. Под престижем профессии понимается феномен общественного сознания, который непосредственно отражает сформированную в обществе иерархию профессий, основанную на различиях в степени ответственности и сложности труда, продолжительности получения образования, предоставляющего необходимые компетенции и др. [6, с. 67].

Современные особенности развития социума влияют на профессиональную структуру следующим образом: появляются новые и исчезают ранее существовавшие профессии, снижается потребность или, наоборот, повышается запрос общества на некоторые из них. Новая социально-экономическая ситуация предъявляет иные, ранее не существовавшие, требования к квалификации профессионалов, принципиально меняя престиж различных профессий. Данную тенденцию четко отражает труд «Атлас профессий», в редакции 2019 года которого появилось 340 новых профессий, что свидетельствует о масштабности профессиональных трансформаций в обществе. Однако есть определенный список профессий, актуальность которых, обусловленная их высокой значимостью и пользой для общества, не снижается уже на протяжении долгого периода времени. В список таких профессий, наряду с врачами и военными, входит и профессия педагога.

Но имеет место следующее противоречие: наряду с указанным высоким функциональным значением профессии педагога для общества, наблюдается недостаточный уровень престижа профессии педагога, что проявляется, в частности, в несоответствии оплаты труда педагогов уровню их ответственности перед обществом. Указанная проблема в последние годы находится в фокусе внимания руководителей отрасли и государства. Это подтверждается комплексом принятых мер. Например, разработана Концепция развития педагогического образования на 2015–2020 годы, которая определяет приоритетные направления совершенствования системы в современных социально-экономических условиях и прогнозирует возможности повышения ее социальной эффективности. Так, в нашей стране активно развивается система педагогических классов, выпускники которых, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 9 января 2017 года, зачисляются на педагогические специальности без вступительных испытаний по результатам собеседования, при условии последующей обязательной работы по распределению после получения высшего образования в дневной форме за счет средств бюджета не менее пяти лет [7]. Помимо этого, ежегодно проводятся конкурсы среди педагогов, что также направлено на поддержку и развитие педагогической профессии в нашей стране.

Научный аспект исследуемой проблемы связан с исследованием внутри- и межпрофессиональной стратификации. Эти процессы исследованы недостаточно. Знание о престиже различных профессий в обществе позволяют социологам, органам государственного управления, профсоюзам и другим организациям формировать законодательные проекты и акты с учетом эмпирических данных. Социологические исследования особенностей педагогической профессии могут дать новое знание об ожиданиях педагогов, об их удовлетворенности различными сторонами своего труда и проблемах, волнующих учителей. Информированность об этой стороне общественных отношений позволит избежать социальной напряженности в деятельности института образования. В условиях нестабильности общества исследовательские ресурсы помогают вовремя принимать адекватные меры при решении возникающих задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Протокол поручений Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 21 ноября 2014 г. при посещении учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» 12.01.2015. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/>. – Дата доступа: 15.03.2020 г.
- 2 Образование в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 27.05.2020.
- 3 Заславская, Т. И. Структура современного российского общества / Т. И. Заславская // Экономические и социальные перемены : мониторинг общественного мнения. – 1996. – №1. – С. 7–15.
- 4 Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 января 2011 г. №243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Республ. 22 дек. 2010 г. // Кодексы Республики Беларусь. – Минск. – 2015.
- 5 Регионы Республики Беларусь, 2020 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10915/. – Дата доступа: 09.10.2020.
- 6 Лушка, О. В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В. А. Мансуров. – М. : Институт социологии РАН, 2003. – С. 61–79.
- 7 Концепция развития педагогического образования на 2015–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/wp-content/uploads/2015/pedklass/koncepciya.pdf>. – Дата доступа: 19.10.2020.

УДК 316:37.018.4

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ГИБКИЕ НАВЫКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ

Фаблинова О.Н.

*заместитель начальника информационно-аналитического управления, АУнПРБ
кандидат социологических наук
(г. Минск, Беларусь)*

Современное белорусское общество в 2020 году столкнулось с рядом вызовов. Один из них – сложная эпидемиологическая ситуация в стране и мире.

Перспективным способом выхода из сложившейся ситуации в условиях глобальной цифровой трансформации общества является использование дистанционных образовательных технологий.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь – ведущее учреждение высшего образования в системе высшего образования и ведущее учреждение образования в системе дополнительного образования взрослых. И находится на передовой тех процессов, которые происходят в образовательном пространстве белорусского государства. В связи с этим неудивительно, что Президентская академия уже не первый год работает в направлении расширения использования дистанционных образовательных технологий в своих стенах.

В Академии управления образовательную деятельность осуществляют Институт государственной службы и Институт управленческих кадров. Институт государственной службы – организационно-административное структурное подразделение Академии управления, реализующее подготовку на I ступени высшего образования и переподготовку по специальностям, предусмотренным специальным разрешением (лицензией) на право осуществления образовательной деятельности, стажировку и повышение квалификации руководящих кадров, лиц, включенных в резервы руководящих кадров, и иных лиц. Прием в Институт государственной службы проходит в соответствии с правилами приема в Академию управления для подготовки, переподготовки, стажировки и

повышения квалификации в соответствии с государственным заказом [1]. Институт управленческих кадров осуществляет подготовку специалистов на базе среднего, среднего специального и высшего образования на двух ступенях получения высшего образования за счет средств республиканского бюджета, на платной основе и в рамках государственного заказа за счет средств республиканского бюджета [2].

Организация дистанционного обучения в Академии управления сегодня реализуется посредством виртуальной обучающей среды Moodle. В целях изучения эффективности использования Moodle в образовательном процессе сотрудниками Академии управления в мае 2020 года был проведен онлайн-опрос среди обучающихся, осваивающих содержание образовательных программ высшего образования I ступени в очной форме получения образования в Институте управленческих кадров, а также слушателей, осваивающих содержание образовательных программ переподготовки руководящих работников в Институте государственной службы. Всего в исследовании принял участие 381 респондент.

Большинство респондентов позитивно оценили техническую организацию дистанционного обучения в Академии управления – 72%. Данный показатель выше среди слушателей Института государственной службы – 84% (Институт управленческих кадров – 69%).

Вместе с тем участниками опроса были обозначены проблемные места, трудности, возникающие в процессе дистанционного обучения. К таковым в первую очередь относятся недостаточность взаимодействия с преподавателем (31% по Академии управления в целом), сложность выполнения практических заданий в электронном виде (23%), проблемы с Интернетом дома (20%), нехватка навыка самоорганизации и планирования учебного времени (15%). Каждый третий респондент (35%) указал на то, что не испытал трудностей во время дистанционного обучения (рис 1).

Рис. 1. Трудности, возникшие у респондентов в процессе дистанционного обучения

Тот факт, что практически каждый седьмой участник опроса (как в Институте государственной службы, так и в Институте управленческих кадров) отметил сложности самоорганизации и планирования учебного времени, свидетельствует о важности уделения большего внимания в образовательном процессе формированию у студентов и слушателей «мягких» навыков («гибких», социальных навыков, soft skills).

В научной и бизнес-литературе выделяются два типа навыков: «мягкие» и технические/«твердые»/профессиональные навыки (hard skills). К последним, в частности, относится набор текста на компьютере, владение компьютерными программами и иностранным языком, управление транспортным средством, другие навыки в зависимости от профессиональной принадлежности индивида.

Soft skills являются своего рода надпрофессиональными навыками. Их важность в жизни индивида не зависит от его возраста, гендерной принадлежности, вида деятельности – они универсальны. Более того, согласно результатам исследования 2019 года, проведенного сотрудниками

социальной сети для поиска и установления деловых контактов LinkedIn среди 5000 специалистов из 35 стран мира, «мягкие» навыки являются одним из трех факторов, определяющих сегодня тенденции на рынке труда (наряду с гибким рабочим графиком и прозрачностью оплаты труда) [3].

Диапазон soft skills довольно широк. Так, Д. Иванов относит к ним коммуникативные и управленческие навыки [4]. С.Н. Бацунов, И.И. Дереча, И.М. Кунгурова и Е.В. Слизкова делят «гибкие» навыки на четыре группы: базовые коммуникативные навыки, или коммуникативная грамотность; навыки эффективного мышления, или интеллектуального мышления; управленческие навыки, или форсайт-управление; навыки self-менеджмента [5]. В самом общем виде self-менеджмент (самоменеджмент) есть управление самим собой, своими приоритетами, своим временем и своей жизнью в целом, ориентированное на достижение желаемых личных и профессиональных результатов.

Справедливости ради стоит отметить, что белорусские студенты и слушатели, испытывающие сложности с самоорганизацией и планированием в процессе прохождения дистанционного обучения, не являются исключением из правил. О таких сложностях заявляет ряд исследователей по всему миру: М.М.С. де Оливейра (Mayra Martins Santana de Oliveira), А.С.Т. Пенедо (Antonio Sergio Torres Penedo), В.С. Перейра (Vinicius Silva Pereira), М. Садеги (Manijeh Sadeghi), К.Гейер, С.Э. Кегейн и др. [6, 7, 8, 9].

По сути, расширение офлайна в обучении онлайн-режимом, диджитализация сферы образования позволили не только по-новому посмотреть на важность формирования и развития soft skills, но и вскрыть имеющиеся с этим сложности (в частности, в отношении self-менеджмента). Последнее особенно актуально, учитывая, что данный навык важен не только при прохождении индивидами дистанционного обучения, но и в их профессиональной деятельности как таковой. И в первую очередь, безусловно, для управленческих кадров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Институт государственной службы [Электронный ресурс] // Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.pac.by/about/structure/institute-of-public-service/>. – Дата доступа: 15.10.2020.
2. Институт управленческих кадров [Электронный ресурс] // Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.pac.by/about/structure/institute-for-management-training/>. – Дата доступа: 15.10.2020.
3. Global Talent Trends 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://app.box.com/s/c5scskbsz9q6lb0hqb7euqeb4fr8m0bl/file/388525098383>. – Date of access: 08.09.2020.
4. Иванов, Д. Путь к вершине. Факторы успеха. Что важнее: soft skills или hard skills? [Электронный ресурс] / Д. Иванов // Colloquium. – Режим доступа: http://www.colloquium.ru/article/hard_soft/hard_soft.php. – Дата доступа: 04.09.2020.
5. Бацунов, С.Н. Современные детерминанты развития soft skills [Электронный ресурс] / С.Н. Бацунов [и др.] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-determinanty-razvitiya-soft-skills/viewer>. – Дата доступа: 22.08.2020.
6. De Oliveira, M.M.S. Distance education: advantages and disadvantages of the point of view of education and society / M.M.S. de Oliveira, A.S.T. Penedo, V.S. Pereira // Dialogia. – 2018. – N 29. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/328032761_Distance_education_advantages_and_disadvantages_of_the_point_of_view_of_education_and_society. – Date of access: 20.10.2020.
7. Sadeghi, M.A Shift from Classroom to Distance Learning: Advantages and Limitations / M. Sadeghi // International Journal of Research in English Education. – Vol. 4, № 1. – Mode of access: https://pdfs.semanticscholar.org/4fab/0d404a061cefacba7ecac18e0e68fbc9dc4e.pdf?_ga=2.81905110.1901764290.1603579235-264418021.1603579235. – Date of access: 20.10.2020.
8. Geyer, C. Distance Learning - Advantages and Disadvantages of Take-home Hardware / C. Geyer // HARDWARE. – 2007. – Mode of access: <https://ti.tuwien.ac.at/ecs/teaching/courses/dinf-ws07/papers/geyer.pdf>. – Date of access: 20.10.2020.
9. Kegeyan, S.E. Distance learning: its advantages and disadvantages / S.E. Kegeyan // CYBERLENINKA. – Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/distance-learning-its-advantages-and-disadvantages>. – Date of access: 20.10.2020.

ДОСТУПНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ ОНЛАЙН КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ*Хамутовская С.В.**старший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

В настоящее время в связи с быстрым развитием и внедрением во все сферы жизнедеятельности человека информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всем мире, в том числе в Республике Беларусь, активизируются процессы цифровизации, создаются электронные правительства, осуществляется поиск наиболее эффективных механизмов взаимодействия друг с другом государства, общества, бизнеса, граждан, а также приобщения последних к государственному управлению. Одним из таких механизмов является электронное участие, под которым понимается «процесс вовлечения граждан с помощью ИКТ в политику и принятие решений для того, чтобы сделать государственное управление совместным, инклюзивным, объединенным и совещательным для важных и действенных результатов» [1, с. 61]. В обзорах ООН по развитию электронного правительства описывается трехуровневая модель электронного участия, которая включает в себя: 1) электронную информацию (доступность информации онлайн); 2) электронную консультацию, с помощью которой люди включаются в более глубокое участие «по вопросам государственной политики и услуг и обсуждение их»; 3) электронное принятие решений «через расширение возможностей людей в рамках совместного проектирования вариантов политики и совместного производства компонентов услуг и условий их оказания» [1, с. 63]. Из структуры данной модели видно, что ее базовым элементом выступает электронная информация, без наличия которой участие граждан и социума в целом в государственной политике не может быть релевантным и находить продолжение в виде реализации двух последующих элементов.

Суть электронного информирования заключается в том, что с помощью ИКТ государства предоставляют гражданам фактически достоверные архивированные данные относительно различных социальных сфер, в первую очередь, здравоохранения, образования, социального обеспечения, финансов, труда и окружающей среды. Достаточно распространённой является практика создания специальных порталов и сайтов в сети Интернет. К примеру, в Финляндии действует правительственный портал www.demokratia.fi, доступный на финском и шведском языках, где люди могут получать информацию, публиковать отзывы о работе государственного и местного управления [2, с. 118]. В Республике Беларусь, например, функционирует официальный Интернет-портал Минского городского исполнительного комитета <http://minsk.gov.by>, где у граждан есть возможность узнать о том, что происходит в жизни города, а также принять участие в электронных форумах и опросах, «которые касаются актуальных проблем организации городской жизнедеятельности, оставить отзывы и/или пожелания относительно структуры и работы данного сайта, информации, размещенной на нем» [3, с. 51]. Портал включает в себя такие разделы, как «Власть», «Администрации районов Минска», «О Минске», «Одно окно», «Обращения», «Новости», «Административные процедуры», «Электронные обращения», «Справочно-информационная служба Мингорисполкома» и другие, а также анонсы предстоящих событий и мероприятий. Кроме того, на сайте представлена информация о Минском городском Совете депутатов, Генеральном плане и бюджете города Минска, государственной финансовой поддержке бизнеса, инвестиционный атлас, календарь туристических событий столицы, работает электронная приемная, разделы «Вы обращаетесь – мы отвечаем», «Форумы» и т.д. В период с января по октябрь 2020 года сайт <http://minsk.gov.by> посетили более 6,5 миллионов пользователей (по данным на 1 октября 2020 года) [4].

По результатам исследования, проведенного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в 2018 году, удельный вес населения, использующего сеть Интернет, в общей численности населения нашей страны составлял 79,1%, что на 20,7 процентных пунктов больше, чем, к примеру, в 2013 году¹ [5, с. 23]. Удельный вес населения, обращающегося к сети Интернет ежедневно, в общей численности населения равнялся 62,6%² [5, с. 23]. Удельный вес населения, применяющего сеть Интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления, в том

¹ Население в возрасте от 6 до 72 лет

² Население в возрасте от 6 до 72 лет

числе для получения информации, в общей численности населения составлял 13,1%, что на 7 процентных пунктов больше, чем в 2015 году¹ [5, с. 23]. Было выявлено, что 95,4 % опрошенных обращались к сети Интернет через проводную сеть или через Wi-Fi преимущественно дома; 43,8 % – у друзей, родственников и знакомых; 25 % – по месту работы; 23 % – в компьютерных клубах, кафе и т.п.; 5,5 % – по месту учебы. Применяли Интернет в любом месте через сеть сотовой подвижной электросвязи 76,4 % опрошенных [6, с. 470-471].

Кроме того, следует отметить, что в 2018 году удельный вес организаций, использующих стационарный широкополосный доступ в сеть Интернет, в общем числе обследованных организаций, равнялся 96,7% [4, с. 23]. В зависимости от вида экономической деятельности в 2018 году наибольшее число организаций, имевших веб-сайт (100%), осуществляли финансовую и страховую деятельность², наименьшее (35,4%) – занимались сельским, лесным и рыбным хозяйством [5, с. 23]. Также 88,8% обследованных организаций, имевших доступ к сети Интернет, применяли последний с целью получения информации о деятельности государственных органов (организаций); 96,8% – для предоставления государственной статистической отчетности, налоговых деклараций, таможенных и иных документов; 75,2% – для получения государственных услуг в электронном виде без необходимости использования бумажного документооборота при получении таких услуг; 52,3% – для участия в электронных аукционах на государственную закупку товаров (работ, услуг)³ [5, с. 77].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что электронное информирование, являясь основополагающим элементом электронного участия, по мере развития цифровизации в Республике Беларусь становится все более востребованным как среди населения, так и среди организаций. Имея доступ к информации онлайн, граждане, социальные общности и группы, бизнес-сообщества получают возможность обращаться к официальным базам данных, оперативно знакомиться с конкретными сведениями от правительства и тем или иным образом реагировать на них, в том числе и посредством дальнейшего вовлечения в электронные консультации и электронное принятие решений по вопросам управления, политики, предоставления и получения электронных услуг, что, в конечном счете, способствует налаживанию эффективной «обратной связи» между государством и обществом. При этом со стороны государства целесообразно предпринимать соответствующие усилия по повышению «цифровой грамотности» как населения в целом, так и специалистов организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Обзор Организации Объединенных Наций по уровню развития электронного правительства, 2014 год: электронное правительство в интересах будущего, которого мы хотим [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/publications/content/PDFs/E-Library%20Archives/UN%20E-overnment%20Survey%20series/UN%20E-Government%20Survey%202014_Russian.pdf. – Дата доступа: 06.11.2018.
2. United Nations E-Government Survey 2018 [Электронный ресурс] // United Nations. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf. – Дата доступа: 22.13.2019.
3. Рубанов, А. В. Состояние, тенденции, перспективы развития Интернет-сообществ и информационно-коммуникативных технологий в Республике Беларусь: их проникновение в организацию повседневной жизнедеятельности людей [Текст] / А. В. Рубанов, О. В. Терещенко // Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Гос. программе науч. исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества»: сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2018. – С. 47–62.
4. Статистика посещаемости [Электронный ресурс] // Минский городской исполнительный комитет. – Режим доступа: <https://minsk.gov.by/gu/stat/>. – Дата доступа: 01.10.2020.
5. Информационное общество в Республике Беларусь [Текст]: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь [редкол.: И.В. Медведева (председатель) и др.]. – Минск, 2019. – 101 с.
6. Республика Беларусь: статистический ежегодник [Текст] / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. 2019 [редкол.: И.В. Медведева (председатель) и др.]. – Минск, 2019. – 472 с.

¹ Население в возрасте от 6 до 72 лет

² В процентах к общему числу обследованных организаций

³ В процентах к общему числу организаций, имевших в 2018 году доступ к сети Интернет

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ*Харитонов И.Н.**научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси**(г. Минск, Беларусь)*

Важным аспектом социально-экономического развития сельской местности является достаточный уровень удовлетворения социально-экономических потребностей ее населения, в частности, обеспечение трудом и его оплата, инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство и выполнение социальных стандартов в сфере здравоохранения, образования, торговли и досуга. Степень удовлетворенности сельчан этими аспектами жизни является одной из предпосылок сохранения и реального развития белорусского села. Низкий уровень удовлетворенности в отдельных категориях указывает на наиболее актуальные, т.е. нуждающиеся во внимании властей, нужды сельчан.

На первом месте по актуальности, особенно для жителей села трудоспособного возраста, выступает потребность в труде и его оплате. Согласно опросу, проведенному Институтом социологии НАН Беларуси в мае-июне 2020 г., возможностями трудоустройства в своем населенном пункте в 2020 г. были удовлетворены только 17% сельчан. Можно говорить о сложностях на рынке труда в сельских населенных пунктах, невысоком уровне зарплат. Из областей больше всего не довольны данными возможностями на Могилевщине (60%) и Витебщине (41%).

К сожалению, данная проблема носит объективный экономический характер, не сильно зависящий от возможностей местных властей и связанный в целом с процессом депопуляции отдельных сел, а также особенностями размещения производственных, сбытовых и «услуговых» цепочек в регионе. В стране уже давно данную проблему решают созданием и развитием агрогородков, выступающих центрами консолидации экономической жизни района и дающих возможность для трудоустройства жителям близлежащих сел с малой численностью населения.

На втором месте по актуальности выступают некоторые элементы инфраструктуры. Сельчане больше не удовлетворены, чем довольны состоянием дорог: 54% не довольны их качеством, в то время как им удовлетворены 44%. При этом, работой общественного транспорта довольно большинство жителей сел – 55%. В большей степени не удовлетворены также жители села и работой спортивных объектов (спортзалы, спортплощадки и т.д.): 32% недовольных наряду с 24% довольными.

Работой ЖКХ удовлетворены 58% жителей села. Высоким уровнем удовлетворенности работой объектов торговли (86% сельчан довольны ей). Работой детских садов довольны 80% пользующихся ими жителей села, работой школ – 84%. Ассортиментом лекарственных препаратов и сопутствующих товаров в аптеках удовлетворены 80% жителей села, а качеством предоставляемой медицинской помощи – 70% опрошенных сельчан. Работой поликлиник довольны 76% сельских респондентов. В целом по стране, жители села удовлетворены и работой учреждений социальной защиты (65% из пользующихся ими).

Таким образом, на момент мая-июня 2020 г. на фоне ситуации с коронавирусом можно говорить о высоком уровне удовлетворения потребностей сельчан в доступной и качественной медицинской помощи.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ К УЯЗВИМЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ГРУППАМ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*Цыбульская Н.В.**заведующий отделом, Институт социологии НАН Беларуси**кандидат социологических наук, доцент**(г. Минск, Беларусь)*

В ноябре 2019 года сотрудники Института социологии Национальной академии наук Беларуси провели опрос городского населения Республики Беларусь, целью которого было изучение мнения

населения Беларуси о степени уязвимости отдельных социальных групп, а также о необходимости совершенствования законодательства по борьбе с дискриминацией в Республике Беларусь. Исследование было проведено по репрезентативной национальной выборке (общий объем выборки – 1120 человек) во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности (полу, возрасту, образованию).

Реализация указанного исследовательского проекта, в частности, позволила выявить общественную оценку феномена дискриминации, определить уровень понимания населением статуса и прав уязвимых социальных групп (социальных меньшинств), а также выявить степень толерантности населения к представителям уязвимых социальных групп.

В рамках концепции социального исключения социологические теории уделяют большое внимание такому источнику социальной уязвимости, как распад социальных связей, в результате которого представители уязвимых социальных групп оказываются в состоянии социальной эксклюзии. Сущность социального исключения проявляется в ограничении или ликвидации возможности людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни (в политической деятельности, в занятости на рынках труда, в системах образования и здравоохранения, в культурной жизни общества и т.п.), на которые у них есть все права. Такого рода проблемы людей в обществе связаны с ущемлением их прав и обозначаются понятием дискриминации.

Один из показателей восприятия дискриминации в обществе – степень готовности (или неготовности) людей к регулярной коммуникации с представителями уязвимых социальных групп. Косвенно о распространении дискриминационных проявлений можно судить по уровню предрасположенности населения включать в свои социальные круги представителей отдельных контингентов уязвимых социальных групп, что является индикатором толерантности. Толерантность – распространённое понятие в современных социально-гуманитарных науках, имеющее много толкований и широкий объём значений. В социологическом плане будем трактовать толерантность как норму взаимного цивилизованного компромисса между носителями различных взглядов и убеждений, готовность принять «инаковость» других людей и включить их в свои круги коммуникации и взаимодействия.

(Не)готовность респондентов включать в свои социальные круги представителей уязвимых в белорусском обществе групп проявляется в ответах на группу вопросов «Представителей каких групп Вы не хотели бы видеть в качестве...»

В качестве друзей, знакомых половина и более респондентов не хотели бы видеть наркопотребителей (83,2 % в целом, 86,2 % женщин и 79,5 % мужчин); людей с алкогольной зависимостью (70,9 % в целом, 78,9 % женщин и 61,3 % мужчин, 80,4 % респондентов с образованием ниже среднего); людей, страдающих психическими заболеваниями (53,6 % в целом, 57,2 % женщин и 49,4 % мужчин, 43,8 % респондентов возраста 65 лет и старше); людей, освобождённых из мест лишения свободы (52,1 % в целом, 57,0 % респондентов с образованием ниже среднего, 57,9 % женщин и 45,1 % мужчин, 59,5 % респондентов в возрасте 65 лет и старше).

По всем перечисленным выше позициям женщины чаще, чем мужчины, не хотели бы видеть в качестве друзей, знакомых представителей указанных групп людей. Мужчины же (54,4 %) чаще, чем женщины (43,8 %), проявляли низкую степень толерантности по отношению к людям нетрадиционной сексуальной ориентации. Наиболее низкую степень толерантности к людям, освобождённым из мест лишения свободы, проявили респонденты возраста 65 лет и старше, а также женщины.

Реже всего респонденты выражали неготовность к включению в круг своих друзей, знакомых людей другой религии, веры (3,9 % в целом, 5,6 % опрошенных с образованием ниже среднего, 2,4 % – с высшим образованием); людей с инвалидностью (4,4 % в целом, 6,1 % – со средним общим образованием, 2,9 % – с высшим образованием); людей, приехавших в Беларусь на постоянное место жительства (4,5 % в целом, 6,0 % – со средним специальным образованием, 2,6 % – с высшим образованием); трудовых мигрантов, приезжающих из других стран в Беларусь для временной работы по найму (4,6 % в целом, 8,4 % – с образованием ниже среднего, 2,7 % – со средним общим образованием, 6,4 % – со средним специальным образованием, 2,6 % – с высшим образованием), людей с доходом ниже прожиточного минимума (4,6 % в целом, 7,0 % – с образованием ниже среднего, 7,3 % – возраста 25-44 года, 2,1 % – возраста 45-64 года, 2,4 % – возраста 65 лет и старше); людей другой национальности (5,6 % в целом, 8,8 % респондентов рабочих специальностей, 8,0 % – с образованием ниже среднего, 7,3 % – в возрасте 45-64 лет, 3,7 % – с высшим образованием и столько же служащих, 2,8 % – в возрасте 65 лет и старше), безработных (6,5 % в целом, 9,3 % руководителей, 8,2 % – в возрасте 65+, 8,0 % респондентов рабочих специальностей).

При ответе на вопрос о том, кого респонденты не хотели бы видеть в качестве *соседей и коллег по работе*, наиболее низкий уровень толерантности проявился по отношению к представителям тех же групп, которые были указаны в предыдущем вопросе: наркопотребителей (84,9 % в целом), людей с алкогольной зависимостью (74,9 % в целом, 80,4 % респондентов с образованием ниже среднего), людей с психическими заболеваниями (57,4 % в целом, 46,1 % респондентов с образованием ниже среднего), а также людей, освобождённых из мест лишения свободы (57,1 % в целом, 65,5 % респондентов с высшим образованием).

Нежелание видеть людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией в качестве соседей, коллег по работе выразили 41,0 % респондентов в целом, 61,1 % респондентов рабочих специальностей, 36,3 % женщин, 35,5 % респондентов с высшим образованием, 28,9 % – в возрасте до 25 лет. Таким образом, можно предположить, что выбор респондентами варианта ответа на этот вопрос обусловлен их определёнными социальными признаками.

Людей, живущих с ВИЧ, СПИД, не хотели бы видеть в качестве соседей, коллег по работе 35,3 % респондентов в целом; людей без определённого места жительства – 34,5 % респондентов в целом и 27,5 % – в возрасте до 25 лет.

К представителям остальных уязвимых групп респонденты показали значительно более высокую степень толерантности – не согласны видеть молодёжь в качестве своих соседей, коллег 0,9 % в целом, и 8,0 % в целом не готовы включить в эти социальные круги безработных.

Респонденты, ответившие на вопрос о том, кого из представителей уязвимых групп они не хотели бы видеть в качестве *непосредственного руководителя, чиновника, представителя власти*, чаще всего указывали на те же четыре группы: наркопотребителей (85,6 % в целом), людей с алкогольной зависимостью (83,8 % в целом), людей с психическими заболеваниями (70,8 % в целом, 58,3 % – с образованием ниже среднего, 76,1 % – с высшим образованием) и людей, освобождённых из мест лишения свободы (62,1 % в целом, 55,8 % респондентов младше 25 лет, 68,9 % – в возрасте 65 лет и старше).

Респондентам был задан вопрос о том, как часто они испытывали неприязненное отношение к другим людям из-за некоторых присущих тем социально-демографических признаков. Высокий уровень толерантности респондентов (суммарно от 79,4 % до 88,8 % всех ответивших никогда не испытывают неприязненного отношения или испытывают редко) проявился по отношению к возрасту; к полу (88,8 % в целом); к языку, на котором говорят другие люди; к национальности; к религии, вероисповеданию; к материальному положению, уровню достатка; к уровню образования; к состоянию здоровья; к политическим взглядам (79,4 % в целом).

Достаточно высокую степень толерантности (никогда не испытывают неприязненного отношения или испытывают редко) респонденты проявляют по отношению к другим людям из-за их сексуальной ориентации (58,6 % в целом, 48,4 % – в возрасте 65 лет и старше), а также из-за наличия у других людей судимости – 55,9 % респондентов в целом.

Невысокий уровень толерантности (часто или постоянно испытывают неприязненное отношение) респонденты продемонстрировали в отношении людей с алкогольной зависимостью (45,1 % в целом, 51,0 % респондентов возраста 65 и старше) и людей с наркотической зависимостью (44,0 % в целом).

Отвечая на вопрос об основных, по их мнению, причинах ущемления прав некоторых групп населения Беларуси, респонденты чаще всего выбирали варианты ответа «Стереотипное мышление о поведении определенных групп людей» (37,8 % в целом), «Отсутствие толерантности в отношении определенных групп людей» (37,7 % в целом) и «Бездействие органов государственного управления» (37,2 % в целом). Остальные содержательные варианты ответов распределились в выборах респондентов приблизительно равномерно. Следует отметить, что в ответах респондентов на вопросы о включении представителей уязвимых социальных групп в свои социальные круги прослеживается проявление как стереотипного мышления о поведении определённых групп людей, так и отсутствие толерантности по отношению к определённым группам людей у самих респондентов, то есть – в белорусском обществе.

Согласно наиболее распространённому мнению респондентов, предотвратить потенциальную дискриминацию в обществе могут такие действия, как «Активизация деятельности органов государственного управления по защите уязвимых групп населения» (43,6 %), «Совершенствование системы образования в области предотвращения дискриминации в обществе» (39,5 %), а также «Публикации в СМИ (телевидение, радио, периодика, Интернет), осуждающие проявление дискриминации в обществе (34,8 %). Немногим более четверти респондентов (26 %), отвечая на вопрос о том, что может предотвратить потенциальную дискриминацию в обществе, выбрали вариант ответа «Действия самих уязвимых групп». В данном случае выявляется, что достаточно большая часть населения связывает поведение ущемляемых в правах групп людей с наличием дискриминации и

высказывает мнение о том, что изменение поведения представителей уязвимых групп каким-то образом может предотвратить потенциальную дискриминацию в обществе. Такого рода подход к выявлению причин дискриминации несёт в себе опасность «переключения» ответственности за явления дискриминации с субъектов государственной власти на сами (потенциально) дискриминируемые группы, что в корне неверно.

Можем сделать вывод о том, что способом решения проблем дискриминации социально уязвимых групп в Беларуси может стать разработка государственной информационной политики, направленной на эффективное обеспечение различных групп населения сведениями о способах и механизмах защиты своих прав и законных интересов. Особого внимания требует актуализация в СМИ информации, направленной на предотвращение распространения в обществе явлений дискриминации.

УДК 316.4.066

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ О ПРОБЛЕМЕ НАРКОТИЗАЦИИ

Черняк Ю.Г.

*заместитель директора по научной и инновационной работе, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Нарастающая в современных условиях социальная турбулентность закономерно создает новые обстоятельства, в которых существующая ценностная и нормативная регуляция закономерно теряет свою силу и функциональность. Как следствие, дезорганизация общества снижает степень управляемости социальными процессами и эффективность самого управленческого воздействия. Такая ситуация приводит к тому, что поддерживаемые обществом пределы безопасности не позволяют полностью избавиться от состояния неопределенности, возникновения неблагоприятных процессов и неконтролируемых последствий.

Проблема наркопотребления представляет собой одну из самых значимых проблем современного общества. В частности, согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), в 2019 г. почти 35 миллионов человек в мире страдают от расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ. Эти данные позволяют констатировать необходимость принятия сбалансированных и комплексных действий, направленных на сокращение предложения наркотиков и спроса на них [2].

В современном белорусском обществе также особую актуальность приобретает высокий уровень и негативная динамика наркопотребления, которые создают реальную угрозу национальной безопасности страны и препятствуют ее устойчивому демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию. Несмотря на некоторые очевидные успехи в локализации наркопотребления, доминирование рестриктивного подхода не устранило полностью психоактивные вещества из социального пространства, но позволило, вместе с этим, зафиксировать в общественном мнении их опасность. Принимаемые превентивные меры непосредственно затронули наркорынок (например, инициировали поиск новых методов и форм распространения психоактивных веществ), но при этом не повлияли на мотивацию потребителей.

В целом, население Республики Беларусь негативно оценивает наркопотребление. В частности, «монохромное» восприятие потребителей наркотиков как деликвентов детерминирует потребность в исключении их из повседневной регулярной коммуникации. В частности, в близкий круг общения (друзей, знакомых) белорусы в первую очередь не готовы включать людей с социально неодобряемым поведением: наркопотребителей (83,2 %); людей с алкогольной зависимостью (70,9 %) и освобожденных из мест лишения свободы (52,1 %); людей, страдающих психическими заболеваниями (53,6 %) [3].

Вместе с этим, обращает на себя внимание тот факт, что наркопотребление не входит в круг проблем, центральное место. Подтверждением низкой значимости в общественном мнении проблемы наркотизации являются результаты социологического опроса, проведенного Институт социологии НАН Беларуси 2020 г. Так, проблема распространения наркомании волнует только каждого пятого жителя (20,1 %). При этом в большей степени ею обеспокоены люди среднего возраста (30-49 лет – 33,4 %) и люди старшей возрастной группы (50 и старше – 37,9 %), нежели молодежь (среди лиц до 30 лет – 28,7 %). Основная причина такой диспропорциональности в восприятии наркопотребления

вызвана в большей степени присутствием в поле внимания белорусов тех событий и явлений, с которыми они чаще сталкиваются в повседневных бытовых практиках. Потребители психоактивных веществ являются латентной социальной группой, а само наркопотребление входит в «серое» социальное пространство, необозримое с точки зрения обывателя.

Несмотря на то, что проблема наркотизации номинируется как социально опасное явление, на обыденном уровне осознания таковой она не воспринимается. В этой связи можно предположить, что общество может рассматриваться в качестве пассивного реципиента, понимающего опасность наркопотребления, но не влияющего посредством своих инициатив на ситуацию. В свою очередь достаточно низкая актуальность проблемы наркопотребления (особенно в молодежной группе), свидетельствует о недостаточном уровне осведомленности населения страны о реализуемых профилактических программах или их неэффективности.

В частности, как показывают результаты социологического исследования, проведенного в 2016 г., представители молодого поколения имеют разные по объему и качеству объем знаний по ряду некоторых аспектов употребления наркотиков. Так, эпизодическое курение марихуаны («травки») считали проявлением наркомании менее половины опрошенных (49,3 %). 21,5 % респондентов не относил его к проявлению наркотизации, а 29,2 % не имели определенного мнения по этому вопросу. Только 43,1 % молодых людей указали на то, что зависимость от наркотиков может развиваться у человека уже после первого приема; 31 % считали, что такое может случиться после нескольких приемов; 5,4 % – после длительного употребления; 20,5 % затруднились в ответе на данный вопрос [1].

Наблюдаемая ситуация с наркопотреблением демонстрирует явное противоречие между логикой развития общества и характером течения социальных процессов. В идеальных условиях, социальный процесс с ожидаемыми негативными последствиями будет «купироваться» не только субъектами, непосредственно осуществляющими институциональную «борьбу» с ним, но и на микроуровне, благодаря соответствующим действиям обычных людей благодаря высокой степени осознания риска. Тем не менее, что демонстрируют и результаты исследований, и статистические данные, интенсивность наркотизации в обществе не снижается. По сути, можно говорить о том, что эта проблема не очень явна и очевидна для жителей страны. Население Беларуси абстрагируется от нее, делегирует полномочия по урегулированию ситуации на органы государственного управления, общественные организации, отсутствует социальный запрос на профилактические меры и т.д.

Анализ зарубежного опыта показывает, что самыми действенными моделями профилактики считаются модели формирования необходимых жизненных навыков. Недостаточное акцентирование внимание именно на этом компоненте как со стороны государства, так и со стороны общества является тем фреймом, который закрепляет в общественном сознании в качестве безальтернативного ужесточение законодательства в данной сфере. В этой связи показателем, отражающим оценку населением реализуемых профилактических мер и уровень знаний о них является социальный запрос преимущественно только на нормативное регулирование существующей проблемы, оставляя вне поля зрения «горизонтальную» модель профилактики. На фоне сокращения в Беларуси в 2019 г. нижнего предела наказания за незаконный оборот наркотиков (статья 328 Уголовного кодекса) такая ситуация позволяет констатировать низкий уровень доверия к возможным «альтернативным» мерам профилактики и их субъектам и знания о них.

Результаты социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2020 г., показывают, что только 17,2 % респондентов выступают за смягчение ответственности за хранение и распространение наркотических веществ, за ужесточение выступили 68,7 % населения, 14,1 % – затруднились высказать свою позицию. При этом среди молодежи за более мягкую антинаркотическую позицию высказываются 25,9 %, а ее ужесточение поддержали 59,2 %.

В заключении следует отметить, что помимо действий по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, особое внимание необходимо уделять снижению распространения потребления наркотиков и формирования ценности здорового образа жизни населения, антиценности потребления наркотиков как барьера в достижении жизненных целей. Вместе с этим, должно вестись социальное картографирование, отражающее особенности внедрения социально-практического комплекса таких мероприятий с учетом региональной специфики, а также возрастных, гендерных, духовно-нравственных и других особенностях групп наркотического риска.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Исследование по употреблению психоактивных веществ подростками и молодежью в Республике Беларусь: отчет об исследовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.by/uploads/models/2018/04/full-report-psihoakt-vv.pdf> – Дата доступа: 15.06.2020

2. Резюме Всемирного доклада о наркотиках за 2019 год Управления ООН по наркотикам и преступности [Электронный ресурс] // Резюме ко Всемирному докладу о наркотиках (World Drug Report 2019) - https://wdr.unodc.org/wdr2019/prelaunch/WDR2019_B1_R.pdf - Дата доступа: 7.09.2020.

3. Черняк Ю.Г., Шкурова Е.В., Пушкевич С.А. Дискриминация отдельных социальных групп в оценках населения Беларуси / Ю.Г. Черняк, Е.В. Шкурова, С.А. Пушкевич // Современная молодежь и общество : сб. науч. статей. Вып 8: Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи / под научной ред И.И. Калачевой. Минск : РИВШ, 2020. - С.57-63.

УДК 316.012

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ КРЕАТИВНОГО КЛАССА

Шевчик Д.О.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Концепция креативного класса возникла в начале 2000х годов с выходом книги Ричарда Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [5]. Следуя его логике, креативный класс следует рассматривать как ключевой фактор успешного экономического развития городов и регионов. Своеобразная творческая элита, которой, вероятно, суждено стать «героем нашего времени», субъектом – носителем постиндустриальных ценностей [3]. Представители креативного класса, следуя логике Флориды, в практиках реализуют инкорпорированное социальное, органически вытекающее из наличной постиндустриальной реальности, а потому, в полной мере способны отвечать ее запросам и вызовам.

Сразу после выхода работы Р. Флориды, вокруг новой концептуализации инновационной экономики, разгорелись ожесточенные споры, в том числе и в рамках русскоязычного дискурса. Ряд исследователей выказали недоверие, вполне обоснованное, надо сказать, как проведенному Р. Флоридой исследованию, так и произведенной концептуализации. Главным образом, недоверие вызвано отсутствием у предполагаемого «класса» классифицирующих социально – атрибутивных признаков, что, ввиду невозможности четкой операционализации, порождает ряд сложностей в использовании методологических подходов к его изучению.

Несмотря на обоснованную критику, понятие креативного класса прочно вошло в предметный дискурс. Сегодня уже не представляется возможным отказаться от наиболее общих, и легитимированных этим самым дискурсом, положений работы Р. Флориды. Тем не менее, хотелось бы отметить ряд критических замечаний, связанных с проеденной Р. Флоридой концептуализацией нового субъекта хозяйствования и связанных с ним социокультурных детерминант. Исходить мы будем преимущественно с позиции социальной теории, по истечению почти 20-ти лет после выхода работы, имея возможность ретроспективной актуализации как озвученных Р. Флоридой аргументов, так и их дополнение.

Многие исследователи в своих работах перечисляют необходимые условия для формирования креативного класса, как сегодня представляется, подменяя причину и следствие. Скажем «...наличие в обществе этических норм и ценностей, поддерживающих прорыв к неизведанному и упорный творческий труд;» [1, с. 103] можно понимать как политкорректный эвфемизм для HR стратегии, обусловленной острой конкуренцией в условиях открытого рынка.

Так же большинство исследователей отмечает высокий «индекс толерантности» или «...открытая, неконсервативная социальная среда;» [1, с. 103]. Действительно креативный класс – это атрибут развитых стран, которым свойственен высокий уровень терпимости. Однако посмотреть на это можно и, с другой стороны.

Наиболее короткий путь от точки А до точки В это прямая, и за нахождение причинно-следственной связи необязательно пускаться в социокультурную каузальность. Конечно нельзя исключить терпимость, как характерный атрибут креативного класса, ведь нельзя исключить и корреляцию между терпимостью ко всяким человеческим проявлениям и уровнем образования. Наиболее «короткий путь» детерминации уровня толерантности креативного класса, это уровень образования и трудовая деятельность в условиях острой конкуренции, где первичен высокий уровень производительности, даже если продукт является «креативным». Работу получает тот, кто способен с ней справиться, иначе инновационные компании «... столкнутся с серьезными трудностями, когда конкуренция двинется в область, где правит разум» [4].

Приводимые цифры о росте средней заработной платы в США людей с докторской степенью и выпускников вузов, в сравнении со снижением заработных плат работников со средним образованием на протяжении 1990-х годов [5, с. 148], приводят в ключе подтверждения инновационного сдвига в экономике и повышения уровня жизни занятых в экономике знаний [1]. В то же время не упоминаются значимые факторы, такие как окончание холодной войны, приток трудовых мигрантов, перенесение производства в развивающиеся страны.

Президент образца «победившего креативного класса», как движущей силы и лидера мнений, строит стену с Мексикой, и ведет политику нулевой толерантности. На этом этапе развития дискурса вокруг концепции креативного класса, мы можем, вероятно, пойти двумя путями. С одной стороны, мы можем говорить о кризисе становления креативного класса, в качестве локомотива конкурентоспособной экономики и политической элиты. С другой – возможно, стоит соотносить условия существования и формирования креативного класса не с особой социальной средой, а с условиями существования современной капиталистической экономики, обуславливающей в том числе, и островки особой «свободной» социальной среды.

Аргумент о том, что креативный класс способствует ускорению научно-технического прогресса, содержит в себе известную долю лукавства. По крайней мере технологические «продукты», с которыми у нас ассоциируются достижения креативного класса, базируются на научных разработках и патентах, зачастую, полувековой давности. Скорее креативный класс успешно монетизирует научные достижения, через создание массовых продуктов, на разработанных институциональной наукой технологиях, и культивации потребности в этих продуктах.

С другой стороны, конечно, нельзя отрицать стимулирование и капиталовложения в фундаментальную науку в странах, связывающих свое будущее, в первую очередь, с экономикой знаний.

Флорида утверждает о ведущей роли креативного класса в инновационном развитии экономики западных стран, отмечая при этом необходимые характеристики КК, такие как высокий индекс толерантности, который он наделяет каузальной силой, в вопросе формирования и преуспевания этого самого класса. Однако после перенесения производственных сил в развивающиеся страны, такие как Китай, эти самые страны за последние двадцать лет существенно сократили разрыв, и в ведущих инновационных, «креативных» отраслях, составили конкуренцию крупнейшим корпорациям запада. В то же время, надо отметить, что некоторые отмеченные Флоридой детерминанты на этом примере не срабатывают.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ганаза, О.В. Креативный класс как фактор развития инновационной экономики и условия его формирования / О.В. Ганаза // Известия ИГЭА. – 2009. – №6 (68). – С 102-105.
2. Инновационная экономика. Под ред. А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений (ИМЭМО). – [2-е изд., испр. и доп.]. – М., Наука, – 2004, – 352 с.
3. Институт социологии НАН Беларуси [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/kreativnyj-klass-za-i-protiv/>. – Дата доступа: 24.10.2020.
4. Нордстем, К. Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта / К. Нордстем, Й. Риддерстрале // – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2003. – 280 с.
5. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. М.: Манн, Иванов и Фербер, – 2016. – 384с.

УДК 316.74:2(476)

АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Шкурова Е.В.

*заведующий центром, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Поведенческий компонент нередко является основой для оценки особенностей религиозности населения. И чаще всего критерием для такой оценки выступают формы совершения коллективных религиозных действий: посещение культовых мест, участие в коллективных священнослужениях.

Однако данная практика существенно зависит от конфессиональной специфики и может различаться в зависимости от особенностей религиозной системы. Это актуализирует вопрос о поиске измерительных механизмов, обеспечивающих возможность изучения различных религиозных традиций, движений, сред.

Подобный подход реализован в рамках разработки многомерной кросс-конфессиональной модели изучения религиозности [1, 2]. Религия в рамках данной модели определяется как символически оформленная система представлений, деятельности и институтов, обеспеченная смыслами предельного (трансцендентного) содержания. Источником и руслом передачи трансцендентных смыслов полагается религиозный опыт, трактуемый в узком (состояние, при котором человек обнаруживает себя пребывающим в живом и непосредственном единстве с трансцендентным) и широком (всякий акт участия человека в жизни религии) смыслах. Соответственно религиозность понимается как причастность к религии или вовлеченность в систему названных аспектов и измерений религии. Сложная структура религии обуславливает вариативность форм вовлеченности, которая может реализоваться в разной степени и иметь разную интенсивность.

Для оценки проявлений этой интенсивности задан диапазон значений вовлеченности в измерения религиозной системы [3]. Он варьируется между полярными позициями религия как цель (внутренняя религиозность) – религия как средство (внешняя религиозность), дополненными за счет расширения внешней позиции категориями, характеризующими постепенное углубление религиозного интереса в понимании религиозного смысла и религиозной жизни. В процессе религиозного самоопределения человек может двигаться как в сторону глубокого понимания своей религии (зрелая религиозность), так и наоборот – в сторону разочарования. Эти позиции характеризуют степени религиозности, значения которых представлены в структуре каждой переменной, показателя, измерения рассматриваемой модели.

Измерение религиозной активности, помимо показателей совершения индивидуальных и коллективных религиозных действий может характеризоваться более широким спектром поведенческих форм [4]. Одной из них является альтруистическое поведение.

Под альтруизмом в социально-гуманитарном знании в самом общем смысле понимается принцип (система принципов) человеческого поведения. Производный термин, «альтруистическое поведение», был впервые определен в рамках социобиологии Дж.Б.Холдейном (1955) и затем развит Р.Триверсом (1974). Современный диапазон значений понятия «альтруизм» определяется его использованием в целом ряде дисциплин, но основным признаком альтруистического поведения во всех дисциплинарных подходах и концепциях признается то, что оно направлено на благополучие другого в ущерб собственному благополучию [5]. Альтруистическое поведение в религиозной системе чаще всего приобретает форму пожертвования, соответственно о его особенностях можно судить по характеру видов и мотивов их совершения.

Альтруистическое поведение является нормой для абсолютного большинства религиозных людей: в той или иной форме пожертвования совершают 95,0 % населения (таблица 1). Самым распространенным видом пожертвований является благотворительность, а также милостыня. Популярны виды совершения пожертвований схожи, но их распространение имеет конфессиональную окраску, обусловленную, с одной стороны, особенностями религиозной традиции, с другой, спецификой структуры доходов.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Совершаете ли Вы пожертвования?», %

Совершаете ли Вы пожертвования?	Религиозное население	Последователи православия	Последователи католицизма	Последователи ислама
Подаю милостыню	39,8	55,3	33,4	43,6
Жертвую предписанную часть дохода	7,9	3,7	4,4	8,5
Совершаю благотворительные пожертвования	47,4	36,8	60,4	43,6
Не считаю это необходимым	1,0	0,5	0	0
Для моей религии это неважно	0,5	0	0	0
Не совершаю в связи с определенными обстоятельствами	0,7	0,6	0	3,4
Затрудняюсь ответить	2,8	3,1	1,8	0,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

В исследовательской модели варианты ответов на рассмотренный вопрос формировались с учетом распределения по степеням вовлеченности. Сильной степени соответствует милостыня как проявление религиозного по сути сопереживания или бескорыстной любви. Средней (или слабой в сочетании с другими характеристиками) степени – жертвование предписанной части дохода как форма социальной позиции, определяющая проявление религиозной дисциплины и послушания. Слабой (или номинальной) степени соответствует благотворительность как культурная практика проявления внешнего интереса или сочувствия к религиозному идеалу, иногда даже без следования ему.

Можно выделить четыре основных признака, характеризующих мотивацию совершения пожертвований. Об их проявлениях необходимо судить в сочетании со значениями других переменных, однако в общем они соответствуют следующим степеням религиозной вовлеченности (таблица 2): сильной – бескорыстная мотивация совершения пожертвований из милосердия, т. е. из сопереживания другим людям; средней или слабой – социальная («из чувства долга, по велению совести») и рациональная («потому что так требует моя религия») мотивация; номинальной – прагматическая («ради воздаяния, которое обещает религия»).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Почему Вы совершаете пожертвования?», %

Почему Вы совершаете пожертвования?	Значение признака	Религиозное население	Последователи православия	Последователи католицизма	Последователи ислама	Степень религиозной вовлеченности
Из сострадания к нуждающимся	Бескорыстная мотивация	35,4	45,6	27,8	36,3	Сильная
Из чувства долга, по велению совести	Социальная мотивация	46,6	38,9	57,1	33,6	Средняя/слабая
Потому что так требует моя религия	Рациональная мотивация	9,7	6,1	10,2	16,8	
Ради воздаяния, которое обещает моя религия	Прагматическая мотивация	6,1	6,8	3,1	13,3	Номинальная
Другое		0,2	0,1	0,1	0	
Затрудняюсь ответить		2,2	2,5	1,6	0	
<i>Всего</i>		100,0	100,0	100,0	100,0	

Степень религиозной вовлеченности по данному признаку является довольно заметной для последователей конфессий: значительное количество респондентов, в особенности приверженцев православия совершают деятельные бескорыстные пожертвования, т. е. отдают часть того, что имеют другим бескорыстно, следуя религиозному идеалу. Также весьма значимой, преимущественно для католиков и религиозного населения в целом, является социальная мотивация пожертвований из чувства долга, по велению совести. Рациональная мотивация совершения пожертвований под внешним давлением предписанных религией норм менее выражена и несколько большее значение имеет для последователей ислама. Наименьшая часть респондентов прагматично мотивирована получением тех благ, которые обещаны религией. В совокупности с теми, кто не совершает пожертвований, они формируют группу номинально вовлеченных по рассматриваемому признаку.

Альтруистическое поведение является общественно ценным, а основной сферой, где альтруизм утверждается как базовый принцип общественного поведения, выступает религия. Такое поведение религиозных людей основано на религиозном идеале и вытекающих из него принципах. В зависимости от степени вовлеченности в религию, ее последователи могут быть в большей или меньшей степени мотивированы ее альтруистическими ценностями. При этом глубоко пережитое религиозное обращение изменяет поведение последователя в соответствии с предписаниями его религии, в том числе касающимися альтруистических ценностей. Соответственно, способствовать развитию общественной солидарности может информирование общества об идеалах религиозных традиций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карасева С.Г., Шкурова Е.В. Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация // Социология. – 2012. – 3. – С. 123–133.
2. Карасева С.Г., Шкурова Е.В., Шатравский С.И., Доманская А.И., Казмирук М.В. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012-2015) // Философия и социальные науки. – № 1. – 2016. – С. 82–91.
3. Шкурова Е.В. Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества / Е.В.Шкурова. – Минск : БГУ, 2019. – 223 с.

4. Шкурова Е.В. Особенности индивидуальных и коллективных форм религиозной активности последователей конфессий Беларуси (на примере православия, католицизма и ислама) // Религия и общество – 14 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 227–229.
5. Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Плавник Н.К. Обстоятельства религиозного обращения и альтруистического поведения последователей православия в Беларуси // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2018. – № 1 – С. 141–150.

УДК 316.422.4

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЦИФРОВОГО ЛИДЕРСТВА СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Шухатович В.Р.

*заведующий отделом, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Беларусь является одним из региональных лидеров по развитию информационно-коммуникационных технологий. Страна планомерно развивает инфраструктуру ИКТ и делая ее доступной для населения. Формируется благоприятную среду для создания новых ИКТ-услуг и роста их использования профессионалами и населением [1]. Цифровые технологии становятся неотъемлемым компонентом образа жизни людей и профессиональной культуры.

Современные вызовы человечеству и существованию национальных государств (климатические, политические, экономические, социальные) вынуждают страны, в том числе Беларусь, предпринимать серьёзные усилия, направленные на поиск точек роста и интенсификацию процессов цифровизации экономики. Отечественный и зарубежный опыт доказал получаемые преимущества, особенно, для стран с ограниченными природными ресурсами. Кроме того, стало очевидным, что технологическое лидерство и инвестиции не гарантируют государствам и бизнесам победы в конкурентной борьбе. Человеческий и социальный капитал рассматриваются как стратегические компоненты цифрового лидерства.

Традиционно фактором, определяющим технологическое и цифровое лидерство стран и отдельных отраслей рассматривается современная развитая система образования.

Исследованиям здравоохранения в контексте цифрового лидерства уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание. В то же время имеются предпосылки для рассмотрения сферы здравоохранения в качестве локомотива цифровой трансформации общества.

Прежде всего, здоровье является одной из наиболее значимых ценностей человека и общества. Во всем мире наблюдается рост озабоченности здоровьем, доступностью и качеством медицинской помощи. С новой силой эта проблема проявила себя в период пандемии COVID-19. Растут масштабы коммерциализации здравоохранения и сопряжённых с ним сфер, таких как рекреация, туризм, питание. Увеличивается количество гаджетов, электронных сервисов и услуг здравоохранения. Высокая ценность здоровья и всеобщая зависимость от медицины способствует широкому охвату и высокой вовлеченности населения в эти процессы. В долгосрочной перспективе высокий рейтинг здоровья в системе социальных и индивидуальных ценностей сохранится. Это обстоятельство, наряду с ростом глобальных рисков и угроз, будет стимулом инновационного развития отрасли и восприимчивости нововведений населением.

В силу необходимости сохранения жизнеспособности общества, обеспечения его безопасности и конкурентоспособности, сфера здравоохранения была и всегда будет интеллектуально насыщенной – профессионалами высокой квалификации и сложными технологиями, требующими от персонала многих лет обучения и владения специфическими навыками, сохранения сложной многоуровневой системы образования медицинских кадров.

Медицине традиционно присущ высокий уровень профессиональной дисциплины и мобилизованности, что позволяет рассматривать её как «отрасль двойного назначения» в случаях экстремальных вызовов и угроз.

Система охраны здоровья во многих странах, и в частности в Беларуси, является высокоорганизованной профессиональной корпорацией, в отличие от профессий ИТ-сектора, для которых характерно чаще всего диффузное распределение профессионалов по различным отраслям.

Медицина имеет систему этических кодексов и предписаний, многолетние профессиональные традиции, собственный профсоюз.

Здравоохранение, несмотря на свою профессиональную автономию, организационно и функционально глубоко интегрировано во все основные сферы общества, что позволяет ему как транслировать, так и воспринимать инновационные изменения, объединяя и направляя усилия на решения актуальных для общества проблем.

Сфера здравоохранения является высоко организованной и в глобальном масштабе, что позволяет осуществлять интенсивную коммуникацию. Также этой сфере присущ высокий уровень регламентации деятельности (наличие обширной законодательной базы), как на уровне отдельных стран, так и в рамках международных организаций. В большинстве случаев это способствует консолидации усилий, осуществлению глобального социального контроля и легитимации инноваций, в том числе, цифровых.

Цифровое лидерство только отчасти можно рассматривать как разновидность технологического. Существенной чертой этого отличия является способность решения актуальной общественной проблемы.

Полагаем, что рассмотренные предпосылки могут быть исследованы как факторы цифрового лидерства здравоохранения, что несомненно требует дальнейшей более глубокой методологической проработки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Measuring the Information Society Report Volume 2. ICT Country profiles 2017.- International Telecommunication Union
Place des Nations CH-1211 Geneva Switzerland. – P. 262 (с.21) Режим доступа:https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume2.pdf . - Дата доступа: 14.10.2020.

УДК 930.85+27+322

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ДИАЛОГА ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В БЕЛАРУСИ

Щёкин Н.С.

*заведующий отделом, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

В ходе изменения положения церкви в Республике Беларусь в связи с происходящими процессами модернизации можно выделить две тенденции. Во-первых, тенденцию изменений имманентного характера, проявляющуюся во внутренней жизни церковной организации, а также в количественном росте религиозных организаций, восстановлении и развитии конфессиональных структур, расширении социально-демографического контингента верующих, освоении религиозными организациями новых форм социальной деятельности. Во-вторых, тенденцию, характеризующую изменение социального статуса церкви, которая связана с религиозным возрождением, проявляющемся в изменениях в образе жизни и мышлении людей, происходящих под влиянием религии. В результате действия этих тенденций изменения в положении церкви в постсоветский период в религиозной сфере можно охарактеризовать следующим образом: «Формирующаяся в Республике Беларусь модель государственно-конфессиональных отношений, юридически закреплённая в принятом в 2002 г. Законе Республики Беларусь "О свободе совести и религиозных организациях", представляет собой синтез рудиментов политико-правовой градации вероисповеданий, существовавшей в нашем Отечестве в отношении Русской православной церкви, имеющей статус государственной; элементов советской модели государственного атеизма, смягченной некоторыми положениями сепарационной модели; элементов кооперационной модели, для которой характерно взаимодействие государства, сохраняющего светский характер, с наиболее влиятельными религиозными организациями по ряду важных вопросов» [1, с. 96].

Основополагающий принцип, который лежит в основе взаимоотношений государства и церкви, закреплён в Конституции, согласно которой Беларусь является светским государством. Это принцип свободы совести, который предоставляет человеку право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Подлинная свобода совести включает наряду со свободой отправления

религиозного культа и свободу отказа от отправления религиозного культа. Такая свобода совести создает условия для независимо духовного и интеллектуального развития человека. Осуществление подлинной свободы совести возможно лишь в условиях светского характера государства, поэтому секуляризация государственно-правовых отношений лежит в основе самого диалога церкви и государства. Ибо реальный диалог возможен между субъектами, придерживающимися разных, а не одинаковых принципов.

Это означает, что обеспечивается свободное исполнение религиозных обрядов, если они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права других граждан. Реально оценивая современную ситуацию, церковные идеологи признают, что принцип свободы совести оказывается одним из средств существования церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус и независимость от инаковерующих слоев общества. Такая позиция на данный момент является официальной и наиболее перспективной в диалоге церкви и государства.

Эффективность диалога определяется заинтересованностью этих социальных институтов в обеспечении взаимодействия традиционного и новационного трендов социодинамики Беларуси, в единстве способствующих, с одной стороны, обеспечению преемственности общественно-исторического процесса, а с другой – его модернизации. Эта диалектика традиционного и новационного в общественной практике воплощается в форме инноваций, понимаемых как реализация в деятельности государства и церкви новых форм совместной деятельности на благо общества. «Доктринальные основы политики в целом и религии, как уже отмечалось, на практике предполагают целую сеть конкретных отношений государственных институций с религиозными организациями по самым различным поводам» [2, с. 141–142].

В практическом взаимодействии церкви и государства в современной Беларуси можно выделить несколько основных направлений. Во-первых, это сотрудничество в духовно-нравственном воспитании молодежи, ее социализации и укреплении семьи, способствующее формированию у нее качеств национально-культурной идентичности и социально-психологической установки на толерантность в отношении к людям другой расы, нации, вероисповедания. Во-вторых, это деятельность по пропаганде здорового образа жизни и профилактике распространения вредных привычек. В-третьих, это культивирование внимания к перинатальной медицине, пропаганда идеи сохранения жизни еще нерожденных детей и создание в обществе атмосферы «общественного моратория на аборты». В-четвертых, это координация совместных усилий в сфере реабилитации лиц с ограниченными физическими и умственными способностями, осуществление совместных проектов помощи интернатам для престарелых и инвалидов, а также для детей-инвалидов. В-пятых, это благотворительная деятельность и помощь малоимущим и неполным семьям, а также оказание гуманитарной помощи социально уязвимым категориям населения. В-шестых, это совместная работа по социально-культурной адаптации беженцев и мигрантов. В-седьмых, это сотрудничество в сфере социально-гуманитарной науки, предполагающее совместное проведение крупных научно-практических мероприятий. В-восьмых, это сотрудничество в сфере культуры, искусства, социальной информации, в книгоиздательском деле. В-девятых, это взаимодействие в работе по военно-патриотическому воспитанию допризывной молодежи и военнослужащих, участие священнослужителей в проводимых в воинских частях торжественных мероприятиях, проведение богослужений, таинств.

Таким образом, в обновлении форм социально-культурной деятельности церкви заинтересована и система государственного управления, поскольку церковь может продуктивно выполнять свою миссию, используя организационные и информационные ресурсы государства, а государство, в свою очередь, имеет возможность в организации и проведении социально-культурной политики опираться на воспитательную и благотворительную деятельность клира и прихожан. Всякая политическая система нуждается в религиозном обосновании своей деятельности, а религия, в частности религиозные институты, стремилась к государственному патронажу. Последнее обстоятельство означает, что взаимодействие государства и церкви всегда опосредовано участием отдельных людей, представляющих гражданское общество и его институты. Однако инновации – это не цель, тем более не самоцель, а средство стабильного и успешного развития общества, которое будет эффективным при наличии двух условий. Во-первых, если они возникают на основе заимствования позитивного опыта прошлого – «вырастают из традиции». Во-вторых, если они используются наряду с хорошо зарекомендовавшими себя традиционными формами деятельности. Отмеченная специфика инновационной деятельности характерна для диалога церкви и государства. Системный и многоуровневый характер диалога между церковью и государством осуществляется на институциональном уровне – между церковью и государством как субъектами социальных отношений. В целом просматривается тенденция идеологического сближения церкви и государства,

способствующая консолидации национального идеологического пространства. Церковь и государство как субъекты общественного развития встали перед дилеммой: с одной стороны, сохранить традиционные ценности, с другой – максимально адаптироваться к современности и определить критерии отношения к действительности. Представляется, что в ее решении важным условием является открытость участников диалога друг другу и их готовность к конструктивному сотрудничеству. Религиозные институты действовать как слаженная система, отстаивающая не столько узкие интересы церковного руководства, сколько интересы всей системы институтов, сформированных вокруг церквей как составной части демократического общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Земляков, Л. Е. Современная государственная политика Беларуси в религиозной сфере / Л. Е. Земляков, А. И. Тиханский, А. В. Шерис. – Минск : Право и экономика, 2016. – 182 с.
2. Безнюк, Д. К. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь / Д. К. Безнюк. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2006. – 214 с.

УДК 316.354.2

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Яковлева Н.И.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Периоды экономической нестабильности, социальных трансформаций, возрастающее воздействие рисков и угроз мирового масштаба ставят перед национальными системами крайне сложную задачу по их преодолению. При этом, в условиях быстрой смены социо-экономических парадигм, государственные институты должны не только сохранять свое стабильное функционирование, но и осуществлять непрерывный поиск «точек роста», уделять внимание их развитию. Система страховой защиты граждан также столкнулась с необходимостью разработки новых страховых продуктов, налаживания современных коммуникационных каналов связи с потребителями страховых услуг.

К числу основными проблем, с которыми сталкивается страховая система в последние несколько лет, относятся постоянно возникающие новые риски, разработка и внедрение программ защиты, от которых требуется в кратчайшие сроки (пример: страхование от COVID-19, страхование от киберрисков); активная смена поколения потребителей страховых услуг, страховые потребности и интересы которых, а также способы приобретения и механизмы использования продуктов страхования несколько отличаются от предшественников.

Одним из современных способов решения данных проблем может стать более широкое использование потенциала информационно-компьютерных технологий (ИКТ) и существующих на их основе информационных сетей в области страховой защиты. Интернет-страхование представляет собой новое направление экономических отношений, включающее совокупность форм и методов взаимодействия страхователя, страховщика и иных участников страховой сферы, направленных на удовлетворение потребностей страхователя в страховой защите при помощи сети Интернет. [1, с.243]

Современное интернет-страхование, в отличие от классического, при котором чаще страхуются автомобили и объекты недвижимости, указаны фиксированные страховые взносы и определены конкретные сроки действия договора, существует по принципу открытости данных и доступа к ним в режиме реального времени. Ограничений по объектам страхования практически нет, а защита может действовать только на период использования, даже если это всего несколько минут. Соответственно, и страховые взносы рассчитываются исходя из этих параметров, при этом интернет-страховку можно «включать» и «выключать» через приложение на смартфоне. [2, с.128]

Возможность организации взаимодействия системы страховой защиты и страхователя через Интернет имеет несколько положительных моментов для обеих сторон. Так, страхователь может не выходя из дома составить общее представление о страховщике, его услугах; провести расчет тарифов; воспользоваться онлайн-консультациями по вопросам страхования; заключить договор страхования и внести страховой взнос; сообщить о наступлении страхового случая через Интернет.

В отношении страховой компании появляется возможность снижения затрат за счет упрощения процедуры страхования, экономии на вознаграждении страхового агента, отсутствия необходимости содержать офисы по оказанию услуг, что приводит к уменьшению стоимости продукта. Появляется также возможность более детального анализа страхового интереса и потребностей в страховании потенциальных страхователей посредством изучения различных направлений социальной активности в сети Интернет. В целом, страхование становится более доступным, поскольку Интернет во многом снимает географические ограничения.

В тоже время существует ряд проблем, связанных с развитием системы интернет-страхования. Потребителю страховых услуг посредством интернет необходимо обладать достаточным уровнем ИКТ-компетенций, что может вызвать затруднения, особенно у лиц старших возрастов; должен быть обеспечен надежный доступ в сеть, сложности с которым отмечаются в некоторых районах с невысоким проникновением Интернет, чаще в сельской местности. Встает проблема обеспечения информационной безопасности и безопасности личных данных в сети Интернет. Важным моментом для страхователя становится тот факт, что в случае интернет-страхования ему практически самостоятельно придется разбираться в нюансах страховых договоров, консультация по которым, обычно входит в обязанности брокера. С учетом того, что законодательство в части нарушения сохранности данных, норм страхования от опасных болезней (COVID-19) развито слабо, неподготовленный потребитель страховых услуг рискует не получить заявленное возмещение в случае наступления страхового случая.

Отсутствие единых норм закона в части новых видов страховых услуг является проблемой и для самих страховых компаний, поскольку допускает неоднозначное толкование рискованных ситуаций, некорректное определение страховых выплат, что повышает риск страховщика нарушить нормы существующего права, а также снижает уровень доверия граждан системе страховой защиты. Внедрение цифровых технологий вынуждает страховые компании нести высокие затраты на проектирование и создание качественного страхового программного продукта, обучение и переподготовку персонала для работы в Интернет.

В целом, не смотря на своевременное создание и развитие актуальных направлений сферы страхования, в ответ на появление таких рисков как пандемия и рост кибер-преступности, существенным препятствием широкому распространению страхования, и интернет-страхования в частности, является недостаточное развитие самой системы страховой защиты в Беларуси и недостаточный уровень доверия белорусов к страховщикам, к финансовым институтам в целом.

Таким образом, с появлением Интернет-страхования, актуальных направлений в сфере страховых услуг, система страхования в Беларуси начала процесс перехода на качественно новый этап своего развития. [1, с.248] Несмотря на то, что страхование в нашей стране имеет определенную специфику, его направление развития соответствует общемировым тенденциям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Красильников, О. Ю., Красильникова, Е. В. Теория и практика развития Интернет-страхования / О. Ю.Красильников, Е. В. Красильникова // Известия Саратовского университета. Саратов. 2015. – № 3. – С. 243–248.
2. Козлов, А. В. Интернет-страхование в России / А.В. Козлов // Современные проблемы науки и образования. Электр. науч. журн. 2010. – № 4. – С. 127–131. URL: [http:// www.science-education.ru/92-4515](http://www.science-education.ru/92-4515) (дата обращения: 28.10.2020)

УДК 316.342

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ БЕЛАРУСИ В СОЦИАЛЬНО – ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

*Ярмусик Э.С.
профессор, ГрГУ им. Я. Купалы
доктор исторических наук, профессор
(г. Гродно, Беларусь)*

Западный регион Беларуси и, в частности, Гродненщина, в советский период отличался от других областей БССР поликонфессиональным составом. Здесь, несмотря на жесткую антирелигиозную политику, проводимую в послевоенный период государством, сохранялась высокая степень влияния

конфессионального фактора на общественные, национально-культурные и социальные процессы. Начавшаяся в середине 1980-х годов перестройка привела к коренным изменениям в государственно – церковных отношениях. «Ренессанс» религиозный проходил в тесном контакте с «ренессансом» национальным. Под влиянием таких факторов, как пограничное положение Гродненской области (близость Литвы и Польши), активизация религиозных миссионеров (католических, православных, протестантских, представителей «новых религий»), активизация связей с зарубежными церквями и центрами, нестабильная общественно-политическая ситуация, стремление некоторых политиков и общественных лидеров использовать религиозный фактор в политических целях и т.д. на определенном этапе, особенно в 1990-е годы, привело к политизации деятельности конфессий. Вместе с тем, принятые на государственном уровне меры, а также рационализм мышления руководства религиозных организаций не привели к обострению ситуации в обществе и позволяли урегулировать конфликтные ситуации, если такие возникали [1, лл.1-21].

На Гродненщине традиционно действуют православная, католическая и протестантская церкви, появились также небольшие общины иудеев, мусульман, униатов, представителей нетрадиционных религий, или неокультов. Последние не оказывают существенного влияния на конфессиональную ситуацию в регионе, поскольку не имеют прочной социальной базы. Религиозный фактор тесно взаимосвязан с национальным и социокультурным. Эта связь ощущалась весьма заметно в конце 1980-х – 1990-е годы и была обусловлена активной деятельностью национально – культурных объединений. В настоящее время служители религиозных культов дистанцируются от участия в подобного рода организациях, сосредоточив внимание на проблемах социальных, религиозно – просветительских, укрепления позиций церкви в секуляризованном обществе и др. [2].

Вместо прежних коммунистических идеалов религиозные организации формировали духовно-нравственные и религиозно-культурные ценности, основанные на христианском учении. Церковь никогда не дистанцировалась от политических и социальных процессов, происходящих в обществе, и по-прежнему претендует на роль социального института, способного решить многие актуальные проблемы человека и общества, подсказать пути выхода из кризиса [3,4].

Религиозные организации укрепляют свое присутствие в различных сферах общества, присущими им методами влияют на массовое сознание, формируют определенные духовно – нравственные ценности, конкурируя при этом между собой. Особое внимание направлено на молодёжь, которая рассматривается как опора религии и благоприятное поле для проведения миссионерской деятельности [5].

В 1990-е годы произошла идеологическая дифференциация православной и католической Церкви на Гродненщине. Так, православное духовенство и верующие в большинстве своём выступали за союз с православной Россией, поддерживали усилия правительства Республики Беларусь в этом направлении [6, л. 95]. В то же время, в католической Церкви имели место прозападные настроения, которые распространялись прибывающими из Польши ксендзами и монашествующими. Об этом, в частности, говорилось в письме председателя Гродненского облисполкома А.И. Дубко на имя Государственного секретаря Совета Безопасности В.В. Шеймана (1995 г.): «Польские ксендзы и монашествующие занимаются не только религиозной деятельностью, но и всемерно воспитывают у католического населения польский патриотизм. Ими подчеркивается, что область была дважды оккупирована - в 1939 и 1944 годах, что граница Польши находится в районе Столбцов. Ежегодно значительное количество детей приглашается католическими приходами на отдых, где с ними проводится соответствующая работа. Наблюдается тесное взаимодействие и координация усилий Союза поляков на Беларуси и костёла. Особенно это проявляется при увековечивании памяти солдат Армии Крайовой. Некоторые религиозные общины работают исключительно под патронатом зарубежных центров (Новоапостольские, иудейские, общины Церкви Христовой). Регулярно приезжают проповедники из США, Германии, Израиля. В некоторых общинах устанавливается индивидуальное членство. Для привлечения в общины используется гуманитарная помощь. Неразборчиво видится пропаганда религиозной идеологии в СМИ ...» [7, л. 30].

Немаловажное значение имеет и тот факт, что действующие на Гродненщине религиозные организации подчиняются заграничным центрам – Белорусская Православная Церковь – Московскому Патриархату, Римско-католическая – Ватикану, протестанты – различным центрам, находящимся в странах ЕС и США, неокульты – в азиатских странах или США. Бесспорно, органы власти учитывают специфику деятельности каждой из церквей и степень влияния на них заграничных организаций, центров и миссий.

В этой связи религиозному фактору стало уделяться более пристальное внимание в идеологической, массово-политической, социокультурной сферах жизнедеятельности общества. Гродненским облисполкомом принимаются программы развития конфессиональной сферы,

национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом. В них предусматриваются такие мероприятия, как проведение социологических мониторингов; разъяснение политики государства в этноконфессиональной сфере; работа по расширению сферы использования государственных языков при проведении религиозных служб, организации учебного процесса в духовных учреждениях; усиление взаимодействия местных исполнительных органов власти с представителями традиционных конфессий, редакциями СМИ, общественностью с целью предотвращения возникновения на территории области деструктивных и псевдорелигиозных групп; участие представителей органов власти в массовых мероприятиях, которые проводятся религиозными организациями; проведение встреч с руководством религиозных организаций по вопросам развития и деятельности религиозных организаций, недопущения деятельности незарегистрированных религиозных организаций, а также несанкционированных массовых мероприятий религиозного характера [8, с. 196 – 206].

Социальное служение – одна из важнейших форм выражения христианского мессианства – делать добро людям. Оно опирается как на христианское вероучение, так и на богатые традиции благотворительности, которые имели место в деятельности конфессий в прошлом. Прежде всего, это благотворительность и милосердие – забота о больных, немощных, престарелых, бездомных, детях, неполных и многодетных семьях, людях, опустившихся на дно социальной жизни (алкоголики, наркоманы) и т.д. [9].

Одна из главных задач католической Церкви состоит в формировании мирового общественного мнения по важнейшим социально-экономическим, общественно-политическим и нравственным вопросам. С этой целью на протяжении многих десятилетий (с конца XIX века и до настоящего времени) разрабатывается и пропагандируется социальная доктрина католической Церкви [10, с. 40–49].

Социальное служение католической Церкви реализуется через систему благотворительных организаций, проектов, программ, рассчитанных на различные слои населения, нуждающиеся в социальной помощи. Одной из известных благотворительных организаций является «Каритас». В последующие годы филиалы «Каритас» были созданы во всех деканатах Гродненского диоцеза [11, с.11; 12, с.331 – 337.].

Таким образом, в современных условиях в обществе возникает множество проблем, решать которые целесообразно, объединив усилия властных структур и негосударственных организаций, в частности, религиозных, имеющих богатый исторический опыт взаимодействия с государством и влияния на общественные и социальные процессы. Церковь стала существенным фактором трансформационных процессов, происходящих в белорусском обществе. Дальнейшее развитие и совершенствование отношений государственных органов и религиозных организаций будет иметь позитивный результат в том случае, если они будут основаны на демократических принципах уважения прав и свобод человека, балансе общественных и религиозных интересов, невмешательстве государственных структур и религиозных организаций в дела друг друга и взаимном доверии, безусловном соблюдении обеими сторонами Конституции и законодательства Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Гродненской области. Фонд 475. – Оп. 2. – Д.4. Отчётная и итоговая информация Совета по делам религий при исполкоме Гродненского областного Совета народных депутатов за 1992 – 1994 гг.- Лл. 1 -21.
2. Гродненщина этноконфессиональная [Электронный ресурс]/ Гродненский областной исполнительный комитет. Официальный портал //Режим доступа: <http://region.grodno.by/ru/konfes-ru/> Дата доступа 10.11.2020.
3. Об участии верующих в общественно – политической жизни. Разъяснение Синодального отдела БПЦ по взаимоотношениям Церкви и государства [Электронный ресурс]// Слоні́мскі веснік/ Режим доступа: <http://slonves.by>. Дата доступа 14.11/2020.
4. Главы церквей обратились к белорусам перед выборами [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://sputnik.by/religion/20200801/1045316758/> Дата доступа 14.11.2020.
5. Круглый стол на тему «Молодёжь и религия» состоялся в Гродно 4 апреля 2018 года Электронный ресурс /Перспектива// Режим доступа: <http://rgazeta.by/ru/society/>. Дата доступа 10.11.2020.
6. НА РБ. Фонд 136. – Оп. 3. – Д. 22. Документы Уполномоченного совета по делам религий при СМ РБ. 1995 г.
7. НА РБ. Фонд 136. – Оп. 3. – Д. 22. Документы Уполномоченного совета по делам религий при СМ РБ. 1995 г.
8. Ярмусик, Э. Социально – культурное партнерство органов власти Гродненской области и религиозных организаций / Э.С. Ярмусик // *Ekonomia i Zarzadzanie. Economics and Management. Politechnika Bialostocka.* -Numer 4(6). – 2014.
9. Общая информация: Гродненская епархия [Электронный ресурс] / Официальный портал Белорусской Православной Церкви. Режим доступа: <http://www.exarchate/resource/Dir0056/Dir0078>. Дата доступа: 17.03.2016.

10. Ярмусик, Э.С. Проблемы современности в социальной доктрине католической Церкви / Э.С. Ярмусик // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: навукова-гэарэтычны часопіс. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Паліталогія. – 2012. – № 3.
11. Михайлик, Л. Освящение Дома Милосердия / Л. Михайлик // MISERICORDIA. – 1995. – № 10.
12. Ярмусик, Э.С. Развитие межконфессионального диалога и социального служения Римско – католической Церкви /Э.С.Ярмусик.-Шлях да ўзаемнасці=Droga ku wzajemności. Матэрыялы XX міжнароднай канферэнцыі, Гродна, 23 – 24 кастрычніка 2014 года /Рэдкал. С.П. Мусіенка і інш. – Мінск, 2015.

СЕКЦИЯ 3. ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

УДК 001.38:323-053.66/.81

ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ АДРЕСНОЙ ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТЛИВОЙ НАУЧНОЙ МОЛОДЕЖИ

Артюхин М.И.

*заведующий центром, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Пушкевич С.А.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Важное условие для развития науки в стране – активное участие в фундаментальных исследованиях молодых талантливых ученых. В связи с этим стоит задача привлечения талантливой и инициативной молодежи в науку и ее закрепления в научной сфере. Ее решение обеспечивает эффективная система адресной поддержки талантливой молодежи, которая создана в Беларуси. Особое место в этой системе занимает Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (далее – БРФФИ), который практически с первых дней своего существования (Фонд создан в 1991 г.) учредил целевые молодежные конкурсы фундаментальных и поисковых исследований, основная цель которых – поддержать и апробировать на конкурсной основе научные идеи молодых ученых на самой начальной стадии их исследовательской деятельности. Это было особенно важно для белорусской фундаментальной науки начала девяностых годов прошлого века, когда академические научные организации находились в режиме выживания и теряли свой интеллектуальный потенциал. И вот в это сложное для научной молодежи время, благодаря финансовой поддержке фонда, в науке осталась и через некоторое время и проявила себя целая плеяда нынешних лидеров белорусской научной элиты. По признанию многих из них, в это трудное для белорусской науки время фонд стал для них надежной стартовой площадкой, позволившей им решать важнейшие научные задачи, приобретать новые фундаментальные знания и найти свой путь в большую науку.

Система целевых молодежных конкурсов фундаментальных исследований включает различные виды конкурсов: «Наука-М», «Ученый», «БРФФИ-Минобразование-М», международные молодежные конкурсы («БРФФИ-РГНФ М», «БРФФИ-РФФИ М»). Каждый вид молодежных конкурсов имеет свой спектр целей и задач. Но в своей совокупности они позволяют фонду на системной основе осуществить поддержку перспективной научной молодежи на основных этапах научной карьеры по цепочке «студент – аспирант – научный сотрудник – кандидат наук – доктор наук».

Отметим как важный этап развития молодежной политики фонда проведение ряда совместных международных молодежных конкурсов («БРФФИ-РГНФ М», «БРФФИ-РФФИМ»). Начало реализации международных конкурсов проектов исследований, выполняемых совместно молодыми учеными России и Беларуси, положило заключение 27 марта 2013 г. Дополнительного договора №1 к Соглашению о Сотрудничестве между Российским гуманитарным научным фондом (далее – РГНФ) и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований от 3 ноября 1998 г. Этот договор определил условия, порядок финансирования и сроки проведения конкурса проектов исследований, выполняемых совместно молодыми учеными России и Беларуси. В 2013 г. БРФФИ и РГНФ учредили международный молодежный конкурс «БРФФИ-РГНФ М» и провели два таких конкурса.

23 января 2014 г. было заключено Дополнительное соглашение №2 к Соглашению о сотрудничестве между Российским фондом фундаментальных исследований (далее – РФФИ) и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований от 27 апреля 2007 года о проведении конкурса проектов фундаментальных научных исследований, выполняемых совместно коллективами молодых ученых из Российской Федерации и Республики Беларусь. За период 2015-2019 гг. состоялось три молодежных конкурса «БРФФИ-РФФИ М». По результатам этих конкурсов было поддержано 110 молодежных проектов.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года №325-р «О реорганизации Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда» РФФИ был присоединен к РФФИ.

Конкурсы «БРФФИ-РФФИ М-2015», «БРФФИ-РФФИ М-2017» проводились по направлениям: математика, механика и информатика; физика и астрономия; химия; биология и медицинская наука; науки о Земле; информационные технологии и вычислительные системы; фундаментальные основы инженерных наук. После присоединения Российского гуманитарного научного фонда в 2018 г. к Российскому фонду фундаментальных исследований было подписано Дополнительное соглашение к Соглашению о сотрудничестве между Российским фондом фундаментальных исследований и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, к направлениям совместного конкурса «БРФФИ-РФФИ М» добавились история, археология, этнография; экономика; философия, социология, правоведение, политология, науковедение; филология, искусствоведение; комплексное изучение человека, психология, педагогика; социальные проблемы медицины и экологии человека. Изменения нашли отражение в результатах конкурса «БРФФИ-РФФИ М-2019», где были представлены как естественные, технические, аграрные, медицинские, так и гуманитарные науки.

Анализ состава исполнителей совместных международных молодежных конкурсов («БРФФИ-РГНФ М», «БРФФИ-РФФИ М»), проведенных за период 2013-2019 гг., позволил определить динамику участия в этих конкурсах различных контингентов научной молодежи по ведомственной подчиненности вузов и научных организаций, а также отраслевую структуру международных молодежных проектов по научным направлениям и их соответствие современным трендам развития мировой науки.

Анализ ведомственной подчиненности научных организаций и вузов, в которых работали исполнители молодежных проектов по конкурсу «БРФФИ-РГНФ М» и «БРФФИ-РФФИ М» за период 2013-2019 гг., показывает, что распределение по министерствам и ведомствам выглядит следующим образом: научные организации НАН Беларуси – 64 проекта (или 56,6%), высшие учебные заведения – 47 (или 41,6%), отраслевые научные организации – 2 (или 1,8%) [1-5].

Общее количество совместных международных молодежных проектов, представленных академическими институтами и научно-практическими центрами, составило 64 (или 56,6%) всех проектов «БРФФИ-РГНФ М», «БРФФИ-РФФИ М». Среди *отделений наук НАН Беларуси* наиболее активное участие в международных молодежных конкурсах приняли молодые ученые из научных организаций *Отделения физико-технических наук* (25 проектов, или 39,1% от общего количества проектов от НАН Беларуси), *Отделения химии и наук о Земле* (13 проектов, или 20,4%), *Отделения физики, математики и информатики* (11 проектов, или 17,2%), *Отделения биологических наук* (8 проектов, или 12,5%), *Отделения гуманитарных наук и искусств* (5 проектов, или 7,8%). Менее активно в конкурсе фонда участвовали научные организации *Отделения аграрных наук* (1 проект) и *Отделения медицинских наук* (1 проект).

Среди академических научных организаций лидерами по количеству молодежных проектов, поддержанных БРФФИ по итогам конкурсов «БРФФИ-РГНФ М» и «БРФФИ-РФФИ М» за 2013-2019 гг., являются: в Отделении физики, математики, информатики – *Институт физики имени Б.И. Степанова* (8 проектов); в Отделении физико-технических наук – *Научно-практический центр по материаловедению* (8), *Институт тепло- и массообмена имени А.В. Лыкова* (8); в Отделении химии и наук о Земле – *Институт биоорганической химии* (7), *Институт физико-органической химии* (5); в Отделении биологических наук – *Институт биофизики и клеточной инженерии* (3); в Отделении медицинских наук – *Институт радиобиологии* (1); в Отделении гуманитарных наук и искусств – *Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы* (2), *Институт истории* (1), *Институт философии* (1), *Институт социологии* (1); в Отделении аграрных наук – *Институт почвоведения и агрохимии* (1).

Таким образом, можно констатировать, что молодые ученые НАН Беларуси активно участвуют в конкурсах «БРФФИ-РГНФ М» и «БРФФИ-РФФИ М». Причем наибольшую активность проявляют представители технических, физико-математических, химических, биологических, общественных и гуманитарных наук.

Из *учреждений высшего образования Беларуси* наиболее активное участие в конкурсах «БРФФИ-РГНФ М» и «БРФФИ-РФФИ М» за период 2013-2019 гг. приняли вузы Министерства образования (46 поддержанных проектов, или 97,9% от общего количества вузовских проектов) [1-5].

Лидерами по количеству поддержанных в 2013-2019 гг. молодежных проектов по конкурсам «БРФФИ-РГНФ М» и «БРФФИ-РФФИ М» являются: Белорусский государственный университет (22 проекта, что составляет 46,8% от общего количества международных проектов вузовских молодых ученых), на втором месте находится Белорусский государственный университет информатики и

радиоэлектроники (6 проектов, или 12,8%), Белорусский государственный технологический университет (4 проекта, или 8,5%), Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (4 проекта, или 8,5%). В то же время следует отметить, что за период 2013-2019 гг. частные вузы практически не участвовали в конкурсах «БРФФИ-РФФИ М» и «БРФФИ-РГНФ М».

Отраслевые министерства и их научные организации и научно-практические центры в молодежных конкурсах «БРФФИ-РГНФ М» и «БРФФИ-РФФИ М» практически не представлены. Только молодые ученые из научно-практических центров Министерства здравоохранения (РПНЦ радиационной медицины и экологии человека – 1 проект; РНПЦ эпидемиологии и микробиологии – 1 проект) приняли участие в этих конкурсах [1-5].

Следует также отметить, что помимо целевых международных молодежных конкурсов значительный контингент талантливой белорусской научной молодежи принимает участие в общих конкурсах БРФФИ: «НАУКА», «БРФФИ-РГНФ», «БРФФИ-РФФИ». В условиях этих конкурсов определено правило, что в состав исполнителей проекта должны быть включены молодые ученые.

Несомненно, в ходе выполнения молодежных международных проектов молодые руководители научных проектов обретают очень важный опыт развития молодежного международного научного сотрудничества в области фундаментальных научных исследований, устанавливают долговременные научные связи с молодыми учеными зарубежных стран, прокладывают свой путь в мировую науку. Тем самым закладываются перспективы развития новой географии и новых качественных характеристик научных направлений международного научного сотрудничества в области фундаментальных научных исследований. К сожалению, какой-либо официальной статистики участия молодых ученых по международным конкурсам и их качественный состав фонд в своих отчетных документах практически не отражает.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вестник Фонда фундаментальных исследований. - 2013. - №2.
2. Вестник Фонда фундаментальных исследований. - 2014. - №2.
3. Вестник Фонда фундаментальных исследований. - 2015. - №2.
4. Вестник Фонда фундаментальных исследований. - 2017. - №2.
5. Вестник Фонда фундаментальных исследований. - 2019. - №2.

УДК 316.33:321

ДЕТЕРМИНАНТЫ И МЕХАНИЗМЫ НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Барановский Н.А.

*главный научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
(г. Минск, Беларусь)*

Наркотизация населения – это детерминированный социумом, личностью и личностно-социальными взаимодействиями социальный процесс массового распространения среди различных социально-демографических групп населения наркотизма как негативного социально-правового явления. Наркотизм представляет собой массовое и устойчивое во времени и пространстве общественно опасное и уголовно-противоправное социальное явление, которое связано с производством, реализацией и потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсорах и аналогов, причиняющих значительный вред физическому, психическому и социальному здоровью, социальному поведению и образу жизни личности, дезорганизует ее ближайшее социальное окружение и препятствует демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию общества.

Наркотизм проявляется в четырех формах антиобщественного и противоправного социального поведения: 1) эпизодическое немедицинское употребление наркотиков; 2) наркомания как патологическая форма регулярного или систематического немедицинского употребления наркотиков, сопряженного с физической и психологической зависимостью человека от них; 3) незаконное производство и распространение наркотиков (наркобизнес); 4) совершение преступлений и других правонарушений, связанных с наркотиками.

Анализ данных медицинской статистики показывает, что в настоящее время на наркологическом учете Министерства здравоохранения РБ по состоянию на 1 июля 2020 года находится значительная

численность лиц, употребляющих наркотические вещества – 12 342 человека (в том числе на диспансерном учете 7 287 человек и 5 055 человек на профилактическом учете). Что касается динамики наркотизации населения, то на протяжении последних двух десятилетий численность лиц, состоящих на наркологическом учете, имеет тенденцию к увеличению: с 9 468 человек в 2004 году до 12 342 человека в 2020 году. При этом если в первое десятилетие имел место значительный рост числа лиц, находящихся на наркологическом учете (до 15 527 человек в 2015 году), то, начиная с 2016 года – отмечается устойчивая положительная тенденция к сокращению их численности – до 12 758 человек на 1 июля 2019 года и до 12 342 человек на 1 июля 2020 года.

По результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в октябре 2017 года, потребление наркотиков распространено среди 1,7% взрослого населения (примерно среди 127 тыс. человек; по оценкам МВД РБ – среди 85 тыс. человек). Эта социологическая информация дает основание говорить о наличии достаточно высокого уровня распространенности потребления наркотиков в стране и о негативной тенденции его роста – в 1,4 раза по сравнению с результатами опроса населения, проведенного в 2010 году.

Особо значимой научной и социально-практической проблемой является наличие полной и достоверной информации об особенностях детерминации и механизмов наркотизации населения. Детерминация наркотизации населения – это система *факторов* (явлений и процессов, которые влияют на происхождение и развитие наркотизации населения, выступая в качестве благоприятной почвы формирования и действия их непосредственных причин и условий), *причин* (явлений и процессов, которые обуславливают и порождают различные формы наркотизма) и *условий* (явлений и процессов, которые способствуют формированию и действию факторов и причин наркотизации населения).

В процессуально-динамическом плане система детерминации наркотизации населения представляет собой социальный механизм их генезиса и развития, который включает три процесса: влияние (действие факторов); способствование (действие условий); порождение (действие причин).

В зависимости от доминирования в системе социальной детерминации наркотизации населения какой-либо группы конкретных детерминант различаются *четыре типа детерминационной зависимости*:

социальная – преобладает влияние деструктивных социальных явлений и процессов макро-, мезо- микро- уровней в различных сферах социальной жизни;

ситуационная – доминирует влияние негативных обстоятельств конкретной жизненной ситуации;

деструктивно-интеракционная – доминирует влияние деструктивного взаимодействия отрицательных качеств и антиобщественного поведения наркогенной или нарко-криминогенной личности и социальной среды;

личностно-девиантная – преобладает влияние отрицательных качеств и антиобщественного поведения наркогенной или нарко-криминогенной личности.

Социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси за последние два десятилетия, показывают, что *основными социальными детерминантами наркотизации населения Беларуси* являются:

деформации в социальном и духовном развитии значительной части населения, выражающиеся в социальной пассивности, ограниченности духовных интересов, неразвитости социальных и духовных потребностей, неумении организовать свой досуг, отсутствию любимых занятий в свободное время;

доминирование в духовной культуре жизненных ценностей и социальных позиций индивидуалистического, гедонистического, потребительского, корыстного, конформистского, социально безответственного характера;

затрудненность самореализации, обусловленная неопределенностью жизненных перспектив, несоответствием социальных и личностных возможностей уровню потребностей и интересов значительной части населения;

нравственно-психологическая неудовлетворенность жизнью, окружающими бытовыми условиями и морально-психологической атмосферой в семье, на работе и учебе;

незнание и неумение разрешать психологические проблемы и жизненные трудности;

социально-девиантные особенности повседневного поведения и образа жизни, в частности распространенность бытового пьянства и алкоголизма, насилие в семье, совершение преступлений и других правонарушений, социальная замкнутость и пессимизм.

недостатки семейного воспитания и семейное неблагополучие, включающее разнообразные негативные характеристики ближайшего социального окружения, такие как неполные семьи, разводы, ссоры, злоупотребление алкоголем, конфликты, насилие, безразличие, отчужденность, одиночество и т.п.;

влияние девиантной субкультуры, рассматривающей наркотики в качестве атрибута модного образа жизни.

Деформированность личности и образа жизни потребителей наркотиков в сочетании с социальной дезорганизацией их ближайшего социального окружения (неблагоприятным, безразличным или конфликтным климатом в семье, по месту учебы и работы, аморальной и противоправной досуговой средой, трудовой безработицей, неразвитостью досуговой инфраструктуры и т.п.) закономерно порождают деструктивность социальных взаимодействий наркогенной личности с другими людьми, социальными группами и общностями. К наркогенным личностям, которые образуют группу риска употребления наркотиков, относятся лица, не употребляющие наркотики, но у которых психологические качества и свойства, система ценностей, социальных ориентаций и образ жизни свидетельствуют о мотивационной и поведенческой предрасположенности к их употреблению. Процесс дефектной социализации наркогенной личности, как правило, начинается с недостаточной и искаженной информированности о социальных взаимоотношениях, нравственно-правовых нормах и общепринятых стандартах поведения и образа жизни с последующими стадиями социально-психологической дезориентации, дестабилизации, дезадаптации, деинтеграции, отчужденности и социального одиночества. В этой связи полагаем, что используемые в научной литературе и отечественном законодательстве термины «склонность к употреблению наркотиков» или «склонность к совершению правонарушений» по существу являются биопсихологизированными и их использование в социолого-девиантологическом и криминологическом дискурсах представляется некорректным.

На социетальном уровне личностно-социальная деструктивность, ценностно-нормативная напряженность, конфликтность и наркотическая предрасположенность проявляются в состоянии микро– или макро–социокультурной аномии – значительном и порой конфликтном несоответствии между потребностями, притязаниями, ожиданиями личности или коллективных субъектов и реальными социальными условиями, возможностями и нравственно-правовыми средствами их удовлетворения.

Социокультурные и психологические обстоятельства индивидуально-личностного и социально-группового характера в свою очередь обусловлены деструктивными факторами и процессами на микро- и макросоциальном уровнях: неустойчивой социально-экономической ситуацией в стране; большим материальным расслоением в обществе и социальной несправедливостью; относительно высоким уровнем безработицы; неудовлетворительными условиями и плохой организацией досуга по месту жительства; кризисом и противоречивостью системы идеологических и духовных ценностей в обществе; невысокой эффективностью работы по профилактике наркомании и других, взаимосвязанных с ней негативных социальных явлений (пьянства, бродяжничества, правонарушений); недостатками информационной и воспитательной работы в учреждениях образования; негативным влиянием интернета и других СМИ, кино и видеопродукции; несовершенством законодательства, практики ответственности и наказания за производство, транспортировку, реализацию и потребление наркотиков, а также за другие преступления, связанные с наркотиками; высоким уровнем распространенностью употребления наркотиков; безнаказанностью распространителей и потребителей наркотиков; распространенностью преступности в обществе и влиянием криминальной субкультуры; невысокой эффективностью работы по лечению и социальной реабилитации лиц, страдающих наркотической зависимостью.

На основе использования системного, факторного и кластерного анализов результатов социологических исследований, включая математический метод углового преобразования Фишера, выявлено, что в системе социальной детерминации наркотизации населения преобладают *три типа этиологии наркотизма*:

- а) деструктивно-интеракционный – обусловленный деструктивным взаимодействием наркогенной или нарко-криминогенной личности и социальной среды;
- б) личностно-девиантный – с доминирующим влиянием отрицательных качеств и антиобщественного поведения наркогенной или нарко-криминогенной личности;
- в) ситуационный – детерминированный влиянием негативных обстоятельств конкретных жизненных ситуаций. В наименьшей степени распространен социальный тип – с преобладанием влияния деструктивных социальных явлений и процессов макро-, мезо- и микроуровней в различных сферах общественной жизни.

Социологическая информация о детерминантах и механизмах наркотизации населения может быть использована при разработке концепции государственной антинаркотической политики, а также национальной и региональных программ социального контроля различных форм наркотизма как негативного социального явления.

ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПОДХОДА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ УКРАИНЫ**Бессалова Т.В.**

*старший научный сотрудник, ИИИТТИН им. Г.М. Доброва НАН Украины
кандидат исторических наук
(г. Киев, Украина)*

Практика использования программно-целевого метода планирования и управления наукой и техникой в Украине насчитывает более 40 лет. Его широкое применение в 1980–е гг. стало новой тенденцией в научно-техническом развитии Советского Союза и позволило обеспечить комплексный подход к решению актуальных народнохозяйственных задач с помощью специальных программ. Они стали действенным инструментом плановой экономики, который способствовал, преодолевая ведомственные барьеры, объединению в единое целое интересов разных отраслей народного хозяйства для решения важнейших для страны социально-экономических, производственных и научно-технических проблем [1, с.285].

Необходимость поиска новых организационных и управленческих решений была связана с существенным ухудшением социально-экономических показателей развития Советского Союза. Страна испытывала потребность в наращивании темпов научно-технического прогресса. Именно программно-целевой метод стал новой прогрессивной формой управления, которая способствовала ориентации научно-технического развития страны на конечные практические результаты [2, с.53].

Программно-целевой подход стал одним из эффективных и распространенных методов государственного регулирования экономики, активно используемый ведущими странами мира. Так, программирование национальных экономик появилось в мировой практике в 1930-е гг. Первыми на этот путь стали США, Канада и Япония, а с конца 1960-х гг. многие страны мира перешли на общенациональное среднесрочное программирование, которое охватывало наиважнейшие показатели развития экономики. Например, Япония рассматривает целевые научные и научно-технические программы как способ стимулирования новых наукоемких отраслей, таких как электроника, робототехника, информационные системы [3, с.14].

Важным шагом в дальнейшем развитии программно-целевого подхода в СССР стал переход от координационных планов к научно-техническим программам, которые более четко определяли конечные результаты, ожидаемые от реализации программ, синхронизировали работу организаций и творческих коллективов, способствовали оперативному решению финансовых и материально-технических проблем, создавали условия для доведения исследований и разработок до производственной стадии. Целевые программы стали важной составляющей научно-технической политики государства.

Страна накопила огромный позитивный опыт реализации масштабных целевых программ, например, таких как ядерная и космическая программы, Комплексная программа научно-технического прогресса, Продовольственная программа и т.д. Многие из этих программ носили межотраслевой характер и решали сложные задачи, требовавшие взаимодействия многих организационно разрозненных исполнителей.

Распространение на все большие сектора экономики программно-целевых методов планирования, управления и организации научных исследований способствовало увеличению количества научных и научно-технических программ, которые выполнялись в Украине. Так, в республике в этот период реализовывались общесоюзные, республиканские, межотраслевые и региональные целевые программы. Например, в УССР в период с 1981 по 1985 гг. выполнялось 160 общесоюзных и 6 республиканских целевых программ и более 300 отраслевых и региональных программ. К выполнению республиканских целевых научных и научно-технических программ было привлечено 280 научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, высших учебных заведений и более 9 тысяч предприятий [4]. Значительный вклад в развитие программно-целевого подхода внесла Академия наук УССР, активно участвовавшая в выполнении 2/3 всех программ. Так, республиканские научные организации Академии наук выполняли работы по таким направлениям, как металлообработка, автоматизированные системы управления и вычислительная техника, охрана окружающей среды и т.д.

В 80-е годы программно-целевой метод организации научных исследований прочно вошел в практику высшей школы Украины. Его применение позволило высшим учебным заведениям решать

сложные научно-технические задачи. Так, доля высшей школы в общем объеме тематики того периода, например, в области физики и кибернетики составляла 60%, электроники и радиотехники - 54%, исследований космоса - 46% [5, с.9]. Значительный вклад внесли вузы Украины в решение проблем топливно-энергетического комплекса страны, вычислительной техники, систем автоматизированного проектирования, робототехнических систем, роботов и манипуляторов, технического переоснащения металлургической и машиностроительной промышленности. Кроме значительного экономического эффекта, который удалось достичь научным организациям Академии наук, вузам и другим производственным структурам, участвующим в реализации масштабных целевых программ, применение программно-целевого подхода способствовало усовершенствованию деятельности всех звеньев народнохозяйственного комплекса, сокращению сроков достижения результатов от реализации программ, повышению эффективности использования научно-производственного потенциала Украины.

Большой вклад в развитие программно-целевого подхода внесли научные центры АН УССР, научно-производственные комплексы, межотраслевые научно-технические комплексы и инженерные центры. Они накопили большой позитивный опыт участия в реализации крупных целевых программ разного уровня. Результаты, полученные этими структурами, свидетельствуют об их высокой эффективности и способности решать сложные задачи на стыке разных отраслей научного знания.

С обретением независимости в Украине начинается процесс создания на национальном уровне организационной структуры по управлению и контролю за формированием и реализацией целевых программ. В этот период создается Комитет по научно-техническому прогрессу и определяется новый порядок формирования, финансирования и реализации государственных программ по приоритетным направлениям развития. Новацией этой работы становится переход на проектную технологию разработки программ и конкурсный отбор проектов. Вместе с тем, несмотря на большую проделанную работу, не удалось избежать определенных системных ошибок. Так, несоблюдение основных принципов программно-целевого подхода при формировании многих программ, например, таких как целевая направленность, комплексность и системность, существенно снизили эффективность реализуемых в этот период целевых программ [6]. Как показал анализ, существенным недостатком ряда программ, которые реализовывались в Украине, стал низкий уровень их целевой направленности, нечеткая формулировка целей и заданий, что не позволило достичь ожидаемого экономического эффекта.

Как показывает практика, для эффективной реализации целевых комплексных программ важным условием является обеспечение стабильного финансирования всех ее этапов. Вместе с тем, увеличение количества программ разного уровня, которое наблюдалось в Украине в 1990-е гг., не сопровождалось, в большинстве случаев, необходимым уровнем финансирования, что нивелировало цель программно-целевого подхода – концентрацию мощных ресурсов на приоритетных направлениях, способных обеспечить экономический эффект за счет создания новейших технологий, новых видов техники и материалов. Многолетнее состояние недофинансирования научной сферы Украины не позволяет в среднесрочной перспективе надеяться на изменение сложившейся ситуации, поэтому в первоочередной поддержке со стороны государства нуждаются те направления, которые имеют общенациональное значение. В условиях ограниченности финансовых ресурсов особую актуальность приобретают вопросы, связанные с использованием программно-целевого метода в качестве действенного инструмента повышения эффективности при использовании бюджетных средств. Например, в ведущих странах мира показатель программно-целевого финансирования в общем объеме финансирования науки достигает 50%. В Украине объем расходов общего фонда на выполнение государственных целевых научно-технических программ в 2018 г. составил 2,7% от общего объема финансирования исследований и разработок [7]. Это свидетельствует о том, что в стране программно-целевые подходы к организации и проведению научных исследований не получили необходимой поддержки со стороны государства. Отсутствие стабильного финансирования сдерживает развитие перспективной формы реализации приоритетных направлений науки и техники, а низкие объемы экономического роста страны не позволяют надеяться на увеличение финансирования научно-технической сферы. В таких условиях важным является привлечение внебюджетных средств, создание благоприятных условий внутри страны для зарубежных инвестиций и национального бизнеса, эффективное развитие международной научно-технической кооперации. Для успешной реализации и повышения уровня эффективности целевых научных и научно-технических программ, кроме обеспечения стабильного финансирования, важным является реализация инициатив, обеспечивающих и поддерживающих процесс внедрения в практику полученных научных результатов. В противном случае их эффективность не будет иметь высокого уровня.

По мнению многих специалистов в области управления и планирования, проблемы, которые существуют в практике применения программно-целевого подхода в Украине, связаны в первую очередь с тем, что практика формирования и реализации государственной научно-технической политики далеко отошла от методологии программно-целевого управления и преимущества этого метода почти не используются. Необходимо изменить отношение власти к этой системе, способствовать усовершенствованию и развитию ее нормативно-правовой и методологической базы с целью эффективного использования тех возможностей, которые предоставляет программно-целевой подход. Необходимо изучать передовой опыт ведущих стран мира и постсоветских стран и, в частности, Беларуси, Казахстана, России, и внедрять их позитивные достижения. Это позволит усовершенствовать процесс формирования, реализации и оценки выполнения целевых программ и проектов в Украине, повысит эффективность использования программно-целевого метода в организации целевых научных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основы науковедения / под ред. Н. Стефанова, Н. Яхиела, Я. Фаркаша. – М.: Наука, 1985. - 432 с.
2. Блажевич Н.О. Роль Академії наук України в розробці методології і реалізації програмно-цільового підходу в управлінні наукою і технікою в 1970-1980-ті роки // Наука та наукознавство. - 2009. - №2. - С. 53-65.
3. Куранда Т.К., Вавіліна Н.І. Цільові програми в системі державного управління науково-технологічним розвитком // Науково-технічна інформація. - 2011. - №2. - С. 12-17.
4. Шкворец Ю.Ф. Проблемы программно-целевого управления НТ.П – Киев: Наукова думка, 1992. - 120 с.
5. Шукшунов В.Е. К новому качеству вузовской науки // Вестник высшей школы. - 1989. - №8. - С. 3-15.
6. Попович О.С., Велентейчик Т.М. Проблеми підвищення ефективності державних цільових програм // Наука та наукознавство. - 2009. - №2. - С. 38-47.
7. Стан розвитку науки і техніки, результати наукової і науково-технічної діяльності за 2018 р.: Аналітична довідка. – Київ: МОН України, УкрІНТЕІ, 2019. - 117 с.

УДК 316.472.3

ПРИНЦИПЫ ЕДИНОНАЧАЛИЯ И КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ В ВОИНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Богданик М.С.

*курсант военного факультета, ГрГУ им. Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)*

Кушнарев А.В.

*старший преподаватель общевойсковой кафедры, ГрГУ им. Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)*

Чтобы понять суть данной темы, позволим ответить себе на вопрос: можем ли мы представить себе воинский коллектив, где волевые решения командира в служебной и повседневной деятельности ставятся всякий раз подчиненными под сомнение и выполняются по их усмотрению? Даже если у вас отдаленное обывательское представление о службе в Вооруженных Силах, очевидно, вы ответите, что это немыслимо. Но задавались ли вы вопросом, почему в армиях, без исключения всех стран мира, данное явление базируется на одном устоявшемся веками и оформившемся юридически неоспоримом принципе управления? Это принцип единоначалия, который толкуется уставом внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь (ВС РБ) как основополагающий принцип военного руководства, при котором командир (начальник) наделён всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчинённым и несёт полную ответственность за все стороны функционирования и жизнедеятельности войск. Так данный принцип закреплён в законодательстве. Следовательно, командир (начальник) имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения. Подчинённый обязан исполнить данный ему приказ [1].

Отказ подчинённого выполнить приказ командира (начальника), в зависимости от законодательства государства, уровня последствий и обстоятельств, считается дисциплинарным проступком либо уголовным преступлением, подрывающим единоначалие. Так, например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ) это гл. 37, ст. 438 «Неповиновение», ст. 439 «Неисполнение приказа», ст. 440 «Сопротивление начальнику либо принуждение его к нарушению служебных обязанностей», ст. 441 «Насильственные действия в отношении начальника», ст. 442 «Угроза начальнику» [2].

Но единоначалие неразрывно связано с принципом личной ответственности командиров (начальников) за принимаемые решения и результаты выполнения поставленных задач. Так в той же гл. 37 УК РБ закреплены ст. 455 «Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти», ст. 456 «Халатное отношение к службе». Они указывают на ответственность в отношении начальника, стимулируя и предостерегая его принимать решения в рамках правового поля.

Также нельзя не отметить, что единоначалие в ВС РБ во многом опирается на дисциплинарную и даже административную ответственность. К таким видам воздействия, для различных категорий военнослужащих, можно отнести внеочередное назначение в суточный наряд (например, налагается командиром в соответствии с дисциплинарным уставом ВС максимального количества для данного должностного лица по отношению к провинившемуся подчиненному с учетом характера проступка, степени вины, а нередко и систематичности в нарушениях), арест с содержанием на гауптвахте, служебное взыскание (как правило, отрицательно влияет на денежное довольствие), выговор, строгий выговор, понижение в воинской должности, воинском звании, предупреждение о неполном служебном соответствии и даже увольнение военнослужащего в связи с несоблюдением с его стороны условий контракта.

Как видим, управление в войсках базируется на директивном методе руководства. В мирное время преобладают по отношению к нарушителям дисциплинарные воздействия, а в военное нередко прибегают к уголовной ответственности. Так, к примеру, в Вооруженных Силах Украины Закон Украины «О внесении изменений в наделении командиров дополнительными правами и возложении обязательств в особый период», принятый в феврале 2015 года, в интерпретации на русский язык: «Командиры (начальники) в особый период, в том числе в условиях военного положения или боевой обстановки, с целью задержания военнослужащих, которые совершают уголовные правонарушения, связанные с неповиновением или угрозой начальнику применением насилия, с самовольным оставлением боевых позиций и определённых мест дислокации войсковых частей (подразделений) в районах проведения боевых заданий, имеют право особого применения мер физического воздействия, специальных средств, а в боевой обстановке также оружием, или отдать подчинённым приказ о применении таковых средств, если иным способом невозможно прекратить преступные действия». Подобная практика широко применялась в Красной Армии, в которой командир, не принявший крайних мер (предупреждая о применении оружия в боевой обстановке), сам нес не меньшую ответственность.

Обращая ваше внимание, что принцип единоначалия в основном опирается на метод принуждения (один из способов воспитания личного состава), не можем не указать на степень личной ответственности, исполнительности подчиненных. Требовательность всегда должна быть обоснованной, постоянной и в равной степени относиться ко всем военнослужащим. Необходимо помнить, что требовательность неразрывно связана с заботой о человеке, уважение его человеческого достоинства, доверием к его силам и возможностям.

Чуткое и заботливое отношение в подчиненным является характерной чертой настоящего командира. В то же время оно ничего не имеет с заискиванием перед подчиненными, стремлением завоевать дешевый авторитет беспринципной добротой. Заботиться о подчиненных – значит создавать им в рамках требований уставов все условия для успешного выполнения возложенных на них задач [3].

Еще выдающийся полководец Г.К. Жуков в прошлом веке обращал внимание, что командир «должен показывать высокое мастерство и профессиональную выучку личным примером». Во многом авторитет и эффективность работы начальника в коллективе выявляется в том числе и за пределами правового поля, какой он лидер-организатор. Для этого необходима конкретная управленческая ситуация, составляющие которой: единая цель, объект деятельности, субъект деятельности, средства и условия деятельности. Соединение этих элементов дает динамическую систему – организацию. Постепенное взаимодействие этих элементов, в первую очередь, взаимодействие людей по поводу сложившейся ситуации, приводит к возникновению организованной скооперированной группы. В группе-конгломерате при взаимодействии случайных участников ситуации образуется интегративное звено – наиболее активный, ориентирующийся в ситуации участник, – и на основе этого складывается группа-конгломерация с признаками организованности и системности. Образование интегративного звена – процесс объективный, обусловленный внутренними закономерностями системы. Оно не зависит от свойств субъектов – участников этого процесса: не будь среди участников одного лидера, нашелся бы его «заменитель», который бы выполнил роль интегративного звена. Например, выбор «старосты» в группе в учебном заведении, заместителя командира взвода среди курсантов в учебном взводе в военно-учебном заведении и даже старшего по камере среди арестованных на гауптвахте.

Соціальні системи (групи, колективи) мають інтегративний елемент – єдинством управління.

Єдиноначаліє має як би подвійною природою: воно є процес і результат особистих взаємодій по справі об'єктивно стоячих перед людьми завдань, коли виникнення єдиноначалія в якості інтегративного ланки означає одночасно і виникнення організованості, порядку, і в те саме час воно є організуючою силою, незалежною від взаємодій людей і вносячою ззовні порядок і цілеспрямованість в ці взаємодії.

Також в Збройних Силах існує багато кооперацій, коли єдиноначальник змушений опиратися на думку колективів. Це і засідання Ради безпеки, і робота штабів, де кожне посадове особа, наприклад, начальник служби або заступник командира є спеціалістом в своїй професійній сфері, який може дати компетентну оцінку по тій або іншій ситуації, атестаційна комісія, коли розглядають кандидатуру офіцера на придатність призначення на вищу посаду або підвищенню в військовому званні. Процесом і результатом цього взаємодії виступає колегіальність. В вузькому сенсі слова вона представляє собою форму керівництва, здійснюваного офіційно встановленою групою осіб, що складають якийсь адміністративний, розпорядчий або консультативний орган. В широкому сенсі слова вона може означати такий спосіб групового прийняття рішення, який не завжди виступає в формі офіційного встановлення.

Як же пов'язано єдиноначаліє і колегіальність? Єдиноначаліє є як би результат колегіальності, коли в процесі взаємодіючих (нерідко протидіючих) позицій і точок зору членів групи виникає свого роду самовивідження на роль лідера групи, якого підтримує більшість взаємодіючих учасників. Оскільки кращі ідеї, доказателі, рішення завжди мають автора, постільки в колегіальних процедурах виявляється лідеруюче особа, чий пропозиції лягають в основу колегіальних рішень.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Устав внутрішньої служби Збройних Сил Республіки Білорусь, затверджений Указом Президента Республіки Білорусь від 26 липня 2001 р. № 355 «Про затвердженні загальновоєнських уставів Збройних Сил Республіки Білорусь», з змінами, внесенними Указом Президента Республіки Білорусь від 6 квітня 2017 р. № 107.
2. Національний правовий Інтернет-портал Республіки Білорусь [Електронний ресурс]. - 2005. - URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата звернення 22.10.2020).
3. Збройні Сили Російської Федерації [Електронний ресурс] – 2018. – URL: helpiks.org/7-27358.html (дата звернення 22.10.2020).

УДК 316.3 (091)

ЗАПОЧАТКУВАННЯ ПОПУЛЯРИЗАЦІЇ НАУКОВИХ ЗНАТЬ В СВІТІ ТА В УКРАЇНІ

Бороздих Н.В.

*молодший науковий співробітник, ІДНТПН ім. Г.М. Дюбува НАН України
(м. Київ, Україна)*

У XVI-XVII ст. у провідних країнах Європи формувалася тенденція інституалізації природничо-наукових знань. Це стимулювало виникнення академій, а популяризація наукових знань стала одним з їх основних завдань. Першу фізичну академію «Академія таємниць природи» (Academia Secretorum Naturae) було організовано 1560 р. з ініціативи Дж. Порта у Неаполі. Членом академії міг стати той, хто зробив відкриття або спостерігав і вивчав будь-яке природне явище. У 1558 р. Дж. Порта опублікував твір «Природна магія», що мав 23 перевидання. Форма подачі інформації була зрозумілою для нефахівців та приваблювала широкі кола людей. Пізніше у 1603 р. було засновано Академію деї Лінчеї (Accademia dei Lincei), нині - Італійська академія наук. Її метою стало вивчення та поширення наукових знань, Академія відкрито захищала вчення Г.Галілея. У 1657 р. у Флоренції виникла Академія дослідів для пропаганди науки за вченням Г.Галілея. Слід відзначити, що основоположник дослідного методу у природознавстві Г.Галілей свій твір «Діалог про дві найголовніші системи світу – птолемееву і коперникову» (1632 р.) представив у формі, розрахованій на не підготовленого читача. [1] У XVII – XVIII ст. в Європі набули поширення ідеї Просвітництва. Намітився скептицизм до релігійного світорозуміння та вперше було поставлено питання про практичне використання досягнень науки в

інтересах суспільного розвитку. Вчені того історичного періоду прагнули поширювати знання, робити його доступним і практично значущим. Тому знання стає предметом суспільної комунікації. Поступово формується інтелектуальна спільнота, яка отримує назву «Республіка вчених». Під «Республікою вчених» прийнято розуміти вільну асоціацію європейських інтелектуалів XV–XVIII ст. «Республіка вчених» існувала в різних соціальних контекстах і формах. Розвиток науки стимулював виникнення нових засобів обміну інформацією між ученими. Члени спільноти передавали інформацією за допомогою великої мережі листування, яке здійснювалося переважно латиною і сприяло обговоренню наукових результатів. Так, у 30-ті рр. XVII ст. у Франції з'являються перші спільноти, діяльність яких орієнтувалася на природничо-наукові дослідження. Найвідомішою стала «Академія Мерсенна» – приватне зібрання інтелектуалів, які цікавилися фізико-математичними науками. Пізніше виникли «Академія» Ле Пайєра (1648–1654), гурток Ле Февра (до 1658), «Академія» Монмора (1654–1664), «Академія» Тевено (1664–1666) [2]. Діяльність таких неофіційних гуртків сприяла появі «Паризької Королівської Академії Наук» 1666 р., яка стала офіційним науковим закладом нового типу. Секретар Академії, Б. де Фонтанель, автор книги «Бесіди про множинність світів» («Entretiens sur la pluralité des mondes», 1686), вважається основоположником популяризації науки у Франції. Він бачив своє завдання в тому, щоб представляти матеріал не дуже складним для неспеціалістів і не надто поверховим для вчених. Популяризатором науки був також відомий фізик Ф. Араго. У Німеччині в 1731–1754 рр. Й. Цедлер видав «Великий універсальний лексикон» («Großes Universal-Lexicon») у 68 томах, який став найбільшою енциклопедією XVIII ст. Відома також перша французька «Енциклопедія, або Тлумачний словник наук, мистецтв і ремесел», яку 1751 р. почали видавати Д. Дідро та Ж. Д'аламбер. 35 томів енциклопедії було опубліковано французькою мовою протягом 1751–1780 рр. Метою енциклопедії було донести наукове знання до широкої громадськості, особливо до людей які займалися практичною діяльністю.

Приблизно з 1640-х рр. вчені Лондона влаштовували приватні зустрічі, спочатку в таверні, потім у Грехем-Коледжі. Група оксфордців проводила аналогічні зустрічі в аптеці, де демонструвалися різні досліди. Серед них були С. Гартліб і Т. Даак, які брали участь у науковому листуванні Мерсенна. Об'єднання такого типу увійшли в історію як «невидимі коледжі». Вони були менш формальними структурами, ніж традиційні. Починаючи з XVII ст., в Європі формується та утверджується практика наукової комунікації, заснована на особистих зв'язках, зустрічах, листуванні. Діяльність неформальних спільнот найбільш освічених людей тогочасної Європи увійшла в історію під такими назвами, як «Невидимі коледжі» («Невидима Колегія») (термін увів Р. Бойль, 1646 р.), або «Республіка листів» (П. Бейля, 1684 р.), а пізніше – «Республіка вчених» (М. Мерсенн, який був добровільним розповсюджувачем наукової інформації, організатором наукової листування із 78 кореспондентами різних країн). «Республіка вчених» об'єднала таких інтелектуалів Нового часу, як Ф. Бекон, Р. Галілей, І. Ньютон, і Р. Декарт, Б. Паскаль, Р. Бойль, Г. Лейбніц, М. Мерсенн та ін. [2]

У 1672 р. Г. Лейбніц виступив із ініціативою організації Берлінської Академії наук або «Товариства для заохочення в Німеччині наук і мистецтв».

У цей період з'являється наукова періодика, як один із найважливіших і необхідних елементів поширення наукової інформації та існування наукового співтовариства. У 1665 р. адвокат і радник французького парламенту Д. де Салло почав видавати щотижневий журнал «Journal des sçavants». У цьому самому році з'явився журнал Лондонського Королівського товариства «Philosophical Transactions». Від 1668 р. Французька Академія видає дві серії Memoires (наукові статті) і щорічник Histoires. У 1668 р. аналогічні видання започатковано в Італії (Giornale de' Letterati), з 1682 р. в Німеччині (Acta Eruditorum). Одним із перших періодичних видань, орієнтованих на наукову тематику, став альманах «Фізична бібліотека Європи» («Biblioteca fisica d' Europa»), вперше виданий 1788 р. у Мілані лікарем, хіміком і натуралістом Л. Брунґьятеллі та орієнтований на французькі наукові часописи тієї епохи, який мав на меті поінформувати освічену італійську громадськість про праці зарубіжних учених [2]. Ідеї Просвітництва отримали поширення й на територіях України в XVI–XVII ст., де на той час існували школи, братства, видавалися книги, функціонували наукові товариства. У 1632 р. була організована Києво-братська колегія, яка пізніше трансформувалася в Києво-Могилянську Академію. В Академії викладалися як традиційні дисципліни – філософія, риторика, богослов'я, так і фізика, геометрія, арифметика, астрономія. Вивчалися природна історія, географія, математика, архітектура і живопис, вище красномовство, сільська та домашня економія, медицина й риторика. Число викладачів до кінця XVIII ст. сягало 20 і більше, кількість учнів складала понад 1200 осіб. Унікальну цінність представляла академічна бібліотека, започаткована ще в Братській школі, в ній налічувалося понад 10000 книг. Серед відомих діячів колегії – Інокентій Гізель, Йоасаф Кроковський, Лазар Баранович, Іоанікій Голятовський, Антоній Радзивилівський, Гаврило Домецкий, Варлаам Ясинський, Стефан

Яворський, Феофілакт Лопатинський, Феофан Прокопович, святий Інокентій Кульчинський, Гаврило Буянинський, Ісайя Копинський, Захарій Копистенський [3].

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Льюци М. История физики. – М.: Мир, 1970. – 464 с.
2. Елизаров В.П. «Республика ученых»: социальное пространство невидимого сообщества // Пространство и время в современной социологической теории / Год ред. Ю.Л.Качанова и А.Т.Бикбова. - М.: Институт социологии, 2000. – С.103-127.
3. Павленко Ю.В., Руда С.П., Хорошева С.А, Храмов Ю.О. Природознавство в Україні до початку ХХ ст. в історичному, культурному та освітньому контекстах – Київ: Видавничий дім «Академперіодика», 2001. – 420 с.

УДК 340.115.4+316.334.4

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Вершюк И.Л.

*доцент юридического факультета, БГУ
кандидат юридических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что для качественной подготовки нормативных правовых актов требуется механизм диалога общества и государства. Институциональному миру требуется легитимация – способы его «объяснения и оправдания». Ведь более вероятно, что «отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими, чем от тех, которые он сам для себя устанавливает» [1, с. 103-104]. При этом в механизме диалога (полилога) необходим двухуровневый учет «внутреннего аспекта правил» в соответствующих нормативных правовых актах. Первый уровень для тех, кто принимает и добровольно содействует исполнению права, воспринимает свое собственное поведение в свете этих правил, а второй уровень – для тех, кто относится к этим правилам с внешней точки зрения как к знакам, предупреждающим о возможном наказании за их нарушение [2].

В настоящее время разработка организационно-правовых и юридических инструментов легитимации правовых норм не ограничивается рамками собственно-юридических исследований и предполагает междисциплинарный подход. В связи с этим приобретает особую актуальность научно обоснованная подготовка механизма изучения общественного мнения в сфере правотворчества и реализации правовых норм, обеспечение эффективности которого представляется возможным только с учетом достижений социологической науки, утверждающей что без коммуникации невозможно конструирование социальных систем и институтов [3, с. 514].

В связи с этим, в Республике Беларусь уже получает распространение ряд соответствующих инструментов, обеспечивающих качество нормативных правовых актов. Некоторые из них имеют социологическую природу и способствуют выявлению и анализу важнейших факторов образования права. Так, формирование концепции нормативного правового акта может осуществляться на основе результатов опроса как инструмента социологических прикладных исследований. Его проведение может быть направлено на изучение степени готовности населения к правовым новациям в рамках определенных пространственно-временных границ.

Однако опрос выполняет еще одну важную функцию – он трансформирует правосознание респондентов, смещая приоритеты опрашиваемых, придавая их сознанию более сильную напряженность и когерентность в отношении наиболее актуальных государственных и публично-правовых проблем. Такие опросы, кроме функции сбора и анализа конкретно-социологических данных, выполняют роль воздействия на ценностную структуру правосознания, закладывая потенциал для будущей легитимации готовящихся правовых решений. Ведь «несоответствие языка права практикуемому в обществе механизмам согласования смыслов порождает ситуацию отрыва законодателя от действительности или, что еще хуже, наделению правовых новелл в процессе их толкования тем смыслом, которым они ни при каких обстоятельствах наделены быть не могут» [4, с. 81].

В статье 45 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 18 июля 2018 г. предусмотрено прогнозирование возможных последствий принятия нормативного правового акта

посредством анализа данных социологических исследований. Кроме этого, на качество подготовки и реализации правовых новаций может повлиять проведение их общественного (публичного) обсуждения, также предусмотренного в указанном Законе. Такие обсуждения, имеющие сложную интегрированную, социолого-юридическую природу, и технически обеспечиваемые инструментами различных платформ social media, не только способны отражать общественное мнение, но еще и трансформировать правовое сознание его субъектов.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. утверждено Положение, закрепляющее порядок проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов (далее – Положение). В соответствии с указанным документом в Республике Беларусь публичное обсуждение предусмотрено с 1) участием общественности (неопределенного круга лиц) либо с 2) привлечением лиц, осуществляющих профессиональную, образовательную, научную или общественную деятельность в сфере регулирования общественных отношений обсуждаемого проекта. Отметим, что второй вид публичного обсуждения именуется огульно в качестве профессионального, но эта формулировка не охватывает случаи рассмотрения проекта лицами, занимающимися образовательной, научной и общественной деятельностью на непрофессиональной основе. Учитывая также признак индивидуальности правосознания, теоретически необоснованным и практически нереализуемым представляется предусмотренное п. 1 Положения участие в общественном обсуждении юридических лиц.

Что касается соотношения профессионального и общественного обсуждения, то следует признать их обоюдную важность и компенсаторный характер по отношению друг к другу. Однако при этом необходимо учитывать определенные погрешности в объективности получаемых данных, значительно обусловленные отсутствием выборки и, соответственно, репрезентативности как свойства выборочной совокупности представлять характеристики генеральной совокупности [6, с. 287]. Кроме этого, качество прогнозных суждений экспертов снижается из-за того, что имеющиеся у них «каскады» доступной информации искажают «приоритеты в распределении общественных ресурсов» и «изоляция специалистов от общественных эмоций может привести к внедрению мер, которые общество отвергнет» [5, с. 192]. В свою очередь, общественное обсуждение, выражающее обыденное сознание, воспринимает факт в соответствии с шаблоном, типовой ситуацией [4, с. 74], что дает субъективное и ситуативное восприятие происходящего.

На основании изложенного, достаточно спорным представляется закрепление общей процедуры публичного обсуждения как для обычных граждан, лично заинтересованных в качественном правовом регулировании их сферы деятельности, так и для профессионалов, привлекаемых в связи со своими должностными обязанностями к оценке проекта нормативного правового акта в публичных интересах. Более того, отсутствие механизма группировки поступающих предложений в зависимости от принадлежности респондентов к профессиональной или обыденной группе также может нарушать репрезентативность результатов, общие нормативные основы получения которых заложены в п. 14 Положения. Так, в отношении общественного обсуждения требуется детальная работа по экспорту содержания его результатов из социально-правовой в юридическую плоскость с последующей оценкой поступивших замечаний на проект с точки зрения их юридической и социальной востребованности и адекватности. Ведь направленность правосознания субъектов общественного обсуждения на конкретный проект определяется их текущими потребностями, объект общественного мнения затрагивает коренные потребности широкого круга людей [6, с. 233], в то время как представитель профессионального обсуждения будет изучать те проекты нормативных правовых актов, которые входят в предмет его профессиональных компетенций и должностных обязанностей. Поэтому при общественном обсуждении по количеству поступивших предложений и их направленности на конкретные проблемы можно оценить уровень социальной значимости и актуальности проекта, в частности, с применением контент-анализа, используемого при наличии больших текстовых массивов с четкой структурой, определяемой коммуникативными намерениями авторов текстов [6, с. 758-760]. Однако для профессионального обсуждения этот подход нецелесообразен.

Инструменты прогнозной оценки последствий принятия обсуждаемого проекта также могут быть разными. При общественном обсуждении доминирует знание жизни (законов природы и общества), а в профессиональном может использоваться метод сравнения, системного анализа, что также должно учитываться при подведении итогов публичного обсуждения. Темпоральность правосознания при общественном обсуждении индивидуальна и унифицирована лишь сроками его проведения, в то время как для экспертов она предопределена процедурными правилами подготовки и реализации нормативных правовых актов и работы с обращениями граждан.

Возможные искажения и ошибки в прогнозной оценке, соответственно, тоже будут разными, что требует учета при оценке результатов публичного обсуждения. В общественном обсуждении будет

иметь место каузальное объяснение случайностей, мышление стереотипами, чрезмерная экстремальность и уверенность интуитивного прогноза, нечувствительность к качеству информации. При профессиональном обсуждении возможно пренебрежение стереотипами, иллюзия значимости экспертного мнения или иллюзия понимания мира [5, с. 145–351] и ряд других искажений, требующих дальнейшего детального изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Харт Г. Л. А. Понятие права / Пер. под общ. ред. Е. Афонасина, М. Бабака, А. Дидикина, С. Моисеева. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2007. – 302 с.
3. Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Издательство НОРМА, 2005. – 892 с.
4. Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. – 248 с.
5. Канеман Д. Думай медленно...решай быстро/ Пер. А. Андреева, Ю. Делигиной, Н. Парфеновой. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 653 с.
6. Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2003. – 382 с.

УДК 316.012.351/354

ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Волков С.И.
студент, БГЭУ
(г. Минск, Беларусь)

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на развитие экономических отношений всех стран мира. Рост показателей заболеваемости и смертности вынудил правительства разных стран прибегнуть к таким мерам государственного регулирования, как остановка экспорта и импорта товаров и услуг, а также перемещения граждан между странами. В сложившихся условиях малый и средний бизнес столкнулся с рядом трудностей, которые касаются как экспорта товаров, так и их реализацией на внутреннем рынке. Поэтому исследователям и государственным руководителям было бы интересно изучить влияние коронавирусной пандемии на состояние и развитие бизнеса, что позволит принимать действенные управленческие решения для регулирования экономики.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного компанией SATIO в 2020 году, почти каждый второй белорус (45 % выборочной совокупности) ощутил на себе снижение доходов. Ожидания жителей на ближайшее будущее также носят пессимистичный характер: 47 % респондентов считают, что их доход будет уменьшаться. Снижение доходов влечет за собой снижение покупательской способности граждан, что негативно отражается на развитии бизнеса. При изучении влияния пандемии COVID-19 на предпринимательство следует также обратиться к данным, которые свидетельствуют о переориентации потребления товаров и услуг. Так, расходы на продукты питания, медицинское обслуживание, средства гигиены и связь останутся на уровне, который был характерен до пандемии коронавируса. В частности, доля тех, кто планирует увеличение расходов на данные товары, варьируется от 12 до 25 %, а тех, кто планирует сократить расходы на приобретение данных категорий товара – 6-12 %. На большинстве товаров и услуг белорусы планируют экономить. Критическое падение спроса наблюдается на товары и услуги кино, кафе и ресторанов, а также на приобретение товаров длительного пользования. Значительное снижение спроса наблюдается на услуги общественного транспорта, парикмахерских и салонов, а также на приобретение косметики, парфюмерии, книг и спортивных товаров: доля тех, кто планирует уменьшить расходы на данные категории товаров и услуг, варьируется от 41 % до 77 % [1]. Данные факты свидетельствуют о переориентации покупательской активности на товары первой необходимости и, как следствие, неустойчивое состояние тех предприятий, на продукцию которых спрос значительно упал.

В Республике Беларусь на сегодняшний день не было проведено масштабного социологического исследования влияния коронавируса на предпринимательство. Поэтому для более детального изучения

воздействия пандемии на бизнес-среду обратимся к всероссийскому исследованию, которое проводила компания НАФИ. Согласно результатам проведенного опроса, 69 % предпринимателей считают, что пандемия коронавируса окажет очень сильное негативное влияние на развитие бизнеса. Следует также отметить, что у 85 % опрошенных предпринимателей финансовые показатели ухудшились. Что касается государственной поддержки, то 73 % респондентов ответили, что нуждаются в помощи со стороны власти [2]. В качестве основных мер по реализации программы поддержки были выделены отсрочка уплаты налогов или их отмена, предоставление субсидий, ввод арендных или кредитных каникул, а также выдача беспроцентных кредитов на поддержку предпринимательства.

Упреждая возможные негативные последствия коронавируса на уязвимый малый и средний бизнес республики, в Беларуси был принят Указ Президента от 24.04.2020 № 143 «О поддержке экономики» [3]. Данный документ, обосновывающий необходимость государственной поддержки малого и среднего бизнеса, регулирует трудовые отношения, налоги, арендные отношения и другие аспекты предпринимательской деятельности с целью нормализации предпринимательской среды в условиях пандемии.

Так, в плане регулирования трудовых отношений Указ дает право нанимателю изменять условия труда и осуществлять временный перевод работников в особом порядке. Например, наниматель имеет право изменять сущность и условия труда (за исключением заработной платы) в связи с воздействием неблагоприятной эпидемиологической ситуации на деятельность организации, уведомив работника за один календарный день. Что касается заработной платы, наниматель имеет право ее уменьшить, уведомив работника об этом за 1 календарный месяц. Правомерность принятия подобного решения может подтвердить факт из российской практики: 34 % российских предпринимателей были вынуждены отправить своих сотрудников в отпуск за свой счет, 33 % опрошенных перевели сотрудников на дистанционный режим работы, а 32 % предпринимателей прибегли к такой мере, как снижение заработной платы сотрудников [2]. Можно предположить, что данное управленческое решение позволит упорядочить кадровую политику и возможности социальной защиты работников. Последний момент связан с тем, что в условиях пандемии руководители стали экстренно переводить сотрудников в другие подразделения, в том числе с изменением должностных обязанностей. По этой причине для регулирования подобных перемещений был принят пункт 14 [3], согласно которому работодатель вправе перевести работника в другое подразделение, к другому нанимателю для замещения другого работника, на 3 месяца не предупреждая его, если возникла непредвиденная ситуация, связанная с эпидемиологической обстановкой.

Вопросы регулирования налоговой политики предусматривают такие меры, как изменение срока уплаты налогов, уплачиваемые в местные бюджеты, арендной платы за государственные земельные участки. (Для сравнения: о необходимости принятия данной меры говорили 66 % опрошенных российских предпринимателей [2]). В частности, пунктом 2.1 Указа предусмотрена беспроцентная отсрочка, рассрочка или налоговый кредит. Подобная мера государственного регулирования была вызвана в первую очередь снижением финансовых показателей у подавляющего большинства предприятий. Данное правило уплаты налогов распространяется на определенные виды предпринимательской деятельности, прописанные в Указе. К ним относятся оптовая и розничная торговля, гостиничный бизнес, аренда и лизинг, туристическая индустрия и т.д. Подобное управленческое решение принимается в соответствии с решением местного органа власти. Данное право может быть утеряно в связи с несвоевременной уплатой текущих платежей по налогам и сборам. Таким образом, принятие подобного пункта на государственном уровне регулирует уплату налогов и сборов и позволяет предприятиям со временем принять управленческие решения, связанные с повышением финансовых показателей, что простимулирует уплату взносов.

Одной из мер, регулирующей налоговые отношения предпринимательства и государства, является сокращение сроков зачета НДС. Данная мера применяется в отношении хозяйств, определенных правительством. К таковым относятся обрабатывающая промышленность, транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность, деятельность сухопутного и трубопроводного транспорта, деятельность воздушного транспорта, услуги по временному проживанию и питанию, операции с недвижимым имуществом, деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг, туристическая деятельность, услуги по бронированию и сопутствующая деятельность, деятельность в области офисного административного и вспомогательного обслуживания, направленного на поддержание коммерческой деятельности, образование, здравоохранение и социальные услуги, творчество, спорт, развлечения и отдых, деятельность библиотек, архивов, музеев и прочая деятельность в области культуры и т.д. [2].

Согласно результатам исследования, проведенного компанией НАФИ, у 73 % индивидуальных предпринимателей и 57 % юридических лиц наблюдается задолженность по платежам за аренду

помещения. По мнению предпринимателей, им помогли бы справиться такие меры, как снижение арендной ставки на определенный срок (47 %), полная отмена арендных платежей на определенный срок (30 %) и исключение из договора или снижение штрафных санкций за просрочку арендного платежа (7 %) [2]. Эти факты являются одним из мотивов принятия пунктов 2.3, 6.1, 7, 11 о регулировании отношений арендаторов и арендодателей, согласно которому предусмотрено уменьшение суммы налога на недвижимость и арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной собственности. Данное решение применимо для отдельных категорий предприятий, определяемых местными органами власти, которые принимают решение об включении в данный перечень на основании обращения плательщика. Указом был введен мораторий на увеличение базовой арендной величины и арендной платы за пользование недвижимым имуществом. Речь идет об объектах недвижимости, находящихся в государственной собственности, а также частных участках, государственная доля имущества которых составляет 50 %. Для арендодателей частных участков и помещений рекомендовано требовать отсрочку по арендной плате или ее уменьшение, исходя из объемов выручки. Указом предусмотрена беспроцентная отсрочка, рассрочка по уплате арендной платы и возмещение расходов ссудодателям, а также предоставление беспроцентной рассрочки и отсрочки по оплате государственного имущества. Субъекты хозяйствования вправе не платить арендную плату за пользование недвижимым имуществом, а также не возмещать расходы ссудодателя за пользование недвижимостью до 30 сентября 2020 года. Налогоплательщики также имеют возможность рассрочки платежа до 31 декабря 2020 года после использования отсрочки платежа [3]. Принятие подобных решений на государственном уровне по поводу регулирования отношений арендаторов и арендодателей позволит снизить процент банкротства предприятий на почве неуплаты арендных платежей и снизить финансовую нагрузку на предпринимателей.

Таким образом, данные оперативные государственные управленческие решения, нацеленные на регулирование предпринимательских отношений в условиях коронавирусной пандемии, имеют важное значение. Они затрагивают как социальные, так и финансовые проблемы, связанные с деятельностью бизнес-структур в непростых для национальной экономики условиях. Тот факт, что они были приняты для упреждения вероятных негативных последствий, не отрицает, а нацеливает на проведение эмпирического исследования данных последствий и эффективности принятых решений, прописанных в Указе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Как жители Беларуси реагируют на коронавирус // Отчет по результатам социологического исследования SATIO [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://marketing.by/SATIO+BEROC_Как_жители_Беларуси_реагируют_на_пандемию_COVID_II.pdf (дата обращения 26.09.2020).
- 2 Российский бизнес и коронавирус // Отчет по результатам социологического исследования НАФИ [Электронный ресурс]. 2020. – URL: <https://nafi.ru/projects/predprinimatelstvo/rossiyskiy-biznes-i-koronavirus-chast-1-predprinimateli-o-vliyanii-epidemii-na-ikh-biznes-i-o-potreb/> (дата обращения 01.10.2020).
- 3 О поддержке экономики: Указ Президента Республики Беларусь, 24 апр. 2020 г., № 143 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. - № 1/18970.

УДК 316:378.4

ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ УНИВЕРСИТЕТА (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

Вологина Н.В.

*проректор по учебной работе, БРУ
кандидат политических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)*

Минченя Е.А.

*старший преподаватель, БРУ
(г. Могилев, Беларусь)*

Современная система высшего образования, обеспечивающая подготовку студентов по самым различным специальностям и направлениям, в первую очередь ориентирована на запросы

работодателей, которые являются основными заказчиками кадров и стороной, формирующей требования к их профессиональным компетенциям. Университеты в настоящее время заинтересованы в установлении прочных и устойчивых связей с промышленными предприятиями и организациями, предоставляющими им первое рабочее место.

С целью получения информации об удовлетворенности качеством полученного образования весной 2020 г. социологической службой Белорусско-Российского университета был проведен экспертный опрос руководителей тех предприятий и организаций Республики Беларусь, которые принимают выпускников Белорусско-Российского университета. Выборочную совокупность составили 17 представителей работодателей, в которых трудоустроены молодые специалисты.

Почти две трети респондентов (64,7 %) указали, что их предприятия и организации за последний год приняли на работу от 1 до 5 выпускников, а 23,5 % указали количество от 6 до 10. Более чем одна треть респондентов (35,3 %) указали, что их предприятия участвуют в практической подготовке обучающихся.

По мнению большинства опрошенных работодателей, компетенции выпускников, сформированные при освоении образовательной программы, соответствуют профессиональным стандартам: «в основном соответствуют» – указали 52,9 % и «полностью соответствуют» – 29,4 %. Вариант ответа «частично соответствуют» выбрали 11,8 %, затруднились ответить – 5,9 % (то есть 1 респондент).

Анализ удовлетворенности опрошенных работодателей уровнем подготовки и способностями выпускников Белорусско-Российского университета показывает, что более половины из их числа «в основном удовлетворены» ключевыми параметрами уровня подготовки (такими как теоретическая, практическая) и способностями выпускников (к командной работе, к разработке и реализации проектов, к самоорганизации и саморазвитию).

В большей мере респонденты удовлетворены уровнем теоретической подготовки выпускников («полностью удовлетворены» 29,4 % и «в основном удовлетворены» – 58,8 %). На втором месте – их способностью к самоорганизации и саморазвитию («полностью удовлетворены» 23,5 % и «в основном удовлетворены» – 52,9 %). На следующей позиции находится практическая подготовка выпускников («полностью удовлетворены» 11,8 % и «в основном удовлетворены» – 58,8 %). В меньшей мере опрошенные руководители удовлетворены способностями выпускников к разработке и реализации проектов («полностью удовлетворены» 5,9 % и «в основном удовлетворены» – 52,9 %) и способностями к командной работе и лидерскими качествами («полностью удовлетворены» 11,8 % и «в основном удовлетворены» – 41,2 %).

Количество тех, кто не удовлетворен в той или иной мере указанными параметрами (то есть «частично удовлетворен» и «полностью не удовлетворен») в сумме составляет от 11,8 % до 35,3 %. Третья часть респондентов (35,3 %) частично удовлетворены способностями к командной работе и лидерскими качествами, также третья часть респондентов (35,3 %) частично удовлетворены способностями к разработке и реализации проектов; почти треть (29,4 %) опрошенных в той или иной мере не удовлетворены уровнем практической подготовки (23,5 % «частично удовлетворены», 5,9 % – «полностью не удовлетворены»); 17,6 % «частично удовлетворены» способностью к самоорганизации и саморазвитию»; 11,8 % «частично удовлетворены» уровнем теоретической подготовки.

Все опрошенные работодатели желают развивать деловые связи и сотрудничество с Белорусско-Российским университетом: «да, безусловно» – указали 82,4 %, «да, ограниченно» – 17,6 %. Абсолютное большинство (94,1 %) намерены в настоящее время и в будущем принимать выпускников на работу.

Среди различных форм деловых связей и сотрудничества ведущей является заключение соглашений о прохождении практики: готовность развивать взаимодействие в этом направлении подтвердили 94,1 % опрошенных руководителей. Данное направление сотрудничества значительно чаще, чем другие, применяется и реализуется в отношениях предприятий и организаций с Белорусско-Российским университетом. Также 41,2 % опрошенных готовы организовывать стажировки обучающихся, почти четверть (23,5 %) опрошенных подтвердили намерения участвовать в профориентационных мероприятиях и еще четверть (23,5 %) – в проведении совместных мероприятий, и каждый десятый (11,8 %) как возможную форму сотрудничества указал на участие в учебной, научной и воспитательной деятельности БРУ.

Опрошенным работодателям было предложено указать основные достоинства и недостатки в подготовке выпускников Белорусско-Российского университета (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа).

Согласно мнениям опрошенных, достоинства подготовки выпускников выстроились в следующем порядке: желание выпускников работать (58,8 %), соответствие профессиональному

стандарту (52,9 %), высокий уровень теоретической подготовки (41,2 %) и желание выпускников к саморазвитию и самоорганизации (41,2 %). Каждый третий (29,4 %) указал на высокий уровень производственной дисциплины, а каждый восьмой (11,8 %) на высокий уровень практической подготовки и профессионализм.

Основные недостатки в подготовке выпускников в порядке убывания расположились следующим образом: почти половина опрошенных (47,1 %) указали на недостаточный уровень практической подготовки, каждый шестой (17,6 %) – на отсутствие желания к саморазвитию и самоорганизации и каждый восьмой (11,8 %) – на низкий уровень общей профессиональной подготовки. Следует отметить, что респонденты с большей активностью указывали достоинства, чем недостатки.

В анкете было предложено указать профессиональные качества выпускников, которые больше всего интересуют работодателя. Большинство опрошенных чаще всего указывали: умение проявлять инициативу на работе (82,4 %), знания новейших технологий (76,5 %), умение применять инновации в своей работе (76,5 %), социальные навыки (деловое общение, работа в коллективе) (58,8 %). Третья часть опрошенных указали знание иностранного языка (29,4 %) и знание законодательства (29,4 %).

Опрошенным представителям работодателей был задан вопрос: «Какие изменения в образовательной программе необходимы, на Ваш взгляд, для повышения качества подготовки выпускников?» (они могли выбирать несколько вариантов ответа). По мнению большинства (64,7 %), следует активнее включать студентов, проходящих практики на предприятиях и в организациях, в производственный процесс; более половины (52,9 %) указали на необходимость актуализации образовательных программ в соответствии с новыми технологиями; более одной трети (35,3 %) отметили важность регулярной организация экскурсий обучающихся в организации (на предприятия), соответствующие направлению подготовки (специальности); почти одна треть (29,4 %) – улучшение материально-технической базы вуза. Такие меры, как индивидуализация образовательных траекторий обучающихся и повышение профессионального уровня преподавательского состава, акцентировали, соответственно, 23,5 % и 11,8 % опрошенных.

Таким образом, опрос представителей предприятий и организаций, принимающих выпускников Белорусско-Российского университета, показал, что они в целом удовлетворены качеством подготовки выпускников. По их мнению, компетенции выпускников соответствуют профессиональным стандартам (полностью соответствуют – 29,4 %, в основном соответствуют – 52,9 %). Подавляющее большинство опрошенных удовлетворены уровнем теоретической подготовки (29,4 % – полностью удовлетворены, 58,8 % – в основном удовлетворены), большинство удовлетворены уровнем практической подготовки (11,9 % – полностью удовлетворены, 58,8 % – в основном удовлетворены). Также представители работодателей в целом удовлетворены способностями выпускников к самоорганизации и саморазвитию («полностью удовлетворены» – 23,5 % и «в основном удовлетворены» – 52,9 %), способностями к разработке и реализации проектов (соответственно 5,9 % и 52,9 %), и способностями к командной работе и лидерскими качествами (соответственно 11,8 % и 41,2 %).

Основными достоинствами подготовки выпускников опрошенные назвали желание выпускников работать (58,8 %), соответствие профессиональному стандарту (52,9 %), высокий уровень теоретической подготовки (41,2 %) и желание выпускников к саморазвитию и самоорганизации (41,2 %).

Абсолютное большинство опрошенных намерены в настоящее время и в будущем принимать на работу выпускников Белорусско-Российского университета и развивать деловые связи и сотрудничество.

Однако, следует обратить внимание на необходимость повышения уровня практической подготовки выпускников: 47,1 % опрошенных работодателей охарактеризовали его как недостаточный, несмотря на то что они в целом удовлетворены им. О важности включения практикантов в производственный процесс указали 64,7 %.

К числу мероприятий, направленных на повышение удовлетворенности качеством образования, следует отнести:

1. активизацию участия представителей работодателей в учебной, научной и воспитательной деятельности, привлечение представителей работодателей к проведению лекционных, практических и лабораторных занятий со студентами;
2. расширение баз практики на предприятиях и в организациях, в которых трудоустроены выпускники;
3. активизацию работы по организации профессиональных стажировок обучающихся;
4. расширение сети филиалов кафедр, открытие новых и повышение эффективности функционирования действующих филиалов кафедр;

5. активизацию профориентационной деятельности на всех этапах подготовки студентов, организацию и проведение экскурсий, круглых столов и других форм совместных мероприятий с целью усиления практикоориентированной составляющей образовательного процесса.

УДК 37.013.78(476)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Вороненко А.И.

*старший преподаватель кафедры политологии и социологии, ГГУ им. Ф. Скорины
(г. Гомель, Беларусь)*

В советский период социология образования развивалась преимущественно как прикладная дисциплина. Исследования в области социологии образования были ориентированы в первую очередь на выявление соответствия между требованиями к уровню подготовки профессиональных кадров и качеством предоставляемого образования, на исследование профориентации учащихся, определение социальных проблем в сфере образования [1].

Становление отечественной социологии образования тесно связано с развитием других отраслевых и специальных социологических теорий: социологии молодежи, социологии личности, социологии науки и др. Многие исследования в данной сфере носят синтетический характер.

К настоящему времени в социологии образования в Республике Беларусь достигнуты определенные успехи. Так, белорусскими социологами А.И. Левко, И.Н. Андреевой, Д.Г. Ротманом, Л.Г. Новиковой, Н.А. Местовским, В.А. Клименко исследованы проблемы эволюции отечественного образования в условиях системных социальных трансформаций, проанализированы особенности белорусского образования. Изучены ценностные ориентации молодых людей, особенности их профессионального самоопределения и выбора ими жизненных стратегий (Е.П. Сапелкин, И.Н. Груздова, Н.А. Залыгина, О.В. Иванюто, Н.П. Веремеева и др.). Белорусские социологи приняли участие в международном лонгитюдном исследовании «Выбор пути» (Е.М. Бабосов, С.П. Винокурова, С.А. Шавель, Е.А. Барковская, Я.В. Леверовская и др.), в ходе которого была изучена динамика ценностных ориентаций и жизненных планов молодежи постсоветских республик в условиях социальных изменений постсоветского общества. Кроме того, Е.М. Бабосовым, А.Н. Елсуковым, Л.А. Гуцаленко, А.Н. Даниловым, Е.А. Даниловой, В.В. Бушиком, Н.В. Ефимовой, В.И. Русецкой, Н.М. Канашевич, Е.С. Пендраковской проведен ряд исследований ценностных ориентаций различных групп белорусского населения, изучены особенности их социализации, что также внесло определенный вклад в разработку проблематики социологии образования.

Белорусские социологи А.В. Рубанов и Л.Г. Титаренко [2] выделяют следующие особенности развития социологии образования в нашей стране:

1) Небольшое количество диссертаций по социологии образования, т.к. специализация «Социология образования» отсутствует в номенклатуре Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ВАК РБ). Многие специалисты в сфере социологии образования имеют научные степени в области педагогики, психологии, философии.

2) Тематика социологии образования широко представлена в исследованиях отдельных ВУЗов. Регулярно проводятся исследования, посвященные качеству образования, ценностным ориентациям студентов и т.д.

3) В исследованиях практически отсутствуют работы в рамках конфликтологической парадигмы, т.к. в Беларуси нет проблем этнического неравенства и сильного социального расслоения.

4) В методологии исследований по-прежнему доминирует структурно-функциональный подход, где образование рассматривается как институт в целостной системе общества. Преобладают количественные методы, без использования которых редко обходится современное диссертационное социологическое исследование. Во многих случаях используется набор методов, принадлежащих разным исследовательским парадигмам.

Белорусские ученые изучили следующие проблемы социологии образования: системный кризис образования (Д.Б. Сандаков), недостаточная разработка методологии и теоретических исследований в этой области (Е.М. Бабосов), отсутствие новой концепции университета (М.А. Гусаковский, В.И. Стражев), отсутствие концепции кадровой диагностики в сфере образования (С.А. Шавель). В.А.

Клименко проанализировал проблемы профессионального образования в контексте социально-экономического развития страны, продемонстрировал снижение престижа рабочих профессий. Исследованиями особенностей школьного образования и его реформирования в современных условиях занимаются А.В. Рубанов и А.И. Вороненко.

Перечисленные исследователи и научные коллективы не только внесли значительный вклад в понимание природы и функций образования в обществе, выявили и охарактеризовали тенденции развития современного образования, собрали богатый эмпирический материал о современном состоянии сферы образования в Беларуси, но и выявили ряд проблем в функционировании института образования, обосновали потребность в его реформировании, подготовили поле для дальнейших исследований.

На основе анализа статистики, экспертных оценок, материалов социологического мониторинга ученые Института социологии НАН Беларуси (Г.Н. Соколова и др.) выявили в системе высшего образования ряд проблем: нарушение баланса между образованием и другими подсистемами общества, недостаточную ориентированность образования на подготовку специалистов для инновационной экономики (С.Н. Кройтор), отраслевой дисбаланс рабочей силы, асимметричность номенклатуры специальностей по отношению к рынку труда (избыток специалистов при дефиците рабочих). К ключевым проблемам социологии образования, определяющим ее приоритеты на будущее, по мнению ведущих ученых Института социологии НАН Беларуси, относятся недостаточное развитие методологии и теоретических исследований в данной научной отрасли, концепция кадровой диагностики в сфере образования, достижение определенности предмета и категориального аппарата научной отрасли, дефицит обзорных работ по мировой социологии образования. Выявляются разные аспекты кризиса мотивации научной и учебной деятельности, без укрепления которой нельзя рассчитывать на успешное решение кадровых проблем в системе образования.

В Республике Беларусь исследованием проблематики образования в настоящее время занимаются Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета (ЦПРО БГУ), Национальный институт образования (НИО), Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Деятельность этих структур направлена на диагностику состояния и динамики развития отечественной системы образования, обеспечение информационного сопровождения ее развития, прогнозирование изменений и участие в принятии управленческих решений на разных образовательных уровнях. Эти организации регулярно проводят как теоретические, так и эмпирические исследования, направленные на анализ процессов, протекающих в сфере образования, и выработку путей совершенствования отечественной образовательной системы, повышение качества образования. Так, сектор социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси в 1990–2000-х гг. занимался изучением актуальных проблем мотивации и стимулирования научной и научно-инновационной деятельности в современных условиях, исследовал особенности воспроизводства научных кадров высшей квалификации.

Институционализация отечественной социологии образования проявилась в становлении ее как отдельной учебной дисциплины в ряде ведущих вузов Беларуси. В 1990-е годы социология образования появляется в первую очередь на факультетах, где обучаются студенты по специальности «Социология» (БГУ, Гродненском государственном университете им. Янки Купалы, Могилевском государственном университете им. А. Кулешова).

В рамках совершенствования преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла, Министерством образования Республики Беларусь 22 марта 2012 года была утверждена Концепция оптимизации содержания структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования.

Согласно этой концепции, были введены понятия «Интегрированный модуль цикла социально-гуманитарных дисциплин» – система обязательных учебных дисциплин, объединенных в обязательный модуль и специализированных модулей по выбору студента, базирующихся на принципах научности, междисциплинарности и практикоориентированности, а также «Специализированный модуль цикла социально-гуманитарных дисциплин» – учебный курс по выбору студента, содержание и методика преподавания которого отличаются вариативностью и адаптивностью к личностно-профессиональным и социальным потребностям обучающихся [3].

Социология образования в настоящее время преподается в Минске в Республиканском институте высшей школы (М.Г. Волнистая), БГУ (С.А. Морозова, Н.В. Курилович), Витебском государственном университете им. П.М. Машерова (Е.О. Далимаева), Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины (А.И. Вороненко), МГУ им. А. Кулешова (Е.А. Ярошевич) и т.д.

В Гродненском государственном университете им. Янки Купалы на кафедре социологии и специальных социологических дисциплин осуществляется подготовка специалистов по специализации

«Социология образования, науки и культуры». Академия последиplomного образования (АПО) имеет отдел социологии образования и повышения квалификации (возглавляет В.Г. Реут). В Национальном институте образования при Министерстве образования Республики Беларусь с 2006 г. работает Лаборатория проблем воспитания личности (заведующий А.А. Глинский).

Центр проблем развития образования (руководитель В.В. Самохвал) был создан в мае 1997 г. и является научно-учебным подразделением Белорусского государственного университета. Ведущие исследователи Центра М.А. Гусаковский, А.А. Полонников и др. разработали концепцию национальной школы Беларуси, концепцию неклассического университета, составили несколько десятков аналитических обзоров, посвященных различным проблемам образования.

Основными социальными проблемами, которые социология образования должна решать в современной Беларуси, являются предложение более эффективных путей преодоления образовательного кризиса, изучение и анализ глобальных тенденций в сфере высшего образования путем участия в международных сравнительных исследованиях, а также содействие интеграции белорусской системы образования в мировую динамику образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социология образования: учебно-методический комплекс по учебной дисциплине для всех специальностей университета / сост.: А.И. Вороненко, А.П. Касьяненко, М.Я. Тишкевич; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – 215 с.
2. Титаренко Л.Г., Рубанов А.В. Социология образования в Беларуси // Зарубежная социология образования / под ред. А.М. Осипова. - Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2014. – С. 175–188.
3. Макет образовательного стандарта высшего образования. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин. - 2020. - URL.: <http://nihe.bsu.by/index.php/ru/norm-doc> (дата обращения 01.10.2020).

УДК 316.64+378.225(476)

ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ АСПИРАНТАМИ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ

Ворошень О.Г.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Проблема удовлетворенности жизнью часто становится предметом для всестороннего изучения в социальных науках. Удовлетворенность жизнью отражает персональную оценку человеком своего благосостояния и качества жизни, которая опирается на субъективно выбранные им критерии. На субъективную оценку удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью оказывают влияние различные детерминанты: объективные предпосылки, внешние и внутренние условия, личностные и профессиональные факторы, выявление которых стало одной из задач исследования, проведенного сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров Института социологии в 2019 году. В ходе исследования был проведен сплошной опрос аспирантов дневной формы обучения научных организаций Академии наук и были получены ответы от 237 человек.

Проведенное исследование позволило оценить степень удовлетворенности своей жизнью в целом у аспирантов академического сектора науки и выявить факторы ее детерминирующие. Для оценки степени удовлетворенности жизнью респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Удовлетворены ли вы тем, как складывается ваша жизнь в целом?»

Таблица 1. Оценка удовлетворенности жизнью аспирантами разных лет обучения

Удовлетворены ли Вы тем, как складывается Ваша жизнь в целом?	Срок обучения			Всего
	1 год	2 год	3 год	
Полностью удовлетворен	10,9	8,6	12,7	10,5
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	66,3	58	55,6	60,8
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	16,3	23,5	19	19,4
Совсем не удовлетворен	1,1	3,7	3,2	2,5
Затрудняюсь ответить	5,4	6,2	9,5	6,8

В целом среди аспирантов значительно превалирует доля опрошенных, которые полностью удовлетворены либо скорее удовлетворены своей жизнью (71,3 %) (таблица 1). Только 2,5 % совсем не удовлетворены, 19,4 % скорее не удовлетворены тем, как складывается их жизнь.

Проведенный анализ позволил оценить степень удовлетворенности своей жизнью аспирантов разных лет обучения (таблица 1). Как показали полученные данные доля аспирантов, которые полностью и скорее удовлетворены своей жизнью, выше среди аспирантов первого года обучения (77,2 %). Доля аспирантов, которые совсем либо скорее не удовлетворены своей жизнью в целом, выше всего среди аспирантов второго года обучения (27,2 %). В целом аспиранты второго и третьего лет обучения продемонстрировали меньшую степень удовлетворенности своей жизнью по сравнению с аспирантами первого года обучения.

Сравнение ответов респондентов, представляющих разные Отделения наук, показало незначительные различия в степени удовлетворенности жизнью аспирантов, за исключением аспирантов, обучающихся в Отделении химии и наук о Земле. Доля аспирантов, удовлетворенных тем, как складывается их жизнь, в данном Отделении ниже, чем в остальных Отделениях наук, и составляет 57,2 %. Среди них также выше доля обучающихся, которые скорее не удовлетворены своей жизнью в целом, - 33,3 %.

Удовлетворенность жизнью в целом зависит и от субъективной оценки своего материального положения. Так, аспиранты, оценивающие свое материальное положение как очень хорошее, скорее хорошее и среднее демонстрируют более высокую степень удовлетворенности своей жизнью по сравнению с остальными респондентами (таблица 2). Имеет место и обратная зависимость, когда опрошенные с материальным положением плохим и очень плохим полностью не удовлетворены либо скорее не удовлетворены своей жизнью.

Таблица 2. Оценка удовлетворенности жизнью аспирантами с разным материальным положением

Удовлетворены ли Вы тем, как складывается Ваша жизнь в целом?	Оценка своего материального положения			Всего
	Очень хорошее и скорее хорошее	Среднее	Очень плохое и скорее плохое	
Полностью удовлетворен	30	10,7	3,9	10,5
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	60	71,9	48,1	60,8
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	3,3	10,7	37,7	19,4
Совсем не удовлетворен	0	0	7,8	2,5
Затрудняюсь ответить	6,7	6,7	2,5	6,8

Удовлетворенность жизнью связана и с таким фактором как удовлетворенность жилищными условиями. Доля респондентов, полностью удовлетворенных жизнью, выше всего среди респондентов, которые полностью удовлетворены своими жилищными условиями (27 %). И, напротив, неудовлетворенность жизнью коррелирует с неудовлетворенностью условиями проживания. Решение жилищного вопроса - важный фактор в формировании благоприятного социального самочувствия аспирантов.

Таким образом, материальный достаток выступает одним из факторов повышения степени удовлетворенности своей жизнью среди молодых исследователей НАН Беларуси.

Помимо материальных факторов, определяющих степень удовлетворенности своей жизнью, следует выделить и такой как осознание правильности выбранной сферы профессиональной деятельности. Если профессия нравится, позволяет реализовать свои творческие способности, удовлетворять потребности в самореализации, самоуважении, карьерном росте, - все это в совокупности повышает степень удовлетворенности своей жизнью.

Оценивая правильность своего профессионального выбора, аспиранты отвечали, считают ли они научную деятельность своим окончательным профессиональным выбором в жизни. Так, среди опрошенных, которые считают, что научная деятельность является их окончательным профессиональным выбором в жизни, значительно больше аспирантов, которые полностью либо скорее удовлетворены своей жизнью в целом (таблица 3). И напротив, лица, которые так не считают или пока не определились со своим профессиональным выбором, менее всех удовлетворены своей жизнью.

Таблица 3. Оценка удовлетворенности жизнью аспирантами, по-разному оценивающими свой профессиональный выбор

Удовлетворены ли Вы тем, как складывается Ваша жизнь в целом?	Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?			Всего
	Да	Нет	Пока не определился	
Полностью удовлетворен	18,3	8,2	6,8	10,5
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	70,4	53,1	58,1	60,8
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	5,6	28,6	23,9	19,4
Совсем не удовлетворен	1,4	6,1	1,7	2,5
Затрудняюсь ответить	4,3	4	9,5	6,8

Осознание того факта, что они верно выбрали сферу профессиональной деятельности, что именно научная деятельность является их призванием, способствует повышению степени удовлетворенности своей жизнью у аспирантов академического сектора науки.

Удовлетворенность жизнью также связана с успешностью той деятельности, которой занимаются респонденты. Так, аспиранты, которые позитивно оценивают свои результаты обучения в аспирантуре, демонстрируют более высокую степень удовлетворенности жизнью в целом. И напротив, обучающиеся, которые полностью либо скорее не удовлетворены своими достижениями в аспирантуре, также менее удовлетворены и своей жизнью в целом.

Также следует обратить внимание еще и на такой аспект как ожидания от профессиональной деятельности. Среди аспирантов, представления которых о профессии ученого и работе в научной сфере кардинально изменились в процессе обучения в аспирантуре, значительно ниже доля опрошенных, которые удовлетворены своей жизнью в целом. И, напротив, среди них 40,4 % аспирантов совсем либо скорее не удовлетворены своей жизнью. Очевидно, что расхождение ожиданий и реальности снижает степень удовлетворенности жизнью. Расхождение представлений и ожиданий может серьезно повлиять и на дальнейшую профессиональную деятельность, вплоть до ее смены.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить две группы факторов: материальные и профессиональные, детерминирующие степень удовлетворенности жизнью аспирантов академического сектора науки. К ним относятся субъективная оценка своего материального положения, а также ряд аспектов, характеризующих профессиональную деятельность опрошенных: осознание правильности выбранной сферы профессиональной деятельности, успешность обучения в аспирантуре, ожидания от профессиональной деятельности.

УДК: 316.752

ЦЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ СРАВНЕНИИ (ПО МЕТОДИКЕ Ш. ШВАРЦА)

Денисова Н.Ф.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Ценности являются ключевыми ориентирами поведения индивидов, опосредуя их отношение к окружающему миру и самим себе, выступая в качестве опорных точек для установления взаимодействий друг с другом. С точки зрения исследователя, изучение ценностной структуры общества является крайне сложной задачей, так как ценности не являются непосредственно данными, т.е. доступными для оценки и измерения. В социологических исследованиях изучение ценностей строится на изучении проявленных ценностных ориентациях – в суждениях, моделях поведения, стереотипах и пр. Кроме того, исследовательская задача усложняется тем, что ценностная структура как общества в целом, так и отдельного индивида, не является гомогенным застывшим артефактом, - в первую очередь это динамическая система, которая имеет свои закономерности формирования и изменений.

Одной из широко используемых методик в международных исследованиях (таких как World Values Survey, далее – WVS [1]) является методика изучения ценностей Ш. Шварца, основанная на изучении взаимосвязи ценностей и мотивов поведения. Детально с данным подходом к изучению ценностей можно ознакомиться в работах [2, 3]. Далее мы кратко опишем ключевые тезисы подхода Ш. Шварца к интерпретации и изучению ценностей.

Ш. Шварц исходит из предпосылки, что базовые ценности в любой культуре являются тесно связанными с потребностями человека, и именно это делает их универсальными, не зависящими от культурной специфики каждого отдельного общества. Это означает, что ключевым различием между отдельно взятыми ценностями выступает специфика тех мотивационных целей, которые они отражают, а значит все ценности (вне зависимости от формы их представления) могут быть сгруппированы на основе общности их целей.

Исходя из данных представлений о ценностях, Ш. Шварц предлагает использовать классификацию, состоящую из 10 мотивационных типов ценностей и охватывающую все базовые ценности любого общества. Также Ш. Шварц обосновал, что данные типы ценностей находятся в постоянном динамическом взаимодействии: они могут быть взаимно совместимы или конфликтовать друг с другом. Ш. Шварц предложил круговую модель отношений ценностей общества, в рамках которой чем более совместимы и связаны ценности, тем ближе они располагаются друг к другу, в то время как конфликтующие между собой ценности противоположены друг к другу. Помимо этого, десять типов ценностей образуют две оси измерения:

1. Ось «Открытость к изменениям – Консерватизм» - поддержка группы ценностей одного из полюсов данной оси свидетельствует о том, насколько индивиды ориентированы на автономность в своих действиях и склонны принимать социальные изменения и инновации либо, с другой стороны, насколько они стремятся сохранить традиционную систему отношений, обычаев и идей своего общества.

2. Ось «Забота о людях и природе – Самоутверждение» - поддержка одного из полюсов в данном случае отражает то, что в обществе пользуется наибольшим социальным одобрением, - забота о благополучии других людей и окружающей среды либо стремление к достижению некоторого доминантного положения (высокого социального статуса, материального благосостояния, престижа) в обществе.

Таблица 1. Описание моделей поведения, соответствующих мотивационным типам ценностей (по данным исследования 6 волны WVS)

Мотивационный тип ценности	Модели поведения
1. Универсализм	Для этого человека важна забота об окружающей среде и природе
2. Доброта	Для этого человека важно делать что-то хорошее для общества
3. Конформность	Для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди не одобрили бы
4. Традиция	Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии
5. Безопасность	Жить в безопасности очень важно для этого человека, он избегает всего, что может сулить опасность
6. Власть / Богатство	Для этого человека важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей
7. Достижение	Для этого человека важно быть очень успешным, чтобы окружающие знали о его достижениях
8. Гедонизм	Для этого человека важно хорошо проводить время, баловать себя
9. Риск / Новизна	Приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к жизни, полной захватывающих событий
10. Самостоятельность	Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем

В проекте WVS мотивационные типы ценностей изучались через их представленность в индивидуальных приоритетах поведения человека. Они были сформулированы в виде 10 описаний человека (Таблица 1), по отношению к каждому из которых человек должен был оценить по 6-балльной шкале степень похожести данного персонажа на него самого (категории от «очень похож» до «совсем непохож»). На базе такого рода оценок система ценностей, фундирующая эти модели поведения, может быть представлена в форме словесного портрета, описывающего жизненные приоритеты деятельности типичного представителя общества.

Для выявления национальной специфики нами были отобраны 3 страны-участницы 6-ой волны WVS (Украина, Польша и Германия), исходя из их территориальной близости к Беларуси, культурным и экономическим связям с ней. Для ранжирования представленных в таблице 1 ценностей будут использоваться такие показатели как средний балл поддержки ценности (по 6-балльной шкале) и доля населения страны, представители которой придерживаются в своем поведении соответствующего жизненного приоритета. Таким образом, учитывая распространенность и поддержку в обществе 10 моделей поведения, все мотивационные типы ценностей нами будут разделены на три группы: (1) ценности с высоким уровнем поддержки населения; (2) ценности со средним уровнем поддержки; (3) ценности с низким уровнем поддержки. Далее на рисунках степень поддержки будет отражена цветом: чем темнее, тем она выше.

Из четырех стран наиболее близкими по поддержке жизненных приоритетов к белорусам оказались украинцы, а наименее – немцы (рисунок 1).

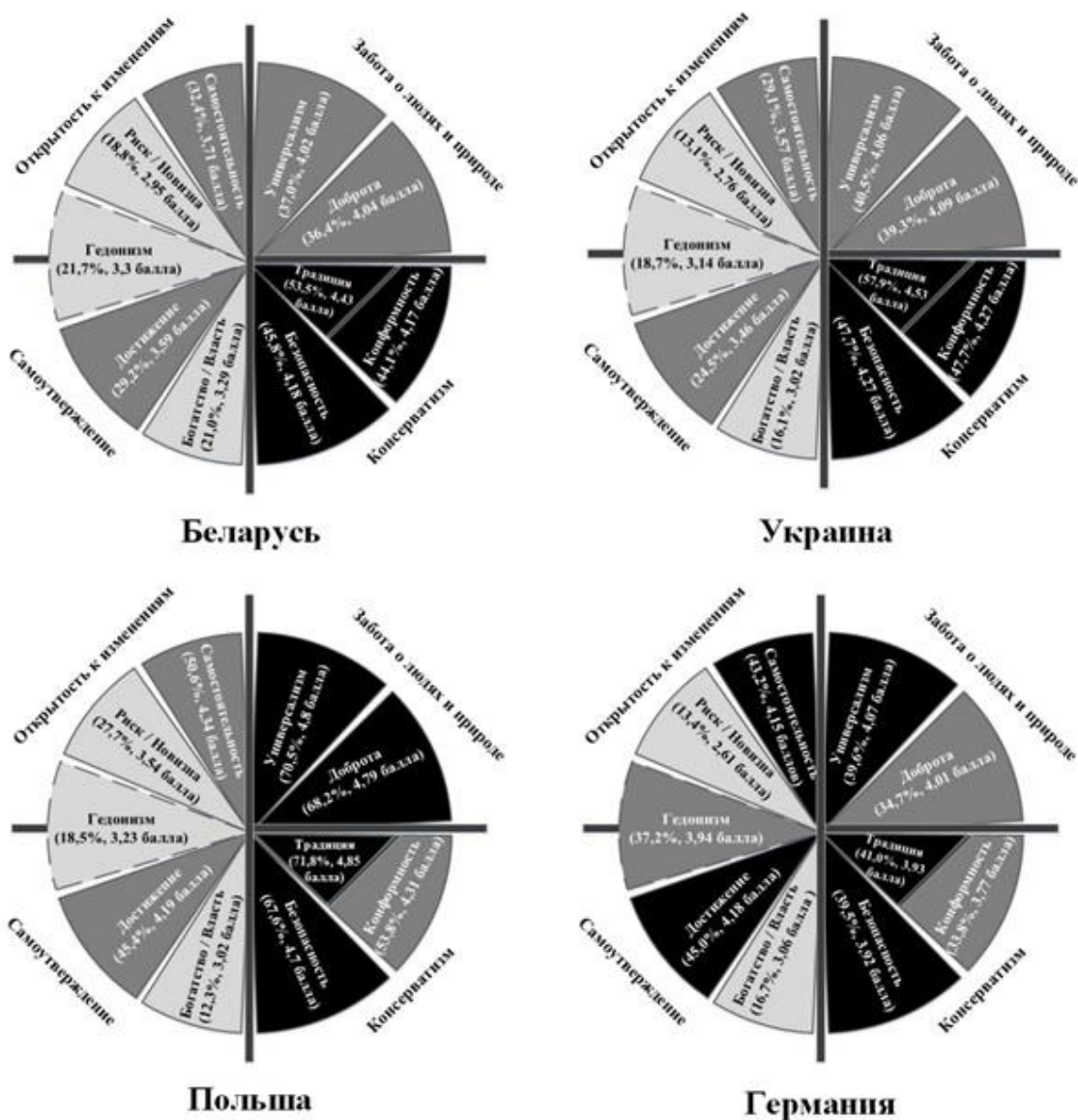

Рис. 1. Структура мотивационных типов ценностей населения Беларуси, Украины, Польши и Германии (в скобках – доля полностью поддерживающих ценность; средний балл поддержки по 6 балльной шкале)

Наиболее разнообразной ценностной структурой обладает немецкое общество, что свидетельствует о сосуществовании в нем сообществ с довольно различными системами ценностей. В то же время ценностные структуры обществ остальных трех стран отличаются высокой гомогенностью. Исходя из уровня распространенности разных моделей поведения (и, следовательно, поддержки соответствующих им мотивационных типов ценностей), население двух стран можно описать следующим образом.

Для населения всех четырех стран очень важно следовать тем традициям и обычаям, которые приняты в их семье, обществе или религии, также они высоко ценят безопасность и стремятся избегать

всего, что может сулить какие-либо неприятности, – они предпочитают спокойный образ жизни такой модели поведения, которая наполнена приключениями и глубокими переживаниями. Для белорусов и украинцев, в отличие от поляков и немцев, не менее важным является и общественное мнение, поэтому они стремятся вести себя так, чтобы окружающие люди не осуждали их. Отличительной особенностью поляков выступает более высокая значимость жизненных приоритетов, ориентирующие человека на принесение пользы обществу, на проявление заботы о других и своей земле, чем приоритетов, которые связаны с автономностью личности и со стремлением к достижению успеха. Для немцев же свойственен обратный ценностный вектор: признавая значимость и необходимость заботы о других, о природе, они склонны больше поддерживать такие модели поведения, которые обеспечивают человеку самостоятельность в своих действиях и мотивируют его стремиться проявить себя для получения социального одобрения. Также для немцев, в отличие от остальных трех обществ, практически в равной степени значимо и стремление приносить пользу, делать что-то хорошее для своего общества, и стремление наслаждаться своей жизнью, баловать себя.

Таким образом можно резюмировать, что в целом для всех четырех обществ свойственна высокая значимость консервативных ценностей (сохранения и следования своим культурным традициям и обычаям, обеспечение и поддержание безопасности, избегание социального неодобрения) и ценностей, выступающих основой социального взаимодействия (принесения пользы своему обществу, забота о других людях, окружающей среде). Вместе с тем, для польского общества, и в большей степени – для немецкого, в отличие от белорусов и украинцев, свойственна высокая степень поддержки автономности и самостоятельности индивида в его действиях, в предложении и реализации новых идей, а также высокая степень поддержки его стремлений достигнуть высокого социального статуса посредством использования своих компетенций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Values Survey [Electronic source]. – 2019. - URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения 14.05.2019).
2. Schwartz, S.H. Refining the Theory of Basic Individual Values / S.H. Schwartz [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. / APA PsycNET [Electronic source] – 2020. - URL: <http://psycnet.apa.org/record/2012-19404-001> (дата обращения 27.09.2020).
3. Schwartz, S.H. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement / S.H. Schwartz [et al.] // Journal of Cross-Cultural Psychology. [Electronic source] – 2020. - URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022022101032005001> (дата обращения 27.09.2020).

УДК [303.8+303.425.2]:316.42

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТЯСЕНИЙ

Домбровский А.В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Социология как наука, наиболее чувствительная к любым социальным изменениям, одной из первых ощущает необходимость в оперативном своевременном анализе общественных изменений. Пандемия вируса COVID-19 способствовала пересмотру всех аспектов общественных отношений: глобальных, касающихся политико-экономических отношений государств, и локальных – культурных реакций на социальные преобразования (в первую очередь, ограничения).

Результаты опроса среди белорусских общественных организаций и инициатив, проведенного в марте-апреле 2020 г. международной организацией Рафт, показали значительное фактора пандемии COVID-19, а именно – низкую информированность о развитии ситуации с коронавирусом: 59% отметили дефицит информации, на основе которой было бы необходимо принимать управленческие решения. Возникли значительные трудности с организацией мероприятий (у 74% опрошенных), охватом целевых групп (52%), стали фиксироваться ограничения доступа к финансовым ресурсам (37%). В качестве выхода из сложившейся ситуации респонденты видели апробацию новых форматов работы, связанных с переходом на дистанционный режим взаимодействия за счет различных интернет-платформ [1].

Пандемия COVID-19 в силу своего глобального и повсеместного характера не только спровоцировала появление новых, не изучаемых ранее форм общественных взаимодействий, но и значительно видоизменила уже существующие. В результате привнесения мощного отрицательного фактора хорошо известные социальные проблемы стали видоизменяться, обнажая тем самым новые риски.

Так, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге А. Темкина фиксирует внимание на изменении повседневности и, соответственно, социального неравенства. Углубляясь в изучение данной проблематики, А. Темкина фиксирует аспекты и приводит примеры экономического неравенства (важность материального ресурса в поисках дефицитных предметов и покупки товаров первой необходимости), регионального неравенства (в крупных городах создано больше условий для поддержания самоизоляции), неравенства по уровню символического, культурного капитала (представители разных классов по-разному представляют основную угрозу в распространении вируса) и другое. С методологической точки зрения интерес представляет заключение А. Темкиной о том, что уникальная для социальных исследователей ситуация не всегда позволяет пользоваться уже готовыми инструментами и обостряет потребность в разработке не только новой теории познания, но и методики исследований, корректировке имеющегося инструментария [2].

Мониторинговые социологические исследования, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, позволяют обнаружить изменения во мнениях граждан по ряду актуальных вопросов. Предварительный анализ данных позволяет предположить, что эти скачкообразные изменения связаны с двумя наиболее резонансными событиями, растянутыми во времени: во-первых, с первой волной распространением коронавирусной инфекции, во-вторых – с выборами Президента Республики Беларусь и послевыборной конфликтной ситуацией, связанной с протестами против фальсификаций результатов выборов и их реакцией на них со стороны государства.

Так, в соответствии с результатами республиканского мониторинга, проведенного 23 июля – 6 августа 2020 г. методом телефонного опроса, в числе наиболее актуальных проблем респондентами стало упоминаться качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств (22,4 % респондентов), при этом в марте – апреле 2020 г. (до и в начале распространения вируса COVID-19 на территории Беларуси) такой вариант ответа отсутствовал за ненадобностью. Кроме того, респонденты в целом стали реже указывать на то, что чувствуют себя в безопасности на улицах своих населенных пунктов и в общественных местах, однако заметных (“скачкообразных”) изменений зафиксировано не было.

При осуществлении сравнения данных за июль – начало августа и сентябрь 2020 г., разница в ответах становится более заметной. Увеличилось число респондентов, отмечающих ухудшение социально-экономической ситуации в стране за последние 3 месяца (на 18,8 %), продолжилось падение доли граждан, чувствующих себя в безопасности на улицах своих городов и в общественных местах (на 8,0 % и 5,8 % соответственно). Назвали политическую обстановку в стране напряженной в сентябре 2020 г. более половины белорусов (54,1 %, ранее – 42,0 %).

Несколько примеров разницы данных (предположительно – на фоне резонансных социальных происшествий) указывают на особую осторожность при проведении разовых социологических исследований. В условиях, когда обширные информационно-новостные потоки обретают возможность менять общественные настроения в течение максимально короткого срока (вплоть до часов), разовые исследования могут дать необъективное представление об изучаемом предмете, которое будет значительно отличаться от полученного в стабильном общественном состоянии.

Большой исследовательский интерес вызывает не только сравнение социологических данных, но и узкоспециализированные нюансы, от работы с которыми зависит объективность, релевантность, недвусмысленность получаемых в последствии результатов. Часто возникает необходимость пересмотра методов социологического исследования (например, в условиях, когда из-за распространения респираторных инфекций квартирный опрос становится невозможным), видоизменения инструментария (в случае неактуальности формулировок вопросов, “обострения” темы и др.), корректировки выборочной совокупности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское общество в условиях пандемии: результаты опроса / Сайт белорусских исследований [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://thinktanks.by/publication/2020/04/08/grazhdanskoe-obschestvo-belarusi-v-usloviyah-pandemii-rezultaty-oprosa.html> (дата обращения 02.10.2020).
2. Темкина А. Пандемия как учебник по социологии // Проект коронаФОМ [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://covid19.fom.ru/post/pandemiya-kak-uchebnik-po-sociologii> (дата обращения 03.10.2020).

ИЗ ИСТОРИИ ХОЗДОГОВОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ БПИ-БНТУ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ БЕЛАРУСИ (1970–1980-Е ГГ.)*Дубовик А.К.**доцент, БНТУ**кандидат исторических наук, доцент**(г. Минск, Беларусь)*

После длительного перерыва в развитии социологии, начавшегося в условиях сложившейся в стране в 1930-е гг. командно-административной системы, в 1960–1970-е гг. в Беларуси возрождается прикладная социология. Главную роль сыграл видный ученый-философ, профессор Г.П. Давидюк, который работал в Институте философии и права АН БССР, а затем заведующим кафедрой в БГУ. О становлении прикладной социологии подробно рассказано в его статье в журнале «Социологические исследования» [1].

9 ноября 1965 г. на заседании Президиума ЦК КПБ было принято постановление «Об организации конкретно-социологических исследований в республике». В нем предлагалось разработать до 1 января 1966 г. мероприятия по усилению конкретно-социологических исследований в НИИ, высших учебных заведениях и внести их на рассмотрение в ЦК КПБ; Министерству высшего, среднего специального и профессионального образования создать лаборатории социологических исследований при БГУ и Институте народного хозяйства [2, л. 1-3]. В результате в 1967 г. была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория в БГУ, которую возглавил член-корреспондент АН БССР И.Н. Луцицкий. Затем социологические группы сложились в Белорусском институте народного хозяйства (ныне БГЭУ), Белорусском политехническом институте (в настоящее время БНТУ), Белорусской сельскохозяйственной академии, Брестском пединституте (ныне БрГУ) и ряде других вузов республики.

Значительный вклад в анализ проблем социологии труда, управления и воспитания внесли в 1970–1980-е гг. социологи БПИ. Социологическая группа была создана при научно-исследовательском секторе института в 1970 г. Состав группы был укомплектован сотрудниками кафедры научного коммунизма, учрежденной в 1964 г. [3, с.16]. Кроме преподавателей кафедры, работавших на условиях совместительства, в группе имелись штатные работники, зачисленные на должности научных сотрудников и инженеров. Сотрудники группы кафедры проводили исследования на предприятиях Минска (тракторном заводе, заводе им. Октябрьской революции, МПО индустриального домостроения, МПО «Горизонт», автомобильном заводе, трикотажном объединении «Прогресс» и др.) и республики (Борисовской фабрике пианино, Управлении нефтепровода «Дружба» и т. д.) [4, л. 59, 69, 118; 5, л. 50]. Так, первым было закончено в 1972 г. исследование на Минском тракторном заводе по теме «Развитие общественной активности работников завода в управлении производством, совершенствование идейно-воспитательного процесса в коллективе и улучшение учета специфики работы молодежи и женщин», подготовлен и передан заказчику и в органы научно-технической информации заключительный отчет в четырех томах [6, с. 9-10]. Тематика дальнейших исследований группы включала проблемы текучести кадров, дисциплины труда, социально-психологического климата и воспитательного процесса в коллективе, труда женщин и молодежи, культурно-технического роста рабочих и служащих и т. д. Руководителями хозяйственных исследований являлись заведующий кафедрой И.М. Ступников, доценты Л.П. Бурко, Н.А. Сафронов, В.Н. Семеньков, старший научный сотрудник А.С. Савин и др.

Программа большинства исследований предусматривала не только разработку рекомендаций, но и внедрение предложенных мероприятий. В первой половине 1970-х гг. по просьбе властей Минска социологи организовали исследования проблем социального планирования предприятий и разработали методику планирования перспективного социального развития производственного коллектива. За участие в разработке плана социального развития Минска и трудовых коллективов руководители социологической группы БПИ В.Н. Семеньков, Л.П. Бурко были награждены в 1979 г. бронзовыми медалями ВДНХ СССР [3].

По предложению социологов БПИ, выполнявших хозяйственное исследование на МПО «Горизонт», был создан кабинет адаптации, где заводские специалисты в содружестве с социологами помогали выпускникам школ выбрать профессию, следили за их первыми шагами в трудовом коллективе. В результате на предприятии увольнения по собственному желанию недавних выпускников школ снизились почти на 40 % [7].

Участники социологической группы являлись членами Советской социологической ассоциации (ССА). В сентябре 1976 г. было учреждено Белорусское отделение ССА, главной задачей которого было объединение усилий социологов республики для повышения профессионального уровня, распространения социологических знаний и широкое использование результатов социологических исследований на практике.

По материалам прикладных исследований были написаны монографии В.Н. Семенькова «Производственный коллектив: труд, среда и воспитание» (1975), «Комплексный характер воспитания» (1979), «Качество труда и воспитание» (1981), А.В. Макарова «Научно-техническая революция и социальные изменения в производственном коллективе» (1980), «Коллектив учится управлять. На материалах БелАвтоМАЗ» (1989, в соавторстве). Сотрудник группы З.М. Юк издала книги «Труд женщин и семья» (1975), «Научно-технический прогресс и труд женщин» (1981), «Женщины в трудовом коллективе» (1985).

По результатам исследований доценты В.Н. Семеньков в 1980 г. и А.Ф. Богданов в 1982 г. защитили диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, доцент З.М. Юк в 1983 г. – доктора экономических наук. Более десяти сотрудников группы (А.В. Макаров, Р.И. Касьянова, Л.В. Воробьева, А.И. Шикун, В.А. Грущенко, Л.А. Жбанкова, Н.И. Марчин-ская, С.В. Потапенко, Е.П. Сапелкин, О.Н. Николаев, Л.М. Усов, Н.В. Якшевич, Г.М. Лагутенкова и др.) в 70–80-е гг. защитили кандидатские диссертации.

Положительный опыт исследований социологической группы был отмечен 18 апреля 1985 г. в постановлении Коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР, обобщившего опыт деятельности кафедры научного коммунизма БПИ. В нем в частности отмечалось, что результаты социологических исследований кафедры получили признание на X международном социологическом конгрессе в Мексике в 1982 г. Социологи кафедры участвовали в подготовке аналитических материалов для ЦК КПБ, других партийных и государственных органов [8, с. 121].

Однако, в конце 1985 г. в Минск прибыла комиссия ЦК КПСС и Минвуза СССР. Она, как отмечает профессор Г.П. Давидюк, «штудировала» деятельность академических и вузовских социологов Минска, интересовалась договорными исследованиями. В заключении предвзято обвинила минских социологов в «извращении» социальной действительности, в финансовых нарушениях, рекомендовала запретить договорные исследования. Последовали оргвыводы. Заведующего кафедрой научного коммунизма БПИ профессора В.Н. Семенькова сняли с работы с партийным взысканием. Группе запретили вести договорные исследования [1, с. 98]. Социологические исследования на кафедре были свернуты, штатные сотрудники группы, заканчивавшие заключенные хоздоговора, были прикреплены к НИЛ проблем высшего образования при кафедре педагогических дисциплин БПИ.

В декабре 1988 г. приказом ректора БПИ была образована НИЛ «Социология» при совете кафедр общественных наук в составе НТО «Политехник» [9, л. 196-198]. Однако к этому времени в осуществлении перестройки в стране уже возобладали разрушительные процессы. В условиях создания кооперативов, возрождения предпринимательства руководителям предприятий стало не до социологии. Предприятия обрастали сетью кооперативов, которые вели к обогащению их создателей, но подрывали основы плановой экономики, вели к дефициту комплектующих деталей, росту инфляции и к развалу в итоге народного хозяйства страны.

Вместе с тем более чем 15-летний опыт проведения социологических исследований учеными БПИ в целом может быть оценен положительно. Руководству предприятий регулярно передавались отчеты о НИР, содержавшие конкретные практические рекомендации. Социологи участвовали во внедрении целого ряда рекомендаций на производстве. Нареканий и претензий со стороны администрации и руководителей общественных организаций предприятий-заказчиков исследований не поступало. Отчеты о НИР высылались во Всесоюзный центр научно-технической информации в Москве и становились доступными для исследователей и практиков всей страны.

Социологическая группа являлась резервом для пополнения рядов преподавательских кадров БПИ и других вузов. Более 10 штатных сотрудников группы были избраны по конкурсу на должности профессорско-преподавательского состава. Так, выпускница философского отделения истфака БГУ младший научный сотрудник группы С.В. Потапенко окончила аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию и прошла путь от преподавателя до доцента, с 2006 г. по апрель 2011 г. являлась заведующей кафедрой политологии, социологии и социального управления БНТУ. Доценты и преподаватели кафедры, работавшие в социологической группе в качестве совместителей, таким путем повышали свой профессиональный уровень, использовали собранный материал в лекциях и семинарских занятиях по учебной дисциплине «Научный коммунизм», который рассматривался в 1970-е годы как «социология и политология марксизма» [10]. Кафедра одной из первых в Беларуси перешла в 1989 г. к преподаванию дисциплины «Социология», было выпущено учебное пособие под

редакцией доцента Л.П. Бурко [11]. Профессор А.В. Макаров, работавший ранее в социологической группе БПИ, в 1989–1992 гг. возглавлял кафедру научного коммунизма Республиканского института высшей школы БГУ, в 2000–2005 гг. кафедру социально-гуманитарных наук РИВШ, в 2005–2015 гг. кафедру проектирования образовательных систем, в 1992–2000 гг. являлся проректором РИВШ. В настоящее время профессорами кафедры проектирования образовательных систем РИВШ работают А.В. Макаров и кандидат социологических наук Е.И. Дмитриев, также трудившийся в 1980-е гг. в социологической группе БПИ.

В начале 1990-х гг. бывшие сотрудники социологической группы БПИ И.Б. Амбразевич, Л.Г. Третьякова, Т.Л. Тимофеева, Н.К. Чеканова приняли участие в деятельности центров созданной Государственной службы занятости населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Давидюк Г.П. Беларусь: в муках, страданиях родилась социология // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 93–99.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф.4 п. – Оп. 81. – Д. 1485.
3. Дубовик А.К., Потапенко С.В. Кафедра политологии, социологии и социального управления БНТУ: исторический очерк // Научные труды кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ. – Минск: БНТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 16–25.
4. НАРБ. – Ф. 210. – Оп. 4. – Д. 1158.
5. НАРБ. – Ф. 210. – Оп. 3. – Д. 1502.
6. Семеньков В.Н. Производственный коллектив: труд, среда и воспитание. – Минск: Беларусь, 1975. – 288 с.
7. Бурко Л.П. Пастаянная лінія. Гутарка з кіраўніком сацыялагаў БПІ, якія праводзяць даследаванні на прадпрыемствах Мінска / Запісаў С. Мехаў // Літ. і мастацтва. – 1985. – 12 красавіка. – С.12.
8. В Коллегии Минвуза СССР // Научный коммунизм. – 1985. – № 5. – С. 119–124.
9. НАРБ. – Ф. 210. – Оп. 3. – Д. 2734.
10. Тадевосян Э.В. Научный коммунизм – социально-политическая теория марксизма. – М.: Политиздат, 1977. – 127 с.
11. Социология: учеб.-метод. пособие для студентов дневного, вечернего и заочного отделений БПИ / Бурко Л.П. [и др.] – Минск: БПИ, 1990. – 88 с.

УДК 316.444:004.67

МЕТОДОЛОГИЯ BIG DATA В СОЦИОЛОГИИ МИГРАЦИИ

Злотников А.Г.

*профессор кафедры права и экономических теорий, БТЭУ ПК
кандидат экономических наук, доцент
(г. Гомель, Беларусь)*

В современной научной жизни одним из направлений является методология больших данных (Big Data). В социологическом аспекте аналитическая роль методологии Big Data означает отражение роста и многообразия информации, позволяющей на основе роста количественной информации дать качественное объяснение изучаемых процессов и явлений – качество в количестве. В ее содержание положено несколько, по крайней мере, семь «V». Вначале это был набор трех признаков «VVV»: volume (масса, величина, объем), velocity (скорость), variety (многообразие, разнообразие, многосторонность). Затем содержание ее признаков было расширено: veracity (достоверность, точность, правдивость), viability (жизнеспособность), value (ценность) и variability (переменчивость, изменчивость, непостоянство).

Среди всех демографических явлений социологическая сущность методологии Big Data позволяет более адекватно отразить территориальные перемещения людей – миграционные процессы. Недаром, в отношении этих процессов существует многообразие (variety) понятий: постоянная (долгосрочная или безвозвратная) миграция, внешняя и внутренняя миграция, международная миграция, эмиграция, иммиграция (а также в терминологии В.И. Ленина есть старая и новая иммиграция), организованная и неорганизованная миграция, индивидуальная и коллективная миграция, регулируемая и нерегулируемая миграция, вынужденная миграция, эвакуация, отселение, беженство, насильственная миграция, этническая миграция, временная миграция, фронтьерская миграция, репатриация, реиммиграция, незаконная миграция, нелегальная миграция, кредитная миграция, трудовая и образовательная миграция, интеллектуальная миграция, «утечка мозгов»,

временная (или возвратная) миграция, распределение по окончании учебных заведений, организованный набор, отходничество, «перекочевывание». сезонная миграция, маятниковая миграция, «шабашничество», «вахтовики», «челночная» миграция, транзитная миграция, эпизодическая миграция, туристическая миграция, спортивная миграция, экологическая миграция, переселение, выбытие и прибытие населения, пришлое население, первичная и вторичная миграция, колонизация, индустриализация населения, микромиграция, приживаемость мигрантов и их адаптация, экспаты, а также и многие другие.

Методология Big Data дает возможность наиболее адекватно и системно отразить не только все это их многообразие, но и установить более точно (veracity) и масштабы (volume) миграции. В демографических процессах наиболее проблемной не только в содержательном плане является методология статистического анализа миграционных процессов. Традиционно при определении миграционного сальдо в расчет положены преимущественно данные текущей национальной статистики. Но так как в международных миграционных процессах задействованы мигранты нескольких стран, то данных только одной стороны – малых данных – явно недостаточны. До проведения очередной переписи имеются данные об одной величине численности населения. Но после проведения переписей эти данные о величине численности населения в межпереписные годы постоянно корректируются, и эта корректировка прежде всего связана с величиной миграционного сальдо. О более адекватной, реальной величине динамики миграционного сальдо в Беларуси дают представления материалы переписей населения 1989, 1999, 2009 и 2019 гг.

Перепись населения Беларуси 1999 г. зафиксировала численность населения страны в 10 045,2 тыс. чел., что на 106,6 тыс. чел. меньше по сравнению с переписью 1989 г. Показатель естественной убыли населения за период между переписями 1989-1999 гг. составил 81,3 тыс. чел. (при 1162,8 тыс. родившихся и 1244,1 тыс. умерших за этот период). Данные о численности родившихся и умерших (а, следовательно, и данные о сальдо естественного движения населения) за межпереписные годы не подлежат изменениям – это медицинский и юридический факт. Остальная убыль населения Республики Беларусь приходится на миграцию, т.е. миграционное сальдо дает отрицательную величину в 25,3 тыс. чел., что опровергает доминировавший в течение межпереписного периода 1989-1998 гг. вывод, что Беларусь имеет положительное сальдо миграции. Т.е. в расчет общей величины миграции в соответствии с методологией Big Data наряду с итогами переписи населения берутся и показатели естественного движения населения.

Аналогичная ситуация характерна и для демографических процессов в межпереписные 1999-2009 годы. Так, миграционный прирост по данным паспортных служб органов внутренних дел, отражающий текущий учет миграционного движения Республики Беларусь за период между переписями населения 1999 и 2009 гг. оценивался, как положительное сальдо в 54,5 тыс. чел. Национальная перепись населения Беларуси зафиксировала на 14 октября 2009 г. численность населения Республики Беларусь в 9503,8 тыс.чел, соответственно, на начало 2009 г. – в 9513,6 тыс. чел., что на 531,6 тыс. меньше, чем по переписи 1999 г. В этой меньшей численности 434,6 тыс. чел. составляет отрицательное сальдо между рождаемостью и смертностью. Перерасчет динамики движения населения на основе материалов переписи 2009 г. за этот межпереписной период на основе вышеуказанного методологического подхода выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. чел.

До проведения переписи 2019 года по данным текущего миграционного учета МВД считалось (и ныне считается), что в Беларуси миграционное сальдо имеет положительную величину – наивысшая величина которой в текущем десятилетии составляла в 2015 г. – 18494 чел, а наименьшая – 3874 чел. – в 2018 г. Однако, анализ представленных данных последней переписи населения Республики Беларусь выявляет, что за три квартала 2019 года миграционное сальдо дает отрицательный показатель. За этот период численность населения страны уменьшилась на 61,8 тыс. чел. В этом уменьшении доля естественного движения населения составила 24,8 тыс. чел. (т.е. разницы на начало критического момента переписи при 65,8 тыс. родившихся и 90,6 тыс. умерших за январь-сентябрь 2019 года), а доля миграционных потерь – 37,0 тыс. чел. Т.е. и последняя перепись населения, как и две предыдущие, вместо миграционного прироста выявляет миграционную убыль населения страны. В структуре сокращения численности населения переписного года соотношение между отрицательным сальдо естественного движения населения и отрицательным сальдо миграции характеризуется как 40,1% к 59,9%. Это более, чем их соотношение за период между переписями 1989 и 1999 гг., которое составляло 76,3 и 23,7%, а за 1999–2008 гг. – 58,1 и 41,9%.

В середине ноября 2016 года в Минске проходила организованная Центром социальной демографии Института социально-политических исследований РАН совместно с Фондом ООН в области народонаселения (UNFPA) в Республике Беларусь крупнейшая международная демографическая конференция «Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и

сопредельных стран», в которой приняли представители 12 государств. И когда выступали представители США, Бразилии, ЮАР, Португалии, Финляндии, Венгрии, описывая кризисную ситуацию в западноевропейских странах, то среди белорусских слушателей (а среди них была значительная часть студентов, выпускников Академии управления при Президенте Республики Беларусь и Белгосуниверситета) приходилось из уст молодежи слышать комментарии «может и хорошо, что в Беларуси – не такой высокий уровень жизни, как в Европе: к нам беженцы не рвутся». И не создают проблем, аналогичных Западной Европе.

Многообразие видов миграции порождает сложные последствия для демографических перспектив страны. Постоянный рост доли миграции в депрессивных демографических процессах (с 23,7% в 1999 г., 41,9% в 2009 г. и 59,9% в 2019 г.) сопровождается и растущими масштабами трудовой белорусской миграции. Так, по данным миграционных служб Российской Федерации официально в качестве резидентов на рынке труда России в 2018 г. зарегистрировано 452064 граждан Беларуси. Причем, наблюдается постоянный их рост: в 2016 г. – на 38,3 тыс. чел., в 2017 г. – на 48,6 тыс. чел. и в 2018 гг. – еще на 57,6 тыс. чел. В странах Евросоюза за 2015-2018 гг. в качестве резидентов было зарегистрированные белорусских граждан более 350 тыс. чел., в т.ч.: в 2015 г. – 80,0 тыс. чел., 2016 г. – 82,2 тыс. чел., 2017 г. – 51,9 тыс. чел. и в 2018 г. – 137,7 тыс. чел. К сожалению, данных за 2019 г. пока не имеется.

Этот представляет вызов демографической и гуманитарной безопасности Беларуси, ибо в составе белорусских трудовых мигрантов преобладает наиболее активное трудоспособное и репродуктивное население. Именно с трудовой миграцией активной репродуктивной части белорусского населения в последние (2016-2019) годы после 15-летнего периода оздоровления ситуации в репродуктивной сфере в Республике Беларусь связан в стране и новый виток депопуляции. Так, после наивысшего за прошедший период XXI столетия уровня рождаемости в 2015 г., когда в стране родилось 119028 младенцев началось снижение рождаемости. В 2016 г. уже родилось 117779 детей. Далее экспонента рождаемости характеризуется резким ее снижением: 2017 г. – 102558, 2018 г. – 94042 и 2019 г. – 87602 младенцев.

Особенностью трудовой миграции в западном направлении является преобладание в ней молодых женщин. А в восточном (российском) направлении в белорусской трудовой миграции наблюдается преобладание мужской рабочей силы. Так, по данным единовременного учета (на 7 июня 2015 г.) из 553 583 граждан Республики Беларусь, находящихся на территории Российской Федерации, 57,8% – это мужчины. В этой связи новой демографической проблемой страны, порожденной миграцией, стало обострение гендерной диспропорции: после шестидесятилетнего периода роста удельного веса мужского населения в гендерной структуре Беларуси и постепенного сглаживания гендерной диспропорции процент мужчин резко сократился. Так, если по данным переписи 1999 г. соотношение мужского и женского населения страны составляло 47,0% и 53,0%, то перепись 2019 г. свидетельствует об обострении гендерного соотношения, составившего соответственно 46,2% и 53,8%. Для сравнения: гендерное соотношение в Беларуси после Великой Отечественной войны, в горниле которой гибли в основном мужчины, по итогам переписи 1959 г. составило 44,5% к 55,5%. Наибольшая гендерная диспропорция приходится на город Минск, где соотношение мужского и женского населения по переписи 2019 года составляет 45,7% и 54,3%, а также и на Витебскую область, где их соотношение составляет соответственно 45,9% и 54,1%. И где коэффициент рождаемости – наименьший в стране: при среднем показателе по Беларуси за 2019 г. – 9,3‰, в Минске он составил 7,9‰, а по Витебской области – 8,3‰. Выделим в этом плане столицу Республики Беларусь, в которой удельный вес женского репродуктивного потенциала почти в 1,5 раза превышает среднереспубликанский показатель.

Таким образом, растет значимость миграционных процессов в депопуляционных процессах Республики Беларусь. Нынешнюю «миграционную практику» (если ее так можно назвать), отданную на откуп правоохранительным органам, трудно назвать позитивной, соответствующую интересам демографической безопасности страны, ибо она характеризуется: во-первых, постоянным сокращением численности населения страны, во-вторых, ростом миграционного оттока наиболее активного репродуктивного потенциала и, в-третьих, увеличением масштабов трудовой и образовательной миграции, в итоге формирующей эмиграцию. А это противоположно тем целям, которые определены стратегическим документом в демографической сфере – Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь». Необходимость сокращения масштабов миграционной убыли населения страны требует, во-первых, повышения значимости национальных демографических программ, и, во-вторых, разработки национальной миграционной политики. А это можно осуществить, зная реальные тенденции в миграционных процессах, роль которых в сокращении численности населения Беларуси становится более значимой.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ**Климович А.В.***доцент кафедры философии и экономики, БрГУ им. А.С. Пушкина
кандидат философских наук, доцент
(г. Брест, Беларусь)***Крусь П.П.***доцент кафедры философии и экономики, БрГУ им. А.С. Пушкина
кандидат философских наук, доцент
(г. Брест, Беларусь)*

Исследования мировоззрения и ценностных предпочтений молодёжи весьма распространены как в нашей стране, так и за рубежом. Можно с полным правом говорить о богатой традиции подобных исследований в рамках широкого спектра гуманитарных дисциплин. Собран и продолжает пополняться самый разнообразный эмпирический материал, требующий не только корректной научной интерпретации, но и его системной теоретической обработки, позволяющей подняться до уровня широкого междисциплинарного обобщения. Именно на таком уровне получают выводы, на основе которых можно построить целостную картину мировоззрения не только некоторой части общества, например, молодёжи, но и всего современного динамичного социума. Следовательно, эти выводы могут стать реальным основанием эффективных практических действий со стороны государственных и общественных организаций, направленных на обеспечение устойчивого и безопасного развития. Любой вид человеческой деятельности характеризуется своим конкретным мировоззренческим основанием и осуществляет социальную трансляцию господствующей системы духовных ценностей, что определяет их непреходящую значимость и актуальность. Особую роль в этом играет образовательная сфера, вернее её субъекты, в первую очередь, учащаяся молодёжь.

Образование как вид целенаправленной человеческой деятельности начинается с постановки определённых познавательных задач. Эти задачи могут быть серьёзно осмыслены только в рамках определённой картины мира. Вместе с тем, само их практическое решение сопровождается интенсивными эвристическими поисками новых, нередко слабо взаимосвязанных положений, чьё место и значение в конкретной мировоззренческой системе не выявлено. Более того, некоторые новые факты могут даже противоречить устоявшимся в культуре представлениям. Подобное обстоятельство постоянно присуще познавательной и образовательной деятельности, обусловлено их внутренней природой. Очевидно, что осознание необходимости определить место и значение каждого положения в мировоззренческой системе должно стать важнейшим методологическим основанием не только изучения, но и организации процесса образования. Системность мировоззрения предполагает и системный подход к его рассмотрению

В процессе обучения происходит не простое приобщение учащихся к иерархии мировоззренческих предпочтений, место и значение которых копируется механически в индивидуальном сознании. Известно, что личность усваивает ценностные параметры творчески, нелинейно. Особое значение здесь имеют исследования мировоззренческих ориентиров и ценностных предпочтений субъектов общественных связей и прежде всего наиболее активной части общества – молодёжи. Механизм влияния образования и прежде всего гуманитарного образования на становление и последующее развитие мировоззрения студенческой молодёжи, безусловно, выступает значительным фактором общественной трансформации. Указанный механизм стал предметом специального исследования в контексте мировоззренческих и ценностных предпочтений студентов на протяжении всего периода обучения, проводимого в рамках двух тем научного исследования в период с 2005 по 2018 год сотрудниками кафедры философии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина [1, с. 47].

В течение многолетнего исследования получены интересные данные и накоплен опыт методологического характера, имеющий, как представляется авторам, некоторую ценность для понимания ряда проблем. В этой связи приобретает особое значение философский анализ содержания и структуры мировоззрения студенческой молодёжи в динамике самого образовательного процесса. Причём исследования мировоззрения и ценностных ориентиров будут тем более значимыми, чем в большей мере они способны отражать не только глубинные системные сдвиги, но и еле заметные, на первый взгляд, весьма незначительные изменения ценностных ориентиров различных групп

студенческой среды. Проведенные социологические исследования ценностно-мировоззренческих ориентаций студентов дают основания для некоторых выводов о том, что же оказывает существенное влияние на процесс формирования мировоззренческой идентичности студенчества и насколько разные формы общественного сознания, такие, как наука и религия влияют на мировоззрение современного молодого человека.

Особое внимание в нашем исследовании уделялось опросу первокурсников, поскольку полученная информация позволяла выявить потенциал для формирования академических установок и общественной позиции будущих специалистов, их интересов в вопросах самореализации.

Первый блок анкеты включает, в частности, вопросы о том, какие взгляды на происхождение и сущность мира и человека разделяют респонденты.

Таблица 1. Картина мира в мировоззрении студента (анкета)

01. Какие взгляды на происхождение мира Вы разделяете (один ответ):
1. Мир возник из хаоса непостижимым образом
2. Мир сотворён высшим существом из ничего
3. Мир возник в результате Большого взрыва
4. Мир всегда существовал, он никогда не возникал и никогда не исчезнет
5. Затрудняюсь ответить
6. Ваша особая точка зрения (напишите)
02. Как, по-вашему, устроен мир (один ответ):
1. Я разделяю мифологическую картину мира (мир устроен непостижимым для человека образом)
2. Я разделяю религиозную картину мира (человек может лишь частично постичь устройство мира)
3. Я разделяю научную картину мира
4. Затрудняюсь ответить
5. У меня особое представление об устройстве мира (напишите)

Что касается взглядов на происхождение мира, то большая часть респондентов (42,2%) уверена в том, что мир сотворён высшим существом из ничего (так, кстати, считают 48% опрошенных студентов-биологов и 36% респондентов с физико-математического факультета). Соответственно, ещё большее количество респондентов (47,7%) разделяет не научную (таковых всего 28%), а религиозную картину мира. Примерно столько же опрошенных считает, что человек сотворён высшей силой и является существом разумным (но не духовным или же «продуктом творения высшей силы»), чего следовало бы ожидать). Не слишком расходились с полученными данными и результаты опроса магистрантов, обучавшихся в научно-ориентированной магистратуре.

Таблица 2. Смысл жизни и предназначение человека в представлении студента (анкета)

05. В чём, по Вашему мнению, заключается смысл жизни и предназначение человека? (не более трёх ответов)
1.Счастье
2.Любовь
3.Семья, дети
4.Самореализация
5.Работа
6.Потребность быть полезным другим людям
7.Сама жизнь
8.Бог
9.Удовольствия
10.Ваше особое мнение (укажите)

Традиционно на протяжении всех лет исследований выявлялось, что в качестве смысла жизни и предназначения человека выступают для студентов семья и дети, любовь и счастье.

Следует отметить, что особый интерес в данном исследовании представляют не столько конечные данные, сколько анализ отдельных анкет. В ответах на вопросы анкеты наблюдается явный «симбиоз» научного и религиозного мировоззрений, подчас явная путаница, что свидетельствует о сложностях формирования мировоззренческой идентичности.

Выпускник высшего учебного заведения сегодня должен соответствовать высоким требованиям, предъявляемым как к уровню его профессиональных знаний, так и к его академическим и социально-личностным компетенциям. Наряду со знаниями и умениями в избранной сфере профессиональной деятельности молодой специалист должен обладать исследовательскими навыками, уметь работать

самостоятельно, владеть информационными технологиями, обладать способностью к межличностным коммуникациям, знать нравственные и правовые нормы, быть готовым к постоянному профессиональному, культурному и физическому самосовершенствованию. В современном обществе востребованы активные, творчески мыслящие специалисты, подготовленные к инициативной профессиональной и социальной деятельности. Сформировать и развить эти качества у будущих специалистов, помочь студентам в их профессиональном самоопределении – главная задача любого высшего учебного заведения.

Можно с уверенностью утверждать, что результаты социологических исследований по проблеме ценностно-мировоззренческих ориентаций дают возможность проследить динамику отношения студентов к избранной специальности, а также выявить условия, позволяющие стимулировать их профессиональный и познавательный интерес, повышать мотивацию к высоким учебным достижениям. По нашему мнению, мотивация и положительное отношение к профессии являются важнейшим условием активизации процесса обучения и познавательной деятельности. Как показывают результаты наших исследований, первокурсники на начальном этапе адаптации (первые месяцы обучения) преданы избранной специальности. Более 90% от числа опрошенных первокурсников отмечают, что им нравится избранная специальность; 6-7% – относятся к ней безразлично; и лишь не более 2% респондентов указывают, что специальность им не нравится. Однако на четвёртом курсе лишь 38,1 % студентов указали, что поступили бы на свою же специальность и в свой университет, а 41 % опрошенных выбрали бы другое учебное заведение и другую специальность. Ценностное отношение студентов к избранной специальности прослеживается и в том, насколько они связывают свою будущую работу с деловым успехом и успешной карьерой. Так, почти половина (46,2 %) первокурсников намерены стать профессионалами в избранной специальности и серьёзно ориентированы на то, чтобы достичь делового успеха и сделать карьеру (44,7 %). Однако на четвёртом курсе, когда расширились знания студентов об объектах, сферах и задачах их будущей профессиональной деятельности, число студентов, связывающих достижение делового успеха и успешной карьеры с будущей профессиональной деятельностью, снижается на и составляет 39,9 %.

В силу плюрализма общественного мировоззрения индивидуальная позиция современных молодых людей часто характеризуется эклектизмом, они не могут найти точку опоры при формировании собственного мировоззрения. Молодому человеку не всегда понятен предмет выбора, а при наличии множества источников информации, он далеко не всегда способен её проанализировать и сделать выводы, значимые для становления собственного мировоззрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Климович А. В. Особенности мировоззренческих ценностных ориентаций студенческой молодёжи // Сущность и особенности формирования ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи: Сборник научных трудов. – Брест: БрГУ, 2014. – С. 47-51.

УДК 316.77

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Колик А.В.

*старший преподаватель факультета журналистики, БГУ
(г. Минск, Беларусь)*

В настоящее время ключевое значение в деятельности современной организации имеет способность эффективно управлять процессом коммуникации. По нашему мнению, для нынешней ситуации характерен постоянный рост востребованности современных технологий управления корпоративными коммуникативными процессами. Эффективное управление коммуникацией необходимо практически всем организациям вне зависимости от отрасли и сферы деятельности. Мы исходим из того, что влияние на стейкхолдеров организации становится результатом коммуникации в медиапространстве, поскольку именно она позволяет донести до целевой аудитории информационные сообщения, сформировать корпоративный имидж и репутацию. Нынешнее время называют эпохой медиатизации, поскольку роль медиа в жизни социума значительно возросла. По нашему мнению, медиатизация социума обусловлена возникновением и развитием информационного

(постиндустриального) общества, для которого характерен рост значения информации во всех сферах его жизнедеятельности.

Мы исходим из того, что коммуникация в современном медиaprостранстве недостаточно исследована отечественными социологами и требует соответствующего всестороннего анализа, комплексного изучения сложившейся в настоящий момент ситуации и определения логики дальнейшего развития.

Под медиaprостранством мы понимаем систему производства и потребления массовой информации, которая на данный момент существует в социуме. Медиaprостранство представляет собой пространство отношений медиаагентов, которые включены в него и осуществляют определенные функции. По мнению С. И. Шелонаева, «медиaprостранство как особая часть социального пространства проецирует социальные конструкции, формируемые в процессе взаимодействия медиа-агентов, на иные подпространства или поля социального пространства [1, с. 82].

На сегодняшний день медиaprостранство исследуется в рамках ряда социально-гуманитарных дисциплин, к которым относятся журналистика, филология, философия, социология, психология, социальная психология, политология, экономика, культурология и другие. Мы придерживаемся подхода российского исследователя Е. Н. Юдиной, которая полагает, что медиaprостранство – это «особая реальность, являющаяся частью социального пространства и организующая социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации» [2, с. 151].

Поскольку медиaprостранство является частью социального пространства возникает потребность в комплексном исследовании его в рамках социологии. Традиционно социологи и маркетологи осуществляют медиаисследования, которые представляют собой исследования целевой аудитории традиционных и «новых медиа». Белорусский исследователь А. П. Дурович пишет, что «Медиаисследование – направление маркетинговых исследований по определению популярности средств распространения рекламной информации и мониторингу рекламно-пропагандистских мероприятий в средствах массовой информации» [2, с. 379].

Медиаисследования основаны преимущественно на социологических и маркетинговых методах, а также измерениях. Мы считаем, что в перспективе роль медиаисследований будет возрастать, поскольку именно они способны обеспечить глубокое понимание процессов, происходящих в медиaprостранстве. Понимание процессов, происходящих в медиaprостранстве, позволяет определить стратегию коммуникации организации на основе массива имеющейся информации.

Медиаисследования можно разделить на три основных вида:

1. Исследования отношения целевой аудитории к медиа и оценка сообщений (основу их составляют социологические и маркетинговые исследования). Целью данных исследований является получение информации об объемах и характеристиках аудиторий телеканалов, радиостанций и печатных изданий. Основными методами исследований являются личные и телефонные опросы, фокус-групповые интервью, глубинные интервью, тестирование перед началом коммуникационной кампании.

Опросы относятся к количественным методам исследований, которые оперируют числовыми характеристиками изучаемых совокупностей, пригодными для статистического анализа. В настоящее время помимо традиционных опросов проводятся опросы посредством возможностей сети Интернет, имеющие такое важное преимущество как оперативность полевого этапа исследований. Мы считаем, что в настоящее время значительно возрастает роль исследований в Интернете по причине того, что большой объем коммуникации переместился в Интернет-пространство.

Фокус-группы относятся к качественным методам и представляют собой групповое интервью, в ходе которого модератор (ведущий) задает участникам группы (респондентам) вопросы. Глубинное интервью представляет собой неструктурированное личное интервью с респондентами, в ходе которого интервьюер задает им соответствующие вопросы. Тестирование позволяет проверить правильность принятых коммуникаторами решений на основе получения обратной связи от целевой аудитории.

2. Мониторинг выхода информационных сообщений позволяет получить информацию о фактическом выходе сообщений в эфире телеканалов и радиостанций, Интернете, а также в печатных изданиях. Мониторинг представляет собой сложный метод, который под силу только организациям, оснащенным специальным техническим оборудованием. Поэтому мониторинг, как правило, осуществляют организации, специализирующиеся на проведении соответствующих исследований.

3. Измерение аудитории средств массовой информации с помощью специального аппаратного оборудования (пиплметры) позволяет получить информацию об объемах и характеристиках аудиторий телеканалов, радиостанций. Мы исходим из того, что измерение аудитории является одним из наиболее

перспективных видов исследований, поскольку за счет развития технических и информационных средств обеспечивает получение большого массива объективных данных о целевой аудитории, позволяющего планировать коммуникацию на основе их анализа.

В настоящее время исследователей интересуют различные аспекты коммуникации в отечественном медиапространстве, среди которых мы в первую очередь выделим такие как:

- имеющаяся у целевой аудитории информация об организации и ее продуктах или услугах;
- отношение целевой аудитории к организации и ее продуктам;
- восприятие целевой аудиторией контента сообщения;
- каналы распространения информации;
- критерии принятия решений о приобретении продуктов;
- характеристики целевой аудитории;
- полученный в результате коммуникации эффект.

По нашему мнению, проведение медиаисследований является важной предпосылкой обеспечения успешной коммуникации организаций, и в перспективе их роль будет возрастать, поскольку усиление конкуренции приведет к необходимости детального понимания процессов, происходящих в медиапространстве Республики Беларусь и других стран. Однако, опыт исследований коммуникации в медиапространстве у отечественных организаций пока невелик, существующие методики не в полной мере соответствуют требованиям времени. Как нам представляется, в ближайшей перспективе перед отечественной наукой стоит задача создания методик, которые бы позволили проводить социологические исследования коммуникации организации в медиапространстве с учетом имеющихся трендов его развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шелонаев С. И. Медиапространство: структура и распределение социального капитала медиа-агентов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 4. – С. 81–85.
2. Юдина Е. Н. Медиапространство как новая социологическая категория. // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С.151–154.
3. Дурович А. П. Маркетинговые исследования: учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2009. – 432 с.

УДК 314.74

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА ¹

Красинец Е.С.

*заведующий лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН
кандидат экономических наук
(г. Москва, Россия)*

Российская Федерация является одним из центров международного трудового обмена. Для России трудовая иммиграция - наиболее массовый, динамичный и значимый с социально-экономической точки зрения миграционный поток. Ежегодно с целью работы в страну въезжает порядка 5-6 млн. человек. В результате притока иностранных работников в отечественной экономике улучшается сбалансированность рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы. Благодаря трудовым мигрантам усиливается ресурсный потенциал экономического развития, обеспечивается стабильное функционирование важнейших секторов национальной экономики [1, с.111].

Глобальный экономический кризис и мировая пандемия коронавируса, потянувшие за собой шлейф многообразных социально-экономических последствий, не могли не отразиться на состоянии российского рынка труда, человеческой мобильности и тенденциях трансграничных передвижений населения. В связи с введением странами ограничительных мероприятий по противодействию распространения коронавируса в международной трудовой миграции в России произошли серьезные изменения и трансформации. Вопросы воздействия пандемии на положение трудовых иммигрантов вышли на первый план в повестке дня международной политики. Общественная дискуссия в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00582 А.

отношении необходимости иностранных трудовых мигрантов в условиях значительного роста безработицы своих граждан затмила объективную потребность в привлечении и использовании иностранной рабочей силы для восстановления и развития экономики.

В настоящей статье на основе использования статистических данных и проведенных социологических исследований ставятся задачи показать, что сегодня происходит с международной трудовой миграцией в России, получить ответы на целый ряд принципиальных вопросов о влиянии COVID-19 на потоки трудовой иммиграции и о последствиях пандемии в миграционном поведении иностранных работников.

Коронавирусная эпидемия ухудшила положение трудовых мигрантов во всех странах мира, и Россия не стала исключением. Экономический кризис и закрытие границ существенно ограничили возможности привлечения и использования иностранных работников. Из-за введенных ограничений масштабы привлечения и использования иностранных работников в экономике резко пошли на убыль. По данным официальной статистики, в январе-июле 2020 года по сравнению с соответствующим периодом 2019 года количество разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства сократилось в России в 2,5 раза. В 2,6 раза уменьшился прием из-за рубежа контингентов квалифицированных специалистов, в 2,2 раза - приток новых иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных. За этот период число выданных патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства снизилось на 38,8% [2].

В условиях пандемии и введения масштабных ограничительных мер в экономике, в частности закрытия или прекращения работы большинства строительных, торговых, транспортных и других предприятий, иностранным работникам были купированы легальные каналы вхождения на региональные рынки труда. На российском рынке труда, в том числе и иностранного, произошло значительное сокращение рабочих мест, особенно в тех отраслях, где были заняты мигранты [3, с.28]. В экономике сформировалась избыточная численность сотен тысяч трудовых мигрантов.

Иностранные граждане оказались одной из наиболее уязвимых социальных групп населения. Для них сузились легальные пути трудоустройства, обострились риски потерять работу, остаться без жилья и средств к существованию. В условиях неустойчивой занятости, многие трудовые мигранты остались без работы или стали трудиться неполный рабочий день, что привело к полной или частичной потере дохода. Как правило, трудовые мигранты не имели к началу распространения коронавируса никаких финансовых накоплений, позволяющих пережить кризисный период. Из-за закрытия границ на южных рубежах России в стихийно созданных лагерях в бедственном положении скопились тысячи выходцев из Центральной Азии. Застрававшие без средств к существованию по дороге на родину трудовые мигранты создали дополнительные угрозы безопасности. Появление в российских регионах довольно многочисленных групп иностранных граждан без средств к существованию увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций [4, с. 37].

Изучение перемен в миграционном поведении трудовых мигрантов в контексте пандемии показывает, что в последнее время произошло резкое ухудшение показателей, определяющих базовые характеристики их пребывания и занятости в принимающей стране. По данным социологических опросов трудовых мигрантов, проведенных нами в июле-августе 2020 года на территории Калининградского региона методом персонального интервью с соблюдением параметров квот выборки (N=300), наиболее значимыми проблемами для гастарбайтеров в период пандемии стало ухудшение их материального положения, снижение доходов, нехватка средств, чтобы оплачивать жилье и отправлять денежные переводы домой (37,6% опрошенных), а также плохие условия проживания (18,8%). Каждый пятый мигрант признался, что потерял доход полностью, у 13,4% заработки сократились более чем наполовину. Среди опрошенных 7,4% отметили, что доход после введенных ограничений у них уменьшился на величину от 10% до половины от прежнего уровня.

Однако, несмотря на резкое ухудшение материального положения, респонденты в своей основной массе все еще довольно позитивно оценивают свой выбор на работу в России. Даже в условиях пандемии приезжие не спешат уходить с российского рынка труда. Довольно велико оказалось число тех, кто не собирается уезжать и не думает покидать Россию в ближайшие месяцы. Только 13% респондентов сообщили, что в период начала пандемии пытались вернуться к себе домой. Большая часть (87%) опрошенных в своих ориентациях и установках намерены и дальше находиться и работать в России.

В основе настроений, ориентаций и установок для иностранных работников более значимыми являются причины, выталкивающие их из стран происхождения, чем факторы и стимулы выезда из Российской Федерации. По мнению И.В. Фадеевой, «потеря дохода и возвращение домой могут означать возвращение к крайней нищете, как для работников, так и их семей, поскольку денежные

переводы, отправляемые мигрантами, являются жизненно важной экономической цепочкой для миллионов людей, пытающихся свести концы с концами» [5, с.63].

Очень важно также, что, несмотря на все трудности, многие из числа приезжих и в изменившихся условиях ориентируются на постоянное жительство в России и получение российского гражданства. Отвечая на вопрос о долгосрочных планах на будущее, значительное большинство мигрантов указало на то, что они хотели бы интегрироваться в российское общество и раствориться в нем. Почти 30% опрошенных заявили, что стремятся и готовы жить в Российской Федерации длительное время. Свыше 37% респондентов указали на то, что они в своих настроениях ориентированы на то, чтобы стать гражданами России и остаться в ней навсегда.

Преодоление вызовов, связанных с эпидемией коронавируса, требует практического решения таких проблемных вопросов, как стабилизация трудового рынка, оптимизация потоков трудовой иммиграции, сокращение масштабов теневой занятости мигрантов. Серьезной задачей становится поиск путей совершенствования механизмов, регулирующих рынок труда иностранных работников.

Возобновление в постпандемийный период приема многочисленных контингентов иностранной рабочей силы повысит необходимость проведения дифференцированной политики регулирования мигрантского сектора рынка труда. Потребуется принятие мер, которые не только поощряют въезд нужных для развития экономики трудовых мигрантов, но и ограничивают доступ на рынок труда тех иностранных работников, в которых нет острой необходимости. Должен быть принят комплекс мероприятий по внедрению облегченных и упрощенных процедур вхождения на рынок труда квалифицированных и высококвалифицированных работников. Важное значение имело бы введение балльной системы оценок отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство, позволяющей создавать преференции в привлечении и использовании в национальной экономике иностранных квалифицированных работников и высококвалифицированных специалистов.

Вместе с тем, должны быть приняты меры по наращиванию усилий в области защиты рынка труда от незаконного трудоустройства и теневой занятости мигрантов. Существенное практическое значение в связи с этим имеет совершенствование автоматизированной системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан, а также усиление экономической составляющей в борьбе с нарушениями ими миграционного и трудового законодательства.

К числу насущных проблем, связанных с регулированием рынка иностранного труда, относится повышение полноты и объективности данных о процессах привлечения и использования иностранных работников. Важнейшими составными элементами этой общей задачи являются:

- переход к осуществлению миграционного учета трудовых мигрантов в электронном виде;
- разработка автоматизированной информационной платформы данных о демографических, социально-экономических и профессионально-квалификационных характеристиках трудовых мигрантов, о потребности рынка труда в иностранных работниках и их занятости в экономике;
- совершенствование статистики и расширение круга разрабатываемых показателей в области международной трудовой миграции, налаживание статистического учета всего массива перемещений и занятости трудовых мигрантов в рамках Союзного государства Беларуси и России и на пространстве Евразийского интеграционного объединения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Красинец Е.С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // Народонаселение. - 2020. - Т. 23. - №1. - С. 104-118.
2. Статистические сведения по миграционной ситуации. [Электронный ресурс] – 2020. – URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 27.09.2020).
3. Воронина Н.А., Суворова В.А., Волох В.А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии. - Власть. - 2020. - Т.28. - №4. - С. 26-32.
4. Цапенко И.П. Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока // Социально-трудовые исследования. – 2020. - №40(3). - С. 31-43.
5. Фадеева И.В. Государственное управление трудовой миграцией в период пандемии // Актуальные проблемы административного права и процесса. - 2020. - №2. - С. 61-63.

СОЦИОЛОГИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

*Кривцун-Левшина Л.Н.**доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, МИТСО**кандидат социологических наук, доцент**(г. Витебск, Беларусь)*

С середины 20-го века развивается научное направление, связанное с такой стороной общественной жизни как физическая культура. В его научной литературе понятие и содержание «социология физической культуры» встречается крайне редко, основными же являются понятия «социология физической культуры и спорта», «социология спорта», «социология физического воспитания», «социология олимпизма» и др., что обусловлено сложностью изучаемого социального явления. Неоднозначно определяется и статус этих научных дисциплин: «...направление социологии» [1], «...прикладное направление социологии» [2, с. 31-35], «...специальная социологическая теория» [3, с.11-15].

При сходстве взглядов ученых на культурологическую методологию физической культуры (далее - ФК) (часть, вид, область и т.д. культуры общества), в анализе ее сущности выделяются три группы точек зрения ученых. Одна группа рассматривает ее в качестве деятельности по созданию специфических результатов физического и духовного преобразования человека (И.М. Быховская, 1993; К.Д. Чермит, 2005, Л.И. Лубышева, 2001-2016). Вторая - представляет ФК как специфический результат деятельности, средство и способ физического совершенствования людей для выполнения ими своих социальных обязанностей (Л.П. Матвеев, 1976; Б.В. Евстафьев, 1990; Ю.Ф. Курамшин, 2003; В.И. Столяров, 2004; Ф.И. Собянин, 2010 и др.). Третья группа ученых рассматривает ее как форму общественного сознания, выражающую отношение человека к собственному телу, интегрирующую знания, поведение и его результаты для гармонического психического и физического здоровья личности (М. Demela, A. Sklad, 1985; E. Kosevich, 1999).

Нет единства во мнении и о структуре ФК. Одни авторы выделяют в ней систему потребностей, способностей, деятельности, отношений и институтов, базирующуюся на развитии физических качеств (Л.А. Зеленов, Ю.А. Лебедев, 1985). Другие определяют в ней профессиональное (профессионально-прикладную ФК и спорт) и непрофессиональное направление (базовую, гигиеническую, рекреативную, оздоровительно-реабилитационную ФК) (Г.Я. Головных, 1989; Л.П. Матвеев, 2008). По мнению третьих, ФК не включает в себя спорт, поскольку он имеет различные с ней цели и входит частью в иные разделы культуры (О. Мильштейн, 1998; В.И. Столяров, 1999, 2004; Л.И. Лубышева, 2016; В.Г. Шилько, 2018; А.В. Воробьев, Т.В. Михеева, 2020 (Россия); В.И. Морозов, 1991; С.К. Городилин, 2001; И.В. Котляров, 2009 (Беларусь); О.Н. Кириленко, 2009; Н.Н. Визитей, 2017 (Украина)). Отсюда же, по их мнению, вытекает правомерность термина «физическая культура и спорт». Четвертая группа считает центральным фактором возникновения структуры ФК физкультурно-спортивную деятельность и ее организационные формы: физическое воспитание, спорт, физическую рекреацию и реабилитацию (В.М. Выдрин, Ю.М. Николаев, 1996, Ю.Ф. Курамшин, 2003). По мнению пятой группы авторов, в структуре ФК находится сфера деятельности по обеспечению условий для реализации спорта, туризма, лечебной ФК: педагогическая, управленческая, экономическая, научная, политико-воспитательная, клиническая, гигиеническая, коммуникативная деятельности, физическое воспитание и спортивное любительство (И. Мергаутова, Ф. Иохимсталер, 1979; А.А. Гужаловский, 1986; В.М. Выдрин, 2001).

На современном уровне развития ФК, генетически связанная с обществом и его культурой, функционирует как социальная система на основе осознания социальным субъектом ее ценностей и способов их целенаправленного проявления, что и образуют ее внутреннюю и внешнюю структуру. К **внутренней структуре** ФК по признаку целевой направленности относятся следующие ее подсистемы: *общеразвивающая (базовая) ФК* - обеспечение необходимого уровня физического развития и подготовленности личности как первоосновы физического совершенствования; *оздоровительная ФК*, включающая лечебную, реабилитационную, адаптивную, производственную и оздоровительно-рекреационную ФК - обеспечение необходимого уровня физического и психического здоровья, восстановление утраченных функций систем организма человека, физических и психических сил, затраченных в процессе жизнедеятельности; оптимального двигательного режима, отдыха и развлечений; *военно-прикладная ФК* - воспитание физических, психических и духовных качеств военнослужащих, восстановление затраченных ими физических и психических сил, обусловленных

содержанием и характером военных профессий; *состязательная (спорт) ФК* - воспитание физических, психических и духовных качеств, обусловленных потребностями социального субъекта в их проявлении в условиях состязаний для достижения определенного физически культурного (спортивного) результата. К *внешней структуре ФК* относятся физкультурная, педагогическая, материально-финансовая, научная, научно-методическая, медицинская, агитационно-пропагандистская, управленческая, зрелищная деятельности и институциональные формы их самоорганизации, обеспечивающие способы и условия функционирования подсистем ее внутренней структуры. С этой позиции **физическая культура** - это вид культуры общества, специфическое функционально целенаправленное единство индивидов, социальных групп и организаций на основе обеспечения специализированных видов деятельности и их результатов по физическому, психическому и духовному преобразованию социального объекта в соответствии с потребностями личности и общества в такого рода развитии и совершенствовании [4].

Сущность и структура ФК является базовым основанием становления и развития социологии физической культуры (СФК). *Объектом* ее научного анализа выступает ФК как социальная система, *предметом* - процессы становления, функционирования и развития ФК, видов и форм ее самоорганизации: социальных подсистем, социальных институтов, социальных общностей и групп; социальные связи и отношения как механизм взаимосвязи и взаимодействия между видами и формами ФК, другими социальными институтами и подсистемами общества; закономерности проявления и управления социальной активностью людей в области ФК. Ее *целью* является изучение социальной сущности ФК, моделей типических групповых проявлений физкультурно-ориентированного взаимодействия и поведения людей, своего категориального аппарата; обеспечение интеграции знаний об этом виде культуры как социальном явлении.

Подчиняясь процессу развития и структурирования общей социологии и социологии культуры, СФК состоит из двух основных структурных направлений – теоретического и прикладного, развивается на макро-, мезо- и микроуровнях (рис.). Ее макроуровень определяется задачами разработки общетеоретической системы знаний о ФК как социальном феномене и социальной системе, выявления закономерностей, тенденций и противоречий в ее развитии и функционировании. Мезоуровень обеспечивается исследованиями теоретико-прикладного характера, выявлением объективных и субъективных факторов, условий функционирования и развития ФК на определенном этапе общественной жизни, формированием моделей управления ими. Микроуровень обеспечивается конкретными социологическими исследованиями по изучению форм и моделей поведения различных социальных групп в этом виде культуры, их проявлений и изменений в определенных социальных условиях; здесь разрабатываются первичные выводы и практические рекомендации по управлению изученной стороны ФК. Макро-, мезо- и микроуровни составляют единую научную базу современной СФК, позволяют познавать и обобщать, управлять и прогнозировать динамику как различных сторон, так и ФК в целом, доводить эффективность ее функционирование до потребностей и требований общества, различных социальных групп, отдельных личностей.

Все это позволяет наделять социологию физической культуры как специальную социологическую дисциплину в структуре социологии культуры познавательной, образовательной, прикладной, идеологической, интегративной и методологической функциями [5, с. 5-37.]. В ее структуре развиваются и должны развиваться частные социологические теории в соответствии с обобщающей моделью этой научной дисциплины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социология физической культуры и спорта // Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: sociologicheskaya.academic.ru (дата обращения 10.09.2020).
2. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: учебник. – М.: Издательский центр «Академия», 2016. – 272 с.
3. Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта: учебник. – М.: Издательство «Флинта. Наука», 2004. - 490 с.
4. Кривцун-Левшина Л.Н. Современная модель физической культуры: системный анализ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. – 2017. - № 15. - С. 157-166.
5. Кривцун-Левшина Л.Н. Социология физической культуры: учебное пособие. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 202 с.

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ НАМЕРЕНИЙ*Лазебник Л.Л.**заведующий кафедрой экономики предприятия, НУГФСУ**доктор экономических наук, профессор**(г. Ирпень, Украина)*

Пандемия COVID-19 привлекла больше внимания к предпринимательству и повысила важность исследований, которые объясняют склонность людей к открытию нового бизнеса. Намерения тех, кто заботится о создании нового предприятия, оказались в фокусе внимания исследователей, потому что упорядоченное и системное понимание спектра предпринимательских намерений создаёт надёжную теоретическую основу для объяснения и прогнозирования развития предпринимательства. Кроме того, ландшафт предпринимательских намерений и мотивов является полезным для тех, кто имеет возможность направлять и влиять на выбор карьеры или обучает предпринимательству, давая возможность понять причины определенного предпринимательского видения. И наконец, понимая, почему предприниматели начинают и ведут свой бизнес, политики могут устранять препятствия, с которыми предприниматели сталкиваются при реализации своих целей.

Предпринимательство – это драйвер экономического роста. Оно продвигает инновации, необходимые для использования новых возможностей в деле повышения производительности и создания дополнительных рабочих мест, а также решает социальные проблемы, к которым относятся изменение климата, массовая миграция, экономическое неравенство, а с недавних пор и экономический шок, вызванный пандемией COVID-19. Поскольку ожидается вторая крупная волна COVID-19, одной из важнейших задач является удержание предпринимателей в бизнесе и оказание помощи в открытии новых предприятий.

Термин «предприниматель» происходит от французского слова «entreprendre», что буквально означает «взять на себя». Предпринимательство – это образ мышления, при котором возможности оцениваются выше угроз. Поэтому предприниматели принимают на себя финансовые риски, связанные с владением бизнеса, но также напрямую извлекают выгоду в случае его успеха. Согласно Й. Шумпетеру (Schumpeter) [1], в научной литературе предпринимательство определяется как процесс открытия, творческого разрушения, креативного созидания на основе оценки и использования возможностей для производства товаров и услуг. Предпринимательство включает не только творческий подход, лидерство и инициативу, но также требует настойчивости и целеустремленности.

Неудивительно, что предпринимательские намерения в ранних исследованиях предпринимательства связывались с индивидуальными (например, демографическими характеристиками или чертами личности) переменными, т.е. определёнными внутренними характеристиками людей, которые иницируют, направляют, поддерживают и прекращают бизнес, и которые выделяют предпринимателей из остального социума.

В 1986 г. Гилад (Gilad) и Левин (Levine) [2] предложили объяснение предпринимательской мотивации как дихотомии двух взаимосвязанных процессов: «выталкивания» и «притяжения». Теория «выталкивания» утверждает, что людей подталкивают к предпринимательству негативные внешние силы, такие как неудовлетворённость характером и содержанием работы, трудности поиска работы, недостаточная зарплата или негибкий рабочий график. Теория «притяжения» утверждает, что людей привлекает предпринимательская деятельность, направленная на достижение независимости, самореализации, богатства и других желаемых результатов. Относительно иерархии «выталкивающих» и «притягивающих» намерений, некоторые исследования [3] показывают, что люди становятся предпринимателями в первую очередь из-за факторов «притяжения», а не «выталкивания».

В исследованиях предпринимательства также предпринимались попытки отдельно выделить ситуативные драйверы предпринимательской активности, такие как смена работы, предыдущий опыт работы, информационные сигналы. Однако проведённые эмпирические исследования показали, что прогнозирование предпринимательской деятельности путем моделирования только ситуативных факторов обычно не приводило к прогностической достоверности.

Экономические взгляды на факторы создания новых предприятий фокусируются на:

- 1) сравнении ожидаемых чистых текущих выгод от предпринимательства по сравнению с ожидаемыми выгодами от наемного труда;
- 2) оценивании полезности или желательности предпринимательской карьеры, анализируя структуру доходов в экономике;

3) восприятию предпринимательской осуществимости, оценивании индивидуальных способностей и отношения к риску;

4) максимизации полезности, которая изменяется в течение жизни человека.

Психологические объяснения предпринимательских намерений принять решение о конкретном курсе действий и приступить к нему фокусируются на:

1) отношении к желательности (привлекательности) нового бизнеса;

2) предполагаемой возможности добиться успеха в качестве предпринимателя, самооценке собственной компетентности;

3) индивидуальной склонности к действиям.

При этом выбор между карьерой самозанятости или работой на других может быть представлен в виде последовательных этапов: 1) сравнение желательности самозанятости с желательностью работы по найму; 2) оценивание наличия необходимых знаний, навыков и способностей выполнять задачи и действия, необходимые, чтобы стать предпринимателем; 3) оценивание готовности принять неотъемлемый риск предпринимательской деятельности.

В статье Шейнберга (Scheinberg) и Макмиллана (Macmillan) [4], основанной на исследовании мотивации для открытия бизнеса в одиннадцати странах, определены причины предпринимательской мотивации для запуска нового бизнеса: «Потребность в одобрении», «Потребность в независимости», «Потребность в личном развитии», «Рост благосостояния», «Воспринимаемая полезность богатства».

Союз украинских предпринимателей представил результаты исследования «Портрет украинского предпринимателя» [5]. Основными мотивами открытия бизнеса в Украине, в соответствии с этим исследованием, являются: самореализация и возможность воплощать собственные идеи (75%), финансовая обеспеченность (74%) и независимость от работодателя (65%). Считают движущими силами своего бизнеса собственную энергию и упорство, гибкость в принятии решений. А основными проблемами бизнеса в Украине - высокую налоговую нагрузку и постоянное изменение «правил игры». Ожидают для своего бизнеса государственной поддержки (кредитование, льготы, гранты).

Global Entrepreneurship Monitor (GEM) на основе обобщения результатов опросов предпринимателей из 50 различных стран выделяет следующие основные мотиваторы предпринимательского поведения: получение высоких доходов; воплощение собственных амбиций относительно позитивных изменений; продолжение семейной традиции; открытие бизнеса, чтобы заработать себе на жизнь вследствие недостаточности рабочих мест [6]. При этом в другом исследовании GEM о необходимости удержания предпринимателей в бизнесе и помощи предпринимателям, связанной с COVID-19, выделены 9 направлений государственного влияния на предпринимательскую активность, которые не вполне коррелируют с вышеназванными мотивами предпринимательства: доступность предпринимательского финансирования; внедрение налоговых режимов, доступных для нового предприятия и простых в администрировании; качественные программы поддержки новых предпринимателей; доступность обучения предпринимательству; доступность исследований и разработок университетов и исследовательских центров; развитость и доступность коммерческой и профессиональной инфраструктуры (например, услуги юристов и бухгалтеров для поддержки нового предприятия); легкость выхода на свободные, открытые и растущие рынки; доступность и адекватность физической инфраструктуры, такой как дороги и Интернет; благоприятный социокультурный контекст для принятия риска [7].

В качестве вывода отметим, что объяснение предпринимательских намерений, на наш взгляд, содействует продвижению общественного восприятия осуществимости и желательности предпринимательства среди важнейших заинтересованных сторон, включая поставщиков, финансистов, государственных чиновников и всего сообщества, а также адекватной правительственной реакции на вызовы для предпринимательства в условиях COVID-19.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. - М. : Прогресс, 1982. 456 с.
2. Gilad B., Levine P. A behavioral model of entrepreneurial supply // Journal of Small Business Management. - 1986. - Vol. 24. - № 4. - Pp. 45-54
3. Segal G., Borgia D., Schoenfeld J. The motivation to become an entrepreneur // International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research. – 2005. – February. - Pp. 42-57.
4. Scheinberg S., Macmillan I.C. An 11 country study of motivations to start a business // Frontiers of Entrepreneurship Research. – 1988. - №8. - Pp. 669-687.
5. Індекс підприємництва в Україні удвічі нижчий за світовий. Дослідження СУП. – 2020. - URL: <https://mmr.ua/show/indeks-pidpriyemnicztva-v-ukrayini-udvichi-nizhchij-za-svitovij-doslidzhennya-sup> (дата обращения 14.10.2020).

6. Global Entrepreneurship Monitor 2019/2020 Global Report. – 2020. - URL: <https://www.gemconsortium.org/report/gem-2019-2020-global-report> (дата обращения 14.10.2020).
7. Ionescu-Somers A., Tarnawa A., Rabbior C. Opinion: «A Crisis Is a Terrible Thing to Waste». 9 Ideas For How Governments Worldwide Can Help Entrepreneurs Recover From The COVID-19 Calamity. - 2020. URL: <https://timesofe.com/opinion-a-crisis-is-a-terrible-thing-to-waste/> (дата обращения 14.10.2020).

УДК 316.334.22+316.324

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «УМНЫХ ГОРОДОВ»

Лебедева Е.В.

*доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью, БГУ
кандидат социологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

В современном мире цифровые технологии относятся к числу приоритетных направлений развития большинства мировых государств. Актуальна эта тема и в Беларуси. Однако становление цифровой экономики, основанной на производстве, распространении и потреблении информации, вызывает крупные социально-экономические сдвиги во всех сферах жизнедеятельности человека. Уже сегодня такие проявления цифровой трансформации, как миниатюризация технических устройств, их интероперабельность (способность взаимодействовать с другими продуктами или системами), увеличение объемов цифровой информации, привели к появлению всеохватывающей сетевой, динамичной инфраструктуры, которая повлияла на образ жизни людей и изменила их отношения не только друг с другом, но и со средой обитания. Среди социальных вызовов цифровой трансформации, как правило, упоминаются цифровое неравенство, а также возросшая потребность в совершенно новых навыках и компетенциях, связанная с внедрением новых технологий в привычные практики повседневной жизни. Менее изучено, однако не менее значимо такое явление, как техностресс – ситуация, когда новые информационные технологии приводят к ухудшению качества жизни.

Представляется очевидным, что к жизни в цифровом обществе нужна специальная адаптация. В природе живые организмы адаптируются, прежде всего, к внешней среде – непосредственным условиям своего существования (учатся маскироваться, переносить высокие или низкие температуры, перемещаться по вертикальным поверхностям и т. п.). Проведя параллель можно предположить, что цифровая городская среда может стать именно тем инструментом, который будет способствовать адаптации к условиям жизни в новом цифровом обществе. Не случайно создание «умных городов» входит в перечень приоритетных задач многих мировых программ цифровизации экономики.

Впервые идеи «умного города» зазвучали в социальных науках в 70-80 х гг. XX ст. Вероятными предпосылками считаются идеи «умного роста», предложенные последователями «нового урбанизма» [1] для поиска решений в ответ на энергетический кризис и негативное влияние экстенсивной экономики на городскую среду, а также представления М. Кастельса об «интеллектуальном городе» (intelligent city) как примере слияния городского пространства и технологий [2]. Широкое употребление термин Smart City приобрёл примерно к середине 1990-х гг. как метафорическое олицетворение тесной связи городской жизни с информационными технологиями. При этом «умными» стали называться города, активно использовавшие новейшие информационно-коммуникационные технологии в сфере электронного правительства или привлекавшие высокотехнологичные отрасли для экономического роста (сектор B2G). Однако на протяжении следующего десятилетия идея «умного города» оставалась лишь теоретическим концептом, прототипом городского планирования. Ситуация изменилась в 2008 г., когда мировой финансовый кризис актуализировал необходимость сделать городское управление «умнее» (smarter). Своеобразной точкой отсчёта в развитии концепции «умный город» можно считать выступление главы компании IBM Сэма Палмисано «Разумная планета: новая цель для мировых лидеров», сделанное им в 2008 г., посвящённое популяризации «умных технологий» в повседневной жизни и получившее широкий общественный резонанс [3].

В дальнейшей эволюции представлений о цифровой трансформации городской среды можно выделить несколько этапов.

1 этап – «Умный город 1.0» (2008–2013 гг.) характеризуется лавинообразным ростом технологических решений, предлагаемых различными IT-компаниями для «умных городов». В данном контексте «умный город» представляет собой концепцию и модель, которая использует новейшее поколение информационных технологий для того, чтобы внедрять «умное» городское планирование,

строительство, а также управление городскими сервисами [4]. При этом «умными» городскими технологиями являются: социальные сети (Social); мобильность (Mobility); аналитика и большие данные (Big data/Analytics); облачные вычисления (Cloud) – SMAC Stack. Позднее к этому перечню стал добавляться также «интернет вещей» (Internet of Things) – SMACi. Первый этап развития концепции «умный город» характеризуется уходом в технократическую сферу, то есть в плоскость используемых цифровых технологий, тогда как социальные аспекты (то как цифровизация городской среды влияет на сознание и поведение горожан, какие изменения она способна вызвать в обществе) отходят на второй план.

2 этап – критика идей «Умного города 1.0» (2014–2015 гг.) является своеобразной реакцией на «технократический оптимизм» предыдущего этапа и поднимает вопросы, касающиеся эффективности и преимуществ используемых в городах «умных» технологий для населения. Критическое осмысление идей умного города представлено работах Энтони Таунсенда «Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии» [5], Адама Гринфилда «Против умного города» [6], Роба Китчина «Этика умных городов и урбанистики» [7]. Ключевая идея заключается в том, что предложенная ранее концепция «умного города» упускает из виду крайне важный аспект – то, как «умная» городская среда взаимодействует с «пользователями» – горожанами. К примеру, Энтони Таунсенд, анализируя взаимосвязь урбанизации и цифровой трансформации городской среды, обращает внимание на то, что драйвером городского развития выступают не только и не столько новые технологии, но городские сообщества и гражданские активисты, их использующие. Информационные технологии в таком ракурсе превращаются из самодостаточной цели, в средство, инструмент построения качественной городской среды, тогда как целями становятся человекоориентированность, инклюзивность и устойчивое развитие. Иными словами, данный этап обозначил необходимость поиска консенсуса между технологической эффективностью цифровых решений для городов и их гуманитарными аспектами.

3 этап – «Умный город 2.0» (2016 – наст. время) акцентирует важность не только самих технологий и разнообразия способов применения умных технологических решений, но и того, как они способствуют достижению целей конкретного города (насколько активно используются жителями, какие социальные эффекты вызывают). Следовательно, цифровизация городской среды должна использоваться, прежде всего, для обеспечения высокого качества жизни в городах, максимального сохранения и приращения человеческого капитала, стимулирования устойчивого экономического развития. С учётом данных принципов происходит переинтерпретация категории «умный город». Он начинает пониматься как «городская территория, которая стала более результативной (efficient) и/или более экологически чистой и/или более социально вовлечённой (inclusive) с помощью (through) использования цифровых технологий. Целью умного города является повышение привлекательности для граждан и/или бизнеса путем увеличения количества (adding) городских сервисов» [8].

При этом, основные технологические решения для «умного» города можно разделить на следующие категории:

1. Транспорт и мобильность – агрегаторы такси, шеринговые сервисы (прокат автомобилей, велосипедов и самокатов), навигационные системы (Navitel, Яндекс.Карты и пр.), электронные паркоматы, «умные» системы парковки.

2. Экология и услуги ЖКХ – сайты и приложения для мониторинга качества воздуха, сервисы для отправки гражданами запросов, касающихся жилищно-коммунальных услуг и городского хозяйства.

3. Здоровье – электронная регистратура (возможность онлайн-записи к врачу, заказ талонов в поликлинику), онлайн-покупка и доставка лекарств, мобильные приложения для занятия фитнесом, бега.

4. Безопасность – система наружного видеонаблюдения, интерактивные карты криминогенной обстановки.

5. Покупки, досуг и развлечения – сервисы доставки, сайты онлайн-покупок, сервисы по онлайн-продаже билетов.

6. Общественная жизнь, гражданская активность, взаимодействие – сообщества в социальных сетях и чат-группы в мессенджерах, краундфандинговые и фандрайзинговые платформы, онлайн-подписание петиций, электронное голосование.

7. Электронные государственные услуги – работа с налоговой отчётностью, выдача различных справок и разрешений.

Таким образом, развитие представлений об «умном» городе можно описать как движение от технократических идей и концепций (технологии для технологий) к социогуманитарной поведенческой парадигме (технологии для людей). Такая трансформация проявляется, во-первых, в развитии новых синтетических концепций, предлагающих интегрированный подход к пониманию

«умного города», основанный на принципах долгосрочного планирования и инклюзивности, повышения эффективности городских процессов, оптимизации использования ресурсов и защиты окружающей среды, улучшения качества жизни граждан; во-вторых, в смещении исследовательских ракурсов на такие показатели, как доступность новых технологий, их влияние на социальный комфорт и социальное самочувствие горожан, развитие цифровых компетенций горожан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Vanolo A. Smartmentality: The smart city as disciplinary strategy // Urban Studies. –2014. –№51. – С. 83-98.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ВШЭ; 2000. – 608 с.
3. Palmisano S. J. A Smarter Planet: The Next Leadership Agenda [Electronic source] - 2018. – URL: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJP_Smarter_Planet.pdf (access date 08.04.2018).
4. Пахомов Е. В. Цифровые технологии умного города. – 2020. - URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2017/4367 (дата обращения 24.06.2020)/
5. Townsend A. Smart cities: Big data, civic hackers, and the quest for a new utopia. - New York: W. W. Norton & Company, 2013. – 384 p.
6. Greenfield A. Against the smart city. – Amazon: Kindle Edition, 2013. – 152 p.
7. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science // Philos Trans A Math Phys Eng Sci. – 2016. – № 374(2083). – С.201-225.
8. Города, управляемые данными/ – 2020. - URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения 24.06.2020).

УДК 316.334:338.48

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Литвякова К.В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

В Республике Беларусь в последние годы прослеживается тенденция к росту сектора туризма. По итогам 2019 года, вклад туристской индустрии в ВВП страны составил 2,2 %. Стоит отметить, что еще 5 лет назад этот показатель составлял лишь 0,5 %. Численность занятых в сфере туризма за 2019 год составила 5,6 % от общей численности занятых в экономике, этот показатель обеспечивает 1544 организации, занятых в сфере туризма (по данным на 2019 год). За 2019 год организации, занятые в сфере туризма, обслужили 2 495 259 посетителей из них 1 213 540 туристов и 1 281 719 экскурсантов [1, с. 6].

Беларусь обладает туристическим потенциалом благодаря наличию ряда преимуществ для развития отрасли. Туристский потенциал представляет собой совокупность природных и историко-культурных объектов и явлений, а также социально-экономических и технологических предпосылок для организации туристской деятельности на определенной территории [2].

Несмотря на отсутствие в Беларуси выхода к морю, Беларусь может похвастаться своими природными ресурсами. На территории республики насчитывается 20800 рек, общей протяженностью 90600 км. Крупнейшие реки, протяженностью более 500 км – Днепр и его притоки Припять, Березина, Сож; Неман и его приток Виляя; Западная Двина [3, с. 14].

В Беларуси имеется 10800 озер и более 9000 болот. Самые крупные озера: Нарочь, Освейское, Червоное, Лукомское, Дривяты. 12% территории Беларуси занимают болотные массивы, представляющие места охоты и сбора ягод, а также уникальные для всего европейского континента объекты экологического туризма. Лесной массив занимает 36% территории страны [3, с. 15].

Важную роль в туризме Беларуси отводится особо охраняемым природным территориям. В стране создан один заповедник – Березинский биосферный, а также 4 национальных парка: Беловежская пуца (включен в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО), Браславские озера, Припятский и Нарочанский. Также стоит отметить, что в Беларуси создано 99 заказников республиканского значения и еще 282 – местного [3, с. 15-16].

Наличие богатых природных ресурсов – основа экологического, спортивного туризма, а также лечебно-оздоровительного. Помимо природных ресурсов, в Беларуси развита санаторно-курортная инфраструктура. По состоянию на 2019 год число санаторно-курортных и оздоровительных

организаций составило 492 единицы, а численность размещенных лиц составила 869,4 тыс. человек [1, с. 23].

Одним из перспективнейших направлений туризма в Беларуси является агроэкотуризм. Ежегодное увеличение количества агроусадоб свидетельствует о позитивных тенденциях в сфере агроэкотуризма. Если число усадоб в 2015 году составило 2263 единиц, а численность туристов – 294,3 тыс., то в 2019 году, количество усадоб насчитывает 2760 единиц, туристов – 514,8 тыс. [1, с. 29].

Несомненно, Беларусь обладает и культурно-историческим потенциалом. В республике находится 3 культурных объекта из 869 Всемирного наследия ЮНЕСКО. К ним относятся Замковый комплекс «Мир», Архитектурно-культурный комплекс бывшей резиденции Радзивиллов в г. Несвиже, Дуга Струве (трансграничный объект, 19 топографических точек которого расположены на территории Беларуси) [3, с. 15]. В стране на текущий момент функционирует 159 музеев, 29 театров, 2674 клубов, 2 цирка и 5 зоопарков. Также в Беларуси достаточно объектов для развития военно-исторического туризма: мемориальный комплекс «Хатынь», Брестская крепость, историко-культурный комплекс «Линия Сталина» и многое другое.

В Беларуси переплетаются религии, что отражено и в храмовой архитектуре, многие из культовых сооружений – абсолютно уникальны, что способствует развитию религиозного туризма. Среди религиозных архитектурных памятников есть объекты, представленные в предварительный Список всемирного наследия ЮНЕСКО:

- Спасо-Преображенская церковь и Софийский собор в Полоцке;
- Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно;
- Свято-Никольский женский монастырь в Могилеве;
- культовые сооружения оборонного типа: костел святого Иоанна Крестителя в деревне Камаи Постаковского района, церковь-крепость Свято-Рождества Богородицы в деревне Мурованка Щучинского района, церковь Святого Михаила в деревне Сынковичи Зельвенского района;
- деревянные церкви Полесья.

Паломники из разных стран, а также туристы, интересующиеся историей и религией, приезжают посетить святыни Беларуси. В Гродно находится единственный в Беларуси музей истории религии [4].

Стоит также отметить возможности безвизового въезда на территорию Республики Беларусь. Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 8 от 9 января 2017 г. «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» (с изменениями и дополнениями вступившими в силу 24 июля 2018 г.) для граждан 74 государств установлен безвизовый порядок въезда в Республику Беларусь, выезда из страны в пункте пропуска через Государственную границу Республики Беларусь «Национальный аэропорт Минск» и временного пребывания на территории Беларуси на срок не более 30 суток.

Указ Президента Республики Беларусь № 300 от 7 августа 2019 г. «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» разрешает временное пребывание в туристических целях на срок до пятнадцати на безвизовой территории «Брест – Гродно» для граждан из 73 государств. Въезд должен быть осуществлен через определенные пропускные пункты Брестской и Гродненской области: автодорожные, железнодорожные и пункты пропуска в аэропортах Бреста и Гродно.

Несомненно, Республика Беларусь имеет потенциал для развития туризма, государство поддерживает это направление. Первая Национальная программа развития туризма в Республике Беларусь была принята в 2004 году. Итогом ее выполнения стал значительный рост экспорта туристических услуг, развитие туристической инфраструктуры в стране, упрощение въездного режима и условий пребывания иностранных граждан на территории Беларуси. Сегодня в Беларуси реализуется ряд госпрограмм, в которых предусмотрены меры и средства по созданию современной инфраструктуры туризма в различных регионах страны. Государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2016 – 2020 годы направлена на формирование и развитие современного конкурентоспособного туристического комплекса, увеличение вклада туризма в развитие национальной экономики [5].

Несмотря на поддержку государство и наличие туристического потенциала, туризм в Беларуси имеет ряд недостатков.

В стране довольно мало внимания уделяется продвижению туристических продуктов на внутреннем и мировом рынках, а также созданию имиджа отдельных регионов и страны в целом.

Белорусская туристическая инфраструктура требует модернизации и расширения. Зачастую у знаковых туристических объектов отсутствуют заведения общепита, гостиницы и т.д.

Несомненным недостатком является дороговизна авиаперелетов, европейский рынок привычен к формату «лоукост», что не свойственно для белорусского авиаперевозчика. Также для развития туризма необходимо расширить географию перелетов.

Для развития туристической отрасли необходимо расширять международные связи и профессиональное партнерство, повышая осведомленность о стране и ее потенциале.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: [буклет]. – Минск: Национальный статистический комитет РБ, 2020. – 31 с.
2. Кусков А. С., Лысикова О. В. Курортология и оздоровительный туризм. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. – 320 с.
3. Туризм в туристические ресурсы в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет РБ, 2019. – 76 с.
4. Религиозный туризм в Беларуси [Электронный ресурс]: Официальный сайт Республики Беларусь. - 2020 – URL: <https://www.belarus.by/ru/travel/religious-tourism-in-belarus> (дата обращения 29.10.2020).
5. Туризм [Электронный ресурс]: Официальный сайт Президента Республики Беларусь. – 2020 – URL: http://president.gov.by/ru/tourism_ru/ (дата обращения 29.10.2020).

УДК 314.7 (476)

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Лукашевич А.А.

*студент, ГрГУ им. Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)*

Мысливец Н.Л.

*заведующий кафедрой социологии и специальных социологических дисциплин, ГрГУ им. Я. Купалы
кандидат социологических наук, доцент
(г. Гродно, Беларусь)*

В последние годы мировое сообщество столкнулось с рядом новых вызовов и угроз, основная причина которых – стремительное нарастание миграционной активности населения. Миграционные процессы влияют на функционирование национальных экономик и мирового хозяйства в целом, на межгосударственные отношения, на демографическую ситуацию, на формирование рынков труда и их сегментацию, на жесткость конкуренции. Приток и отток мигрантов оказывает существенное воздействие на санитарно-эпидемиологическую и экологическую обстановку, на уровень преступности, на межнациональные отношения. Особый исследовательский интерес вызывает миграция высококвалифицированной рабочей силы.

Масштабы миграции в современном глобализирующемся мире и ее последствия привлекают пристальное внимание представителей различных отраслей знания. Цель настоящей статьи: проанализировать опыт изучения миграционных процессов в современной белорусской социологии в период 1990-х – 2000-х годов, выявить и описать приоритетные направления исследований миграционных процессов в работах отечественных авторов.

Социологический анализ миграционных процессов в Республике Беларусь был и остается одним из приоритетных исследовательских направлений в деятельности ученых Института социологии НАН Беларуси, начиная с момента его создания [1]. Результаты многочисленных исследований находят свое отражение в соответствующих научных изданиях. Проводимые учеными исследования позволили раскрыть сущность, особенности и тенденции в развитии миграционных процессов в Беларуси, специфические количественно-качественные изменения, происходящие в XXI в. в различных сферах жизни белорусского общества. Научное изучение и управление миграционными процессами рассматривается в качестве одного из основных компонентов обеспечения системы национальной безопасности Республики Беларусь.

Обращаясь к работам отдельных белорусских ученых, внесших свой вклад в изучение феномена миграции, следует, прежде всего, выделить авторитетного белорусского исследователя М. И. Артюхина [2], ряд работ которого посвящен анализу указанных проблем в Республике Беларусь. Миграция, по мнению ученого, является одной из важнейших проблем народонаселения и рассматривается не только как простое механическое передвижение людей, а как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны политической и социально-экономической жизни.

Одним из приоритетных исследовательских направлений в работах М. И. Артюхина выступает проблема интеллектуальной миграции. Автор констатирует, что при снижении объема интеллектуального миграционного потока из Беларуси наблюдается тенденция к его омоложению. На основе результатов многочисленных социологических исследований объясняются особенности миграционного поведения ученых Беларуси, а также предлагаются меры государственной политики, направленные на улучшение условий их деятельности и социального положения, призванные расширить возможности реализации их творческого потенциала.

Актуальные проблемы трудовой миграции, оценка ее состояния и динамики в различных регионах страны являются предметом внимания С. А. Пушкевича [3]. В работах этого автора представлен анализ тенденций развития процессов внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь за последние годы. Показано, что произошли изменения как в количественном, так и в качественном составе трудовых мигрантов; выявлены и описаны особенности трудовой миграции населения Беларуси: крайне ограниченные возможности учета, чуткое реагирование на изменение социально-экономического положения в Беларуси, преобладание экономических мотивов потенциальной миграции.

И. Н. Шарый [4] в своих исследовательских проектах, посвященных изучению сущности и особенностей миграции научных кадров, осуществляет мониторинг основных тенденций миграции лиц, составляющих научно-технический и интеллектуальный потенциал республики. Особое внимание ученый уделяет изучению исходящей мобильности белорусских студентов. По мнению автора, главным перспективным двигателем международного сотрудничества для белорусских ученых является научное сотрудничество с соотечественниками, которые проживают за рубежом [4].

В работах Л. Е. Тихоновой [5] представлен научный анализ миграционных процессов, а также соответствующих проблем и тенденций, характеризующих современное развитие белорусского общества, рассматриваются особенности миграционного взаимодействия Беларуси со странами СНГ. Вышеизложенное позволило автору описать миграционную привлекательность Республики Беларусь в рамках мирового сообщества и общемировых тенденций.

Предметом изучения Е. В. Масленковой [6] является организационно-экономический механизм регулирования процессов внешней трудовой миграции. В своих научных работах она выявляет особенности развития процессов экспорта и импорта рабочей силы на современном этапе, дает оценку эффективности сложившейся системы государственного регулирования процессов внешней трудовой миграции в Республике Беларусь, и, что особенно важно, предлагает собственный авторский подход к регулированию процессов миграции в стране в целях удовлетворения потребностей ее социально-экономического и демографического развития с учетом необходимости защиты прав трудящихся-мигрантов.

В научных публикациях Т. А. Антоновой [7] и П. П. Димитрука [8] предметом исследования является состояние и основные тенденции внутривнутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь: приведены данные о миграционных перемещениях населения по каждому региону Беларуси, описаны основные меры государственного регулирования миграционных процессов и разработаны соответствующие рекомендации.

Проблема миграции, в том числе незаконной, исследовалась в работах советского и белорусского демографа, доктора социологических наук Л. П. Шахотько [9]. Предметом ее научных интересов было изучение особенностей миграционного движения населения Республики Беларусь, анализ состояния миграционного учета в стране после изменения системы прописки на регистрацию по месту жительства и месту пребывания. Особое внимание Л. П. Шахотько уделяла составлению качественной информационной базы о миграционном движении населения, оценке первичных источников информации о мигрантах, качеству их приема и обработки, а также степени достоверности получаемых на их основе данных. В работах исследователя был представлен ряд рекомендаций по совершенствованию системы учета граждан, в том числе по обмену данными между странами СНГ. Интерес к изучению незаконных миграционных перемещений в своих работах демонстрировали также белорусские социологи О. И. Бахур и Л. А. Васильева.

Социологическому анализу особенностей социокультурной адаптации армянской национальной диаспоры и ее интеграции в белорусское общество посвящен ряд работ Н. С. Аветян [10] Опираясь на широкую историческую и социологическую базу, исследователь определяет причины и особенности миграции армян в принимающее сообщество Республики Беларусь, устанавливает основные используемые ресурсы, выступающие показателями эффективности процесса адаптации и интеграции армян-мигрантов, а также дает оценку реальному состоянию адаптационных процессов, вызванных миграционными перемещениями.

Таким образом, в работах отечественных социологов представлен широкий спектр проблем, связанных с рассмотрением миграционной ситуации в стране и в мире. Вместе с тем, проблема миграции по-прежнему остается одной из наиболее актуальных исследовательских тем, дальнейшее изучение которой будет способствовать минимизации миграционных рисков и угроз и обеспечению благоприятных условий развития белорусского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов Е. М. Стратификационная трансформация современной Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 362 с.
2. Артюхин М. И., Лисовская И.А., Зайцев А.В. Внешняя миграция населения Беларуси // Наука и инновации: научно-практический журнал – 2008. – № 12 (70). – С. 58–62.
3. Пушкевич С. А. Основные тенденции развития внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь // Иппокрена. – 2017. – №1(30). – С. 158-167.
4. Шарый И. Н., Артюхин М. И. Интеллектуальная миграция в Беларуси: состояние и тенденции развития // Белорусская наука в условиях модернизации: социологический анализ / М. И. Артюхин [и др.]; науч. ред. М. И. Артюхин. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 120–126.
5. Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран / Гл. ред. С. В. Рязанцев. — Минск : Альтиора Форте, 2017. — 301 с.
6. Масленкова Е. В., Тихонова Л.Е. Механизмы взаимодействия миграционной политики и политики занятости в современных экономических условиях // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: цели, приоритеты, механизмы структурных преобразований.: материалы докладов Межд. научно-практич. конф. – Витебск: ВГТУ, 2011. – С.195–198.
7. Антонова, Т. А. Гендерные особенности внутривнутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь в региональном разрезе: анализ по итогам 2009-2011 гг. // Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации (к 100-летию со дня рождения профессора Н. Т. Романовского) = Geographical sciences in realization of sustainable development strategy in globalizing world (to the 100th anniversary of Professor N.T. Romanovskij): материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25–28 окт. 2012 г., Минск, Беларусь / редкол.: И. И. Пирожник (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 139-141.
8. Димитрук П. П. Внутривнутриреспубликанская миграция населения Беларуси // Известия Нац. акад. наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2012. – №2. – С. 19-25.
9. Шахотько Л. П. Модель демографического развития Республики Беларусь. – Минск: Беларуская навука, 2009. – 439 с.
10. Аветян Н. С. Социальная и культурная адаптация и интеграция армянской диаспоры в белорусское общество: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Н. С. Аветян ; Ин-т социологии НАН Беларуси. - Минск, 2019. – 21 с.

УДК 316(075.8)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Лученкова Е.С.

*доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ВГТУ
кандидат исторических наук, доцент
(г. Витебск, Беларусь)*

Политическая социология является частью мировой обществоведческой науки. Если обратиться к истории политической социологии, то можно говорить, что она появилась в 20-е годы XX века и связана с именем русско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина. В науке «социология» он выделил 4 важнейших раздела. 1. Общее учение об обществе. Сюда входят: определение общества, описание его основных черт, анализ процесса взаимодействия, формулировка основных социальных законов, характеристика социологических направлений. 2. Социальная механика. Этот раздел П. Сорокин называет главным. Сюда входит изучение закономерностей, проявляющихся в общественных явлениях. 3. Социальная генетика. Рассматривается учение о происхождении и развитии общества, его институтов, показываются исторические тенденции их развития. 4. Социальная политика. Это практический, прикладной раздел, задачами которого являются «формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни и человека. Иначе социальную политику можно назвать социальной медициной или учением о счастье» [1, с. 30].

В 20-е годы XX века западная социология начинает разветвляться на отдельные научные дисциплины. Появляются такие отраслевые направления, как общая социология, которая дает методологию социальных исследований, социология промышленного производства, социология права, социология языка, социология отдельных систем и стран и др.

Как одно из направлений в эти года стала формироваться и политическая социология. Как любая научная дисциплина политическая социология имеет свой объект и предмет исследования. Объектом политической социологии выступают социально-политические отношения. К ним можно отнести всю совокупность проблем, связанных с социально-политическими отношениями, сознанием, культурой, деятельностью, законами их функционирования и изменения.

Предметом политической социологии является политика через её взаимодействие со всеми относительно автономными сферами жизни – экономической, социальной, политической и духовной. Эта наука рассматривает политику «в перспективе анализа социальной структуры и неформальных социальных институтов, общественного мнения и поведения, всего комплекса социально-политических процессов, норм и отношений, через исследование личности и малых групп во всем многообразии их психологических и социокультурных характеристик» [2, с. 267]. Отсюда можно сделать вывод, что предметом политической социологии являются законы взаимодействия всех структур и сфер жизнедеятельности общества с политикой, социально-политические потребности, интересы, деятельность личностей, социальных групп, их организаций, движений, институтов.

Политическая социология как любая другая наука оперирует законами. Для политической социологии характерна следующая типология законов:

1. Законы функционирования социально-политической жизни. К этой группе относятся законы социально-политической жизнедеятельности, способов её организации. Например, закон разделения властей, закон консенсуса различных политических сил, закон реализации общих интересов и т. д.

2. Законы развития социально-политической жизни. Законы развития – это законы перехода из одного состояния социально-политической жизни к другому, законы качественных изменений. Они раскрывают причинные связи социально-политических явлений, направляют факторы и формы изменений. Например, политическая борьба, общественно-политические движения и т. д.

Как самостоятельное научное направление социально-политическая социология имеет свой категориальный аппарат. Категории политической социологии подразделяются на две группы.

1. Категории функционирования политической жизни. К ним можно отнести: политический процесс, политическая культура, системы власти, забастовки, митинги и т. д.

Категории развития: борьба за власть, реформа, политизированная личность и т. д.

В арсенале политической социологии имеется и своя методологическая база. База данной науки является мультипарадигматической, что означает использование многих методов исследования. Например, из диалектико-материалистического метода используется конкретно-исторический подход рассмотрения социально-политических событий в развитии, изменении и т. д. Из бихевиористского метода – способы изучения социально-политических явлений путем анализа поведения индивидов и групп при исполнении ими социально-политических ролей.

Широко используются общенаучные и междисциплинарные методы. Такие как: анализ и синтез; абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному; сочетание логического и исторического анализа; моделирование; математические методы.

В ряду методов исследования особое место принадлежит эмпирическим методам, конкретно-социологическим исследованиям, а именно – использование статистических данных, анализ документов, анкетный опрос, лабораторные эксперименты, наблюдение поведения людей в экстремальных ситуациях и т. д.

Все вышеизложенное дает возможность рассматривать политическую социологию как комплексную науку социального знания. Она возникла на стыке смежных наук, таких как общая социология, юридические науки, социальная психология, философия, экономические и исторические науки. Однако это не лишает политическую социологию собственного предмета исследования. Политическая социология в целом изучает четыре уровня социально-политических отношений. 1. Общий политико-социологический уровень изучает общие законы функционирования социально-политических систем, политической деятельности, взятых в их целостности. 2. Страноведческий уровень, описывает и анализирует социально-политические отношения отдельных стран. 3. Процессуальный уровень, ориентирует на изучение отдельных социально-политических процессов и видов политической деятельности. 4. Аналитический уровень конкретных социологических исследований, выявления и анализа общественного мнения.

Политическая социология как отрасль современного социального знания имеет свои функции:

1. Мироззренческая функция – внедрение нового политического мышления в сознание каждого человека. В контексте данной функции необходимо глубокое осознание таких принципов, как приоритет общечеловеческих ценностей, отрицание насилия как формы социальных отношений, признание за человеком свободы социального и политического выбора и т. д.

2. Воспитательная функция. Политическая социология является одним из важных компонентов образования и воспитания. Так как, политическая социология оказывает влияние на процесс распространения политических идей и идеалов, политических норм и обычаев, политической информации и знаний.

3. Практико-политическая функция. В системе социально-политических наук политическая социология наиболее приближена к реальной практике.

Выводы и рекомендации политической социологии имеют непосредственный выход в практику.

Роль политической социологии в условиях повседневности будет возрастать, так как этому способствуют многие факторы:

1. Новые структурные изменения в системе власти;

2. Рост числа объектов и субъектов политических отношений и усложнения их содержания и структуры.

3. Необходимость формирования политической культуры личности и общественных групп.

4. Повышение роли личности в политике, в выполнении гражданских обязанностей.

5. Модификация отношений в процессе взаимодействия с властью.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что нынешнее состояние политической социологии является доказательством в пользу выделения её в особую междисциплинарную область социального знания, рассматривающей социальный уровень общей социологии. Этот уровень объединяет направления и проблемы общей социологии и проблемы политологии с проблематикой политической психологии. Так как политическая социология описывает и объединяет социально-политический процесс, прогнозируя тенденции его развития, показывая роль личности в нём, способствует выработке политических знаний, мышления, культуры, подготавливает человека к выполнению ответственных обязанностей гражданина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов : Пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
2. Современная западная социология : Словарь-справочник. М.: Политиздат, 1990. – С. 267.

УДК 316.013

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЭФФЕКТИВНОГО КОНТРАКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Максимук Е.Г.

*магистрант, ГрГУ им. Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)*

Система управления персоналом в любой области требует рационального применения способностей, сил и знаний индивидов в конкретных условиях функционирующих институтов и организаций. Так, к примеру, в Российской Федерации (далее – РФ) для бюджетного сектора экономики и в Республике Беларусь (далее – РБ) на базе конкретных университетов работают схожие системы стимулирования деятельности преподавателей. В РФ это эффективный контракт, который представляет собой трудовой договор с работником, где конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда; в РБ действует рейтинговая система оценки деятельности преподавателя, которая является средством стимулирования работы преподавателей на основе присвоения баллов по различным направлениям деятельности университета. Системы помогают определять результативность работы, и в них должны быть поставлены четкие критерии, согласно которым в дальнейшем будет осуществляться конечный итог деятельности работника. «Эффективный контракт» определяется как «трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности

деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки» [1].

Эффективный контракт предусматривает, что преподаватель сможет реализовать свои знания и умения, которыми он владеет и которые соответствуют требованиям, предъявляемым к преподавателю, осуществлять исследовательскую деятельность, поддерживать общение с коллегами и студентами, вести занятия и давать консультации студентам, а также свободно, рационально принимать решения в организации своей собственной работы. При этом вознаграждение должно быть таким, чтобы человек, который выбрал академическую карьеру, смог свободно пользоваться как материальными, так и культурными благами, чтобы он смог обеспечивать свою семью на том уровне, котором считает удовлетворительным сам. Также за пределами и в самом университете необходимо ввести профессиональные сообщества ученых и креативных практиков, – все это поможет оценивать качество научной и преподавательской работы коллег в конкретной предметной области [2, с. 16-18].

В РБ в таких учреждениях высшего образования, как Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (далее – ГрГУ им. Янки Купалы), Гродненский государственный медицинский университет, Белорусский государственный университет, Международный университет МИТСО, существует рейтинговая система оценки деятельности преподавателя. «Рейтинг – классификация деятельности работника из числа профессорско-преподавательского состава, отражающая его результативность и вклад в достижение стратегических целей университета в сравнении с другими работниками» [3].

Главной целью введения рейтинговой системы для профессорско-преподавательского состава является: 1) осуществление целей и задач Стратегии ГрГУ им. Янки Купалы на 2016-2020 года; 2) способствование выполнению государственных требований к уровню квалификации и деятельности профессорско-преподавательского состава; 3) на основе формирования в ГрГУ им. Янки Купалы мотивационно-стимулирующей среды роста профессиональной квалификации и развития творческой инициативы педагогических работников совершенствовать кадровое обеспечение учебного, воспитательного и научного процессов; 4) для постановки путей повышения эффективности научно-исследовательской, учебной и воспитательной деятельности преподавателей развивать инструменты объективной оценки и самооценки уровня исполнения профессиональных обязанностей; 5) стимулирование тех видов деятельности, которые соответствуют приоритетным направлениям развития университета и способствуют улучшению имиджа университета в целом. В университете ведется, кроме индивидуального рейтинга, также и рейтинг кафедр. Что касается индивидуального рейтинга преподавателей, то здесь участвуют штатные работники ГрГУ им. Янки Купалы из числа профессорско-преподавательского состава (не включают преподавателей, которые работают на условиях совместительства). Ежегодно на основании рейтинговой оценки деятельности преподавателя за предыдущий календарный год работнику присваивается индивидуальный рейтинговый индекс. Для присвоения подобного индекса в основу ставится классификация рейтинговых оценок профессорско-преподавательского состава.

Обе системы регламентированы рядом нормативных документов, на основе которых реализуется их работа и действие. Преподаватели, по сути, самостоятельно делают выбор в русле какого направления они будут работать в большей степени, и исходя из этого результат становится наиболее эффективным. В соответствии с данными системами, оплата производится согласно результатам труда (в конце по результатам деятельности преподавателя осуществляются выплаты).

В заключении сформулируем следующие выводы:

1. В РФ система «эффективного контракта» вводится по всей стране, что предполагает ее наличие в каждом университете, при том, что у системы есть лишь типология такого контракта, а особенности отдельных учебных заведений не учитываются.

2. В РБ рейтинговая система оценки деятельности преподавателя вводится в отдельных университетах и имеет свои особенности в каждом отдельном учреждении высшего образования.

3. Система «эффективного контракта» в РФ и рейтинговая система оценки деятельности преподавателя в РБ позволяют организовать работу персонала в соответствии с целями и предметом деятельности конкретного университета.

4. Согласно данным системам, вознаграждение должно соответствовать результатам деятельности работника, при этом повышается эффективность его результатов деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации, 26 нояб. 2012 г., № 2190-р // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ / Правительство России. – 2019. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70169234/> (дата обращения 02.03.2019).
2. Контракты в академическом мире / Сост. и науч. ред. М. М. Юдкевич. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 392 с.

УДК 314/316

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ COVID-19 НА ОБЩЕСТВО (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Миклашевич В.В.
аспирант, БГУ
(г. Минск, Беларусь)

Коронавирусная инфекция – одна из самых главных проблем 21-го века, которая касается каждого человека в той или иной степени. Коронавирусом SARS-CoV-2 обусловлена продолжающаяся пандемия COVID-19. В январе 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку эпидемии, связанной с SARS-CoV-2, чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения международного значения, а в марте 2020 года охарактеризовала принявшее мировой масштаб распространение болезни как пандемию [2].

По данным Всемирной организации здравоохранения, на 30 сентября 2020 с начала эпидемии коронавируса в мире инфицировано 34 157 176 человек, при этом 1 017 129 умерли, а 23 873 100 человек выздоровели. 21 апреля цифры были следующими: 2 522 378 человек инфицированы, при этом 174 289 человек умерли, а 663 576 человек выздоровели [2]. Что касается Республики Беларусь, то, по данным Минздрава Беларуси на 30 сентября, за все время в стране зарегистрировано 79 019 случаев, 839 человек умерли [1].

В Беларуси настроение населения было изучено маркетинговой компанией «SATIO» – «*Как жители Беларуси реагируют на коронавирус?*». Все данные, приведенные в отчёте, основаны на профессиональном социологическом исследовании. Было опрошено 1002 человека: выборка репрезентативная, то есть пропорциональная населению в Беларуси в возрасте от 18 до 64 лет по полу, возрасту и региону. Методология исследования – Online-опрос (CAWI) [3]. Исследование проходило в два этапа: первый этап проводился в 26-27 марта 2020 года, а второй – 22-24 апреля 2020-го года. Отчёт отражает срез постоянно изменяющегося общественного мнения, основанный на информации, доступной на момент проведения двух волн исследований. Основные выводы данного исследования:

1. Белорусы остаются пессимистичными:

- Треть респондентов считает, что распространение вируса закончится только к концу года, и даже те, кто оптимистично настроен, не ожидают улучшения ситуации раньше, чем через 1-2 месяца
- Страх, что медицинская система не справится, остается сильным
- С увеличением числа зараженных пессимизм может расти: люди, у которых есть близкие в зоне риска, склонны гораздо хуже оценивать перспективы как эпидемии, так и экономической ситуации.

2. На первом месте – беспокойство об экономике:

- Белорусы более пессимистичны, чем граждане других пострадавших стран относительно вопроса восстановления экономики: 90% не ожидает оживления ранее, чем через полгода
- Больше всего люди боятся падения доходов, причем более половины уже почувствовали их снижение: сильнее всех – занятые в сфере обслуживания
- Население замечает кризисные явления и чувствует их на себе (от роста цен до необходимости экономить, а у каждого пятого есть знакомый, потерявший работу).

3. Люди стали принимать больше мер сами и ждут более активных действий со стороны государства:

- Люди стали чаще социально дистанцироваться, каждый второй стали носить маску, некоторые отказались от посещения магазинов
- Белорусы ожидают поддержки государства по отношению к работодателям вне зависимости от их формы собственности
- Большинство склоняется к необходимости ограничения социальных контактов вместо выработки «коллективного иммунитета»
- Главные меры, которые ждут люди – запрет общественных мероприятий и лучшее информирование о распространении вируса [3].

Группой учёных из 12 стран было проведено Международное социологическое исследования коронавируса [1]. Статья, написанная коллективом авторов, называется «*Мировые модели поведения и восприятия в период пандемии COVID-19*». «Мы провели масштабное исследование, охватывающее 58 стран и более 100 000 респондентов, в период с конца марта до начала апреля 2020 года для изучения убеждений и взглядов граждан и правительств на пандемию COVID-19», – говорят в начале статьи авторы исследования [5]. Большинство респондентов предприняли решительные меры в сложившейся ситуации: они рассказали, что придерживаются социального дистанцирования и правил гигиены, а также убеждены, что такие кардинальные политические меры, как закрытие магазинов и комендантский час, – необходимы. Более того, они считают, что правительство и граждане их стран не предпринимают достаточных мер и недооценивают степень поддержки другой частью населения жёстких поведенческих и политических ответных мер на пандемию. Слабое правительство и общественный резонанс ведут к более высокому уровню беспокойства и депрессии. Используя данные как межстранового, так и событийного анализа, мы дополнительно демонстрируем, что решительные правительственные меры борются с заблуждениями и снижают уровень беспокойства и депрессии [1]. Результаты исследования показывают, что политики должны думать не только о том, как их решения влияют на распространение COVID-19, но и об их влиянии на психическое здоровье населения.

Результаты Международного социологического исследования показывают, что люди во всем мире решительно реагируют на пандемию COVID-19 как с точки зрения их собственного поведения, так и с точки зрения того, как их сограждане должны реагировать на кризис. Наш анализ также показывает, что большинство респондентов считают, что их правительства и сограждане не делают достаточно, что усиливает их беспокойство и уровень депрессии. Тем не менее, решительные действия со стороны политиков, мы находим, что имеем возможность изменять то, как люди воспринимают свои правительства и других граждан, и в свою очередь улучшить психическое здоровье. Поскольку правительства во всем мире спорят, следует ли продлить или ослабление ограничений, наши выводы показывают, что политики не только должны учитывать, как их решения влияют на распространение COVID-19, а также на то, как такой выбор влияет на психическое здоровье их населения [4].

Подводя итоги, следует сказать, что пандемия коронавирусной инфекции затронула многих жителей планеты: мировую экономику ожидает рецессия, многие отрасли экономики (авиация, добыча нефти) находятся в кризисе, миллионы людей потеряли работу. Как мы видим из результатов социологических исследований, доходы людей уменьшились, а настроение ухудшилось – люди готовятся к худшим временам. Политикам и государству нужно принимать значительные меры по поддержке населения, потому что не так страшен коронавирус, как его экономические последствия, к тому же следует уделять внимание психическому здоровью общества. Что касается Республики Беларусь, то люди продолжают «добровольный карантин» и отвечают на кризис самоизоляцией и регуляцией своих доходов – готовятся к худшему. Нерешительный ответ государства компенсирует бизнес: в активности, посвящённой борьбе с COVID-19 вовлечены уже более 160 частных компаний. Считается, что вторая волна Коронавирусной инфекции пройдёт легче, чем первая, потому что люди уже социально адаптированы к пандемии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Fetzer T., Witte M., Hensel L., Jachimowicz J.M., Haushofer J., Ivchenko A., Caria S., Reutskaja E., Roth C., Fiorin S., Gomez M., Kraft-Todd G., Goetz F.M., Yoeli E. Global Behaviors and Perceptions in the COVID-19 Pandemic [Electronic source]. – 2020. - URL: <https://psyarxiv.com/3kfmh> (дата обращения 21.09.2020).
2. ВОЗ объявила пандемию коронавируса [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения 21.04.2020).
3. Как жители Беларуси реагируют на коронавирус (Отчёт по результатам социологического исследования компании “SATIO”) [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: https://drive.google.com/file/d/15G8ag1bZlffwgg_M8VXhv_FldcPb8vl6x/view?fbclid=IwAR2-qKRGGAac7TgKXp2TobISRjg1C8ulY5ORaqgxc_FFEecwujDHovts790 (дата обращения 21.04.2020).

4. Международное социологическое исследование коронавируса [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://covid19-survey.org/results.html> (дата обращения 21.09.2020).

5. Мировой анализ COVID-19 [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (дата обращения 30.09.2020).

УДК 316.346.32 - 053.6 (476)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (БССР, 1920-Е ГОДЫ)

Мусина Н.Е.

*доцент кафедры социально-гуманитарных наук, ВГМУ
кандидат исторических наук, доцент
(г. Витебск, Беларусь)*

Для наиболее адекватной разработки и эффективной реализации государственной молодежной политики в настоящем и перспективе необходим научный подход, включающий как философско-социологические знания, связанные с осознанием роли молодежи в современном обществе, ее проблем, интересов, ценностных ориентаций и т.п., так и исторический опыт, основанный на изучении и критическом осмыслении молодежной политики, вопросов молодежного движения прошлых лет и пр. Подобный опыт позволяет учесть и достижения, и недостатки в проведении политики по отношению к молодому поколению, оценить ее соответствие потребностям общества и самой молодежи, глубже понять все сложности и противоречия, обусловленные различными факторами. При этом важно понять, что из прошлого опыта может быть полезно, а что требует переосмысления. Обращаясь в данной статье к историческим аспектам политики государства по отношению к молодежи, хотелось бы обратить внимание на такие источники, как результаты социологических исследований (или «социальных обследований», как часто они именовались в 1920-е годы) различных аспектов жизни молодых людей. Их ценность заключается в том, что позволяют представить не только реальное положение молодых людей в ту сложную историческую эпоху, но и проследить отражение проводимой советским государством политики по отношению к молодому поколению через призму их восприятия и поведения в условиях советской Беларуси.

История государственной молодежной политики Республики Беларусь связана с Советским Союзом, в составе которого наша республика находилась. 1920-е годы – это период становления молодежной политики, осуществляемой в контексте проводимых советским государством революционных преобразований. Основные направления этой политики вырабатывались в центре, однако глубина и конечные результаты ее реализации определялись степенью их восприятия и адаптации на местах, в регионах. Для Советской власти необходимость знаний о различных сторонах жизни молодого поколения, его потребностях, ценностных ориентациях диктовалась задачами социалистического строительства и активного, сознательного включения в этот процесс молодежи, воспитанной в духе новых идеалов. Вопросам идейно-политического воспитания, коммунистической «переделки» подрастающих поколений уделялось большое внимание практически с первых лет существования советского государства. По сути, этим целям и задачам была подчинена вся молодежная политика, ее основные направления - образование, трудоустройство, общественная активность, сферы семьи, быта и досуга.

В первые годы Советской власти довольно широко проводились эмпирические исследования различных аспектов жизни молодежи как в центральных российских городах и областях, так и в отдельных национальных республиках, в том числе в Беларуси. Результаты исследований обсуждались в печати. В нашей республике именно на эти годы приходится начало социологии, ее первого этапа развития, предопределившего постепенный и непростой путь включения отечественной науки в общее русло мировой социологической мысли [1]. Необходимость изучения молодежи во многом объяснялась идеологическими установками Советской власти по формированию «нового человека», идеал которого приобрел вполне определенные черты. Общий уровень теоретического анализа многих молодежных проблем все же был недостаточно высок. И не все исследователи были собственно социологами. Этим объясняется некорректность постановки некоторых вопросов, неумение порой теоретически интерпретировать собранный эмпирический материал. В данном случае, какими бы идеологическими установками не руководствовались авторы этих исследований, их результаты являются достаточно ценными.

В контексте обозначенной темы хотелось бы отметить работы известного в 1920-е годы обществоведа С.Я. Вольфсона. Так, например, в «Социологии брака и семьи (Опыт введения в марксистскую генеомию)», изданной в Минске в 1929 г., автор, следуя основным идеологическим установкам партийно-государственного руководства, все же попытался выявить проблемы, противоречия в сфере взаимоотношения полов и семейно-брачных связей. Как о негативных тенденциях он говорил о «сексуальном анархизме», «дикой половой разнузданности» среди молодежи, проституции и прочих явлениях. Их он связывал с трудностями «переходной эпохи» от капитализма к социализму, «трансформацией» семейно-брачной организации [2, с. 381, 440]. Ценным в его работе является использование стенографических отчетов заседаний ВЦИК, статистических данных. Так, на основе сведений ЦСУ БССР о количестве заключенных браков и разводов за несколько лет, С.Я. Вольфсон наглядно демонстрирует проявляющиеся тенденции в этой сфере.

В 1927 году в Минске вышла коллективная монография «Рабочая молодежь Белоруссии. Численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние», подготовленная коллективом преподавателей БГУ во главе с Б.Я. Смулевичем [3]. Авторы помимо подробного исследования положения рабочей молодежи Беларуси обращают внимание на выявленные острые проблемы и тенденции, требующие незамедлительного вмешательства и решения, а также проводят сравнительный анализ положения рабочей молодежи и подростков БССР с другими странами. Авторами проделана огромная, кропотливая работа. Ее результаты представляют картину реального положения определенной категории молодежи - рабочей.

Представление о белорусской студенческой молодежи, ее образе жизни, мотивах поведения, культурных запросах и предпочтениях, идеологических, политических взглядах и других ментальных установках можно составить благодаря исследованию, проведенному под руководством П.Я. Панкевича [4]. Приведенные результаты дают достаточно полное представление о том, «які ж наш беларускі студэнт?» 1920-х годов, существенно дополняя социальный портрет еще не столь многочисленной на тот момент категории молодежи – студенческой. Респондентами выступили студенты Белорусского государственного университета, Коммунистического университета и Белорусской сельскохозяйственной академии. В публикации о результатах проведенного исследования отмечались как достижения, так и некоторые негативные (с точки зрения официальных установок того времени) явления, вскрытые в этой среде.

Хотелось бы отметить еще одно исследование, проведенное в 1928 г. комиссией ЦК ЛКСМБ совместно с редакцией газеты «Чырвоная змена» [5]. «Обследовались» производственные ячейки Борисовской организации ЛКСМБ. Материалы его представлены на 233 листах, в том числе содержатся анкеты 124 человек. Проводилось оно, по всей видимости, не социологами, но по характеру сформулированных вопросов, по методам, содержанию данное исследование вполне можно охарактеризовать как социологическое. Ценность этих материалов заключается в том, что они отражают настроения молодых людей, их отношение к происходящим в стране событиям, комсомолу, характер взаимоотношений в коллективе и пр. Ответы респондентов позволяют представить картину жизненного мира молодежи тех лет, самих молодых людей во всем многообразии их взглядов, установок, мотивов и моделей поведения. Выявленные исследователями типичные черты и признаки позволили сделать вывод о существовании различных типов рабочей молодежи в комсомольской среде («активист», «отсталый», «отрицательный тип комсомольца» и т.п.).

Итак, изучение истории государственной молодежной политики только через призму официальных документов было бы неполным без рассмотрения результата этой политики – самих молодых людей с их проблемами, переживаниями, настроениями. Эту картину наиболее полно помогают воссоздать результаты социологических исследований, проводимых в предшествующие годы. В 1920-е годы в Беларуси они проводились широко и активно. Ценным является и то, что изучались различные категории молодежи. Недостаток теоретической интерпретации собранного материала во многом компенсировался энтузиазмом исследователей, в числе которых были не только социологи, но и психологи, педагоги, врачи, партийные и комсомольские работники. В любом случае все эти исследования закладывали основы научного подхода к изучению молодежи и служат важнейшим источником изучения государственной молодежной политики в историческом аспекте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Данилов А.Н. Социология в Беларуси: история и особенности развития. [Электронный ресурс] - 2020. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/14432/1/13-22pdf.pdf> (дата обращения 04.10.2020).
2. Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи (Опыт введения в марксистскую генеомию). – Минск: Бел. гос. ун-т, 1929. – 464 с.

3. Дихтяр С.Р., Смулевич Б.Я., Эйнгорн Д.Л. Рабочая молодежь Белоруссии: численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние (по материалам медико-санитарного обследования 1925 г.). – Минск: Бел. мед. думка, 1926. – 156 с.
4. Панкевіч П. Які ж наш беларускі студэнт? // Асьвета. – 1928. – № 4. – С. 20–37.
5. Материалы комиссии ЦК ЛКСМБ и редакции газеты «Чырвоная змена» по обследованию производственных ячеек Борисовской организации ЛКСМБ (октябрь-ноябрь 1928 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 1-М. - Оп. 23. - Д. 830.

УДК 316.663.2

РОЛЬ СМИ В ПРОФИЛАКТИКЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Новицкая Т.В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Новицкий Е.Н.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Самоубийство, как социальное явление, выступает серьезной проблемой в сфере демографической безопасности в любом государстве. Одной из задач в сфере государственной политики должна выступать задача по превентивным мерам распространения суицидального поведения среди всех групп населения. В данном контексте, под суицидальным поведением понимаются всевозможные проявления суицидальной активности: мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки покушения на собственную жизнь, предложения совершить совместное самоубийство, распространение и навязывание информации о самоубийствах и смерти. Предотвращение самоубийств не получает достаточного внимания из-за отсутствия понимания того, что самоубийства являются крупной проблемой общественного здравоохранения, и что во многих сообществах существует табу на открытое обсуждение этой проблемы. На сегодняшний день немногие страны включили предотвращение самоубийств в число своих приоритетов здравоохранения, и лишь 38 стран сообщили о наличии национальной стратегии по предотвращению самоубийств, в том числе и Беларусь. По результатам анализа ВОЗ, эффективность профилактических мероприятий по распространению самоубийств в обществе достигает своего максимального значения через 4-5 лет после их начала [1]. В Республике Беларусь реализуется «Комплекс мер по профилактике суицидального поведения населения Республики Беларусь на 2015 – 2019 годы», как мера снижения смертности от внешних причин, которые включены в Государственную программу «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016 – 2020 годы [2].

В настоящее время одним из наиболее распространенных факторов регулирования и влияния во всех жизненных сферах современного общества носит информационное поле. Поскольку средства массовой информации как социальный институт имеют статус формального источника новостей, пользуясь высоким уровнем доверия широкой аудитории, от них ожидается получение достоверной оценочной информации. Такого рода информация склонна формировать общественное сознание. Манипуляция общественным сознанием через публикации может как создавать новые идеи, так и разрушать их. Подробное освещение в прессе достоверной информации о самоубийствах может оказывать влияние на суицидальное поведение населения. Оно способно сформировать реалистичные представления о проблеме, способствовать распространению просветительской информации об основных признаках суицидального поведения и многом другом. С другой стороны, достаточно высок риск негативного влияния подобного рода информации через СМИ. Особенно осторожно следует преподносить информацию в течение первых тридцати дней с момента фиксирования факта самоубийства или его попытки. Поскольку с увеличением показателей, пропорциональных степени публичности: когда предоставляются подробности о методе, особенно если суицидент был знаменитостью, а само самоубийство было романтизировано, а не зарегистрировано в связи с психическими заболеваниями или неблагоприятными последствиями для родных, возрастает степень привлекательности суицидального поведения.

Чаще всего в стороне внимания среди публикаций о самоубийствах – социальное неравенство как основной решающий фактор, а также набор факторов риска на уровне отдельных районов (порой соседствующих), где статистика завершённых самоубийств отличается на порядок. Распространяемая

тема экономического кризиса и социальной нестабильности общества, усиливающегося социального неравенства населения затрудняет социализацию личности и замедляет достижение социальной успешности. Резкое изменение привычного уклада жизни нередко приводит к затруднениям в адаптации к новым социальным условиям и выработке адекватных ситуации поведенческих стереотипов, что обуславливает социальную дезадаптацию, повышает уровень невротизации, увеличивая число дезадаптивных реакций, и проявлению форм суицидального поведения. В первую очередь к распространению такого рода информации более восприимчивы молодые люди и люди пожилого возраста. Данные группы населения могут реагировать социальной отчужденностью, деструктивным поведением, в том числе суицидальным.

Информационное обеспечение в Комплексе мер по профилактике суицидального поведения в Республике Беларусь идет пятым пунктом и содержит 9 позиций с рекомендациями по распространению информации о самоубийствах в СМИ. Однако у такой системы следования принятым нормам есть обратная сторона: представители СМИ, подобные установленным рекомендациям направления, могут воспринимать в качестве средств ограничения свободы слова. [2]

Повсеместное использование сети Интернет для получения информации, общения, самореализации, работы выступает показателем информационной мобильности индивида. Под информационной мобильностью в данном контексте можно подразумевать так называемую цифровую грамотность человека, то есть некий индикатор его компетентности в информационно-коммуникативной сфере. Соответственно сетевое пространство некоторым образом формирует у индивида приемы поиска и восприятия информации, особенности общения и мышления. В рамках данной тенденции организация on-line конференций, семинаров по профилактике суицидов, как результат внедрения современных технологий и инструмент обмена опытом по вопросам профилактики суицидов в 2017-2019 гг. в рамках Комплекса мер по профилактике суицидального поведения возложена на Облсполкомы и Минский горисполком. Важным пунктом в государственной программе профилактики суицидального поведения является обеспечение информирования населения и доступности информации о действующих службах, оказывающих медицинскую, социальную и психологическую помощь в кризисных ситуациях, в том числе экстренную психологическую помощь по телефону, путем безвозмездного размещения информации на сайтах государственных организаций, в печатных СМИ, на Интернет-порталах.

В Республике Беларусь, если судить по числу зарегистрированных завершённых самоубийств, эта проблема остается актуальной и требует пристального внимания к вопросам превенции и профилактики [3]. 7 апреля 2020 года Президент Беларуси Александр Лукашенко на совещании о готовности системы здравоохранения противодействовать угрозам распространения коронавируса отметил, что общая смертность в Беларуси за первый квартал текущего года в сравнении с аналогичным периодом прошлого года снизилась на 4%. Из-за внешних причин за три месяца текущего года в Республике Беларусь погибли 860 человек, около 400 из которых погибли в результате самоубийств [4].

По мнению заведующей отделом социологии социальной сферы Института социологии НАН Беларуси Шухатович В.Р., высокий в Беларуси уровень числа зарегистрированных самоубийств может быть связан с проблемой трактовки самого понятия «самоубийство». Так однозначно можно утверждать о факте самоубийства лишь при наличии предсмертной записки, но их оставляет в среднем только сорок четыре процента самоубийц и реальный уровень статистики может быть выше в несколько раз. [5]

Одной из приоритетных задач по профилактике самоубийств видится межведомственное взаимодействие в части профилактики самоубийств, вплоть до совместного обсуждения каждого случая на коллегиальных заседаниях, семинарах. Важно понимание, что высокие данные статистики самоубийств, опубликованные в СМИ, могут вызвать дезинформацию, породить большое количество фейковых новостей, которые получают широкое распространение в СМИ и социальных сетях и имеют негативные последствия, как социально-экономического характера, так и личностного.

Стоит отметить, что грамотная работа СМИ для освещения конкретных случаев суицидов также может минимизировать риск подражательных самоубийств и быть полезной для профилактических программ, способствовать постоянному диалогу и взаимодействию со СМИ ответственных объединений и служб помощи. ВОЗ и Международная Ассоциация предупреждения суицидов, благотворительная организация «Самаритяне» разработали рекомендации при междисциплинарном и межведомственном сотрудничестве суицидологов, организаторов здравоохранения, исследователей, психиатров, психологов и СМИ. Руководства содержат ряд принципов, вытекающих из роли новостных и выдуманных сообщений СМИ в подражательных суицидах уязвимых лиц, и включающих способы усиления кризисной и профилактической помощи. Доказательными основаниями

рекомендаций служит теория социального обучения (социальной когнициии): подражательное самоубийство объяснено идентификацией с суицидентом и моделированием его поведения. [6]

Анализ доступных данных по уровню завершенных самоубийств в мире и мерах профилактики дает основания полагать, что в настоящее время существует ряд различных концептуальных взглядов на предполагаемые механизмы формирования суицидального поведения. Основная задача специалистов заключается в том, чтобы ограничить распространение самоубийств в обществе, научиться предупреждать суицидальное поведение. СМИ могут предоставить полезную для широких масс просветительскую информацию, которая может помочь снизить количество самоубийств. Например важно обнародовать тревожные предупредительные признаки суицидального поведения, обеспечить доступность информации о возможностях получения помощи в кризисных ситуациях, развивать и внедрять современные технологии и обмен опытом по вопросам профилактики самоубийств.

Существует необходимость проанализировать с точки зрения современных подходов и знаний, накопленных социологической наукой, подход к изучению суицидального поведения как социального явления. Важно исследовать динамику влияния принятых профилактических мер и регулирование ситуации по принимаемым ограничениям распространения информации о самоубийствах в СМИ, которые латентно оказывают влияние на действия социальных акторов и влияют на формирование массового сознания в условиях современной информатизации общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Самоубийство [Электронный ресурс] – 2020. - URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения 23.09.2020).
2. Комплекс мер по профилактике суицидального поведения населения Республики Беларусь на 2015 – 2019 годы [Электронный ресурс] – 2020. - URL: <https://www.polessu.by/sites/default/files/files/13-ovrm/53-programma.pdf> (дата обращения 23.09.2020).
3. В рейтинге гибели от самоубийств Беларусь могла бы разместиться на 2-м месте [Электронный ресурс] – 2020. - URL: <https://thinktanks.by/publication/2019/09/11/v-reytinge-gibeli-ot-samoubiystv-belarus-mogla-by-razmestitsya-na-2-m-meste.html> (дата обращения 30.08.2020).
4. Доклад о готовности системы здравоохранения противодействовать угрозам распространения инфекции, вызванной коронавирусом [Электронный ресурс] – 2020. - URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/doklad-o-gotovnosti-sistemy-zdravooxranenija-protivodejstvovat-ugrozam-rasprostraneniya-infektsii-vyzvannoj-23356/ (дата обращения 06.06.2020).
5. Спасюк Е., Почему в Беларуси случился резкий скачок самоубийств? [Электронный ресурс] – 2020. - URL: <https://naviny.media/article/20170521/1495368948-pochemu-v-belarusi-sluchilsya-rezkiy-skachok-samoubiystv> (дата обращения 25.09.2020).
6. Over 65 years of being there for anyone who needs someone. [Электронный ресурс] – 2020. - URL: <https://www.samaritans.org/about-samaritans/our-history> (дата обращения 25.09.2020).

УДК 001.89+535 (477+476)

ЭФФЕКТЫ ПРОРЫВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ФОТОНИКИ В УКРАИНЕ И БЕЛАРУСИ

Оноприенко М.В.

*старший научный сотрудник, ИИНТПИИИ им. Г.М. Доброва НАН Украины
кандидат философских наук
(г. Киев, Украина)*

С начала XXI века в развитых странах идет поиск широкозахватных, высококластерных технологий, которые могут обеспечить ускоренное экономическое и социальное развитие. Правительства развитых стран рассчитывают на потенциал такого рода технологий как на источник экономического роста. Именно эти технологии определяют современное состояние и перспективы роста экономики на инновационных принципах.

Фотоника - дисциплина, занимающаяся фундаментальными и прикладными аспектами работы с оптическими сигналами, а также созданием на их базе устройств различного назначения. Фотоника изучает генерацию, управления и детектирования фотонов в видимом и ближнем к нему спектре, в том числе, на ультрафиолетовой, длинноволновой инфракрасной и сверхкрасной части спектра, именно здесь сегодня активно развиваются квантовые каскадные лазеры. Она занимается контролем и преобразованием оптических сигналов и имеет широкое применение: от передачи информации через

оптические волокна к созданию новых сенсоров, которые модулируют световые сигналы в соответствии с наименьшими изменениями окружающей среды [1]. Фотоника, по сути, является аналогом электроники, когда используют вместо электронов кванты электромагнитного поля - фотоны. То есть она занимается фотонными технологиями обработки сигналов, что связано с существенно меньшими энергозатратами, а значит имеет большую возможность миниатюризации.

Фотоника как отрасль науки началась в 1960 с изобретения лазера, а также с изобретения лазерного диода в 1970-х годах с последующим развитием волоконно-оптических систем связи как средств передачи информации, использующих световые методы. Эти изобретения сформировали базис для революции телекоммуникаций в конце XX века и послужили подспорьем для развития сети Интернет.

В мировой науке термин «фотоника» стал широко употребляться в 1980-х в связи с началом широкого использование волоконно-оптической передачи электронных данных телекоммуникационными сетевыми провайдерами. С 2001 г. термин «фотоника» охватывает огромную сферу наук и технологий, в том числе: лазерное производство, биологические и химические исследования, медицинская диагностика и терапия, технология показа и проекции, оптические вычисления.

В сфере новейших технологий постсоветским странам сегодня очень сложно двигаться в направлении разработки блоков для модернизации современной техники. Но закладывая системы новой архитектуры сетей, опираясь на наличие некоторого объема компетенций в новейших технологиях, есть шанс войти в международную кооперацию с концентрацией нескольких ключевых технологий для создания на их основе соответствующих центров компетенций.

На каких направлениях развития следующего поколения техники и технологий сосредоточиться? В какой сфере нужно сконцентрировать усилия (кадры, инвестиции)? Какой может быть структура международной кооперации с участием отечественных разработчиков и производителей? Как стимулировать науку и бизнес в этой сфере? - Вот тот круг вопросов, ответы на которые необходимо искать, опираясь на анализ научных, технологических и экономических проблем, связанных с развитием технологической сферы. Делать это нужно не на основе произвольных аналогий и соображений, а на взвешенной базе предметных подсчетов и новой методологии сравнений. Это должен быть анализ двух видов сетей: с одной стороны, сети фундаментальных исследований, присутствия отечественных разработок в мировых достижениях и их цитирования, а с другой, уровня коммерциализации новейших технологий, которую можно установить через патентный поиск в мировых сетях. Заметим, что, как правило, доля присутствия отечественных разработок в мировых патентных базах является мизерной, что реально тормозит возможность международного экономического сотрудничества.

Важной мировой тенденцией является создание центров хранения и обработки больших объемов информации. Тренд «Большие данные» (англ. Big data) - обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного разнообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами. С 2013 года «Большие данные» как академический предмет изучаются в университетских программах по науке о данных и инженерии. В широком смысле, о «Больших данных» говорят как о социально-экономическом феномене, связанном с появлением технологических возможностей анализировать огромные массивы данных, а в некоторых проблемных областях - весь мировой объем данных. Это ведет к принципиальным трансформационным последствиям. К настоящему времени внутренний информационный трафик таких центров составляет заметную долю от общемирового трафика и сохраняет тенденцию стабильного роста. Рост доли внутреннего трафика также сопровождается заметным ростом потребления энергии центрами хранения и обработки информации.

Прогресс в этой области сдерживается отсутствием дешевых энергоэффективных и быстродействующих приемо-передающих соединений. Отсутствие таких технологий является ключевым фактором, сдерживающим развитие данного сектора информационных технологий. В настоящее время наметились положительные тенденции в области создания интерконнекта высокой производительности на основе оптических волокон с интегрированными чипами.

Два предыдущих десятилетия ознаменовались революционными достижениями в технологии передачи информации с использованием света и оптического волокна. Обработка информации до сегодняшнего дня проводится средствами электроники. Учитывая ограничения, свойственные устройствам электроники в мире делались значительные усилия по созданию технологий обработки информации на основе устройств фотоники. На сегодняшний день наиболее перспективным направлением является гибридизация устройств оптики и электроники в одном чипе. Эта проблема находится в фокусе исследований ведущих мировых центров. Создание таких устройств является

ключевым элементом, позволяющим преодолеть физические ограничения, которых достигло современное развитие электроники. Их наличие позволит существенно улучшить возможности технологической, информационной и общественной инфраструктуры, включая возможности средств вычислительной техники. Это, например, критически важно для прогресса космической техники.

Сегодня сложилась уникальная ситуация, когда мир находится на грани рывка в области оптоэлектронных технологий высокой степени интеграции. Состояние научно-технических разработок в этой области дает возможность с уверенностью прогнозировать появление в ближайшее десятилетие технологий, позволяющих «интегрировать фотонику» в чипы. Возникли предпосылки для вхождения в состав разработчиков технологии, минуя фазу «преследования». Безусловно, такой уникальной возможностью следует воспользоваться. Невнимание к этой проблеме приведет в будущем к ситуации, схожей с нынешней ситуацией в микроэлектронике, но со значительно большим отрывом уровня технологического развития критической области.

Развитие этой технологии требует координации активностей разрозненных сегодня научных коллективов, коммерческих компаний, различных финансовых институтов, продуманной международной кооперации.

Квантовые вычисления привлекают пристальное внимание исследователей в течение последнего десятилетия. концепция квантового компьютера достаточно хорошо изучена теоретически. Вполне возможно, что в ближайшее десятилетие будет достигнут успех в данном технологическом сегменте. Квантовые вычисления весьма привлекательны с точки зрения спектра возможностей, которые они открывают. Даже при высоких рисках технологических неудач в ходе разработок в этом направлении, целесообразно продолжить исследования в области квантовых компьютеров и квантовых симуляторов, позволяющих решать задачи специального типа. Международная кооперация в этой сфере крайне важна для сохранения темпа работ и получения практических результатов без отставания от мирового уровня.

Фотоника ныне – мировой междисциплинарный приоритет. Рассматривая перспективы инновационных эффектов фотоники в странах с переходной экономикой, сделан вывод, что пока они достаточно противоречивы. В России имеется значительный массив зарубежных публикаций высокого уровня в этой области фотоники, но практически отсутствуют патенты технологических решений за рубежом [2]. Это связано с дефицитом крупных отечественных компаний, работающих в этой области и конкурентоспособных в мировом масштабе. В Украине и Республике Беларусь есть сильные и реформированные институты с отделами и лабораториями в области фотоники, кафедры фотоники в ведущих университетах, но пока можно найти лишь единичные публикации в международных журналах, а выпускники специальности «Фотоника» в лучшем случае работают в зарубежных фирмах. Но, несмотря на препятствия, участие стран в освоении и использовании эффектов фотоники является цивилизационным вызовом с весомыми социально-гуманитарными и гражданскими последствиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Микроэлектромеханические системы. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: https://thesaurus.rusnano.com/wiki/article1195?sphrase_id=17099 (дата обращения 23.09.2020).
2. Дежина И., Фролов А. В поисках прорывных технологий: фотоника // Мировая экономика и международные отношения. - 2017. - Т 61. - № 6. - С. 14-22.

ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹**Орлова Н.С.***аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии, СПбГУ
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

Рассматривая трудовую активность через призму социальной психологии, стоит отметить, что в современных исследованиях непосредственно термин «трудовая активность» тесно связан с трудовой мотивацией [1] и трудовым потенциалом [2], творческой трудовой деятельностью (активностью) [3] и потребностями человека [4].

Современная психология труда много внимания уделяет цифровизации и ее последствиям. Для психологов на первый план выходят вопросы мотивации трудовой деятельности, направленные на повышение активности работников в новых условиях труда.

Трудовая активность в условиях цифровизации труда может рассматриваться как творческая трудовая активность. Почему же в современных условиях трудовая активность становится творческой? В психологии труда творческая трудовая активность может рассматриваться как использование потенциала работника в творческой трудовой деятельности [1, с. 4]. В данном контексте важную роль играет характера труда (творческий / нетворческий) [5, с. 68]. Цифровизация является стимулом к развитию творческой трудовой активности, поскольку является фактором появления новых задач и необходимости личностного творческого подхода к их решению [6, с. 87]. С этой точки зрения трудовая активность и творческая трудовая активность являются частью одного целого.

Одним из главных вопросов для изучения в психологии труда является мотивация. Мотивация может рассматриваться как «усиление мобилизации сил человека, направленных на достижение целей, связанных с самореализацией субъекта в работе» [7, с. 1], что подразумевает увеличение трудовой активности работника.

Рассматривая в совокупности мотивацию, трудовую активность и творческую трудовую активность, можно выделить как общие факторы, так и различия. Для работников, проявляющих творческую трудовую активность главными стимулирующими факторами, является возможность проявления инициативы и личностного роста [8, с. 131].

В условиях цифровой трансформации в вопросах мотивации трудовой активности появляются новые факторы: инновационный потенциал и инновационная готовность (представляющая собой готовность работника к принятию и использованию новых технологий, и являющиеся системой определенных свойств личности). Выделяют следующие свойства: эмоциональная готовность, когнитивная готовность, мотивационная готовность, личностная готовность [9, с. 82].

Современный рынок труда характеризуется развитием новых технологий, что в свою очередь делает трудовую жизнь человека непредсказуемой. Существуют тенденции к устареванию и появлению новых профессий, изменением требований к работникам (как формальных, так и квалификационных) [10]. Данные факторы неизбежно приводят к психологическим проблемам и росту психологической напряженности человека в трудовой жизни. В связи с этим остро встает проблема адаптации работника к новым условиям, его психологической готовности к цифровой трансформации труда.

Важным компонентом трудового потенциала работника становится его инновационный потенциал [11]. Инновационный потенциал личности представляет собой синтез мотивационной и операциональной сфер (профессиональные качества, обучаемость) [12, с. 2-3]. Инновационный потенциал помогает человеку быстро адаптироваться к изменениям в окружающей и внутренней среде. Развитый инновационный потенциал более свойственен работникам, склонным к творческому, инновационному мышлению. Реализация инновационного потенциала личности происходит в непосредственной практической деятельности, проявлении трудовой активности [13, с. 47].

Таким образом, одним из главных вопросов для изучения в психологии труда становится - готовность персонала к внедрению инноваций и возможность повышения эффективности мотивации трудовой активности персонала. В социально-психологической литературе имеется несколько взаимосвязанных и взаимопроникающих понятий: трудовая активность, творческая трудовая

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00011 / The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-511-00011.

активность, трудовая мотивация, трудовой потенциал, творческий потенциал, инновационный потенциал. Данные понятия составляют основу современной психологии труда в изучения трудовой активности в условиях цифровой трансформации. Можно говорить о том, что творческая трудовая активность и инновационный потенциал являются связующими звеньями между трудовой активностью и цифровизацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Леонидова Г. В., Устинова К. А., Гордиевская А. Н. Мотивы и условия творческой трудовой активности населения // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 3. – С. 1-18.
2. Муртазина Г. И., Хадасевич Н. Р. Морально-психологический климат в организации, как фактор реализации трудового потенциала // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2019. – С. 130-133.
3. Устинова К. А., Гордиевская А. Н. Современные формы и методы мотивации творческой трудовой активности населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 203-209.
4. Рябов В. Б. Психологическая жизнеспособность и качество жизни человека (на примере его трудовой жизни) // Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации. – 2019. – С. 140-155.
5. Кублин И. М., Еремеев М. А., Плеханов С. В. Качественное изменение труда в условиях цифровизации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 1. – С. 65-69.
6. Бурьхин Б. С., Макашева Ю. С. Стимулирование творческой активности в системе управления персоналом // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2013. – № 2. – С. 84-90.
7. Гайворонюк В. А. Система факторов мотивации трудовой активности персонала организации // Государственное управление. Электронный вестник. – 2007. – № 10. – С. 1-6.
8. Попов А. В. Проблемы и перспективы развития мотивации творческой трудовой активности российских работников // Экономика труда. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 125-144.
9. Пантелеева В. В., Кнышева Т. П. Опросник инновационной готовности персонала // Психология развития и образования (российский журнал прикладных исследований). – 2016. – № 3. – С. 81-86.
10. Лавриненко А., Шматко Н. Компетенции XXI века в финансовом секторе: перспективы радикальной трансформации профессий // Форсайт. – 2019. – Т. 13. – № S2. – С. 42-51.
11. Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Инновационный потенциал человеческого капитала как конкурентного преимущества экономики Российской Федерации // Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона. – 2020. – С. 103-106.
12. Авдеева А. П., Сафонова Ю. А. Психологическая готовность студентов к профессиональной деятельности // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 3. – С. 1-8.
13. Федосова Р. Н. Высокий полет. Развитие инновационного потенциала персонала // Креативная экономика. – 2009. – № 3. – С. 49-59.

УДК 301

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Островский С.Н.

*доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности, БГЭУ
кандидат психологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Развитие образования напрямую зависит от развития и состояния современной науки, техники, медицины и других неотъемлемых сфер жизни общества. Глубокие изменения, происходящие в белорусском обществе, привели к тому, что образование сегодня переживает значительный кризис, по мнению ряда экспертов. Это и низкий уровень материального финансирования, и недостаток высококвалифицированных кадров, и неясность целей и ценностей самого содержания образования.

Образование играет огромную роль в жизни как человека, так и общества в целом. На начальном этапе социализации, который охватывает семью, детские сады, образовательные учреждения, в том числе школу, закладываются основы познавательных процессов, а также необходимая основа для дальнейшего образования. Высшее образование дает человеку более глубокие и специализированные знания, которые помогают ему стать специалистом в определенной области. Благодаря образованию в жизни человека происходит социализация и инкультурация. Именно поэтому решение проблем образования так актуально.

Социология образования – это как раз та область социологического знания, предметом которой является выявление наиболее сложных проблем и путей развития современного образования в Республике Беларусь, а также обоснование значимости образования как социально-социальной сферы. культурный феномен в формировании духовного потенциала нации.

Социология образования рассматривает влияние образования на все аспекты жизни общества – экономические, социальные, политические, духовные. В то же время он также рассматривает проблемы функционирования и развития образовательной системы, насколько она соответствует требованиям общества, насколько эффективна ее организационная структура.

Изучение проблем структуры образования связано с изучением его социальных функций: передачи накопленных знаний, преемственности социального опыта и духовной преемственности поколений, социализации личности, ее саморазвития и самосознания. При этом важна отдавать себе отчет в том, что через образование происходит реализация, накопление духовного, интеллектуального, социального потенциала.

Логически оправдано объединить все исследования социологии образования по двум направлениям:

- внутренне институциональные, охватывающие внутренние проблемы образования как социального института, социальные аспекты деятельности образовательных субъектов, социальную структуру и функции образовательной системы, социальный статус педагогических работников как социальной группы, проблемы социального управления системы образования;
- внешне институциональные, то есть все исследования социальных аспектов взаимодействия образования с другими социальными институтами, производством, наукой, культурой, политикой; связь образовательного процесса с другими социальными процессами, влияние образования на развитие социальных отношений и видов социальной активности [1].

Глобальные социокультурные изменения в мире, так называемые цивилизационные сдвиги, все чаще обнаруживают несоответствие между существующей системой образования и возникающими социальными потребностями в ожидании новой антропогенной реальности. Это несоответствие время от времени вызывает попытки реформировать общеобразовательную школу в нашей стране. Чаще всего это несоответствие проявляется в уровне и качестве подготовки современных специалистов высшей школы с потребностями современного производства, экономики и развития других сфер развития общества.

Молодые люди вступают в трудовую, общественно-политическую жизнь, имея, как правило, среднее образование. Однако сейчас образование серьезно отличается по качеству. Существенные различия зависят от социальных факторов: в специализированных школах с углубленным изучением отдельных предметов она выше, чем в обычных; городские школы выше сельских. Эти различия усилились в связи с переходом страны к рыночным отношениям.

Современное образование является такой же сферой предпринимательской деятельности, как производство, торговля, и поэтому должно функционировать таким образом, чтобы приносить прибыль. Отсюда неизбежность оплаты обучения, использования различных систем для определения уровня интеллектуального развития или одаренности. В этих условиях молодое поколение лишено устойчивых нравственных идеалов. Этот процесс усугубляется попытками коммерциализации образования, что не всегда сопровождается повышением качества образования.

В целом оптимального сочетания общего образования и профессионального обучения пока не найдено. После серьезной критики, выявившей множество недостатков, не соответствующих духу стандартов и правил времени, общее и профессиональное образование становится гораздо более гибким, чем было до сих пор. Но его роль и ответственность в подготовке квалифицированных кадров далеки от того, что нужно [2].

Профессиональное образование – важный этап в гражданском становлении личности, в ее гармоничном развитии.

Кроме того, следует учитывать, что на сознание и поведение молодежи большое влияние оказывает механизм управления образовательным учреждением. Строгое соблюдение норм и принципов законности и справедливости даже в годы учебы становится для них своего рода эталоном, которым они в дальнейшем проверяют свой жизненный путь.

Рост национальной идентичности с особой актуальностью ставит вопрос о формировании правильных ориентиров у молодежи в такой важной сфере, как межэтническое общение. Отсутствие активного противодействия любым проявлениям национализма и шовинизма, национальные ограничения, недооценка воспитательной работы делают некоторые группы молодежи доступными

для националистической пропаганды. Более того, национальный экстремизм в основном паразитирует на искренних заблуждениях молодежи.

Система образования еще слабо формирует высокие духовные желания и эстетические вкусы, стойкий иммунитет к бездушию, «массовой культуре». Роль гуманитарных дисциплин в развитии нравственного и духовного потенциала молодежи чрезвычайно высока, но их вклад незначителен из-за ограниченного количества учебных часов. К сожалению, в учебных заведениях практически отсутствуют курсы культурологии, религиоведения, семейной этики, психологии и ряда других. Но ведь изучение исторического прошлого, правдивое освещение сложных и противоречивых этапов отечественной истории плохо сочетается с самостоятельным поиском собственных ответов на вопросы, которые ставит современная жизнь.

К сожалению, невысок авторитет самого учителя, которого иногда уже начали воспринимать уже не в роли обслуживающего персонала. Средняя заработная плата профессорско-преподавательского состава вузов по-прежнему намного ниже, чем у рабочих и инженеров в промышленности и строительстве, и по сравнению со средней заработной платой по стране.

В целом, существующая система образования и ее разнообразные связи представляют собой очень противоречивую картину, в которой позитивные изменения часто перемежаются с негативными или неопределенными тенденциями.

На современном этапе развития белорусского общества важно продвигать профессии и подчеркивать их социальную значимость. Важно обратить внимание не только на подготовку отдельного специалиста, но и понять, каким человеком он будет, носителем каких культурных и социальных ценностей он будет. Поиск наиболее рациональных путей обновления всех уровней образования потребует от социологии еще больших усилий для всестороннего анализа реальной ситуации, определения тенденций ее развития, а также участия в решении назревших проблем развития интеллектуального потенциала нашего общества.

Глобальные цивилизационные сдвиги, которые мы наблюдаем сейчас, ставят под сомнение не только само существование человека, но и легитимность рационалистического взгляда на человеческое развитие. Именно образование призвано стать инструментом, который должен обеспечить правильное развитие психики подрастающего поколения, сформировать правильное отношение к происходящему в обществе и укрепить приверженность вековым установившимся традиционным системам ценностей.

Ключевая роль образования заключается в том, что от него зависит будущее развитие нации, что еще раз подчеркивает необходимость решения всех проблем, связанных с этой сферой общественной жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нечаев, В.Я. Социология образования / В. Я. Нечаев. – М.: МГУ, 1992. – 198 с.
2. Шереги, Ф.Э., Харчева, В.Г. Социальные проблемы вузовской науки / Ф. Э. Шереги, В. Г. Харчева // СОЦИС. – 1996. – № 6. – С. 76-81.

УДК 316.334.2

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ ОТДЕЛЕНИЯ АГРАРНЫХ НАУК НАН БЕЛАРУСИ

Петров В.В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

За последние два десятилетия структура академического сектора науки была заметно преобразована: созданы новые типы организаций, усовершенствованы подходы и методы управления инновационной деятельностью. Сегодня тематика фундаментальных и прикладных исследований Национальной академии наук Беларуси формируется только под приоритеты экономики.

В целях концентрации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для решения актуальных задач социально-экономического развития Республики Беларусь, повышения эффективности использования кадрового потенциала, материальных и финансовых ресурсов в научной и инновационной деятельности в Отделении аграрных наук Национальной академии наук Беларуси на базе научно-исследовательских институтов были созданы научно-практические центры – НПЦ по

продовольствию, НПЦ по земледелию, НПЦ по животноводству, НПЦ по картофелеводству и плодоовощеводству, НПЦ по механизации сельского хозяйства. В состав научно-практических центров с сохранением самостоятельности и права юридического лица входят научно-исследовательские институты, промышленные и сельскохозяйственные предприятия.

Своими фундаментальными и прикладными исследованиями научно-практические центры аграрного профиля вносят значительный вклад в развитие продовольственной безопасности страны.

Основными направлениями научной деятельности научно-практических центров являются:

в НПЦ по продовольствию – научное сопровождение технологических и технических проблем совершенствования и реконструкции предприятий различных отраслей пищевой промышленности с целью повышения конкурентоспособности и качества продуктов питания; создание и внедрение новых технологий глубокой переработки сырья животного и растительного происхождения для производства широкого спектра продуктов питания и кормов и др.;

в НПЦ по земледелию – создание высокопродуктивных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, совершенствование системы семеноводства, обеспечение интенсификации отрасли растениеводства на основе развития зональных систем земледелия, адаптированных к конкретным почвенно-климатическим условиям, разработка высокоэффективных технологий возделывания, применения удобрений и средств защиты растений и др.;

в НПЦ по животноводству – совершенствование разводимых в республике и выведение новых пород, кроссов, типов и линий сельскохозяйственных животных, птиц и рыб; изыскание путей повышения эффективности трансформации энергии корма в животноводческую продукцию; разработка лечебных, профилактических и диагностических ветеринарных препаратов и др.;

в НПЦ по картофелеводству и плодоовощеводству – создание принципиально новых сортов и гибридов картофеля с высокими технологическими показателями и устойчивостью к абиотическим и биотическим факторам окружающей среды; разработка целевых экологически безопасных ресурсосберегающих технологий производства картофеля, плодовых и овощных культур; обеспечение сортосмены и сортообновления за счет ускоренного производства оригинального семенного и посадочного материала и др.;

в НПЦ по механизации сельского хозяйства – создание конкурентоспособных образцов сельскохозяйственной техники, механизмов и материалов, передовых технологий, других видов наукоемкой продукции на основе развития фундаментальных и прикладных научных исследований; выявление принципиально новых путей научно-технического прогресса, осуществление прикладных научных исследований по приоритетным направлениям научно-технической деятельности, разработка средств механизации сельскохозяйственного производства и аграрной энергетики нового поколения и др.

Для дальнейшего развития аграрной науки необходимым условием является достаточное количество научных кадров высшей квалификации – докторов и кандидатов наук, поскольку для определения стратегических и перспективных направлений, повышения эффективности технических и технологических решений нужны высококвалифицированные кадры.

Таблица 1. Численность исследователей в Отделениях наук НАН Беларуси и научно-практических центрах аграрного профиля в 2018 и 2019 гг., чел. [сост. по 1-2]

Отделения наук Национальной академии наук Беларуси	Численность исследователей					
	2018 год			2019 год		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
Доктора наук		Кандидаты наук	Доктора наук		Кандидаты наук	
Отделение физики, математики и информатики	710	75	195	703	74	201
Отделение физико-технических наук	1451	104	325	1424	98	307
Отделение химии и наук о Земле	541	43	185	519	43	178
Отделение биологических наук	666	44	228	659	45	227
Отделение медицинских наук	180	9	47	158	8	44
Отделение гуманитарных наук и искусств	533	52	209	538	55	210
Отделение аграрных наук:	1196	59	389	1200	58	381
в том числе, научно-практические центры	486	23	162	500	22	165
остальные организации Отделения аграрных наук	710	36	227	700	36	216
<i>Всего по отделениям наук НАН Беларуси</i>	<i>5277</i>	<i>386</i>	<i>1578</i>	<i>5201</i>	<i>381</i>	<i>1548</i>

В научно-практических центрах Отделения аграрных наук, общая численность исследователей в 2019 г. по сравнению с 2018 г. увеличилась с 486 до 500 человек, число докторов наук уменьшилось с 23 до 22 человек, число кандидатов наук увеличилось 162 до 165 человек (табл. 1).

За этот же период в Отделении аграрных наук общая численность исследователей увеличилась с 1196 до 1200 человек, число докторов наук снизилось всего с 59 до 58 человек, кандидатов наук с 389 до 381 человек. Рост численности исследователей наблюдается в Отделении гуманитарных наук и искусств. В этом отделении общая численность исследователей увеличилась с 533 до 538 человек, докторов наук с 52 до 55 человек, кандидатов наук с 209 до 210 человек. В Отделении физики, математики и информатики произошло наибольшее увеличение числа кандидатов наук с 195 до 201 человека. Наименее благоприятная ситуация отмечается в Отделении физико-технических наук, в котором общая численность исследователей сократилась с 1451 до 1424 человек, а число докторов наук в ее составе с 104 до 98 человек, численность кандидатов наук с 325 до 307 человек (табл. 1).

На перспективную динамику численности научных работников высшей квалификации влияет динамика численности соискателей ученой степени доктора и кандидата наук.

Как следует из данных, представленных в таблице 2, в организациях аграрного профиля Республики Беларусь в 2018 году было 43 соискателя ученой степени доктора и кандидата наук, в 2019 году – 33 соискателя. За 3 квартала 2020 года было всего 13 соискателей ученой степени доктора и кандидата наук.

Таблица 2. Численность соискателей ученой степени доктора наук (д.н.) и кандидата наук (к.н.) в организациях аграрного профиля Республики Беларусь, чел. [сост. по 1-2]

Перечень ведомств и организаций аграрного профиля	2018 год			2019 год			2020 год (1-3 кварталы)		
	Всего	Д.н.	К.н.	Всего	Д.н.	К.н.	Всего	Д.н.	К.н.
Всего по организациям аграрного профиля Республики Беларусь	43	3	40	33	2	31	13	4	9
Отделение аграрных наук НАН Беларуси, в том числе:	31	3	28	19	1	18	8	4	4
Всего по научно-практическим центрам	15	-	15	7	1	6	4	3	1
Остальные организации Отделения аграрных наук НАН Беларуси	16	3	13	12	-	12	4	1	3
Всего по Минсельхозпроду	12	-	12	14	1	13	5	-	5

Динамика численности соискателей ученой степени доктора и кандидата наук в Отделении аграрных наук НАН Беларуси, в том числе в научно-практических центрах может быть рассмотрена в сравнении с учреждениями образования аграрного профиля Министерства сельского хозяйства и продовольствия.

Как следует из данных, представленных в таблице 2, в организациях Отделения аграрных наук НАН Беларуси в 2019 г. по сравнению с 2018 г. численность соискателей ученой степени доктора и кандидата наук сократилась на 38,7%. За три квартала 2020 г. в отделении было 8 соискателей. Как можно заметить, в научно-практических центрах в 2018 г. было почти половина соискателей организаций Отделения аграрных наук, в 2020 (третий квартал) – 50%. В целом с 2018 г. по 2020 г. (три квартала) в организациях аграрного профиля Республики Беларусь отмечается относительно стабильная динамика численности соискателей ученой степени доктора наук и сокращение численности соискателей ученой степени кандидата наук. Эта же тенденция в целом характерна и для организаций отделения аграрных наук НАН Беларуси. При этом, как показано в таблице 2, в научно-практических центрах Отделения аграрных наук НАН Беларуси имеется существенный потенциал по подготовке докторов наук.

В учреждениях образования Министерства сельского хозяйства и продовольствия с 2018 по 2019 гг. численность соискателей ученой степени доктора и кандидата наук увеличилась с 12 до 14 человек. За период с 2018 по 2020 гг. среди учреждений Министерства сельского хозяйства и продовольствия был 1 соискатель ученой степени доктора наук (в 2019 г.). В 2020 г. численность соискателей ученой степени кандидата наук выше, чем в организациях Отделения аграрных наук НАН Беларуси. Однако, численность соискателей ученой степени доктора наук выше в организациях Отделения аграрных наук.

Динамика численности соискателей ученой степени доктора и кандидата наук, степень готовности их диссертаций и ряд других факторов будет определять в ближайшие годы состояние численности научных кадров высшей квалификации как в научно-практических центрах Отделения

аграрных наук, так и в целом по Республике Беларусь. Пока, с учетом рассмотренной динамики численности соискателей ученой степени кандидата наук, можно отметить, что в ближайшие годы численность научных кадров высшей квалификации в научно-практических центрах Отделения аграрных наук может быть недостаточно стабильной. На динамику численности научных работников высшей квалификации также влияет потребность в специалистах по определенным специальностям, специфика основных направлений деятельности научно-практических центров, приоритеты развития аграрной науки в Республике Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2018 году. – Минск : Беларус. навука, 2019. – С. 350-354.
2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2019 году. – Минск : Беларус. навука, 2020. – С. 370-374.

УДК 316.344.24 (476)

ЖЕНЩИНЫ В БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Русак Е.Ю.
аспирант, ГрГУ им. Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)

Актуальным является исследование гендерного аспекта в отечественной науке. Интерес к проблеме профессиональной карьеры женщин-исследователей обусловлен общей феминизацией науки, развитием системы профессиональной подготовки научных кадров, а также совершенствованием гендерной политики государства в научной сфере.

Одна из особенностей современной науки – это постепенно усиливающаяся тенденция ее феминизации. Проблематика женской роли в современном обществе всегда сохраняет свою актуальность. Очень принципиально осознавать то, что процесс феминизации белорусской науки наступает с советских времен истории Республики Беларусь и развивается в рамках третьей волны феминизации науки. Самый высокий приход женщин в белорусскую науку был свойственен для другой половины 40-50-х годов XX века. Бесспорно, это было связано с демографическим результатом великой войны, что требовало резкого притока общества в связи с возобновлением работы, непосредственно, образовательных учреждений [1, с. 367].

На данный момент социологи накопили немалый материал по изучению и исследованию роли женщины в профессиональном аспекте, который составляет теоретико-методологическую основу для изучения.

Женщина как объект социологического исследования представляет собой гендерную совокупность в общественной структуре социума, которая отличается от мужского пола биологическими, ролевыми принципами, статусом и его характеристиками, а также индивидуальными особенностями сознания, психологического аспекта и личного поведения [2, с. 156].

Женщины, которые заняты в сфере науки, являются специфической социально-профессиональной группой. С одной стороны, свойства и признаки этой группы отражают тенденции развития женщин в целом, а с другой – профессионального сообщества, занимающегося интеллектуальной деятельностью (научно-исследовательской). Научная и профессиональная карьера женщин, в отличие непосредственно от мужской, складывается намного медленнее, а также требует немалых усилий, это связано с так называемой моделью «трех наказаний», а точнее, три «барьера», с которыми сталкиваются женщины в последствии построения своей дальнейшей научной карьеры. Во-первых, в обществе существует давнее мнение о том, что научная сфера и научные исследования – это исключительно мужская работа. Во-вторых, существует такой стереотип, как «женщина не компетентна в науке». В-третьих, действительная, обыденная, «повседневная» дискриминация, которая проявляется через структуру поощрения: занижение оплаты труда, научного признания и вознаграждения прежде всего на высоких уровнях [3, с. 75].

Что касается причин отставания женщин-исследователей, в продвижении их по карьерной лестнице учёные выделяют гипотезы:

1) гипотеза «стеклянный потолок», согласно которой существует реальный, но невидимый барьер, который не может позволить женщинам занимать ведущее место в своей профессиональной области;

2) гипотеза «порога», согласно которой женщины, которые смогли преодолеть ряд стоявших на их пути преград, можно сказать, что они переступают порог полового неравенства [4, с. 280].

Из факторов, препятствующих профессиональному продвижению женщин в науке и по карьерной лестнице, следует выделить их предназначение – материнство. Ведь, по результатам зарубежных исследователей, в условиях экономической стабильности и независимости общества, а также нормального функционирования науки социально-биологические факторы не оказывают существенного отрицательного влияния на научную продуктивность женщин.

Влияние оказывает и распространенный стереотип о том, что женщины склонны исключительно к гуманитарным и социальным наукам, интеллектуальные качества женщин не позволяют им заниматься точными, медицинскими и техническими науками. При этом, гендерные стереотипы могут служить не только внешним фактором, затрудняющим построение женщинами карьеры и профессиональный рост в науке, но и выступать в качестве внутреннего демотиватора, что наука не является женским делом, соответственно, сами женщины, представляя явные и предполагаемые трудности в науке (названные стереотипы, «стеклянный потолок», независимо от его реального существования или наличия его лишь в массовом сознании женщин-исследователей) могут сознательно выбирать отказ от построения научной карьеры и активного участия в научной деятельности (т. е. не проявлять личную инициативу, придерживаться пассивной модели организационного поведения, предписанной должностными и служебными инструкциями) [6, с. 10].

Таким образом, в процессе научной карьеры женщина сталкивается не только с трудностями и барьерами, связанными с социально-биологическими, социально-психологическими и социологическими причинами. Ее профессиональной деятельности могут препятствовать особенности самой женщины, обусловленные ее природой, ее ценностные ориентации и мотивационные установки. Специфика карьерного роста женщины в науке может определяться такими факторами, как ограничения, накладываемые женской гендерной ролью, особенностью современных гендерных отношений, а также действующими в данном обществе гендерными стереотипами, формирующими «стеклянный потолок». Следовательно, при выработке методики изучения карьеры женщины в науке следует учесть специфику социально-демографической группы женщин, а также учесть особенности, с одной стороны, социальных практик, так как диспозиция женщины обуславливается гендерной ролью, а с другой стороны, профессиональных практик – направленностью на выполнение общественно-значимых научно-исследовательских функций.

В статье «Социальное и профессиональное положение женщин – научных работников НАН Беларуси» А. Соловей представила анализ мотивов выбора научной деятельности женщинами – молодыми учеными карьерных ориентаций, соответствующих различным видам научной карьеры, условий и факторов, способствующих построению научной карьеры, а также факторов, препятствующих построению карьеры. Акцентируется внимание на стратегиях профессионализации, ценностных ориентациях женщин – молодых ученых. Показано, что для большинства женщин – молодых ученых характерна ориентация на совмещение профессиональной и гендерной роли с преобладанием смешанного типа карьеры [7, с. 152].

Профессиональный и социальный статус молодых женщин-исследователей в белорусском обществе формируется под влиянием государственной политики в области науки, зависит от положения в обществе профессионального научного сообщества, его творческо-исследовательской культуры, норм и ценностей, а также гендерных стереотипов, бытующих в научной среде. Женщины, которые завершили обучение в аспирантуре, защитили кандидатские диссертации, могут быть заинтересованы в дальнейшем продвижении по служебной научной лестнице. Карьера для молодой женщины в науке важна для ее профессиональной самореализации и развития ее личности.

Современное общество создало уникальные возможности для социальной реализации женщины в обществе. Женщины успешно справляются с ролью руководителя организации или предприятия, организатора, политика. В современном обществе женщину, которая руководит коллективом, можно встретить довольно часто. Владелица магазина или салона, руководитель предприятия или отдела, политический деятель на высоких постах.

Женщины с легкостью адаптируются к новым политическим, социальным, духовным условиям, сложившимся в обществе, при этом видоизменяя не только общую направленность своего социального поведения, но и конкретные поступки в конкретных сферах деятельности. В этой связи особенно актуальным становится вопрос о необходимости усиления социально-правовой поддержки женщин, повышению их духовного, культурного и профессионального уровня.

По данным переписи 2019 года в Республике Беларусь проживает 5061973 женщины, что составляет 53,8% всего населения страны. В структуре профессиональной занятости Беларуси женщины составляют 49,5%. Женщины имеют высокий уровень образования. Последние 10 лет среди выпускников ВУЗов доля женщин составляет: в 2011 году — 61%, в 2016 – 60,3%, в 2017 – 58,1% [5, с. 123].

Карьера кандидатов и докторов наук вообще не отличается стабильностью – большинство из них подолгу не меняют место основной работы. При этом женщины отличаются от своих коллег-мужчин еще большим постоянством.

Вместе с тем, профессор И.Р. Чикалова на основании исследования влияния гендерных стереотипов на профессиональный и карьерный рост женщин в науке отмечает, что изучение эмпирических данных в сочетании с анализом биографий ученых показывают, что научная карьера женщин требует больших усилий и складывается медленнее по сравнению с коллегами-мужчинами. Исследовательница считает, что это связано с необходимостью преодолевать «стеклянный потолок», а также многочисленные барьеры и препятствия, обусловленные гендерными стереотипами.

Эти стереотипы порождают дискриминацию женщин (обычно скрытую), на практике проявляющуюся в искусственном замедлении профессионального продвижения, отказе в научном признании и соответствующем поощрении. В результате, сконцентрированные в большом количестве на нижних профессиональных уровнях наук и, женщины ограничены нетворческими видами работ, которые не дают научного признания и собственного удовлетворения, но освобождают ученых-мужчин от рутинной черновой работы.

Следует отметить, что в современном обществе феминизация науки оказывает влияние на научно-исследовательскую деятельность в целом, гендерные стереотипы, бытующие в обществе, социальные и статус профессии ученого, формирование жизненных стратегий и моделей поведения женщин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова Т. А. Динамика научных кадров Республики Беларусь: гендерный аспект // Социологический альманах. – Минск, 2013. – Выпуск 3. – С. 367–370.
2. Агеев, В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 152–158.
3. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 74–81.
4. Герасименко И.Е. Концепты «мужественность» и «женственность» как основа гендерной культуры и фундаментальности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. — Выпуск 22. - С. 40–44.
5. Женщины и мужчины Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. – 123 с.
6. Пинчук И.В. Гендерный подход в исторической науке / И.В. Пинчук // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. - № 4-2(56). – С. 10–15.
7. Соловей А. П. Профессиональное и социальное положение женщин в академической науке: по результатам социологического исследования // ИППОКРЕНА. – 2017. – № 2. – С. 152–159.

УДК 316.75

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рязанцева Т.В.

*старший преподаватель кафедры экономической теории и права, БГАТУ
(г. Минск, Беларусь)*

Разнообразие авторских концепций, подходов и представлений в отношении определении сущности и роли социологии культуры не является случайностью – оно отражает существующие дискуссии о предметной области данной отрасли социологии, её месте в системе наук о культуре и в структуре современного социологического знания.

Сегодня социология культуры – одно из самых многогранных направлений социального знания, скорее даже - социогуманитарный проект с междисциплинарными границами. Рассматривая социологию культуры как отраслевую дисциплину, к ее предмету традиционно относят: религию,

науку, искусство, но не политику и идеологию. А ведь эти явления социальной жизни не меньше регулируются культурными значениями, ценностями, идеалами и нормами, становясь средством для достижения целей в конкурентных отношениях и позволяя приобретать дополнительные преимущества и мотивы в кросс-культурном и глобальном мире.

Сегодня социологию культуры целесообразно рассматривать не в качестве направления, изучающего некий "сегмент" социальной реальности, а как особый подход к институционализации культурной жизни общества. Этот подход коренится в смысловой природе социальных феноменов.

Интенсивное экономическое и духовное развитие белорусского общества порождает большое количество творческих людей, заинтересованных и равнодушных членов общества, вовлеченных в культуротворческую, культуросозидательную деятельность, а также в систему управления культурой. Это обеспечивает более высокую степень равных возможностей в культуре, предоставляет более широкий выбор в создании и потреблении культурных идей, норм, ценностей. Актуальной становится сфера соотнесения и взаимодополнения культуры и развития общества в целом через призму идей гражданской солидарности, взаимопомощи, патриотизма, гуманизма и других.

Идеология является существенным, продуктивным проявлением духовной культуры, одним из регуляторов общественной жизни, задаваемым определенными социальными группами и институтами. Идеологии, доносясь через призму социологии культуры, под силу сконструировать образ адекватной и современной социальной реальности, привлекательного социального строя, на основе которого сформируется социальная сплоченность и солидарность.

Идеология как часть культуры в целом выступает формой нормативного и информационного управления личностью. При этом личность, стремясь к социальному одобрению своих действий, вынуждена корректировать свое поведение в соответствии с нормативной системой общества, соотносить свои потребности и желания с социально приемлемыми типами поведения, подтверждать свой статус, соотносясь с эталонами и стандартами престижности. В качестве носителя социальных норм в обществе, идеология как важный элемент культуры может регулировать различные сферы жизни человека, приписывая ему типы поведения с помощью «переопределения» реальности по своим законам, поскольку концентрирует в себе гендерные, этнические, статусно-поведенческие и ролевые стереотипы. В связи с вышесказанным, очевидно, что начинать «воспитание» общества и регуляцию поведения отдельно взятого гражданина надо исключительно с понимания и изучения культуры, ибо «если изменяется культура, изменяется и поведение» [1, с. 185].

Идеология может активно использовать социальные мифы, обращаясь к эмоциям, верованиям, надеждам, идеалам, ценностям. На уровне мировоззрения идеология отражается в таких формах культуры, как литература, искусство, философия, право, наука.

Очевидно, сегодня культура осознается как мощный ресурс развития общества и государства. В ракурсе общественного целеполагания необходимо реабилитировать забытые (в связи с распространением идей и ценностей общества потребления, заменой высоких гуманных идеалов – псевдоидеалами массовой культуры, навязываемых СМИ) ценности «традиционной, культурной жизни» и «культурного человека» – такие, как созидательная деятельность, творчество, здоровье, успех, профессионализм, толерантность.

В системе современного социального знания легко реализовать идеи и концепты позитивной социокультурной идеологии, реализуемые благодаря теориям и концепциям социологии культуры. Она способна формировать позитивное мышление современного человека, интеллектуально развитой, духовно богатой и социально активной личности с помощью создания образцов, идеалов, ценностей. Все это позволит «человеку найти свое место, определить жизненную стратегию и наиболее приемлемый путь ее реализации» [2, с. 7].

Развертывание идеологического компонента с опорой на культуру и национальные традиции в значительной мере будет способствовать воспитанию патриотизма, принятию основных ценностей нашего общества, осознанию солидарности в обществе: «...Культура и история белорусского народа создает благоприятный фундамент для формирования патриотического мировоззрения граждан» [3, с.35].

В перспективе решаются такие задачи, как:

- усвоение смысла устройства и жизни в обществе;
- сохранение значимых народных традиций, ценностей и осознание каждым своей ответственности и долга;
- мотивирование определенных действий во имя мира, благополучия и гуманных идеалов не только нынешнего поколения, но и будущего;
- сохранение социокультурной и духовной самобытности, что поспособствует развитию осознанной гордости за наследие, нацию;

- грамотное восприятие медиаконструированной социальной реальности.

Социология культуры оказывает влияние на генезис и общую картину культуры с точки зрения развития общества. «Стратегической целью развития культуры является повышение ее социальной роли в жизни белорусских граждан, упрочение статуса Беларуси в мире как самостоятельного высококультурного государства, бережно сохраняющего свое историческое наследие, реализующего конституционные права граждан» [4]. Кроме того, в условиях глобализирующегося мира весьма важным представляется сравнительный анализ духовно-нравственных, идеологических и социокультурных компонентов различных цивилизаций. Социологический анализ культур и характера их влияния на поведение людей, в различных социокультурных средах помогает лучше понять как собственную идеологию, политическую культуру, так и культуры других стран, раскрыть перспективы их генезиса, процессы взаимовлияния и взаимообогащения. Это особенно важно в связи с тем, что белорусское общество все активнее становится неотъемлемой частью глобализирующегося мира, стремится обеспечить свои национальные интересы, сохранив культурное и духовное наследие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов Е. М. Прикладная социология: учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2000. – 496 с.
2. Бабосов Е. М. Основы идеологии белорусского государства: учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 176 с.
3. Масленченко С. В. Идеология белорусского государства: учеб. пособие. – Минск: Акад. МВД, 2020. – 169 с.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] - 2020. – URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).

УДК 613.99.618.1/5

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сивакова С.П.

доцент кафедры общей гигиены и экологии, ГрГМУ

кандидат медицинских наук, доцент

(г. Гродно, Беларусь)

Смирнова Г.Д.

старший преподаватель кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии, ГрГМУ

(г. Гродно, Беларусь)

Актуальность. Предметом интереса не только медицинской практики, но и мировой общественности в последние десятилетия является состояние репродуктивного здоровья (далее - РЗ) населения в свете его влияния на демографическую ситуацию. В нашем обществе произошло много социально-экономических перемен, которые нивелируют влияние семьи и усиливают воздействие общества на развитие личности [1]. Актуальность вопроса сохранения репродуктивного потенциала девушек-подростков обусловлена как негативными в настоящее время показателями количественного и качественного воспроизводства населения, так и ухудшающимися характеристиками здоровья матери и детей [2]. Формирование установок на сохранение РЗ и репродуктивного потенциала населения нашей страны в сложившихся социально-экономических условиях, при развитии крайне неблагоприятных демографических процессов имеет большую социально-медицинскую значимость. Приоритетные задачи национальной политики Республики Беларусь направлены на охрану материнства и детства и сохранение РЗ нации [3].

Цель исследования: проведение социологического исследования факторов, влияющих на РЗ и репродуктивное поведение (далее - РП) современной молодежи, получающей медицинское образование, а также выяснение значимости различных источников получения информации.

Материал и методы исследования. Проведена статистическая обработка результатов социолого-диагностического исследования у 1323 студентов лечебного и педиатрического факультетов медицинских ВУЗов Беларуси, Литвы и России с использованием пакета программного обеспечения «Statistica 10.0».

Результаты и их обсуждение. Полученные данные по результатам анкетирования показали, что каждый человек определяет состояние своего здоровья субъективно. В большинстве своем молодежь отдает предпочтение физическому благополучию, тогда как духовное и социальное не причисляются к необходимым и жизненно важным аспектам жизни человека. При проведении экспресс-теста по отношению к собственному здоровью учитывалось, что самооценка здоровья респондентов лишь частично может выражать его реальное состояние, так как она носит субъективный характер и зависит от субъективного самочувствия респондентов. Так же имеет значение и другие факторы, которые не всегда основываются на данных результатах медицинских обследований. Как показали результаты исследований, за время учебы в университете состояние здоровья студентов ухудшается (табл. 1).

Таблица 1. Самооценка состояния здоровья студентов

Студенты		0-2 балла		3-6 баллов		7-10 баллов	
		Хорошее		Удовлетворительное		Плохое	
		M ±m	%	M ±m	%	M ±m	%
Беларусь	2 курс	1,54 ± 0,03	17,1	5,03 ± 0,07	54,2	8,12 ± 0,1	28,7
	5-6 курс	1,48 ± 0,09	14,6	4,99 ± 0,05	64,3	8,23 ± 0,06	21,1
Литва	2 курс	1,59 ± 0,07	22,7	5,67 ± 0,07	44,2	7,93 ± 0,09	33,1
	5-6 курс	1,51 ± 0,08	16,6	5,31 ± 0,09	62,3	7,55 ± 0,08	21,1
Россия	2 курс	1,61 ± 0,07	19,6	5,07 ± 0,08	52,5	8,07 ± 0,06	27,9
	5-6 курс	1,58 ± 0,07	15,4	4,78 ± 0,08	57,4	8,03 ± 0,06	27,2

Вопросы здоровья актуальны для всех возрастных групп. Особенно они важны для учащейся молодежи, поскольку оно влияет на успешность учебной деятельности, отношение в семье, стабильности настроения и жизнеспособности личности. Так считают 78,93% респондентов. 49,55% молодых людей не уверены, что человек должен уделять достаточно времени формированию здоровью, 21,27% – готовы посвятить этому только часть своего свободного времени и только 20,33% считают, что поддержание здоровья – это стиль жизни.

Угрозу для здоровья на данный момент для 48,21% респондентов представляет их собственный образ жизни – это неполноценное питание, вредные привычки, гиподинамия. Так же студенты отмечают влияние окружающей среды (40,28%), стресса (21,39%) и заболевания (12,12%). Все респонденты знакомы с понятием здорового образа жизни (далее - ЗОЖ), и при этом 91,14% уверены, что, соблюдая ЗОЖ можно улучшить свое здоровье. Важность ЗОЖ для 50,17% студентов состоит в прекрасном самочувствии и в отсутствии заболеваний, а для 27,23% возможность достижения поставленных целей и благополучия. Забота о своем эмоциональном состоянии волнует 23,44% девушек. Никто из юношей не знаком с понятием эмоционального благополучия. Примечательно, что, отвергая заботу о душевном спокойствии, 28,13% юношей отнесли к ЗОЖ секс.

Анализ приоритетов выбора жизненных ценностей показывает, что молодежь отдает предпочтение материальной обеспеченности, образованию, уверенности в себе и своему внешнему виду. Современная молодежь на первое место ставит материальную обеспеченность (93,5%±0,03), на второе – любовь и развлечения (89,5%±0,04), на третье – образование и интересную работу (84,3%±0,06). К сожалению, в шкале жизненных ценностей, как и раньше, здоровье занимает только шестое место. Однако многие студенты отметили, что наличие здоровья дает уверенность в себе, способствует самореализации личности, помогает в решении проблем. Заинтересованность факторами, влияющими на репродуктивное здоровье (РЗ) и репродуктивное поведение (РП) среди молодежи, получающей медицинское образование, достаточно высокая во всех группах респондентов (89,5%). Тем не менее, большинство молодых людей не видят разницы между понятиями РЗ и РП (57,9%). Большинство студентов выбирали лишь отдельные составляющие компоненты понятий РЗ и РП, что свидетельствует либо о незнании, либо о недостаточном понимании молодыми людьми сущности и широты этого понятия. Хотя необходимые знания о здоровье, в том числе и репродуктивном, должны закладываться в учреждениях образования. Важную роль играют родители и семья.

К факторам, влияющим на РЗ, студенты отнесли: вредные привычки (61,0%), беспорядочное половое поведение (43,9%), заболевания, передающиеся половым путем (40,2%), безответственность по отношению к своему здоровью (39,0%).

Основными факторами, формирующими РП, будущие медики считают здоровье родителей (56,1%), роль семьи (48,8%), влияние вредных привычек (46,3%), неблагоприятных условий жизни и труда (45,1%). Менее значимыми оказались такие факторы, как аборт (24,4%), питание кормящих матерей и беременных женщин (24,4%), экологические факторы (20,7%) и религиозные убеждения (18,3%).

Способствуют нарушению репродуктивного здоровья, являются так же инфекции, передаваемые половым путем (далее - ИППП). Как показали результаты исследования, подавляющее большинство респондентов (92,9%) знают, какие инфекции передаются половым путём, но не все имеют представление о том, как можно предотвратить заражение.

Раннее начало половой жизни стало типичным явлением среди молодежи: от 56,6% респондентов имеют опыт сексуального общения. Со вступлением в брак связывают начало половой жизни только 43,3% девушек. Большинство студентов считают, что вступать в интимные отношения можно с 17-18 лет.

Увеличение количества аборт в наше время большинство (82,9%) связывают с тем, что люди стали менее ответственными, а для 4,3% респондентов этой проблемы не существует. Наиболее частой причиной искусственного прерывания беременности респонденты считают материальные проблемы (72,9%), жилищные трудности (36,1%), нежелательную беременность (35,5%), изменение жизненных планов (20,1%), плохие семейные отношения (15,4%). Говоря о физиологических последствиях искусственного прерывания беременности, 36,9% студентов отметили, что в результате проведения данной процедуры причиняется вред здоровью в целом, а не только репродуктивной системе. 33,9% респондентов осведомлены, что проведение аборта впоследствии приводит к бесплодию, 19,2% – указывают на психологическую травму, 10,8% – затруднились ответить. Больше половины респондентов считают, что имеет значение воспитание (56,7%), религия (34,5%), изменения отношения общества к этой проблеме (5,4%). На значение брачных отношений указали всего лишь (3,3%).

При получении информации о РЗ и РП большинство респондентов руководствуются советами медицинских работников (76,8%), интернетом (15,9%), средствами массовой информации (3,8%) и помощью друзей (2,4%). Родители разговаривали о репродуктивном здоровье только с 34,1% респондентов. Лишь 11,8% молодых людей отметили, что обсуждают в компании эту тему, но у 72,4% в основном интерес при общении друг с другом вызывают вопросы, касающиеся сексуальных отношений сверстников, нежелательной беременности, гендерных различий в сексуальной активности. Большинство респондентов (56,2%) сходятся во мнении, что в настоящее время существует огромное количество информации, посвящённой вопросам сексуального поведения, контрацепции, заболеваниям половой системы, а вот вопросам сохранения репродуктивного здоровья уделяется недостаточно внимания.

Выводы. Полученные данные свидетельствуют, с одной стороны, об определенных нравственных изменениях в обществе к факторам, влияющим на РЗ и РП, с другой – о недостаточной осведомленности молодежи о сохранении РЗ и методах контрацепции, способах возможного заражения ИППП. Для многих молодых людей характерным остаётся рискованное половое поведение. Но при этом молодёжь испытывает высокую потребность в получении достоверной информации по вопросам формирования здоровья, удовлетворить которую можно совершенствованием образовательных программ в данной сфере, расширением информационного пространства, обучением практическим навыкам сохранения и укрепления, своевременным и качественным консультированием молодёжи по этим вопросам РЗ и РП. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о необходимости непрерывного валеолого-гигиенического образования в средних и высших учебных заведениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов А. И., Медков В.М., Синельников А.Б. Репродуктивное поведение и диагностика рождаемости // Население России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы. – М., 2012. – С. 157-201.
2. Репродуктивное здоровье [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: http://adolesmed.szgmu.ru/s/15/reproduktivnoe_zdorowye.html (дата обращения: 14.05.2020).
3. Репродуктивное здоровье [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <http://www.km.ru/referats/725CFE3F1B6A4498ACB9B83E23396FEE> (дата обращения: 19.10.2020).

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО*Сичкаренко Г.Г.**профессор, ГУТ**доктор исторических наук, доцент**(г. Киев, Украина)*

Современный этап развития украинского и белорусского общества, связанный с процессом информатизации, требует постоянного осмысления на теоретическом и эмпирическом уровнях. В центре общественного интереса всегда находятся вопросы социального равенства, одинаковых возможностей доступа к различным благам и защиты гражданских прав. Совет ООН по правам человека к основным правам человека отнес доступ к Интернету.

Попытаемся рассмотреть, что происходит с обеспечением этих прав, ведут ли они к социальному равенству, какова диалектика взаимоотношений традиционных форм неравенства (экономического, политического, социального, культурного, образовательного и д. п.) и нового, возникающего в современном обществе – информационного неравенства, а более точно - цифрового неравенства.

Социальное неравенство относится к базовым имманентным характеристикам общества. На заре возникновения теорий информационного общества в работах Д. Белла, Й. Масуди, О. Тоффлера и других социальных философов утверждалось, что информатизация расширяет социальное равенство и демократию. Б. Франкел называл таких теоретиков «постиндустриальными утопистами» [1].

Информационное неравенство как составная часть социального неравенства никуда не девается. Как и в предыдущие исторические эпохи, доступ к базовой информации имеют высшие слои общества. Отгораживаясь стеной иероглифов или текстов на латыни, закрытыми учебными заведениями и частными учителями от основной массы людей, элиты сохраняли контроль над информацией и населением. С нашей точки зрения, владение информацией и социальное неравенство находятся в диалектическом взаимодействии. Обладание информацией есть и следствием принадлежности к привилегированным слоям общества и её базовым основанием. Имея широкий свободный доступ к информации и используя её, информационно богатые люди становятся более богатыми, а информационно бедные - еще беднее. Как афористично высказался Н. Ротшильд: «Кто владеет информацией – тот владеет миром».

Существует много определений понятия «информационное (цифровое) неравенство». Мы будем понимать его как новый вид социальной дифференциации, вытекающий из разных возможностей доступа и использования новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Главные социальные факторы, которые влияют на цифровое неравенство, можно поделить на четыре группы: место проживания (городское и сельское население); социально-экономические и социально-демографические группы; уровень образования; экономическая развитость / неразвитость стран. Неравенство при этом определяется не только доступом к Интернету и ИКТ, а и их качеством, способами и стоимостью его использования. В невыгодном состоянии находятся люди с ограниченными физическими возможностями.

Цифровое неравенство, с нашей точки зрения, можно рассматривать в трёх ипостасях. С одной стороны, как следствие или составную часть указанных сложившихся форм неравенства, с другой – как самостоятельный вид неравенства, который еще более углубляет традиционные её формы, добавляя в них свои параметры, с третьей – в качестве создателя новых информационно бедных слоев населения, которые в более раннем периоде не относились к социально ограниченным слоям населения, например, большая группа людей старше 60 лет; не владеющие языками, на которых представлен контент и т. п. Сюда можно отнести также тех, которые сами отказываются от приобщения к ИКТ из-за определённых мировоззренческих, психологических (отсутствие мотиваций, потребностей, интереса) установок и т.п. Кто-то считает это роскошью, слишком сложным для понимания и ненужным, другие обеспокоены проблемами конфиденциальности, доверия, безопасности и др. Таким образом, категория информационно бедных - это достаточно сегментарная и неоднородная категория людей.

Новый актуальный подход к пониманию информационного неравенства все больше включает такую компоненту как информационная (цифровая) грамотность. Она включает, кроме набора знаний и умений, которые необходимы для эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета, также (и это становится все важнее) способность критически оценивать информацию, полученную через медиаресурсы, и применять ее для решения проблем и получения знаний.

Критическая оценка информации – это способ мышления, который помогает ориентироваться в информационной среде и которому нужно учиться. Недостаток образования, клиповое мышление приводят к тому, что ИКТ используются массами пользователей в виде так называемого «информационного мусора». Понятие «клиповое мышление» было введено в научный оборот Э. Тоффлером как составляющая всеобщей информационной культуры, которая сложилась в конце XX в. [2]. Оно характеризует процесс отображения разнообразных свойств объектов без учета связей между ними, что характеризуется фрагментарностью и разнородностью информационного потока, алогичностью, высокой скоростью переключений между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия. Растущие информационные потоки делают процессы восприятия, понимания и оценки информации все более сложными. Клиповое мышление как составляющее информационной культуры кардинально отличается от типов культуры, которые существовали на предыдущих этапах развития.

Население в массе своей оказалось неспособно качественно работать с информацией. В яркой упаковке массовая интернет-информация развлекает, отвлекает, содержит массу сплетен и очень мало ценной информации. В таком случае распространения ИКТ и некритическое восприятие информации способствует манипулированию массовым сознанием и контролю за ним. Манипулирование и политико-идеологический контроль существовали и прежде, но современные ИКТ это значительно упростили и еще начали делиться данными об интересах и потребностях пользователей интернета с коммерческими и прочими структурами.

Цифровой разрыв является выгодным для власть предержащих, поскольку лишает определенную часть общества доступа к власти и богатству, которые приходят с качественной информацией и образованием. Это же наблюдается на международной арене.

Эмпирическими исследованиями доказывается, что критичность оценки информации увеличивается с ростом образовательного уровня. Так, американские исследователи П. Кеннеди и А. Прат, опираясь на анализ получателей новостей в 18 развитых стран, доказали, что население с низким уровнем дохода и образования использует меньшее количество источников информации. Новости из источников, которые в основном потребляет малообеспеченная аудитория, имеют большую «медиа-силу» и коммерческий характер. П. Кеннеди и А. Прат говорят о порочном круге, благодаря которому информационное неравенство порождает медиаувлечения, защищая тем самым политические интересы элит и сохраняя неравенство доходов, что, в свою очередь, увеличивает информационное неравенство [3].

Подавляющее большинство научных исследований социологов, историков, экономистов, политологов, социальных философов посвящаются проблемам устранению информационного неравенства, между тем, с нашей точки зрения, необходимо усиливать нарративы относительно расширения информационной грамотности населения, умения распознавать и критически оценивать доставляемую информацию, использовать разные каналы получения информации.

В украинском обществе присутствует глубокий цифровой раскол. Показателем этого является, прежде всего, отсутствие современной телекоммуникационной инфраструктуры во многих регионах страны, в частности - доступа к широкополосному Интернету. По официальным данным, в Украине уровень проникновения последнего составляет 11,8 абонента на 100 человек населения (в соседней Словакии – 23,3, а в Беларуси – 31,4). По данным отчета Международного агентства «Digital in 2018», только 58% населения страны пользуются сетью Интернет [4, с. 92]. Согласно рейтингу стран мира по уровню развития ИКТ, в 2017 г. Беларусь занимает 32-ю позицию, из бывших республик СССР пропуская вперед только Эстонию. Украина – 79 место (73 – в 2014 г.), замыкая перечень бывших советских республик [5].

В 2019 г. в Министерстве цифровой трансформации Украины впервые был определен процент цифровой грамотности своих граждан по методике Европейской комиссии. По этим данным, 37,9% украинцев имеют цифровые навыки на уровне ниже среднего, а 15,1% вообще не владеют ими. Таким образом, 53% украинцев находились ниже отметки «средний уровень» [6]. Как сообщает MediaSapiens, организация Cable обнародовала рейтинг скорости Интернета в 207 странах мира в 2019 г. Украина оказалась на 81 месте, потеряв 23 позиции по сравнению с 2018 г. [4, с. 92]. Итак, по показателям цифрового неравенства и развития ИКТ Украина остается сравнительно отсталой страной, уступая по многим параметрам Беларуси.

Информатизация в социально-философском ключе трактуется как «научно-технический, организационный и социально-экономический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов с применением современных информационных технологий» [7, с. 284]. Мы

показали, что это далеко не линейный процесс. В современных условиях всепроникающих информационно-коммуникационных технологий цифровое неравенство возрастает, углубляет традиционные формы неравенства и способно нести новые угрозы обществу связанные с возрастанием манипуляций, контроля и вмешательством в частную жизнь человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Франкел, Б. Постіндустріальні утопісти / пер. з англ. О. Юдіна. - Київ: Ніка-Центр, 2005. – 304 с.
2. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. – Москва: АСТ, 2002. – 557 с.
3. Kennedy P., Prat A. Information inequality [Electronic source]. – 2020. – URL: <https://voxeu.org/article/information-inequality> (дата обращения 25.09.2020).
4. Миськевич Т. Цифрова нерівність у сучасному суспільстві: український вимір світових тенденцій // Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук. – 2019. – Вип. 3. – С. 87-107.
5. Рейтинг стран по уровню развития информационно-коммуникационных технологий 2017. [Electronic source]. – 2020. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/it-index> (дата обращения 25.09.2020).
6. Дослідження цифрової грамотності населення [Electronic source]. – 2020. – URL: <https://ms.detector.media/print/23983/> (дата обращения 25.09.2020).
7. Кивлюк О.П. Информатизация та інформаційна цивілізація: соціально-філософський аспект // Гілея. Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки: науковий вісник: збірник наукових праць. – Київ: 2011. – Вип. 44. – С. 279-285.

УДК 001:331.102.312 (476)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Соловей А.П.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Одним из важных аспектов при разработке специальных механизмов и принятии мер, поддерживающих гендерное равенство в научной академической сфере, является учет мнений непосредственно субъектов науки относительно равных возможностей ученых-мужчин и ученых-женщин в профессиональной научной деятельности, необходимых для построения успешной научной карьеры. Данное мнение может формироваться как под влиянием гендерных стереотипов, бытующих в научной среде, так и на основании личного опыта ученых, и отражать реальное положение дел в той области науки, в которой ведется научно-исследовательская деятельность.

По результатам социологического исследования, проведенного при поддержке гранта БРФФИ «Наука-М» (договор № Г19РМ-028) в 2020 г. с целью изучения профессионального положения и миграционных намерений научных работников Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси), рассмотрим профессиональные возможности мужчин и женщин ученых. В ходе исследования был опрошен 501 респондент, предельная ошибка выборки не превышает 4,17 %, с уровнем значимости 0,05, что позволяет экстраполировать результаты исследования на изучаемую генеральную совокупность – научных сотрудников НАН Беларуси. В таблице 1 представлено мнение ученых о равных возможностях в профессиональной деятельности мужчин и женщин ученых.

Подавляющее большинство ученых (86,3 %) считают, что ученые-мужчины и ученые-женщины в НАН Беларуси имеют равные возможности получения ученой степени кандидата наук (в т. ч. 87,5 % – мужчин-ученых, 85,7 % – женщин-ученых). По мнению более половины опрошенных (65,9 %), возможность получить ученую степень доктора наук является равной для мужчин и женщин. Однако практически каждый пятый (21,4 %) полагает, что таких возможностей больше у мужчин. Доля тех, кто так считает, выше среди женщин, чем мужчин: различия 29,5 % и 11,6 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 5,022$, $\rho < 0,001$.

Таблица 1. Мнение ученых относительно равных возможностей у мужчин и женщин ученых в научной деятельности НАН Беларуси (в %, в целом по выборке)

	У мужчин возможностей больше	Возможности равные	У женщин возможностей больше	Затрудняюсь ответить
Получение ученой степени кандидата наук	5,9	86,3	1,2	6,7
Получение ученой степени доктора наук	21,4	65,9	1,0	11,7
Получение академического ученого звания	35,4	44,0	1,0	19,6
Руководство отечественным грантом	9,6	73,6	0,8	16,1
Руководство зарубежным грантом	14,6	65,3	0,8	19,0
Должностной рост	36,2	49,3	0,8	13,7
Повышение заработной платы	23,1	61,1	0,4	15,4

Относительно возможностей получения академического ученого звания мнение респондентов разделилось. Считают, что возможности равные 44,0 %, при этом доля тех, кто так думает, практически в полтора раза выше среди мужчин-ученых, нежели женщин-ученых: различия 52,0 % и 37,1 % статистически значимы ($\varphi^*_{эмп} = 3,312$, $\rho < 0,001$). В то же время, по мнению 35,4 % ученых, у мужчин возможностей больше получить академическое ученое звание, при этом доля тех, кто так думает, практически в два раза выше среди женщин-ученых, чем мужчин-ученых: различия 44,7 % и 24,4 % статистически значимы ($\varphi^*_{эмп} = 4,742$, $\rho < 0,001$).

Возможности карьерного продвижения равные у мужчин и женщин в науке по мнению практически половины опрошенных. Среди тех, кто считает, что возможности продвинуться по должностной лестнице равные, выше доля мужчин, чем женщин: различия 58,9 % и 41,1 % статистически значимы ($\varphi^*_{эмп} = 3,943$, $\rho < 0,001$). В то время как доля тех, кто считает, что данных возможностей больше у мужчин, выше в два раза среди женщин-ученых, нежели мужчин-ученых (различия 46,8 % и 23,7 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 5,406$, $\rho < 0,001$).

Что касается заработной платы в науке, то большинство ученых считает, что возможности ее повышения равные. Однако доля тех, кто так думает, выше в два раза среди мужчин, чем женщин: (различия 46,8 % и 23,7 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 5,406$, $\rho < 0,001$). При этом доля тех, кто уверен, что возможностей повышения заработной платы больше у мужчин, выше в три раза среди женщин-ученых, нежели мужчин-ученых: различия 33,8 % и 10,3 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 6,482$, $\rho < 0,001$.

Возможности руководства как отечественным, так и зарубежным грантами, по мнению большинства ученых, у мужчин и женщин равные. Вместе с тем, доля тех, кто так считает, выше среди мужчин-ученых, нежели женщин: 78,2 %, 73,2 % и 70,1 %, 58,8 % соответственно. Среди тех, кто полагает, что данных возможностей больше у мужчин, выше доля женщин. Возможностей руководства отечественным грантом больше у мужчин по мнению 13,0 % женщин-ученых и 4,9 % мужчин-ученых. Доля тех, кто уверен, что возможностей руководства зарубежным грантом больше у мужчин, в два с половиной раза выше среди женщин (20,4 %), среди мужчин уверены в этом лишь 8,0 %.

Большинство ученых (63,9 %) согласны с тем, что «женщине в сравнении с мужчиной сложнее сочетать профессиональные и семейные обязанности». При этом, доля тех, кто так считает, выше среди женщин-ученых, нежели мужчин-ученых: различия 67,8 % и 59,5 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 1,884$, $\rho < 0,04$. Не согласны с данным утверждением 28,6 % (в т. ч. 30,9 % – мужчин-ученых и 26,2 % – женщин-ученых).

Мнение о том, что «стеклянный потолок» в качестве профессионального барьера применим больше к женщинам-ученым, чем к мужчинам-ученым, разделилось практически поровну: согласны – 40,9 %, не согласны – 41,9 %. Среди тех, кто согласен с данным барьером, доля женщин практически в два раза выше, чем доля мужчин: 52,5 % и 27,5 % соответственно ($\varphi^*_{эмп} = 5,594$, $\rho < 0,001$). В то время как среди несогласных, доля мужчин в полтора раза выше, чем доля женщин: 51,3 % и 33,8 % соответственно ($\varphi^*_{эмп} = 3,907$, $\rho < 0,001$).

Таблица 2. Степень согласия ученых НАН Беларуси с гендерными стереотипами и гендерно нейтральными утверждениями (в %, в целом по выборке)

	Полностью согласен/а	Скорее согласен/а	Скорее не согласен/а	Полностью не согласен/а	Затрудняюсь ответить
Женщине в сравнении с мужчиной сложнее сочетать профессиональные и семейные обязанности	20,8	43,1	20,0	8,6	7,6
«Стеклянный потолок» – невидимые барьеры, ограничивающие продвижение по служебной лестнице по причинам, не связанным с профессиональными качествами, – применим больше к женщинам-ученым, чем мужчинам-ученым	11,2	29,7	29,1	12,8	17,1
Наука – мужская сфера деятельности	1,4	6,3	29,6	57,1	5,5
Женщина менее компетентна как ученый	1,2	4,4	23,9	66,8	3,7
Научные достижения женщин-ученых в вашей области науки не менее значимы, чем достижения мужчин-ученых	38,2	37,1	10,0	4,3	10,4

Большинство ученых не разделяет патриархальные представления о женщинах-ученых. Со стереотипом *«наука – мужская сфера деятельности»* не согласны 86,7 %, при этом среди тех, кто так не считает, доля женщин превалирует над долей мужчин: 91,2 % и 81,5 % соответственно ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,160$, $\rho < 0,001$). Не считаю, что *«женщина менее компетентна как ученый»* 90,7 % опрошенных (среди них женщины превалируют над мужчинами: 95,3 % и 85,5 % соответственно, $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,778$, $\rho < 0,001$). В то время как среди той незначительной доли, которая согласна с данным стереотипом, мужчин практически в пять раз больше, чем женщин: 9,5 % и 2,0 % соответственно ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,792$, $\rho < 0,001$).

Согласны с тем, что *«научные достижения женщин-ученых в вашей области науки не менее значимы, чем достижения мужчин-ученых»*, 75,3 % ученых (в т. ч. 83,4 % – женщин-ученых, 65,7 % – мужчин-ученых). Каждый седьмой ученый не согласен с данной позицией – 14,3 %, при этом, среди несогласных, доля мужчин практически в три раза выше, чем доля женщин: 21,7 % и 7,9 % соответственно ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 4,342$, $\rho < 0,001$).

Таким образом, изучение мнения ученых относительно профессиональных возможностей женщин и мужчин в науке, которое детерминируется их жизненным и профессиональным опытом, позволяет сделать следующие основные эмпирически обоснованные выводы, необходимые для дальнейшего развития гендерной политики в научной академической сфере. *Во-первых*, большинство ученых считает, что различные возможности профессиональной деятельности у мужчин и женщин в НАН Беларуси равные. Однако, среди тех, кто так не считает и уверен, что данных возможностей больше у мужчин, доля женщин превалирует над долей мужчин. *Во-вторых*, абсолютное большинство ученых (и мужчин, и женщин) не согласны с гендерными стереотипами относительно интеллектуальных способностей женщин и утверждения науки в качестве мужской профессии. *В-третьих*, среди тех, кто считает, что женщина является менее компетентной как ученый и что научные достижения женщин-ученых менее значимы, чем достижения их коллег-мужчин, доминируют мужчины. *В-четвертых*, несмотря на то, что более половины ученых солидарны с тем, что женщина испытывает больше сложностей при реализации «двойной нагрузки», чем мужчина, практически треть ученых считают, что мужчине также сложно сочетать семейные и профессиональные обязанности. *В-пятых*, барьеры, ограничивающие продвижение по служебной лестнице по причинам, не связанным с профессиональными качествами применимы и к женщинам-ученым, и мужчинам-ученым, т. е. «стеклянный потолок», которому стереотипно подвергаются женщины, – профессиональная преграда для ученых, в независимости от их пола.

В заключение хотелось бы отметить, что данные, полученные в ходе социологического исследования, могут быть использованы в качестве эмпирической основы для разработки научно-обоснованных модулей гендерного образования с целью повышения гендерной культуры белорусского общества и минимизации распространения гендерных стереотипов в научном сообществе.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, МОДЕЛИ¹**Титаренко Л.Г.***профессор кафедры социологии, БГУ**доктор социологических наук, профессор**(г. Минск, Беларусь)*

Современные концепции цифровой трансформации, представленные и используемые в современной социологии, различаются как по своим парадигмальным основам, так и непосредственной близости к той или иной научной дисциплине, на которую ориентируются социологи. Сразу отметим, что такие концепции в зарубежной литературе существуют, как правило, за пределами социологии и относятся к экономике, техническим и другим наукам, непосредственно анализирующим современные инновации (включая системные) в научно-техническом развитии общества. В них комплексно рассматриваются технологические уровни развития общества, включая нынешний, который характеризуется высокой степенью цифровизации всех сфер экономики, управления, сферы обслуживания, повседневной жизни и т.п. С этой целью нами были проанализированы научные статьи, опубликованные в ведущих белорусских и российских изданиях за последние 3-4 года. Попытаемся связать анализ выделенных подходов с существующими парадигмами, а также представить различия в основных проблемах и моделях, соответствующих этим подходам. Очевидно, что экономисты делают акцент в интерпретации цифровой трансформации на внедрение цифровых технологий в экономическую сферу и в практическую деятельность, другие отрасли народного хозяйства [1], описывают данный феномен как коренное изменение сферы экспорта и рынков в целом [2]. Представители социальных наук подчеркивают изменения в повседневной жизни человека и общества в связи с освоением ИКТ, использованием сетей и изменением общества. Поскольку в результате цифровой трансформации формируется информационное общество, они подчеркивают важность повсеместного овладения цифровой грамотностью, включающей цифровое потребление, цифровую компетентность и цифровую безопасность [3].

Попытаемся выделить основные научные подходы и затрагиваемые в них проблемы. Первый подход - экономический, в рамках которого цифровая трансформация рассматривается как качественные изменения в структуре экономики, заключающиеся в цифровых преобразованиях как в макросреде (глобальная экономика, международные коммуникации, торговля), так и в рамках отдельно взятого государства. Цифровая трансформация постоянно усиливается за счет того, что жизненный цикл технологий сокращается. Это является результатом усиления конкуренции на международном уровне, которая предъявляет новые требования к управлению производства товаров, цифровыми преобразованиями, информацией [4]. Модель цифровой трансформации под этим углом зрения – это, прежде всего, механизм создания и практического использования технико-экономических инноваций в целях развития экономики и качества жизни населения.

Второй подход технократический, акцентирующий роль информационных технологий как средства решения социальных проблем. Он активно используется в работах по цифровому обществу [5]. Согласно данному подходу, технико-технологическое развитие предопределяет тенденции трансформации общества, в нем большое внимание уделено проблемам использования экспертных знаний в политическом управлении и цифровой культуры, включающей технико-технологические и управленческие аспекты. Будущее человеческого общества – виртуализация реальности и цифровизация всей жизнедеятельности, превращение цифровой культуры в ядро человеческой культуры. Технократическая модель цифровизации включает в качестве субъектов экспертов – носителей технических знаний и ИКТ, преодолевающих возникающие социальные проблемы посредством создания информационно-технических инноваций [6; 7].

Следующий подход - гуманистический, или культурологический, утверждающий, что человеку для полноценного развития нужны не только новые знания и овладение ИКТ, но и этические ценности: не человек для техники, а техника для человека. Цели развития человека должны быть выше всего, чтобы технологические инновации не нанесли ущерб развитию личности, не привели к резкому росту технологического неравенства. Авторы подчеркивают вред от абсолютизации роли цифровизации в развитии общества и подчеркивают необходимость сохранения «человека разумного» [8]. С позиции

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-109 /The reported study was funded by BRFFR, project number Г20Р-109.

культурологического подхода изучается степень и скорость усвоения элементов цифровой трансформации, рассматривается, как в рамках общенациональных (макро) и локальных (микро) структур происходит прогресс в информационно-технологическом компоненте; откуда осуществляется внедрение элементов цифровизации (насаждается сверху или развивается «снизу»), как меняется роль человека в этих процессах.

Имеет место совмещение технократического и гуманитарного подхода. Так, Е. Елькина анализирует многомерную и оцифрованную модели человека и подчеркивает, что сегодня вторая модель как «результат конвергенции технонауки и социально-гуманитарного знания определяет стратегии общественного развития, включая сферу образования и культуры». Именно эта модель отвечает текущим потребностям цифровой экономики, хотя и несет риски для будущего человечества [9].

Значительное место отводится анализу негативных проблем (в сфере занятости, переобучения работников, стимулирования повышения квалификации работников неперспективных производств), связанных с непродуманной цифровизацией труда, в рамках социологического подхода [10]. Социологи обсуждают трудовую мобильность в условиях цифровизации, правовой аспект проведения технологических инноваций, отмечают рост цифрового разрыва между отраслями, фирмами, странами. Социологическая модель включает мотивы, стимулы труда в цифровой экономике, социальные условия проведения цифровых преобразований, их последствия.

Широкое распространение в литературе получил образовательный подход. С позиций этого подхода цифровая трансформация – это изучение влияния ИКТ на повседневные практики в образовательном процессе, изменяющаяся роль информационных ресурсов в процессе обучения. С одной стороны, обучение можно анализировать как процесс неизбежной адаптации людей к новым технологиям, и тогда роль человека в образовательной модели цифровой трансформации будет пассивной (только экспертные группы профессионалов - наставников выступают как творческие субъекты в этом процессе). С другой стороны, весь процесс обучения может стать творческим, а ИКТ будут его частью, служащей цели получения новых знаний, соответствующих потребностям обучающихся и в то же время помогающим им овладевать новыми профессиями в цифровой экономике [11; 12]. В цифровой трансформации высшего образования выделяют четыре тренда, связанные с внедрением в образовательный процесс цифровых технологий и инструментов: формирование модели смешанного обучения; переход к онлайн-обучению; создание виртуальной (цифровой) образовательной среды; изменение подхода к управлению образовательными организациями.

В целом, на уровне общества механизм цифровой трансформации различается в указанных подходах по роли, отводимой человеку-творцу в процессе создания новых технологий, человеку-потребителю и работнику – в обучении ИКТ и росте востребованных компетенций, а также в мере свободы субъектов этого процесса в использовании результатов цифровизации в различных сферах жизни общества. Независимо от наличия управляющих органов, желающих регулировать цифровую трансформацию, она во многом подчиняется законам, которые необходимо изучать.

Вероятно, конкретная модель, включающая мотивационный уровень и саморефлексию агентов по поводу новых ИКТ и результатов их внедрения в повседневные практики, в производство, обучение, культуру, должна создаваться для каждой практической сферы цифровизации. Однако в литературе этот аспект цифровой трансформации пока не получил должного отражения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Головенчик Г.Г., Ковалев М.М. Цифровая трансформация и экономический рост (на примере белорусской экономики) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. – 2018. – № 1. – С. 102-121.
2. Plotnikov A.V., Demiryirek K., Nawamarita H., Mikhailova S.D. The impact of digital transformation on the economy // Московский экономический журнал. 2020. № 7. [Электронный ресурс] URL: <https://www.researchgate.net/publication/343481044> (дата обращения 20.10.2020).
3. Киселева Л.С., Семёнова А.А. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – №4. – С. 157-169.
4. Кауфман Н.Ю. Трансформация управления знаниями в условиях развития цифровой экономики // Креативная экономика. – 2018. – Т.12, № 3. – С.261-270.
5. Doueih M. Digital Cultures. – Cambridge MA Harvard University Press, 2011.
6. Корчагин С., Польшиков Б. Цифровая экономика и трансформация механизмов государственного управления. Риски и перспективы для России // Свободная мысль. – М., 2018. – №1. – С.23-36.
7. Панкратов И.Ю., Свертилова Н.В., Лидэ Е.Н. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации // Гос. служба. – М., 2018. – №1. – Т.20. – С.38-43.
8. Багдасарян В.Э. Постиндустриализм как когнитивное оружие // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. – 2018. – № 19. – С. 94-111

9. Елькина Е.Е. Цифровая культура как область междисциплинарных исследований: методологические подходы и тенденции развития // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – № 6(12). – С. 67–78.
10. Карапетян Р.В., Сизова И.Л., Бакаев М.А. Текущие и ожидаемые параметры прироста цифровых компетенций у занятого населения // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 111–134.
11. Гусейн-заде Р.Г. Подготовка кадров для инновационной экономики России // Альма-матер. – 2018. – № 11. – С. 12–17
12. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2020. - Т.13. - Вып. 1. - С. 84-101.

УДК 930+001:316 (477)

НОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Черевичный Г.С.
доцент, КНУ им. Т. Шевченко
кандидат исторических наук
(Украина, г. Киев)

Историография - это отрасль исторической науки, изучающая процесс накопления исторических знаний. В отличие от исторической науки, которая рассматривает прошлое, оперируя данными из исторических источников, реконструируя и анализируя их, историография исследует саму историческую науку, рефлексивно включая ее методы и средства. Историография как составная часть науки может развиваться только в широком междисциплинарном пространстве. Прежде всего речь идет о взаимодействии с другими историческими дисциплинами. Общая и национальная история дает огромный по объему и значимости материал для историографического анализа. Историография тесно связана с источниковедением, поскольку расширение круга источников, успехи их критического осмысления отражают общий уровень исторической науки. Процесс освоения привнесенных извне идей, принципов и теорий неразрывно сочетается с заимствованием новых или корректировкой значения уже знакомых понятий, с их встраиванием в имеющуюся языковую картину мира.

Понятие «историография» прошло сложный путь от разговорной речи к теоретическому концепту, от практик исторического письма, описания и критики событий к превращению в специальную отрасль, рефлексивную дисциплину, самосознание науки. Но и сегодня концепт «историография» не может обойтись без ментальных конвенций, уточнений и разъяснений.

С начала 1990-х годов историческая наука в Украине переживает настоящую «революцию понятий». В сфере социально-гуманитарных наук начались процессы вытеснения и замены марксистской терминологии националистической лексикой, переполненной многочисленными архаизмами, полонизмами, диалектизмами, законсервированными в среде украинской диаспоры. Историческая наука в современной Украине находится в сложной герменевтической ситуации (отбора, экспликации, «прояснения» новых идей-понятий, слов-понятий, норм-понятий и категорий). В эпоху глобальных кризисов происходит радикальное обновление языка науки: новые знания продуцируют новые идеи-концепты, наполняют новыми смыслами известные понятия; идут процессы интеллектуализации языка, прежде всего языка научного общения; наблюдается тенденция к индивидуализации языка и языковых средств самопрезентации историка.

История понятий является продуктом «лингвистического поворота» в гуманитаристике, специального внимания к определению смыслов устоявшихся, а также понятий и заимствований из других областей науки. Поэтому в современном историко-понятийном дискурсе определяющей становится лингвистическая методология. На примере ключевых понятий исторической науки прослеживается трансформация их семантических структур [1].

Историография составляет ядро исторической науки, ее рефлексивную составляющую, форму самосознания науки. Лексический багаж украинской историографии усложнялся, дополнялся, совершенствовался от эпохи модерна до наших дней. Обогащение и обновление понятийного аппарата украинской историографии происходило посредством заимствования и верификации терминов и понятий из смежных отраслей социогуманитарного знания.

Концептуальная история историографии проявляется не столько в системе понятий, а именно в процедурах их интерпретации. Поэтому здесь оказываются полезными процедуры герменевтики. Понимание выступает как «слияние горизонтов» автора и интерпретатора, развертывание

имманентной логики предмета. Всё это предполагает экспликацию, интерпретацию, неизбежно выводит на проблемное поле герменевтики.

В современной историографии происходит отказ от линейного видения социальной динамики, от так называемого «Большого нарратива». Этот подход заменяется установкой на интерпретационную плюральность нарративной истории. История может мыслиться только в форме словесного дискурса. Тем не менее современное историко-понятийное сознание должно устанавливать равновесие между анализом исторического материала и постмодернистскими практиками.

Распространенная форма исторического исследования – нарратив (рассказ) наполняется новым смыслом. Нарративная форма является главной в формировании традиционного знания. Народные истории рассказывают о том, что можно назвать успехами или неудачами, легитимирующих общественные институты (то есть выполняют функцию мифов), предлагают различные модели интеграции в устоявшиеся институты. Рассказы позволяют, с одной стороны, определить критерии компетентности, присущие обществу, в котором они рассказываются, а с другой – оценить, благодаря этим критериям, результаты, которые в нем достигаются или могут быть достигнуты. Нарративная форма, в отличие от развитых форм знания, допускает в себе множественность языковых игр. Нарратив как понятие фиксирует способ бытия повествовательного текста, в котором сознание и язык, бытие и время, человек и мир оказываются тесно взаимосвязанными.

Нарративная история является классической сферой возникновения и функционирования рассказа. В рамках нарративной истории смысл события трактуется не как фундированная «онтология» исторического процесса, а как то, что возникает в контексте рассказа о событии и имманентно связано с интерпретацией. Рефлексия над прошлым, по оценке методолога Х. Уайта, – это всегда рассказ, организованный с помощью сюжета, который его упорядочивает. рассказ. Уайт выделяет следующие уровни концептуализации в исторических произведениях: хроника, история, тип построения сюжета, тип доказательства, тип идеологического подтекста. Коммуникативный подход считает историка медиумом, который отбирает из исторического поля источников отдельные элементы, складывает их в определенную историческую картину и передает ее аудитории [2].

Новая украинская историография уделяет большое внимание понятийным средствам исторической науки, представляет собой специфическую культурно-терминологическую репрезентацию дисциплины. Тем не менее это вовсе не означает акцентирование статичности понятийного базиса историографии. Эта статика снимается и компенсируется благодаря сетевой модели науки, в этом случае историографии. Преимущества сетевого подхода заключаются не только в корреляции с современными концептами «сетевая цивилизация», «сетевая экономика», «сетевой менеджмент» и т. д., но и в том, что такой подход предполагает объединение различных составляющих, которые ранее рассматривали изолированно, автономно, даже герметично, в единую структуру взаимосвязанных элементов, между которыми постоянно происходит обмен информацией. Сеть выступает как принципиально новый, именно информационный, способ объединения и функционирования пространства науки.

Сетевая модель науки означает интеграцию разрозненных элементов (идей, теорий, биографий, научных институтов, академических школ, научных сообществ, научных династий, профессиональной идентичности, коллективной психологии, творческой лаборатории ученого, инноваций, интерактивных ритуалов) в бесшовную сеть взаимосвязанных элементов, между которыми постоянно циркулирует информация. Образование сети и является новой моделью изучения исторической науки. Инновационность сетевой модели исторической науки заключается в синтезе социологического, антропологического и микроисторического подходов, формирует междисциплинарно-сетевое пространство науки. Сетевой анализ актуализирует антропологическую составляющую историографии, в центре внимания которой оказывается не «безлюдная», деперсонифицированная история идей или научных институтов, а субъект (актор) процесса познания, носитель идей и организатор науки, который возникает в научной повседневности, в круговороте межличностных отношений.

Сетевой подход обогащает возможности историко-научного анализа, расширяет горизонт исследования, позволяет проникнуть в творческую лабораторию ученого, раскрыть механизмы творчества, интеллектуального взаимодействия, мотивации его научной поведения и деятельности [3].

Новая украинская историография сквозь призму понятийного аппарата концептуальной истории рассматривает традиционные особенности украинской культуры и ее историографии, кордоцентричность и феминность как ключевые признаки украинского мировосприятия обусловили лингвоцентризм отечественной культуры, науки и искусства. Считается, что в структурах научного сознания украинцев функции философии выполняла литература. Рационализм понятийного мышления в украинском дискурсе уступал образности мысли, гибкости языка, художественному восприятию

реальности. Недостаток строгих абстрактных категорий научного языка объясняется спецификой семантики разговорной украинской речи. В то же время украинской научной культуре присуща «энергия документальности», которая проявляется в эстетизации поиска источников, склонности к источниковедческим практикам. Такое положение вещей имплицитно подтверждает особый статус истории понятий в рамках украинской научной культуры.

Нельзя не отметить роль в становлении новой украинской историографии конкретного носителя его идей – профессора Ирины Ивановны Колесник, автора фундаментальных обобщений [1, 3-5] инициатора всеукраинских методологических семинаров, которые проводятся в Институте истории Украины НАН Украины. Эти семинары превратились в «неформальные колледжи», в которых происходит творческое общение, обмен мыслями, идеями, свободное обсуждение острых проблем теории и истории исторической науки. Они собирают исследователей не только из Украины, но и из России, Польши, Великобритании и других стран. На их базе издается Альманах теории и истории исторической науки «Эйдос» (опубликовано 9 выпусков), ценный источник для осмысления новых методологических проблем историографии.

Новаціонний потенціал нової української історіографії зосереджений в широкому спектрі теоретико-епістемологічних можливостей. Однак це не абстрактні розмишлення і реконструкції, вони доведені до конкретних практик і методів, які так потрібні історіографії і повинні застосовуватися в дослідницькій роботі. Категоріальний її потенціал формується в діалозі з багатьма галузями гуманітаристики, але її ідейна основа особливо корелює з концепцією соціології науки Р. Мертона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Колесник І.І. Українська історіографія: концептуальна історія. - Київ: Ін-т історії України НАН України, 2013. - 566 с.
2. Уайт Х. Метаісторія: історичне уявлення в Європі ХІХ століття. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 528 с.
3. Колесник І.І. Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. - Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. - 596 с.
4. Інститут історії України: Нове українське відродження / Відп. ред. академік В. Смолій. - Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2016. - 273 с.
5. Історик і Влада. Кол. монографія / Відп. ред. В. Смолій; творчий керівник проекту І. Колесник. - Київ: Ін-т історії НАН України, 2016. - 543 с.

УДК 316.42/316.33

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОПРОСОВ

Шарый И.Н.

*заведующий сектором, Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
(г. Минск, Беларусь)*

В условиях высокой динамики социальных изменений повышается значение экспертных опросов для получения актуальной социологической информации. Директора научных организаций, руководители структурных научных подразделений, наиболее квалифицированные и опытные научные работники владеют значительной информацией о происходящих в научных организациях изменениях. Метод экспертных опросов при решении проблем управления и прогнозирования в сфере науки активно использовался в отделе науковедения, бессменным руководителем которого был Г.А. Несветайлов [1, с. 81]. В 1990 г. в отделе социологии науки Института социологии АН БССР, руководителем которого был доктор социологических наук Г.А. Несветайлов, был проведен анкетный опрос экспертов – руководителей научных коллективов, работающих в 20 вузах СССР. Экспертами выступали потенциальные участники межвузовской научно-технической программы «Порошковая металлургия» на 1991-1995 гг. Эксперты представляли научные коллективы вузов Беларуси, России, Украины и Латвии [2, с. 77-79].

Высокой динамикой характеризовались изменения кадрового потенциала науки Республики Беларусь после распада СССР в 90-е годы прошлого века, когда происходило не увеличение общей

численности научных работников, как в прошлом, а их сокращение [2, с 75]. Для получения новой информации в научной сфере в 90-е годы активно использовались экспертные оценки. Метод качественного интервью (экспертный опрос) применялся во второй фазе международного проекта «Трансформация научных систем стран Центральной и Восточной Европы», в котором участвовал коллектив отдела социологии науки Института социологии НАН Беларуси под руководством заведующего отдела, доктора социологических наук Г.А. Несветайлова [3, с. 421; 4]. В проекте участвовали представители 12 стран Центральной и Восточной Европы. Экспертные интервью в этом исследовании использовались в рамках метода кейс-стади (case study), включающего также анализ документов, сбор и анализ статистической информации, анкетный опрос научных сотрудников академических институтов. Проблемы изменения кадрового потенциала академических институтов рассматривалась наряду с другими направлениями их деятельности: финансированием, инфраструктурой, внешними связями. В последующем экспертный опрос использовался в 90-е годы при исследовании особенностей трансформации академических научных организаций и в других исследованиях [2, с. 75].

Для изучения проблем развития кадрового потенциала белорусской науки большое значение имела государственная программа «Научные кадры» (2002-2006 гг.). Головной организацией-исполнителем этой государственной программы был ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» [5]. Одним из результатов программы по проблеме воспроизводства научных кадров была разработка сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров Института социологии концептуальной основы и инструментария мониторинга использования молодых специалистов в науке, которая была использована при подготовке постановления Национальной академии наук Беларуси и Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 27.10.2006 № 8/19 «О проведении мониторинга привлечения и закрепления молодых ученых в организациях Республики Беларусь, осуществляющих научную деятельность» [5]. Информационной основой этого мониторинга являются данные государственной и ведомственной статистики, данные социологических исследований и экспертные опросы.

Метод экспертного опроса использовался С. В. Никоновичем в 2006 г. и 2009 г. при проведении социологического исследования особенностей функционирования института аспирантуры [6]. Исследование также включало анализ статистических данных. В статье автора «Система подготовки работников высшей квалификации в Республике Беларусь: экспертный анализ трансформации» был сделан вывод, что «абсолютное большинство опрошенных экспертов и научных руководителей (75,5% и 69,4% соответственно) считают, что налицо определенная нехватка научных работников (преподавателей) высшей квалификации...» [6, с. 132]. В исследовании было отмечено, что «на протяжении последних трех лет отмечается сохранение негативной тенденции нарушения преемственности воспроизводства научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации» [6, с. 134]. Также был сделан вывод «об изменениях социальной функции института аспирантуры в сторону удовлетворения социального заказа со стороны общества (подготовка кадров высшей научной квалификации для различных сфер деятельности, непосредственно не связанных с наукой ...» [6, с. 134].

В 2012 г. сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров ГНУ «Институт социологии» проводился опрос экспертов-руководителей структурных научных подразделений в научных организациях и вузах в рамках изучения социальных процессов, характеризующих особенности развития научных кадров. В результате проведенного исследования были получены ответы на вопросы анкеты от 270 руководителей, работавших в НАН Беларуси, вузах и научных организаций отраслевого сектора науки [7]. Значительная часть вопросов в исследовании была непосредственно связана с процессами воспроизводства кадрового потенциала научных организаций и вузов. Экспертам был задан вопрос «Как Вы считаете, имеет ли место разрыв поколений в Вашей организации?». Как следовало из полученных данных, ответ «да» в академическом секторе науки выбрали 62,1% экспертов, в вузовском секторе науки – 61,8%, в отраслевом – 59,6% [7, с. 82]. По мнению экспертов, в организациях, в которых они работают, наиболее востребованной категорией работников является молодежь, в то же время, из оценок экспертов следовало, что уровень профессиональной подготовки многих выпускников вузов, поступивших на работу в организации науки и вузы был не достаточным [7, с. 83]. Таким образом, важны не только количественные показатели, актуальна проблема уровня подготовки выпускников вузов, которые приходят в научно-образовательную сферу, а также проблема недостаточной заинтересованности наиболее подготовленных выпускников вузов в научной карьере.

На возрастную структуру научных работников существенное влияние оказывает внутренняя и внешняя миграция. Проведенный экспертный опрос показал, что 26,5% экспертов, работающих в

вузах, 21,1% экспертов из НАН Беларуси и 16,2% экспертов из отраслевого сектора науки оценивают внутреннюю миграцию как острую проблему. Внешнюю миграцию как наиболее острую проблему для организации отметили 13,5% экспертов отраслевого сектора науки, 3,7% экспертов академического сектора науки и 5,9% экспертов вузовского сектора науки. Таким образом, внутренняя миграция оценивалась экспертами в 2012 г. как более острая проблема, чем внешняя миграция [7, с. 79].

В 2013 г. в рамках исследования проблем эффективности системы подготовки научных кадров высшей квалификации сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» был проведен анкетный опрос аспирантов академического сектора науки и опрос экспертов. Экспертами в этом исследовании были руководители структурных научных подразделений научных организаций академического сектора науки, которые являлись также научными руководителями хотя бы одного аспиранта дневной формы обучения. Всего было опрошено 132 эксперта, работающих в научных организациях НАН Беларуси [8, с. 355]. В этом исследовании, как и в предыдущем, экспертам задавался вопрос о наличии разрыва поколений в организации, в которой они работают. Подавляющее большинство экспертов (68,5%) ответило, что в организациях есть проблема разрыва поколений исследователей. Внутреннюю миграцию исследователей к наиболее острым проблемам отнесли 35,5 % экспертов.

В 2019 г. сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров был проведен анкетный опрос аспирантов дневной формы обучения и их научных руководителей (экспертов). В результате анкетного опроса экспертов были получены ответы от 110 экспертов научных учреждений из всех отделений наук НАН Беларуси. Как следует из ответов экспертов, самыми важными проблемами развития науки в Республике Беларусь являются: уровень финансирования науки (69%), система заработной платы в науке (66,4%), материально-техническая база науки (60%). Среди других проблем развития науки была отмечена проблема сокращения численности научных кадров высшей квалификации (31%).

Социологический метод качественного интервью для изучения проблем воспроизводства научных кадров был использован учеными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН в рамках проекта «Кадровый потенциал научных организаций, подведомственным ФАНО России: анализ и прогноз» (2015-2016 гг.). В опросе участвовали 44 эксперта – руководителя научных организаций из 13 Отделений РАН [9, с. 106]. В этом исследовании рассматривались изменения в возрастной структуре исследователей, вопросы формирования кадрового резерва, изучалось мнение руководителей научных учреждений относительно профессиональных компетенций и существующих возрастных ограничений для директоров, рассматривались некоторые вопросы качества подготовки молодых специалистов и стимулов привлечения научной молодежи в академическую науку [9, с. 105]. Авторы исследования отмечали, что, оценивая возможности преемственности поколений в академических научных учреждениях, «эксперты в подавляющем большинстве говорят об отрицательных тенденциях» [9, с. 107]. Там, где преемственность поколений была сохранена, отмечается роль ученых старших возрастов, поскольку, как отметил один из руководителей научной организации «... очень мало специалистов среднего возраста...» [9, с. 107].

Подводя итог, следует отметить, что некоторые существенные долгосрочные тенденции, оказывающие неблагоприятное влияние на воспроизводство кадрового потенциал науки не преодолены, что предполагает поиск оптимального решения имеющихся проблем. Важно учитывать, что в приоритетные направления научно-технической и инновационной деятельности на 2021-2025 годы включено направление «научное и научно-техническое обеспечение национальной безопасности» (раздел «Обеспечение безопасности человека, общества и государства»). Таким образом, в новой пятилетке актуализируются задачи по решению проблем воспроизводства научных кадров (возрастная структура, эффективность подготовки научных кадров высшей квалификации), которые поставлены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.), а также нашли отражение в резолюции 2 съезда ученых Республики Беларусь (2017 г.).

Как показывает анализ, в результате проведения экспертных опросов был получен значительный объем информации о процессах воспроизводства научных кадров высшей квалификации. Экспертные оценки дополняют данные, полученные на основе других методов социологического исследования. Значение экспертных опросов повышается при изучении проблем кадрового резерва, системы аттестации и подготовки научных работников высшей квалификации, при проведении социологических исследований, ориентированных на прогнозирование социальных процессов в среднесрочной перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Несветайлов Г.А., Гринченко В.Г. Научная специализация республики // Научный потенциал Республики / В.Г. Василега, В. Г. Гринченко, В.Ф. Ермаков и др.; под ред.Г.А. Несветайлова. – Мн.: Навука и тэхніка, 1991. – 176 с.
2. Шарый И.Н. Научная политика в переходный период. – Минск: Современное слово, 2001. – 136 с.
3. Шарый И.Н. Отдел социологии науки под руководством Г.А. Несветайлова в 90-е годы XX в.: исследование трансформации науки и научной политики // Патриотизм и патриотическое воспитание в контексте вызовов современности: материалы Международной. науч.-практ.конф., Минск, 16-17 мая 2019 г., НАН Беларуси, Ин-т социологии; Госпогранкомитет; Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь; редкол.: Г.П. Коршунов [гл. ред.] (и др.). – Минск: ИПС РБ, 2019. – С. 421- 424.
4. Несветайлов Г., Артюхин М., Шарый И. Институт технического профиля (Беларусь) // Академические институты в условиях трансформации. Результаты сравнительного исследования по 12 странам Центральной и Восточной Европы. Под редакцией Л.Миндели, А.Надирашвили. – Москва: ЦИСН, 1997. – 285 с.
5. Шарый И.Н. Сектор социологии науки в 10-е годы XXI века: исследование молодежной политики в научной сфере Беларуси // Социологический альманах. – 2020. – Вып. 11. – С. 237- 247.
6. Никонович С.В. Система подготовки научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь: экспертный анализ трансформации // Проблемы управления, 2011. – №2. – С.131-135.
7. Шарый И.Н. Проблемы модернизации белорусской науки и развитие ее кадрового потенциала в современных условиях (по результатам опроса руководителей структурных подразделений научных организаций) // Белорусская наука в условиях модернизации: социологический анализ / М.И. Артюхин (и др.); науч.ред. М.И. Артюхин; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 67-89.
8. Шарый И.Н. Особенности и проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки при переходе к развитию высокотехнологичной национальной экономики // Социологический альманах. Выпуск 5. – Минск: «Беларуская навука», 2014. – 486 с.
9. Ярашева А.В. Аксенова Е.И. Проблемы воспроизводства научных кадров глазами руководителей институтов // Народонаселение. – 2017. – №4. – С. 105-118.

УДК 316.33:321

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Шевчук Н.Н.

*старший преподаватель, ПГУ
(г. Полоцк, Беларусь)*

Деятельность по предупреждению преступности регулируется Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (2014 г.), который в настоящее время нуждается в качественном обновлении и модернизации – использовании современных научных достижений криминологии, виктимологии, социальной девиантологии и уголовного права. В данном Законе имеется множество недостатков. В частности, практически отсутствует теоретико-концептуальная основа деятельности по профилактике правонарушений. Отсутствует четко обозначенная криминологическая теория этиологии преступности и других правонарушений. Закон плохо структурирован и не отличается необходимой и достаточной полнотой и системностью. Профилактика правонарушений осуществляется в отрыве от общей системы антикриминальной политики, неотъемлемой и приоритетной частью которой она является. Действующая система профилактики преступности и других правонарушений имеет преимущественно индивидуально-личностную направленность, не в полной мере учитывается многогранный комплекс социальных факторов, причин и условий, детерминирующих совершение правонарушений, мало внимания уделяется социальной профилактической работе, не полностью используется антикриминальный потенциал современного белорусского общества. В системе деятельности по профилактике правонарушений отсутствует упоминание о виктимологической профилактике, связанной с выявлением и устранением причин и условий виктимизации граждан, защитой прав и интересов жертв правонарушений [1].

Что касается криминологической экспертизы, то она в настоящее время не выделена в самостоятельную меру общего предупреждения преступности. В соответствии со ст. 22 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (2014 г.) социально-правовой институт криминологической экспертизы распространяется только на проекты

нормативных правовых актов. Такой подход следует признать ошибочным, так как социальная и правовая эффективность криминологической экспертизы в плане профилактики преступности и других правонарушений может быть значительно больше, если использовать ресурсный потенциал данного социально-правового института в более широком диапазоне, то есть применять его для криминологической экспертной оценки не только проектов нормативных правовых актов, но также действующего законодательства, экономических, социальных, культурных и других государственных программ и планов, криминальной ситуации и криминогенной обстановки в стране, в отдельных регионах и конкретных организациях.

Таким образом, объектами криминологической экспертизы как меры общего предупреждения преступлений могут выступать:

- законодательство и проекты законов и других нормативных правовых актов;
- программы и планы экономического, социального, культурного и правового развития страны и регионов, а также социальная практика их реализации;
- национальные, региональные и ведомственные концепции, программы и планы предупреждения и борьбы с преступностью и другими, взаимосвязанными с ней правонарушениями и социальными девиациями, а также их проекты и социальная практика реализации;
- практическая деятельность по предупреждению преступности, реализуемая общими, специальными и вспомогательными субъектами предупреждения преступлений;
- криминальная ситуация и криминогенная обстановка в стране, регионах, городах, микрорайонах, на предприятиях и учреждениях, а также уровень эффективности системы предупреждения преступности в стране, отдельных регионах, отраслях и предприятиях [2].

Изучение практики проведения криминологической экспертизы, осуществляемой Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь свидетельствует, что ежегодно криминологической экспертизе подвергаются около 900 проектов нормативных правовых актов и примерно в каждом пятом случае выявляются правовые нормы, которые могут иметь или имеют криминогенный характер. Речь идет о нормах, «применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений, то есть рисков криминогенного характера – деструктивных факторов правового свойства, заключенных в нормах права и обусловленных их социальной неадаптированностью, противоречивостью, неопределенностью, вследствие чего в процессе их реализации (соблюдения, исполнения, использования и применения) создаются объективные предпосылки (условия) и мотивация допустимого или возможного отклонения от правомерного поведения независимо от того, является или не является такое отклонение уголовно наказуемым деянием. Согласно методическим рекомендациям, риски криминогенного характера, обусловленные неоднозначностью правовых норм и неполнотой регулирования соответствующей сферы общественных отношений, могут быть связаны со следующими обстоятельствами:

- а) социальной неадаптированностью, бессистемностью и противоречивостью методов и форм правового регулирования;
- б) неопределенностью объектно-предметного и субъектного составов правовых отношений, условий и оснований их возникновения, изменения и прекращения;
- в) неопределенностью и разбалансированностью интересов субъектов правовых отношений, их прав и обязанностей, а также порядка их реализации и исполнения;
- г) отсутствием социальных, экономических и организационно-правовых механизмов обеспечения реализации правового акта, а также отсутствием контроля за исполнением его положений;
- д) отсутствием установленной ответственности, порядком ее применения и исполнения, либо несоответствием такой ответственности и порядка ее применения общественной опасности правонарушения [3].

Значимым недостатком теории и практики проведения криминологической экспертизы является то, что в белорусских методических рекомендациях о проведении криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, также как в методических рекомендациях по проведению антикоррупционной экспертизы, разработанной в Российской Федерации, используется методология факторного анализа закономерностей этиологии преступности. В частности, в российской методике в качестве базовой категории используется понятие «коррупционного фактора и коррупционного риска», которые «могут способствовать проявлениям коррупции, могут стать непосредственной основой коррупционной практики, либо создавать условия легитимности коррупционных деяний, а также допускать или провоцировать их». В белорусской методике – понятие «криминогенного риска», который определяется «как деструктивные факторы правового свойства, заключенные в нормах права и обусловленные их социальной неадаптированностью, противоречивостью и неопределенностью,

которые создают объективные предпосылки (условия) и мотивацию совершения преступлений...» [3, 4].

По нашему мнению, использование при проведении криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов в качестве базового понятия «криминогенного риска» представляется неэффективным. Это связано с тем, что категория риска, понимаемого «как возможность порождения преступления», в силу своей неопределенности, чрезвычайно трудно поддается криминологическому измерению. Особенно это касается законодательства, в котором используется много оценочных понятий и технология использования математических и других методов прогнозирования их социального действия пока не разработана. При проведении криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов в качестве базовой целесообразно использовать категорию «правовые детерминанты преступности». Понятие «правовые криминальные и виктимные риски» следует применять в комплексе с правовыми детерминантами в процессе исследования закономерностей и механизмов правовой детерминации преступности и криминальной виктимизации [2].

В методических рекомендациях обязательно должна быть детализирована процедура криминологического прогнозирования социального действия правовых детерминант преступности, а также правовых криминальных и виктимных рисков, включая указание на возможные конкретные социальные явления и процессы (социальные диспропорции, конфликты, противоречия и др.), которые могут обуславливать эскалацию социальной дезорганизации, социальной деструктивности и напряженности, то есть могут социально и личностно детерминировать совершение преступлений и других правонарушений [2].

Таким образом, практику проведения криминологической экспертизы следует осуществлять не только в отношении проектов законов и других нормативных правовых актов, а распространить на действующее национальное законодательство, организовав систему постоянного криминологического мониторинга права, а также на другую криминологически значимую экономическую, социальную и культурную государственную деятельность, программы и планы национального, регионального и местного уровней. Следует внедрить, наравне с государственной, практику проведения общественной и научной криминологической экспертизы. При проведении криминологической экспертизы целесообразно в качестве теоретико-концептуальной основы рассматривать криминологию как междисциплинарную социально-правовую науку о сущности преступности и мерах ее предупреждения, а также использовать современную социально-детерминационную криминологическую методологию исследования особенностей этиологии преступлений и других правонарушений.

Внедрение в социальную практику данных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности деятельности по предупреждению преступлений и других правонарушений в стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барановский Н.А., Шевчук Н.Н. Научная криминологическая экспертиза Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 5 – С.63–66.
2. Шевчук Н.Н. Криминологическая экспертиза как мера предупреждения правонарушений // Вестник Полоцкого государственного университета. - 2019. – Вып. 6. - С.140–148
3. Методические рекомендации по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), утвержденных приказом Генерального прокурора Республики Беларусь 12 декабря 2011 года № 46.
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Постановление Правительства Росс. Федерации, 5 марта 2009 г., № 96 // Консультант Плюс : Версия Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ**Шелег А.В.**

студент, МИТСО

(г. Минск, Беларусь)

научный руководитель: Климашин А. Г.

Интернет достаточно прочно вошёл и продолжает углубляться в жизнь белорусского социума. Люди общаются друг с другом, покупают товары, коммуницируют в социальных сетях и т. д. Но вместе с множеством удобств Интернет привнёс в жизнь и новые социальные риски. К такой форме социальных рисков можно отнести киберпреступность. Правонарушения в международной глобальной сети Интернет весьма распространены. За период январь-сентябрь 2020 года по данным МВД Республики Беларусь зафиксировано 4 863 хищения с использованием компьютерной техники [1].

Существуют различные классификации правонарушений с использованием высоких технологий. Кардинг – это вид хищения денежных средств, представляющий различные способы мошенничества с банковскими картами. Мошенниками производится взлом серверов интернет-магазинов, систем платежей или с персональных компьютеров пользователя в целях дальнейшего использования данных банковской карты для проведения платежей в собственных интересах. Фишинг – это такие уведомления, отправленные злоумышленником от имени администраторов систем платежей или банка, почтовых серверов или социальных сетей с целью похищения необходимых персональных данных (логины и пароли). Целью таких манипуляций может быть счёт в банке, учётная запись в платёжных системах и т. д. В таких письмах содержится ссылка с просьбой перейти по ней для того, чтобы пользователь ввёл свои реквизиты. Ничего не подозревая, пользователь переходит на сайт, который трудно отличить от настоящего, и вводит там свои данные. Часто преступники используют так называемые «уведомления о выигрыше». Мошенники таким пытаются выманить у пользователя определённую сумму денежных средств будто бы для получения его выигрыша.

Квалификация преступлений, связанных с применением высоких технологий является неоднозначной научной проблемой. Они могут квалифицироваться как хищение с использованием компьютерной техники, мошенничество и др. [2, ст. 209, 214]. Понятие квалификация преступлений подразумевает выявление и юридическое фиксирование точного соотношения между физическими признаками и признаками состава преступного деяния, попадающее под действие уголовно-правовой нормы.

Особенности квалификации преступлений, совершенных в сети Интернет в том, что эти правонарушения сложно разграничить как между собой, так и с другими видами преступлений, предметом которых является информация, находящаяся на компьютерном носителе, или компьютерных сетях [3, 4].

В случае, если граждане столкнулись с проблемой хищений средств с использованием компьютерной техники, специалисты рекомендуют:

1. Сохранять спокойствие и **не поддаваться панике**;
2. Заблокировать карту, позвонив в круглосуточный контакт-центр обслуживающего банка (обычно номер указан на обороте пластиковой карты);
3. Зафиксировать всю известную информацию о правонарушении: скриншоты (веб-сайта, социальной сети, переписки), имена, адреса, информацию, озвученную в ходе диалога и иные характерные особенности.

На основании обращения банк также проведёт внутреннюю проверку, результаты которой также могут быть полезны для последующего расследования компьютерного инцидента. Кроме этого рекомендуется запросить **письменное подтверждение от банка** о противоправном выводе денежных средств с ваших расчётных счетов для точного определения размера имущественного ущерба от действий злоумышленников.

После всех указанных действий необходимо обратиться в правоохранительные органы, так как даже в случае утраты небольшой суммы похищенных денег сведения о злоумышленниках помогают в раскрытии преступлений других. Вероятно, что жертв значительно больше, чем известно вам и правоохранительным структурам.

Таким образом, киберпреступность в наши дни является значимым социальным риском в связи с применением злоумышленниками новейших интернет-технологий. Невзирая на усилия правительств многих государств по противодействию киберпреступности, количество таких совершаемых деяний в

мире не уменьшается, а, напротив, постоянно растёт. Неотложной является потребность активизации международного сотрудничества, так как большинство совершаемых преступлений имеет трансграничный характер и осложнены иностранным элементом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.mvd.gov.by/gu>. (дата обращения 11.10.2020).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Климашин А. Г. Возрастание рисков информационной безопасности личности в социальных сетях // Информационная революция и вызовы новой эпохи – стимулы формирования современных подходов к информационной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 нояб. 2018 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: С. Н. Князев (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 1. – С. 173–177.
4. Климашин А. Г. Сетевые террористические сообщества // Социальные коммуникации в современном мире: сб. науч. ст. по материалам работы Первого белорус. филос. конгр., Минск, 18–20 окт. 2017 г. / Белорус. гос. ун-т ; отв. ред.: Я. С. Яскевич, О. В. Терещенко, Ю. Ю. Гафарова. – Минск, 2018. – С. 392–397.

УДК 316.454.5

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Шеринёва Т.В.

*заведующий кафедрой психологии, БНТУ
кандидат психологических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)*

Социальное взаимодействие является междисциплинарным феноменом, который в современных науках пока не имеет универсального однозначного понимания. Понятие «социальное взаимодействие» в социологии часто трактуется как процесс воздействия (влияния) людей на состояния и действия друг друга. П. А. Сорокин подчеркивал, что общественная жизнь, все социальные процессы являются комбинациями различных социальных взаимодействий [1]. С. С. Новикова определяла социальное взаимодействие как систематические взаимообусловленные социальные действия, в которых действия одного субъекта являются одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов [2].

В современной психологии сложилось несколько подходов к пониманию общения. Согласно информационному подходу, общение представляет собой передачу и прием информации посредством использования определенных символов. Процесс общения включает в себя ряд элементов, среди которых: условия общения, стратегия общения, коммуникационные ограничения, включающие факторы, которые ограничивают выбор участниками общения стратегии, а также критерии интерпретации, направляющие способы восприятия и оценки людьми собственного поведения по отношению друг к другу [3, с. 119]. Общение также рассматривается в качестве ситуации совместного присутствия, предполагающей взаимное установление и поддержание людьми с помощью разных форм поведения и внешних аспектов (внешности, предметов, обстановки и т. п.) [3, с. 116]. Самоконтроль в общении (Self-Monitoring), согласно М. Снайдеру, – это способность индивида регулировать свое коммуникативное поведение в соответствии с внешней ситуацией и впечатлением, которое он хочет произвести на окружающих [4].

Успешное общение субъекта предполагает точное согласование его собственных вербальных и невербальных коммуникативных действий с соответствующими действиями общающихся с ним людей. Этого невозможно достигнуть при отсутствии самоконтроля в общении. В юношеском возрасте появляются все предпосылки для развития коммуникативного контроля, связанные с расширением социальных контактов, интенсивным развитием саморегуляции, повышением контроля за проявлением эмоций, в том числе и в общении, что дает возможность эффективно реализовать задачи повышения качества профессиональной подготовки специалистов в учреждениях высшего образования.

Коммуникативный контроль в юношеском возрасте тесно связан с общительностью юношей и девушек, которая носит различный характер в зависимости от пола. По данным исследования А. И. Крупнова, девушек отличает ярко проявляющаяся эмоциональность в процессе общения, а также социально обусловленная мотивация проявления общительности. Их активность при проявлении общительности побуждается желанием оказать помощь собеседнику, а также желанием внести вклад в общее дело. У девушек несколько ограничен арсенал приемов и средств коммуникативного поведения, слабая интернальная регуляция общительности, эпизодически проявляются эгоцентрические побуждения и ценностно-целевые установки, стремление к проявлению общительности. Им вполне хватает необходимых умений и навыков общения, и они не склонны испытывать излишнюю застенчивость, тревогу и другие отрицательные эмоциональные реакции [5, с. 161-162].

Юноши отличаются более выраженной активностью проявления общительности, которая характеризуется силой и интенсивностью стремлений, вариативностью приемов и способов проявления данного качества. Юноши обладают высоким уровнем внутреннего локуса контроля общения. Общительность у них выступает средством достижения личного благополучия через установление необходимых социальных связей, развития иных личностных свойств (уверенности в себе, настойчивости и т. д.). При этом общительность юношей менее эмоциональна, и они весьма реже проявляют желание к общению, если от них требуется помощь в решении каких-либо социальных проблем [5, с. 163-164].

Для экспериментального изучения особенностей самоконтроля в общении в юношеском возрасте, организованного на базе Белорусского национального технического университета, были использованы следующие методики: «Опросник для определения уровня общительности» В.Ф. Ряховского [6, с. 469], методика «Тест на оценку самоконтроля в общении» М. Снайдера [6, с. 550]. Всего в исследовании приняли участие 80 студентов второго и третьего курсов в возрасте 19-20 лет, из них 40 юношей и 40 девушек. Для оценки достоверности различий между группами применялся критерий U-Манна-Уитни.

Анализ результатов диагностики позволил установить, что в исследуемой выборке 45% юношей и 25% девушек обладают высоким уровнем общительности. Они характеризуются разговорчивостью, желанием принимать участие в дискуссиях, поддерживать беседу, уверенностью в себе в различных коммуникативных ситуациях. 35% юношей и 30% девушек обладают средним уровнем общительности. Они характеризуются некоторыми трудностями при установлении контактов с новыми людьми, неохотным желанием принимать участие в спорах и дискуссиях. Низким уровнем общительности обладают 20% юношей и 45% девушек. Они характеризуются неразговорчивостью, замкнутостью, предпочтением одиночества, нарушением равновесия на фоне необходимости новых контактов. Статистический анализ показал, что существуют достоверные различия между юношами и девушками по уровню развития у них общительности. Так, уровень общительности достоверно выше у юношей, чем у девушек (при $p \leq 0,05$).

Исследование самоконтроля в общении показало, что высоким уровнем самоконтроля обладают 30% юношей и 45% девушек. У них ярко выражен контроль над своей речью, над процессом установления общения, они постоянно следят за собой, управляют выражением своих эмоций. Эти юноши и девушки проявляют гибкость в реакциях на изменение ситуации в общении, способны предвидеть впечатление, которое могут произвести на других людей. Однако они испытывают трудности в спонтанности самовыражения, не любят непрогнозируемых ситуаций. Средним уровнем самоконтроля в общении обладают 45% юношей и 40% девушек. У них умеренно выражен контроль над своей речью, над процессом установления общения, они постоянно следят за собой, управляют выражением своих эмоций. Коммуникативный контроль у юношей и девушек в данной категории носит ситуативный характер. Они проявляют искренность, сдержанность в своих эмоциональных проявлениях, учитывают в своем поведении мнение и действия людьми окружающих людей. Низким уровнем самоконтроля в общении обладают 25% юношей и 15% девушек. У них слабо выражен контроль над своей речью, над процессом установления общения, они постоянно следят за собой, управляют выражением своих эмоций. Юноши и девушки проявляют непосредственность и открытость в общении. Статистический анализ показал, что существуют достоверные различия между юношами и девушками по уровню самоконтроля в общении. Так, уровень самоконтроля выше у девушек, чем у юношей (при $p \leq 0,05$).

По результатам эмпирического исследования выделяются 2 группы испытуемых: 1) 27 человек с нормальным уровнем общительности (с высоким и средним уровнем) и 2) 13 человек с низким уровнем общительности. Далее мы сравнили уровень самоконтроля в общении у юношей и девушек в зависимости от уровня их общительности. Установлено, что уровень самоконтроля в общении выше у лиц юношеского возраста с низкой общительностью, чем у лиц юношеского возраста с нормальной

общительностью (при $p \leq 0,05$). Иными словами, юноши и девушки с низким уровнем общительности обладают более высоким коммуникативным контролем, чем юноши и девушки с высоким и средним уровнем общительности. Однако очевидно, что у субъекта с низким уровнем общительности могут возникать затруднения в процессе социального взаимодействия, субъективное чувство некомпетентности, неуспешности в своей профессиональной сфере, может ускоряться развитие профессиональных деформаций, синдрома эмоционального выгорания.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости организации целенаправленной работы со студентами по развитию у них способности к самоконтролю в общении. Эта работа может заключаться в усилении практической направленности профессиональной подготовки специалистов за счет обучения их приемам эмоциональной саморегуляции, технике эффективного слушания, развития способности адекватного понимания себя и других субъектов взаимодействия, позитивного восприятия партнеров по общению, обучения способам предупреждения возникновения «барьеров» в общении, распознаванию манипулятивного воздействия, конструктивным стратегиям разрешения конфликтов. Преодолеть противоречие между необходимостью усиления психологической подготовки специалистов, с одной стороны, и сокращением количества и объема психологических дисциплин в четырехлетних учебных планах последнего поколения, с другой стороны, возможно, по нашему мнению, лишь за счет расширения использования в профессиональном образовании методов активного социально-психологического обучения и развития коммуникативной культуры студентов [7; 8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 1056 с.
2. Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЕК», 2000. – 464 с.
3. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Академия, 2003. – 385 с.
4. Snyder M. Self-Monitoring of Expressive Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. – 1974. – Vol. – № 4. – P. 526-537.
5. Крупнов А. И. Гендерные различия в психологических проявлениях общительности // Вестник РУДН. – 2004. – № 2. – С. 160-164.
6. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2015. – 586 с.
7. Шершнёва Т.В. Развитие коммуникативной культуры специалистов технического профиля // Забезпечення сталого розвитку аграрного сектору економіки: проблеми, пріоритети, перспективи : матеріали ІХ Міжнародної науково-практичної інтернет-конференції 25-26 жовтня 2018 р. : В 3 т. – Том 1. – Дніпро : Видавничо-поліграфічний центр «Гарант СВ», 2018. – С. 138-139.
8. Шершнёва Т.В. Роль тренинговых занятий в процессе социально-психологической адаптации студентов // Актуальные проблемы психологии труда : теория и практика : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (22 ноября 2019 г., Красноярск) / Редкол. : Ю. Ю. Логинов [и др.]. – Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2019. – С. 42-45.

УДК 001:316.354

КОНФЛИКТЫ В СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Шухно Е.В.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Конфликты в трудовых коллективах могут быть разделены на два основных класса по критерию локализации – имеющие место внутри структурной единицы или между представителями разных подразделений. Ввиду того, что в рамках одного структурного подразделения сотрудники осуществляют трудовую деятельность преимущественно совместно, находясь в процессах коммуникации и интеракции, можно предположить, что именно конфликты внутри структурных единиц между членами первичных коллективов (как в горизонтальном – сотрудник-сотрудник, так и вертикальном – руководитель-подчиненный – измерениях) являются наиболее распространенными и преобладают над внешним классом конфликтов, что обуславливает актуальность изучения конфликтности именно в структурных подразделениях научных организаций.

К основным показателям изучения конфликтов в трудовых коллективах относятся частота возникновения конфликтов, причины конфликтов, субъекты их разрешения. Данные показатели использовались в рамках социологического исследования «Организационная культура научной организации как фактор повышения эффективности ее деятельности: социологический анализ», проведенного с целью изучения особенностей организационной культуры научных организаций Национальной академии наук Беларуси в декабре 2018 – марте 2019 гг. методами анкетного опроса и экспертного интервью. В рамках анкетного опроса было опрошено 670 респондентов, ошибка выборки не превысила 3,6% при уровне значимости 0,05.

Частота возникновения конфликтов является одним из индикаторов социально-психологического климата в коллективе и его способности эффективно выполнять свои трудовые функции. Менее одного процента опрошенных научных работников – 0,9% – указали, что в их структурном подразделении постоянно происходят конфликты, вариант «часто» отметили 2,7%, «иногда» – 30,4%, «редко» – 37,7%, «никогда» – 16,9%, затруднились ответить – 11,3%. Полученные данные позволяют говорить о низкой конфликтности в структурных подразделениях академических научных организаций (сумма ответов «постоянно» и «часто» – 3,6%, сумма ответов «никогда» и «редко» – 54,6%).

При анализе конфликтов в трудовых коллективах особое значение приобретает определение их причин, что позволит выработать адекватные меры по предотвращению конфликтов в будущем и минимизации их последствий на организационные процессы. Причины конфликтов в первичных структурных подразделениях следующие:

1. Нечеткость в распределении обязанностей – 36,7%;
2. Недостатки в организации научной работы в целом – 25,1%;
3. Наговоры, сплетни, склоки – 16,4%;
4. Несправедливость при назначении премий, надбавок – 15,3%;
5. Формализм и бюрократизм в работе – 14,7%;
6. Необъективность оценки научно-исследовательской деятельности – 13,3%;
7. Невнимание непосредственного руководителя к нуждам членов коллектива – 10,2%;
8. Зависть коллег – 7,8%.

По мнению респондентов, указавших на наличие конфликтов в структурных подразделениях, основные их причины носят организационный характер: нечеткость в распределении обязанностей и недостатки в организации научной работы в целом. Практически каждый четвертый участник опроса – 25,8% – затруднился ответить на вопрос о причинах конфликтов в первичном коллективе, что позволяет предположить их невключенность в конфликтные ситуации, наблюдение ими исключительно внешних проявлений, имеющих место между коллегами, конфликтов.

При изучении конфликтов помимо анализа причин их возникновения необходимым является изучение стратегий их разрешения, включая субъектов, принимающих участие в их урегулировании. По результатам проведенного опроса, субъектами разрешения конфликтов чаще всего выступают сами сотрудники, вовлеченные в конфликт, – 62,1%; руководитель структурного подразделения – 42,7%; руководство института – 13,1%; коллеги, не вовлеченные в конфликт, – 11,2%; профсоюзный комитет – 2,2%. Также 5,7% опрошенных отметили, что конфликты не разрешаются, а 15,1% затруднились ответить. Следовательно, в большинстве случаев, возникшие конфликты не распространяются за пределы соответствующих структурных подразделений и разрешаются либо самими участниками (преимущественно), либо при помощи непосредственного начальника. Только в исключительных случаях используется медиация внешних акторов – руководства института, коллег, профкома. В редких случаях имеют место «замороженные», не разрешаемые конфликты.

Таким образом, актуальность рассмотрения конфликтов в структурных подразделениях научных организаций обуславливается их влиянием на деятельность членов научных организаций и на осуществление основных функций научных коллективов. Структурные подразделения научных организаций Национальной академии наук Беларуси характеризуются низким уровнем конфликтности, ключевые причины конфликтов носят организационный характер, имеющие место конфликты разрешаются преимущественно непосредственно сотрудниками, вовлеченными в них.

ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ**Шушунова Т.Н.***доцент, БГПУ им. М. Танка**кандидат социологических наук, доцент**(г. Минск, Беларусь)*

Актуальная ситуация сейчас такова, что угроза здоровью человека, вследствие охватившей мировое пространство пандемии, приобретает угрожающий характер. Вынужденная и осознанная самоизоляция населения как мера предотвращения распространения COVID-19 является наглядным примером того, что самосохранение индивида - это не столько показатель инстинктивного импульсивного действия, сколько результат сформированных ранее установок на сохранение себя, которые, таким образом, выступают в качестве регуляторного механизма в индивидуалистических поведенческих моделях. Большой вклад в развитие теоретических и эмпирических оснований в изучении самосохранительного поведения заложили такие российские исследователи как Антонов А.И., Журавлева И.В., Шилова Л.И., Ивахненко Г.А., Шклярчук В.Я., белорусские авторы Шухатович В.Р., Шахотько Л.П., Сурмач М.Ю. и многие другие. Изначально, в основу изучения поведения, опосредующего жизнь и смерть, здоровье и продолжительность жизни, была положена концепция диспозиционной регуляции социального поведения.

Оставим пока без ответа вопрос о том, что именно служит основанием для готовых образцов поведения: личная заинтересованность в хорошем самочувствии, требование работодателя, сделавшего ставку на продуктивность работника в условиях удаленной работы и приоритет на здоровье и безопасность сотрудников; влияние медиа пространства, широко освещающее ситуацию в мире в условиях пандемии – все это естественным образом раскрывает специфику формирования стратегии самосохранительного поведения каждого и позволяет лучше понять изнанку самосохранения. В данной статье постараемся рассмотреть исходную ситуацию того, как блага цифровизации в условиях самоизоляции влияют на возможность индивида сохранять себя в психологическом направлении.

Процесс цифровизации в самом широком смысле означает внедрение преобразованной цифровой информации в различные сферы общественной жизни: в производство, бизнес, науку, социальную и культурную сферы, а также в повседневную жизнь людей, в следствие чего последние получают к ней доступ, а также возможность эффективно пользоваться ее результатами. Конечно при условии, что такие навыки уже сформированы; обозначим предпосылку, что та часть населения, которая выбрала для себя самоизоляцию, является той самой компетентной социальной общностью, которая разделяет ценностно-нормативную систему цифровизированного общества, а именно: воспринимает глобальную сеть Интернет как источник абсолютного знания, как открытое и доступное информационное пространство с множеством разнообразных контентов по интересам, как простое в использовании средство восполнения информативной неопределенности по заданной теме, отличающееся фрагментарностью восприятия, как возможное из доступных средств в определенных условиях для сохранения целостности себя как биологического организма, психологической организации и социального существа.

Мы рассматриваем самосохранительное поведение как форму социального поведения, которая включает сознательные действия индивида по сохранению своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношениях. Основными элементами самосохранительного поведения, являются потребности, мотивы, установки, действия индивида, направленные на самосохранение. Основными факторами, влияющими на его формирование, выступают: качество жизни, общепринятые стандарты здорового образа жизни, сложившееся в общественном сознании отношение к самоубийству, социально опосредованные представления о желаемой продолжительности жизни. Воздействие факторов на элементы структуры самосохранительного поведения обуславливает выстраивание конкретного вида самосохранительного поведения. Значимые отличия в самосохранительном поведении выражаются в наличии либо отсутствии ориентаций на самосохранение в биологическом, психологическом и социальном отношениях. Остановимся на одной ориентации – психологической.

Интенсификация труда, информационные перегрузки, стрессовые ситуации приводят как к психоэмоциональному, так и физическому напряжению всех систем организма. А высокая утомляемость, пониженный эмоциональный тонус, наличие невротических состояний провоцируют

появление вредных привычек (курение, алкоголь, переизбыток и т.д.), с помощью которых традиционно пытаются снять напряжение. Эта ориентация самосохранительного поведения характеризуется направленностью на сохранение душевного здоровья человека, на чувство внутренней психологической гармонии. Ситуация самоизоляции кардинально меняет устоявшиеся поведенческие паттерны повседневных практик, связанных с общением, взаимодействием и т.д. и порождает неопределенность и непрогнозируемость будущего. Как следствие, подрывается вера в собственную неуязвимость, в стабильность мира, повышается чувство тревожности, формируется осознание ограниченности личного вмешательства в происходящее, что становится высокой угрозой для здоровья человека. Благодаря влиянию и значимости в повседневной практике мнений первичных социальных групп, направленность интересов и ценностей данной поведенческой ориентации детерминирована ближайшим окружением. Когда психологическая ориентация самосохранительного поведения изучалась методом неоконченных предложений, главными маркерами в свободных высказываниях на тему сохранения своего здоровья понятия: «понимание», «дружба», «любовь», «доверие» и именно эти маркеры были поставлены под угрозу с ситуации самоизоляции в связи тотальной доступностью друг друга в замкнутом физическом пространстве [3].

Трудности с *пониманием* себя и другого в рамках совместного домохозяйства обозначили траекторию проблем от невозможности разделить рабочий компьютер до эмоционального кризиса, явившегося следствием накопленных противоречий в личных отношениях, неспособности самостоятельно решать межличностные конфликты, потребностью в самоуединении и т.д. [11]. На пути решения выхода из стрессовых ситуаций информационные технологии предлагают воспользоваться мобильными приложениями, возвращающими душевный комфорт, среди которых: «Let's Create!», «Pottery», «White Noise», «Flowy», «Insight Timer», «Colorfy», «Pause», «Calm» и т.д. Каждое приложение имеет свою узкую направленность гармонизировать свое душевное состояние через творчество; услышать приятные и успокаивающие звуки природы, воспользоваться привычными фоновыми играми на восстановление дыхания для уменьшения уровня тревоги и страхов, попрактиковать медитации и т.д. [12]. Не остались без внимания и привычные способы борьбы со стрессом - чтение и музыка. Ряд крупнейших издательств на время карантина открыли бесплатный доступ к своим книжным новинкам. Количество загрузок в категории «Книги» в марте выросло на 21% по сравнению с январём и февралём [4]. Крупнейшие музеи мира предоставили возможность совершать виртуальные экскурсии в формате 3-D, а все театралы и почитатели оперы и балета имели возможность приобщиться к прекрасному посредством бесплатных онлайн трансляций с исторических мировых сцен посредством YouTube канала и это был беспрецедентный случай в мировой практике. Более того, благодаря цифровизации поклонники искусства имели возможность поделиться своими впечатлениями от увиденного в режиме реального времени, познакомиться друг с другом, почувствовать свою сопричастность происходящему.

Реализовать потребность в *дружеских* контактах в новых условиях, но при сохранении привычного визуального эффекта присутствия позволяют популярные сервисы для проведения видеоконференций Skype, Zoom и т.д., коммуникативные практики посредством социальных сетей, где есть возможность преодолевать социальную дистанцию, сохраняя при этом физическую. Представленные возможности не способны заменить подлинное человеческое общение с дружескими телесными контактами, пространственной близостью, когда выработка эндорфинов напрямую участвует в формировании дружеской привязанности, однако все вышеперечисленные цифровые возможности способны облегчить вынужденное социальное одиночество и научиться лучше понимать себя и свои потребности. Например, излишне чувствительные к эмоциональным состояниям других всегда могут минимизировать общение посредством социальных сетей, ради сохранения своего душевного здоровья. Помня при этом, что одиночество действительно заразно, так же, как и привычка к курению, и склонность к избыточному весу.

Доверие между людьми, которые находятся рядом или вынужденно дистанцированы в пространстве при частой коммуникативной связи посредством цифровых возможностей есть часть психологического комфорта человека, влияющего на его здоровье и личностный рост. Доверие мы рассматриваем как веру в то, что ничто и никто не нарушает внутренние и внешние установленные правила поведения человека. Приучаясь жить в прозрачном и открытом цифровом пространстве, транслируя свое настроение, свои достижения или свой интерес к чему-либо посредством социальных сетей, каждый выбирает для себя сам меру личной публичности и охват аудитории, с которой он готов делиться частью своего жизненного мира, формируя свой так называемый «доверительный интервал». Несмотря на то, что за последние 10 лет, по данным ВЦИОМ, серьезно откорректировалось представление пользователей об «имидже» Интернета: люди стали задумываться о том, что они пишут, опасаться мнения начальства, государства, кражи персональной информации и мошенничества в

цифровом пространстве. Все же цифровые риски, основанные на доверительных отношениях в сети минимизированы обоюдным негласным соглашением на действенную зеркальную ответную реакцию при несоблюдении установленных правил общения [13]. А это, в свою очередь, приводит к тому, что именно новые технологии формируют доверие между людьми. В обычной жизни это проявляется в росте популярности компаний Uber, Arnbnb, а в условиях самоизоляции – включением в тематические сетевые сообщества.

Резюмируя все вышеперечисленное по поводу способов сохранять себя в период самоизоляции в психологическом направлении посредством цифровых возможностей, заметим, что при позитивной направленности данной ориентации и сформированном лично для себя уровне доверия к окружающим, у всех желающих есть выход на коммуникативные практики, минимизацию уровня личного стресса с помощью тематических мобильных приложений, самообразования и углубления самосознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шушунова Т.Н. Самоохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). – Минск: Право и экономика, 2010. -184 с.
2. Шушунова Т.Н. Ориентации самоохранительного поведения (теоретическое обоснование) / Здоровье населения: проблемы и пути решения: материалы Междунар. науч.-практ. семинара, г. Минск / ред. кол.: Н.М.Римашевская (гл.ред.) и др. – Минск: Институт социологии НАН Беларуси, 2011. С.65-69.
3. Шушунова Т.Н. Изучение биологическое ориентации самоохранительного поведения студенческой молодежи с использованием метода незаконченных предложений // Весці БДПУ. Сер. 2. - 2011. - №3. - С.43 – 47.
4. Хроники карантина: какие мобильные приложения предпочитают европейцы в условиях самоизоляции [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.cossa.ru/news/263809/> (дата обращения 12.10.2020).
5. Костенко Я. Шаговая доступность: кто эффективнее занимается спортом на самоизоляции [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://iz.ru/999365/iaroslava-kostenko/shagovaia-dostupnost-kto-aktivnee-zanimaetsia-sportom-v-samoizoliatcii> (дата обращения 12.10.2020).
6. Полезные продукты и здоровое питание: как правильно питаться во время самокарантина [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/technical-guidance/food-and-nutrition-tips-during-self-quarantine> (дата обращения 12.10.2020).
7. Зарубежные издательства открыли для бесплатного доступа ресурсы о COVID-19 [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <http://www.lib.tsu.ru/ru/news/zarubezhnye-izdatelstva-otkryli-dlya-besplatnogo-dostupa-resursy-o-covid-19> (дата обращения 12.10.2020).
8. Фастфуд не ели, но в весе прибавили: как питались жители Литвы на карантине [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://lt.sputniknews.ru/society/20200606/12322724/Fastfud-ne-eli-no-v-vese-pribavili-kak-pitalis-zhiteli-Litvy-v-karantin.html> (дата обращения 12.10.2020).
9. Информационная безопасность в условиях COVID-19 [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://expert.ru/2020/04/9/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyah-pandemii-covid-19/> (дата обращения 12.10.2020).
10. Технологии vs. коронавирус: взгляд из Беларуси [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://eurasia.expert/tekhnologii-vs-koronavirus-vzglyad-iz-belarusi/> (дата обращения 12.10.2020).
11. Пока все дома: как сохранить гармонию в семье в период самоизоляции [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/02042020/156574?utm_source=CopуBuf (дата обращения 12.10.2020).
12. Спасите ваши души: 10 мобильных приложений для вашего спокойствия [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.the-village.me/village/culture/prylady/261849-harmony-app> (дата обращения 12.10.2020).
13. Цифра: возможности и риски [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.eg-online.ru/article/398960/> (дата обращения 12.10.2020).

УДК 316.334.2(476)

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Щурок Э.М.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

В Национальной академии наук Беларуси, которая является высшей государственной научной организацией Республики Беларусь, подготовка научных кадров высшей квалификации выделяется в качестве приоритетного направления деятельности. Так, в 2019 г. образовательную программу второй

ступени послевузовского образования реализовывали 34 научные академические организации [1, с. 384].

Основные показатели деятельности аспирантуры в организациях НАН Беларуси за период 2012–2019 гг. представлены на рисунке 1. Начиная с 2012 г., после вступления в силу Кодекса Республики Беларусь об образовании, в показатели деятельности аспирантуры включаются данные о подготовке научных работников высшей квалификации в форме соискательства. Следует отметить, что данные за последние 6 лет позволяют говорить о некоторой стабилизации численности аспирантов в академических организациях, при этом с 2012 г. численности аспирантов в организациях НАН Беларуси сократилась почти на 21,0%.

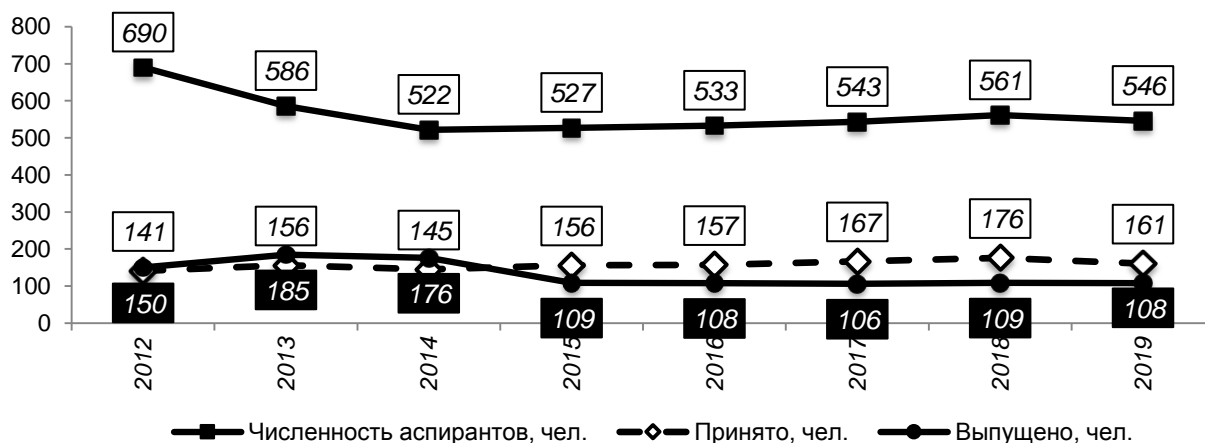

Рис. 1. Основные показатели деятельности академической аспирантуры за период 2012–2019 гг. [1–5]

В численности лиц, принятых на обучение в аспирантуру, не наблюдается значительных количественных изменений, в частности, в 2019 г. 161 человек приступил к обучению на первой ступени послевузовского образования.

Оценку эффективности деятельности аспирантуры следует проводить исходя из совокупности различных показателей, не только таких как выпуск из аспирантуры, выпуск с защитой диссертации в срок обучения, выпуск с проведением предварительной защиты диссертации, но и защита диссертации в течение трех лет после окончания аспирантуры.

Как видно из данных на рисунке 1, с 2015 по 2019 гг. число выпускников академических аспирантур остается стабильным, однако по сравнению с 2013 г. выпуск из аспирантуры упал на 41,6%. Стоит отметить, что соотношение числа выпуска из аспирантуры к приему за рассматриваемый период составляет порядка 63,0–67,0%, что позволяет говорить о значительном числе отчисленных аспирантов во время периода обучения. И это принимая в расчет то обстоятельство, что в число принятых на обучение в аспирантуру включаются лица, обучающиеся в аспирантуре в форме соискательства для подготовки и сдачи кандидатских экзаменов, и соответственно, которые в последствии отчисляются из аспирантуры после сдачи кандидатских экзаменов и зачета ранее предусмотренных сроков завершения обучения.

Такой показатель эффективности деятельности аспирантуры, как выпуск из аспирантуры с защитой диссертации, продолжает снижаться. Так, в 2019 году с защитой диссертации закончил аспирантуру только 1 чел. (0,9%). Другой показатель результативности аспирантуры, как выпуск аспирантов с проведением предварительной экспертизы диссертации, на протяжении рассматриваемого периода также невысок, и в 2019 г. составлял всего 2,8% (3 чел.).

Рассматривая эффективность деятельности аспирантуры важно учитывать и такой показатель, как защита диссертации в течение трех лет после окончания аспирантуры. Так, в 2019 г. он составил 32,4% (35 чел.) от общего числа выпускников аспирантуры 2016 г., а в 2018 г. 28,0% от общего числа выпускников аспирантуры 2015 г. Оценить динамику данного показателя не предоставляется возможным в связи с отсутствием информации в официальных источниках. Данный показатель целесообразно и возможно рассматривать, т.к. в Республике Беларусь с 2012 г., согласно Постановлению Государственного комитета по науке и технологиям от 9 января 2012 г. № 1, функционирует информационно-аналитическая система мониторинга подготовки научных работников высшей квалификации (далее – АСМ НРВК), содержащая широкий спектр количественных и качественных показателей, детальное изучение и анализ которых дали бы возможность более полноценно и обоснованно оценить эффективность функционирования системы академического послевузовского образования, определить проблемные точки.

Основные показатели деятельности докторантуры в организациях НАН Беларуси за период 2012–2019 гг. представлены в таблице 1, что позволяет говорить об определенных проблемах в сфере подготовки научных кадров высшей квалификации. С 2012 г. в академической докторантуре происходят существенные количественные изменения. В 2012 г. численность докторантов в научных организациях НАН Беларуси составила 30 чел., а в 2019 г. в академической докторантуре обучалось уже 101 чел. Следует отметить, что в связи со вступлением в силу Кодекса Республики Беларусь об образовании, с 2012 г. в общую численность докторантов стали включать лиц, которые проходят обучение в форме соискательства. Так, в 2019 г. количество докторантов значительно выросло по сравнению с 2012 г. – в 3,4 раза, при этом в дневной докторантуре обучается только 34 человека, а 67 докторантов проходят обучение в форме соискательства [1, с. 260; 5, с.384]. Таким образом, начиная с 2016 г., рост численности докторантов происходит за счет обучающихся в форме соискательства.

Оценку эффективности деятельности докторантуры следует проводить исходя из совокупности различных показателей, не только таких как выпуск из аспирантуры, выпуск с защитой диссертации в срок обучения, выпуск с проведением предварительной защиты диссертации, но и защита диссертации в течение 2-3 лет после окончания докторантуры.

Результативность докторантуры организаций НАН Беларуси за рассматриваемый период крайне низка. С 2014 по 2018 гг. не было ни одной защиты в срок обучения, и только 2 человека закончили докторантуру с проведением предварительной экспертизы диссертации. В 2019 г. выпуск докторантов составил 12 чел., и только 1 выпускник защитился в срок обучения в докторантуре и 1 человек завершил обучение с проведением предварительной экспертизы диссертации.

Таблица 1. Динамика основных показателей деятельности докторантуры НАН Беларуси за период 2012–2019 гг. (чел.) [1–5]

Годы	Принято в докторантуру	Выпуск докторантов	в том числе				Численность докторантов на конец года всего/очная форма/соискательство
			с защитой диссертации		с проведением предварительной экспертизы диссертации		
			чел.	%	чел.	%	
2012	9	8	–	–	–	–	30/17/13
2013	11	4	1	25,0	–	–	34/22/12
2014	6	10	–	–	–	–	28/15/13
2015	15	6	–	–	–	–	35/16/19
2016	29	6	–	–	1	16,7	54/17/37
2017	15	6	–	–	1	16,7	67/17/50
2018	29	7	–	–	–	–	88/27/61
2019	25	12	1	8,3	1	8,3	101/34/67

Оценить динамику такого показателя, как защита диссертации в течение 2-3 лет после окончания докторантуры, не предоставляется возможным в связи с отсутствием информации в официальных источниках.

К сожалению, академическая аспирантура и докторантура не занимает ведущие позиции в общереспубликанской системе подготовки научных кадров высшей квалификации. Так, по данным Государственного комитета по науке и технологиям, в 2018 г. в общей численности обучающихся в аспирантуре, доля аспирантов, проходящих обучение в научных организациях НАН Беларуси, составляла только 11,4% от общей численности аспирантов по стране. Ведущие позиции в подготовке высококвалифицированных научных кадров принадлежат организациям Министерства образования, где в аспирантурах учреждений образования обучается 55,9% аспирантов от общей численности аспирантов [6, с. 117]. Несмотря на то, что численность обучающихся в докторантуре научных организаций НАН Беларуси существенно повысилась, наибольшая численность докторантов сохраняется в учреждениях послевузовского образования Министерства образования (45,4% в 2018 г.), а на долю научных организаций НАН Беларуси приходится только 15,7% от общей численности докторантов по республике [6, с. 124].

Система подготовки научных кадров высшей квалификации в НАН Беларуси на сегодняшний день показывает, что тот комплекс государственных мер, реализуемый с целью привлечения талантливой молодежи в науку, является недостаточным и не может полностью решить вопросы с научными кадрами высшей квалификации в научной сфере. Необходимо отметить, что в целях стимулирования научно-педагогической деятельности Указом Президента Республики Беларусь от 18 октября 2019 г. № 386 «О стимулировании научной деятельности и совершенствовании оплаты труда» с 1 сентября 2019 г. увеличены стипендии аспирантов – на 265,6 рубля (с 312,8 до 578,4 рубля), а

размеры стипендии докторантов на 513,4 рубля (с 424,8 до 938,2 рубля). Данная мера, конечно же, направлена на повышение привлекательности как аспирантуры, так и докторантуры среди научных работников, однако какой эффект такая материальная поддержка окажет на результативность деятельности системы подготовки кадров высшей квалификации, пока оценить трудно, т.к. не решена проблема последующего удержания кадров в научных организациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2019 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2020. – С. 378–386.
2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2012 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2013. – С. 255–262.
3. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2013 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2014. – С. 265–266.
4. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2015 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2016. – С. 261–290.
5. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2017 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2018. – С. 227–232.
6. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2018 года: Аналитический доклад / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2019. – С. 116–128.

УДК 001.007:314.7 (470+571+476)

МИГРАЦИОННЫЕ ПАТТЕРНЫ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ (ПО ДАННЫМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕФЕРАТИВНЫХ БАЗ ДАННЫХ)

Юревич М.А.

*научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Россия)*

Пушкевич С.А.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

В настоящее время большинство научных статей в рецензируемых журналах агрегируется на международных реферативных базах данных, таких как Scopus или Web of Science (WoS), чем значительно облегчает контент-анализ больших массивов, группируемых по заданным заранее признакам. А это значит, что становится возможным исследование таких баз данных с целью отследить, как менялось отнесение учёных самих себя к отечественным либо к иностранным научным организациям и, соответственно, к отечественной науке или к зарубежной и на основе этого – сделать предположения и выводы о их миграции за рубеж либо возвращении на родину. Искомыми признаками для проводимого контент-анализа в данном случае будут автор, научная организация, с которой он себя соотносит (аффилирует) и страна, к которой эта организация, а значит, и автор, в ней работающий, относится.

Исследование миграционных паттернов научных кадров в России и Беларуси проводилось молодыми учеными Финансового университета при Правительстве Российской Федерации совместно с коллегами из Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Основная гипотеза совместного исследования строилась на предположении, что, если ученый на протяжении нескольких лет публиковался как сотрудник отечественных (т.е. белорусских, российских) организаций, а затем имел аффилиацию с зарубежными учреждениями, то он мигрировал за рубеж и осуществляет основную научную деятельность за пределами Беларуси/России. Чтобы минимизировать возможность точечных международных взаимодействий, варианты работы на временных ставках и просто ошибок в исходных данных, публикации от зарубежных научных учреждений и университетов должны наблюдаться не менее чем три года. Также рассматривались варианты возвращения ученого в Беларусь/Россию, если в последние годы он снова стал указывать в публикациях принадлежность к белорусским/российским организациям.

Совместное социологическое исследование миграционных паттернов белорусских и российских ученых проводилось с использованием аналитической надстройки InCites платформы Web of Science (далее – WoS). Это позволило, базируясь на библиометрической информации международных

реферативных баз данных, собрать необходимые сведения о миграционных потоках и научных диаспорах как Беларуси, так и России.

Для выявления белорусских и российских ученых, имеющих признаки миграции любых форм (постоянной, временной и т.д.), использовалась библиографическая информация из базы данных (далее – БД) Web of Science (далее – WoS). Исходную выборку для анализа составили публикации, изданные в период с 2008 по 2018 г. и имеющие хотя бы одного автора с аффилиацией (отнесением) к Республике Беларусь или Российской Федерации, т.е. к отечественным научным и научно-образовательным учреждениям. Конфигурация запроса: указатели (индексы): SCI-EXPANDED, SSCI, A&HCI; тип публикаций – article (т.е. статья).

Для того, чтобы выборки по Беларуси и России были сопоставимы, было принято совместное решение по Беларуси учитывать информацию по всем областям наук, а по России взять какую-либо одну из крупных областей. Выбор пал на социальные науки. Исходную выборку для анализа составили публикации, изданные в период с 2008 по 2018 г. и имеющие хотя бы одного автора с аффилиацией (отнесением) к Республике Беларусь или Российской Федерации - 13,5 тыс. статей российских авторов по социальным наукам и 12,2 тыс. статей белорусских авторов по всем областям науки.

Из выборки 969 российских и 964 белорусских авторов было выделено несколько групп белорусских и российских ученых, различающихся по моделям мобильности, которые были затем сгруппированы по миграционным паттернам:

1. Паттерн безвозвратной миграции. Характерен для 20,3% российских и 12,4% белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. В рамках обследуемого временного периода (2008-2018 гг.) такие ученые сначала несколько лет указывали аффилиацию с отечественными организациями, а затем с иностранными. Некоторые (6,1% российских авторов) продолжали указывать в статьях отнесение и к отечественным научным организациям в знак признательности, в том числе потому, что формально это было необходимо. Представители ученых, для которых оказался характерен указанный миграционный паттерн, успешно вписались в зарубежную науку и ориентированы на постоянную работу в принимающей стране либо реэмиграцию в другие страны. К наиболее популярным страновым направлениям миграции среди российских ученых, работающих за рубежом, относятся США, Германия, Англия, Канада, Франция, Нидерланды и страны Северной Европы, среди белорусских – Россия, США, Германия.

2. Паттерн циркулярной миграции. Характерен для 74,6% российских и 46,2% белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. В данную группу попали ученые, либо активно взаимодействующие с зарубежными коллегами, либо совмещающие работу в нескольких научных организациях, в том числе зарубежных, а также участвующие в программах академического обмена и работающие по временным контрактам в зарубежных институтах, и молодые ученые, направленные на стажировку. Означенный миграционный паттерн имеют и те ученые, которые не планировали либо не смогли закрепиться в зарубежных научных организациях и вернулись на родину. Последнее характерно для 2,9% российских исследователей, попавших в выборку исследования: в первые годы анализируемого периода у них выходили статьи с аффилиацией с российскими организациями, затем – с зарубежными, а в последние годы взятого интервала – снова стали выходить с российскими. Сюда же относятся ученые, опубликовавшие только одну работу за рубежом за рассматриваемый период (33,0% из попавших в выборку). Данную когорту могут составлять российские ученые, имевшие краткосрочные/эпизодические научные контакты с иностранными коллегами, например, в рамках стажировок.

3. Паттерн транснациональной миграции. Для транснациональной миграции характерно постоянное движение мигранта между разными национальными пространствами, повседневными мирами, финансовым участием в экономике страны исхода и экономической активностью в принимающем государстве. Данный миграционный паттерн характерен для 14,5% белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. Они ведут перекрёстную публикационную деятельность, как в России, так и в Беларуси на протяжении нескольких лет или с определенной периодичностью.

4. Паттерн возвратной миграции. Характерен для 4,3% белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. Они в 2008-2018 гг. работали в зарубежных научных центрах, но в последние годы стали публиковать статьи с аффилиацией к Беларуси. Это позволяет предположить, что среди привлеченных в Беларусь научных кадров есть возобновившие научное сотрудничество представители белорусской диаспоры, а также иностранные ученые.

По результатам совместного исследования можно заключить, что для белорусских ученых в большей степени характерны паттерны циркулярной и транснациональной миграции, в меньшей

степени – паттерн безвозвратной миграции; для российских – паттерны циркулярной и безвозвратной миграции.

Исследование проводилось в рамках совместного проекта по гранту Российского фонда фундаментальных исследований и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 19-511-04002, грант БРФФИ №Г19РМ-028).

УДК 316:47

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОРИЙ

Яковлева В.В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь)*

Современная социогуманитарная область знания имеет широкий спектр своих интересов, включая, на первый взгляд, даже естественно-научные категории. Человеческая сексуальность представляет собой не просто набор сексуальных стимулов и реакция в некой бинарной поведенческой форме (мужчина-женщина, гомосексуальность-гетеросексуальность), а сложную исторически конструируемую систему объективаций культурсоциальных отношений людей в сексуальной плоскости.

Достижением в развитии философско-социологической мысли стало теоретико-методологическое разделение в понимании сексуальности и пола (вернее, гендера) на эссенциалистский и конструктивистский подходы. Так, основу *эссенциалистского* понимания сексуальности и гендера составляет идея о том, что форма(ы) сексуального поведения являются сущностно неизменными, имеющими некую первоначальную истинную природу и механизм функционирования. *Социальные конструктивисты*, как теоретико-методологическая оппозиция эссенциалистам, выдвигают идею о конструировании пола (гендера) и сексуальной идентичности как продуктов человеческой культуры, передающиеся в первую очередь через *язык* (поскольку наиболее влиятельными для данного подхода считают работы М. Фуко, И. Гофмана и представителей этнометодологии). Тогда важное значение приобретает приписывание смыслов и их распределение, что делает всю систему человеческой сексуальности плюралистичной [3].

В защиту эпистемологической позиции о вариативности сексуальных идентичностей, а не о нормативных-ненормативных моделях сексуального поведения, можно привести следующий антропологический пример. И.С. Кон, описывая основные типы гомосексуальных отношений в истории, отмечает институционализированные разновозрастные отношения мальчиков-подростков и мужчин у народов Новой Гвинеи и Меланезии, где мальчики проходят инициацию во взрослый мир посредством вступления в закрытое мужское сообщество, где практикуются регулярные сексуальные действия [2]. Таким образом, для некоторых народов на институциональном уровне предполагалась мужская бисексуальность, не носившая табуированный характер, что доказывает культурсоциальную форму сексуального поведения, которая не является производной от сущностной бионормы.

Исследование гомосексуальности с целью поиска ответа на фундаментальный вопрос о сущности феномена: гомосексуальность – это вариант многообразия человеческой сексуальности или перверсия? С позиции социогуманитарного знания ответ прост – это равноправный тип из спектра сексуальностей. Обоснованием того является не только доминирование теорий социального конструктивизма (символический интеракционизм, этнометодология, материалистический феминизм и т.д.), но осознание наукой социокультурной реальности как воспроизводимой, рефлексивной, условной, ризоморфной и индетерминированной.

Цель данной работы – апробация теоретического материала на белорусской реальности посредством проведения контент-аналитического исследования гомосексуальных юношей и девушек, чтобы выявить различия мужской и женской гомосексуальности. Эмпирическую основу составляют 20 биографических историй ЛГБТК-белорусов, опубликованных на платформе MAKEOUT (белорусский онлайн-журнал про гендер и сексуальность) [4]. В качестве основания для социологической концептуализации гомосексуальности в конкретном исследовании выступили следующие категории [1]:

- *гомосексуальность* – предпочтение сексуального партнера собственного пола; это понятие описывает всё сексуальное поведение индивида - от разнообразия физических практик до соотношения числа партнёров;
- *гомосоциальность* – ориентация на общение с лицами собственного пола. Ее главный индикатор – круг социального общения индивида (Модифицируемой формой понятия может выступать *квир-социальность* – ориентация на общение с представителями ЛГБТК-сообщества.);
- *гомофилия* – эмоциональное тяготение преимущественно к лицам собственного пола, не имеющее выраженного эротического характера; это психологический, аспект "поведенческой" гомосоциальности;
- *гомоэротизм* – сексуально-эротическое влечение преимущественно к лицам собственного пола; это психологический аспект гомосексуальности.

Социально-демографический портрет исследуемых авторов выглядит так: ½ часть авторов (10 человек) в возрасте 20-25 лет, 5 человек – в возрасте 26-30 лет и 5 человек – в возрасте 31 и более лет. Почти все авторы (18 из 20) являются цисгендерными (гендерная идентичность соответствует их генитальному полу), а двое находятся в изучении своей гендерной идентичности. В выборку попали преимущественно гомосексуалы – 17 человек, лишь один пансексуал (лицо, испытывающее романтическое и/или сексуальное влечение к людям вне зависимости от гендерной идентичности другого) и бисексуал, а также один автор находится на границе осознания гомо- или бисексуальной идентичности.

Результаты исследования можно представить в виде следующих подтвердившихся гипотез-тезисов:

1. *Девушкам чаще свойственен гомофилический характер (романтическая привязанность против сексуального возбуждения) проявление сексуальной идентичности по сравнению с юношами.* Так, 8 девушек из 10 упомянули о том, что осознали свою би-/гомосексуальность, когда впервые влюбились в девушку. Пятеро юношей подтвердили, что их гомосексуальность проявилась как случайное сексуальное возбуждение на другого представителя их пола. Сексуальное проявление идентичности у мужчин может свидетельствовать об фаллоцентрическом дискурсе мужского сообщества и культуры.

2. *Юноши осознают свою сексуальную ориентацию в более раннем возрасте по сравнению с девушками.* Более ½ части юношей испытали опыт сексуального возбуждения как маркера их сексуальной идентичности в пубертатном возрасте (10-14 лет), а 5 девушек - гомосексуальную влюбленность в возрасте 14-18 лет или позднее.

3. *Девушки чаще имеют гетеросексуальный опыт романтических или сексуальных отношений по сравнению с юношами.* Так, 5 из 10 девушек отметили, что состояли в романтических отношениях с парнями, в то время как лишь один юноша был включен в отношениях полтора года и один – сходил на свидание.

4. *Интернальный гомонегативизм чаще проявляется у юношей по сравнению с девушками* (прим., отрицательное, негативное отношение к своей идентичности, неприятие ее) [5]. Так, 2 юношей и 4 девушки отметили, что испытали ненависть к себе и своей сексуальной идентичности, а также некоторые из них и внешний гомонегативизм к ЛГБТК-людям. Можно предположить, что более частая гомонегативность у мужчин – это результат жестких маскулинных норм и последующих санкций, выдвигаемых мужским сообществом в отношении МСМ.

5. *Камин-аут совершается чаще перед друзьями, чем перед семьей/родственниками.* Так, 19 из 20 (кроме одной девушки) совершили камин-аут перед своими друзьями, а больше половины (5 девушек и 7 юношей) – перед своей семьей, при этом 3 девушки и один юноша – не планируют открываться.

6. *Ухудшение отношений с семьей после камин-аута наблюдается чаще у юношей по сравнению с девушками.* Так, у 5 юношей после камин-аута испортились отношения с семьей и только у одной девушки, что может свидетельствовать о более жестких и ригидных нормах мужского поведения и соответствующих санкциях по поводу их «нарушения».

7. *Квирсоциальный круг общения чаще склонны поддерживать юноши по сравнению с девушками.* Из числа проанализированных историй только 4 мужчин упомянули, что ограничили свой круг общения геями или представителями ЛГБТК-сообщества. Можно предположить, что квир-сегрегация является результатом преодоления внутреннего гомонегативизма и типом социального окружения юношей. Также в связи с более частым неприятием семьей своих гомосексуальных сыновей, они склонны замещать семейные связи дружескими и ограничивать круг общения людьми, лояльными к ЛГБТК-сообществу и, зачастую, включенными в него.

8. Юноши чаще склонны проявлять ЛГБТК-активизм и включенность в ЛГБТК-движение, чем девушки. Так, 7 юношей и только 3 девушки включены в активизм. Результатом этого может являться предыдущий тезис и сознательная сегрегация гомосексуальных мужчин в ЛГБТК-сообществе от гетеросексистов (лиц, считающих гетеросексуальность единственно естественной и универсальной характеристикой), а также преодоление жестких гетеронормативных норм в отношении мужчин посредством просветительской деятельности.

9. Мужские романтические союзы более устойчивы по сравнению с женскими. На момент публикации историй 4 мужчин и одна девушка состояли в длительных романтических отношениях. Важно отметить, что многие девушки не указывали свой актуальный статус в отношениях и/или не упоминали про свои отношения в целом, в то время как почти все мужчины указывали продолжительность прошлых и настоящих отношений. Существует гипотеза, что геи способнее строят и сохраняют романтические отношения, поскольку полиаморность и склонность к открытым отношениям для них более «свойственна» (инкультурируемая норма) и за счет этого понимания эмоциональный климат между партнёрами долго сохраняется благоприятным. Женские союзы считаются менее устойчивыми в силу большей разнородности поли-/моноаморных установок, вследствие чего повышается конфликтная среда.

10. Маркерами сексуальной идентичности при описании себя чаще склонны пользоваться юноши («гей/квир») по сравнению с девушками («лесбиянка»). Все мужчины в историях при описании себя использовали слово «гей», а 6 девушек – «лесбиянка». Некоторые девушки в отношении себя использовали словосочетание «гомосексуальная женщина», что может являться результатом нежелания использовать клишированные маркеры идентичности, которые не являются настолько фундаментальными для них, как у мужчин, по причине более гибких культурсоциальных регуляторов.

Результаты данного исследования демонстрируют различия мужской и женской гомосексуальности, таким образом показывая многообразие паттернов поведения у ЛГБТК-людей. Эти различия доказывают, что даже «неконвенциональное» гомосексуальное поведение воспроизводится в рамках определённого культурного поля лишь с разницей в субъектах действий. В свою очередь, нормализация гомосексуальности посредством углубленного изучения данной проблематики минимизирует социальную конфронтацию и напряжение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кон И.С. Гомосоциальность и гомосексуальность. О природе мужского общения // Сексология. Персональный сайт И.С. Кона. [Электронный ресурс]. – 2000. – URL: <http://www.neuronet.ru/sexology/publ021.html> (дата обращения 22.10.2020).
2. Кон И.С. Любовь небесного цвета. - СПб.: Продолжение Жизни, 2001. – 384 с.
3. Brickell С. The sociological construction of gender and sexuality // The sociological review foundation. – 2006. - №1. – P. 87–113.
4. MAKEOUT. Журнал про гендер и сексуальность [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://makeout.by/out> (дата обращения 22.10.2020).
5. Simon Rosser B.R., Bockting W.O., Ross M.W., Miner M.H., Coleman E. The relationship between homosexuality, internalized homo-negativity, and mental health in men who have sex with men // Journal of Homosexuality. – 2008. - № 55(1). – P. 150–168.

УДК 316

ИНДИКАТОРЫ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УЧРЕЖДЕНИИ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Яцкевич А.К.

*заместитель директора по учебной работе, Гимназия № 7
магистрант, ГрГУ им. Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)*

Одной из важнейших задач, реализуемых администрацией и педагогическим коллективом любого отечественного учреждения образования, является обеспечение качества образования, получаемого учащимися [1, с. 32]. Данная задача имеет не только непосредственное практическое измерение, но и является предметом научного изучения. Социология исследует вопросы качества образования на двух уровнях научного анализа: теоретическом и эмпирическом, исходя как из

объективных, так и из субъективных его показателей. Особенностью социологического анализа качества образования является возможность определить состояние и динамику его показателей, удовлетворенность им разных социальных групп, выявить доминирующие мотивы получения образования и отношение к возможным способам их реализации.

В современном обществе высокие показатели качества образования являются залогом успешного развития учреждения образования и его высокой конкурентоспособности на рынке данного вида услуг. Качество образования – это свидетельство и результат максимально полной самореализации педагога в избранной им сфере профессиональной деятельности. Наконец, качество образования – это перспективная предметная область исследований в условиях усиления интеграции системы образования, науки и производства. [2, с.71]. В настоящей статье под качеством образования понимается соответствие результатов образовательной деятельности субъекта (учреждения общего среднего образования) требованиям государственных стандартов и запросам участников образовательного процесса.

Измерить качество образования можно с помощью ряда индикаторов. Индикатор – это оценка степени и частоты соответствия устойчивым требованиям. Под индикатором качества мы понимаем показатель, который помогает оценить разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть. Индикаторы качества помогают определить текущее положение, а также соотношение улучшений и изменений. Они позволяют работать с измеряемыми критериями устойчивых требований [3].

В качестве индикаторов качества образования, характеризующих основные аспекты оказываемых образовательных услуг, в учреждении среднего образования могут выступать следующие (на примере государственного учреждения образования «Гимназия № 7 г. Гродно»):

- количество учащихся: на протяжении ряда последних лет количество учащихся гимназии постоянно увеличивается (2018/2019 – 783, 2019/2020 – 792, 2020/2021 – 838);
- количество оказываемых гимназией образовательных услуг (ноябрь 2017/2018 – 2 017,00 BYN, ноябрь 2018/2019 – 3 064,00 BYN, ноябрь 2019/2020 – 4 657,00 BYN),
- стабильность кадрового состава. Текучесть педагогических кадров отсутствует. Кроме того, сохраняется тенденция закрепления молодых специалистов по месту работы;
- степень удовлетворенности родителей и законных представителей учащихся качеством образования в гимназии. По результатам сплошного опроса, проведенного в гимназии в апреле 2020 года (в опросе приняли участие 665 человек) 70% респондентов удовлетворены организацией учебного и воспитательного процесса в гимназии; 76% удовлетворены режимом работы гимназии и возможностью для ребенка получить в гимназии знания в соответствии с его склонностями и способностями; 84% опрошенных отметили наличие в гимназии необходимых условий для развития творческих способностей учащихся; 80% отметили готовность учащихся делиться с родителями своими школьными впечатлениями;
- социальное партнерство, нацеленное на повышение качества и эффективности образования, т. е. улучшение тех показателей деятельности, которые являются основополагающими. Анализ взаимодействия Гимназии № 7 с учреждениями высшего образования города (УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», УО «Гродненский государственный аграрный университет») показал, что социальное партнерство помогает накапливать и передавать опыт как образовательного сообщества, так и его партнеров, позволяет действовать эффективно и успешно, имея в виду приоритетную перспективу, общую для всех партнеров, эффективно координировать совместную деятельность с ясным пониманием своей ответственности;
- удовлетворенность межличностными отношениями в учреждении образования и условиями образовательной среды: 90 % опрошенных удовлетворены отношениями, складывающимися в коллективе. Оценивая стиль руководства, 79 % определили его как коллегиальный, 21 % – как директивный.
- делегирование полномочий. В процессе управления гимназией ведущими являются гуманитарный и компетентностный подходы. Гуманитарный подход, основанный на доверии, обеспечивает возможность максимально полной самореализации педагогов учреждения образования, компетентностный подход предполагает коллективное принятие решений, передачу части полномочий коллективу, то есть переход с вертикального управления на горизонтальный [4]. Это дает возможность использования такого ресурса как делегирование полномочий. Главная практическая ценность делегирования полномочий состоит в том, что это способствует повышению уровня ответственности педагогических работников, повышает степень собственной значимости и мотивации к работе;
- активность и продуктивность педагогической деятельности, проявляющаяся в желании учителей повысить квалификационную категорию, в трансляции эффективного педагогического

опыта, о чем свидетельствует участие в проблемных и обучающих семинарах различного уровня (2018/2019 – 7, 2019/2020 – 13), а также увеличение количества подготовленных педагогами гимназии публикаций в различных изданиях (2017/2018 – 10, 2018/2019 – 11, 2019/2020 – 19);

- готовность педагогического коллектива к внедрению инноваций, освоению новшеств. Результаты сплошного опроса членов педагогического коллектива показали, что учителя гимназии постоянно занимаются самообразованием (89 %), готовы к новым идеям, многие видят перспективы своей деятельности, прогнозируют их (76 %). Кроме того, готовность коллектива к инновациям подтверждает имеющийся опыт реализации инновационных проектов: «Внедрение модели дистанционного обучения в учебный процесс гимназии с целью повышения качества образования учащихся и развития профессиональной культуры педагогов» (2005-2011), «Внедрение модели политехнической подготовки учащихся как одного из компонентов образовательного пространства, способствующего самоопределению и самореализации личности в социуме» в рамках республиканского проекта «Внедрение модели системно-модульного обеспечения профориентационного компонента современной образовательной среды» (2012-2015), «Внедрение модели формирования медиакультуры учащихся в условиях современного информационного общества» (2015-2018), «Внедрение модели эффективного управления гимназией в современных условиях» (2018-2021).

В целом, существует значительный перечень индикаторов качества образования. В данной статье были рассмотрены некоторые из них, наиболее полно отражающие содержание образовательного процесса в гимназии. Условием его эффективного осуществления и повышения конкурентоспособности гимназии на современном рынке образовательных услуг служит постоянный и системный анализ различных аспектов деятельности, который следует проводить в мониторинговом режиме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании 13 января 2011 г. № 243-З: Принят Палатой представителей 2 декабря 2010 года. Одобрен Советом Республики 22 декабря 2010 года. – Мозырь: Белый ветер, 2011. – 379, [1] с.
2. Мацкевич, С.А. Менеджмент в системе образования: теория и практика инновационной подготовки профессионалов / Науч. ред. А.Н.Мирошниченко. – Минск: И.П.Логвинов, 2011. – 260 с.
- 3.Тотальное управление качеством [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://www.cfin.ru/management/iso9000/tqm/qualityindicators.shtml> (дата обращения 30.10.2020).
4. Иноятов, У. И. Индикаторы оценки качества деятельности образовательных учреждений [Электронный ресурс]. – 2020. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indikatory-otsenki-kachestva-deyatelnosti-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения 30.10.2020).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ, АКАДЕМИКА ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА ГУСАКОВА.....	3
ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	4
Бабосов Е. М. АНТРОПОЦЕНТРИРОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	4
Данилов А.Н. ИСТОКИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛАРУСИ	8
Сизова И.Л. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	12
СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ.....	16
Аветян Н.С. ДИАСПОРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	16
Баластрик Л.А., Чумаченко О.Г. ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМУМА	18
Безнюк Д.К. УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	20
Белькевич П.В. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К СОЦИОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ	22
Богущ Т.А. СОЦИАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ ДЕВИАНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ.....	24
Бровчук Н.М. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБВЕНИЯ	27
Дубовик Е.А. СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	29
Колядко И.Н. ФЕНОМЕН КРИЗИСА И ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ	32
Леонов Н.Н. БАЙЕСОВСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ	34
Лойко А.И. СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И НОВЫЕ ФАКТОРЫ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ.....	35
Малиновская М.А. САМОУБИЙСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОСТИ (ПО РАБОТЕ Э. ДЮРКГЕЙМА «САМОУБИЙСТВО. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД»).....	37
Мушинский Н.И., Вайнилович Э.Г. СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.....	38
Николенко Н.А., Байша Н.С. МИР ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРЫ КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ.....	41
Ратникова И.М. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ.....	43
Рыжко Л.В. «ЗНАНИЯ НА ЗАКАЗ» – ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ.....	45
Сельченко Е.К. КОНТР-КОНТРСУГГЕСТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП.....	48
Скакун Е.В. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СРЕДНЕМ КЛАССЕ В ТЕОРИЯХ К. МАРКСА, М. ВЕБЕРА, П. СОРОКИНА	49

Ставский В.Н. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	52
Старжинский В.П., Кравченко Д.В. ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ С ПОЗИЦИЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....	54
Сташис В.О. ТЕОРИЯ «СОЦИАЛЬНОГО МИФА».....	56
Шашкевич А.А. ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ.....	59
Сухотский Н.Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ БЕЛАРУСИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	61
Терёхин Е.Л. ФЕНОМЕН МАКДОНАЛЬДИЗАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	64
Шавердо Т.М. ПОНЯТИЕ ГРАНИЦЫ В СОЦИОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВА Г. ЗИММЕЛЯ.....	66

СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА И ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ.....

Артёменко-Мельянцова Е.К. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ БЕЛАРУСИ.....	68
Базюк Е.В. ПОЛОЖЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ.....	70
Балич Н.Л. РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ.....	72
Баханов А.Г. РЕЦИПРОКНОСТЬ В ПОТРЕБЛЕНИИ.....	74
Бедулина Г.Ф. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ.....	75
Болдырев А.С. ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	78
Воронина С.Н. МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	80
Галич Л.П. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА».....	82
Голякова И.В., Карпиевич В.А., Сергеев В.Н. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ COVID-ОГРАНИЧЕНИЙ СТУДЕНТАМИ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ.....	84
Грак С.С., Мятникова И.В., Сахарова Е.В. РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД COVID-19.....	86
Зайцев А.С. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	89
Кавецкий С.Т. ОСОБЕННОСТИ АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ СОЦИУМЕ.....	91
Кармызова Д.Д. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	93
Карпиевич В.А., Крижановская А.В. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА.....	96
Кириенко В.В., Клейман В.В. СТРАТЕГИИ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.....	98
Киселев А.А. УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ПОЛИЦИИ И СУДАМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	100
Костюкевич С.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.....	102
Крывалап А.Д. ЭСТЭТЫЧНАЕ ПЕРААСЭНСАВАННЕ САВЕЦКАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ СРОДКАМІ КРЭАТЫЎНЫХ ІНДУСТРЫЙ.....	104

Кудревич М.А. ГЕРМЕНЕВТИКА БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ: ОТ КОНЧЕВСКОГО К АБУШЕНКО	105
Курбачёва О.В. ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА.....	107
Курилович Н.В. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	109
Мартищенко Е.В. ОЦЕНКИ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЕРТОВ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР ПО ВОПРОСАМ ИНФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И НАДЗОРОМ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ ВСЕХ ТЕХНИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ БЕЛОРУССКОЙ АЭС.....	111
Морозова Н.Н. ГЕНДЕРНАЯ ЭКОНОМИКА И РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ.....	114
Мысливец Н.Л. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И НОВЫЕ ИГРОКИ НА ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	116
Надольская В.И. «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ.....	119
Назарова Д.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАБОТЫ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ЧАЭС: ОПРОС ЭКСПЕРТОВ В МАЕ-ИЮНЕ 2020 ГОДА	120
Орлов П.Н. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛАРУСИ	123
Пилипенко Е.В. ПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ В ДИСКУРСЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК.....	126
Пинчук И.В. МОЛОДЕЖЬ В ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: СПЕЦИФИКА РАБОТЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ	127
Подгайская Л.И. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В БЕЛОРУССКОЙ ИТ-СФЕРЕ.....	130
Подгайский Ф.А. МАРКЕТИНГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ	132
Поклад Е.А. СПЕЦИФИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	134
Посталовская О.А. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	137
Посталовский А.В. МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ФОКУСЕ.....	139
Похомова А.А. ПРОБЛЕМА СТАРЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	141
Салтанович И.П. ИГРА КАК ИНСТРУМЕНТ «ГЕЙМИФИКАЦИИ» ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ	144
Сарна А.Я. СОЦИАЛЬНЫЙ ИНЖИНИРИНГ И МЕДИАТИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.....	146
Семёнова А.В. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Р. ИНГЛХАРТА ...	147
Симхович В.А. НЕФИНАНСОВАЯ (СОЦИАЛЬНАЯ) ОТЧЕТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА.....	150
Сосновская Н.А. ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К СОБЛЮДЕНИЮ ЗАЩИТНЫХ МЕР НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ЧАЭС: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ	152
Стасюкевіч К. М. ПРАФЕСІЙНАЯ АДАПТАЦЫЯ ПЕДАГОГАЎ ЯК ПРАБЛЕМА БЕЛАРУСКАЙ СІСТЭМЫ ПАДРЫХОЎКІ АДУКАЦЫЙНЫХ КАДРАЎ.....	155

Толстяк Т.А. ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ ПЕДАГОГА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	157
Фаблинова О.Н. ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ГИБКИЕ НАВЫКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ.....	159
Хамутовская С.В. ДОСТУПНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ ОНЛАЙН КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ.....	162
Харитонов И.Н. АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ.....	164
Цыбульская Н.В. ТОЛЕРАНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ К УЯЗВИМЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ГРУППАМ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	164
Черняк Ю.Г. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ О ПРОБЛЕМЕ НАРКОТИЗАЦИИ.....	167
Шевчик Д.О. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ КРЕАТИВНОГО КЛАССА.....	169
Шкурова Е.В. АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ.....	170
Шухатович В.Р. СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЦИФРОВОГО ЛИДЕРСТВА СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....	173
Щёкин Н.С. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ДИАЛОГА ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В БЕЛАРУСИ.....	174
Яковлева Н.И. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ.....	176
Ярмусик Э.С. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ БЕЛАРУСИ В СОЦИАЛЬНО – ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	177

СЕКЦИЯ 3. ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ.....

Артюхин М.И., Пушкевич С.А. ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ АДРЕСНОЙ ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТЛИВОЙ НАУЧНОЙ МОЛОДЕЖИ.....	181
Барановский Н.А. ДЕТЕРМИНАНТЫ И МЕХАНИЗМЫ НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ.....	183
Бессалова Т.В. ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПОДХОДА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ УКРАИНЫ.....	186
Богданик М.С., Кушнарев А.В. ПРИНЦИПЫ ЕДИНОНАЧАЛИЯ И КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ В ВОИНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ.....	188
Бороздих Н.В. ЗАПОЧАТКУВАННЯ ПОПУЛЯРИЗАЦІЇ НАУКОВИХ ЗНАНЬ В СВІТІ ТА В УКРАЇНІ.....	190
Вершок И.Л. ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД.....	192
Волков С.И. ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	194
Вологина Н.В., Минченя Е.А. ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ УНИВЕРСИТЕТА (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА).....	196
Вороненко А.И. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	199
Ворошень О.Г. ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ АСПИРАНТАМИ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ.....	201
Денисова Н.Ф. ЦЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ СРАВНЕНИИ (ПО МЕТОДИКЕ Ш. ШВАРЦА).....	203

Домбровский А.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ.....	206
Дубовик А.К. ИЗ ИСТОРИИ ХОЗДОГОВОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ БПИ-БНТУ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ БЕЛАРУСИ (1970–1980-Е ГГ.)	208
Злотников А.Г. МЕТОДОЛОГИЯ BIG DATA В СОЦИОЛОГИИ МИГРАЦИИ	210
Климович А.В., Крусъ П.П. ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ.....	213
Колик А.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	215
Красинец Е.С. ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА	217
Кривцун-Левшина Л.Н. СОЦИОЛОГИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА.....	220
Лазебник Л.Л. СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ НАМЕРЕНИЙ.....	222
Лебедева Е.В. ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «УМНЫХ ГОРОДОВ»	224
Литвякова К.В. ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	226
Лукашевич А.А., Мысливец Н.Л. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	228
Лученкова Е.С. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ.....	230
Максимук Е.Г. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЭФФЕКТИВНОГО КОНТРАКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	232
Миклашевич В.В. ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ COVID-19 НА ОБЩЕСТВО (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	234
Мусина Н.Е. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (БССР, 1920-Е ГОДЫ).....	236
Новицкая Т.В., Новицкий Е.Н. РОЛЬ СМИ В ПРОФИЛАКТИКЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	238
Онопrienко М.В. ЭФФЕКТЫ ПРОРЫВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ФОТОНИКИ В УКРАИНЕ И БЕЛАРУСИ	240
Орлова Н.С. ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	243
Островский С.Н. СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	244
Петров В.В. ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ ОТДЕЛЕНИЯ АГРАРНЫХ НАУК НАН БЕЛАРУСИ.....	246
Русак Е.Ю. ЖЕНЩИНЫ В БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	249
Рязанцева Т.В. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	251
Сивакова С.П., Смирнова Г.Д. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	253
Сичкаренко Г.Г. ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО.....	256

Соловей А.П. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	258
Титаренко Л.Г. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, МОДЕЛИ.....	261
Черевичный Г.С. НОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ	263
Шарый И.Н. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОПРОСОВ	265
Шевчук Н.Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ	268
Шелег А.В. КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ	271
Шершнёва Т.В. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.....	272
Шухно Е.В. КОНФЛИКТЫ В СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	274
Шушунова Т.Н. ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	276
Щурок Э.М. ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ	278
Юревич М.А., Пушкевич С.А. МИГРАЦИОННЫЕ ПАТТЕРНЫ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ (ПО ДАННЫМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕФЕРАТИВНЫХ БАЗ ДАННЫХ).....	281
Яковлева В.В. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОРИЙ.....	283
Яцкевич А.К. ИНДИКАТОРЫ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УЧРЕЖДЕНИИ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	285

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

**ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
К 30-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ НАН БЕЛАРУСИ**

Материалы Международной научно-практической конференции

г. Минск, 5-6 ноября 2020 г.

Подписано в печать 25.10.2018. Гарнитура Times.

Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 43,245. Уч.-изд. л. 38,25. Тираж 100 экз. Заказ 1201.

Унитарное предприятие «ДОНАРИТ».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий: № 1/289 от 17.04.2014.

Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, г. Минск ЧИУП «Белстан».